

Arizona Tepees

Антон Павлович Чехов

Том 27. Письма 1900-1901

(Полное собрание сочинений в тридцати томах #27)

Двенадцать томов серии — это своеобразное документальное повествование Чехова о своей жизни и о своем творчестве. Вместе с тем, познавательное значение чеховских писем шире, чем их биографическая ценность: в них бьется пульс всей культурной и общественной жизни России конца XIX — первых лет XX века.

Девятый том включает письма с января 1900 года по конец марта 1901 года.

<http://ruslit.traumlibrary.net>

Содержание

#1	0005
Письма	0006
1900	0006
1901 (январь-март)	0316
Чехову Ал. П., 20 мая 1900 *	0443
Комментарии	0444
Несохранившиеся и ненайденные письма (1900 — март 1901)	1308
Указатель имен и названий	1362
Иллюстрации	1456

Антон Павлович Чехов
Полное собрание сочинений
в тридцати томах
Том 27. Письма 1900-1901

А.П. Чехов. Фото Опитца. Май 1901 г.

Письма

1900

Книппер О. Л., 2 января 1900*

2991 . О. Л. КНИППЕР
2 января 1900 г. Ялта.

2 янв. 1900.

Здравствуйтесь, милая актриса! Вы сердитесь, что я так долго не писал Вам? Я писал Вам часто, но Вы не получали моих писем, потому что их перехватывал на почте один наш общий знакомый*.

Поздравляю Вас с новым годом, с новым счастьем. Желая Вам в самом деле счастья и кланяюсь Вам в ножки. Будьте счастливы, богаты, здоровы, веселы.

Мы живем ничего себе, много едим, много болтаем, много смеемся и о Вас вспоминаем очень часто. Маша расскажет Вам, когда вернется в Москву, расскажет, как мы проводили праздники.

Я не поздравляю Вас с успехом «Одиноких»*. Мне всё еще мерещится, что все вы приеде-

те в Ялту, что я увижу «Одиноких» на сцене и поздравлю Вас сердечно, по-настоящему. Я Мейерхольду писал и убеждал в письме не быть резким в изображении нервного человека*. Ведь громадное большинство людей нервно, большинство страдает, меньшинство чувствует острую боль, но где — на улицах и в домах — Вы видите мечущихся, скачущих, хватающих себя за голову? Страдания выражать надо так, как они выражаются в жизни, т. е. не ногами и не руками, а тоном, взглядом; не жестикуляцией, а грацией. Тонкие душевные движения, присущие интеллигент<ным> людям, и внешним образом нужно выражать тонко. Вы скажете: условия сцены. Никакие условия не допускают лжи.

Сестра говорит, что Вы чудесно играли Анну*. Ах, если бы Художественный театр приехал в Ялту!

В «Нов<ом> времени» очень похвалили вашу труппу*. Там перемена курса; очевидно, и в Великом посту будут хвалить* всех вас. В февр<альской> книжке «Жизни» будет моя повесть* — очень страшная. Много действующих лиц, есть и пейзаж. Есть полумесяц, есть

птица выпь, которая кричит где-то далеко-далеко: бу-у! бу-у! — как корова, запертая в сарае. Всё есть.

У нас Левитан*. На моем камине он изобразил лунную ночь во время сенокоса. Луг, копны, вдали лес, надо всем царит луна.

Ну-с, будьте здоровы, милая, необыкновенная актриса. Я по Вас соскучился.

Ваш А. Чехов.

А когда пришлете Вашу фотографию?
Что за варварство!

На конверте:

Москва. Ольге Леонардовне Книппер.

У Никитских ворот, д. Мещериновой.

**Пешкову А. М. (М. Горькому), 2 января
1900***

2992. А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)
2 января 1900 г. Ялта.

2 янв.

Драгоценный Алексей Максимович, с новым годом, с новым счастьем! Как поживаете, как себя чувствуете, когда приедете в Ялту?* Напишите поподробней. Фотографию получил*, она очень хороша, спасибо Вам большое.

Спасибо и за хлопоты насчет нашего попечительства о приезжих*. Деньги, какие есть или будут, высылайте на мое имя или на имя Правления Благотворительного общества — это всё равно.

Повесть в «Жизнь» уже послана*. Писал ли я Вам, что Ваш рассказ «Сирота»* мне очень понравился и что я послал его в Москву превосходным чтецам? На медицинском факультете* в Москве есть профессор А. Б. Фохт, который превосходно читает Слепцова. Лучшего чтеца я не знаю. Так вот, я ему послал Вашего «Сироту». Писал ли я Вам, что мне очень понравился в Вашем третьем томе* «Мой спутник»? Это такой же силы, как «В степи». Я бы на Вашем месте из трех томов выбрал лучшие вещи, издал бы их в одном рублевом томе* — и это было бы нечто в самом деле замечательное по силе и стройности. А теперь в трех томах как-то все переболталось, слабых вещей нет, но впечатление такое, как будто эти три тома сочинялись не одним, а семью авторами — признак, что Вы еще молоды и не перебрадили.

Черкните два-три словечка. Жму крепко

руку.

Ваш А. Чехов.

Средин Вам кланяется. Мы, т. е. я и Средин, часто говорим о Вас. Средин Вас любит. Его здоровье ничего себе.

Худекову С. Н., 7 января 1900*

2993. С. Н. ХУДЕКОВУ
7 января 1900 г. Ялта.

7 янв. 1900 г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Гонорар за новогодний рассказ «На святках» я получил*, благодарю Вас; рассказа же — увы! — не получил, и теперь повторяю мою покорнейшую просьбу — выслать мне номер, в котором был напечатан этот рассказ. «Петербургской газеты» здесь, в Ялте, не получает никто из моих знакомых, и волей-неволей приходится наскучать Вам.

Слухи о том, что зимой я буду в Петербурге, к сожалению, не достоверны*. Доктора не пускают меня. В этом году я чувствую себя лучше, чем в прошлом, но всё же еще нахожусь под опекой докторов.

Поздравляю Вас и Надежду Алексеевну с

новым годом и желаю Вам всего хорошего, а главное — здоровья.

Преданный А. Чехов.

Прусику Б., 8 января 1900*

2994. Б. ПРУСИКУ
8 января 1900 г. Ялта.

Многоуважаемый Борис Федорович, благодарю Вас за память обо мне и внимание* и, в свою очередь, поздравляю Вас с новым годом, с новым счастьем и желаю всего хорошего. Я живу в Ялте, мой адрес прост: Ялта. Проживу я здесь до мая.

Буду с нетерпением ожидать обещанной Вами «Чайки»*, а пока позвольте еще раз поблагодарить Вас и пожелать всего хорошего.

Преданный А. Чехов.

8 января.

На обороте:

Австрия. Прага. Autriche. Prague.

Monsieur B. Prousik. IV. Palackého nám. 357.

Суворину А. С., 8 января 1900*

2995. А. С. СУВОРИНУ
8 января 1900 г. Ялта.

8 янв.

С новым годом, с новым счастьем! Праздники прошли, сегодня я проводил гостей, остался опять один* — и хочется писать письма. Поздравляю Вас и желаю всего хорошего — здоровья, многолетия. Кланяюсь Анне Ивановне, Насте и Боре и шлю им пожелания из глубины сердца; кланяюсь и той неизвестной, которая написала мне письмо на Вашей почтовой бумаге* (с вензелем А. С.) и не подписалась. Мое здоровье недурно, я чувствую себя лучше, чем в прошлом году, но всё же доктора не пускают меня из Ялты. А этот милый город надоел мне до тошноты, как постылая жена. Он излечит меня от туберкулеза, зато состарит лет на десять. Если поеду в Ниццу, то не раньше февраля*. Пописываю помаленьку; недавно послал большой рассказ в «Жизнь». Денег мало, всё, что до сих пор получил от Маркса и за пьесы, уже испарилось.

То, что Вы сообщаете о подписке на газеты, интересно. «Новости» падают, и это не удивительно. «Свет», очевидно, уже утратил значение самого дешевого органа. «Сев<ерный> курьер», правда, очень читается в провинции.

Если судить о кн. Барятинском по его газете*, то, признаюсь, я виноват перед ним, так как рисовал его себе далеко не таким, каков он есть. Газету его, конечно, прикроют, но репутация хорошего журналиста за ним останется надолго. Вы спрашиваете: почему «Сев<ерный> курьер» имеет успех? Потому что наше общество утомлено, от ненавистничества оно ржавеет и киснет, как трава в болоте, и ему хочется чего-нибудь свежего, свободного, легкого, хочется до смерти!

Вашу повесть* я, кажется, сдал в московский магазин для передачи Вам или забыл ее на своей москов<ской> квартире. Поищу и пришлю. А Вы пришлите мне Вашу пьесу, я возвращу Вам ее тотчас же по прочтении. Велите высылать мне «Историческ<ий> вестник» — кстати сказать, а если милость Ваша будет на то, то и календарь. В прошлом году я не имел Вашего календаря*. Пришлите в переплете.

Здесь я часто выдаюсь с акад<емиком> Кондаковым. Говорим о Пушкинском отделении изящной словесности*. Так как К<ондаков> будет участвовать в выборах будущих

академиков, то я стараюсь загипнотизировать его и внушить, чтобы выбрали Баранцевича и Михайловского. Первый, замученный, утомленный человек, несомненный литератор, в старости, которая уже наступила для него, нуждается и служит на конно-жел<езной> дороге* так же, как нуждался и служил в молодости. Жалованье и покой были бы для него как раз кстати. Второй же, т. е. Михайловский, положил бы прочное основание новому отделению, и избрание его удовлетворило бы 3/4 всей литературной братии. Но гипноз не удался, дело мое не выгорело. Добавление к указу — это точно толстовское послесловие к «Крейц<еровой> сонате». Академики сделали всё, чтобы обезопасить себя от литераторов, общество которых шокирует их так же, как общество русск<их> академиков шокировало немцев. Беллетристы могут быть только почетными академиками, а это ничего не значит, всё равно как почетный гражданин города Вязьмы или Череповца: ни жалованья, ни права голоса. Ловко обошли! В действ<ительные> академики будут избираться профессора, а в почетные академики

те из писателей, которые не живут в Петербурге, т. е. те, которые не могут бывать на заседаниях и ругаться с профессорами.

Мне слышно, как кричит муэдзин на минарете. Турки очень религиозны; у них теперь пост, они весь день ничего не едят. У них нет религиозных дам — сего элемента, от которого мельчает религия, как Волга от песку.

Вы хорошо делаете, печатая мартиролог русских городов, обойденных взяточниками-инженерами*. Вот что писал известный писатель Чехов в своей повести «Моя жизнь»:

Вокзал строился в пяти верстах от города. Говорили, что инженеры за то, чтобы дорога подходила к самому городу, просили взятку в пятьдесят тысяч, а городское управление соглашалось дать только сорок; разошлись в десяти тысячах, и теперь горожане раскаивались, так как предстояло проводить до вокзала шоссе, которое по смете обходилось дорожке.

Инженеры-путейцы мстительные люди. Откажите им в пустяке, и они будут мстить Вам всю жизнь — и это по традиции.

Спасибо Вам за письмо, спасибо за снисхождение. Крепко жму руку и кланяюсь.

Ваш А. Чехов.

Чеховой М. П., 10 января 1900*

2996. М. П. ЧЕХОВОЙ
10 января 1900 г. Ялта.

Милая Маша, похлопочи насчет «Новостей дня»*, напиши, как здоровье Е. З. Коновицера*. Погода у нас солнечная, теплая; сегодня шел дождь, как в мае, теплый.

Лампу купи лишь в том случае, если ее можно выслать по почте. Всё благополучно, мать здорова. И ты будь здорова. Кланяйся замечательной актрисе* и всем.

Твой Antoine.

11 янв.

На обороте:

Москва. Марии Павловне Чеховой.

Мл. Дмитровка, д. Шешкова.

Поссе В. А., 11 января 1900*

2997. В. А. ПОССЕ
11 января 1900 г. Ялта.

11 январь.

Многоуважаемый Владимир Александрович, возвращаю корректуру*. Читать ее было очень трудно, так как типография почему-то не прислала оригинала. Есть пропуски, которые я возобновлял по памяти кое-как; промежутки между полосами тесны, писать негде, пришлось разрезывать, подклеивать, и я едва удержался от намерения телеграфировать Вам, чтобы Вы выслали оригинал.

Скажите корректору, чтобы он уже не исправлял, по возможности не ставил бы запятых и кавычек. Пусть в типографии обратят внимание на соединительный знак ~ в тех местах, где абзацы обрывают разговорную речь.

Корректуру держал я не долго, только одни сутки. Надеюсь, что моя повесть не задержит книжки.

Желаю Вам всего хорошего.

Преданный А. Чехов.

В Ялте ждут Горького*.

Корректурa пошла заказною бандеролью одновременно с этим письмом.

Чеховой М. П., 11 января 1900*

2998. М. П. ЧЕХОВОЙ
11 января 1900 г. Ялта.

Милая Маша, фотографию с кабинетом передай В. Э. Мейерхольду*. У нас теплая погода, новостей нет. На шоссе работают. Будь здорова.

Tvoui Antoine.

11 янв.

Поссе В. А., 12 января 1900*

2999. В. А. ПОССЕ
12 января 1900 г. Ялта.

12 янв.

Многоуважаемый Владимир Александрович, вчера я послал рукопись и письмо*, ездил нарочно на пароход, чтобы корректура пришла к Вам поскорее (корреспонденция с парохода идет потом в курьерск<ом> поезде, а не в почтовом). Итак, название повести осталось прежнее. Повесть делить никак нельзя, она пойдет вся в январ<скую> книжку. Еще что? Сделайте распоряжение, чтобы корректор не ставил запятых и кавычек*. Кстати сказать, в шрифте, каким набирается «Жизнь»,

человеку с зрением средней силы трудно различить точку от запятой. Шрифт немножко изысканный, недостаточно простой.

Что еще? А больше, кажется, ничего. Гоно-рар посылайте переводом по почте. Банка здесь нет, но есть Казначейство, которое оперирует, как банк. Стало быть, деньги Вы сдадите в Госуд<арственный> банк, а мне пришлите в заказном письме вексель. Или еще лучше пришлите переводом через Азовско-Донской банк на Ялтинское общество взаимного кредита. Это лучше, так как возни меньше.

Будьте здоровы и благополучны.

Преданный А. Чехов.

Шенбергу (Санину) А. А., 14 января 1900*

3000. А. А. ШЕНБЕРГУ (САНИНУ)
14 января 1900 г. Ялта.

14 янв.

Милый Александр Акимович, большое Вам спасибо, что вспомнили и прислали письмо*. И я тоже поздравляю Вас с новым годом и желаю, чтобы во всем главном жизнь оставалась по-старому, как была, а в мелочах, буде

угодно Вам, — пошла по-новому. Каким интересным, полезным и значительным человеком Вы до сих пор были, таким и оставайтесь. Вашему театру желаю новых пьес и собственного помещения, в остальном же пусть всё остается по-старому.

Я жив и почти здоров, но скучаю без культуры, без московского звона. Дорого дал бы, чтобы провести хотя один день в Москве и повидать всех вас.

Не приедете ли в Ялту после Пасхи? Взяли бы пять полных сборов*, а главное, здешний театр выстроен нарочно для того, чтобы Вы наняли его для репетиций. Репетировать и отдыхать.

Будьте здоровы, крепко жму Вам руку, шлю лучшие пожелания из глубины сердца.

Ваш А. Чехов.

На конверте:

Москва. Александру Акимовичу Санину.

Каретный ряд, Художественный театр.

Чеховой М. П., 15 января 1900*

3001 . М. П. ЧЕХОВОЙ
15 января 1900 г. Ялта.

15 янв.

Милая Маша, ключ отдай Кирову. Воззвание послал сегодня*.

Получил сегодня письмо от «Курьера» — приглашение участвовать в 20-летнем юбилее Гольцева*; собирают капитал для устройства библиотеки его имени в Старой Рузе (такая есть деревня). Эта глупая московская сентиментальность поставит в фальшивое положение прежде всего самого В. А. Никто никогда не празднует 20-летних юбилеев, и если бы какой-нибудь чиновник или актер стал праздновать свой 20-летний юбилей, то первый осмеял бы его «Курьер». О, как это хорошо, что никому неизвестно, когда я начал писать.

«Новостей дня» мы не получаем. Похлопочи, чтобы выслали. Если даром нельзя, то заплати шмулям сколько нужно. Мать скучает без газеты.

Я купил кусочек берега с купаньем и с Пушкинской скалой около пристани и парка в Гурзуфе*. Принадлежит нам теперь целая бухточка, в которой может стоять лодка или катер. Дом паршивенький, но крытый чере-

пицей, четыре комнаты, большие сени. Одно большое дерево — шелковица. Вчера я был в Гурзуфе, обедал у той очень красивой (такой красивой, что даже страшно) дамы*, с которой познакомила нас М-те Бонье. Кучукой продается. Для новой дачи понадобятся венские стулья. Бабакай прислал столы и высокие табуреты. Недурно. Лампы не покупай. Я сам привезу ее, когда поеду в Москву.

Всё обстоит благополучно. Будь здорова. В Ялте дожди. На нашем шоссе такая грязь, что ни ездить, ни ходить. Ставят ворота.

Кланяйся Ольге Леонард<овне> и Гургуле*.

Твой Antoine.

Харкеевич В. К., 16 или 17 января 1900*

3002. В. К. ХАРКЕЕВИЧ
16 или 17 января 1900 г. Ялта.

Многоуважаемая Варвара Константиновна!

Не знаю, как благодарить Вас за подарки и за Ваше внимание*, которое, верьте мне, я умею ценить. Здоровье мое превосходно. Всё обстоит благополучно.

Еще раз крепко благодарю и кланяюсь Вам

и Манефе Николаевне.

Искренно уважающий и преданный

А. Чехов.

Вчера в десятом часу Даша вдруг подала самовар. Какова любезность!!!

Куркину П. И., 18 января 1900*

3003. П. И. КУРКИНУ
18 января 1900 г. Ялта.

18 янв.

Милый Петр Иванович, д-р П. П. Розанов уже взыскал с меня 5 р. и записал в члены Пир<оговского> с<ъезда>*. Спасибо Вам за письмо*; давно хочется написать Вам, да всё некогда, завален деловой и офиц<иальной> перепиской. Вчера было 17-е янв<аря> — мои именины и избрание в академики*. Сколько телеграмм! А сколько еще будет писем! И на все надо отвечать, а то потомство обвинит в незнании светских приличий.

Бываете ли у Маши? Пили у нее вино? Есть кое-что новое, но сообщу не теперь (некогда!), а когда-нибудь после. Немножко нездоровится. Вчера весь день хворал. Крепко жму руку. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

На обороте:

Москва. Доктору Петру Ивановичу Куркину.

Тверская, мебл. к-ты «Гельсингфорс».

Неизвестному, 18 января 1900*

3004. НЕИЗВЕСТНОМУ
18 января 1900 г. Ялта.

18 янв. 1900 г.

Милостивый государь Сергей Феоктистович!

Я не отвечал так долго на Ваше письмо*, потому что всё наводил справки и придумывал, нельзя ли как-нибудь Вас устроить. Здесь в Ялте, есть «Попечительство о приезжих больных», оно помогает приезжим, рассчитывает устроить когда-нибудь санаторию, но средства у П<опечительст>ва крайне скудны, так что помогать приходится только немногим и понемногу, а санатория будет построена еще очень, очень нескоро. Когда Вы приедете в Ялту и поближе познакомитесь с положением дела, то удивитесь здешней, прямо можно сказать, бедности. У П<опечи-

тельств>ва нет и тысячи рублей, которыми оно могло бы располагать в течение зимы, а всё, что могла дать местная благотворительность (жители Ялты), всё давно уже исчерпано.

Но всё же больные приезжают сюда и устраиваются кое-как и выздоравливают в большинстве случаев. Обыкновенно привозят с собой хотя что-нибудь, чтобы устроиться в первое время. Вот хорошо, если бы в Москве Вы изыскали какие-нибудь, хотя маленькие, средства; хорошо, если бы Вам оказало поддержку «Общест<во> вспомоществ<ования> учителям», которое есть в Москве и работает успешно, и если бы кто-нибудь пообещал высылать Вам ежемесячно понемногу; а остальное можно было бы выхлопотать у Попечительства.

Как бы ни было, напишите, что и как. Напишите о результате Ваших хлопот, а я в ответ сообщу Вам, как ехать, где остановиться и т. д.

Будьте здоровы, желаю Вам всего хорошего.

А. Чехов.

Леонтьеву (Щеглову) И. Л., 19 января
1900*

3005. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)
19 января 1900 г. Ялта.

19 янв.

Вы подписались так: «Хворый Щегол». Вы болеете, милый Жан? Что с Вами? Напишите поподробнее.

Узнав на конверте Ваш трагический почерк, я очень обрадовался. Вообще приятно бывает вспоминать о Вас, и если я не поздравил Вас 7-го янв<аря>*, то не потому, что не вспомнил, а потому, что не знал Вашего адреса. Часто встречаю в Ялте на набережной* известную Вам рожу — доктора Лаура, водевилиста и гомеопата, написавшего «Хохотушку». Мы, т. е. я и рожа, раскланиваемся и говорим о гомеопатии и о Вас.

Я живу себе помаленьку. Бациллы ведут себя прилично, не либеральничают; по крайней мере, в моих плевках давно уже не было красного...

Что новенького, милый Жан? Отчего в Вашем письме Вы так коротки? И если в самом

деле хвораете, то отчего?

Отчего?

Поклонитесь Вашей жене. Мать благодарит Вас за поклон и шлет сердечный привет.

Крепко жму руку, будьте здоровы и веселы.

Ваш А. Чехов.

Соболевскому В. М., 19 января 1900*

3006 В. М. СОБОЛЕВСКОМУ
19 января 1900 г. Ялта.

19 янв.

Дорогой Василий Михайлович, в ноябре я писал рассказ*, в полной уверенности, что пишу его для «Рус<ских> вед<омостей>», но рассказ растянулся больше чем на лист, и пришлось отправить его в другое место. Затем я и Елпатьевский решили послать Вам накануне Нового года телеграмму, но захлестнула суетня, и мы прозевали настоящий момент. И теперь, так сказать, задним числом, совершая служебный подлог, приходится поздравлять Вас с Новым годом и с ангелом. Простите мне сии многие мои прегрешения! Вы знаете, как глубоко я Вас чту и люблю, и если перерывы в

нашей переписке* бывают продолжительны, то виноваты тут чисто внешние причины.

Я жив, почти здоров. Бываю болен, но не надолго, и в эту зиму меня ни разу не укладывали в постель. И болел я на ходу. Работал больше, чем в прошлом году, и скучал больше. Без России нехорошо, нехорошо во всех смыслах. Живешь тут, точно сидишь в Стрельне*, и все эти вечнозеленые растения, кажется, сделаны из жести, и никакой от них радости. И не видишь ничего интересного, так как нет вкуса к местной жизни.

Здесь Елпатьевский и Кондаков. Первый воздвиг себе громадный дом, который высится над всею Ялтой, второй уезжает в Петербург, чтобы засесть там в Академии, — и рад. Елп<атьевский> бодрится и всегда жизнерадостен, во всякую погоду ходит в летнем пальто; Конд<аков> раздражительно насмешлив и ходит в шубе. Оба часто бывают у меня, и мы вспоминаем о Вас.

Варвара Алексеевна писала*, что она купила участок в Туапсе. Ой-ой, но ведь там скучища ужасная. Там чеченцы и сколопендры, а главное — нет дорог и нескоро они там будут.

Из всех русских теплых мест самое лучшее пока — южный берег Крыма, это несомненно, что бы там ни говорили про кавказскую природу. Я недавно был в Гурзуфе* около Пушкинской скалы и залюбовался видом, несмотря на дождь и на то, что виды мне давно надоели. В Крыму уютней и ближе к России. Пусть Варвара Алексеевна продаст или подарит кому-нибудь участок в Туапсе, а я ей найду кусочек пляжа с бухтой, с купаньем в Крыму.

Когда будете на Воздвиженке, то передайте мой поклон и привет Варваре Алексеевне, Варе, Наташе и Глебу. Воображаю, как выросли Глеб и Наташа. Вот если бы вы все приехали сюда на Пасху, то я посмотрел бы на вас всех. Не забывайте меня, пожалуйста, и не сердитесь. Шлю Вам сердечные пожелания, крепко жму руку и обнимаю.

Ваш А. Чехов, d'Académie.

Худекову С. Н., 19 января 1900*

3007. С. Н. ХУДЕКОВУ
19 января 1900 г. Ялта.

19 янв. 1900.

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Будьте добры, сделайте распоряжение, чтобы контора выслала мне новогодний номер, в котором помещен мой рассказ «На святках»*. Контора присылала мне уже два раза, да всё старый, напечатанный в рождественском номере*. Я надоел Вам? Что делать! Я, как Исав, получивший чечевицу*, обязан всякий новый рассказ наклеивать и отсылать брату моему Иакову, живущему на Мал<ой> Морской, 22.

Позвольте пожелать Вам всего хорошего и пребыть искренно уважающим.

А. Чехов.

Ялта.

Если бы здесь, в Ялте, знакомые получали «Петерб<ургскую> газету», то я переписал бы рассказ, не беспокоил бы Вас так часто.

Россолимо Г. И., 21 января 1900*

3008. Г. И. РОССОЛИМО
21 января 1900 г. Ялта.

21 янв. 1900.

Дорогой Григорий Иванович, соответствующее PS в автобиографии сделать можно*, но лучше подождать общего собрания Академии, когда будут произведены окончатель-

ные выборы.

То, что у меня, по-видимому, подходит для детей — две сказки из собачьей жизни*, посылаю Вам заказной бандеролью. А больше у меня, кажется, нет ничего в этом роде. Писать для детей вообще не умею, пишу для них раз в 10 лет и так называемой детской литературы не люблю и не признаю. Детям надо давать только то, что годится и для взрослых. Андерсен, «Фрегат Паллада», Гоголь читаются охотно детьми, взрослыми также. Надо не писать для детей, а уметь выбрать из того, что уже написано для взрослых, т. е. из настоящих художественных произведений; уметь выбрать лекарство и дозировать его — это целесообразнее и прямее, чем стараться выдумать для больного какое-то особенное лекарство только потому, что он ребенок. Простите мне медицинское сравнение. Оно, пожалуй, теперь как раз вовремя, ибо я вот уже 4 дня занимаюсь медициной, лечу себя и мать. Должно быть, инфлуэнца. Жар и голова болит.

Если напишу что-нибудь, то дам Вам знать своевременно, но издать написанное может

только один человек — Маркс! За всё, что издаст не Маркс, я должен буду заплатить 5 000 р. штрафа (за каждый лист).

У меня есть брат учитель, Иван Павлович, который возится с детворой уже больше 20 лет. Он прекрасно знает, что детям нравится и что не нравится. При составлении сборника он был бы бесполезен для Вас, редактор он плохой, но если бы Вам вздумалось издать когда-нибудь библиографический указатель художественных произведений и статей, пригодных для детского чтения, то брат мог бы сделать Вам немало хороших указаний. Он учительствует в Москве. Его адрес: Новая Басманная, Петровско-Басманное училище. У него практический нюх.

Ваше письмо порадовало меня и подсыпало немножко соды в мое кислое настроение. Спасибо, что вспомнили. Скоро в «Жизни» появится моя повесть — последняя из народной жизни*.

Крепко жму руку.

Ваш А. Чехов.

Чеховой М. П., 21 января 1900*

3009. М. П. ЧЕХОВОЙ
21 января 1900 г. Ялта.

21 янв.

Милая Маша, я положил твои 5 тыс. в банк на 3 года*, т. е. ты можешь взять их оттуда не раньше, как через 3 года. Каждый месяц (кроме июня и июля, как я говорил тебе) ты будешь получать по 25 р. Или бери это из моих москов<ских> денег, или я буду высылать — это как хочешь. В удостоверение того, что деньги принадлежат тебе, посылаю записочку, которую береги.

Вчера у нас были целый день гости. Была та очень красивая дама*, что живет около Гурзуфа. Была m-me Бонье, похожая на красного петуха с белым хохлом. Вечером приходила начальница с Манефой* и по обыкновению сидела долго и изумлялась бесчеловечности гостей, которые сидят долго. Как только она ушла, с матерью сделалось дурно. Лежит бледная, жалуется вялым упавшим голосом на тошноту и слабость. Приехал Альтшуллер. Нашел у матери здоровые легкие, старческое перерождение сосудов и сердца и прописал

покой. Сегодня утром вхожу в столовую, а мать уже сидит и пьет кофе. — «Ведь вам, говорю, запретили вставать!» А она: «Надо же мне кофию напиться!»

В Ялте туман. День моих именин прошел в угрюмом молчании*, я был нездоров.

Нового ничего нет. Скоро в Москве будет д-р Розанов и побывает у тебя.

Будь здорова, кланяйся.

Твой Antoine.

Книппер О. Л., 22 января 1900*

3010. О. Л. КНИППЕР
22 января 1900 г. Ялта.

22 янв.

Милая актриса, 17 янв<аря> я получил телеграммы от Вашей мамы и брата, от дяди Александра Ивановича (подпись — дядя Саша) и Н. Н. Соколовского*. Будьте добры, передайте им мою сердечную благодарность и выражение моей искренней симпатии.

Отчего Вы не пишете? Что случилось? Или Вы так уж увлеклись муаровой шелковой подкладкой на отворотах?* Ну, что делать, бог с Вами.

Говорят, что в мае Вы будете в Ялте*. Если это уже решено, то почему бы не похлопотать заранее о театре? Здешний театр в аренде, без переговоров с арендатором, актером Новиковым, обойтись никак нельзя. Вот если б поручили мне, то я бы, пожалуй, переговорил с ним.

17 января — день именин и избрания в академики — прошло тускло и хмуро, так как я был нездоров. Теперь я выздоровел, но прихворнула мать. И эти маленькие беды совсем отбили всякий вкус и к именинам и к академическому званию, и они же помешали написать Вам и ответить на телеграммы в свое время.

Теперь мать выздоравливает.

Видаюсь с Средиными. Они бывают у нас, а я бываю у них очень, очень редко, но всё же бываю. Доктор Розанов (один из тех сумасшедших, которых мы видели в Кокозе)* скоро будет в Москве, побывает у Маши; сделайте так, чтобы он побывал в театре.

Итак, стало быть, Вы мне не пишете и нескоро еще соберетесь написать. Виною всему муаровые шелковые отвороты на сюртуке.

Я понимаю Вас!

Целую Вам ручку.

Ваш А. Чехов.

На конверте:

Москва. Ольге Леонардовне Книппер.

*У Никитских ворот, угол Мерзляков. пер.,
д. Мещериновой.*

Чеховой М. П., 22 января 1900*

3011 . М. П. ЧЕХОВОЙ
22 января 1900 г. Ялта.

Милая Маша, вчера мать весь день лежала; держали ее в постели, боялись, как бы не было воспаления легких. Сегодня ей уже разрешается сидеть и ходить по своей комнате, и уже находим излишним ставить термометр. Она просится в кухню.

Материя понравилась матери. Занавески для дверей тоже получены. Эти лучше, но всё же жидоваты немножко. Распоряжусь пришить.

Нового ничего нет. Всё благополучно. Ворота уже на своем месте.

Будь здорова.

Твой Antoine.

22 янв.

Как здоровье Коновицера?*

На обороте:

Москва. Марии Павловне Чеховой.

Мл. Дмитровка, д. Шешкова.

Суворину А. С., 23 января 1900*

3012. А. С. СУВОРИНУ
23 января 1900 г. Ялта.

23 янв.

Новая пьеса*, 1 и 2 акты, мне понравилась, и я нахожу даже, что она лучше «Татьяны Репиной»*. Та ближе к театру, а эта ближе к жизни. 3-й акт не определился, потому что в нем нет действия, нет даже ясности в замысле. Быть может, для того, чтобы он определился и стал ясен, надо сначала написать 4-й акт. В 3-м акте объяснение мужа с женой сбивается на сумбатовские «Цепи»*; и я предпочел бы, чтобы жена всё время оставалась за кулисами и чтобы Варя, — как это и бывает в жизни в подобных случаях, — верила больше отцу, чем матери.

Замечаний у меня немного*...Образованный дворянин, идущий в попы, — это уже

устарело и не возбуждает любопытства. Те, которые пошли в попы, точно в воду канули; одни, ставши ординарными архимандритами, ожирели и уже давно забыли про всякие идеи, другие — бросили всё, живут на покое. От них ничего определенного не ждали, и они ничего не дали; и на сцене молодой человек, собирающийся в попы, будет просто несимпатичен публике, а в его девстве и целомудрии увидят нечто скопческое. Да и актер будет играть его нелепо. Лучше бы Вы взяли молодого ученого, тайного иезуита, мечтающего о соединении церквей, или кого-нибудь другого, только такого, чтобы представлялся крупнее, чем дворянин, идущий в попы.

Варя хороша. В первом явлении в языке излишняя истеричность. Надо, чтобы она не острила, а то все у Вас острят, играют словами, и это немножко утомляет внимание, рябит; язык Ваших героев похож на белое шелковое платье, на котором всё время переливает солнце и на которое больно смотреть. Слова «пошлость» и «пошло» уже устарели.

Наташа очень хороша. Напрасно Вы делаете

те ее другою в 3-м акте.

Фамилии «Ратищев» и «Муратов» слишком пьесочны, не просты. Дайте Ратищеву мало-российскую фамилию — для разнообразия.

Отец без слабостей, без определенной внешности; не пьет, не курит, не играет, не хворает... Надо пристегнуть к нему какое-нибудь качество, чтобы актеру было за что уцепиться.

Знает отец про грех Вари или не знает — думаю, всё равно или не так важно. Половая сфера, конечно, играет важную роль на сем свете, но ведь не всё от нее зависит, далеко не всё; и далеко не везде она имеет решающее значение.

Когда пришлете IV акт, еще напишу, если придумаю что-нибудь. Я рад, что Вы почти уж написали пьесу, и еще раз повторяю, что Вам следует писать и пьесы, и романы — во-первых, потому, что это вообще нужно, и, во-вторых, потому, что для Вас это здорово, так как приятно разнообразит Вам жизнь.

Насчет академии Вы недостаточно осведомлены. Действ<ительных> академиков из писателей *не* будет*. Писателей-художников

будут делать почетными академиками, обер-академиками, архи-академиками, но просто академиками — никогда или нескоро. Они никогда не введут в свой ковчег людей, которых они не знают и которым не верят. Скажите: для чего нужно было придумывать звание почетного академика?

Как бы ни было, я рад, что меня избрали. Теперь в заграничном паспорте будут писать, что я академик. И доктора московские обрадовались. Это мне с неба упало. <См. иллюстрацию>

Спасибо за календарь и за «Весь Петерб<ург>»*.

Анне Ивановне, Насте и Боре нижайший поклон и привет. Пожалуйста, спросите у Насти, не она ли это прислала мне письмо без подписи на Вашей бумаге (A. S.)*. Рука, кажется, ее. В письме есть слово «писателишки» и речь идет о моей фотографии, купленной у Попова. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

Юрьев хорош. Не нужно только, чтоб и он был должен ростовщице. Пусть лучше Наташа возьмет у нее займы потихоньку от отца.

Пусть и Варя возьмет, чтобы дать матери.

Чеховой М. П., 23 января 1900*

3013 . М. П. ЧЕХОВОЙ
23 января 1900 г. Ялта.

23 янв.

Сегодня здоровье матери лучше, чем вчера. Держу ее под арестом в комнате, где она раскладывает пасьянс. Завтра разрешу выходить.

Погода дрянная.

Будь здорова.

Твой Antoine.

На обороте:

Москва. Марии Павловне Чеховой.

Мл. Дмитровка, д. Шешкова.

Батюшкову Ф. Д., 24 января 1900*

3014 . Ф. Д. БАТЮШКОВУ
24 января 1900 г. Ялта.

24 янв. 1900.

Многоуважаемый Федор Дмитриевич!

Рош просит выслать ему* те места из «Мужиков», которые были выброшены цензурой. Но таких мест не было. Есть одна глава, кото-

рая не вошла ни в журнал, ни в книжку, это разговор мужиков о религии и властях. Но посылать эту главу в Париж нет надобности, как и вообще не было надобности переводить «Мужиков» на французский язык.

Сердечно благодарю Вас за фотографию. Иллюстрация Репина — это честь, какой я не ожидал и о какой не мечтал. Получить оригинал будет очень приятно; скажите Илье Ефимовичу, что я буду ждать с нетерпением и что он, Илья Ефимович, раздумать теперь не может, так как оригинал я завещал уже г. Таганрогу*, в котором, кстати сказать, родился.

В своем письме Вы упоминаете о Горьком. Вот кстати: как нравится Вам Горький? Мне не всё нравится, что он пишет, но есть вещи, которые очень, очень нравятся, и для меня не подлежит сомнению, что Горький сделан из того теста, из которого делаются художники. Он настоящий. Человек он хороший, умный, думающий и вдумчивый, но на нем и в нем много ненужного груза, напри<м>ер его провинциализм.

Вы пишете «не знаешь, откуда чаять движения воды»*. А вы чаете? Движение есть, но

оно, как движение земли вокруг солнца, невидимо для нас.

Спасибо Вам большое за письмо, за то, что вспомнили. Мне здесь скучно, надоело, и такое чувство, как будто я выброшен за борт. А тут еще погода дурная, нездоровится. Я всё еще продолжаю кашлять.

Желаю Вам всего хорошего.

Преданный А. Чехов.

На конверте:

Петербург. Его Высочородию Федору Дмитриевичу Батюшкову.

Литейная, 15.

Сухомлинову М. И., 25 января 1900*

3015 М. И. СУХОМЛИНОВУ
25 января 1900 г. Ялта.

Милостивый государь

Михаил Иванович!

Получив от Вашего Высокопревосходительства извещение об избрании моем в почетные академики по Разряду изящной словесности*, имею честь покорнейше просить Вас передать Отделению выражение моей глубокой признательности.

Не откажите принять уверение в совершенном почтении и преданности Вашего покорнейшего слуги.

Антон Чехов.

25 января 1900 г.

Ялта.

На конверте:

*Петербург. Его Высокопревосходительству
Михаилу Ивановичу Сухомлинову.*

Императорская Академия Наук

От Почетного Академика А. П. Чехова

Чехову Ал. П., 25 января 1900*

3016. Ал. П. ЧЕХОВУ
25 января 1900 г. Ялта.

25 янв.

Седой братец! Посылаю тебе вексель на тысячу рублей*. Запоздал немного, потому что сам сильно запутался и потерял всякое сообщение и руки опустил растерянно, кладя латки на свой финансовый кафтан, который, очевидно, починить никак нельзя.

Мать здравствует. Я то здоров, то хвораю. Известие об избрании в академики пришло, когда я был нездоров, — и вся прелесть пропа-

ла, так как мне было всё равно.

Не печатай, пожалуйста, опровержений в газетах*. Это не дело беллетристов. Ведь опровергать газетчиков всё равно, что дергать чёрта за хвост или стараться перекричать злую бабу. И шмули, особенно одесские, нарочно будут задирать тебя, чтобы ты только присылал им опровержения. Из всех беллетристов, каких я знал и знаю, только два писали опровержения: ты и Потапенко. И Потапенку всегда за это ругали, и сам он всякий раз раскаивался. Даже если бы напечатали, что ты делаешь фальшивые бумажки, то и тогда нельзя опровергать; единственный случай, когда прилично нам печатать опровержение, это когда приходится вступить за кого-нибудь. Не за себя, а за кого-нибудь.

На телеграмму я ответил вчера поздно вечером*, тотчас же по получении.

«Россия» имеет большой успех в провинции, «Нов<ое> время» падает и падает*. И, по моему, вполне справедливо.

Ну, будь здоров. Напиши хоть 2–3 строчки, как и что. Кланяйся своим.

Твой Antoine.

**В редакцию «Русской мысли», 26
января 1900***

3017 В РЕДАКЦИЮ «РУССКОЙ МЫСЛИ»
26 января 1900 г. Ялта.

Журналу, двадцать лет выражавшему лучшие стремления русской интеллигенции*, и ее благородному представителю Виктору Александровичу, нашему другу, милому, доброму, родному человеку шлю поздравления, сердечные пожелания счастья. Чехов.

На бланке:

Москва. «Русская мысль».

Гольцеву В. А., 27 января 1900*

3018. В. А. ГОЛЬЦЕВУ
27 января 1900 г. Ялта.

27 янв.

Милый Виктор Александрович, я послал телеграмму*, все-таки позволь еще поздравить тебя письменно. Поздравляю тебя, крепко обнимаю, крепко жму руку и прошу верить, что я люблю тебя и почитаю, как редко кого. В последние 10 лет ты был для меня одним из самых близких людей.

Я всё жду того молодого ученого*, о котором ты писал, а он всё не едет. Где он? Конечно, мы его устроим. Погода здесь скверная, в феврале она будет хуже, но, говорят, ялтинский воздух обладает целебными свойствами и в дурную погоду. Я, начиная с 17 янв<аря> (день именин и возведение в бессмертный чин*), был болен и даже подумывал, как бы мне не обмануть тех, кто выбрал меня в «бессмертные», но ничего, ожил и теперь здравствую, хотя, впрочем, с мушкой под левой ключицей. Доктор нашел, что в правом легком совсем хорошо, лучше, чем было в прошлом году. А кроме всего прочего, титулярная болезнь — геморрой.

Идея открыть читальню в Ст<арой> Рузе мне совсем не нравится*. Ведь в Ст<арой> Рузе ничего нет, кроме парома и трактира, — это раз; во-вторых, хорошей читальни открыть всё равно нельзя, и, в-третьих, от чтения книжек в читальнях мужики нисколько не умнеют. Надо бы стипендии. Когда будет твой 25-летний юбилей, я предложу в честь твою дать полное гимназическое и университетское образование какому-нибудь «кухаркиному сы-

ну», столь ненавистному твоим принципиальным противникам.

В скором времени к тебе по своему делу явится студент (кончивший в ялтинской гимназии), бедняк большой. Его зовут: Максимович, Георгий Андреевич. Пожалуйста, не откажи принять его и поговорить с ним.

«Вопль» Крестовской* хорошая вещь; всё хорошо, кроме названия. Вещь в стиле толстовского «Семейного счастья», в манере пахивает старинкой — и так всё деликатно и умненько. Маминская повесть* — это грубая, безвкусная и фальшивая чепуха.

Поклонись Вуколу*, поздравь его с прошедшим юбилеем.

Будь здоров и счастлив.

Твой А. Чехов.

Меньшикову М. О., 28 января 1900*

3019 М. О. МЕНЬШИКОВУ
28 января 1900 г. Ялта.

28 янв.

Дорогой Михаил Осипович, что за болезнь у Толстого, понять не могу*. Черинов ничего мне не ответил*, а из того, что я читал в газе-

тах и что Вы теперь пишете, вывести ничего нельзя. Язвы в желудке и кишечнике сказывались бы иначе; их нет или было несколько кровоточивших царапин, происшедших от желчных камней, которые проходили и ранили стенки. Рака тоже нет. Он отразился бы прежде всего на аппетите, на общем состоянии, а главное — лицо выдало бы рак, если бы он был. Вернее всего, что Л<ев> Н<иколаевич> здоров (если не говорить о камнях) и проживет еще лет двадцать. Болезнь его напугала меня и держала в напряжении. Я боюсь смерти Толстого. Если бы он умер, то у меня в жизни образовалось бы большое пустое место. Во-первых, я ни одного человека не люблю так, как его; я человек неверующий, но из всех вер считаю наиболее близкой и подходящей для себя именно его веру. Во-вторых, когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором; даже сознавать, что ничего не сделал и не делаешь, не так страшно, так как Толстой делает за всех. Его деятельность служит оправданием тех упований и чаяний, какие на литературу возлагаются. В-третьих, Толстой стоит креп-

ко, авторитет у него громадный, и, пока он жив, дурные вкусы в литературе, всякое пошлячество, наглое и слезливое, всякие шаршавые, озлобленные самолюбия будут далеко и глубоко в тени. Только один его нравственный авторитет способен держать на известной высоте так называемые литературные настроения и течения. Без него бы это было беспастушное стадо или каша, в которой трудно было бы разобраться.

Чтобы кончить о Толстом, скажу еще о «Воскресении», которое я читал не урывками, не по частям, а прочел всё сразу, залпом*. Это замечательное художеств<енное> произведение. Самое неинтересное — это всё, что говорится об отношениях Нехлюдова к Катюше, и самое интересное — князя, генералы, тетуски, мужики, арестанты, зрители. Сцену у генерала, коменданта Петропавл<овской> крепости, спирита, я читал с замиранием духа — так хорошо! А m-me Корчагина в кресле, а мужик, муж Федосьи! Этот мужик называет свою бабу «ухватистой». Вот именно у Толстого перо ухватистое. Конца у повести нет, а то, что есть, нельзя назвать концом. Писать, пи-

сать, а потом взять и свалить всё на текст из евангелия, — это уж очень по-богословски. Решать все текстом из евангелия — это так же произвольно, как делить арестантов на пять разрядов. Почему на пять, а не на десять? Почему текст из евангелия, а не из корана? Надо сначала заставить уверовать в евангелие, в то, что именно оно истина, а потом уж решать всё текстами.

Я надоел Вам? Вот когда приедете в Крым, я буду Вас интервьюировать и потом напечатаю в «Новостях дня». О Толстом пишут, как старухи об юродивом, всякий елейный вздор; напрасно он разговаривает с этими шмулями.

Я был нездоров недели две. Перемогался. Теперь сижу с мушкой под левой ключицей и чувствую себя недурно. Не с мушкой, а с красным пятном после мушки.

Фотографию вышлю Вам непременно. Званию академика рад, так как приятно сознавать, что мне теперь завидует Сигма. Но еще более буду рад, когда утеряю это звание после какого-нибудь недоразумения*. А недоразумение произойдет непременно, так как ученые академики очень боятся, что мы будем их шо-

кировать. Толстого выбрали скрепя сердце. Он, по-тамошнему, нигилист. Так по крайней мере назвала его одна дама, действительная тайная советница, — с чем от души его поздравляю.

Я не получаю «Недели». Отчего? В редакции хранится присланная мною рукопись С. Воскресенского* «Глупости Ивана Ивановича». Если не пойдет, пришлите обратно. Будьте здоровы, крепко жму руку.

Яше и Лидии Ивановне привет.

Ваш А. Чехов.

Пишите!

На конверте:

Царское Село. Михаилу Осиповичу Меншикову.

Магазейная, д. Петровой.

Терентьевой М. Ф., 28 января 1900*

3020 М. Ф. ТЕРЕНТЬЕВОЙ
28 января 1900 г. Ялта.

28 янв.

Многоуважаемая Мария Федоровна! Крестьянка с. Мелихова Лукерья Денисова, — проживающая в Москве на Канаве, Кадашов-

ский пер., д. Королева, кв. 10, — прислала мне по старому адресу свой паспорт, очевидно, для того, чтобы я обменял его на новый. Так как письмо ее меня не застало в Мелихово, то его из Лопасни послали мне в Ялту. Посылаю Вам паспорт Денисовой с покорнейшей просьбой: будьте добры, передайте его старосте Прокофию и скажите ему, чтобы он распорядился поскорее сделать то, что нужно. Ему это дело видней.

Мать благодарит Вас за поклон, а я шлю сердечное спасибо за письмо.

За успехи в Вашей школе не беспокойтесь*, в них не сомневайтесь; Вы превосходная учительница.

Если увидите В. Н. Семеновича или Евгению Михайловну*, то скажите им, что я кланяюсь и все собираюсь написать им.

Кланяйтесь Вашей матушке и будьте здоровы.

Преданный

А. Чехов.

Марьюшка просит поклониться Пелагее и бабушке Анне*. Я тоже им кланяюсь, а также семье Андриановых*.

Чеховой М. П., 28 января 1900*

3021. М. П. ЧЕХОВОЙ
28 января 1900 г. Ялта.

Милая Маша, мать совершенно поправилась. Все благополучно. Шоссе всё еще делают.

Тот громадный участок, что против нас (там мы покупали осенью виноград), продается, и хозяин его Параскева обратился к Виноградову за содействием. Если Виноградов спросит тебя, то объясни, какой это участок. Это великолепная земля, вид оттуда замечательный.

Бабушка* жалуется на полноту. Арсений потолстел. Каштан ожирел и по целым дням лежит на стружках. Кошки не приходят.

Будь здорова. Кланяйся.

Твой Antoine.

28 янв. 1900.

На обороте:

Москва. Марии Павловне Чеховой.

Мл. Дмитровка, д. Шешковой.

Иорданову П. Ф., 29 января 1900*

3022. П. Ф. ИОРДАНОВУ
29 января 1900 г. Ялта.

29 январь.

Многоуважаемый Павел Федорович, возвращаю прошение с подписью*. Очень рад служить.

Что касается книг, то вот Вам мой ответ*. По предпоследнему списку, Вами присланному, книжный магазин «Русской мысли» послал Вам всё, что было в списке, за весьма малыми исключениями. Последний же список, данный мне Вами, не относился к «Русской мысли». Вручая его мне, Вы сказали, чтобы я выбрал то, что найду нужным, и выслал. Я выбрал все издания Солдатенкова, издания Суворина и еще и еще кое-что и выслал Вам без замедления. Если в библиотеке записано то, что мною было выслано в августе из Москвы, то в записи Вы найдете более 50 томов (кроме тех, которых не было в Вашем списке). Солдатенков уступил 25%, а Телешова, Ходского, Мясницкого, Вальтера я приобрел с 100% уступки, «Русская мысль» со своих изданий уступила 25%... Я выслал не все из того,

что было в списке, потому что 1) например, Гоголя не стоило покупать, так как уже было объявлено Марксом новое очень дешевое издание, во-2) полагаясь на Ваше разрешение, я позволил себе кое-что не приобретать и в-3) меня погнали из Москвы — это главное. Но все-таки я не чувствую себя очень виноватым по той причине, что чем меньше Вы будете тратить на книги, тем лучше. Копите деньги, чтобы строить помещение, а книги будут. Если бы от меня зависело, то я тратился бы только на журналы и выписывал бы их чертову уйму.

Конечно, и книги следует покупать, но только интересные. Нельзя ли потерпеть с книгами до лета?

Я сегодня послал «Воскресенье» и «Ченчи» в переводе Бальмонта.

Где д-р Гордон* — в Таганроге или в отъезде? И опять все тот же вопрос: как зовут г-жу Арбушевскую, вашу библиотекаршу? Я бы вступил с ней в переписку и попросил ее уведомлять меня всякий раз о получении от меня книг. Часто я посылаю книги с оказией, с полужнакомыми людьми — и мне всё кажется-

ся, что эти книги пропали.

Мне надоела зима, надоела Ялта. Все кругом киснет, и я кисну. Первый том рассказов своих изд<ания> Маркса я уже послал*. Получили?

Вам и Вашей семье желаю всего хорошего, крепко жму руку. Будьте здоровы.

Преданный А. Чехов.

Я написал в Одессу, чтобы Вам выслали каталоги*. Фруктовые деревья выписывайте от Дайбера, а все остальные — от Роше. Рекомендую пирамидальную акацию, пирамид<альную> шелковицу, пестролистный клен и берлинский тополь, а из кустов — айву (cydonia) и des-modium.

Коробову Н. И., 29 января 1900*

3023. Н. И. КОРОБОВУ
29 января 1900 г. Ялта.

29 янв.

Милый Николай Иванович, спасибо за письмо и поздравление*. Очень, очень радуюсь за Екатерину Ивановну*; когда она приехала в первый раз в Ялту и поселилась у Яхненко, мне было тяжело смотреть, как она

тоскует, я жалел ее. Когда же я увидел ее в последний раз осенью, то был поражен переменой. Она не пополнила, а потолстела. Я же не пополнил и не потолстел, а всё в прежнем состоянии. В весе не прибавляюсь, кашляю по утрам. Альтшуллер слушал недавно; говорил, что в правом легком уже чисто; в левом же, вероятно, стало хуже, потому что он поставил мне под левой ключицей мушку. Известие об избрании в академики застало меня в некоторой прострации, когда скверно себя чувствовали и я, и мать, так что я и не разобрал как следует, в чем дело, какого вкуса это звание, а потом, когда выздоровел, то уже была привычка к новому положению, так что на вопрос твой, как чувствуют себя академики, ответить тебе ничего не могу.

В том, что печатается в газетах об академиках и Академии, достоверного мало*, так как газеты не осведомлены. «Бессмертными» считаются, как и во Франции, только одни писатели-художники, ординарными же академиками, составителями словаря*, будут, по-видимому, только одни ученые исследователи, которые одни будут работать, везти на себе от-

деление, — ergo получать жалованье. Звание академика, насколько мне известно из бесед с акад<емиком> Кондаковым, который живет здесь, — дает право неприкосновенности (нельзя арестовать) и право в случае поездки за границу получать от Академии особый «курьерский» паспорт (цензура, таможня), а больше, кажется, ничего.

Мне кажется, что я живу в Ялте уже миллион лет.

Поздравляю тебя и Екатерину Ивановну с новосельем* и желаю Вам обоим счастья и здоровья. В начале лета, вероятно, увидимся в Москве. Я приеду. А пока жму тебе руку. Поклонись Вячеславу Ивановичу, поблагодари за память*.

Твой А. Чехов.

Мизиновой Л. С., 29 января 1900*

3024 . Л. С. МИЗИНОВОЙ
29 января 1900 г. Ялта.

29 янв.

Милая Лика, мне писали, что Вы очень пополнили и стали важной, и я никак не ожидал, что Вы вспомните обо мне и напишете*.

Но Вы вспомнили — и большое Вам спасибо за это, касатка. Вы ничего не пишете о Вашем здоровье; очевидно, оно недурно, и я рад. Надеюсь, что и мама Ваша здорова и что всё обстоит благополучно. Я почти здоров; бываю болен, но это не часто — и только потому, что я уже стар, бактерии же здесь ни при чем. И когда я теперь вижу красивую женщину, то старчески улыбаюсь, опустив нижнюю губу, — и больше ничего.

Вы познакомились с писательницей?* Воображаю, какие позы Вы принимали перед ней, чтобы скрыть, что у Вас кривой бок. Кстати сказать, весной она будет в Ялте, вот и Вы бы приехали с ней, раз Вы уже условились путешествовать вместе. В Крыму весной очень хорошо.

Мне не нравится, что вы живете в «Гельсингфорсе». Ведь есть же меблированные комнаты и почище. Наконец можно квартиру нанять. Жить в «Гельсингфорсе» — это дурная привычка, которая не кажется Вам дурной, пока Вы живете в нем, но стоит Вам неделю-другую пожить в другом месте, как Вам «Гельсингфорс» станет так же противен,

как мне.

Где Варя? Что она?

Свою фотографию я пришлю Вам*, когда местный фотограф приготовит снимки. Меня здесь снимают часто, но фотографий мне не дают.

Вы пишете, что уедете в Бердичев*. Разве Вы бежите с кем-нибудь из редакции «Курьера»? С Коновицером? Да?

Лица, мне в Ялте очень скучно. Жизнь моя не идет и не течет, а влачится. Не забывайте обо мне, пишите хотя изредка. В письмах, как и в жизни, Вы очень интересная женщина. Крепко жму руку.

Ваш А. Чехов.

Если видаетесь с Гольцевым и Коновицером, то поклонитесь им. И Ольге Петровне непременно поклонитесь.

Чехову М. П., 29 января 1900*

3025. М. П. ЧЕХОВУ
29 января 1900 г. Ялта.

Милый Мишель, отвечаю на твое письмо*.

1) В Торжке я не был ни разу в жизни и никогда из Торжка никому телеграмм не посы-

лал. Выехал я из Петербурга иа другой день после представления «Чайки», провожали меня суворинский лакей и Потапенко.

2) О том, что я продаю Марксу сочинения* и на каких условиях, — Суворину было известно в подробности. На прямо поставленный вопрос, не желает ли купить он, он ответил, что у него денег нет, что покупать мои сочинения ему не позволяют дети и что больше того, что дает Маркс, никто дать не может.

3) Аванс в 20 тысяч — это значит купить произведения за 20 тысяч, так как я никогда не вылез бы из долга.

4) Когда с Марксом было кончено, то А. С. написал мне, что он очень рад совершившемуся, так как его всегда мучила совесть, что он дурно меня издавал.

5) Разговора о направлении «Нов<ого> времени» в Ницце не было*.

6) «Отношения», о которых я писал тебе (об этом, конечно, не следовало бы откровенничать с С<увориными>), особенно стали изменяться, когда А. С. сам написал мне, что нам писать друг другу более уже не о чем.

7) Полное собрание моих сочинений нача-

ли печатать в типографии, но не продолжали, так как всё время теряли мои рукописи, на мои письма не отвечали и таким неряшливым отношением ставили меня в положение отчаянное; у меня был туберкулез, я должен был подумать о том, чтобы не свалить на наследников своих сочинений в виде беспорядочной, обесцененной массы.

8) Конечно, всего этого мне не следовало бы писать тебе, ибо все сие слишком лично и скучно, но раз тебя обворожили и представили тебе в ином свете, то, делать нечего, выкладываю все эти 8 пунктов — читай и мотай на ус. О каком-либо примирении и речи быть не может, так как я и С<уворин> не ссорились и опять мы переписываемся, как ни в чем не бывало. Анна Ивановна милая женщина*, но она очень хитра. В ее расположение я верю, но когда разговариваю с ней, то не забываю ни на одну минуту, что она хитра и что А. С. очень добрый человек и издает «Нов<ое> время».

Это я пишу исключительно для тебя одного.

У нас всё благополучно. Мать была больна

немножко, но теперь ничего. Видел ли Машу в Москве?

«Северн<ый> край» получаю*. Надо хронику побогаче. Провинц<иальные> корреспонденты хороши, особенно из Вологды.

Как Женя*? Ну, будь здоров, поклонись Ольге Германовне*. Желаю Вам обоим здоровья и всего хорошего.

Твой А. Чехов.

29 янв.

На конверте:

Ярославль. Михаилу Павловичу Чехову.

Духовская, д. Шигалевой.

Лазаревскому Б. А., 30 января 1900*

3026 . Б. А. ЛАЗАРЕВСКОМУ
30 января 1900 г. Ялта.

30 янв. 1900 г.

Многоуважаемый Борис Александрович, желтуха — это пустая болезнь*. В громадном большинстве случаев это симптом катара пищеварительных путей — и только. Значит, скоро пройдет, если еще не прошла.

Вы спрашиваете: следует ли, написав рассказ, читать его до напечатания?* По моему

мнению, не следует давать никому читать ни до, ни после. Тот, кому нужно, сам прочтет, и не тогда, когда Вам хочется, а когда ему самому хочется. В «Жизнь» я напишу*.

Будьте здоровы, желаю Вам всего хорошего.

Преданный А. Чехов.

**Щепкиной-Куперник Т. Л., 30 января
1900***

3027. Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК
30 января 1900 г. Ялта.

30 январь.

Милая кума, я был несказанно порадован и тронут, получив Вашу милую писульку*. Спасибо Вам, кума, большое спасибо! Мне почти совсем не пишут из Москвы, и я уже так и решил, что пустынный Антоний забыт.

Что сказать о себе? Я жив и почти здоров, делаю, как видите, кляксы. По-прежнему я обуреваем страстями, но борюсь с ними, и довольно успешно. Когда меня искушает дьявол, то я хватаю его за хвост и мажу скипидаром, он бросается вон. И однажды даже бес, бросившись, разбил копытом стекло в окне.

Нового ничего нет, все по-старому. Будьте, милая кума, здоровы, счастливы, веселы. Кланяюсь Вам низко, до земли и целую ручку. Когда дома кладете поклоны или шепчете молитву, идя по улице в салопе, то поминайте меня в Ваших молитвах!*

Вы сердитесь, что в Москве я не был у Вас. Но, милая моя кума, в Москве я ни у кого не был, так как все время похварывал. Простите и смените гнев на милость. Писание говорит: «Да не зайдет солнце во гневе вашем!»

Потомственный Почетный Академик

А. Чехов.

Ялта.

На конверте:

Москва. Татьяне Львовне Щепкиной-Куперник.

Божедомский пер., д. Полубимова, № 8.

Чеховой М. П., 31 января 1900*

3028 . М. П. ЧЕХОВОЙ

31 января 1900 г. Ялта.

Милая Маша, в Ялте уже весна, распускаются вербы, трава. Целый день открыты окна. Мать здорова. Ей бы следовало теперь гулять,

но не в чем. У нее есть длинный балахон (из Ярославля) со шлейфом, который волочится по грязи, а удобного платья нет. Сегодня я водил ее к зубному врачу, извозчика до церкви не было, и я видел, какое мученье испытывала она в этом балахоне.

Из Москвы мне *никто* не пишет, кроме тебя, да и ты пишешь раз в месяц. В марте я уеду за границу на всё лето, должно быть*.

Будь здорова. Как прошел юбилей «Русской мысли»? Нового у нас ничего.

Твой Antoine.

31 янв.

На обороте:

Москва. Марии Павловне Чеховой.

Мл. Дмитровка, д. Шешковой.

Ундольскому П. В., 1 февраля 1900*

3029. П. В. УНДОЛЬСКОМУ
1 февраля 1900 г. Ялта.

Многоуважаемый Павел Васильевич, это посылаю за февраль*.

Архитектор сказал, что план будет готов на будущей неделе*.

Желаю Вам всего хорошего.

Искренно Вас уважающий А. Чехов.

1 февр.

**Леонтьеву (Щеглову) И. Л., 2 февраля
1900***

3030. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)
2 февраля 1900 г. Ялта.

2 февраль.

Милый Жан, шлю ответ на Ваше последнее письмо*. Станиславского зовут так: Константин Сергеевич Алексеев, Москва, у Красных ворот, собств<енный> дом. Кроме него пьесы читает еще Вл. И. Немирович-Данченко (Каретный ряд, Художественный театр). До сих пор они, кажется, одноактных пьес не ставили. Если пьеса понравится, то они поставят. «Понравится» на их языке значит подойдет, будет интересной в режис<серских> и иных театральных отношениях. Лучше бы Вы написали для этого необыкновенного театра 4-актную пьесу, щегловскую, настоящую художественную вроде «Гордиева узла»*, без репортеров и без благородных стариков-писателей. Милый Жан, обличения, желчь, сердитость, так называемая «независимость», т. е.

критика на либералов и новых людей — это совсем не Ваше амплуа. Господь послал Вам доброе нежное сердце, пользуйтесь же им, пишите мягким пером, с легкой душой, не думая об обидах, Вами понесенных. Вы называете себя моим почитателем*. А я — Ваш почитатель, и самый упорный, потому что я знаю Вас и знаю, из какого материала сделан Ваш талант, и меня никто не собьет с моего крепкого убеждения, что Вы владеете настоящей искрой божией. Но Вы, вследствие обстоятельств*, сложившихся так, а не иначе, раздражены, залезли по колена в мелочи, утомлены мелочами, мнительны, не верите себе, отсюда постоянные мысли о болезнях, о нужде, мысли о пенсии, о Вейнберге. О пенсии Вам рано еще думать*, а Вейнберг, если охладил к Вам, то имел на это некоторое право, или основание; Вы напечатали протест, обличали Л<итературно>-т<еатральный> комитет, и это тогда произвело на всех тяжелое впечатление, вероятно, потому, что это не принято. Будьте объективны, взгляните на всё оком доброго человека, т. е. Вашим собственным оком, — и засядьте писать повесть или пьесу

из русской жизни, не критику на русскую жизнь, а радостную песнь Щегла* по поводу русской жизни, да и вообще нашей жизни, которая дается только один раз и тратить которую на обличение шмулей, ядовитых жен и Комитета, право, нет расчета. Милый Жан, отнесите к себе, к своему дарованию справедливо, пустите Ваш большой корабль плавать по широкому морю, не держите его в Фонтанке. Простите всем, кто обидел Вас, махните рукой и, повторяю, садитесь писать.

Простите, что я заговорил певучим тоном богомолки. Но я отношусь к Вам искренно, как товарищ, и отделяться коротеньким деловым ответом было бы с моей стороны по меньшей мере не своевременно.

Был бы очень рад, если бы судьба привела повидаться с Вами весной. Лаура я давно не видел. Никаких сплетен от него я не слышал*.

Мое здоровье не поправилось, но жить можно. В этом году мне лучше, чем было в прошлом. Мать шлет сердечное спасибо за поклон и сама кланяется.

Передайте мой привет Вашей жене и будьте здоровы, милый Жан. Крепко жму руку.

Ваш А. Чехов.

**Пешкову А. М. (М. Горькому), 3 февраля
1900***

3031 . А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)
3 февраля 1900 г. Ялта.

3 февр.

Дорогой Алексей Максимович, спасибо Вам за письмо, за строки о Толстом и «Дяде Ване», которого я не видел на сцене*, спасибо вообще, что не забываете. Здесь, в благословенной Ялте, без писем можно было бы око-леть. Праздность, дурацкая зима с постоянной температурой выше нуля, совершенное отсутствие интересных женщин, свиные ры-ла на набережной — всё это может изгадить и износить человека в самое короткое время. Я устал, мне кажется, что зима тянется уже де-сять лет.

У Вас плеврит?* Если так, то зачем Вы си-дите в Нижнем? Зачем? Что Вам нужно в этом Нижнем, кстати сказать? Какая смола приклеила Вас к этому городу? Если Вам, как Вы пишете, нравится Москва, то отчего Вы не живете в Москве? В Москве — театры и проч.,

и проч., а главное — из Москвы рукой подать за границу, а живя в Нижнем, Вы так и застрянете в Нижнем и дальше Васильсурска не поедете*. Вам надо больше видеть, больше знать, шире знать. Воображение у Вас цепкое, хватистое, но оно у Вас как большая печка, которой не дают достаточно дров. Это чувствуется вообще, да и в отдельности в рассказах; в рассказе Вы даете две-три фигуры, но эти фигуры стоят особнячком, вне массы; видно, что фигуры сии живут в Вашем воображении, но только фигуры, масса же не схвачена. Исключаю из сего Ваши крымские вещи (напр<имер> «Мой спутник»), где кроме фигур чувствуется и человеческая масса, из которой они вышли, и воздух, и дальний план, одним словом — всё. Видите, сколько я наговорил Вам — и это, чтоб Вы не сидели в Нижнем. Вы человек молодой, сильный, выносливый, я бы на Вашем месте в Индию укатил, черт знает куда, я бы еще два факультета прошел. Я бы, да я бы — Вы смеетесь, а мне так обидно, что мне уже 40, что у меня одышка и всякая дрянь, мешающая жить свободно. Как бы ни было, будьте добрым человеком и това-

рищем, не сердитесь, что я в письмах читаю Вам наставления, как протопоп*.

Напишите мне. Жду «Фому Горд<еева>»*, которого я до сих пор не прочел как следует.

Нового ничего нет. Будьте здоровы, крепко жму руку.

Ваш А. Чехов.

Ундольскому П. В., 4 февраля 1900*

3032. П. В. УНДОЛЬСКОМУ
4 февраля 1900 г. Ялта.

Многоуважаемый Павел Васильевич, план уже готов* — очень хороший, лучше, чем я мог мечтать. Так как он нуждается в пояснениях, то благоволите приехать в Ялту, если возможно.

Желаю Вам всего хорошего.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

4 февр.

Грюнбергу Ю. О., 5 февраля 1900*

3033. Ю. О. ГРЮНБЕРГУ
5 февраля 1900 г. Ялта.

5 февр. 1900.

Многоуважаемый Юлий Осипович, простите, что я до сих пор не прислал Вам списка рассказов*, определяющего, как Вы желали, содержание каждого тома. Во-первых, мне всё время нездоровилось, во-вторых, я считал и сбивался со счета. Теперь я посылаю список тех «Пестрых рассказов», которые должны войти во II том, и тех, уже набранных, которые следует перенести из II в III. Когда типография пришлет мне то, что она уже набрала для II тома, тогда я точно разграничу II и III томы, сочту строчки и буквы и пришлю списки, а теперь не сердитесь и простите мне промедление, виновником которого на сей раз был я один.

Прилагаемую расписку* в получении 20 тыс<яч> благоволите передать Адольфу Федоровичу вместе с моей благодарностью за поздравление* (избрание в академики).

Позвольте пожелать Вам всего хорошего и крепко пожать руку.

Преданный

А. Чехов.

Много рассказов, я заблудился в них. Рассказ «Нахлебники», о котором Вы писали как

о пропущенном* и в пропуске которого я повинился, оказывается, помещен в «Пестрых рассказах» издания Суворина.

Поссе В. А., 5 февраля 1900*

3034 . В. А. ПОССЕ
5 февраля 1900 г. Ялта.

Многоуважаемый Владимир Александрович, напрасно я читал корректуру, ее в типографии не исправили*. Как были «табельные» вместо «заговенье» (стр. 203), так и осталось. В деревне никаких табельных дней не знают и не празднуют — и это «табельные» покажется людям знающим нелепостью. После «сига» (стр. 110) запятая для чего-то, после «певчих» (ibid.) нет запятой, после «Бог милостив» (стр. 214) запятая. «Глазы» корректор исправил, показалось ему неправильно (216), а Гантаревы вместо Гунтаревы так и осталось. И кавычек ненужных понаставил, и двоеточий. Где у меня точка с запятой, там он поставил двоеточие. На странице 219 строка 9 снизу, после «возьми» нет тире (—) и т. д. и т. д.

Все эти опечатки, особенно «табельные» и «Цыбулякин» (231 внизу), «Цыбулькин» (233,

8-я строка сверху), так аффрашировали меня, что я теперь видеть не могу своего рассказа. Такое обилие опечаток для меня небывалая вещь и представляется мне целой оргией типографской неряшливости — простите мне это раздражение.

Оттисков до сих пор я не получил*.

Некий Б. Лазаревский*, юрист, выпустивший уже книжку рассказов, сообщил мне на днях, что он послал в «Жизнь» повесть, — и просил меня написать Вам об этом.

Будьте здоровы, желаю Вам всего хорошего.

Преданный А. Чехов.

5 февр.

Пругавину А. С., 5 февраля 1900*

3035. А. С. ПРУГАВИНУ
5 февраля 1900 г. Ялта.

...Что касается моих прошлогодних писем, то* простите, я против того, чтобы Вы их напечатали. Большое Вам спасибо, я прекрасно понимаю, в чем дело, и ценю высоко Ваши намерения и Ваше отношение ко мне и уклонюсь от напечатания моих писем только по

причинам, так сказать, психологическим. Напечатание связало бы меня на будущее время; потом, когда бы я писал письма, я был бы уже не свободен, так как мне всё казалось бы, что я пишу для печати.

Позвольте еще раз поблагодарить Вас и пожелать Вам всего хорошего. Будьте здоровы — главным образом.

Искренно Вас уважающий и преданный
А. Чехов.

Лаврову В. М., 6 февраля 1900*

3036. В. М. ЛАВРОВУ
6 февраля 1900 г. Ялта.

Милый друг Вукол Михайлович, сегодня 6 февраля — ты именинник? Поздравляю тебя и шлю сердечные пожелания; живи еще долго и будь здоров, богат и весел. Так как юбилейное настроение еще не прошло*, то еще раз поздравляю тебя с двадцатилетием твоей талантливой и беспорочной службы на пользу русской литературы, пламенная твоя любовь к которой так очевидна. Юбилейное торжество удалось вполне — и с этим тебя тоже поздравляю; оно, это торжество, показало те-

бе и Виктору Александровичу еще раз, как много добра сделали Вы оба.

Когда же в Ялту?* Здесь уже пахнет весной. На набережной торгуют цветами, в Мисхоре видели перелетных гусей, в садах кричат птички. Если надумаешь приехать, то напиши. Приеду на пароход встречать и, если уполномочишь, поговорю с т-те Яхненко*.

Софью Федоровну поздравляю с именинником, а тебе крепко жму руку и кланяюсь. Черкни, не забывай.

Твой А. Чехов.

6 февр. 1900.

Чеховой М. П., 6 февраля 1900*

3037. М. П. ЧЕХОВОЙ
6 февраля 1900 г. Ялта.

6 февр.

Милая Маша, в настоящее время в Москве находится Мария Абр<амовна> Альтшуллер. Ее адрес: Мясницкая, Георгиевский пер., д. Бахрушиных, кв. Мирке. У нее для тебя 2 бут<ылки> вина. Пробудет она в Москве дней пять. Пришли с ней икры, беловской колбасы, копчушек и еще что-нибудь. Если тебе поче-

му-либо нельзя побывать у М<арии> А<бравмовны>, то пошли к ней посыльного. Альтшуллер лечит мать; и у меня нет другого способа заплатить ему, как дать возможность его жене побывать на моей пьесе — раз она выразила желание побывать. Устрой так, чтобы она побывала на «Одиноких» и «Дяде Ване». Если тебе некогда будет доставать билеты, то напиши Вишневскому, чтобы он, пожалуйста, послал ей билеты по вышеписанному адресу, а потом ты заплатишь ему.

Мать здорова, жалуется только на ключицу, всё благополучно. Погода была хорошая, теперь — скверная. Шоссе еще не кончили.

Будь здорова.

Твой Antoine.

Чехову И. П., 7 февраля 1900*

3038. И. П. ЧЕХОВУ
7 февраля 1900 г. Ялта.

Милый Иван, писал ли я тебе, что я купил в Гурзуфе кусочек берега? Мне принадлежит маленькая бухта с прекрасным видом, собственными скалами, купаньем, рыбной ловлей и проч. и проч. Пристань и парк очень

близко, 3 минуты ходьбы. Домишка есть, но жалкий, в 3 комнаты; одно дерево. Полагаю, что мы, т. е. я, мать, Маша и все наши крепостные, будем лето проводить в Гурзуфе. Если пожелаешь, то я для тебя найму рядом у татарина комнату или две, только напиши заранее. Купи на Трубе лесок и плетушку для рыбы в виде бочонка ведерного, а также грузил и всякой рыболовной чепухи. На новой даче только одно дерево, шелковица, но посадить можно сотню, что я и сделаю. Кучук-Кой придется продать*. У нас всё благополучно. Нового ничего нет. Соне и Володе сердечный привет. Будь здоров.

Твой Antoine.

Отчего не пижешь?

7 февр.

На обороте:

Москва. Ивану Павловичу Чехову.

Н. Басманная, д. Крестовоздвиженского.

Книппер О. Л., 10 февраля 1900*

3039. О. Л. КНИППЕР
10 февраля 1900 г. Ялта.

10 февр.

Милая актриса, зима очень длинная, мне нездоровилось, никто мне не писал чуть ли не целый месяц — и я решил, что мне ничего более не остается, как уехать за границу*, где не так скучно. Но теперь потеплело, стало лучше — и я решил, что поеду за границу только в конце лета, на выставку*.

А Вы-то зачем хандрите?* Зачем хандрите? Вы живете, работаете, надеетесь, пьете, смеетесь, когда Вам читает Ваш дядя, — чего же Вам еще? Я — другое дело. Я оторван от почвы, не живу полной жизнью, не пью, хотя люблю выпить; я люблю шум и не слышу его, одним словом, я переживаю теперь состояние пересаженного дерева, которое находится в колебании: приняться ему или начать сохнуть? Если я иногда позволю себе пожаловаться в письме на скуку, то имею на то некоторое основание, а Вы? И Мейерхольд тоже жалуется на скуку жизни*. Ай-ай! Кстати о Мейерхольде. Ему надо провести в Крыму всё лето, этого требует его здоровье. Только непременно все лето.

Ну-с, теперь я здоров. Ничего не делаю, так как собираюсь засесть за работу. Копаюсь в

саду.

Вы как-то писали, что для Вас, маленьких людей, будущее покрыто тайной*. Недавно я получил от Вашего начальника Вл. Ив. Немировича письмо*. Он пишет, что труппа будет в Севастополе, потом в Ялте — в начале мая. В Ялте 5 спектаклей, потом репетиции вечерние. Для репетиций останутся только ценные представители труппы, прочие же будут отдыхать, где им угодно. Надеюсь, что Вы ценная. Для директора Вы ценная, а для автора — бесценная. Вот Вам и каламбур на закуску. Больше писать не буду, пока не пришлете портрета. Целую ручку.

Vau Antonio, academicus.

Весной труппа будет и в Харькове. Я поеду тогда к Вам навстречу, только никому об этом не говорите. Надежда Ив<ановна> уехала в Москву.

Благодарю за пожелания по поводу моей женитьбы*. Я сообщил своей невесте о Вашем намерении приехать в Ялту, чтобы обманывать ее немножко. Она сказала на это, что когда «та нехорошая женщина» приедет в Ялту, то она не выпустит меня из своих объятий. Я

заметил, что находиться в объятиях так долго в жаркое время — это негигиенично. Она обиделась и задумалась, как бы желая угадать, в какой среде усвоил я этот *façon de parler*[1], и немного погодя сказала, что театр есть зло и что мое намерение не писать больше пьес заслуживает всякой похвалы, — и попросила, чтобы я поцеловал ее. На это я ответил ей, что теперь мне, в звании академика, неприлично часто целоваться. Она заплакала, и я ушел.

На конверте:

Москва. Ольге Леонардовне Книппер.

У Никитских ворот, угол Мерзляковского пер., д. Мещериновой

Вишневскому А. Л., 11 февраля 1900*

3040. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ
11 февраля 1900 г. Ялта.

11 февр.

Милый земляк, письмо Ваше получил, фотографий же нет*, вероятно, придут завтра, если Вы не раздумали послать их. Благодарю Вас за подробности, касающиеся театра*, главным образом за бухгалтерию, из которой я вижу, что в этом году у Вас дефициту 15 тыс., в

1901 г. с расширением Щукинского театра будет дефициту только 900 р., а в 1902 г., дивиденду 82 р., а в 1903 г. дивиденду уже 112 р. Весь этот дивидент, пожалуйста, отдайте Морозову, чтобы он ушел, а сами в 1904 г. выстройте свой собств<енный> театр, чтобы иметь не менее +60 тыс<яч> в год. Ведь Вам стыдно иметь меньше. Если взять в соображение, какое большое у Вас дело и какой большой шум идет по всей России, то Вам грех скряжничать и считать дефициты. Вам еще в прошлом году следовало начать строить свой театр.

Если в самом деле можно было бы часть сбора 20 февр<аля> отдать в пользу чахот<очных>* больных, то это было бы очень хорошо. Тут несколько благотворит<ельных> обществ, я состою при Попечительстве о приезжих больных — не забудьте это название, чтобы пожертвование не попало куда-нибудь в другое место. Насчет спектакля в Ялте в пользу Попечительства буду просить дирекцию также и я сам.

Пьесу напишу, но с условием, чтобы дирекция разрешила мне продавать роли арти-

стам с аукциона. Кто больше даст, тому и роль.

Прилагаю вырезку из «Приазовского края»*. Из нее Вы увидите, что в Таганроге меня почитают несмотря на Ваши интриги.

Вашим письмом Вы меня очень уважили, и я не знаю, как благодарить Вас. Мой поклон и сердечный привет передайте Гликерии Николаевне*, Немировичу, Алексееву и всем. Будьте здоровы, веселы, кушайте блины и зернистую икру, кушайте семгу, балык, осетровую селянку — и знайте, что изгнанник завидует Вам. Крепко жму руку.

Ваш А. Чехов.

На конверте:

Москва. Его Высокоблагородию Александру Леонидовичу Вишневскому.

Леонтьевский пер., д. Иордана.

В Серпуховскую уездную земскую управу, 11 февраля 1900*

3041. В СЕРПУХОВСКУЮ УЕЗДНУЮ ЗЕМСКУЮ УПРАВУ (ЧЕРНОВИК)

11 февраля 1900 г. Ялта.

Год назад мною было подано заявление*[2],

в котором я просил о сложении с меня обязанностей попечителя Чирк<овского> уч<илища>, из отчета же за истекший год видно, что[3] эта просьба моя не была уважена. Ныне имею честь[4] заявить, что по расстр<оенному> здоровью и по дальности расстояния я не могу[5] исправно нести обязанности попечителя*[6] Чирковского[7] и Талезского училищ и покорнейше прошу сделать надлежащее распоряжение о[8] выборе вместо меня другого лица.

Хмелеву Н. Н., 11 февраля 1900*

3042. Н. Н. ХМЕЛЕВУ
11 февраля 1900 г. Ялта.

11 февр.

Многоуважаемый Николай Николаевич, большое Вам спасибо за поздравление* и за ласковые слова. Несколько опаздываю с этой своей благодарностью, потому что похварывал, да и кстати же Вам было не до писем. Вы были поглощены интересами земского собрания.

О том, как употребить 100 р., пожертвованные г-жей Свербеевой*, я напишу Вам в конце

марта или в апреле, когда сам ориентируюсь немножко. Думаю, что ста рублей хватит для двоих. Если же Вы здесь будете на Пасхе, то вместе посоветуемся и решим, что и как.

Теперь большая просьба. В начале прошлого года я подал в Серпух<овскую> управу заявление*, в котором просил сложить с меня обязанности попечителя Чирковского училища. Просьба моя, конечно, была гласом вопиющего в пустыне, заявление мое бросили под стол и, вероятно, затеряли, как бы ни было, мне на него не ответили. Затем постоянные дразги в Талежск<ом> училище, поп, мужики, бьющие стекла*, г-жа Анисимова со своим характером, жалостные письма ее помощницы, полное невнимание управы, ее отчеты по народному образованию — всё это утомило меня и портит мне нервы. Сегодня я послал заявление*, что по расстроенному здоровью и по дальности расстояния не могу продолжать попечительства — ни в Чирковском, ни в Талежск<ом> училищах. Не могу больше!!!

Пожалуйста, насколько это от Вас зависит, походатайствуйте, чтобы просьба моя на сей раз была уважена. Поддержите меня в учи-

лицном Совете*. Я не боец, и мне попечительство не по характеру, эти все дразги, письма, которые я получал и получаю, всё время давили меня, как кошмар.

Погода в Ялте уже весенняя. Когда солнце, то бывает очень хорошо, когда же нет солнца, то хоть не выходи — сыро и промозгло.

Посылаю сердечный привет Надежде Наумовне*, Вам кланяюсь и крепко жму руку. Будьте здоровы и благополучны.

Преданный А. Чехов.

Суворину А. С., 12 февраля 1900*

3043. А. С. СУВОРИНУ
12 февраля 1900 г. Ялта.

12 февр.

Я ломал голову над IV актом* и ничего не придумал, кроме того разве, что кончить нигилистами нельзя. Это слишком бурно, крикливо, к Вашей же пьесе более идет конец тихий, лирический, трогательный. Когда Ваша героиня состарится, не придя ни к чему и ничего не решив для себя, и увидит, что всеми она покинута, неинтересна, не нужна, когда поймет, что окружавшие ее люди были празд-

ные, ненужные, дурные люди (отец — тоже) и что она проморгала жизнь, — разве это не страшнее нигилистов?

Письма Ваши насчет «Русалки» и Корша очень хороши*. Тон блестящий, и написано чудесно. Но вот насчет Коноваловой и присяжных*, мне кажется, Вам не следовало бы писать, как ни заманчив сюжет. Пусть А-т пишет сколько угодно, но не Вы, ибо это не Ваше амплуа. Чтобы трактовать подобные вопросы смело и уверенно, надо быть прямолинейным человеком, а Вы на половине письма собьетесь, как и сбились, заговорив вдруг о том, что мы все иногда желаем убивать, желаем смерти ближним нашим. Когда невестке становится тошно и невмоготу от больной свекрови, злющей старухи, то ей, невестке, бывает легче при мысли, что старуха скоро помрет, но это не желание смерти, а утомление, немощный дух, досада, тоска по спокойствию. Если этой невестке приказать убить старуху, то она скорее себя убьет, какие бы там желания ни копошились в ее душе.

Да, конечно, присяжные люди и могут ошибаться, но что же из этого? Бывает так,

что по ошибке подадут милостыню сытому вместо голодного, но сколько ни пишите по этому поводу, ни до чего не допишетесь, а только повредите голодным. Ошибаются, с нашей точки зрения, присяжные или не ошибаются, мы должны признать, что в каждом отдельном случае судят они сознательно, что совесть у них при этом бывает крайне напряжена; а если капитан парохода ведет свой пароход сознательно, всё время глядя в карту и на компас, и если пароход все-таки терпит крушение, то не будет ли правильнее искать причину крушения не в капитане, а в чем-нибудь другом, например, хоть в том, что карта давно устарела или дно моря изменилось? Ведь присяжным приходится считаться с тремя обстоятельствами: 1) кроме действующего права, кроме уложений и юридических определений, существует еще нравственное право, которое всегда идет впереди действующего и определяет наши поступки, именно когда мы хотим действовать по совести; так, по закону дочери полагается $\frac{1}{7}$ часть, Вы же, следуя требованиям чисто нравственного порядка, идете впереди закона и вопреки ему,

завещаете ей столько же, как и сыновьям, ибо знаете, что, поступив иначе, Вы поступили бы против совести. Так и присяжным случается иногда попадать в положение, когда они сознают и чувствуют, что совесть их не удовлетворяется действующим правом, что в деле, которое они решают, есть оттенки и тонкости, которые не укладываются в «Уложение о наказаниях», и что для правильного решения вопроса, очевидно, не хватает еще чего-то, и за неимением этого «чего-то» они поневоле выносят приговор, в котором чего-то недостает; 2) присяжные сознают, что оправдание не есть прощение и что оправдание не освобождает подсудимого от страшного суда на том свете, от суда совести, от суда общественно-го мнения; они решают вопрос лишь постольку, поскольку он судебный вопрос, а это уж пусть А-т решает, хорошо ли убивать детей или дурно, 3) подсудимый является на суд, уже измученный тюрьмой и следствием, и на суде переживает он мучительное состояние, так что и оправданный не выходит из суда безнаказанным.

Так это или не так, но, оказывается, пись-

мо уже почти кончено, а я, в сущности, ничего не написал. У нас в Ялте весна, нового и интересного ничего нет. В здешней книжной лавке я купил последний том Л. Толстого* с «Воскресением»; оказалось, что это совершенная подделка под издание Толстого, — тонкая работа Клюкина. Спрашиваю: откуда выписали? Ответ: из Одессы от Суворина.

Кто это Фома Неверный?* Анне Ивановне, Насте и Боре привет и поклон нижайший. Не побываете ли Вы в Крыму весной? Из Ялты можно было бы на лошадях в Феодосию, в монастыри. Будьте здоровы, кланяюсь Вам.

Ваш А. Чехов.

«Воскресение» замечательный роман. Мне очень понравилось, только надо читать его всё сразу, в один присест. Конец неинтересен и фальшив, фальшив в техническом отношении.

Книппер О. Л., 14 февраля 1900*

3044. О. Л. КНИППЕР
14 февраля 1900 г. Ялта.

14 февр.

Милая актриса, фотографии очень, очень

хороши, особенно та, где Вы пригорюнились*, поставив локти на спинку стула, и где передано Ваше выражение — скромно-грустное, тихое выражение, за которым прячется чёртик. И другая тоже удачна, но тут Вы немножко похожи на евреечку, очень музыкальную особу, которая ходит в консерваторию и в то же время изучает на всякий случай тайно зубо-врачебное искусство и имеет жениха в Могилеве; и жених такой, как Манасевич. Вы сердитесь? Правда, правда, сердитесь?* Это я мщущу Вам за то, что Вы не подписались.

В саду из 70 роз, посаженных осенью, не принялось только 3. Лилии, ирисы, тюльпаны, туберозы, гиацинты — всё это ползет из земли. Верба уже позеленела; около той скамьи, что в углу, уже давно пышная травка. Цветет миндаль. Я по всему саду наставил лавочек, не парадных с чугунными ногами, а деревянных, которые выкрашу зеленой краской. Сделал три моста через ручей. Сажаю пальмы. Вообще новостей много, так много, что Вы не узнаете ни дома, ни сада, ни улицы. Только один хозяин не изменился, всё тот же хандрюля и усердный почитатель талантов,

живущих у Никитских ворот*. С самой осени я не слышал ни музыки, ни пения, не видел ни одной интересной женщины — ну как тут не захандришь?

Я решил не писать Вам, но так как Вы прислали фотографии, то я снимаю с Вас опалу и вот, как видите, пишу. Даже в Севастополь приеду*, только, повторяю, никому об этом не говорите, особенно Вишневскому. Я буду там incognito, запишусь в гостинице так: граф Черномордик.

Это я пошутил, сказавши, что Вы похожи на портрете на евреечку. Не сердитесь, драгоценная. Ну-с, а засим целую Вам ручку и пребываю неизменно

Вашим

А. Чеховым.

Что у вас в театре делает Иван Цингер?*

На конверте:

Москва. Ольге Леонардовне Книппер.

У Никитских ворот, д. Мещериновой.

Чеховой М. П., 14 февраля 1900*

3045. М. П. ЧЕХОВОЙ

14 февраля 1900 г. Ялта.

14 февр.

Милая Маша, на могильной плите надо написать:

Павел Георгиевич Чехов 1825-1898

Т. е. год рождения и смерти. Год рождения записан отцом собственноручно, и запись эта хранится у меня. Чем проще плита, тем лучше.

В Ялте было тепло и так себе, а теперь опять холодно. Ты говоришь, что я пугаю своими отъездами*, но что же делать, если по временам мне необходимо уезжать...

Я долго не получал писем. Получал письма только от таких особ, как* умилительная Веселитская и либерально-строгая А. Ф. Линтварева (Бурлей). Но на днях вдруг привалило, получил из Москвы сотню писем. Прислала письмо Гургуля, очень талантливое*, хотя и безграмотное. Она пишет, что Ольга Леон<ардовна> сказала ей, будто она очень любит Немировича, а меня не любит вовсе. Затем Вишневский прислал фотографии, снимки «Чайки». Из семи карточек пять изображают персону самого В<ишневского> (это очень интересно!), а на двух изображена группа с

О<льгой> Л<еонардовной>. Великая актриса, судя по этим карточкам, пополнила и похорошела, завидую Немировичу.

Об участке в Гурзуфе* расскажет тебе доктор П. П. Розанов, который теперь в Москве.

Будь здорова. Дома всё благополучно.

Твой Antoine.

Повидайся с Мейерхольдом и убеди его провести все лето где-нибудь южнее Москвы. Лучше всего ему прожить лето в Крыму и на Кавказе. Иначе он истреплет свое здоровье.

**Пешкову А. М. (М. Горькому), 15
февраля 1900***

3046. А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)
15 февраля 1900 г. Ялта.

15 февр.

Дорогой Алексей Максимович, Ваш фельетон в «Нижегор<одском> листке»* был бальзамом для моей души. Какой Вы талантливый! Я не умею писать ничего, кроме беллетристики, Вы же вполне владеете и пером журнального человека. Я думал сначала, что фельетон мне очень нравится, потому что Вы меня хвалите, потом же оказалось, что и Средин, и его

семья, и Ярцев — все от него в восторге. Значит, валяйте и публицистику, господь Вас благословит!

Что же мне не шлют «Фомы Гордеева»? Я читал его только урывками, а надо бы прочесть все сразу, в один присест, как я недавно прочел «Воскресенье». Всё, кроме отношений Нехлюдова к Катюше, — довольно неясных и сочиненных, всё поразило меня в этом романе силой и богатством, и широтой, и искренностью человека, который боится смерти, не хочет сознаться в этом и цепляется за тексты из свящ<енного> писания.

Напишите же, чтобы мне прислали «Фому».

«Двадцать шесть и одна» — хороший рассказ, лучшее из того, что вообще печатается в «Жизни»*, в сем дилетантском журнале. В рассказе сильно чувствуется место, пахнет бубликами.

«Жизнь» напечатала мой рассказ с грубыми опечатками**, невзирая на то, что я читал корректуру. Раздражает меня в «Жизни» и провинц<иальные> картинки Чирикова, и картина «С Новым годом!», и рассказ Гуревич*

Только что принесли Ваше письмо. Так не хотите в Индию?* Напрасно. Когда в прошлом есть Индия, долгое плавание, то во время бессонницы есть о чем вспомнить. А поездка за границу отнимает мало времени, она не может помешать Вам ходить пешком по России.

Мне скучно не в смысле *Weltschmerz**[9], не в смысле тоски существования, а просто скучно без людей, без музыки, которую я люблю, и без женщин, которых в Ялте нет. Скучно без икры и без кислой капусты.

Очень жаль, что Вы, по-видимому, раздумали приехать в Ялту*. А здесь в мае будет Художественный театр из Москвы. Даст 5 спектаклей и потом останется репетировать. Вот приезжайте, на репетициях изучите условия сцены и потом в 5–8 дней напишете пьесу, которую я приветствовал бы радостно, от всей души.

Да, я теперь имею право выставлять на вид, что мне 40 лет, что я человек уже не молодой. Я был самым молодым беллетристом, но явились Вы — и я сразу посолиднел, и уже никто не называет меня самым молодым.

Крепко жму руку. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

Только что получил фельетон Жуковского*.

* Например «табельные» вместо «заговенье».

Поссе В. А., 15 февраля 1900*

3047. В. А. ПОССЕ
15 февраля 1900 г. Ялта.

Многоуважаемый Владимир Александрович, «Фома Гордеев», да еще в превосходном переплете — это ценный, трогательный подарок*, благодарю Вас от всей души. Тысячу раз благодарю! Я читал «Фому» только урывками, теперь же прочту как следует. Печатать Горького урывками и по частям нельзя; или он должен писать короче, или же Вы должны помещать его целиком, как это «Вестник Европы» делает с Боборыкиным. Кстати сказать, «Фома» имеет успех, но только у умных, начитанных людей, у молодых также. Я раз подслушал в саду беседу одной дамы (петербургской) с дочерью: мать бранила, дочь хвалила.

За опечатки я сердился не на Вас*, а на типографию. Теперь у меня отлегло, я забыл про

них, но мною руководил не столько гнев, сколько рассуждение, что типографию необходимо пробирать почаще. Типография и контора — это всегдашняя оппозиция журналу, т. е. редакции, ибо редакции трудно и почти невозможно, при нашей культурной отсталости, иметь и в типографии и в конторе *своих* людей. Добрых людей много, но аккуратных и дисциплинированных совсем, совсем мало. Надо бороться с опечатками, и со шрифтом, и проч. и проч., иначе эти мелкие назойливые промахи станут привычными и журнал постоянно будет носить на себе некоторый, так сказать, дилетантский оттенок. А бороться, по-моему, можно только одним способом: постоянно заявлять о замеченных ошибках.

Во всяком случае, Вы не огорчайтесь очень, не сокрушайте Ваших нервов, а, напротив, торжествуйте, так как дела Ваши великолепны. «Жизнь» сильно читают.

Ох, я все о том же: пришлите мне хоть 5 оттисков*. Мне это нужно, нужно прежде всего для Маркса, потом заграничным переводчикам.

Гонорар я получил, спасибо.

Итак, не огорчайтесь и простите, что я своим сердитым письмом нагнал на Вас дурное настроение. Больше не буду писать таких писем. Желаю всего хорошего.

Преданный

А. Чехов.

15/II.

Ялта.

Тараховскому А. Б., 15 февраля 1900*

3048 . А. Б. ТАРАХОВСКОМУ
15 февраля 1900 г. Ялта.

15 февр. 1900 г.

Многоуважаемый Абрам Борисович <...>
[10] А засим большое Вам спасибо за поздравление и вообще за письмо. Вы с женой пережили тяжелую передрыгу*, я сочувствую Вам всей душой, потому что знаю, что это значит, и желаю, чтобы теперь Ваше спокойствие не нарушалось так грубо, по крайней мере до тех пор, пока не наступит дряхлая старость. Страх потери, переживаемый неделями, месяцами, оставляет след в душе на всю жизнь. У Вас всё обошлось благополучно — и слава богу. Теперь, небось, Вы убедились, поняли, так ска-

зять, всем существом, как еще беден и некультурен наш Таганрог, не имеющий своего хирурга, своей клиники — того, что в центральных губерниях имеет теперь почти каждый уездный городишко.

Квитанцию благоволите передать Сиротину. Из «Приазовск<ого> края»* я до сих пор ничего не получил. Если что есть, то пусть пришлют мне или прямо в Правление Ялтинского Благотворительного общества для Попечительства о приезжих больных.

Пишите пьесу, только не для премий*. Пишите не пьесу, а пьесы, и торопитесь, а то не напишете, так как с годами уходит и гибкость, особенно если нет в прошлом опыта, закрепляющего эту гибкость.

Горький очень талантлив и очень симпатичен как человек*.

Я послал д-ру Гордону небольшую картинку для его приемной. Получил ли он?* Справьтесь, пожалуйста.

Здесь уже весна, но она не чувствуется, так как Ялта надоела. В мае сюда приедет Художественный театр из Москвы. Вот приезжайте посмотреть, как у них идут «Одинокие» Гауп-

тмана. Вы напишете 2–3 фельетона в «Пр<иазовский> кр<ай>» — и поездка Ваша окупится. Будет театр и в Харькове*. Если поедете в Харьков, то надо заранее похлопотать насчет билетов. Пойдут и обе мои пьесы*.

Будьте здоровы, кланяюсь Вам и Вашей жене и детям и радуюсь, что все обошлось благополучно. Жму руку.

Ваш А. Чехов.

Ладыженскому В. Н., 17 февраля 1900*

3049. В. Н. ЛАДЫЖЕНСКОМУ
17 февраля 1900 г. Ялта.

17 февр.

Vive la Penza! Vive monsieur le membre de l'hôtel de Zemstvo! Vive la punition corporelle pour les moujiks![11]

Здравствуй, милый поэт, ревнитель просвещения, литературный летописец и будущий, как надо надеяться, историк пензенской цивилизации! Низко тебе кланяюсь и благодарю за письмо и книжицу*! Письмо твое полно льстиво-величавых выражений*; вероятно, недавно ты был в Москве на юбилее «Русской мысли», останавливался у Д. И. Тихомирова,

слушал его слова и пил его вино мускат (Muskat vomitif) — и все это должно было повлиять на твой слог! Благодарю тебя и за поздравление с избранием в академики и позволяю себе выразить тебе сердечное соболезнование по поводу того, что ты не был избран. Против твоего избрания сильно восставал Антоний, митрополит санкт-петербургский. «Пензенских, говорил он, нам не надо!»

Я всё в той же Ялте. Приятели сюда ко мне не ездят, снегу нет, саней нет, нет и жизни. Cogito ergo sum — и кроме этого «cogito» нет других признаков жизни.

За отсутствием практики многие органы моего тела оказались ненужными, так что за ненадобностью я продал их тут одному турку. Читай сии строки и казись. Пусть совесть терзает тебя за то, что ты так редко мне пишешь!

Новостей никаких. Здоровье сносно. Если бы ты прислал мне еще письмо и своих стихов, то это было бы весьма мне по вкусу. Читал ты повесть мою в «Жизни»? Был ли в Москве на моих пьесах, на «Дяде Ване»? Где Мамин?*

Вообще напиши поподробнее, дабы я имел основание считать тебя добрым человеком.

Будь здоров и крепок. Трудись! Старайся! Часто вспоминаю, как мы сидели у Филиппова и пили чай; за соседним столом сидели две девицы*, из которых одна тебе очень нравилась.

Твой Antonius.

Чеховой М. П., 18 февраля 1900*

3050. М. П. ЧЕХОВОЙ
18 февраля 1900 г. Ялта.

18 февр.

Милая Маша, вот письмо, которое я получил от Александра*:

Окажи, о академик без жалованья, братскую услугу. Отверзи ми двери сотрудничества в московском «Курьере». Перешли к Коновицерам, буде это удобно твоему дундучеству, прилагаемый рассказ. Я послал бы и сам, но они мне, как Седого, ни жнають и могут пожнакомить моево рукопись з/подстольнаго корзина. А ежели Вы пошлете и скажете, кто такова — Седой, тогда я въеду в «Курьер» ни через кухню, а чирез параднава

дверь, как будто из банкирского контора.

Если почему-либо найдешь вмешательство дундучное неудобным, обрати рукопись вспять. Марки прилагаются.

Ты обещал мне 12 коп. за строку в «Курьере», и письмо твое цело. Документик есть.

Пожалуйста, возьми его рассказ и передай Фейгину или Коновицеру. Скажи им, что Александр за беллетристику получает 10–15 к. за строчку.

Будь здорова. У нас всё благополучно. Мать кланяется.

Твой Antoine.

Книппер О. Л., 19 февраля 1900*

3051 . О. Л. КНИППЕР
19 февраля 1900 г. Ялта.

Конфеты бумажник получил* спасибо милая Актриса дай бог вам здоровья радостей вы добрая и умная славненькая весна кричат птицы моем саду расцвела камелия.

Академик.

На бланке:

*Москва. Мерзляковском д. Мещериновой.
Ольге Леонардовне Книппер.*

Меньшикову М. О., 20 февраля 1900*

3052. М. О. МЕНЬШИКОВУ
20 февраля 1900 г. Ялта.

20 февр.

Дорогой Михаил Осипович, в своем последнем письме я писал Вам* о «Неделе» и рукописи Воскресенского («Глупости Ивана Ивановича»). «Неделю» я уже получаю, большое Вам спасибо, а насчет рукописи всё еще ничего не знаю*. Между тем автор томится.

«Неделю» читаю. Ваша статья о Неплюеве великолепна*. Что касается Вл<адимира> Соловьева, то мне не хочется согласиться с Вами*. Правда, Лев Толстой большой человек, но что же делать, если Вл<адимир> Соловьев верует в телесное воскресение, в европ<ейскую> культуру? Тон «Трех пальм» может не нравиться, но ведь «это дело вкуса» — могут сказать.

На днях соберусь написать Лидии Ивановне, а пока передайте ей мой привет. Она спрашивала в письме*, как здоровье сестры и понравилась ли ей, т. е. сестре, моя повесть. Вот ответ: 1) сестра живет в Москве, куда уехала

еще осенью, 2) из писем ее не видно, читала она мою повесть или нет; вероятно, не читала*. В Москве она очень занята.

Что Вы думаете о Горьком?* Это очень талантливый человек. Сужу так не по «Фоме Гордееве», а по небольшим повестям, например, «В степи», «Мой спутник».

Произошло чудо: у меня в саду в грунту расцвела камелия — явление в Ялте, кажется, небывалое. Она перезимовала, пережила 8-гр<адусные> морозы. Мне кажется, что я, если бы не литература, мог бы быть садовником.

Ну, будьте здоровы, храни Вас бог.

Ваш А. Чехов.

На конверте:

Царское Село. Михаилу Осиповичу Меньшикову.

Магазейная, д. Петровой.

Симиренко Л. П., 20 февраля 1900*

3053. Л. П. СИМИРЕНКО
20 февраля 1900 г. Ялта.

Садовое заведение Льва Платоновича Симиренко.

Имею честь покорнейше просить выслать

мне Ваш каталог*, а также сообщить, имеются ли у Вас в настоящее время дички *Pirus paradisiaca**. Мой адрес: Ялта, Антону Павловичу Чехову.

С почетом

А. Чехов.

20 февр. 1900 г.

Ялта.

Чеховой М. П., 22 февраля 1900*

3054 . М. П. ЧЕХОВОЙ
22 февраля 1900 г. Ялта.

Милая Маша, мать просит купить ей готовую полуротонду и прислать. Я не писал так долго*, потому что не о чем писать. У нас тепло; в водопроводе совсем нет воды — и одни говорят, что это от бесснежной зимы и так будет всё лето, другие же говорят, что труба лопнула, и мер никаких не принимают. Если, как говорит Марья Абрамовна*, ты приедешь в апреле, то буду очень рад. Театр в Ялте не будет, так писал Немирович*. Ты сердисься, что я не ответил насчет «Курьера»*. Сия газета желает получить от меня рассказ на 2–3 фельетона, но я таких рассказов не пишу. Насчет пьесы я

писал Немировичу*.

Закуски получил, спасибо. На Пасхе привези еще. У нас всё благополучно, кроме воды, и если водяной вопрос решится хотя сносно, то сад будет роскошный и, как это ни странно, доходный. Цветет в саду камелия, этого не бывало в Ялте. Ловлю мышей. Будь здорова, брось лечиться.

Твой Antoine.

22 февр.

См. «Нива», выкройки, февраль: «длинная пелерина» № 1; мать хочет такую из драпа без меха.

На обороте:

Москва. Марии Павловне Чеховой

Мл. Дмитровка, д. Шешкова.

Лазаревскому Б. А., 26 февраля 1900*

3055. Б. А. ЛАЗАРЕВСКОМУ
26 февраля 1900 г. Ялта.

26 февр.

Многоуважаемый Борис Александрович,
Ваш рассказ я прочел* с большим удовольствием, это лучшее, что Вы до сих пор на...[12]
<...> рассказ хорош, хорошо сделан, Силен-

ко и Ф. написаны деликатно, особенно хороша первая глава. Желая, чтобы Вы и впредь так бы писали и все бы усовершенствовались <...>[13].

«Русские ведомости» печатают только небольшие рассказы*, на один фельетон. С «продолжением» же они печатают очень, очень редко, когда длинное произведение прислано старым сотрудником, напри<ер>, Боборыкиным или Станюковичем.

Если бы я был редактором «Жизни», то конечно напечатал бы Вашего «Машиниста», списавшись только с Вами относительно конца и даже не настаивая на его изменении.

Будьте здоровы. Жму руку.

Уважающий Вас

А. Чехов.

Чеховой М. П., 26 февраля 1900*

3056. М. П. ЧЕХОВОЙ

26 февраля 1900 г. Ялта.

Милая Маша, вчера и сегодня мороз. Ночью было —5.

В водопроводе опять много воды; в баке сегодня утром ревело, как в водопаде. Должно

быть, починяли водопровод.

Нового ничего нет. Мать здорова. Едим постное.

Ну, будь здорова, благополучна. Приезжай на Пасхе.

Твой Antoine.

26/II.

На обороте:

Москва. Марии Павловне Чеховой.

Мл. Дмитровка, д. Шешкова.

Тараховскому А. Б., 28 февраля 1900*

3057. А. Б. ТАРАХОВСКОМУ
28 февраля 1900 г. Ялта.

28 февр. 1900 г.

Многоуважаемый Абрам Борисович, «Донской речи» я не получаю, с М. Н. Псалти знаком, но не переписываюсь с ним*. Вы спрашиваете моего мнения, вот оно: ставить суровый ультиматум редакторам и издателям — это значит осложнять и без того тяжелое положение печати, взаимные же перебранки, пересуды, принципиальные споры и требования к ответу загромаждают нашу печать и утомляют общество. Взаимные потасовки журнали-

стов никогда не делали журналистов лучше, они отнимали только время и место в газетах, никогда ничего не доказывали, и читатель всегда относился безразлично к тому, кто прав и виноват, и становился на сторону более бойкого и хлесткого; они раздражают, и в конце концов общество реагирует на них скандалами вроде одесского, о котором Вы писали*. Бухштаб не так гнусен, как Вы полагаете; это один из интеллигентнейших людей в Одессе, а если он сам изрыгает хулу, то потому, что был доведен до бешенства господами писателями. Одесская печать — это самая бестактная и самая некорректная печать в мире. Когда гончим псам запрещают убежать в лес за дичью, то они дома бросаются на мирных домашних животных и рвут в клочья кошек, телят, кур и проч. То же делает и одесская печать, которой не позволяют трогать сильных мира сего. Она поедом ест городских голов, гласных, друг друга... Это нехорошо. Местную травлю или полемику я всегда считал злом. Если бы я был журналистом, то никогда бы не трогал своих, как бы мне ни было тяжело и больно работать с ними. Желая всего хороше-

го.

А. Чехов.

Сегодня в Ялте настоящий летний день. Художественный театр будет в Харькове*, и я поеду туда, вероятно.

На конверте:

Таганрог. Его Высокоблагородию Абраму Борисовичу Тараховскому.

Чеховой М. П., 28 февраля 1900*

3058. М. П. ЧЕХОВОЙ
28 февраля 1900 г. Ялта.

Милая Маша, надо решить, какие починки произвести в Гурзуфе* и что сеять и сажать в саду, где разбивать клумбы и проч. и проч., и поэтому проезд твой сюда в апреле был бы весьма нелишним. У меня много семян, но я покупал их без толку, лучше бы ты привезла с собой от Иммера или написала, что выписать из Одессы. Самовар из Кучук-Коя привезли. Шоссе почти кончили, оно лучше, чем я мог ожидать; ворота наши в углу, против лавочки. Дорога широкая. Водопровод действует. Вчера у нас был важный человек, швейцар из Ливадии, дядя Марфуши, приходивший ко

мне лечиться. Он по крайней мере раз сто назвал меня вашим превосходительством, так как бабушка его предупредила, что я теперь «енерал», т. е. академик. Сегодня уже нет мороза. Солнце. Отцовский пион принялся и уже всходит. Мать здорова. Все благополучно. Пароходы приходят уже засветло, дни увеличиваются. Будь здорова.

Твой Antoine.

28 февр.

На обороте:

Марии Павловне Чеховой.

Мл. Дмитровка, д. Шешкова.

Поссе В. А., 29 февраля 1900*

3059. В. А. ПОССЕ
29 февраля 1900 г. Ялта.

29 февр.

Многоуважаемый Владимир Александрович, Горький сообщил мне, что он и Вы собираетесь в Ялту*. Когда Вы приедете? У Горького семь пятниц на неделе, он то и дело меняет свои решения. Пожалуйста, напишите Вы, в самом ли деле Вы приедете, когда приедете и проч. и проч. До Пасхи я буду безвыездно си-

деть в Ялте, на Пасхе, быть может, ненадолго уеду в Харьков*, а затем опять засяду в Ялте.

Есть слухи, что на Пасхе в Севастополе и Ялте будет играть Московский Художественный театр*; если так, то скучно Вам не будет.

«Фома Гордеев» написан однотонно, как диссертация. Все действ<ующие> лица говорят одинаково; и способ мыслить у них одинаковый. Все говорят не просто, а нарочно, у всех какая-то задняя мысль, что-то не договаривают, как будто что-то знают; на самом же деле они ничего не знают, а это у них такой *façon de parler* — говорить и не договаривать.

Места в «Фоме» есть чудесные. Из Горького выйдет большущий писателище, если только он не утомится, не охладает, не обленится.

Ну, будьте здоровы и благополучны. Жду ответа насчет Вашего приезда*.

Преданный А. Чехов.

Кондакову Н. П., 1 марта 1900*

3060. Н. П. КОНДАКОВУ
1 марта 1900 г. Ялта.

1 март 1900.

Многоуважаемый Никодим Павлович!

Вы писали, что у Вас сильные морозы — и мы тоже лицом в грязь не ударили. Весь февраль было тепло, все распустилось, расцвела у меня в саду камелия, и вдруг хватил мороз —5°, который держался дня два и натворил немало бед. Теперь мороза уже нет, но все же холодно, промозгло и неприятно, как в дурную осень, и я завидую Вам. Правда, Вы пишете, что у Вас насморк, но ведь это насморк столичный, да и, наверное, он у Вас уже прошел.

Новости ялтинские Вы, вероятно, уже знаете, если получаете «Крымский курьер». Застрелился д-р Андрезен*. Умерла Ваша соседка Штангеева*. От бесснежной зимы и от бездождия иссякают в окрестностях Ялты все источники, высохли колодцы, и говорят, что летом в Ялте не будет воды вовсе; в женской гимназии предсказывают землетрясение*. Что еще новое сообщить Вам? На Пасхе приедет сюда Московский Художественный театр, даст несколько спектаклей*, после него приедут опера, оперетка*, и, таким образом, весной и летом любители бедного, многострадального искусства скучать не будут.

От всей души благодарю Вас за письмо, за то, что сообщили академические новости*. Поздравляю Вас с избранием в Пушкинское отделение*, шлю привет и сердечные пожелания. Главным образом желаю здоровья, желаю от бога. Академия и Петербург, быть может, утомят Вас, но все же Вы будете чувствовать себя хорошо; мне кажется, что работать в Пушкинском отделении будет интересно, народ мало-помалу соберется там добрый. Вы спрашиваете: почему Толстой ничем не ответил на избрание?* Не знаю. Вероятно, он полагает, что благодарить не принято.

Будьте добры, передайте мой привет и поклон Вере Александровне, Сергею Никодимовичу и Пете. Еще раз благодарю за письмо, за то, что вспомнили.

Искренно уважающий и преданный
А. Чехов.

Ежову Н. М., 2 марта 1900*

3061 . Н. М. ЕЖОВУ
2 марта 1900 г. Ялта.

2 марта.

Дорогой Николай Михайлович, с Тарнов-

ским Вы задали мне задачу прямо неразрешимую*. Я думал, думал и ничего не мог придумать. Хуже всего, что он не имеет какой-нибудь точно определенной профессии или специальности, что он не медик, не техник, не агроном. Написать Суворину, Морозовой? Но ведь в книжном магазине и типографии нужно начинать с мальчиков, а у Морозовой мануфактура. Да и с сыновьями М<орозов>ой я незнаком почти, а Варв<ара> Алекс<еевна> не вмешивается в дела. Мне кажется, что Т<арновском>у лучше всего поступить на государств<енную> службу, на прим<ер> хоть по почтовому ведомству. Можно было бы написать Билибину, попросить Левинского, который служил в почтамте и знает тамошнее начальство. Эта служба дает немного, но зато она надежней.

Вы удивляетесь, что* на рубеже ХХ столетия люди гибнут с голоду. Но кто же виноват в этом?

Можно попытаться пристроить Т<арновского> в государств<енный> контроль, на железн<ую> дорогу тоже в контроль. Вот потолкуйте-ка с кем-нибудь из Художественного те-

атра, Вас познакомят с Желябужским (муж Андреевой)*, контрольным генералом...

Желаю Вам всего хорошего, жму руку. Если увидите скоро Александра Семеновича, то поклонитесь ему.

Ваш А. Чехов.

Иорданову П. Ф., 3 марта 1900*

3062. П. Ф. ИОРДАНОВУ
3 марта 1900 г. Ялта.

3 март.

Многоуважаемый Павел Федорович, насколько мне известно, разрешение газеты в Таганроге* зависит главным образом от наказного атамана. Вы подаете в Гл<авное> управление прошение, а Управление запрашивает у атамана или, вернее, у Балужева, нужна ли газета в Таганроге и не имеет ли он, Балужев, на сей счет каких-либо соображений. Стало быть, прежде чем посылать в Петербург, Вам надо позондировать у атамана. Если атаман или Балужев дадут слово, что они ничего против Вашей газеты иметь не будут и пошлют благоприятный для Вас ответ, то пошлите прошение и одновременно напишите

мне, я похлопочу. Сам я незнаком с кн. Шаховским, но у нас есть общие знакомые. Тарховского редактором не утвердят, так как он не православный, издателем тоже не утвердят.

Спасибо за списки книг и за статистику*. Все это так, но цифры очень незначительны, так что в первое время придется печатать отчет не чаще одного раза в 5 лет.

Публикуют об издании сочинений Гейне в переводе Вейнберга*. Если в библиотеке нет, то скажите Любови Юлиановне*, чтобы она выписала. Вышло уже семь томов. Кстати, пусть выпишет и Уоллеса «Чудесный век». Или же, если желаете скидки, я выпишу, только напишите мне поскорей. На Пасхе я буду в Харькове*, туда приедет Художеств<енный> театр, — можно отложить покупку Гейне и Уоллеса до Пасхи. Кстати сказать, теперь то и дело присылаются объявления об издании выпусками разных книг по естественным наукам. Если соблазнитесь выписать что-нибудь, то блюдите осторожность, ибо многие авторы издаются не во всей их полноте. Так, Брэма издают в сильно сокращенном

виде*. Лучше не покупать, подождать.

Любовь Юлиановна прислала мне список книг, посланных мной по почте. Я буду писать ей.

Что нового в Таганроге? Что хорошего?

Будьте здоровы, крепко жму Вашу руку, кланяюсь и шлю привет Вашей жене и детям. Всего Вам хорошего.

Ваш А. Чехов.

На конверте:

Таганрог. Его Высокородию Павлу Федоровичу Иорданову.

Подгородниковой Е. Э., 4 марта 1900*

3063 . Е. Э. ПОДГОРОДНИКОВОЙ
4 марта 1900 г. Ялта.

4 марта.

Милостивая государыня Елена Эдуардовна!

От всего сердца благодарю Вас за письмо. Вашим любезным предложением* — обратиться к Вам в случае нужды — воспользуюсь, если представится надобность, в настоящее же время, во-1-х, я здоров и веду жизнь совершенно здорового человека* и, во-2-х, я не

одинок; со мной в Ялте живет моя мать.

Еще раз благодарю и желаю всего хорошего.

А. Чехов.

Чехову Г. М., 4 марта 1900*

3064. Г. М. ЧЕХОВУ
4 марта 1900 г. Ялта.

Милый Жорж, получил твое письмо, спешу ответить. Весь март я буду дома*, т. е. в Ялте. Приехав, нанимай извозчика в Верхнюю Аутку, за мечетью моя дача. От пристани извозчики берут 80 к. — это самое дорогое. Если дня за два или за три уведомишь письмом или телеграммой, то встретим, приготовим комнату.

Будь здоров, кланяйся.

Твой А. Чехов.

На обороте:

Таганрог. Его Высокоблагородию Георгию Митрофановичу Чехову.

Кондратьеву И. М., 5 марта 1900*

3065. И. М. КОНДРАТЬЕВУ
5 марта 1900 г. Ялта.

5 март 1900 г.

Многоуважаемый Иван Максимович!

Не откажите сделать распоряжение о высылке мне гонорара за мои пьесы переводом (не по телеграфу, а в письме), в Ялту.

Позвольте пожелать Вам всего хорошего и пребыть искренно Вас уважающим

А. Чехов.

Ялта.

Пешкову А. М. (М. Горькому), 6 марта 1900*

3066. А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)
6 марта 1900 г. Ялта.

6 март.

Милый Алексей Максимович, Художественный театр с 10-го апреля по 15 будет играть в Севастополе*, с 16 по 21 — в Ялте*. Даны будут: «Дядя Ваня», «Чайка», «Одинокие» Гауптмана и «Эдда Габлер» Ибсена. Непременно приезжайте. Вам надо поближе подойти к этому театру* и присмотреться, чтобы написать пьесу*. А вот если бы Вы побывали на репетициях, то Вы бы еще боле наострились. Ничто так не знакомит с условиями сцены*,

как бестолковщина, происходящая на репетициях.

По Ялте пошел слух, будто Средин получил письмо от Вас: Вы приедете в начале апреля*. Правда ли? Надо бы проверить этот слух, да итти к Средину нельзя, так как вот уже 5-й день валят дождь и снег.

Нового ничего нет. Будьте здоровы и счастливы, скорее пишите «Мужика»*. Крепко жму руку.

Ваш А. Чехов.

Худож<ественный> театр приедет со своей обстановкой*.

Чеховой М. П., 7 марта 1900*

3067. М. П. ЧЕХОВОЙ
7 марта 1900 г. Ялта.

7 марта.

Милая Маша, в Ялте снег, дождь, холод, грязь — и этак уже целую неделю. Точно в Новоселках. И непохоже, чтобы погода скоро изменилась. Был Вишневский*. Он пробыл здесь 4 дня и всё это время сидел у меня за столом и сочинял своему начальству телеграммы или рассказывал, как он прекрасно играл. Он чи-

тал роль из «Дяди Вани»* и совал мне в руки пьесы, просил, чтобы я подавал ему реплику; он орал, тряся, хватал себя за виски, а я смотрел и слушал с отчаянием в душе, уйти же было нельзя, так как шел снег, — и этак 4 дня!!

Уже выпустили анонс, и Синани продает билеты*. Если Немирович раздумает, то будет скандал*.

В водопроводе воды почти совсем нет, я вмешался и теперь буду починять водопровод, авось к Пасхе всё устроится. Шоссе уже готово, но — увы!.. стена после дождей наклонилась к нам в сад, грозила падением, и теперь ее разбирают, чтобы опять начать строить. В ней вышины больше трех сажен.

Вишне夫斯基 ничем не интересуется, кроме своей гениальной игры, ничего не видел и поэтому ничего не расскажет тебе. Да и, кстати, ничего нет нового. Стало быть, ты приедешь на Пасху? Театр будет в Севастополе уже на Страстной*. Всю Страстную я проведу в Ялте и поеду в Севастополь только в понедельник* на Святой. В Ялте спектакли будут на Фоминой. В пятницу Страстную Ольга Лео-

нард<овна> приедет к нам*, и в понедельник мы вместе отправимся в Севастополь.

Был мороз, который многое попортил в саду. Камелии (цветы только) завяли.

Будь здорова. Мать кланяется.

Твой Antoine.

«Доктор в „Дяде Ване“ говорит неотразимой очаровательнице Елене Андреевне: „Поживете у нас еще немного, и я вами страх как увлекусь“».

Это из рецензии. Передай О<льге> Л<ео-нардовн>е, она собирает.

Средину Л. В., 9 марта 1900*

3068. Л. В. СРЕДИНУ
9 марта 1900 г. Ялта.

Дорогой Леонид Валентинович, все собираюсь к Вам, да нельзя*: погода скверная. Посылаю письмо и телеграмму*. Сначала прочтите первое, потом вторую.

Кланяюсь и крепко жму руку.

Ваш А. Чехов.

9/III.

Вишневскому А. Л., 10 марта 1900*

3069. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ
10 марта 1900 г. Ялта.

10 марта.

Милый земляк, представьте, какое недоразумение: исправник зачеркнул в анонсе «Одиноких»!* У него в списке нет этой пьесы. Анонс все-таки был расклеен по всем забора́м, столбам и обывательским спинам, билеты все уже проданы*, но все же на всякий случай, чтобы не произошло замешательства с афишей, пришлите цензурованный экземпляр «Одиноких». Пожалуйста, пришлите, а то недоразумение неизбежно.

В театре будут все караимы, сколько их есть на Крымском полуострове, со своими женами; они ничего не поймут из того, что увидят, и останутся недовольны.

Вообще много будет ненужной публики*, нужная же осталась без билетов.

Скажите Полкатыцкому, что я согласен*. Его телеграмму передавал мне чиновник по телефону с дрожью в голосе.

Будьте здоровы и веселы.

Ваш А. Чехов.

Немировичу-Данченко Вл. И., 10 марта
1900*

3070. Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО
10 марта 1900 г. Ялта.

10 март.

Милый Владимир Иванович, я получил от Горева письмо: хочет ставить «Дядю Ваню» в свой прощальный бенефис*. Я написал ему*, что я очень рад, но что пьеса принадлежит Художественному театру и что если этот театр не отказался от намерения сыграть ее в Петербурге* теперь или в будущем сезоне, то идти на казенной сцене она не может*.

Вчера весь день у Синани, продающего билеты, был растерянный, ошеломленный вид, и лавочку его публика брала приступом. Билеты все проданы*, и если бы театр был вдвое больше, то и тогда бы билетов не хватило. И это в Ялте, где полных сборов в театре никогда не бывает и театр пустует. Привезите аншлаг.

В Ялте отвратительная погода, можно прийти в отчаяние. Эта зима кажется мне ужасно, ужасно длинной; я совсем не жил, хо-

тя и прожил все деньги, какие только у меня были в руках или на текущем счету. Всю зиму я провозился с геморроем, и только теперь, когда я догадался не есть говядину, мне стало легче.

Пишу ли я новую пьесу?* Она наклевывается, но писать не начал, не хочется, да и надо подождать, когда станет тепло.

Сумбатов в Монако? Я тоже стремился туда, но как сосчитал свои деньги и ресурсы, то предпочел посидеть дома.

Не забудь, что ты не прислал мне еще своей фотографии. Мне нужно с подписью не позади, а на самом портрете — это для библиотеки в Таганроге.

Ну, будь здоров. Поклонись Екатерине Николаевне. Горев или Карпов, вероятно, будут писать тебе. Ответь им, что хочешь, не принимая в соображение моих интересов; Александринка мне не улыбается, хотя бы она дала мне 20 тысяч. Жму руку.

Твой А. Чехов.

Суворину А. С., 10 марта 1900*

3071 . А. С. СУВОРИНУ
10 марта 1900 г. Ялта.

10 март.

Ни одна зима не тянулась для меня так долго, как эта, и только тянется время, а не движется, и теперь я понимаю, как я глупо сделал, оставив Москву. Я отвык от севера и не привык к югу, и ничего теперь не придумаешь в моем положении, кроме заграницы. После весны началась здесь в Ялте зима; снег, дождь, холодно, грязно — хоть плюнь.

На Фоминой в Ялте будет играть Моск<овский> Художеств<енный> театр*, привезет свои декорации и обстановку. Билеты на все объявленные 4 спектакля были проданы в один день*, несмотря на сильно повышенные цены. Пойдут, между прочим, «Одинокие» Гауптмана — пьеса, по-моему, великолепная*. Я читал ее с большим удовольствием, хотя не люблю пьес, а поставлена она в Художеств<енном> театре, говорят, удивительно.

Нового ничего нет. Впрочем, есть одно великое событие: «Сократ» Сергеенко печатается в Приложениях «Нивы»*. Я читал, но с большой натугой. Это не Сократ, а придира, туповатый человечек себе на уме, мудрость и

вся интересность которого заключается только в том, что всех ближних он ловит на фразе. Талантом даже не пахнет, но очень возможно, что пьеса будет иметь успех, так как попадают в ней такие слова, как «амфора», — и Карпов скажет, что она обстановочная.

Академические новости. Президент очень огорчен и книгой Корша и его полемикой*. 5-го февраля были выборы в действ<ительные> члены. Выбран в Пушкинское отделение проф. Кондаков*. Значит, с Ламанским и Коршем это будет уж три. И Кондаков мне пишет: «Отделение порешило пока не выбирать на три остающиеся кресла», и думает он, что он лично не дождетя, когда кончится это «пока». И о выборе Кондакова официального извещения не было, очевидно скрывают, чтобы не волновать гг. литераторов.

Как много здесь чахоточных! Какая беднота и как беспокойно с ними! Тяжелых больных не принимают здесь ни в гостиницы, ни на квартиры, можете же себе представить, какие истории приходится наблюдать здесь. Мрут люди от истощения, от обстановки, от полного заброса* — и это в благословенной

Тавриде. Потеряешь всякий аппетит и к солнцу, и к морю.

Сердечный привет Анне Ивановне, Насте и Боре. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш А. Чехов.

Чеховой М. П., 12 марта 1900*

3072. М. П. ЧЕХОВОЙ
12 марта 1900 г. Ялта.

12 м.

Милая Маша, если будешь посылать в Ялту вещи*, то пошли мою кровать, мой стол и всё, что только можно запаковать и послать. Что касается стульев, то чем больше купишь их, тем лучше. И как бы дорого ни стоила упаковка и пересылка, хотя бы через Виноградова, всё же это обойдется дешевле, чем покупать в Ялте. Я бы на твоём месте ничего не оставил в Москве* (кроме красного дивана), чтобы не быть связанной, а потом осенью по возвращении из Ялты купил бы новую мебель или же нанял бы меблированную комнату — одну, или две, или три, смотря по обстоятельствам. В Москву я не поеду скоро, а если поеду, то остановлюсь в гостинице. Иметь постоянную

и удобную квартиру для меня вредно, так как это надолго привязывает к одному месту.

Нового ничего нет. И воды тоже нет в водопроводе. Сегодня приедет Жорж* из Таганрога.

Будь здорова. Билеты все проданы*.

Твой Antoine.

Чехову И. П., 12 марта 1900*

3073. И. П. ЧЕХОВУ
12 марта 1900 г. Ялта.

Милый Иван, был у меня аутский мулла* и просил выписать для аутской татарской школы: 20 аспидных досок, 70 тетрадей, чернил, 1 кор<обку> перьев, 30 ручек и 70 карандашей. Купи всё это, купи 12×12 карандашей дешёвых школьных и дешёвых ручек и вели выслать мне в Ялту или же, если Маша будет посылать стулья*, то пусть Мюр вышлет всё это со стульями. Можно и просто — сделать одно багажное место и послать, когда поедет Маша; ведь наберется не больше пуда. За все купленное заплатит тебе Маша. Только, пожалуйста, купи.

В Ялте март скверен. Зима надоела мне чёрт знает как. Будь здоров, поклонись Соне и

Володе. Нового ничего нет, мать здорова, я тоже.

Твой Antoine.

Должно быть, грифелей тоже нужно.

12/III.

На обороте:

Москва. Ивану Павловичу Чехову.

Н. Басманная, д. Крестовоздвиженского.

Вишневскому А. Л., 17 марта 1900*

3074 . А. Л. ВИШНЕВСКОМУ
17 марта 1900 г. Ялта.

17 м.

Милый земляк, Вашу телеграмму получил и содержание ее сообщил Новикову*. Я познакомился с инженером-электриком*, и он дал мне категорическое обещание, что электричество к Пасхе *непрерывно* будет*. Радуюсь, радуюсь главным образом за себя, так как увидеть вас всех, да еще при полной обстановке, при электрическом освещении — это мечта, в осуществление которой, признаться, я не верил до последнего времени; да и теперь при каждом звонке телефона всё вздрагиваю: думаю, что это телеграмма из Москвы

об отмене спектаклей...

Вчера княгиня Барятинская взяла адрес Владимира Ивановича, хочет просить его и Алексеева сыграть в пользу ее санатории*. Если решите играть в чью-нибудь пользу, то играйте в пользу Попечительства о приезжих* больных, которое *страшно* нуждается в деньгах. У Барятинской много денег, ей помогают и правительство, и аристократы, у Попечительства же пока нет ничего и никого, кроме меня и еще двух-трех человек.

Ловлю мышей и с гордостью могу сказать: нет более мышей!* По крайней мере вот уже 2 дня, как ни одна не поймалась.

Видел Сазонова. Идет дождь. Будьте здоровы и счастливы.

Ваш А. Чехов.

Гнедичу П. П., 17 марта 1900*

3075. П. П. ГНЕДИЧУ
17 марта 1900 г. Ялта.

17 март.

Дорогой Петр Петрович, фотографии теперь у меня нет*; когда буду в городе, то закажу и — вышлю. Как бы ни было, спасибо, что

вспомнили и черкнули пять строчек. Мне здесь совсем скучно, хотя и море, и горы, и миндаль цветет, зима тянулась очень долго, чуть ли не пять лет — так казалось, по крайней мере, — и письмам, и всяким откликам с севера я бываю очень рад.

Я читал Ваши «Туманы»*, но только малую часть в одной книжке «Недели». Теперь читаю «Купальные огни»*, хотя и не люблю читать урывками по частям.

Здесь, в Ялте, Горький и Поссе*, приехали вчера, я им очень рад. Безлюдье меня утомило.

Крепко жму Вам руку и желаю всего хорошего. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

Чехову Ал. П., 17 марта 1900*

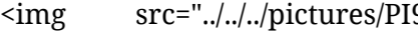
3076. Ал. П. ЧЕХОВУ
17 марта 1900 г. Ялта.

17 м.

Таганрогский мещанин! Поздравляю тебя с новосельем* и желаю тебе доброчадия, блаженного чревоугодия, здоровья и многолетия и во всё благого поспешения. Живи в новом

доме еще лет 30, дождись собственных очень высоких деревьев и умри дряхлым старцем, когда уже не будешь в состоянии отличить собственного дома от чужого. Подражай Лейкину.

Рассказ твой уже давно послан* в синагогу через Машу; сия последняя давно уже сообщала, что рассказ в руках* Израиля. Сделаю запрос, как и что, и сообщу*.

Крыжовник, о котором я писал тебе, называется штамбовым. Он дороже обыкновенного в пять раз, но оригинален весьма. Вид его: `` Купи также сирень Шпета (Späth) и берлинский тополь. Это единственный пирамидальный тополь, растущий на севере. Есть и смородина штамбовая. Из многолетних цветов купи клубники флоксов, мальвы (рожа), диэлитры.

Маша в Москве. Она здравствует. Мать в Ялте. Всё обстоит благополучно. Лейкин легок на помине*: только что получил от него письмо. Пишет, что купил себе новое имение, зала в два света, 100 дес<ятин> лесу. Великий человек! Я понимаю, отчего ты ему так завиду-

есть.

Кланяйся Наталии Александровне и детям.
Твой брат, известный академик
А. Чехов.

Арбушевской Л. Ю., 20 марта 1900*

3077. Л. Ю. АРБУШЕВСКОЙ
20 марта 1900 г. Ялта.

20 март 1900 г.

Многоуважаемая Любовь Юлиановна!

Мой двоюродный брат Г. М. Чехов доставит Вам восемь пачек книг. На многих книгах Вы найдете надпись: «от товарищества „Знание“ в знак уважения»* и проч. Пожалуйста, не считайте это автографом, выдавайте книги абонентам библиотеки*, невзирая на эту надпись.

Записывая книги в каталог, не упускайте писать относительно каждой, чье издание и какого года, и чей перевод.

Желаю Вам всего хорошего.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

На конверте:

Таганрог. Ее Высокоблагородию Любови

Юлиановне Арбушевской.

Городская библиотека.

Чехову И. П., 23 марта 1900*

3078. И. П. ЧЕХОВУ
23 марта 1900 г. Ялта.

23 марта.

Милый Иван, посылаю тебе для образца листок, вырванный из тетради. Мулла просит именно таких тетрадей!

У нас плохая погода, хотя всё в цвету и весна в разгаре. Нового ничего нет. Поклонись Соне и Володе — и будь здоров.

Твой Antoine.

Мать получила письмо и благодарит.

Был ли у тебя д-р Россолимо? Сей человек хочет обратиться к тебе с большой просьбой по библиотечному делу*.

Книппер О. Л., 26 марта 1900*

3079. О. Л. КНИППЕР
26 марта 1900 г. Ялта.

26 март.

От Вашего письма, милая актриса, веет черной меланхолией*; Вы мрачны, Вы страш-

но несчастны, но это, надо думать, не надолго, так как скоро, очень скоро Вы будете сидеть в вагоне и закусывать с большим аппетитом. Это хорошо, что Вы приедете раньше всех, с Машей*, мы все-таки успеем поговорить, погулять, кое-где побывать, выпить и закусить. Только, пожалуйста, не берите с собой Вишневого, а то он здесь будет следовать за Вами и за мной по пятам и не даст сказать ни одного слова; и жить не даст, так как будет все время читать из «Дяди Вани».

Пьесы новой у меня нет, это газеты врут*. Вообще газеты никогда не писали про меня правды*. Если бы я начал пьесу, то, конечно, сообщил бы об этом первым делом Вам.

У нас ветер, еще весна не наступила как следует, но всё же мы уже ходим без калош и в шляпах. Скоро, на сих днях, зацветут тюльпаны. Сад у меня хорош, но всё как-то не убрано, мусорно, это сад-дилетант.

Тут Горький*. Он очень хвалит Вас и ваш театр*. Я познакомлю Вас с ним.

Чу! Кто-то приехал. Вошел гость. До свиданья, актриса!

Ваш А. Чехов.

На конверте:

Москва. Ее Высокоблагородию Ольге Леонардовне Книппер.

У Никитских ворот, угол Мерзляковского, д. Мещериновой.

Меньшикову М. О., 26 марта 1900*

3080. М. О. МЕНЬШИКОВУ
26 марта 1900 г. Ялта.

26 марта.

Дорогой Михаил Осипович, в Ялте психиатрических заведений нет*, и я не слыхал, чтобы кто-нибудь из местных врачей или содержателей пансионатов принимал к себе душевнобольных. Я не могу вспомнить ни одной квартиры на всем южном берегу, которая могла бы удовлетворить семью Венгеровых в том смысле, как Вы пишете, т. е. чтобы врач-хозяин был хороший и чуткий человек, было дешево и проч. Отправку сюда туберкулезного душевнобольного я считаю хлопотливой, сложной и бесполезной затеей; ваши северные врачи посылают его сюда, потому что незнакомы с местными условиями и по той же самой причине, по какой то и дело присы-

лают сюда издалека больных в последнем градусе, умирающих здесь очень скоро, в убогой обстановке, на чужой стороне, в одиночестве... (Эти врачи почти каждый день угощают меня сюрпризами, и я Вам многое расскажу при свидании.) Если процесс в легких только начинается, то есть смысл прислать сюда больного осенью или зимой, но присылать неизлечимо больного*, да еще на летние месяцы, когда здесь бывает жарко и душно, как в пекле, и когда в России бывает так хорошо, — это, по-моему, совсем не по-медицински, это значит, попросту, отделаться от больного.

Здесьних душевнобольных отправляют в Симферополь, где есть специальное заведение. Если врачи настоят на отправке сюда В<енгера>ва, придется сделать одно из двух: водворить его в Симферополе или же нанять для него дачу-особняк где-нибудь недалеко от Ялты... Последнее не может обойтись недорого, так как пришлось бы нанимать прислугу, сиделку и проч. Я говорю — особняк, потому что в семейный пансион, в отель, в частную квартиру здесь тяжелобольных *не* принима-

ют. Вообще и кстати говоря, здесь, в знаменитом и хваленном русском курорте, единственном у нас, — для призрения больных еще *ничего* не сделано, и русский человек еще пальцем не шевельнул, чтобы сделать что-нибудь.

Рукопись Воскресенского получил*, спасибо за хлопоты.

В Ялте все еще никак не начнется весна как следует: то тепло, то холодно. Нерешительность какая-то в природе. Я бы с удовольствием бежал отсюда.

Будьте здоровы, крепко жму руку.

Ваш А. Чехов.

Читали «Сократа»?*

На конверте:

Царское Село. Михаилу Осиповичу Меншикову.

Магазейная, д. Петровой.

Чеховой М. П., 26 марта 1900*

3081 . М. П. ЧЕХОВОЙ
26 марта 1900 г. Ялта.

Милая Маша, уезжая в Ялту, главное всего помни, что с наступлением теплого времени в Ялте нет уже никаких закусок, нет ни икры,

ни маслин, ни ветчины, ни даже алвы для матери. Привези всего этого пудов пять. Привези или пришли с вещами мой цилиндр, мыла для умыванья, тальму. Нового ничего нет, воды в водопроводе тоже нет. Одолели посетители. Вчера, 25 марта, ко мне приходили непрерывно весь день; всё доктора из Москвы и из провинции присылают с письмами, просят отыскать квартиру, «устроить», точно я комиссионер! Мать здорова. Будь и ты здорова, приезжай поскорей.

Твой Antoine.

Купи для меня у Шанкса в английском магазине помочи — bretelles, обыкновенные, не для велосипеда.

На обороте:

Москва. Марии Павловне Чеховой. Мл. Дмитровка, д. Шешкова.

Чеховой М. П., около 26 марта 1900*

3082. М. П. ЧЕХОВОЙ Около
26 марта 1900 г. Ялта.

1 ф. раффии № 207 45 к.

Ярлычков для обозначения названий деревьев.

1 плоскогубцы № 241 50 к.

5 свистков оловянных № 502 75 к.

Ручки для дверей № 385 (для ватера внизу, для моей двери на балкон; каменные или фарфоровые, как у умывальника).

Костылей.

1 флакон клею «Синдетикон» — 20 к.

Несколько «затворок с двумя личинками с круглой или острой задвижкой».

Сергеенко П. А., 27 марта 1900*

3083. П. А. СЕРГЕЕНКО
27 марта 1900 г. Ялта.

27 марта.

Милый Петр Алексеевич, если ты намерен в Крыму купаться и работать в тишине, то поезжай в Симеиз*, — говорят, что там очень хорошо: и удобно, и одиноко, и купанье чудесное. Симеиз — это там, где живет Милютин, за Алушкой. В Кучук-Кое ты умер бы с голоду*; там нельзя жить, не организовавши предварительно правильного хозяйства. Но, радуйся, с голоду ты не умрешь, так как я продаю Кучук-Кой. Уже есть покупатель*.

Зачем продаю? Нуждаюсь в деньгах, как

это ни странно...

Гинцбург прислал письмо*. Статуэтка стоит больше ста рублей. Для меня это немножко дорого.

Ну, будь здоров и счастлив. Желаю тебе всего хорошего. Жму руку.

Твой А. Чехов.

Лазаревскому Б. А., 2 апреля 1900*

3084. Б. А. ЛАЗАРЕВСКОМУ
2 апреля 1900 г. Ялта.

2 апр.

Многоуважаемый Борис Александрович, папка великолепна*, мне нужна именно такая для начатых рукописей, которые в беспорядке валяются у меня по всему столу; Вы мне очень угодили и больше всего, конечно, рисунками. Только когда приедете в Ялту, я попрошу Вас закрасить вывеску «текущие работы». Это похоже на «входящие и исходящие»*.

После был в Ялте, я говорил ему о Вашем «Машинисте»*. Он обещал отнестись к этой повести с особенным вниманием.

Ваша папка немножко измялась в дороге*, придется прибегнуть к утюгу.

Нового у нас в Ялте ничего нет, погода скверная, холодно, интересных людей мало.

Будьте здоровы и веселы. Желаю Вам всего хорошего и еще раз благодарю — от всего сердца. Жму руку.

Ваш А. Чехов.

В Севастополе я буду не раньше мая*.

Соболевскому В. М., 2 апреля 1900*

3085. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ
2 апреля 1900 г. Ялта.

2 апр.

Дорогой Василий Михайлович, сегодня я получил Ваше письмо, а вчера была у меня Наташа. Она приходила с Вениаминовыми*, потом мы вместе провели часа два, гуляя по городу. Она очень выросла и поздоровела. Теперь мы переговариваемся по телефону и решили так: она зайдет ко мне, и мы вместе поедем к Елпатьевскому. Живу я в Верхней Аутке, как раз на пути в Исар, стало быть, с Наташей, буде она пожелает, будем часто видеться. Я ей очень обрадовался; Вашему письму — тоже*.

Наша весна запоздала, ходим еще в осен-

нем пальто и в калошах, но, слава богу, всё же зима кончилась, стали приезжать интересные люди, и мне уже не так скучно. Приехал, между прочим, Горький*, человек очень интересный и приятный во всех смыслах. Я и Елпатьевский живем в собственных дачах, как магнаты, наши дачи далеко видно, и когда к Ялте подойдет английский флот, то начнет палить прежде всего в наши дачи. У меня среди сада растет большая пальма, много цветов; барышни присылают подушки. Одним словом, не жизнь, а малина. Но всё же я недоволен. Всё чаще и чаще посещает мечта — продать дачу и уехать в Монте-Карло и поставить там на quatre premier сразу сто франков. Жизнь оседлая, правильная, да еще в провинции — это слишком длинная жизнь, месяц ее следует считать за год, как под Севастополем.

Я получаю очень много газет. Получаю и «Россию», и «Северный курьер», и теперь, когда мне приходится много читать и невольно сравнивать, я с каждым днем всё больше убеждаюсь, что нет лучше газеты, как «Русские ведомости»*. Прежде я как-то поддавался общему гулу, что газета ведется скучновато,

сухо, что нужно бы ее разнообразить и проч., теперь же, разбираясь в белиберде текущих событий, я вижу, что в этой якобы скуке было спасение. Мне очень, очень грустно, что я так редко работаю у Вас*, так мало выражаю Вам свое сочувствие на деле, но утешаю себя мыслью, что виноваты тут чисто внешние обстоятельства и что в будущем я всё наверстаю.

Я раза два принимался писать Варваре Алексеевне*, хотел уговорить ее не покупать дачи в Туапсе. Теперь узнал от Наташи, что Туапсе отклонено, — и я рад. Надо иметь дачу в Крыму на берегу, у самого моря. Через 5-10 лет здесь будет очень хорошо — конечно, не зимой, а в сезон.

Осенью я буду в Москве*, а пока до осени сделайте так, чтобы я всё время знал Ваш адрес. Сердечный привет Варваре Алексеевне. Крепко жму Вам руку и обнимаю.

Ваш А. Чехов.

Никольской Е. А., 4 апреля 1900*

3086. Е. А. НИКОЛЬСКОЙ
4 апреля 1900 г. Ялта.

4 апр.

Милостивая государыня Елизавета Александровна!

Вы можете прислать рукопись*, когда угодно, я рад служить Вам, только не взыщите, я не могу обещать Вам прочесть рукопись в очень скором времени*, так как у меня на столе немало книг и рукописей, которые я должен прочесть.

Желаю Вам всего хорошего.

А. Чехов.

Лейкину Н. А., 9 апреля 1900*

3087. Н. А. ЛЕЙКИНУ
9 апреля 1900 г. Ялта.

9 апреля 1900 г.

Христос воскрес, многоуважаемый и дорогой Николай Александрович! Спешу поздравить Вас с сорокалетием Вашей литературной деятельности* и пожелать Вам всего хорошего! Дай Вам бог здоровья — это главное, а остальное само приложится, как Вами завоеванное и давно заслуженное.

Прасковью Никифоровну поздравляю и от души желаю ей всего лучшего. С истинным уважением Ваш покорнейший слуга

А. Чехов.

После Вашего юбилея буду писать Вам о своем житье-бытье. Сегодня читать Вам некогда, а мне писать — нездоровится.

Карпову Е. П., 20 апреля 1900*

3088. Е. П. КАРПОВУ
20 апреля 1900 г. Ялта.

20 апреля 1900.

Дорогой Евтихий Павлович, простите, я долго не отвечал на Ваше письмо*. Причина тому — поездка моя в Севастополь* и затем приезд труппы Художественного театра в Ялту*. Я говорил с В. И. Немировичем-Данченко о «Дяде Ване»*, и он уверяет, что эта пьеса была отдана ему мною больше двух лет назад, не для одной Москвы, а вообще. Будет ли Художественный театр когда-нибудь в Петербурге*, я не знаю, но если будет, то пьеса моя пройдет не больше 2–3 раз — а затем наступит тишина и спокойствие. Как видите, мне не везет с моими пьесами, это в конце концов мне следует признать и покориться. Отдавая свои пьесы в Художественный театр, я ни в каком случае не предполагал, что он будет ко-

гда-нибудь в Петербурге, мне это и в голову не приходило. Как бы ни было, я прошу извинения, дорогой Евтихий Павлович, и снисхождения к своим ошибкам невольным, причиняемым, быть может, оттого, что я вот уже третий год живу вдали от столиц и людей, с которыми работаю.

Желаю Вам всего хорошего. Если Немирович-Данченко изменит свои планы, то я тотчас же извещу Вас об этом.

Ваш А. Чехов.

Миролюбову В. С., 20 апреля 1900*

3089. В. С. МИРОЛЮБОВУ
20 апреля 1900 г. Ялта.

Дорогой Виктор Сергеевич, шлю ответ на Вашу телеграмму*: «Чайка» пойдет во второй раз в воскресенье*. Так как Вы видели всё, кроме «Чайки», то я и отвечаю только насчет «Чайки». Буду очень, очень рад повидать Вас. В субботу устраивается литературный вечер*, с чтением стихов и проч. и проч.

Будьте здоровы, дядя!

Ваш А. Чехов.

20 апреля.

На обороте:

Балаклава. Гостиница «Россия».

Виктору Сергеевичу Миролюбову.

Иорданову П. Ф., 27 апреля 1900*

3090. П. Ф. ИОРДАНОВУ
27 апреля 1900 г. Ялта.

27 апрель 1900.

Многоуважаемый Павел Федорович!

Посылаю Вам немного книг*, будьте добры, пошлите за ними в «Р<усское> о<бщество> п<ароходства> и т<орговли>». Они пошли с пассажирским пароходом и, вероятно, уже в Таганроге.

На Страстной неделе у меня приключилось геморроидальное кровотечение*, от которого я до сих пор никак не могу прийти в себя. На Святой неделе в Ялте был Художественный театр*, от которого я тоже никак не могу прийти в себя, так как после длинной, тихой и скучной зимы пришлось ложиться спать в 3–4 часа утра и обедать каждый день в большой компании — и этак больше двух недель. Теперь я отдыхаю.

Что нового в Таганроге? Разрешен «Ге-

лиос»?* А когда начнутся работы?

Желаю Вам всего хорошего, крепко жму руку. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

На конверте:

Таганрог. Его Высокоблагородию Павлу Федоровичу Иорданову.

Марксу А. Ф., 27 апреля 1900*

3091 . А. Ф. МАРКСУ
27 апреля 1900 г. Ялта.

27 апреля 1900 г.

Многоуважаемый Адольф Федорович!

Простите, я несколько замедлил ответом на Ваши письма, потому что был нездоров. Корректуру я читаю* и вышлю ее завтра или послезавтра, непременно.

М. Горького я видел вчера и передал ему Ваше приглашение работать в «Ниве»* и дал ему прочесть Ваше письмо. Он поручил мне благодарить Вас и пообещал выслать Вам рассказ* при первой возможности.

Завтра или послезавтра я вышлю Вам корректуру второго тома и теперь еще раз прошу освободить мои рассказы от таких названий*,

как «Были и сказки», и оставить общее для всех томов название «Рассказы» и «Повести и рассказы» и «Повести». Мои рассказы с таким названием, как «Были и сказки», не пойдут, потому что все эти книжные названия в последние десять лет устарели, выжили и не представляются интеллигентными. Решение этого вопроса полагаю совершенно на Ваше усмотрение, я больше ничего не буду писать Вам насчет названий моих книг и каждое буду утверждать своею подписью.

Искренно Вас уважающий и преданный

А. Чехов.

Ялта.

Гольцеву В. А., 29 апреля 1900*

3092. В. А. ГОЛЬЦЕВУ

29 апреля 1900 г. Ялта.

Прости, милый Виктор Александрович, долго не писал тебе; причины тому — болезни и актеры. На Святой приезжал Художественный театр, играл «Чайку» и «Дядю Ваню»* — и две недели прошли как в тумане*. А накануне Пасхи было у меня сильное кровотечение (геморроидальное), от которого я до

сих пор еще не пришел в себя как следует. Скоро увидимся, я приеду в Москву в начале мая*. Не сердись, голубчик, не выдумывай на меня вины; я всё боюсь, что ты сердишься за мое молчание. Ну, да бог милостив.

Твой А. Чехов.

29 апрель.

На обороте:

Москва. Виктору Александровичу Гольцеву.

Шереметевский пер., в редакции «Русской мысли».

Тюфяевой В. С., 29 апреля 1900*

3093 В. С. ТЮФЯЕВОЙ
29 апреля 1900 г. Ялта.

29 апрель.

Благодарю, благодарю Вас, многоуважаемая Вера Сергеевна, дай бог Вам и здоровья, и счастья, и хорошего жениха*. Я ел Ваши конфеты два дня* и всё придумывал, что бы такое сладенькое написать Вам! Но разве придумаешь? Сто лет Вам жить! Двести тысяч Вам выиграть!

В Ялте уже совсем весна, тепло, зелено*, а я удираю в Москву* на недельку, очень соску-

чился по цивилизации. Через две-три недели опять буду в Ялте. Нового нет ничего, всё старое, извините за выражение.

Был здесь Моск<овский> Художественный театр*, играл и уехал — и теперь опять пусто. Здесь ли Абаринова, не знаю, так как был нездоров*, был занят с актерами*, был в Севастополе* и проч. и проч., так что совсем угорел и ничего не помню, и ни о чем не знаю.

Будьте здоровы и счастливы, да хранят Вас ангелы небесные. Карточка Ваша великолепна, она мне очень нравится*, большое Вам спасибо, тысячу раз спасибо! Желаю Вам всего самого лучшего на свете и еще раз благодарю.

Ваш А. Чехов.

На конверте:

Петербург. Вере Сергеевне Тюфяевой.

Гончарная 10, кв. 1.

Дорошевичу В. М., 30 апреля 1900*

3094 . В. М. ДОРОШЕВИЧУ
30 апреля 1900 г. Ялта.

Приехать не могу*. Рассчитывайте на оправдательный приговор*. Он будет и дол-

жен быть...

Сухомлинову М. И., 3 мая 1900*

3095. М. И. СУХОМЛИНОВУ
3 мая 1900 г. Ялта.

Милостивый государь Михаил Иванович!

Присланные Вами диплом на звание Почетного Академика* и список академических изданий я получил и теперь спешу принести Вам мою искреннюю благодарность. К избранию в Почетные Академики я имею честь предложить* следующих лиц: Михайловского Николая Константиновича, Боборыкина Петра Дмитриевича, Спасовича Владимира Даниловича, Эртеля Александра Ивановича и Максимова Сергея Васильевича. Список академических изданий при сем возвращаю.

Прошу Вас принять уверение в глубоком моем уважении и совершенной преданности.

Антон Чехов.

3 мая 1900 г.

Ялта.

Чеховой Е. Я., 9 мая 1900*

3096. Е. Я. ЧЕХОВОЙ
9 мая 1900 г. Москва.

9 мая 1900.

Милая Мама, вчера я приехал в Москву*, виделся с Машей. Она выезжает домой 13 или 14-го мая вместе с другой Машей*. Я приеду с нею или немного позже*. В Москве холодно, но я чувствую себя здесь очень хорошо*.

За зубы не платите Островскому. Я говорил ему, что платить буду я, а не Вы. И, пожалуйста, не стесняйтесь, так как без зубов нельзя жить, а Островский к тому же взял очень дешево.

Будьте здоровы. До свиданья!

Ваш А. Чехов.

Не скучайте и не бойтесь.

Марксу А. Ф., 11 мая 1900*

3097. А. Ф. МАРКСУ
11 мая 1900 г. Москва.

Москва, 11 мая 1900.

Многоуважаемый Адольф Федорович!

На письмо Ваше, пересланное мне из Ялты в Москву, спешу ответить, что рассказ я вышлю Вам, как только напишу его*. Возвращусь я в Ялту между 15 и 20 мая* и тотчас же

начну там писать рассказ, если ничто не помешает, и кончу его, вероятно, в июне или июле.

М. Горькому письмо Ваше передано*. Его зовут Алексеем Максимовичем* Пешковым, а Максим Горький — это псевдоним.

Позвольте пожелать Вам всего хорошего и пребыть искренно уважающим и преданным.

А. Чехов.

Гославскому Е. П., 15 мая 1900*

3098. Е. П. ГОСЛАВСКОМУ
15 мая 1900 г. Москва.

15 май 1900 г.

Многоуважаемый Евгений Петрович!

Я уезжаю сегодня в Ялту, с курьерским. В конце августа опять буду в Москве* — и тогда, вероятно, проживу здесь всю осень.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

Если летом буду в Москве*, куда-нибудь проездом, то непременно дам Вам знать или побываю у Вас. Ваше письмо я получил сегодня* поздно, в 4 часа.

Книппер О. Л., 20 мая 1900*

3099. О. Л. КНИППЕР
20 мая 1900 г. Ялта.

20 мая 1900.

Милая, восхитительная актриса, здравствуйте! Как живете? Как себя чувствуете? Я, пока ехал в Ялту, был очень нездоров*. У меня в Москве уже сильно болела голова, был жар — это я скрывал от Вас, грешным делом, теперь ничего.

Как Левитан?* Меня ужасно мучает неизвестность. Если что слышали, то напишите, пожалуйста.

Будьте здоровы, счастливы. Узнал, что Маша шлет Вам письмо*, — и вот спешу написать эти несколько строк.

Ваш А. Чехов.

На конверте:

Москва. Ольге Леонардовне Книппер.

У Никитских ворот, д. Мещериновой.

Ундольскому П. В., 20 мая 1900*

3100. П. В. УНДОЛЬСКОМУ
20 мая 1900 г. Ялта.

Многоуважаемый отец Павел, простите,

уезжал в Москву* и потому запаздываю ответом.

Посылаю сегодня 500 р., остальные — завтра*.

Желаю всего хорошего.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

Векслеру С. Х., 13 июня 1900*

3101. С. Х. ВЕКСЛЕРУ
13 июня 1900 г. Ялта.

13 июнь 1900.

Многоуважаемый Семен Харитонович!

Вальс, посвященный мне*, а также Ваш портрет с надписью и еще два вальса я получил. Позвольте принести Вам сердечную благодарность за честь, оказанную мне, и вообще за доброе отношение, которым я дорожу и которое высоко ценю.

Крепко жму Вам руку и желаю всего хорошего. Искренно Вас уважающий и благодарный

А. Чехов.

Меньшикову М. О., 13 июня 1900*

3102. М. О. МЕНЬШИКОВУ
13 июня 1900 г. Ялта.

13 июнь 1900.

Дорогой Михаил Осипович, где Вы? Вы писали, что приедете*, и я ожидал Вас к 10 мая, потом два раза уезжал* из Ялты и возвращался, а Вас все нет и нет*. Ныне, не дождавшись, беру перо и пишу с некоторым даже беспокойством. Уж не болезнь ли задержала Вас, не «Неделя» ли? Что случилось? Напишите, пожалуйста, ждать ли Вас, и вообще когда Вы приедете в Крым* и думаете ли приехать.

Теперь отвечаю на Ваше письмо, которое вот уже больше месяца лежит у меня на столе. Прежде всего, В. С. Тюфяева очень добрая и милая барышня, только напрасно она вступилась за меня*, а не за студ<ента> Венгерова, и напрасно заронила в Вас мысль, что будто Вы меня обеспокоили. Я прочел Ваше письмо и только руками развел. Ваше обращение ко мне насчет студ<ента> Венгерова* — дело обыкновенное, житейское, насколько мне известно, Вам не к кому было обратиться, кроме меня, и было бы обидно, если бы Вы обрати-

лись не ко мне, а к кому-нибудь другому, не знакомому Вам и не врачу, кстати сказать.

Во-вторых, насчет портрета. Передайте Лидии Ивановне, что я вышлю ей карточку*, непременно вышлю, только не раньше, как сам получу ее из фотографии. У меня нет теперь ни одной карточки, а обращаться в фотографию не совсем удобно*, так как теперь в Ялте сезон, работы в фотографиях пропасть, мне же мои карточки дают даром, не за деньги. Итак, до сентября или самое позднее — до октября!

Как Вы живете? Как «Неделя»?*

Напишите мне, пожалуйста, если Вы вообще расположены писать. Жить в Крыму и не получать писем от хороших людей — это скучно, ах, как скучно! Хоть коротко, но пишите.

Крепко жму Вам руку и шлю тысячу сердечных пожеланий.

Ваш А. Чехов.

На конверте:

Царское Село. Михаилу Осиповичу Меншикову.

Магазейная, д. Петровой.

Якубовичу (Мельшину) П. Ф., 14 июня
1900*

3103. П. Ф. ЯКУБОВИЧУ (МЕЛЬШИНУ)
14 июня 1900 г. Ялта.

14-го июня 1900. Ялта.

Многоуважаемый Петр Филиппович!

Я глубоко уважаю Н. К. Михайловского с тех пор, как знаю его*, и очень многим обязан ему, но тем не менее все-таки долго собирался отвечать Вам на ваше письмо. Во-первых, до 1-15 октября* — крайнего, как Вы пишете, срока для представления рукописей — я едва ли буду писать что-нибудь новое, так как занят и летом вообще пишу с большим трудом. Во-вторых, за 1900 г. я получаю приглашение участвовать в сборнике — в шестой раз, т. е. предполагается к изданию шесть сборников... Мне кажется, что Н<иколай> К<онстантинович> слишком большой и слишком заметный человек, чтобы празднование его 40-летнего юбилея можно было ограничивать изданием сборника, книги, которая вся будет состоять из статей*, быть может, и превосходных, но случайного характера, и которая не будет

продана, так как сборники за весьма малыми исключениями вообще продаются плохо и плохо. Если бы я был в Петербурге, то попытался бы внушить Вам* то недоверие к сборникам и альманахам, какое сидит теперь во мне, после участия в очень многих сборниках, чуть ли не в 20, счетом по одному на каждый год моей литературной деятельности. Не знаю, быть может, я устарел или устал, но всё же сборник, даже если он будет составлен прекрасно и распродан быстро, я считаю недостаточным. Если бы от меня зависело, то я объявил бы конкурс на книгу о деятельности Н<иколая> К<онстантиновича>, очень хорошую и нужную книгу, которую издал бы не спеша, с толком, издал бы указатель статей его и о нем, выпустил бы прекрасный портрет его...

Как бы ни было, указанный Вами срок я буду иметь в виду, и если начну что, то немедленно сообщу Вам. А пока позвольте пожелать Вам всего хорошего и пребыть искренно и глубоко Вас уважающим.

А. Чехов.

Петровскому А. И., 19 июня 1900*

3104. А. И. ПЕТРОВСКОМУ
19 июня 1900 г. Ялта.

19 июня 1900 г.

Милостивый государь Андрей Иванович! Рассказ Ваш очень хорош*, только он, в ущерб его художественным достоинствам, длинен, в нем много ненужных подробностей*, таких выражений, как «специфический», и проч. и проч. Тон рассказа нарушен изображением драки между героем и супругом, драки совершенно ненужной, крушения поезда; мне это показалось похожим на картину спокойного моря, где в двух-трех местах, нарушая величие, целостность и серьезность впечатления, изображаются ни с того ни с сего высокие волны. Особенно неуместна драка — и грубая, и ненужная. Опять-таки, повторяю, показалось мне, а быть может, это и не так. Желая Вам всего хорошего. Готовый к услугам

А. Чехов.

Меньшикову М. О., 25 июня 1900*

3105. М. О. МЕНЬШИКОВУ
25 июня 1900 г. Ялта.

Дорогой Михаил Осипович, спешу ответить на Ваше последнее письмо. До августа я буду дома*. Если что изменится в сих моих намерениях, то немедленно сообщу Вам письменно или телеграммой. Как бы то ни было, буду сидеть дома и ожидать Вас. Я живу в Аутке, за мечетью. Приехав в Ялту (конечно, на пароходе)*, немедленно же приезжайте ко мне или вызовите меня по телефону в гостиницу, в которой остановитесь. У меня есть телефон, кстати сказать.

Ну, будьте здоровы и благополучны. Если меня не будет в городе, то я, значит, в Гурзуфе; подробности узнаете в книжно-табачном магазине Синани*, на Набережной.

Крепко жму руку.

Ваш А. Чехов.

25 июнь.

На обороте:

Царское Село. Михаилу Осиповичу Меншикову.

Магазейная, д. Петровой.

Арбушевской Л. Ю., 27 июня 1900*

3106 Л. Ю. АРБУШЕВСКОЙ
27 июня 1900 г. Ялта.

27 июнь 1900.

Многоуважаемая Любовь Юлиановна!

Вчера посланы мною книги* для библиотеки, а сегодня посылаю Вам квитанцию. Не откажите получить и уведомить о получении.

Если Павел Федорович* в Таганроге, то благоволите передать ему мой поклон. Позвольте пожелать Вам всего хорошего и пребыть искренно Вас уважающим

А. Чехов.

Книги посланы большой скоростью.

Ялта.

На конверте:

Таганрог. Ее Высокоблагородию Любови Юлиановне Арбушевой.

Городская библиотека.

Иорданову П. Ф., 29 июня 1900*

3107. П. Ф. ИОРДАНОВУ
29 июня 1900 г. Ялта.

29 июнь 900.

Многоуважаемый Павел Федорович!

Вчера я послал в библиотеку багажную квитанцию* на получение посланных мною

книг. Послано «на предъявителя», большою скоростью. Пишу Вам об этом на всякий случай, ибо не знаю, где Вы теперь* — в Таганроге или в ином месте, наприм<ер>, в Париже на выставке.

Вчера я прочел в «Таганрогском вестнике»* упрек по адресу Таганрогского городского управления, почему-де оно не жертвует мне на санаторию, когда Харьков пожертвовал 1000 р., и проч. Считаю нужным сим заявить, что 1000 р. из Харькова я не получал и никогда не получу по самой простой причине: в Ялте я ничего не устраивал. Я состою лишь членом благотворительного общества*, как состоят сотни лиц. Общество же это помогает приезжающим в Ялту чахоточным больным. Харьковское гор<одское> управление прислало 1000 р., вероятно, княгине Барятинской, которая устраивает здесь санаторию* и которой я сочувствую, кстати сказать. Если у Вас в думе поднят будет вопрос когда-нибудь насчет санаторий и если я буду при этом таганрогским гласным, то буду стоять за устройство санаторий в Таганроге. Каждый город должен иметь санаторию для своих уроженцев.

Ваше последнее письмо не понравилось мне*. Неужели операция оказала Вам такую плохую услугу? Ведь это совсем нехорошо, и нужно что-нибудь предпринимать, и скорее, а то мрачные мысли и дурное настроение состарят Вас лет на десять. Мне кажется, что всё дело пустое, починить нетрудно.

Где Вы теперь?

Крепко жму Вам руку и желаю всего хорошего — Вам и Вашей семье.

Желаю Вам выздоровления скорейшего...

Ваш А. Чехов.

На конверте:

Таганрог. Павлу Федоровичу Иорданову.

**Пешкову А. М. (М. Горькому), 7 июля
1900***

3108. А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)
7 июля 1900 г. Ялта.

7 июль. 1900.

Милый Алексей Максимович, сегодня я получил письмо от Капитолины Валериановны Назарьевой* (Вашей поклонницы, пишущей под псевдонимом «Н. Левин»* в «Биржевых ведомостях»). Она спрашивает, где Вы, и

просит Ваш портрет, чтобы поместить его в «Сочинениях» — журнале Иеронима Ясинского*. То есть не у меня просит, а у Вас. Ее адрес: Петербург, Надеждинская, 11, кв. 11. Два раза одиннадцать. Вот!

Затем получил я, в ответ на свой отказ, длинное письмо от Мельшина*. Письмо длинное и неубедительное, но я всё же не знаю, как мне быть — писать ему еще раз письмо или не писать.

Ну, как Вы живете? Ваше письмо я получил вскорости после Вашего отбытия из Ялты*, нового у Вас еще ничего не было, а теперь, полагаю, есть куча всякого рода новостей, самых интересных. Был сенокос? Написали пьесу?* Пишите, пишите и пишите, пишите обыкновенно, по-простецки — и да будет Вам хвала велия! Как обещано было, пришлите мне; я прочту и напишу свое мнение весьма откровенно и слова, для сцены неудобные, подчеркну карандашом. Всё исполню, только пишите, пожалуйста, не теряйте времени и настроения.

Сейчас нижегородская барыня Анна Иноземцева привезла мне первый том своих со-

чинений* («Собрание сочинений», том первый) — и уехала, не повидавшись со мной. С портретом. Книга напечатана в Нижнем Новгороде, а потому я называю ее нижегородской.

К Вам — увы! — приехать не могу*, потому что мне нужно в Париж, нужно в Москву делать операцию (геморрой), нужно оставаться в Ялте, чтобы писать, нужно уехать куда-нибудь далеко, далеко и надолго... Нового в Ялте ничего нет. Жарко, но не очень. Мои — в Гурзуфе, я живу в Ялте один. Средин здоров, но был болен и довольно серьезно. Мы два дня очень беспокоились, хотели выписывать от Вас Анатолия*, но потом всё обошлось, всё стало, как было.

Черкните мне о том о сем, как живете, как пишется. Если меня не будет в Ялте, то Ваше письмо, равно как и пьесу, мне вышлют туда, где я буду. Об этом не беспокойтесь, всё будет цело и невредимо. Вернее же всего, что до 5-10 августа я буду сидеть дома.

Екатерине Павловне мой привет и нижайший поклон*, а Вашего Максимку благословляю обеими руками и целую его. У нас всё

благополучно. Когда Вас провожали, я был немножко нездоров, а теперь ничего. Ну, будьте здоровы, счастливы и богом хранимы.

Ваш А. Чехов.

**Пешкову А. М. (М. Горькому), 12 июля
1900***

3109. А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)
12 июля 1900 г. Ялта.

12 июль.

Милый Алексей Максимович, Ваше приглашение в Китай удивило меня*. А пьеса? Как же пьеса?* Вы кончили, стало быть? Как бы ни было, в Китай ехать уже поздно*, так как, по-видимому, война приходит к концу. Да и поехать туда я могу только врачом. Военным врачом. Если война затянется, то поеду, а пока вот сижу и пишу помаленьку.

Получили мое письмо? Ответили Назарьевой?*

У нас ничего нового, только жарница и духота почти невыносимые.

Екатерине Павловне и Максиму поклоннижайший и привет. Будьте здоровы и счастливы.

Ваш А. Чехов.

На обороте:

*Хорошки Полтавск. губ. Алексею Максимо-
вичу Пешкову.*

с. Мануйловка.

Амфитеатрову А. В., 13 июля 1900*

3110. А. В. АМФИТЕАТРОВУ
13 июля 1900 г. Ялта.

13 июль 1900.

Многоуважаемый Александр Валентино-
вич!

Одновременно с этим письмом посылаю
Вам рукопись г. Анатолия Яковлева «В ваго-
не»* — молодого человека, моего бывшего
ученика.

Желаю Вам всего хорошего и остаюсь ис-
кренно преданным.

А. Чехов.

Ялта.

Меньшикову М. О., 19 июля 1900*

3111. М. О. МЕНЬШИКОВУ
19 июля 1900 г. Ялта.

19 июль.

Дорогой Михаил Осипович, сей мой ответ на Ваше письмо повезет завтра один молодой человек, уезжающий на север, — стало быть, Вы успеете получить его. Дело в том, что я просижу в Ялте до 15 авг<уста>. Буду ожидать Вас с большим нетерпением*. И дело еще в том, что иногда я уезжаю в Гурзуф, и потому если в магазине Синани скажут Вам, что я в Гурзуфе, то немедля поговорите со мной по телефону («Гурзуф, гостиница № 1, прошу передать Чехову, что Меншиков приехал») — и я приеду в Ялту, не медля ни одной минуты, ни даже секунды. Приехав в Ялту, Вы можете остановиться* на набережной в доме Волкова (это у Ливадийского моста) или — это, пожалуй, будет лучше — в гостинице «Ялта» Бегуна. От сей гостиницы у парохода на пристани бывают посыльные.

Буду очень рад повидать Вас и потолковать о том о сем. Особенного в моей жизни ничего не произошло, и кругом на белом свете не происходит ничего нового, но всё же, думаю, найдется о чем потолковать. Как Вы полагаете?

Итак, до свиданья! Addio!

Ваш А. Чехов.

На конверте:

Царское Село. Михаилу Осиповичу Меншикову.

Магазейная, д. Петровой.

Иорданову П. Ф., 23 июля 1900*

3112. П. Ф. ИОРДАНОВУ
23 июля 1900 г. Ялта.

26 июль 1900 г.

Многоуважаемый Павел Федорович!

Отвечаю Вам по пунктам:

1) Антокольского, вероятно, в настоящее время нет в Париже*, он у себя в Швейцарии, где имеет собственную дачу (подаренную ему бар<оном> Гиршель) на берегу одного из озер. Говорю «вероятно», потому что не знаю на-верное, справиться же не у кого, потому что на выставке все заняты и на письма не отве-чают. Погодите осени, тогда я буду в Пари-же — и наведу справки.

2) В Ялте очень хорошая погода*, совсем не жарко, перепадают дожди. О «Гастрини» чи-тайте, но не особенно увлекайтесь. Во-пер-вых, это далеко, 2 версты от моря, во-вторых,

это скучно и, в-третьих, скверно и дорого. По-видимому, шарлатанская, хотя и докторская затея. В Ялте самое лучшее останавливаться, это вблизи моря, в гостинице, например, «Ялта» (это новая) или «Россия» (это дорого), а потом подыскать для себя, не спеша, постепенно, квартирку — тоже недалеко от моря. Здесь тихо, жизнь недорогая. А если и дорогая, то не очень; по крайней мере дешевле, чем в таганрогской «Европейской».

Ответьте: не нужен ли для библиотеки портрет прот<оиерея> Бандакова? Если нужен, то пришлю. Посылаю карточку кн. Урусова, недавно умершего*.

Ну, будьте здоровы. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

На конверте:

Таганрог. Павлу Федоровичу Иорданову.

Ежову Н. М., 28 июля 1900*

3113. Н. М. ЕЖОВУ
28 июля 1900 г. Ялта.

Спасибо за весточку о себе, дорогой Николай Михайлович! В Париже — это весьма воз-

можно — я буду в первой половине августа и тогда напишу Вам письмо *poste rest<ante>*, подобно этому. Из Парижа поеду на юг Франции. Буду очень и очень рад повидаться с Вами*, потолковать, показать Вам Париж*, в котором я был уже пять раз* и который Вам, по всей вероятности, не понравится*, как не нравится всем, попадающим в него впервые. До свиданья! Будьте здоровы и веселы.

Ваш А. Чехов.

28 июля 900 г.

Ялта.

На обороте:

Monsieur N. Ejoff. post. rest. Paris. Франция.

Ежову Н. М., 1 августа 1900*

3114 . Н. М. ЕЖОВУ
1 августа 1900 г. Ялта.

Дорогой Николай Михайлович, в Париже, пишут, необыкновенная жара*, и посему раньше сентября я едва ли попаду на выставку. Будьте добры, не в службу, а в дружбу исполните следующую мою просьбу*: на С<ен>т-Жерменском бульв<аре> есть книжный магазин «*Masson et Cie*» Editeurs (т. е. издатели),

зайдите к ним и прикажите выслать мне в Ялту (Jalta) две книги: 1) Jules Chéron. Введение к изучению общих законов подкожных впрыскиваний и 2) Charpentier. Беременность и туберкулез. Пишу русские названия книг, потому что забыл по-французски. Вы заплатите и прикажете выслать мне или еще лучше д-ру Альтшуллеру (Altchouller) для передачи мне, и черкнете мне, я тотчас же вышлю деньги, куда прикажете. Пожалуйста, не откажите! В Париже буду в сентябре или в начале октября. Будьте здоровы и благополучны. Простите, что беспокою Вас поручением.

Ваш А. Чехов.

1 авг. 1900.

На обороте:

Monsieur N. Ejoff. post. rest. Paris. Франция.

ТИХОНОВОЙ Е. В., 2 августа 1900*

3115. Е. В. ТИХОНОВОЙ
2 августа 1900 г. Ялта.

Многоуважаемая Екатерина Владимировна!

Простите, что так долго не отвечал Вам. Ваше письмо я получил еще в Тифлисе*, куда

оно было переслано мне из Ялты, не ответил же я до сих пор, потому что положительно не знал, как и что ответить. Положение Владимира Алексеевича мне понятно*, я сочувствую ему всей душой, письмо Ваше так убедительно, между тем у меня нет не только 300, но даже 100 рублей. Работаю я теперь чрезвычайно мало, от Маркса получаю частями, и то, что получил, давно уже потратил. Отвечать, таким образом, на Ваше письмо было трудно, и я все оттягивал, как бы ожидая, что обстоятельства изменятся, но они всё те же, что и были. Простите, пожалуйста.

Крепко жму Вам руку и желаю всего хорошего.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

2 авг. 1900 г.

Меньшикову М. О., 3 августа 1900*

3116 . М. О. МЕНЬШИКОВУ
3 августа 1900 г. Ялта.

3 авг., на другой день после Вашего отъезда*.

Шлю Вам, дорогой Михаил Осипович, теле-

грамму, полученную сегодня*. Надеюсь, что Вы здоровы и что всё обстоит благополучно.

В Ялте дует сильнейший ветер. У меня закрыты поэтому все окна, душно.

Будьте здоровы и благополучны. Пишите!!

Ваш А. Чехов.

На конверте:

Царское Село. Михаилу Осиповичу Меншикову.

Магазейная, д. Петровой.

Васильевой О. Р., 9 августа 1900*

3117. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ
9 августа 1900 г. Ялта.

9 августа 1900.

Многоуважаемая Ольга Родионовна!

Прежде всего позвольте поклониться Вам низко и поблагодарить за ковер, полученный мною еще весной*. Я не поблагодарил Вас до сих пор, потому что не знал, где Вы находитесь. Что Вы не дома, мне было известно; почта возвратила мне «Даму с собачкой», которую я послал Вам в Знаменское*. (Теперь эта повесть уходит к Вам обратно*, в том немножко истерзанном виде, в каком я получил.)

Увы, на Ваш вопрос я решительно не знаю, что ответить*. По-английски я не читаю, английских журналов не вижу и не знаю. И мне кажется, для английской публики я представляю так мало интереса, что решительно всё равно, буду ли я напечатан в английском журнале или нет. Погодите немного, я наведу справки, и если узнаю что-нибудь подходящее, то не замедлю сообщить Вам.

Позвольте ото всей души поблагодарить Вас, пожать Вам руку и пожелать всего хорошего.

Искренно преданный

А. Чехов.

Книппер О. Л., 9 августа 1900*

3118. О. Л. КНИППЕР
9 августа 1900 г. Ялта.

9 авг.

Милая моя Оля, радость моя, здравствуй! Сегодня получил от тебя письмо, первое после твоего отъезда*, прочел, потом еще раз прочел и вот пишу тебе, моя актриса. Проводив тебя, я поехал в гостиницу Киста*, там ночевал; на другой день, от скуки и от нечего де-

лать, поехал в Балаклаву. Там всё прятался от барынь, узнавших меня и желавших устроить мне овацию, там ночевал и утром выехал в Ялту на «Тавеле»*. Качало чертовски. Теперь сижу в Ялте, скучаю, злюсь, томлюсь. Вчера был у меня Алексеев*. Говорили о пьесе, дал ему слово, причем обещал кончить пьесу не позже сентября. Видишь, какой я умный.

Мне все кажется, что отворится сейчас дверь и войдешь ты. Но ты не войдешь, ты теперь на репетициях или в Мерзляковском пер<еулке>, далеко от Ялты и от меня.

Прощай, да хранят тебя силы небесные, ангелы хранители. Прощай, девочка хорошая.

Твой Antonio.

На конверте:

Москва. Ольге Леонардовне Книппер.

Мерзляковский пер. (у Никитских ворот), д. Мещериновой.

Марксу А. Ф., 9 августа 1900*

3119. А. Ф. МАРКСУ
9 августа 1900 г. Ялта.

9 августа 1900 г.

Многоуважаемый Адольф Федорович!

Еще прошлую осенью*, в ноябре, мне был прислан II том для подписи, окончательно сверстаный, читанный мною много раз, уже готовый вполне. Я подписал и ждал его выхода в свет, но на днях вдруг получил из типографии несколько рассказов из этого тома, вновь набранных...

Затем еще одна жалоба. В конце прошлого и в начале этого года я получил корректуру рассказов из 8 и 9 томов*, неизвестно для чего набранных. Я написал в типографию*, просил держаться в наборе порядка, известного ей из составленного нами списка. Писал я и Вам, и Юлию Осиповичу*. Но немного погодя я получил опять эти же самые рассказы. А теперь получил опять и положительно не знаю, что мне делать... (Вот эти рассказы*: «Душечка», «По делам службы», «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви», «Случай из практики», «У знакомых», «Новая дача», «Печенег», «На подводе», «Хорошие люди», «В море» и «Рассказ старшего садовника».) Между тем время идет, скоро я уеду за границу*, уеду надолго...

Сегодня я послал Вам корректуру III тома*.

Позвольте пожелать Вам всего хорошего и
пребыть искренно Вас уважающим.

А. Чехов.

Книппер О. Л., 13 августа 1900*

3120. О. Л. КНИППЕР
13 августа 1900 г. Ялта.

Милая, славная, великолепная моя актри-
са, я жив, здоров, думаю о тебе, мечтаю и ску-
чаю оттого, что тебя здесь нет. Вчера и третье-
го дня был в Гурзуфе*, теперь опять сижу в Ял-
те, в своей тюрьме*. Дует жесточайший ветер,
катер не ходит, свирепая качка, тонут люди,
дождя нет и нет, всё пересохло, всё вянет, од-
ним словом, после твоего отъезда стало здесь
совсем скверно. Без тебя я повешусь.

Будь здорова и счастлива, немочка моя хо-
рошая. Не хандри, спи крепко и пиши мне по-
чаще.

Целую тебя крепко, крепко, четыреста раз.

Твой Antonio.

13 авг.

На конверте:

Москва. Ольге Леонардовне Книппер.

Мерзляковский пер. (у Никитских ворот), д.

Мещериновой.

Книппер О. Л., 14 августа 1900*

3121. О. Л. КНИППЕР
14 августа 1900 г. Ялта.

Милюся моя, я не знаю, когда выеду в Москву*, — не знаю, потому что, можешь ты себе представить, пишу в настоящее время пьесу. Пишу не пьесу, а какую-то* путаницу. Много действующих лиц — возможно, что собьюсь и брошу писать.

Сапоги желтые, о которых ты спрашиваешь, не чищены* с того дня, как я проводил тебя. И меня никто не чистит. Хожу весь в пыли, в пуху и в перьях.

Соня с Володей еще у нас*. Погода скверная, сухая, ветер не перестает... Мне не весело, потому что скучно.

Будь здорова, милая немочка, не сердись на меня, не изменяй мне. Целую тебя крепко.

Твой Antoine.

14 авг.

На конверте:

Москва. Ее Высокоблагородию Ольге Леонардовне Книппер.

Никитские ворота, уг. Мерзляковского пер., д. Мещериновой.

Книппер О. Л., 17 августа 1900*

3122. О. Л. КНИППЕР
17 августа 1900 г. Ялта.

17 авг.

Здравствуй, милая, хорошая моя актрисочка. Пишу пьесу*, но гости мешают дьявольски*. Вчера с 9 часов утра до вечера, а сегодня с обеда. Всё путается в голове, настроение становится мелким, злюсь, и каждый день приходится начинать сначала.

Сейчас пришла начальница гимназии*, а с ней две ее родственницы-барышни. Пришли, посидели в кабинете, а теперь пошли чай пить.

В «России» проживает Екатерина Николаевна. Ждут Немировича*.

Ветер. На море качка. Из кабинета я ушел к себе в спальню и тут пишу у окна. Если гости не будут срывать настроения и если не буду злиться, то к 1–5 сентября уже окончу пьесу, т. е. напишу и перепишу начисто*. А потом поеду в Москву, вероятно.

От тебя давно уже не было ни строчки*. Это нехорошо, милая.

Будь здорова, не хандри.

Твой Antonio.

На конверте:

Москва Ее Высокоблагородию Ольге Леонардовне Книппер.

Мерзляковский пер., у Никитских ворот, д. Мещериновой.

Книппер О. Л., 18 августа 1900*

3123. О. Л. КНИППЕР
18 августа 1900 г. Ялта.

18 авг.

Милюся моя, отвечаю на вопросы, выпрыгивающие из твоего письма. Я работаю не в Гурзуфе, а в Ялте, и мне жестоко мешают, скверно и подло мешают*. Пьеса сидит в голове, уже* вылилась, выровнялась и просится на бумагу, но едва я за бумагу, как отворяется дверь и вползает какое-нибудь рыло. Не знаю, что будет, а начало вышло ничего себе, гладенькое, кажется.

Увидимся ли?* Да, увидимся. Когда? В первых числах сентября, по всей вероятности. Я

скучаю и злюсь. Денег выходит чертовски много, я разоряюсь, вылетаю в трубу. Сегодня жесточайший ветер, буря, деревья сохнут.

Один журавль улетел*.

Да, милая моя актрисуля, с каким чисто те-лячьим восторгом я пробежался бы теперь в поле*, около леса, около речки, около стада. Ведь, смешно сказать, уже два года, как я не видел травы. Дуся моя, скучно!

Маша уезжает завтра*.

Ну, будь здорова. Алексеевых и m-me Немирович не вижу*.

Твой Antonio.

Вишневы мне не пишет*. Должно быть, сердит. За это я напишу ему плохую роль.

На конверте:

Москва. Ее Высокоблагородию Ольге Леонардовне Книппер.

Никитские ворота, Мерзляковский пер., д. Мещериновой.

Книппер О. Л., 20 августа 1900*

3124. О. Л. КНИППЕР
20 августа 1900 г. Ялта.

20 авг.

Милая моя, что такое?! Ты пишешь, что получила от меня до сих пор только одно письмо*, между тем я пишу тебе каждый или почти каждый день! Что означает сие? Мои письма никогда не пропадали.

Вчера пошел в сад, чтобы отдохнуть немножко, и вдруг — о ужас! — подходит ко мне дама в сером: Екатерина* Николаевна! Она наговорила мне разной чепухи и, между прочим, дала понять, что ее можно застать только от часа до трех. Только! Простилась со мной, потом немного погодя опять подошла и сказала, что ее можно застать только от часа до трех. Бедняга, боится, чтобы я не надоел ей.

Пьеса начата*, кажется, хорошо, но я охладел к этому началу, оно для меня опошлилось — и я теперь не знаю, что делать. Пьесу ведь надо писать не останавливаясь, без передышки, а сегодняшнее утро — это первое утро, когда я один, когда мне не мешают. Ну, да все равно, впрочем.

Дядю Сашу надо женить*.

Когда приеду, пойдём опять в Петровское-Разумовское? Только так, чтобы на целый день и чтобы погода была очень хоро-

шая, осенняя и чтобы ты не хандрела и не повторяла каждую минуту, что тебе нужно на репетицию.

Ек<атерина> Ник<олаевна> сообщила по секрету, что ее муж, т. е. Вл<адимир> Ив<ано-вич>, приедет сюда на две недели, чтобы работать*. В конце месяца. Я удеру в Гурзуф*, чтобы не мешать.

В Ялте уже осень. Ну, милюся моя, будь здорова и пиши, пиши, пока не надоест. Прощай, мамуся, ангел мой, немочка прекрасная. Мне без тебя адски скучно.

Твой Antoine.

На конверте:

Москва. Ее Высокоблагородию Ольге Леонардовне Книппер.

Никитские ворота, Мерзляковский пер., д. Мещериновой.

Лаврову В. М., 21 августа 1900*

3125. В. М. ЛАВРОВУ
21 августа 1900 г. Ялта.

21 авг. 1900.

Милый друг Вукол Михайлович, прости, не писал тебе, потому что не знал, где ты*, про

Виктора же Александровича слышал, что он в Париже на выставке. Как бы ни было, спасибо тебе за письмо, за весть о себе. Хотя ты и ни слова не пишешь о здоровье, но уповаю, что ты здоров и благополучен, чего, кстати сказать, желаю тебе от души. Повесть пришлю в ноябре*, не раньше. Почему не в октябре, объясню при свидании, недельки через две, когда буду в Москве.

В Ялте холодно и невесело. Шлю привет Софии Федоровне и Виктору Александровичу, если он в Москве. Итак, до свиданья!

Весь твой А. Чехов.

С удовольствием посидел бы теперь где-нибудь в московском трактирчике*.

Книппер О. Л., 23 августа 1900*

3126. О. Л. КНИППЕР
23 августа 1900 г. Ялта.

23 авг.

Милюся моя, здравствуй! В письме своем ты сердисься, что я пишу тебе помалу. Но зато ведь я пишу тебе часто!

Вчера был у меня Алексеев. Сидел до 9 час<ов> вечера, потом мы пошли (или, вер-

нее — я повел его) в женскую гимназию, к начальнице*. В гимназии хорошенькая венгерка*, говорящая очень смешно по-русски, играла на арфе и смешила нас. Просидели до 12 часов.

Сегодня пошел в город по делу, встретил там Верочку и привел ее к нам обедать. Эта Верочка приехала из Харькова*. Богатая невеста. Видишь, какой я Дон-Жуан!

Пьесу пишу, но боюсь, что она выйдет скучная*. Я напишу и, если мне не понравится, отложу ее, спрячу до будущего года или до того времени, когда захочется опять писать. Один сезон пройдет без моей пьесы — это не беда. Впрочем, поговорим об этом, когда буду в Москве*.

А дождя все нет и нет. У нас во дворе строят сарай. Журавль скучает*. Я тебя люблю.

Приедешь на вокзал встретить меня? А где мне остановиться? В какой гостинице* — удобной, близкой к тебе и не столь дорогой? Подумай о сем и напиши, миленькая моя.

У нас в доме тихо, мирно, с матерью пребываю в согласии, не ссорюсь.

Ты ходишь с Вишневым в оперетку?*

Гм...

Пиши мне почаще, не скупись. За это я тебя награжу, я тебя буду любить свирепо, как араб. Прощай, Оля, будь здорова и весела. Не забывай, пиши и почаще вспоминай твоего

Antoine.

На конверте:

Москва. Ее Высокоблагородию Ольге Леонардовне Книппер.

Никитские ворота, Мерзляковский пер., д. Мещериновой.

Комиссаржевской В. Ф., 25 августа 1900*

3127. В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ
25 августа 1900 г. Ялта.

25 августа.

Вы сердитесь, Вера Федоровна? Но что делать!* Время наших неудач и недоразумений, очевидно, еще продолжается; по два раза в день я ходил в фотографию, и мне каждый раз говорили: не готово! Наконец сегодня, потеряв всякое терпение, я вырвал два снимка* — без наклейки, без ретуши — и посылаю. Эти снимки еще не готовы, имейте это в виду, т. е. не судите очень строго. Вам надлежит

рассмотреть их и потом написать мне, сколько прислать Вам карточек и каких. Если оба сорта понравятся, то вышлю оба, пожелае-те — по несколько штук. На фотографии, кста-ти сказать, Вы вышли грустной, грустной!

Статья Боборыкина*, его беседа с папой на-печатана в «Русской мысли» за июнь 1900 г.

С каким удовольствием я поехал бы теперь в цивилизованные страны, в Петербург, на-пример, чтобы пожить там, потрепать свою особу. Я чувствую, как здесь я не живу, а засы-паю* или всё ухожу, ухожу куда-то без оста-новки, бесповоротно, как воздушный шар. А пьесу все-таки пишу* и кончу ее, вероятно, в сентябре и тогда пришлю Вам. В сентябре по-еду в Москву*, потом за границу — надолго.

В Ялте холодно, море сердитое! Будьте здо-ровы и счастливы, да хранит Вас бог. Не сер-дитесь на меня!*

Ваш А. Чехов.

Чеховой М. П., 28 августа 1900*

3128. М. П. ЧЕХОВОЙ
28 августа 1900 г. Ялта.

28 авг.

Милая Маша, ты пишешь, чтобы я выслал денег*, а не пишешь, сколько. Посылаю двести рублей; если этого мало, то пришлю еще.

Всё благополучно. Мать здорова. У меня каждый день Ладыженский*, который приехал дней 10 назад. Пьесу писать, конечно, нельзя*.

Нового ничего. Будь здорова.

Твой А. Чехов.

Книппер О. Л., 30 августа 1900*

3129. О. Л. КНИППЕР
30 августа 1900 г. Ялта.

30 авг.

Милая моя Оля, я жив и здоров, чего и тебе, актрисе, желаю. Не пишу тебе, потому что погоди, пишу пьесу*. Хотя и скучновато выходит, но, кажется, ничего себе, умственно. Пишу медленно — это сверх ожидания. Если пьеса не вытанцуется как следует, то отложу ее до будущего года. Но все-таки, так или иначе, кончу ее теперь.

Ах, как мне мешают, если бы ты только знала!!* Не принимать людей я не могу, это не в моих силах.

В Москве холодно? Ой, ой, нехорошо это.

Ну, будь здорова. Ты обижаешься, что в некоторых письмах я не называю тебя по имени. Честное слово, это неумышленно.

Твой Antoine.

Целую тебя двадцать раз.

Был немножко нездоров, ворчал, а теперь ничего, опять повеселел.

На конверте:

Москва. Ее Высокоблагородию Ольге Леонардовне Книппер.

У Никитских ворот, Мерзляковский пер., д. Мещериновой.

Меньшикову М. О., 2 сентября 1900*

3130. М. О. МЕНЬШИКОВУ
2 сентября 1900 г. Ялта.

Повремените немножко* кланяюсь желаю здоровья. Чехов.

На бланке:

Петербург Редакцию «Недели» Меньшикову

Чеховой М. П., 2 сентября 1900*

3131. М. П. ЧЕХОВОЙ
2 сентября 1900 г. Ялта.

2 сент.

Милая Маша, приеду в Москву, когда кончу пьесу*. Переписывать ее начисто буду в Москве.

Теперь вот какое дело. Мать почему-то боялась сказать тебе, мне же постоянно говорит, что ей очень хочется в Москву. И сегодня она решительно заявила мне, что оставаться в Ялте ей одной или с чужими — никак нельзя, и просила написать тебе об этом. И я согласен с ней, оставаться ей в Ялте одной, среди чужих, никак нельзя, и надо дать ей пожить в Москве*, если не всю зиму, то хоть 2–3 месяца. Подумай, пожалуйста, и напиши. Я буду ждать твоего ответа. Только, пожалуйста, не подумай, что я это капризничаю или что-нибудь вроде. С матерью мы живем мирно, и о том, что ей нужно жить зиму в Москве, она сегодня заговорила первая.

Нового ничего нет. В Ялте холодно, сегодня пасмурно. Хочу надеть осеннее пальто. Будь здорова и весела.

Ладыженский еще здесь*.

Твой Antoine.

Вишневский на меня сердится?*

Вишневскому А. Л., 5 сентября 1900*

3132. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ
5 сентября 1900 г. Ялта.

5 авг. 1900.

Дорогой мой земляк Александр Леонидович, большущее Вам спасибо за Ваше письмо и вообще за Вашу доброту. Скоро, должно быть, увидимся, ибо я всё хожу и всё думаю про Москву, как бы мне уехать. Соскучился страшно, отчаянно. Пьесу я пишу*, уже написал много, но пока я не в Москве, судить о ней не могу*. Быть может, выходит у меня не пьеса, а скучная, крымская чепуха. Называется она «Три сестры» (как Вам уже известно)*, для Вас przygotowляю роль инспектора гимназии*, мужа одной из сестер. Вы будете в форменном сюртуке и с орденом на шее.

Если пьеса не сойдется* в этом сезоне, то в будущем сезоне переделаю.

Завидую Вам, что Вы часто бываете* там, где я уже лет шесть не был, т. е. в бане. Я весь теперь покрыт рыбьей чешуей*, оброс, хожу без одежды и кричу диким голосом; барышни меня боятся.

Говорят, что Вы женитесь на Р.* Правда ли это? Если правда, то от души Вас поздравляю. Она артистка хорошая.

Когда буду в Москве, то позовите меня к себе в гости. Сестра пишет, что у Вас очень хорошая квартира*, и если Вы в самом деле довольны и чувствуете себя хорошо, то я очень рад и завидую Вам. Будьте, земляк, здоровы, веселы, бодры, работайте хорошо, с удовольствием и не забывайте Вашего

А. Чехова.

Книппер О. Л., 5 сентября 1900*

3133. О. Л. КНИППЕР
5 сентября 1900 г. Ялта.

5 сент. 1900.

Милюся моя, ангел мой, я не пишу тебе, но ты не сердись, снисходи к слабостям человеческим. Всё время я сидел над пьесой, больше думал, чем писал, но всё же мне казалось, что я занят делом и что мне теперь не до писем. Пьесу пишу, но не спешу, и очень возможно, что так и в Москву поеду не кончив; очень много действующих лиц, тесно, боюсь, что выйдет неясно или бледно, и потому, по-мое-

му, лучше бы отложить ее до будущего сезона. Кстати сказать, я только «Иванова» ставил у Корша тотчас же по написании*, остальные же пьесы долго еще лежали у меня, дожидаясь Влад<имира> Ивановича, и, таким образом, у меня было время вносить поправки всякие.

У меня гости: начальница гимназии* с двумя девицами. Пишу с перебоями. Сегодня провожал на пароход двух знакомых барышень и — увы! — видел Екатерину Николаевну*, отъезжавшую в Москву. Со мной была холодна, как могильная плита в осенний день! И я тоже, по всей вероятности, был не особенно тепел.

Телеграмму, конечно, пришлю, непременно выходи меня встретить, непременно! Приеду с курьерским — утром. Приеду и в тот же день засяду за пьесу. А где мне остановиться? На Мл. Дмитровке нет ни стола, ни постели*, придется остановиться в гостинице. В Москве я пробуду недолго.

Дождя в Ялте нет. Сохнут деревья, трава давно высохла; ветер дует ежедневно. Холодно.

Пиши мне почаще, твои письма радуют меня всякий раз и поднимают мое настроение, которое почти каждый день бывает сухим и черствым, как крымская земля. Не сердись на меня, моя миленькая.

Гости уходят, иду провожу их.

Твой Antoine.

На конверте:

Москва. Ольге Леонардовне Книппер.

У Никитских ворот, Мерзляковский пер., д. Мещериновой.

Чеховой М. П., 5 сентября 1900*

3134. М. П. ЧЕХОВОЙ
5 сентября 1900 г. Ялта.

5 сент.

Милая Маша, посылаю сто рублей. Всё обстоит благополучно, по-прежнему.

Твой Ан<тон>.

Книппер О. Л., 6 сентября 1900*

3135. О. Л. КНИППЕР
6 сентября 1900 г. Ялта.

6 сент.

Милая моя Оля, ангел мой, мне очень,

очень, очень скучно без тебя. Я приеду, когда кончатся у тебя репетиции и начнутся спектакли*, когда в Москве будет уже холодно, т. е. после 20-го сентября*.

Теперь я сижу дома, и мне кажется*, что я пишу.

Ну, будь здорова, бабуся.

Твой Antoine.

* говорю «кажется», потому что в иной день сидишь-сидишь за столом, ходишь-ходишь, думаешь-думаешь, а потом сядешь в кресло и возьмешься за газету или же начнешь думать о том о сем, бабуся милая!

Пиши!

На конверте:

Москва. Ее Высокоблагородию Ольге Леонардовне Книппер.

Никитские ворота, Мерзляковский пер., д. Мещериновой.

Тараховскому А. Б., 6 сентября 1900*

3136 А. Б. ТАРАХОВСКОМУ
6 сентября 1900 г. Ялта.

6 сентября 1900 г.

Многоуважаемый Абрам Борисович!

Искренно сожалею, что, кажется, ничего не могу сделать для Вас*. Живу я не в Ялте, а в уезде, с полицейским начальством незнаком*, с исправником при встрече только кланяюсь... По наведенным мною справкам, евреям разрешается жить в Ялте только после продолжительных хлопот — это в обыкновенное время, в настоящее же время, когда в Ялте ждут царя и когда вся полиция занята и напряжена, и думать нельзя о каких-либо хлопотах. Я еще повидаюсь кое с кем и поговорю, и в случае если можно будет сделать что-нибудь, если можно будет выхлопотать для Вас право проживать не в Ялте, а в Алушке или Гурзуфе, то я буду телеграфировать Вам...

Здесь тоже холодно, дуют ветры жестокие. Лето отвратительное, вероятно, такое же точно, как в Балаклаве, только без дождей. *Мне здесь мешают работать*, я хотел было поехать в Балаклаву и засесть там; но если в этом странном городе, как Вы пишете, холодно и сыро и идут дожди, то придется отложить попечение... Да и уже, кстати сказать, поздно, уже осень, пора уезжать за границу.

Итак, если сделаю хотя что-нибудь, то буду

телеграфировать обстоятельно. Из Балаклавы в Ялту можно добраться на пароходе «Тавель», очень хорошо, быстроходном; этот пароход ходит во всякую погоду.

Будьте здоровы. Прошу Вас поклониться Вашей жене и передать ей, что я искренно, от всей души сочувствую ее горю. Желая здоровья.

Преданный А. Чехов.

На конверте:

Балаклава. Его Высокоблагородию Абраму Борисовичу Тараховскому.

Книппер О. Л., 8 сентября 1900*

3137. О. Л. КНИППЕР
8 сентября 1900 г. Ялта.

8 сент.

Ты пишешь: «Ах, для меня всё так смутно, смутно»... Это хорошо, что смутно, милая моя актрисочка, очень хорошо! Это значит, что ты философка, умственная женщина.

Кажется, потеплело? Как бы ни было, 20 сентября я выеду в Москву и пробуду там до 1 октября*. Все дни буду сидеть в гостинице и писать пьесу. Писать или переписывать на-

чисто?* Не знаю, бабуся милая. Что-то у меня захромала одна из героинь, ничего с ней не поделаю и злюсь.

Получил сейчас письмо от Маркса: пишет, что пьесы мои выйдут в свет через 10 дней*.

Я боюсь, как бы ты не разочаровалась во мне. У меня страшно лезут волосы, так лезут, что, гляди, чего доброго, через неделю буду лысым дедом. По-видимому, это от парикмахерской. Как только постригся, так и стал лысеть.

Пишет Горький пьесу или не пишет*? Откуда это известие в «Новостях дня*», будто название «Три сестры» не годится? Что за чушь! Может быть, и не годится, только я и не думал менять.

Страшно скучаю. Понимаешь? Страшно. Питаюсь одним супом. По вечерам холодно, сижу дома. Барышень красивых нет. Денег становится всё меньше и меньше, борода седеет...

Дуся моя, целую тебе ручку — и правую и левую. Будь здорова и не хандри, не думай, что всё для тебя смутно.

До свиданья, Оля моя хорошая, крокодил

души моей!

Твой Antoine.

На конверте:

Москва. Ее Высокоблагородию Ольге Леонардовне Книппер.

У Никитских ворот, Мерзляковский пер., д. Мещериновой.

Пешкову А. М. (М. Горькому), 8 сентября 1900*

3138. А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)
8 сентября 1900 г. Ялта.

8 сентября 1900.

Ну-с, дорогой Алексей Максимович, посылаю Вам письмо, полученное мной вчера*; по-видимому, оно относится к Вам и посылалось главным образом для Вас.

Только что прочитал в газете, что Вы пишете пьесу*. Пишите, пишите, пишите! Это нужно. Если провалится, то не беда. Неудача скоро забудется зато успех, хотя бы и незначительный, может принести театру превеликую пользу.

Если напишете мне, то я еще успею получить здесь Ваше письмо. Выеду я отсюда, из

Ялты, не ранее 22-го сент<ября>*. Выеду в Москву, а если там будет очень холодно, то за границу.

Телеграмму получил, мерси*.

Смотрите же, как только приеду в Москву, буду телеграфировать Вам; приезжайте тогда, поболтаемся вместе, покатаемся поперек Москвы*.

Ваш А. Чехов.

Поклонитесь Вашей жене и скажите, что фотографию свою, хорошую, пришлю ей из Москвы или заграницы.

На конверте:

Нижний Новгород. Алексею Максимовичу Пешкову.

В редакции «Нижегородского листка».

Чеховой М. П., 9 сентября 1900*

3139. М. П. ЧЕХОВОЙ

9 сентября 1900 г. Ялта.

9 сентябрь.

Милая Маша, отвечаю на твое письмо, в котором ты пишешь насчет матери. По-моему, будет лучше, если она поедет в Москву теперь, осенью, а не после декабря*. Ведь в

Москве она устанет и соскучится по Ялте в один месяц, и если ты возьмешь ее в Москву осенью, то к Рождеству она будет уже опять в Ялте. Это мне так кажется, и возможно, что я ошибаюсь, но во всяком случае при решении вопроса надо иметь в виду, что до Рождества в Ялте гораздо скучнее, чем после Рождества; несравненно скучнее.

Вероятно, в Москве я буду после 20-го сентября*, тогда поговорим и решим окончательно. Из Москвы я поеду — куда? Неизвестно. Сначала в Париж*, а потом, вероятно, в Ниццу, из Ниццы — в Африку. Как-нибудь протяну до весны*, до апреля или мая, когда опять приеду в Москву.

Нового ничего нет. Дождей тоже нет, всё засохло. В доме у нас тихо, смиренно, благополучно и, конечно, скучно.

«Трех сестер» писать очень трудно, труднее, чем прежние пьесы. Ну, да ничего, авось выйдет что-нибудь, если не в этом, то в будущем сезоне*. В Ялте, кстати сказать, писать очень трудно; и мешают, да и всё кажется, что писать не для чего, и то, что написал вчера, не нравится сегодня.

Лавров Вукол прислал тебе книгу «Крестосносцы»*. Книга очень толстая и тяжелая.

Получил сейчас от Комиссаржевской телеграмму*; просит для бенефиса пьесу.

Ну, будь здорова и благополучна.

Ольге Леонардовне низжайший поклон, Вишневному и всем прочим — тоже.

Если Горький в Москве*, то скажи ему, что я послал в Нижний Новгород письмо его милости.

Твой А. Чехов.

Чеховой М. П., 10 сентября 1900*

3140. М. П. ЧЕХОВОЙ
10 сентября 1900 г. Ялта.

10 сент.

Милая Маша, посылаю тебе план Кучук-Коя*. Имеется дом двухэтажный, кухня и флигель вроде сакли татарской.

Марфуша сегодня ушла от нас. Дядя потребовал ее в Ливадию.

В Ялте вдруг опять стало жарко. Дождей нет и нет. Очевидно, в Ялте нужно сажать только такие растения, которые не требуют частой поливки.

Будь здорова.

Твой Antoine.

Если Кучук-Кой, в котором около 3 десятин, продать за 4 тыс., то это было бы чудесно. Тогда бы я дал тебе 200 р.

Чеховой М. П., 12 сентября 1900*

3141. М. П. ЧЕХОВОЙ
12 сентября 1900 г. Ялта.

12 сент.

Милая Маша, вчера была у нас Соня Малкиель. Была целый день, ночевала и сегодня уехала вместе с Сергеенко*, который, кстати сказать, тоже был в Ялте. Мать, по-видимому, не поедет с ней в Москву*. Соня поедет через месяц, т. е. в середине октября, мать же хочет ехать в первых числах*.

Марфуши нет. Обязанности горничной исполняет Арсений. По-видимому, оставлять здесь мать одну не годится, да и она сама не хочет оставаться одной, а потому и мне придется прожить здесь до первых чисел октября. Значит, в Москву я не поеду в этом году.

Три дня мне нездоровилось, сидел дома, теперь же полегче стало.

Будь здорова и благополучна.

Здесь погода порядочная, потеплело.

Твой Antoine.

Грюнбергу Ю. О., 13 сентября 1900*

3142. Ю. О. ГРЮНБЕРГУ
13 сентября 1900 г. Ялта.

13 сентября 1900 г.

Многоуважаемый Юлий Осипович!

Пьеса моя, о которой Вы пишете*, «Три сестры», едва только начата, когда же будет кончена, точно сказать не могу. Как бы ни было, печатать я буду ее после ряда исправлений*, т. е. после того уже, когда она пойдет на сцену*, а это будет, вероятно, не раньше Рождества. К тому же раньше, чем войти в сборник, она будет напечатана в журнале*, куда я уже обещал ее.

Вчера я получил 25 экз. книги моей «Повести и рассказы»* и потому пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Вас.

Желаю Вам всего хорошего.

Преданный А. Чехов.

До 1 октября я проживу в Ялте. Пишу это на случай, если пожелаете выслать мне кор-

ректуру.

**Комиссаржевской В. Ф., 13 сентября
1900***

3143. В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ
13 сентября 1900 г. Ялта.

13 сентября 1900 г.

Я нездоров все эти дни*, дорогая Вера Федоровна, жар, голова трещит и настроение пре-скверное. Шестой день уже не выхожу из дома и ничего не делаю. Пьеса, давно уже начатая, лежит на столе и тщетно ждет, когда я опять сяду за стол и стану продолжать. И, по всей вероятности, скоро я опять примусь за нее, но когда кончу, как кончу — сказать теперь никак не могу. Во всяком случае пьеса будет не бенефисная* и ставить ее в бенефис едва ли Вы захотите. Впрочем, об этом после, по всей вероятности, в октябре, когда кончу пьесу и пришлю на Ваше усмотрение.

Когда выйду из дома, то побываю в фотографии, распоряджусь, чтобы Вам выслали по полдюжине карточек*. А Вы, пожалуйста, не медля ни единого часа, вышлите мне Ваш портрет*, только петербургской работы, не

иначе. Здешней, ялтинской работы я не люблю.

Когда будете писать Марии Ильиничне*, то напишите ей, что я кланяюсь ей низко и что когда я очнусь от своего полусна, то непременно напишу ей и непременно бываю на ст. Избердее* (кажется, так называется станция?). Она мне очень и очень симпатична. Часто вспоминается теперь, как она ловила крысу.

Вы пишете, что перебирались на новую квартиру*, между тем не сообщаете Вашего нового адреса. Это нехорошо, сударыня.

1 октября — так по крайней мере думаю — уеду за границу*, хотя и не тянет туда. Так насчет пьесы не беспокойтесь, пришлю тотчас же, как кончу, не задержу у себя ни единого дня.

Будьте здоровы и счастливы, да хранит Вас бог и ангелы небесные. Не телеграфировал Вам, простите, потому что все равно пьесы нет, не готова.

Ваш А. Чехов.

В Ялте сгорел театр*. Он был здесь совершенно ненужен, кстати сказать.

Книппер О. Л., 14 сентября 1900*

3144. О. Л. КНИППЕР
14 сентября 1900 г. Ялта.

14 сент. 1900.

Милая моя, славная моя Оля, актрисочка замечательная, твое последнее письмо, в котором ты описываешь свое путешествие на Воробьевы горы*, растрогало меня, оно очаровательно, как ты сама. А я вот уже 6 или 7-й день сижу дома безвыходно, ибо все хвораю. Жар, кашель, насморк. Сегодня, кажется, немного лучше, пошло на поправку, но все же слабость и пустота, и скверно от сознания, что целую неделю ничего не делал, не писал. Пьеса* уныло глядит на меня, лежит на столе; и я думаю о ней уныло.

Ты не советуешь мне ехать в Москву*? В первых числах октября в Москву уезжает мать*, надо мне отправлять ее туда, так что, очевидно, ехать к тебе не придется. Значит, зимой ты забудешь, какой я человек, я же увлекусь другой, буде встречу другую, такую же, как ты, — и все пойдет по-старому, как было раньше.

Завтра я напишу тебе еще, а пока будь здорова, милая моя. Приехал Альтшуллер. Будь здорова и счастлива.

Твой Antoine.

Еду с Альтшуллером в город.

Я с Альтшуллером не поехал, так как, едва мы вышли из дому, как во двор пожаловала начальница гимназии. Пришлось остаться дома.

Прости, милая, за это скучное письмо. Завтра напишу веселее.

На конверте:

Москва. Ее Высокоблагородию Ольге Леонардовне Книппер.

У Никитских ворот, Мерзляковский пер., д. Мещериновой.

Книппер О. Л., 15 сентября 1900*

3145. О. Л. КНИППЕР
15 сентября 1900 г. Ялта.

15 сентября 1900.

Ты знаешь, милая? Сгорел тот самый театр, в котором ты играла в Ялте*. Сгорел ночью, несколько дней назад, но пожарища я еще не видел, так как болел и не был в городе.

А еще что у нас нового? А еще ничего.

Из газет узнал, что у вас начинаются спектакли 20 сентября и что будто Горький написал пьесу*. Смотри же, напиши непременно, как у вас сойдет «Снегурочка»*, напиши, какова пьеса Горького, если он в самом деле написал ее. Этот человек мне весьма и весьма симпатичен, и то, что о нем пишут в газетах, даже чепуха разная, меня радует и интересует. Что касается моей пьесы, то она будет рано или поздно, в сентябре, или октябре, или даже ноябре, но решусь ли я ставить ее в этом сезоне — сие неизвестно, моя милая бабуня. Не решусь, так как, во-первых, быть может, пьеса еще не совсем готова, — пусть на столе полежит, и, во-вторых, мне необходимо присутствовать на репетициях*, необходимо! Четыре ответственных женских роли, четыре молодых интеллигентных женщины, оставить Алексееву я не могу, при всем моем уважении к его дарованию и пониманию. Нужно, чтобы я хоть одним глазком видел репетиции.

Болезнь задержала, теперь лень приниматься за пьесу. Ну, да ничего.

Вчера после начальницы приходила М-те Бонье, ужинала.

Напиши мне еще интересное письмо. Побывай еще раз на Воробьевых горах и напиши*. Ты у меня умница. Пиши только подлиннее, чтобы на конверте было две марки. Впрочем, тебе теперь не до писанья; во-первых, дела много, и, во-вторых, уже отвыкать стала от меня. Ведь правда? Ты холодна адски, как, впрочем, и подобает быть актрисе. Не сердись, милюся, это я так, между прочим.

Нет дождей, нет воды, растения погибают. Стало опять тепло. Сегодня пойду, вероятно, в город. Ты ничего не пишешь мне о своем здоровье. Как себя чувствуешь? Хорошо? Пополнела или похудела? Пиши обо всем.

Целую тебя крепко, до обморока, до ошале-ния. Не забывай твоего

Antoine.

На конверте:

Москва. Ее Высокоблагородию Ольге Леонардовне Книппер.

У Никитских ворот, Мерзляковский пер., д. Мещериновой.

Миролюбову В. С., 15 сентября 1900*

3146. В. С. МИРОЛЮБОВУ
15 сентября 1900 г. Ялта.

15 сентябрь 1900.

Спасибо, милый Виктор Сергеевич, что вспомнили. Я старею, живу где-то у чёрта на куличках — в Аутке, близ Ялты, и кажется мне, что меня уже все на свете забыли*. С удовольствием прислал бы рассказик в «Журнал для всех»*, да всё некогда или побаливаю. Нужно и в «Жизнь» и в «Русскую мысль»*, нужно и пьесу изобразить*, вот тут и вертись. Если напишу что-нибудь*, то, простите, уж не раньше ноября.

А Вы всё скучаете!* И всё Вы жалуетесь!.. Жениться бы Вам нужно, на полной особе, с характером, чтобы она Вас любила, а Вы бы ее боялись.

В конце сего месяца, вероятно, уеду за границу*. Были Вы в Париже этим летом?* Нет? Если нет, то почему?

Хотелось бы повидаться с Вами и потолковать о том о сем. Ну, да, вероятно, увидимся не раньше весны.

Подписка на Ваш журнал* скоро начнется

и будет прекрасной. В этом я убежден, и мне кажется, что Вы тоже должны верить в хорошую подписку — и посему, признаюсь, Ваш несколько меланхолический тон не так чтобы уж очень понятен.

Жму Вам руку и желаю всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

Меньшикову М. О., 17 сентября 1900*

3147. М. О. МЕНЬШИКОВУ
17 сентября 1900 г. Ялта.

17 сентября 1900.

В ответ на Ваше письмо, дорогой Михаил Осипович, спешу сообщить Вам*, что всё сие время, т. е. почти весь сентябрь, я был нездоров и ничего не делал. В Москву едва ли попаду*, и так как Ялта мне опротивела и уехать надо, то уеду за границу — по всей вероятности. В «Жизнь» я не давал «Трех сестер»* и оных туда не обещал. Вам пришлю, тщусь прислать повесть* и пришлю к ноябрю. Не сердитесь, ради создателя.

Будьте здоровы, крепко жму Вам руку и желаю всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

НВ. В Ялте был Сергеенко*.

На конверте:

Петербург. Михаилу Осиповичу Меньшикову.

Фонтанка, 37, в редакции «Недели».

Книппер О. Л., 19 сентября 1900*

3148. О. Л. КНИППЕР
19 сентября 1900 г. Ялта.

Субботу мать едет в Москву. Пьеса не готова. Приеду после*. Кланяюсь, целую ручки.

Антониус.

На бланке:

М<о>ск<ва>. Мерзляковский, д. Мещериновой.

Ольге Леонардовне Книппер.

Чеховой М. П., 19 сентября 1900*

3149. М. П. ЧЕХОВОЙ
19 сентября 1900 г. Ялта.

19 сент. 1900.

Милая Маша, мать уезжает в Москву в субботу* 23-го сентября. В понедельник утром пошли на вокзал Машу*.

Я тоже уезжаю, за границу*, но когда — по-

ка неизвестно. В Ялте погода очень хорошая, теплая. Нового ничего нет.

Будь здорова. О деньгах не беспокойся*; буду высылать или надумаю, как и где ты будешь их брать в Москве.

Твой А. Чехов.

Книппер О. Л., 22 сентября 1900*

3150. О. Л. КНИППЕР
22 сентября 1900 г. Ялта.

22 сент. 1900.

Милюся моя, Оля, голубчик, здравствуй! Как поживаешь? Давненько уже я не писал тебе, давненько. Совесть меня мучает за это немножко, хотя я не так уж виноват, как может это казаться. Писать мне не хочется, да и о чем писать? О моей крымской жизни? Мне хочется не писать, а говорить с тобой, говорить, даже молчать, но только с тобой. Завтра в Москву едет мать, быть может, и я поеду скоро, хотя совсем непонятно, зачем я поеду туда. Зачем? Чтобы повидаться и опять уехать? Как это интересно. Приехать, взглянуть на театральную толчею и опять уехать.

Я уеду в Париж, потом, вероятно, в Ниццу,

а из Ниццы в Африку*, если не будет там чумы. Вообще нужно будет так или иначе пережить, или, вернее, перетянуть эту зиму.

От Маши нет писем уже больше месяца*. Отчего она не пишет? Скажи ей, чтобы она писала хотя раз в неделю. Если я выеду за границу, то письма будут пересылаться мне отсюда здешней почтой.

Мадам Бонье бывает у меня почти каждый день*. Ты не ревнуешь?

Итак, тебя нужно поздравить с началом сезона*. Ты уже играла по крайней мере в «Одиноких»*. Поздравляю, милая дуся, желаю полнейшего успеха, желаю хорошей работы, чтобы ты и уставала и испытывала наслаждение. А главное, чтобы пьесы у Вас были порядочные, чтобы интересно было играть в них.

Сердишься на меня, дуся? Что делать! Мне темно писать, свечи мои плохо горят. Милая моя, крепко целую, прощай, будь здорова и весела! Вспоминай обо мне почаще. Ты редко пишешь мне, это я объясняю тем, что я уже надоел тебе, что за тобой стали ухаживать другие. Что ж? Молодец, бабуся!

Целую ручку.

Твой Antoine.

На конверте:

Москва. Ее Высокоблагородию Ольге Леонардовне Книппер.

У Никитских ворот, Мерзляковский пер., д. Мещериновой.

Полевому П. Н., 22 сентября 1900*

3151 . П. Н. ПОЛЕВОМУ
22 сентября 1900 г. Ялта.

22 сентябрь 1900 г.

Многоуважаемый Петр Николаевич!

Я уже получил от Вас ранее циркуляр с приглашением принять участие в юбилейном сборнике*, но, простите, до сих пор не ответил, потому что решительно не знал, что ответить, и все откладывал. Я нездоров и по нездоровью ничего не пишу или пишу очень и очень мало, и потому дать Вам обещание*, более или менее определенное, относительно своего участия в сборнике я не мог бы и в то же время отказываться от участия в юбилее Юлия Осиповича не хотелось бы — отсюда такая нерешительность моя и неаккуратность... Как бы ни было, я решил ответить на Ваше

последнее письмо просьбой. Не найдете ли Вы возможным принять и напечатать в сборнике мой рассказ, не теперь, но давно уже написанный? Он написан был до 90-го года*, стало быть, лет 10 назад — самое малое, но он не был нигде напечатан или же, кажется, нигде. Его готовят в типографии Маркса для III тома, но если Вы возьмете его для сборника, то он может войти в IV или V томы издания Маркса. Если Вы возьмете его, то III том от этого не станет меньше*. Называется он так: «Весной». Будьте добры, побывайте в типографии Маркса и возьмите этот рассказ, и буде найдете его годным для сборника, то возьмите, сказавши Адольфу Федоровичу, что рассказ этот может войти потом в IV или V томы.

Во всяком случае о согласии Вашем или несогласии напишите мне.

Желаю Вам всего хорошего и остаюсь искренно Вас уважающим и преданным.

А. Чехов.

* В III томе 26 листов, в рассказе же «Весной» всего только 6 страниц.

Прусику Б., 22 сентября 1900*

3152. Б. ПРУСИКУ
22 сентября 1900 г. Ялта.

Многоуважаемый Борис Федорович!

Пьеса моя «Три сестры» в настоящее время еще только пишется. Когда будет кончена, неизвестно. Само собою разумеется, что я напишу Вам, когда она будет кончена, и вышлю один экземпляр ее после того, как она пойдет на сцене Московского Художественного театра. Вами переведенные пьесы буду ждать и приму их с великою благодарностью.

Будьте здоровы. Желаю Вам всего, всего хорошего.

Искренно Вас уважающий А. Чехов.

22 сентября 1900 г.

На обороте:

Prague (Praha). Monsieur B. Proussik.

VI Place de Palacký 357. Австрия. Autriche.

Грюнбергу Ю. О., 24 сентября 1900*

3153. Ю. О. ГРЮНБЕРГУ
24 сентября 1900 г. Ялта.

24 сент. 1900.

Многоуважаемый Юлий Осипович!

Сегодня я послал III том*, мною прочитанный. Думаю, что 26 листов достаточно, что книга достаточно толста, а сравнительно с двумя предыдущими томами даже велика. Назовите книгу так: «Очерки». Опять-таки повторяю*, что давать каждому тому особенное название — это идея не из счастливых и что благодаря ей, этой идее, III том будет идти гораздо тише, чем I и II, а IV, мне кажется, и совсем не пойдет. Если бы все томы называть просто «Рассказами» и обозначать их I, II, III и т. д., то как бы это было хорошо и солидно.

Корректуры я прочитываю всякий раз внимательно, но типография Ваша часто остается к моим поправкам совершенно равнодушной, ошибки остаются неисправленными — и почему это так, понять не могу. Например, в рассказе «Мечты» не исправлены цифры*, и таких ошибок не мало.

Я уеду за границу, но за неделю до отъезда напишу Вам, куда я поеду. Во всяком случае ялтинской почте будет известен мой заграничный адрес.

Желаю Вам всего хорошего, крепко жму руку.

Ваш А. Чехов.

Чеховой Е. Я., 24 сентября 1900*

3154 . Е. Я. ЧЕХОВОЙ

24 сентября 1900 г. Ялта.

Милая мама, я жив и здоров, если не считать желудочного расстройства вследствие скоромной пищи. Завтра бабушка будет готовить для меня рыбу. Во всем доме, имеющем 2½ этажа, живу только я один в тишине и спокойствии. Арсений и бабушка благодушествуют.

Дождя все нет и нет. От нечего делать ловлю мышей и пускаю их на пустопорожнее место* Мандражи. Передайте Ване с семейством и Маше мой поклон.

Желаю Вам всего хорошего и остаюсь преданным и всегда Вашим

А. Чехов.

14 сентября 1900.

На обороте:

Москва. Ее Высокоблагородию Евгении Яковлевне Чеховой.

Мл. Дмитровка, д. Шешкова, кв. 7.

Книппер О. Л., 27 сентября 1900*

3155. О. Л. КНИППЕР
27 сентября 1900 г. Ялта.

27 сент. 1900.

Милюся моя Оля, славная моя актрисочка, почему этот тон, это жалобное, кисленькое настроение?* Разве в самом деле я так уж виноват? Ну, прости, моя милая, хорошая, не сердись, я не так виноват, как подсказывает тебе твоя мнительность. До сих пор я не собрался в Москву, потому что был нездоров, других причин не было, уверяю тебя, милая, честным словом. Честное слово! Не веришь?

До 10 октября я пробуду еще в Ялте, буду работать, потом уеду в Москву* или, смотря по здравью, за границу. Во всяком случае буду писать тебе.

Ни от брата Ивана, ни от сестры Маши нет писем. Очевидно, сердятся, а за что — неизвестно.

Вчера был у Средина, застал у него много гостей, всё каких-то неизвестных. Дочка его похварывает хлорозом, но в гимназию ходит. Сам он хворает ревматизмом.

Ты же, смотри, подробно напиши мне, как

прошла «Снегурочка»*, вообще, как начались спектакли, какое у Вас у всех настроение, как публика, и проч. и проч. Ведь ты не то что я; у тебя очень много материала для писем, хоть отбавляй, у меня же ничего, кроме разве одного: сегодня поймал двух мышей.

А в Ялте всё нет дождей. Вот где сухо, так сухо! Бедные деревья, особенно те, что на горах по сую сторону, за всё лето не получили ни одной капли воды и теперь стоят желтые; так бывает, что и люди за всю жизнь не получают ни одной капли счастья. Должно быть, это так нужно.

Ты пишешь: «ведь у тебя любящее, нежное сердце, зачем ты делаешь его черствым?» А когда я делал его черствым? В чем, собственно, я выказал эту свою черствость? Мое сердце всегда тебя любило и было нежно к тебе, и никогда я от тебя этого не скрывал, никогда, никогда, и ты обвиняешь меня в черствости просто так, здорово живешь.

По письму твоему судя в общем, ты хочешь и ждешь какого-то объяснения*, какого-то длинного разговора — с серьезными лицами, с серьезными последствиями; а я не

знаю, что сказать тебе, кроме одного, что я уже говорил тебе 10 000 раз и буду говорить, вероятно, еще долго, т. е. что я тебя люблю — и больше ничего. Если мы теперь не вместе, то виноваты в этом не я и не ты*, а бес, вложивший в меня бацилл, а в тебя любовь к искусству.

Прощай, прощай, милая бабуся, да хранят тебя святые ангелы. Не сердись на меня, голубчик, не хандри, будь умницей.

Что в театре нового?* Пиши, пожалуйста.

Твой Antoine.

На конверте:

Москва. Ее Высокоблагородию Ольге Леонардовне Книппер.

У Никитских вор<от>, Мерзляковский пер., д. Мещериновой.

Книппер О. Л., 28 сентября 1900 («Вчера послано письмо...»)*

3156. О. Л. КНИППЕР
28 сентября 1900 г. Ялта.

Вчера послано письмо. Всё благополучно. Приеду октябре вероятно*.

Антонио.

На бланке:

М<о>ск<ва>. Мерзляковский, д. Мещериной.

Ольге Леонардовне Книппер.

Книппер О. Л., 28 сентября 1900 («Милая моя Оля...»)*

3157. О. Л. КНИППЕР
28 сентября 1900 г. Ялта.

28 ав.

Милая моя Оля, сегодня я послал тебе телеграмму, в которой написал, что приеду в Москву, вероятно, в октябре. Если приеду, то 10-го октября или около 10-го, не раньше; проживу в Москве дней пять и уеду за границу. Во всяком случае о дне приезда извещу тебя телеграммой. Не знаю, после 4 октября будут ли ходить курьерские поезда; это ты узнай, чтобы не ездить на вокзал понапрасну.

Читал сегодня первые рецензии насчет «Снегурочки»* — и мало понял. По-видимому, «Снегурочка» только вначале нравится, потом же надоедает, как забава*. Я того мнения, что Ваш театр должен ставить только современные пьесы*, только! Вы должны тракто-

вать современную жизнь, ту самую, какою живет интеллигенция и какая не находит себе трактования в других театрах, за полную их неинтеллигентностью и отчасти бездарностью.

Ни от кого не получаю писем. Немирович точно рассердился, не прислал за все время ни одной строчки. Родственники тоже не пишут.

Как прошли «Одинокие»? Это будет лучше «Снегурочки».

Ну, будь здорова и счастлива. Ах, какая тебе роль в «Трех сестрах»!* Какая роль! Если дашь десять рублей, то получишь роль, а то отдам ее другой актрисе. В этом сезоне «Трех сестер» не дам, пусть пьеса полежит немножко, возпреет, или, как говорят купчихи про пирог, когда подают его на стол, — пусть вздохнет...

Нового ничего нет.

Весь твой Antoine.

На конверте:

Москва. Ее Высокоблагородию Ольге Леонардовне Книппер.

Никитские ворота, Мерзляковский пер., д.

Мещериновой.

**Пешкову А. М. (М. Горькому), 28
сентября 1900***

3158. А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)
28 сентября 1900 г. Ялта.

28 сент. 900.

Милый Алексей Максимович, купите в Нижнем, если есть, или выпишите книжку некоего Данилова И. А. «В тихой пристани»* и прочтите там средний рассказ*, написанный в форме дневника. Непременно прочтите — и напишите мне, в самом ли деле эта вещь добропорядочная, как мне показалась.

Если в октябре буду в Москве, то напишу Вам.

Сегодня получил я от Меньшикова письмо*, приглашает Вас очень работать в «Неделе»*. Там, кстати сказать, хорошо платят.

Что новенького? Черкните мне, пожалуйста. Не дайте околеть со скуки.

Вашей жене и сынишке мой поклон и сердечный привет.

Ваш А. Чехов.

«В тихой пристани» умная вещь. Только не

следовало бы ее в виде дневника писать. Впечатление оставляет крупное. Во всяком случае не стану забегать, прочтите сами.

Поссе В. А., 28 сентября 1900*

3159. В. А. ПОССЕ
28 сентября 1900 г. Ялта.

Многоуважаемый Владимир Александрович, спасибо и за телеграмму*, которую я получил из Москвы своевременно, и за письмо, которое пришло сегодня*. Рассказ я* пришлю непременно, только не знаю, когда именно. Может, и в конце октября, а может, и после. Дело в том, что в последнее время недели две я хворал преподлой болезнью, должно быть, инфлуэнцей, которая не давала мне работать, держала меня всё время в мерлехлюндии — и теперь приходится начинать всё снова, почти начинать.

Во всяком случае вполне надеюсь на Вашу снисходительность. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш А. Чехов.

28 сентябрь 900 г.

Россолимо Г. И., 30 сентября 1900*

3160. Г. И. РОССОЛИМО
30 сентября 1900 г. Ялта.

30 сент. 900.

Дорогой Григорий Иванович, если в Вашем письме речь идет о той моей автобиографии, которая была напечатана в юбилейном альбоме* нашего выпуска, то зачем Вы спрашиваете позволения, раз она напечатана? Пожалуйста, не стесняйтесь, пользуйтесь моими произведениями, как и сколько Вам угодно, памятуя, что это ничего, кроме чести и удовольствия, мне доставить не может.

Здоровье мое сносно; было что-то вроде инфлуэнцы, а теперь ничего, остался только кашель, небольшой. Да, за границу собираюсь, ибо больше собираться некуда. Уеду туда 10–15 октября и, быть может, по дороге заеду в Москву.

Желаю Вам всего хорошего, крепко жму руку. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш А. Чехов.

**Первухину М. К., конец сентября —
начало октября 1900***

3161. М. К. ПЕРВУХИНУ Конец сентября — начало октября
1900 г. Ялта.

Я, нижеподписавшийся, Антон Павлов сын Чехов и пр. и пр., сим клятвенно обязуюсь впредь юным плагиаторам не покровительствовать, для «Крымского Таймса»* никаких поэтических и прозаических произведений неведомых мне авторов не рекомендовать.

Книппер О. Л., 4 октября 1900*

3162. О. Л. КНИППЕР
4 октября 1900 г. Ялта.

4 окт. 900.

Милая моя, если выеду, то 12 октября*, не раньше. Буду телеграфировать*, это обязательно. С пьесой вышла маленькая заминка, не писал ее дней десять или больше, так как хворал, и немножко надоела она мне, так что уж и не знаю, что написать тебе о ней. У меня была инфлуэнца, болело горло, кашлял неистово; едва выходил наружу, как начиналась головная боль, а теперь дело пошло на поправку, уже выхожу... Как бы ни было, пье-

са будет, но играть ее в этом сезоне не придется*.

Подумай-ка, в какой гостинице* или каких меблированных комнатах мне остановиться. Подумай-ка! Мне такую комнату, чтобы не скучно было проходить по коридору, не пахло бы. В Москве, вероятно, буду переписывать свою новую пьесу начисто*. Из Москвы поеду в Париж*.

Ну, будь здорова, моя золотая, ненаглядная девица. Играй себе помаленьку* да обо мне иногда вспоминай.

Нового ничего нет. Повторяю, будь здорова, не хандри.

Твой Antonio.

На конверте:

Москва. Ее Высокоблагородию Ольге Леонардовне Книппер.

У Никитских ворот, Мерзляковский пер., д. Мещериновой.

Чеховой Е. Я., 4 октября 1900*

3163. Е. Я. ЧЕХОВОЙ
4 октября 1900 г. Ялта.

Милая мама, я жив и здоров, чего и Вам

желаю. У нас ничего нового, всё благополучно*. Дождя нет и не было. Бабушка здорова, Арсений пополнел. Вчера приходили в гости начальница и ее две воспитанницы, очень было приятно. У нас в саду чудесно цветут хризантемы и будут цвести еще долго, целый месяц. Поклон Маше и Ване с семейством. Будьте здоровы и благополучны, не забывайте Вашего

А. Чехова.

4 окт. 900.

Купил на всю зиму дров и угля. Журавль и собаки здоровы и веселы.

На обороте:

Москва. Ее Высокоблагородию Евгении Яковлевне Чеховой.

Мл. Дмитровка, д. Шешкова, кв. 7.

Чеховой М. П., 6 октября 1900*

3164. М. П. ЧЕХОВОЙ
6 октября 1900 г. Ялта.

6 окт.

Милая Маша, сегодня получил твое письмо и сегодня же посылаю тебе 200 р.* Если бы я не получил твоего письма, то сам бы не до-

гадался скоро послать.

Погода в Ялте чудесная, совершенно летняя. Хочу сделать кое-какие посадки, а потому отъезд свой отложил еще на несколько дней. Приеду, вероятно, 20 октября* или 22-го — это крайний срок. Кстати же не кончил своей литературной работы*. Нового ничего нет. Будь здорова. Поклон мамаше*. Бабушка здорова.

Зачем у Миши спрашивала денег?*

Впрочем, как хочешь.

Твой А. Чехов.

Книппер О. Л., 7 октября 1900*

3165. О. Л. КНИППЕР
7 октября 1900 г. Ялта.

Неприменно 21.

На бланке:

М<о>скв<а>. Мерзляковский, дом Мещериновой.

Ольге Леонардовне Книппер.

Харченко Г. А., 8 октября 1900*

3166. Г. А. ХАРЧЕНКО
8 октября 1900 г. Ялта.

Многоуважаемый Гавриил Алексеевич!

На мое желание сделать взнос за Вашу дочь* мне ответили следующее: «Плата за Александру Харченко внесена за 1-е полугодие учебн<ого> 1900/901 года 26 августа в размере 20 рублей, в чем была выдана квитанция». Вероятно, это Вы сами уплатили, и потому возвращаю Вам 20 р.* Я уезжаю за границу, но следующий взнос сделан будет аккуратно, в свое время.

Уважающий Вас

А. Чехов.

Боборыкину П. Д., 9 октября 1900*

3167. П. Д. БОБОРЫКИНУ
9 октября 1900 г. Ялта.

Поздравляю и шлю почтительный привет писателю которого глубоко уважаю и давно люблю.

Чехов.

На бланке:

*Москву. Эрмитаж. Петру Дмитриевич<у>
Боборыкин<у>.*

Сергеенко А. П., 9 октября 1900*

3168. А. П. СЕРГЕЕНКО
9 октября 1900 г. Ялта.

Милый Алеша, большое Вам спасибо за фотографии*, а главное за память. В Ялте я пробыл, вероятно, до 21 октября, а затем, т. е. после 21-го, мой адрес такой: Москва, Малая Дмитровка, дом Шешкова.

Желаю Вам всего хорошего. Передайте мой поклон и привет Петру Алексеевичу и Вашей сестре*.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

9 окт. 1900 г.

На обороте:

Кекенеиз. Алексею Петровичу Сергеенко.

Кастрополь, имение Первушина.

Чеховой Е. Я., 9 октября 1900*

3169. Е. Я. ЧЕХОВОЙ
9 октября 1900 г. Ялта.

Милая мама, я жив и здоров, чего и Вам желаю. В Ялте ничего нет нового, погода по-прежнему теплая, летняя. Был дождь, но неважный. Хризантемы чудесно цветут, жу-

равль и собаки здравствуют, бабушка и Арсений благоденствуют.

Поклонитесь Ване с семьей и Маше. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

9 окт.

На обороте:

Москва. Ее Высокоблагородию Евгении Яковлевне Чеховой.

Мл. Дмитровка, д. Шешкова, кв. 7.

Константиниди А. Г., 11 октября 1900*

3170. А. Г. КОНСТАНТИНИДИ
11 октября 1900 г. Ялта.

11 окт. 1900

г. Ялта.

Милостивый государь, в ответ на Ваше письмо перевести для журнала* «Τὰ Παλαιά» несколько рассказов спешу ответить полным моим соглашением и поблагодарить Вас. Завтра или на этих днях я, если случится мне быть в городе, побываю в фотографии и вышлю Вам свой портрет*, который Вы желаете иметь. Что касается моей автобиографии, то сообщаю Вам ее вкратце. Ро-

дился я в г. Таганроге в 1860 году. Учился в греческой школе при церкви св. царя Константина, где научился говорить по-новогречески (но скоро по выходе из школы забыл этот язык), потом поступил в гимназию. В 1879 году поступил в Московский университет, на медицинский факультет; кончил здесь курс в 1884 году, получив звание лекаря. В 1890 году совершил путешествие на остров Сахалин. В этом, т. е. 1900 году, избран Академией наук в почетные академики. Проживаю в Ялте, в Крыму, так как в последние 2–3 года здоровье мое было не особенно хорошо.

Позвольте пожелать Вам всего хорошего и пребыть готовым к услугам.

А. Чехов.

Чеховой Е. Я., 13 октября 1900*

3171 . Е. Я. ЧЕХОВОЙ
13 октября 1900 г. Ялта.

Милая мама, вероятно, я выеду из Ялты в субботу на будущей неделе, т. е. 21 октября. Имейте сие в виду. А в Ялте вот уже вторые сутки идет сильный дождь. Землю промочило насквозь. В саду цветут розы и хризанте-

мы. Воды много. Нового ничего нет. Будьте здоровы, поклонитесь Ване и Маше.

Так как курьерские поезда уже не ходят, то я приеду на скором, вечером, 23 октября.

Ваш А. Чехов.

13 окт.

Часы внизу остановились.

На обороте:

Москва. Ее Высокоблагородию Евгении Яковлевне Чеховой.

Мл. Дмитровка, д. Шешкова, кв. 7.

Книппер О. Л., 14 октября 1900*

3172. О. Л. КНИППЕР
14 октября 1900 г. Ялта.

14 окт.

Милая, я приеду в Москву 23 октября, в 5 ч. 30 м. вечера — ведь курьерские поезда уже не ходят. Если играешь в этот вечер, то не встречай.

Погода в Ялте изумительная, какой не было при тебе ни разу. Всё цветет, деревья зеленые, солнце светит и греет по-летнему, не жарко. Вчера и третьего дня шел дождь, неистовый дождь, а сегодня опять солнце. Ви-

дишь, как хорошо я живу*. Насчет пьесы не спрашивай*, всё равно в этом году играть ее не будут.

Из Москвы поеду за границу. Ты пишешь про то, как надоела «Снегурочка»*, и спрашиваешь: «Ты ликуешь?» Что же мне ликовать-то? Я писал, что пьеса вам не по театру*, что не ваше дело играть такие пьесы, и если бы пьеса имела громаднейший успех, то я все же был бы против ее постановки у вас. Ваше дело — «Одинокие»*, это тип, которого вы должны держаться, хотя бы они, т. е. «Одинокие», имели бы даже неуспех.

Будь здорова, душка! До свиданья! Я опять ем мясо, разговелся. Протестует мой желудок, но я все же ем его упрямо и не нахожу, чтобы это было очень хорошо.

23-го буду в театре, непременно буду*.

Твой Antonio.

На конверте:

Москва. Ее Высокоблагородию Ольге Леонардовне Книппер.

У Никитских ворот, Мерзляковский пер., д. Мещериновой.

Пешкову А. М. (М. Горькому), 16 октября

1900*

3173. А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)
16 октября 1900 г. Ялта.

16 окт.

Милый Алексей Максимович, посылаю Вам Данилина*. Когда прочтете, пошлите его по адресу: «Таганрог, Городская библиотека». И внизу под адресом напишите: «от А. Чехова».

Ну-с, сударь мой, 21-го сего месяца уезжаю в Москву, а оттуда за границу. Можете себе представить, написал пьесу. Но так как она пойдет не теперь*, а лишь в будущем сезоне, то я не переписал ее начисто. Пусть так лежит. Ужасно трудно было писать «Трех сестер». Ведь три героини, каждая должна быть на свой образец, и все три — генеральские дочки! Действие происходит в провинциальном городе, вроде Перми, среда — военные, артиллерия.

Погода в Ялте чудесная, свежая, здоровье мое поправилось. В Москву даже не хочется ехать отсюда, так хорошо работается и так приятно не испытывать в заднем проходе зу-

да, который был у меня всё лето. Я даже не кашляю и даже ем уже мясо. Живу один, совершенно один. Мать в Москве.

Спасибо Вам, голубчик, за письма, большое спасибо. Я прочел их по два раза*.

Кланяйтесь Вашей жене и Максимке, душевный им привет. Итак, до свидания в Москве. Надеюсь, не надуете, увидимся.

Да хранит Вас бог!

Ваш А. Чехов.

Чехову Г. М., 16 октября 1900*

3174. Г. М. ЧЕХОВУ
16 октября 1900 г. Ялта.

Милый Жоржик, на этой неделе в субботу я уезжаю в Москву, оттуда за границу. Мой адрес: Москва, Мл. Дмитровка, д. Шешкова — так всё время, впредь до моего возвращения в Ялту, которое произойдет, вероятно, весной будущего года.

Будь здоров и счастлив. Поклон маме, Володе, сестрам и Иринушке. Здоровье мое добропорядочно, а твое, надеюсь, — великолепно.

Крепко жму руку.

Твой А. Чехов.

16 окт. 1900.

На обороте:

Таганрог. Его Высокоблагородию Георгию Митрофановичу Чехову.

Канторская ул., с<обственн>ый дом.

Книппер О. Л., 17 октября 1900*

3175. О. Л. КНИППЕР
17 октября 1900 г. Ялта.

Приеду понедельник непременно*.

На бланке:

М<о>ск<ва>. Мерзляковский д. Мещериной.

Ольге Леонардовне Книппер.

Иорданову П. Ф., 20 октября 1900*

3176. П. Ф. ИОРДАНОВУ
20 октября 1900 г. Ялта.

20 окт. 1900.

Многоуважаемый Павел Федорович, завтра я уезжаю в Москву, оттуда за границу, вероятно, на всю зиму. Пока я не пришлю Вам своего заграничного адреса, мой адрес будет такой: Москва, Мал. Дмитровка, д. Шешкова.

Кстати сказать, здесь всю зиму будет жить моя мать и письма за границу будут пересылаться аккуратно.

Посылаю немного книг для Городской библиотеки*. Из-за границы пришлю или привезу немножко больше.

В Ялте стояла совершенно летняя погода, ходил без пальто, но вчера вдруг задуло. Цветы еще есть в саду, но всё же зиму можно считать начавшеюся. Итак, до свиданья! Желаю Вам всего, всего хорошего.

Преданный

А. Чехов.

На конверте:

Таганрог. Его Высокоблагородию Павлу Федоровичу Иорданову.

Книппер О. Л., 22 октября 1900*

3177. О. Л. КНИППЕР
22 октября 1900 г. Лозовая.

Пльыву. Чехов.

На бланке:

*Москва. Мерзляковский дом Мещериновой.
Ольге Леонардовне Книппер.*

Марксу А. Ф., 26 октября 1900*

3178. А. Ф. МАРКСУ
26 октября 1900 г. Москва.

26 октября 1900 г.

Многоуважаемый Адольф Федорович!

В настоящее время я нахожусь в Москве и пробуду здесь, вероятно, недели две, о чем и считаю нужным сообщить Вам на случай, если Вы пожелаете прислать мне корректуру. Мой адрес: Москва, Тверская, гостиница «Дрезден».

Желаю Вам всего хорошего.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

Авиловой Л. А., 29 октября 1900*

3179. Л. А. АВИЛОВОЙ
29 октября 1900 г. Москва.

29 окт. 1900.

Многоуважаемая Лидия Алексеевна, Вы пишете, что Вам «чрезвычайно тяжело» обращаться ко мне с просьбой, а мне это чрезвычайно грустно.

В Крыму жить вообще очень скучно и неудобно, но несомненно, что, несмотря ни

на скуку, ни на неудобства, жить в Крыму очень здорово и чахоточные поправляются очень быстро, как это ни странно. Передайте Вашему брату, что лучшее место для одинокого больного — это Ялта, и если ему дорогою будут говорить про Алупку или Симеиз, то пусть не слушает и едет прямо в Ялту. Самая подходящая для него гостиница — это «Ялта», где за 1 р. или 1 р. 25 к. в сутки он найдет недурной номер. Живя в «Ялте», пусть походит и поищет себе квартиры; рублей за 60–75 в месяц он может устроиться недурно, может, пожив там немного и привыкнув, устроиться и за 50. Из докторов рекомендую Альтшуллера, русского земского врача, проживающего в Ялте по болезни. Это хороший доктор и хороший советчик.

Вот и все. Живу я теперь в Москве, в ноябре уеду за границу. Будьте здоровы и счастливы.

Ваш А. Чехов.

Лучшее место для всяких справок в Ялте — это книжный магазин Синани, куда и направьте Вашего брата.

Мой адрес: Москва, Мл. Дмитровка, д.

Шешкова.

Средину Л. В., 1 ноября 1900*

3180

Л. В. СРЕДИНУ

1 ноября 1900 г. Москва.

Дорогой Леонид Валентинович, посылаю вам curriculum vitae фельдшерицы Медведковой, желающей получить место в Ялте или где-нибудь на южном берегу. Сию бумажку передайте А. Н. Алексину.

Я в Москве, и неизвестно, когда я выберусь отсюда. Погода порядочная, мороз, но не больше 3 градусов, тихо. Здесь Горький*. Я и он почти каждый день бываем в Художественном театре, бываем, можно сказать, со скандалом*, так как публика устраивает нам овации, точно сербским добровольцам. Завтра оба идем к Васнецову*. И так далее, и так далее — словом сказать, я еще не садился работать, а когда сяду, неизвестно.

Новостей никаких, кроме разве одной, Вам уже известной, насчет студента Синани, которого похоронили третьего дня. Мальчик погиб от меланхолии.

Третьего дня я был у Книппер и видел там

Надежду Ивановну*. Она здорова и велела Вам кланяться.

Ну, будьте здоровы и благополучны, да хранят Вас ангелы небесные. Нижайший поклон и привет всей Вашей семье, Вашему милому дому, который я так люблю. Мой адрес: Малая Дмитровка, д. Шешкова. Обнимаю Вас и целую крепко.

Ваш А. Чехов.

1 окт.

На конверте:

Ялта. Доктору Леониду Валентиновичу

Средину.

Бонье С. П., между 2 и 4 ноября 1900*

3181 . С. П. БОНЬЕ Между
2 и 4 ноября 1900 г. Москва.

Многоуважаемая Софья Павловна, я жив и здоров* и скоро, вероятно завтра, уезжаю, наконец, за границу*. Нового ничего нет, всё по-старому. Впрочем, есть одна новость: здесь в Москве умер Абрам Синани, студент, умер от меланхолии. Приезжал на похороны отец его, Исаак Абрамович. Ужасно было.

Ну, будьте здоровы и благополучны. Когда

поедете в Ялту?* Напишите или телеграфируйте. Это мне надо знать, так как есть большие, о которых нужно похлопотать.

Желаю всего, всего хорошего!

Преданный А. Чехов.

Кондратьеву И. М., 4 ноября 1900*

3182. И. М. КОНДРАТЬЕВУ
4 ноября 1900 г. Москва.

4 ноября 1900 г.

Многоуважаемый Иван Максимович!

Будьте добры, сделайте распоряжение о том, чтобы мне приготовили счет. Я в настоящее время в Москве, остановился в «Дрездене» и на днях побываю у Вас.

Желаю Вам всего хорошего и остаюсь искренно Вас уважающий.

А. Чехов.

Сумбатову (Южину) А. И., 4 ноября 1900*

3183. А. И. СУМБАТОВУ (ЮЖИНУ)
4 ноября 1900 г. Москва.

4 ноября 1900.

Милый Александр Иванович, сегодня я получил из Ялты твои пьесы* и теперь радуюсь

случаю, чтобы вместе с благодарностью высказать тебе, как я тебя люблю и как дорожу нашей старой дружбой. Большинство пьес и статья знакомы мне, но я еще раз прочту с превеликим удовольствием.

Будь здоров, желаю тебе всего хорошего. Скоро уеду, но до отъезда увидимся — надо полагать.

Твой А. Чехов.

На конверте:

Здесь. Князю Александру Ивановичу Сумбатову.

Б. Палашовский, 5.

Гольцеву В. А., 10 ноября 1900*

3184 . В. А. ГОЛЬЦЕВУ
10 ноября 1900 г. Москва.

Милый Виктор Александрович, я не уехал!!

* Немножко хворал, а теперь сижу и переписываю пьесу*. Если не придешь к нам в субботу или воскресенье, то в понедельник я буду в редакции. Приду поговорить о делах.

Будь здоров, милый мой.

Твой А. Чехов.

10 ноябрь.

На обороте:

Здесь. Виктору Александровичу Гольцеву.

Шереметевский пер., в редакции «Русской мысли».

Марксу А. Ф., 10 ноября 1900*

3185. А. Ф. МАРКСУ
10 ноября 1900 г. Москва.

10 ноября 1900 г.

Многоуважаемый Адольф Федорович!

Будьте добры, сделайте распоряжение о том, чтобы типография выслала мне III том* моих произведений, хотя бы в корректуре. Исполнением этой просьбы очень меня обяжете.

Адрес: Москва, М. Дмитровка, д. Шешкова.

Смерть Вашего ближайшего сотрудника Юлия Осиповича, которого я глубоко уважал, составляет невознаградимую потерю для всех, кто знал его близко, и я пользуюсь случаем, чтобы выразить Вам свое сочувствие*.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

Бонье С. П., 13 ноября 1900*

3186. С. П. БОНЬЕ
13 ноября 1900 г. Москва.

13 ноября.

Многоуважаемая Софья Павловна, представьте, я еще не уехал*, сию в Москве; но, кажется, ныне все дела свои окончил и могу уехать.

Вот адрес больного, которому напишите*, пожалуйста: ст. Ярьски Полтавской губ., Александру Павловичу Негеевичу.

Он хочет устроиться как-нибудь в Ялте; просит 20 рублей в месяц, остальные будет получать от родителей. Так он мне сам пишет.

Будьте здоровы, добрая душа, господь Вас благословит.

Ваш А. Чехов.

Комиссаржевской В. Ф., 13 ноября 1900*

3187. В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ
13 ноября 1900 г. Москва.

13 ноября.

Милая Вера Федоровна, на Ваше письмо я хотел дать Вам ответ устный, так как сильно

рассчитывал быть в Петербурге, но кое-какие обстоятельства не пустили меня туда, и вот я пишу. «Три сестры» уже готовы*, но будущее их, по крайней мере ближайшее, покрыто для меня мраком неизвестности. Пьеса вышла скучная, тягучая, неудобная; говорю — неудобная, потому что в ней, например, 4 героини и настроение, как говорят, мрачней мрачного.

Вашим артистам она очень и очень бы не понравилась, если бы я послал ее в Александринский театр*. Как-никак, всё же я пришлю ее Вам. Прочтите и решайте, стоит ли летом везти ее на гастроли. Теперь она читается в Художественном театре* (один экземпляр, больше нет), потом я возьму ее и опять перепишу начисто*, а потом уже напечатаем несколько экземпляров, из которых один поспешу выслать Вам.

Но как бы было хорошо, если бы мне удалось вырваться в Петербург хоть на один день. Здесь я как на каторге: днем, с утра до вечера, верчу колесо, т. е. бегаю по визитам, а ночью сплю как убитый. Приехал сюда совершенно здоровым, а теперь опять кашляю и

злюсь, и, говорят, пожелтел. Мне очень грустно, что Вы больны* и в нехорошем настроении. Видел я Марию Ильинишну*, она, вероятно, уже с Вами, и Вам стало легче, а быть может, и совсем хорошо, чего я желаю Вам и буду желать от самого чистого сердца. Итак, пьесу мою прочтут в Художественном театре, потом я переписываю, потом печатаю и посылаю Вам, и буду стараться, чтобы последнее совершилось до декабря. Пьеса сложная, как роман, и настроение, говорят, убийственное.

Целую крепко Ваши руки — одну и другую — и низко кланяюсь Вам. Да хранят Вас ангелы небесные.

Душевно Ваш А. Чехов.

Коробову Н. И., 13 ноября 1900*

3188. Н. И. КОРОБОВУ
13 ноября 1900 г. Москва.

Милый Николай Иванович, в «Дрездене» я только ночью, живу же на Мл. Дмитровке, д. Шешкова, кв. 7* (во дворе). Меня рвут на части, в ключья, и меня трудно застать*, но все эти дни я нарочно буду сидеть дома в 4 час., чтобы повидаться с тобой. Приходи! Если же

в 4 час. нельзя, то, быть может, придешь в Художеств<енный> театр, куда я могу прийти часов в 9-10 вечера — любой день, когда назначишь.

Екатерине Ивановне поклон и привет.
Будь здоров и счастлив.

13 ноябрь.

Твой А. Чехов.

На обороте:

Здесь. Доктору Николаю Ивановичу Коробову.

1-я Городская больница.

Лаврову В. М., 13 ноября 1900*

3189 В. М. ЛАВРОВУ
13 ноября 1900 г. Москва.

13 ноябрь 1900.

Милый Вукол, завтра, 14-го, я в час дня завтракаю у Ушкова, дал ему слово; но если удастся как-нибудь увернуться, то ровно в 12 час. буду у тебя*. Если завтра не увидимся, то черкни, будешь ли в Москве в среду.

Будь здоров и благополучен... Целую тебя и желаю всего хорошего.

Твой А. Чехов.

На обороте:

Здесь. Вуколу Михайловичу Лаврову.

Шереметевский пер., редакция «Русской мысли».

Серову В. А., 15 ноября 1900*

3190. В. А. СЕРОВУ
15 ноября 1900 г. Москва.

Многоуважаемый Валентин Александрович, все эти дни мне нездоровится, голова болит очень, и потому до сих пор я не был у Вас. Простите, пожалуйста. Если я теперь, в ноябре, не успею побывать у Вас, то не разрешите ли Вы мне побывать у Вас весной, в начале апреля, когда я, по всей вероятности, опять буду в Москве? И тогда бы я отдал Вам сколько угодно времени, хотя бы три недели.

Желаю Вам всего хорошего. Очень рад, что судьба доставила мне случай познакомиться с Вами*, — это было моим давнишним желанием. Крепко жму руку. Искренно преданный

15 ноябрь.

А. Чехов.

На обороте:

Его Высокоблагородию Валентину Алек-

сандровичу Серову.

Б. Знаменский пер., д. бр. Улановых.

Марксу А. Ф., 16 ноября 1900*

3191. А. Ф. МАРКСУ
16 ноября 1900 г. Москва.

16 ноября 1900 г.

Многоуважаемый Адольф Федорович!

Два экземпляра третьего тома моих сочинений я получил*, за что приношу Вам мою сердечную благодарность.

Что касается заглавия для всех томов*, то «Рассказы», по моему мнению, — в настоящее время по крайней мере, — является наиболее подходящим, и мне остается только благодарить Вас.

Желаю Вам всего хорошего и остаюсь искренно преданным

А. Чехов.

Москва, Мал. Дмитровка, д. Шешкова.

Суворину А. С., 16 ноября 1900*

3192. А. С. СУВОРИНУ
16 ноября 1900 г. Москва.

16 ноября. Тверская, «Дрезден».

Из газет я узнал, что Настя вышла замуж*. Поздравляю Вас, Анну Ивановну и Настю, желаю от души и от чистого сердца счастья. К Вашей семье я привязан почти как к своей, и в искренность моего пожелания Вы можете верить.

Я в Москве. Был здоров, даже очень, а теперь опять стал покашливать. Пора уезжать*. Если Вы телеграфируете мне*, что теперь или через неделю будете в Москве, то я не уеду, а подожду Вас. Очень хочется повидаться. Хотел я поехать дня на три к Вам в Петербург, да остановил кашель.

Нового ничего. Написал пьесу «Три сестры» и уже отдал ее в Художественный театр*. Пишу повести* — одним словом, всё по-старому.

Вы слышали, что я женюсь? Это неправда. Я уезжаю в Африку, к крокодилам.

Итак, буду ожидать телеграммы. Желаю всего хорошего, крепко жму руку.

Ваш А. Чехов.

Второй день сильно болит голова, насморк, кашель, но всё же Москва мне очень и очень нравится. Хороший город.

То, что пишется в «Новом времени» о Горьком и обо мне*, — неверно, хотя и пишется очевидцами. Пишут, что Горький обращался к публике с какими-то словами; ничего подобного при мне не было.

Эфросу Н. Е., 16 ноября 1900*

3193. Н. Е. ЭФРОСУ
16 ноября 1900 г. Москва.

Дорогой Николай Ефимович, мне тоже хочется повидаться с Вами*, но как это устроить — ума не приложу. Завтра, быть может, в 6 час. вечера я буду у сестры на Мал. Дмитровке и наверное буду в Художественном театре во время представления «Доктора Штокмана»*, часов в 9 веч<ера> или в 8½ — и пробуду там час или полтора, в кабинете Немировича-Данченко.

Желаю Вам всего хорошего, крепко жму руку.

Ваш А. Чехов.

16 ноября.

На обороте:

Его Высокоблагородию Николаю Ефимовичу Эфросу.

Редакция газеты «Новости дня».

Стефановскому П. И., 17 ноября 1900*

3194. П. И. СТЕФАНОВСКОМУ
17 ноября 1900 г. Москва.

Многоуважаемый Павел Иванович, дома застать меня трудно*, так как в 8–9 часов утра я обыкновенно уже ухожу и треплюсь по городу часов до трех ночи. Приходите к сестре на Малую Дмитровку, д. Шешкова, в 5 час. пополудни, я нарочно останусь у нее, чтобы повидаться с Вами.

Желаю всего хорошего.

Преданный А. Чехов.

17 ноябрь 900.

На обороте:

Его Высокоблагородию Павлу Ивановичу Стефановскому.

Рождественка, д. Прибылова, кв. 3.

Батуре М. П., 22 ноября 1900*

3195. М. П. БАТУРЕ
22 ноября 1900 г. Москва.

Многоуважаемый Михаил Петрович!
Покорнейше прошу Вас пожаловать ко

мне завтра* в 5 часов пополудни или утром в 11 часов.

Желаю Вам всего хорошего.

А. Чехов.

22 ноябрь.

На обороте:

Здесь. Его Высокоблагородию Михаилу Петровичу Батуре.

Лубянка, номера «Имперяль», 19.

Кони А. Ф., 22 ноября 1900*

3196. А. Ф. КОНИ
22 ноября 1900 г. Москва.

22 ноября 1900 г.

Многоуважаемый Анатолий Федорович!

Позвольте мне беспокоить Вас большой просьбой... Сегодня я получил письмо от члена таганрогской управы* — с просьбой выслать в Таганрогскую городскую библиотеку Ваш портрет. Я состою попечителем этой библиотеки (я уроженец Таганрога) и знаю, что в библиотеке имеются все Ваши сочинения и что Вас очень любят в моем родном городе и уважают уже давно. Прошу Вас, не откажите выслать мне фотографию с Вашей подписью

(на лицевой стороне)*, этим Вы порадуете и очень обяжете и горожан и меня. Мой адрес: Москва, Малая Дмитровка, д. Шешкова, А. П. Чехову. Пробуду я в Москве до вторника.

Позвольте пожелать Вам всего хорошего и пребыть искренно Вас уважающим и преданным

А. Чеховым.

Иорданову П. Ф., 23 ноября 1900*

3197. П. Ф. ИОРДАНОВУ
23 ноября 1900 г. Москва.

23 ноябрь.

Многоуважаемый Павел Федорович, врачебного диплома у меня нет*, он в Медицинском департаменте, где я служил. Имеется указ об отставке, но он в Ялте и раньше июня выслан Вам быть не может. Диплом же на академика имеется при мне. Так вот, что прикажете выслать?

Кони вчера написал*, и как только получу от него фотографию, тотчас же вышлю Вам. Грязи и вони в Ялте совсем нет*, это европейски чистый и благоустроенный город; в ялтинских же гостиницах иногда пованивает.

Канализация, кстати сказать, в Ялте чудесная.

Тараховского я ждал к себе, но он не приехал*, и, таким образом, я видел его лишь один раз, урывком. Он был обеспокоен болезнью жены*, я сам был нездоров — и вот, быть может, причина, почему я, как Вы пишете*, не уделил ему достаточно внимания.

Из Москвы уеду за границу, где, быть может, увижусь с Павловским. Насчет Антокольского пока ничего не могу сказать*.

Посылаю Вам еще книг. Будьте здоровы и благополучны. Крепко жму руку.

Ваш А. Чехов.

Я буду в Марсели. Не нужно ли Вам чего-нибудь, я бы мог посмотреть Александра I*
...

На конверте:

Таганрог. Его Высокоблагородию Павлу Федоровичу Иорданову.

Марксу А. Ф., 24 ноября 1900*

3198 . А. Ф. МАРКСУ

24 ноября 1900 г. Москва.

24 ноября 1900 г.

Многоуважаемый Адольф Федорович!

Посылаю Вам письмо, полученное мною сегодня из Архангельска. Редактор «Архангельских губернских ведомостей» просит разрешения напечатать рассказ мой «Палата № 6» и представляет мотивы своей просьбы, по моему мнению, весьма уважительные. Если Вы найдете возможным согласиться на его просьбу, то благоволите написать мне*, а я напишу ему.

Желаю Вам всего хорошего.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

Андреевой А. А., 27 ноября 1900*

3199. А. А. АНДРЕЕВОЙ
27 ноября 1900 г. Москва.

27 ноября 1900.

Многоуважаемая Александра Алексеевна!

Посылаю Вам рассказ, помещенный в сборнике, который еще не вышел в свет. И прошу извинить великодушно; я нездоров инфлюэнцей, сестра тоже была больна, еще не поправилась, — причина, почему мы до сих пор не были у Вас и почему я так запаздываю с рассказом*.

Надеюсь, что Вы здоровы, чего от души желаю Вам. Мне кажется, посылаемый рассказ не займет более 20–25 минут.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

На конверте:

*Ее Высокоблагородию Александре Алексеев-
не Андреевой.*

*Тверская, Брюсовский пер., с<обственный>
дом.*

Амфитеатрову А. В., 4 декабря 1900*

3200. А. В. АМФИТЕАТРОВУ
4 декабря 1900 г. Москва.

4 дек. 1900.

Дорогой Александр Валентинович, позвольте поблагодарить Вас за «Россию», которую Вы любезно выслали мне в Ялту в течение всего года. Я привык к Вашей газете и от души желаю ей полного успеха*, а Вам и В. М. Дорошевичу — здоровья. На днях я уезжаю за границу, в Ниццу.

Большое Вам спасибо, кстати, скажу и за Анатолия Яковлева*, моего бывшего ученика*, а ныне Вашего московского корреспондента.

Это молодой человек, сын московского камергера и владельца типографии С. П. Яковлева, очень и очень порядочный и воспитанный мальчик, на которого можно вполне положиться. Он живет исключительно на жалованье, которое получает на службе; живет небогато, и мне кажется, что корреспондирование в «Россию» до сих пор давало ему один лишь убыток. Он говорил мне, что на пожаре Мюри и Мерилиза он издержал больше, чем получил*. Гривенник за строчку* вместо теперешнего пятак был бы для него как раз в пору.

Желаю Вам всего хорошего. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш А. Чехов.

Москва, Мал. Дмитровка, д. Шешкова, а через неделю: Nice, 9, rue Gounod.

Марксу А. Ф., 5 декабря 1900*

3201 . А. Ф. МАРКСУ
5 декабря 1900 г. Москва.

Воскресение десятого уезжаю за границу*
Чехов.

На бланке:

Петербург. «Нива». Маркс.

Кондакову Н. П., 6 декабря 1900*

3202. Н. П. КОНДАКОВУ
6 декабря 1900 г. Москва.

6 дек 1900.

Многоуважаемый Никодим Павлович!

Да, я в Москве! Приехал сюда дня на три, самое большое — на неделю, а застрял почти на два месяца. Погода здесь чудесная, больше трех градусов мороза не было, а сегодня на улице дождь, грязь, снег кофейного цвета; все жалуются, кашляют, а я благоденствую, даже пополнел. 10-го, в воскресенье, уезжаю однако, уже взяты билет и заграничный паспорт, уезжаю в Ниццу, потом в Африку. Адрес мой: Nice — это на всякий случай.

Фотографии моей у меня нет*, но если нужно, то можно написать в Ялту, в фотографию «Юг», которая вышлет. Хозяина фотографии зовут так: Сергей Владимирович Дзюба. Если желаете, то я напишу ему.

Пакет из таганрогских приютов вчера принесла мне сестра* вместе с Вашим письмом. Сердечно благодарю Вас. Если на праздниках будете в Москве, то непременно побывайте в

Художественном театре*. Кстати сказать, Вл. Немирович-Данченко и К. Алексеев (Станиславский), директора театра — очень хорошие люди и будут очень рады Вам.

Я написал пьесу и уже отдал ее в театр*. Видите, какой я плодовитый писатель. Из Ялты писем не получаю, и что там делается — не знаю. Есть одна неприятная, даже очень неприятная новость: здесь, в Москве, умер ялтинский студент Синани*; приезжал на похороны его отец, я встречал его на вокзале — и было мучительно сообщать ему о смерти его сына.

Итак, стало быть, я уезжаю. Надолго ли? Не знаю. Желаю Вам всего, всего хорошего — Вам и Вашему семейству, которому низко кланяюсь. Из Ниццы буду писать Вам. Будьте здоровы и благополучны.

Искренно Вас уважающий и преданный
А. Чехов.

Марксу А. Ф., 7 декабря 1900*

3203. А. Ф. МАРКСУ
7 декабря 1900 г. Москва.

Если вышлете деньги буду благодарен* уез-

жаю воскресенье.

Чехов.

На бланке:

Петербург. «Нива». Маркс.

Безобразову П. В., 9 декабря 1900*

3204. П. В. БЕЗОБРАЗОВУ
9 декабря 1900 г. Москва.

9 дек. 1900.

Многоуважаемый Павел Владимирович!

Каждый день собирался к Вам* и — не попал. Завтра уезжаю за границу, и, таким образом, волей-неволей визит мой к Вам придется отложить.

Книжку получил*. Большое спасибо. Суворину напишу из-за границы, из Вены*.

Желаю Вам всего хорошего. До свиданья до весны или до Вашего приезда в Ниццу*.

Искренно преданный

А. Чехов.

Марксу А. Ф., 10 декабря 1900*

3205. А. Ф. МАРКСУ
10 декабря 1900 г. Москва.

10 дек. 1900.

Многоуважаемый Адольф Федорович!

Десять тысяч рублей* в счет условленной платы я сегодня получил, за что приношу Вам сердечную благодарность. Расписку при сем посылаю. Оставшиеся 15 тысяч* покорнейше прошу Вас высылать на имя сестры моей М. П. Чеховой по адресу: Москва, Мл. Дмитровка, д. Шешкова, Марии Павловне Чеховой.

Рассказ «Весной» написан мною очень давно* и помещен в третьем томе моих сочинений Вашего издания. Для «Нивы» я пришлю рассказ непременно*.

Завтра я уезжаю. Из Ниццы я пришлю Вам адрес*, а пока, в случае надобности, благоволите адресоваться в Москву или Nice, poste rest<ante>.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

Одновременно посылаю Вам мою пьесу «Свадьба»*, написанную уже давно и ныне мною исправленную.

На конверте:

Заказное. Петербург. Его Высокоблагородию Адольфу Федоровичу Марксу.

Мл. Морская, 22.

Книппер О. Л., 11 (24) декабря 1900*

3206. О. Л. КНИППЕР

11(24) декабря 1900 г. Брест.

11 декабря, 4 час. пополудни.

Подъезжаю к Бресту*. Все обстоит благополучно. Солнца еще нет. Желая здоровья и всего, всего, всего самого лучшего!

А. Чехов.

Кланяюсь всем.

На обороте:

Москва. О. Л. Книппер.

Мерзляковский пер., д. Мещериновой.

Книппер О. Л., 12 (25) декабря 1900*

3207. О. Л. КНИППЕР

12(25) декабря 1900 г. Вена.

Милая моя, какого я дурака сломал! Приехал сюда, а здесь все магазины заперты, называется — немецкое Рождество! И я не солоно хлебавши сижу теперь в номере* и решительно не знаю, что делать, что называется, дурак дураком. Дорожных ремней купить негде. Одни только рестораны отперты, да и те битком набиты франтами, около которых я

показался бы просто замарашкой. Ну, да что делать!

Завтра я уезжаю в Nice, а пока с вожделе-нием поглядываю на две постели, которые стоят у меня в номере: буду спать, буду думать! Только обидно, что я здесь один, без тебя, баловница, дуся моя, ужасно обидно. Ну, как живешь там в Москве? Как себя чувствуешь? Идут ли репетиции? Далеко ли ушли?* Милая, всё, всё пиши мне, подробнейшим образом, каждый день! Иначе у меня будет настроение чёрт знает какое.

От Бреста до Вены нет снега. Земля сегодня кислая, как в марте. Непохоже на зиму. Спутники у меня были скучные.

Пойду, дуся, вниз обедать или ужинать — не знаю, как назвать, потом завалюсь спать. Крепко тебя целую, жму твои ручки, девочка моя чудесная. Не забывай меня, не забывай! В Ницце, как приеду, в тот же день пойду на почту — быть может, твое письмо уже пришло.

Пиши, деточка.

Твой Antoine.

12 дек.

Лаврову В. М., 12 (25) декабря 1900*

3208. В. М. ЛАВРОВУ
12(25) декабря 1900 г. Вена.

Милый Вукол, солнце впервые показалось у ст<анции> Oderberg — это за австрийской границей. Показалось и скрылось за тучами.

Следующее письмо напишу тебе из Монте-Карло. Будь здоров, друг милый, и паки будь здоров.

Погода серая, но теплая. Все в шляпах, шапки ни одной. Виктору Александровичу и Софье Федоровне привет и поклон нижайший.

Твой А. Чехов.

12 дек.

На обороте:

Вуколу Михайловичу Лаврову.

Москва, Шереметевский пер., в «Русской мысли». Moskau. Russland.

Книппер О. Л., 14 (27) декабря 1900*

3209. О. Л. КНИППЕР
14(27) декабря 1900 г. Ницца.

14 дек.

Актрисочка моя чудесная, ангел мой, жи-

довочка, здравствуй! Только что приехал в Ниццу, пообедал и вот первым делом пишу тебе. Вот мой адрес: Rue Gounod, Pension Russe, Nice, а для телеграмм — Pension Russe, Nice. Голова кружится от дорожного утомления, сегодня ничего не стану писать, напишу завтра, а сегодня только позволь поцеловать тебя 10 000 раз, деточка моя. Идет дождик, но тепло, удивительно тепло. Цветут розы и цветы всякие, даже глазам не верится. Молодые люди в летних пальто, ни одной шапки. У меня перед окном арокария, такая же, как у тебя, только с большую сосну величиной, растёт в земле.

В Вене было скучновато; магазины были заперты, да и ты велела остановиться в Hôtel Bristol'е. Этот отель, оказывается, лучший в Вене; дерут чёртову пропасть, не позволяют в ресторане читать газеты, и все разодеты такими щеголями*, что мне было стыдно среди них, я чувствовал себя неуклюжим Крюгером. Ехал я из Вены на express'е в I классе. Лупили чертовски, как птицы. У меня было отдельное купе.

Ну, будь здорова, дуся моя. Да хранит тебя

бог и ангелы небесные. Не изменяй мне даже в мыслях. Напиши, как идут репетиции. Вообще пиши как можно больше. Умоляю.

Твой Antoine.

Целую тебя — пойми это. Кланяюсь в ножки.

Книппер О. Л., 15 (28) декабря 1900*

3210. О. Л. КНИППЕР
15(28) декабря 1900 г. Ницца.

15 дек., на другой день.

Милая моя, как это ни странно, но у меня такое чувство, точно я на луну попал. Тепло, солнце светит вовсю, в пальто жарко, все ходят по-летнему. Окна в моей комнате настежь*; и душа, кажется, тоже настежь. Переписываю свою пьесу* и удивляюсь, как я мог написать сию штуку, для чего написать. Ах, дуся моя хорошая, отчего тебя нет здесь? Ты бы поглядела, отдохнула, послушала бы бродячих певцов и музыкантов, которые то и дело заходят во двор, а главное — погрелась бы на солнышке.

Сейчас я пойду к морю, буду сидеть там и читать газеты, а потом, вернувшись домой,

стану переписывать — и завтра уже вышлю Немировичу III акт, а послезавтра IV* — или оба вместе. В III акте я кое-что изменил, кое-что прибавил, но очень немного.

Дуся моя, пришли мне сюда свою фотографию. Будь милочкой, пришли.

У нас много мух.

Встречаю русских. Они здесь какие-то приплюснутые, точно угнетены чем-то или стыдятся своей праздности. А праздность вопиющая.

Обнимаю тебя крепко, целую тысячи раз. Жду с нетерпением письма, длинного письма. Кланяюсь в ножки.

Твой Antoine.

Был сегодня на почте и ничего не нашел. Будь здорова, деточка моя. Я тебя очень люблю.

Чеховой М. П., 15 (28) декабря 1900*

3211 . М. П. ЧЕХОВОЙ
15(28) декабря 1900 г. Ницца.

Милая Маша, вот тебе мой адрес: Monsieur A. Tchekhoff, rue Gounod, Pension Russe, Nice или просто — Pension Russe*. Я жив и здоров.

В Ницце тепло, окна в комнатах настежь; нужно покупать летнее пальто.

Кланяйся мамаше и скажи, что я купил ей портмоне, очень хороший. Кланяйся также бабушке и Арсению*. Буду писать — и ты пиши*.

Нового ничего, всё благополучно.

Твой Antoine.

15 дек.

* Конечно, и Nice.

На обороте:

Mlle Марии Павловне Чеховой. Ялта. Russie.

Книппер О. Л., 17 (30) декабря 1900*

3212. О. Л. КНИППЕР

17(30) декабря 1900 г. Ницца.

Воскресенье. Числа не помню.

Вот уже третья ночь, как я в Ницце, а от тебя ни единой строчки*. Что сей сон значит? Как прикажете сие понять? Милая моя Оля, не ленись, ангел мой, пиши твоему старику почаще. Здесь, в Ницце, великолепно, погода изумительная. После Ялты здешняя природа и погода кажутся просто райскими. Купил себе летнее пальто и щеголяю*. Вчера послал в

Москву III акт пьесы, а завтра пошлю IV. В III я изменил лишь кое-что, а в IV произвел перемены крутые. Тебе прибавил много слов*. (Ты должна сказать: благодарю...) А ты за это пиши мне, как идут репетиции*, что и как, всё пиши. Оттого, что ты не пишешь мне, и я не хочу писать. Баста! Это — последнее письмо.

Был у меня сегодня художник Якоби*. Третьего дня виделся с Максимом Ковалевским — московскою знаменитостью, получил от него приглашение и скоро поеду к нему обедать, на его даче в Beaulieu. Скоро поеду в Монте-Карло играть в рулетку.

Пиши мне, дуся, не ленись. У тебя куча моих писем, у меня же — ни единого. Чем я тебя так прогневал?

Маша уехала!*

Сообщи Вишневному мой адрес, буде он пожелает: 9 rue Gounod, Nice (или Pension Russe, Nice).

Здесь очень кормят. После обеда приходится дремать и ничего не делать, а это нехорошо. Надо будет изменить жизнь, есть поменьше.

Публика у нас в Pension'e русская и притом

ужасно скучная, ужасно. И всё больше дамы.

Крепко тебя целую и обнимаю мою милую бабуся. Не забывай меня. Вспоминай хоть раз в неделю. Еще раз обнимаю, и еще.

Твой Antoine.

Когда увидишь Льва Антоновича, то передай ему, что в Африку я не поеду* теперь, а буду работать. Скажи ему, что Египет и Алжир я оставил до будущего года.

**Ковалевскому М. М., 17 (30) декабря
1900***

3213. М. М. КОВАЛЕВСКОМУ
17(30) декабря 1900 г. Ницца.

Многоуважаемый Максим Максимович!

Я виделся сегодня с Л. Л. Гиршманом, и мы вместе, в присутствии Н. И. Юрасова, решили быть у Вас в среду к 6 1/2 час<ам> вечера. Николай Иванович сказал, что он тоже будет и что, по его мнению, приглашать к обеду В. И. Якоби — не следует.

Вот и всё. Желаю Вам всего хорошего.

Преданный А. Чехов.

Воскресенье.

На обороте:

*Monsieur M. Kovalevsky. Villa Batava.
Beaulieu.*

Чеховой М. П., 17 (30) декабря 1900*

3214 . М. П. ЧЕХОВОЙ
17(30) декабря 1900 г. Ницца.

Милая Маша, я забыл, кажется, сказать тебе, что С. Я. Елпатьевский после 1-го января должен передать тебе 1000 р.* Ты ничего не говори ему, он сам даст. А если не даст, то так тому и быть.

В Ялте холодно*, ходят почти в шубах? А здесь тепло, солнечно, цветут маргаритки, розы.

Будь здорова и счастлива. Кланяйся мамаше и бабушке, а также Варваре Константиновне* и двум девицам, яже с нею; поклон нижайший Надежде Ивановне*. Скажи Л. В. Средину, что здесь один сплошной восторг, что тому, кто долго прожил в Ялте, здесь покажется как в раю.

Всего тебе хорошего. Напиши, как и что дом. В Африку, вероятно, не поеду, ибо и здесь хорошо. И работается.

Твой А. Чехов.

17 дек.

Маленький совет. Когда в Ялте будут тебя спрашивать насчет смерти студента Синани, то говори просто — умер, и умалчивай о том, как умер, т. е. ничего не говори о самоубийстве. Это для его родителей.

Напиши, что Арсений думает насчет навоза* и вообще что делается в саду. Побольше напиши. Скажи бабушке, что я привезу ей из-за границы подарок.

**Немировичу-Данченко Вл. И., 18 (31)
декабря 1900***

3215. Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО
18(31) декабря 1900 г. Ницца.

18 дек. 1900.

Прости, милый Владимир Иванович, на один день опоздал. Но это ничего.

В III акте последние слова, которые произносит Соленый, суть: (*глядя на Тузенбах*) «Цып, цып, цып...»

Это прибавь, пожалуйста*.

Что новенького? Я не получил из России еще ни одного письма.

Будь здоров и счастлив. Всего тебе хороше-

го, самого лучшего.

Твой А. Чехов.

Кланяюсь всем!

На конверте:

Москва. Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко.

Каретный ряд, Художественный театр.

Monsieur W. J. N.-Dantchinko. Moscou. Russie.

Чеховой Е. Я., 19 декабря 1900 (1 января 1901)*

3216. Е. Я. ЧЕХОВОЙ
19 декабря 1900 г. (1 января 1901 г.) Ницца.

Милая мама, поздравляю Вас с ангелом и желаю всего лучшего, а главное — здоровья. Машу поздравляю с именинницей и желаю Вам обоим провести праздники в отличнейшем расположении духа.

Я жив и здоров, погода здесь чудесная, теплая, совершенно летняя, так что хожу без капош, в летнем пальто. На дворе зеленая травка и цветы, поспевают апельсины. Поклонитесь Марьюшке, Арсению, Синани и Варваре Константиновне. Скажите Маше, чтобы из

моих денег она дала Вам десять рублей — это мой подарок имениннице*. Крепко целую.

Ваш А. Чехов.

Понедельник.

На обороте:

Мне Евгении Яковлевне Чеховой. Ялта.

Jalta. Russie.

Суворину А. С., 19 декабря 1900 (1 января 1901)*

3217. А. С. СУВОРИНУ
19 декабря 1900 г. (1 января 1901 г.) Ницца.

19 дек. 1900.

9 rue Gounod, Nice.

В Москве я прожил*, как оказывается, дольше, чем следует. И зачем я жил там, если погода здесь изумительная, чудесная, совершенно летняя. Хожу без калош, в летнем пальто, и настроение совсем летнее, точно помолодел лет на десять. Я каждый день собирался писать Вам, поблагодарить за подарок, который Вы прислали мне от Хлебникова, и собрался, как видите, только сегодня. Большое Вам спасибо! Тысячу раз спасибо! Дай бог здоровья!

Мы с Алексеем Петровичем были в хороших отношениях*, я уважал его, и смерть его произвела на меня впечатление довольно грустное. Он кончил курс в таганрогской гимназии, там же, где и я, и поэтому мы называли друг друга земляками.

Как Вы поживаете, как себя чувствуете? Напишите мне в Ниццу. Я пробуду здесь, вероятно, с месяц, а то и больше.

Сегодня был я в hôtel Beau-Rivage и вспоминал, как мы когда-то стояли в нем*. Был в столовой, в читальне — всё как было.

Жизнь здесь совсем не такая, как у нас, совсем не такая... И богаты чертовски, и здоровы, и не старятся, и постоянно улыбаются.

Будьте добры, скажите в телефон в контору, чтобы газету высылали мне не в Ялту, а сюда, в Ниццу*, по вышеписанному адресу. Скучно без русской газеты.

Как живут Ваши? Как Настя?

Шлю нижайший поклон и привет, поздравляю с наступающими праздниками. Храни Вас создатель. Крепко жму руку.

Ваш А. Чехов.

Коновицеру Е. З., 20 декабря 1900 (2

января 1901)*

3218

Е. З. КОНОВИЦЕРУ

20 декабря 1900 г. (2 января 1901 г.) Ницца.

Дорогой Ефим Зиновьевич, я в Москве не был у Вас — не ставьте мне этого в особенно большую вину. В Москве я пробыл почти полтора месяца, и у меня буквально не было ни одного часа свободного.

Я в Ницце. Мой адрес: 9 rue Gounod, Nice. Если не забудете, то скажите, чтобы «Курьер», который высылается мне в Ялту, был высылаем в Ниццу. Желаю Вам всего хорошего, крепко жму руку и кланяюсь Евдокии Исааковне и Вашим детям. Будьте здоровы и счастливы.

Среда.

Ваш А. Чехов.

На обороте:

Ефиму Зиновьевичу Коновицеру.

Москва. Пименовский пер., д. Коровина.

Moscou. Russie.

Васильевой О. Р., 21 декабря 1900 (3 января 1901)*

3219. О. Р. ВАСИЛЬБЕВОЙ
21 декабря 1900 г. (3 января
1901 г.) Ницца.

Четверг.

Здравствуйте, многоуважаемая Ольга Родионовна! Во-первых, я хороший доктор. Но если Вы не хотите меня, то рекомендую Вам д-ра Эльсница* — д-р Oelsnitz, 6 rue Notre Dame. Зовут его Александром Леонтьевичем, он русский.

Грустно, что Вы больны. Можно к Вам зайти или нельзя?*

Преданный

А. Чехов.

**Книппер О. Л., 21 декабря 1900 (3
января 1901)***

3220. О. Л. КНИППЕР
21 декабря 1900 г. (3 января
1901 г.) Ницца.

21 дек. 1900.

Pension Russe, Nice или: 9 rue Gounod, Nice.

Только что получил твое письмо, милая моя актрисочка. Маша должна была телегра-

фировать Марксу, что я написал ему своевременно*, но она забыла послать мое письмо*. Кроме письма, были еще две бандерольные посылки. Это не небрежность, а просто свинство. В Ницце вдруг стало холодно, меня ломает всего — оттого я и ругаюсь в письме. Спина болит. Но все же ходил в летнем пальто.

Пьеса уже окончена и послана*. Тебе, особенно в IV акте, много прибавлено*. Видишь, я для тебя ничего не жалею, старайся только.

Пиши, что на репетициях* и как, нет ли каких недоразумений, все ли понятно. Приедет ли Немирович в Ниццу?* Если да, то когда?

Я завтракаю и обедаю в большой компании, почти одни женщины — и всё мордемондии. И всё русские. В Монте-Карло еще не был.

Уехали ли мать и Маша в Ялту? От них — ни единой строчки за все время.

Балериночка моя, мне без тебя очень скучно, и если ты начнешь ходить к Омону и забудешь меня, то я уйду в монахи. Не ходи, деточка, к Омону*.

У меня здесь две комнаты: одна большая,

другая — поменьше. Постель такая, что когда ложишься в нее, то всякий раз непременно улыбаешься; удивительно мягко и широко. Говорю немножко по-французски, припоминаю мало-помалу то, что знал и забыл. Часто вижу тебя во сне, а когда закрываю глаза, то вижу и наяву. Ты для меня необыкновенная женщина.

Будь здорова, дуся. Да хранит тебя создатель. Будь умницей, работай, а весной приезжай сюда. Мне нужно кое-что сказать тебе на ухо.

Крепко целую, обнимаю и опять целую.

Твой Antoine.

Опиши хоть одну репетицию.

Поздравляю с праздником! У нас тут уже новый год, уже 3-е января. Скоро здесь весна.

Ковалевскому М. М., 21 декабря 1900 (3 января 1901)*

3221. М. М. КОВАЛЕВСКОМУ
21 декабря 1900 г. (3 января
1901 г.) Ницца.

Простите, многоуважаемый Максим Максимович, я обманул Вас*; причины тому две:

сильная боль в спине и холод. Сижу дома. Желаю Вам всего хорошего.

Преданный А. Чехов.

Четверг.

Марксу А. Ф., 22 декабря 1900 (4 января 1901)*

3222. А. Ф. МАРКСУ
22 декабря 1900 г. (4 января 1901 г.) Ницца.

22 дек. 1900 г.

9 rue Gounod, Nice.

Многоуважаемый Адольф Федорович!

Водевиль «Свадьба» написан мною уже давно* и принадлежит Вам, не посылал же я его до сих пор, потому что хотел местами переделать его и исправить, — и теперь он послан Вам в исправленном виде. Этот водевиль должен войти в следующее издание пьес*, в VII том, или же в тот том, который составят новые пьесы*.

Желаю Вам всего хорошего.

Искренно Вас уважающий и преданный

А. Чехов.

Чеховой М. П., 22 декабря 1900 (4 января

1901)*

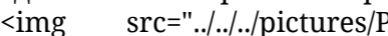
3223. М. П. ЧЕХОВОЙ

22 декабря 1900 г. (4 января 1901 г.) Ницца.

22 дк.

Милая Маша, пока ты в Ялте, распорядись, чтобы тот печник, который делал печи, осмотрел бы, во-первых, печь в гостиной* (бывшей столовой) и, если можно, сделал бы так, чтобы часть тепла шла в кабинет, и, во-вторых, починил бы изразцы в ватере, исправив сначала там печь, т. е. сделав так, чтобы тепло шло не в ватер, а в переднюю.

Имей в виду, что цветок, длинный кактус, стоящий у меня в кабинете, поливать нельзя.

Скажи Арсению, чтобы окопал все фруктовые деревья*, как окапывал когда-то я. Ширина окопа должна быть равна широте кроны дерева. style="vertical-align: middle">

В Ницце вдруг подуло с севера, стало холодно, но все же в осеннем пальто жарко.

Как поживает бабушка?

Нижайший поклон и привет мамаше. Ду-

маю, что она в Ялте скучать не будет. Поклон Варваре Константиновне и Манефе матери с подругой, а также Синани.

Будь здорова. Получить письмо от тебя уж не рассчитываю. Пусть бы хоть мамаша написала, что и как, а если и мать не захочет, то попроси Альтшуллера, что ли. Ты не послала вовремя письма Марксу*, а там подняли гвалт.

Желаю всего хорошего. Я немножко прихворнул было, но теперь ничего. Всё благополучно. Если понадобятся мои ключи, то они у матери или в каком-нибудь из отворяющихся шкафиков; другая часть ключей в том шкафу, что в спальной, в верхнем левом.

Как погода в Ялте?

Целую тебя и мать.

Твой А. Чехов.

Печник, о котором выше писано, хороший человек.

Вишневскому А. Л., 23 декабря 1900 (5 января 1901)*

3224. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ
23 декабря 1900 г. (5 января 1901 г.) Ницца.

Милого Александра Леонидовича поздравляю с праздником и с наступающим новым годом. Желаю Вам на старости лет доброго здоровья и полного благополучия. Надеюсь, что у Вас все идет хорошо*, что Вы довольны* и что Вы иногда, хотя изредка, вспоминаете о Вашем доброжелателе и почитателе

А. Чехове.

9 rue Gounod, Nice.

23/XII.

На обороте:

Александрю Леонидовичу Вишневскому.

Москва, Неглинный проезд, мебл. ком.

«Тюрби». Moscou. Russie.

Чехову И. П., 23 декабря 1900 (5 января 1901)*

3225. И. П. ЧЕХОВУ
23 декабря 1900 г. (5 января 1901 г.) Ницца.

23 дек. 1900.

9 rue Gounod, Nice.

Милый Иван, поздравляю тебя, Соню и Володю с Рождеством и с наступающим новым

годом и желаю здоровья и спокойствия. Я в Ницце. Если напишешь что-нибудь, то буду очень благодарен. Пусть Соня извинит, что я не был у вас, — ты видел, как мне было некогда! Володю целую; он производит очень хорошее впечатление, и я рад за него.

Будь здоров. Кланяюсь низко всем.

Твой А. Чехов.

На обороте:

Ивану Павловичу Чехову.

Москва, Миусское училище. Moscou, Russie.

Альтшуллеру И. Н., 26 декабря 1900 (8 января 1901)*

3226. И. Н. АЛЬТШУЛЛЕРУ
26 декабря 1900 г. (8 января 1901 г.) Ницца.

Милый Исаак Наумович, с новым годом, с новым счастьем! Желаю Вам всего хорошего и интересного, чтобы не было скучно. Передайте мое поздравление Вашей семье.

Ваш А. Чехов.

9 rue Gounod, Nice.

На обороте:

Доктору Исааку Наумовичу Альтшуллеру.

Ялта. Jalta. Russie.

**Артемьеву А. Р. (Артему), 26 декабря
1900 (8 января 1901)***

3227. А. Р. АРТЕМЬЕВУ (АРТЕМУ)
26 декабря 1900 г. (8 января
1901 г.) Ницца.

С новым годом, с новым счастьем, дорогой
Александр Родионович! Желаю Вам здоровья,
хороших ролей и полнейшего успеха во всем.

Я теперь в Ницце. Мой адрес, кстати ска-
зать: 9 rue Gounod, Nice.

Искренно преданный и любящий Вас уже
давно*

А. Чехов.

26 дек. 1900.

**Книппер О. Л., 26 декабря 1900 (8
января 1901) («Милая актрисуля...»)***

3228. О. Л. КНИППЕР
26 декабря 1900 г. (8 января
1901 г.) Ницца.

26 дек.

Милая актрисуля, это письмо дойдет к тебе
в Новый год; значит с новым годом, с новым

счастьем! Целую тебя, если хочешь, тысячу раз и желаю, чтобы исполнилось всё, что ты хочешь. И чтобы ты осталась такою же добренькой и славной, какой была до сих пор.

Но, однако, как твое здоровье? Последних два письма, писанных карандашом, меня испугали*, и я хоть не стучал твоей селезенки, но побаиваюсь, что у тебя легонький брюшной тиф, а это значило бы, что в театр тебя не пустят по крайней мере с месяц, пьесы мои не будут идти* и я вынужден буду играть в рулетку. Но ты здорова? Да? Ну и прекрасно, душа моя удивительная. Я на тебя надеюсь.

От Маши ни слуху ни духу. Буду писать Средину*, пусть напишет хоть два слова, что с матерью.

Здесь, вообрази, вдруг стало холодно, как никогда. Настоящий мороз. В Марселе снегу навалило целые горы, а здесь цветы поблекли в одну ночь, и я хожу в осеннем пальто! В газетах жалобы на необычайный холод. Это отвратительно, боюсь, что впаду в мерлехлюндию. Вчера я был в Ментоне у сестры Немировича; она больна чахоткой, скоро умрет. Ждут Владимира Ивановича и —

увы! — Екатерину Ник<олаевну>. Недаром небо такое тусклое, скучное! Придется еще послушать этот смех... Актрисочка милая, я тебя обнимаю и целую; но если и ты отвыкнешь от меня и перестанешь писать, тогда уеду в Австралию или куда-нибудь далеко. Мне никто не пишет, кроме тебя одной! Я забыт. Кланяйся дяде Саше и Ник<олаю> Ник<олаевичу>*. Целую тебя нежно.

Твой Antoine

Кондакову Н. П., 26 декабря 1900 (8 января 1901)*

3229. Н. П. КОНДАКОВУ
26 декабря. 1900 г. (8 января 1901 г.) Ницца.

26 дек. 1900 г.

9 rue Gounod, Nice.

Многоуважаемый Никодим Павлович!

С новым годом, с новым счастьем! Шлю привет Вам из теплых стран*, где, впрочем, все эти дни было холодно, был даже мороз. Желаю здоровья и полного благополучия.

Около двух недель я проживаю в Ницце и нахожу, что здешний юг и русский — это небо

и земля. Сравнительно с Ялтой здесь изумительно хорошо*, даже сравнивать нельзя. Виделся уже раза три с М. М. Ковалевским, говорили о Вас. Он здоров, здоровее и моложе, чем был 3 года назад, и вообще живется ему недурно.

Что нового в Питере*? Что нового в Академии*? Боборыкина выбрали-таки — и я очень рад*.

Шлю новогоднее поздравление и привет Вашей семье, желаю счастья. Были на праздниках в Москве? А в Художественном театре? Кланяюсь Вам низко.

Искренно преданный

А. Чехов.

Вчера был в Монте-Карло. Там все то же, что было и раньше, нет ни малейшей перемены, даже скучно.

Лаврову В. М., 26 декабря 1900 (8 января 1901)*

3230. В. М. ЛАВРОВУ
26 декабря 1900 г. (8 января 1901 г.) Ницца.

26 дек. 1900.

Милый Вукол, вчера я был в Монте-Карло, поставил 5 франков на 13, согласно воле твоей, — и, само собою разумеется, проиграл*. Не желаешь ли еще поиграть?

Поздравляю тебя с новым годом, с новым счастьем и желаю полного благополучия. Будь здоров, милый мой, и весел. Поклонись Виктору Александровичу и, если есть время, черкни мне строчки две по адресу: 9 rue Gounod, Nice. Здесь после совершенно летнего тепла вдруг наступил мороз. Неслыханное дело!

Твой А. Чехов.

На обороте:

Вуколу Михайловичу Лаврову.

Москва, Шереметевский пер., ред. «Русской мысли». Moscow. Russie.

Средину Л. В., 26 декабря 1900 (8 января 1901)*

3231 . Л. В. СРЕДИНУ
26 декабря 1900 г. (8 января 1901 г.) Ницца.

26 дек. 1900.

Милый Леонид Валентинович, поздравляю

Вас с новым годом, с новым счастьем и желаю здоровья и побольше денег. Уже идет вторая неделя, как я в Ницце* и около Ниццы и — что сказать Вам? Прожить в Ялте целую зиму полезно, даже очень, потому что здешние места после Ялты кажутся просто раем*. Ялта — это Сибирь! В первые два дня после приезда, когда я гулял в летнем пальто или сидел у себя в комнате перед открытою на балкон дверью, то с непривычки мне было даже смешно. А на улицах народ веселый, шумный, смеющийся, не видно ни исправника, ни марксистов с надутыми физиономиями... Но дня два назад вдруг неожиданно пристукнул мороз, и всё поблекло. Никогда здесь морозов не бывает, и откуда взялся этот мороз, совершенно непонятно.

Не знаете ли, где в настоящее время моя мать и сестра?* Если они в Ялте, то напишите, здоровы ли они и как себя чувствуют. Я писал им, но ответа не получал.

Передайте мой привет и поклон Софье Петровне*, Надежде Ивановне, детям. Напишите, как себя чувствует в Ялте Надежда Ивановна*, не скучает ли без театра. Напишите

обо всем поподробнее, если можно. Все-таки как ни хорошо на Ривьере, а без писем скучно. Не обвалился ли мой дом?

Крепко жму Вам руку и обнимаю Вас. Будьте здоровы и счастливы.

Ваш А. Чехов.

Поклонитесь Ярцевым.

Книппер О. Л., 26 декабря 1900 (8 января 1901) («Актриска, что ты беспокоишься?..»)*

3232. О. Л. КНИППЕР
26 декабря 1900 г. (8 января 1901 г.) Ницца.

26 дек. 1900, вечер.

Актриска, что ты беспокоишься? Я получил сегодня твою телеграмму* и долго не знал, что тебе ответить. Здоров, как бык, — ответить так? Но это совестно. А вот как твое здоровье?* Все еще сидишь дома или уже бываешь и в театре? Дуся моя хорошая, не болеть, конечно, нельзя, но лучше не болеть. Когда ты далеко от меня, то чёрт знает какие мысли приходят в голову, и становится даже страшно. Не хворай, милая, без меня, будь ум-

ницей.

Сегодня был в Монте-Карло, выиграл 295 франков. Получил из Ментоны телеграмму от Немировича; завтра увидимся. Купил себе новую шляпу. Что еще? Получила роль в новом виде?

Ты пишешь, что послала мне каких-то два письма*, — очевидно, полученных в Москве на мое имя. Если ты послала, то знай: я не получал. Судя по газетам, в Ялте теперь холодная, бурная погода, мороз; матери покажется там очень скучно и нудно.

Твое последнее письмо* очень трогает, оно написано так поэтично. Умница ты моя, нам бы с тобой хоть пять годочков пожить, а там пускай сцапает старость; все-таки в самом деле были бы воспоминания. У тебя хорошее настроение, такое и нужно, только не мельчай, моя девочка.

Крепко тебя целую, хотя, по-видимому, тебе это уже надоело. Или не надоело? В таком случае обнимаю тебя крепко, держу так, обнявши, 20 минут и целую накрепчайшим образом. Напиши, как идут репетиции, какое идет уже действие и т. д. Вообще, как идет де-

ло, не лучше ли отложить пьесу до будущего сезона.

Как писать адрес на телеграммах? Mechtcherinoff — c'est long et incommode[14]. Нельзя ли просто: Olga Knipper, Mersliakovsky, Moscou. Ведь почтальоны знают, где ты живешь. Ну, однако, до свиданья! Пиши, а то расшибу.

Твой Antoine.

Книппер О. Л., 26 декабря 1900 (8 января 1901) Монте-Карло*

3233. О. Л. КНИППЕР
26 декабря 1900 г. (8 января 1901 г.) Монте-Карло.

Salve ma belle[15].

Antoine.

На бланке:

Olga Knipper. Mersliakowsk. Mecherinow. Moscou.

Шехтелю Ф. О., 27 декабря 1900 (9 января 1901)*

3234. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ
27 декабря 1900 г. (9 января 1901 г.) Ницца.

27 дек. 1900.

Милый Франц Осипович, и вчера и третьего дня я был в Монте-Карло*, а вчера даже играл — и в оба раза Вас там почему-то не было, к великой моей досаде. А сегодня я получил телеграмму от Вл. Немировича-Данченко*; будет у меня *утром*, т. е., вероятно, около 12 или часа, затем придется беседовать с ним и т. д. и т. д. А вечером не будете ли в Monte-Carlo?* Если будете, то напишите, я поеду. А завтра в каком часу уезжаете?*

Будьте здоровы!!

Ваш А. Чехов.

Быть может, с Немировичем я поеду в М<онте>-К<арло> теперь же, т. е. после полудня. Что Вы на это скажете?

Книппер О. Л., 28 декабря 1900 (10 января 1901)*

3235. О. Л. КНИППЕР
28 декабря 1900 г. (10 января 1901 г.) Ницца.

28 дек. 1900.

Представь, милая моя собака, какой ужас!

Сейчас докладывают, что какой-то господин внизу спрашивает меня. Иду, гляжу — старик, рекомендуется так: Чертков. В руках у него куча писем, и оказывается, что все эти письма, адресованные ко мне, получал он, потому что его фамилия похожа на мою. Одно твое письмо (а всех было три — три первые письма) было распечатано. Каково? Впредь, очевидно, писать на конвертах надо так: Monsieur Antoine Tchekhoff, 9 rue Gounod (или Pension Russe), Nice. Но непременно — Antoine, иначе письма твои я буду получать через 10–15 дней по их отправлении.

Твоя нотация насчет Вены*, где ты называешь меня «славянским кисельком», пришла очень поздно; 15 лет назад я, правда, как-то терялся за границей* и не попадал, куда нужно, теперь же я был в Вене, где только можно было быть; заходил и в театр, но билеты там были все распроданы. Потом уж, впрочем, выехав из Вены, я вспомнил, что забыл посмотреть на афишу, — это вышло по-русски. В Вене купил себе у Клейна чудесный портмоне. На второй день, оказалось, он отпер свой магазин. Купил у него ремни для багажа. Ви-

дишь, дуся моя, какой я хозяйственный.

Ты читаешь мне нагоняй за то, что я не пишу матери*. Милая, я писал и матери и Маше, много раз*, но ответа не получил и, вероятно, не получу. И я махнул рукой. До сих пор не было от них ни одной строчки, а я всегда — правда твоя — был кисель и буду киселем, всегда буду виноват, хотя и не знаю, в чем.

За слова насчет Толстого спасибо*. Здесь Шехтель из Москвы. Выиграл чёртову гибель в рулетку и завтра уезжает. Здесь Владимир Немирович со своей супругой. Здесь она, около других женщин, кажется такой банальной, точно серпуховская купчиха. Покупает чёрт знает что и все как бы подешевле. Мне жаль, что он с ней. А он, по обыкновению, хороший человек, и с ним нескучно.

Было холодно, но теперь тепло, ходим в летних пальто. Выиграл в рулетку 500 франков. Можно мне играть, дуся?

А я так спешил с последним актом, думал, что он нужен вам*. Оказывается, что вы не начнете репетировать его раньше, чем возвратится Немирович. А если бы сей акт побыл у меня еще дня 2–3, то вышел бы, пожа-

луй, сочной. «Трое» — хорошая вещь, но написана по-старому и потому читается нелегко людьми, привыкшими к литературе. И я тоже еле дочитал до конца.

Выздоровела? То-то! Хотя во время болезни ты хорошая девочка и хорошие письма пишешь, но все же не смей больше болеть.

Со мной обедает много дам, есть москвички, но я ни полслова. Сижу надутый, молчу и упорно ем или думаю о тебе. Москвички то и дело заводят речь о театре, видимо желая втянуть меня в разговор, но я молчу и ем. Мне бывает очень приятно, когда тебя хвалят. А тебя, можешь ты себе представить, очень хвалят. Говорят, будто ты хорошая актриса. Ну, деточка, будь здорова и счастлива. Я твой! Возьми меня и съешь с уксусом и прованским маслом. Крепко тебя целую.

Твой Antoine.

Книппер О. Л., 30 декабря 1900 (12 января 1901)*

3236. О. Л. КНИППЕР
30 декабря 1900 г. (12 января 1901 г.) Ницца.

30 дек. 1900.

Милая актриска, сегодня совершенно летний, очаровательный день, и я начинаю его с того, что сажусь писать сие письмо. Последние твои письма немножко хмурые*, но это ничего, не надолго. Главное, не хворай, моя радость. Вчера я и Немирович обедали у Ковалевского в Beaudeau; он, т. е. Немирович, чувствует себя, по-видимому, недурно и щеголяет в красном с белыми полосами галстукe; его кикимора сидела дома*. Вчера же получил письмо от Вишневого*. Пишет, что на генеральной репетиции первых двух актов он был великолепен. От Маши или матери писем нет до сих пор и, конечно, не будет. Написал в Ялту* одному доктору, просил его написать, в каком положении мой дом. Меня, моя милая, дома не балуют, не думай во всяком случае, что я скотина неблагодарная. Ты уже выходишь из дому и бываешь на репетициях? Ты знакома с теми переделками, какие я внес в III и IV акты? А знакома со II актом? Переписали для вас роли? Или же читаете по старым тетрадкам? Вишневский писал, что Соленого играет Санин, а Вершинина Качалов

*. Последний будет неплох, а если Санин не перегрубит, то будет как раз на месте.

Мне уже захотелось в Россию. Не вернуться ли мне домой в феврале? Как ты думаешь, ангел мой?

Целую тебя крепко, пронзительно. Обнимаю.

Твой Antoine.

Здесь скоро зацветут абрикосы.

1901 (январь-март)

Книппер О. Л., 1 (14) января 1901*

3237. О. Л. КНИППЕР
1 (14) января 1901 г. Ницца.

Félicite maman oncle Nicolacha actrissa
Souhaite bonheur argent gloire[16].

Tschehoff.

На бланке:

Olga Knipper. Mersliakovsky. Moscou.

**Московскому Художественному театру,
1 (14) января 1901***

3238. МОСКОВСКОМУ ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТЕАТРУ

1 (14) января 1901 г. Ницца.

Votre ami devoué envoie souhaits sincères.
Soyez heureux[17].

Tchechoff.

На бланке:

Moscou. Théâtre Artistique.

**Алексееву (Станиславскому) К. С., 2 (15)
января 1901***

3239. К. С. АЛЕКСЕЕВУ (СТАНИСЛАВСКО-
МУ)

2 (15) января 1901 г. Ницца.

2 янв. 1901 г.

Многоуважаемый Константин Сергеевич, Ваше письмо, посланное до 23 дек<абря>, я получил только вчера. На конверте не было написано адреса, и письмо вышло из Москвы, судя по почтов<ому> штемпелю, 25 декабря — так что, стало быть, причины запоздания были.

Поздравляю Вас с новым годом, с новым счастьем и, если можно надеяться, с новым театром*, который Вы скоро начнете строить. И желаю Вам штук пять новых великолепных пьес. Что касается старой пьесы «Трех се-

стер», то читать ее на графинином вечере нельзя* ни в каком случае. Я умоляю Вас, ради создателя, не читайте, ни в каком случае, ни под каким видом, иначе причините мне немалое огорчение.

IV акт послан мною уже давно*, до Рождества, на имя Владимира Ивановича. Я внес много перемен*. Вы пишете, что в III акте Наташа при обходе дома*, ночью, тушит огни и ищет жуликов под мебелью. Но, мне кажется, будет лучше, если она пройдет по сцене, по одной линии, ни на кого и ни на что не глядя, à la леди Макбет, со свечой — этак короче и страшней.

Марию Петровну поздравляю с новым годом и шлю ей сердечный привет и пожелание всего хорошего, главное — здоровья.

От всей души благодарю Вас за письмо, которое меня так порадовало. Крепко жму Вам руку.

Ваш А. Чехов.

Книппер О. Л., 2 (15) января 1901

(«Милая моя дуся...»)*

3240 О. Л. КНИППЕР

2 (15) января 1901 г. Ницца.

2 янв. 1901 г.

Милая моя дуся, хорошая, славная девочка, удивительная, сейчас мне принесли с почты твое письмо, которое ты послала еще 11 дек. Письмо чудесное, великолепное и, слава небесам, оно не пропало. Твои письма, вероятно, все уже получены*, и теперь не беспокойся, таракаша, — все благополучно. От матери и Маши до сих пор не получил ни одного письма*, хотя 20-го дек<абря> они уже имели мой точный адрес*.

Здесь жить беспокойно, знакомых больше, чем в Ялте, нигде не спрячешься. Просто не знаю, что делать. Получил длинное письмо от К. С. Алексеева*. Написал он его до 23 дек<абря>, а получил я только вчера. Пишет насчет пьесы, хвалит исполнителей, в том числе и тебя. Немирович под арестом*; Катишь не отпускает его ни на шаг от себя, и я его поэтому не вижу. В пятницу водил его к Ковалевскому обедать*, без нее. Вчера я ел блины у здешнего вице-консула Юрасова. Получил вчера громаднейший букет от неизвестной дамы; повертевши его в руках, разделил на малые бу-

кеты, которые и послал нашим русским дамам (из Pension Russe), чем и умилил их.

Здесь, дуся моя, удивительная погода. Хожу в летнем. Так хорошо, что даже совестно. Уже два раза был в Monte-Carlo, послал тебе оттуда телеграмму и письмо*. Милая моя дуся, ты сердисься, что я не пишу, и пугаешь, что не будешь писать мне. Но ведь без твоих писем я зачахну. Пиши почаще и подлиннее. Длинные письма у тебя очень хорошие, я люблю их, прочитываю по нескольку раз. Я даже не знал, что ты такая умная. Пиши, дочка, пиши, заклинаю тебя небесами.

Ты сказала Сулержицкому, что в Египет я не поеду?* Скажи, милая. Я теперь пишу* и буду писать, чтобы летом ничего не делать. Да и здесь так тепло, что никуда не хочется. Я тебя люблю*, но ты, впрочем, этого не понимаешь. Тебе нужен муж, или, вернее, супруг, с бакенбардами и с кокардой, а я что? Я — так себе. Как бы ни было, все-таки я целую тебя крепко, обнимаю неистово и еще раз благодарю за письмо, благословляю тебя, моя радость. Пиши мне, пиши. Умоляю!!

Твой Тотто, титулярный советник

и кавалер.

Книппер О. Л., 2 (15) января 1901 («Ты хандришь теперь, дуся моя...»)*

3241 . О. Л. КНИППЕР

2 (15) января 1901 г. Ницца.

2 янв. 1901.

Ты хандришь теперь, дуся моя, или весела? Не хандри, милюся, живи, работай и почаще пиши твоему старцу Антонию. Я не имею от тебя писем уже давно, если не считать письма от 12 дек<абря>*, полученного сегодня, в котором ты описываешь, как плакала, когда я уехал. Какое это, кстати сказать, чудесное письмо! Это не ты писала, а, должно быть, кто-нибудь другой по твоей просьбе. Удивительное письмо.

Немирович не бывает у меня. Третьего дня я послал ему телеграмму* с просьбой, чтобы он приехал ко мне «seul»[18] — вот и причина, или, как говорят семинаристы, притчина. А между тем нужно повидаться с ним, поговорить насчет письма, которое я получил от Алексеева*. Сегодня я весь день сижу дома, как и вчера. Не выхожу. Причина: приглашен

к обеду одной высокопоставленной особой, сказался больным. Нет фрака, нет настроения. Сегодня заходил ко мне москвич Маклаков. Что еще? А больше ничего.

Опиши мне хоть одну репетицию «Трех сестер»*. Не нужно ли чего прибавить или что убавить? Хорошо ли ты играешь, дуся моя? Ой, смотри! Не делай печального лица ни в одном акте. Сердитое, да, но не печальное. Люди, которые давно носят в себе горе и привыкли к нему, только посвистывают и задумываются часто. Так и ты частенько задумывайся на сцене, во время разговоров. Понимаешь?

Конечно, ты понимаешь, потому что ты умная. Поздравлял ли я тебя с новым годом в письме? Неужели нет? Целую тебе обе руки, все 10 пальцев, лоб и желаю и счастья, и покоя, и побольше любви, которая продолжалась* бы подольше, этак лет 15. Как ты думаешь, может быть такая любовь? У меня может, а у тебя нет. Я тебя обнимаю, как бы ни было...

Твой Тото.

Изредка присылай мне какую-нибудь га-

зетку (кроме «Русск<их> ведом<остей>»)*, приклеив 2-х коп. марку.

Получил поздравительную телеграмму из Киева от Соловцова*.

Чеховой Е. Я., 4 (17) января 1901*

3242. Е. Я. ЧЕХОВОЙ
4 (17) января 1901 г. Ницца.

4 янв. 1901.

Милая мама, только сегодня пришло письмо, посланное Машей 25 дек<абря>*. Не знаю, дома ли она теперь, но во всяком случае это письмо относится и к ней. Поздравляю вас обоих с новым годом, с новым счастьем, желаю здоровья и всего хорошего. Я живу в Ницце, чувствую себя хорошо, даже очень, но соскучился и скоро, вероятно, в начале или середине февраля, вернусь уже в Ялту*. Здесь лето, тепло, ходим без калош, в летних пальто. Время бежит очень быстро, ничего не успеваю.

Вы можете не писать мне, освобождаю Вас от этой приятной обязанности, я же теперь буду писать Вам очень часто, каждые три дня, а то и чаще...

Нижайший поклон Варваре Константиновне и ее барышням, Синани, Альтшуллеру, Шаповалову, Марьюшке и Арсению, поздравляю их всех с новым годом, желаю всего хорошего. Скажите Арсению, что я не купил ему калош по той причине, что Мюр и Мерилиз сторел*.

В моей жизни нет ничего нового, писать почти не о чем. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш А. Чехов.

Поклон С. П. Бонье*.

Вишневному А. Л., 5 (18) января 1901*

3243. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ
5 (18) января 1901 г. Ницца.

Милый Александр Леонидович, 9 rue Gounod или Pension Russe — это решительно всё равно. Поздравляю Вас* с новым годом, с новым счастьем, желаю побольше денег, славы и хорошей невесты. Во фрак Вы облакаетесь только в I акте*; относительно темляка (черного лакированного ремня) Вы совершенно правы. По крайней мере до IV акта нужно носить форму, какая была до 1900 г.

Что новенького? Что хорошенького? Здесь тепло, совершенное лето, но, вероятно, в феврале я уже потянусь назад в Россию*.

Будьте здоровы и счастливы. Желаю Вам всего очень хорошего.

Ваш А. Чехов.

6 янв. 1901.

На обороте:

Александрю Леонидовичу Вишневскому.

Москва, Неглинный проезд, «Тюрби».

Moscou. Russie.

Чехову Ал. П., 5 (18) января 1901*

3244 . Ал. П. ЧЕХОВУ
5 (18) января 1901 г. Ницца.

Милый отче, я и не думал на тебя сердиться. Откуда ты взял?

С новым годом, с новым счастьем! Желаю здоровья и побольше денег. У меня ничего нет нового, всё старо. Поживу здесь до середины февраля, а потом уеду в Ялту. Пришли мне из «Исторического вестника» свою статью об* А. П. Коломнине. Мой адрес: 9 rue Gounod, Nice (заграничные письма требуют 10 коп. марку — это кстати сказать). Ну, будь здоров, по-

клонись Наталии Александровне и своим сынам, пиши мне. Всё благополучно. Мать в Ялте.

Твой А. Чехов.

6 янв. 1901.

На обороте:

Александр Павловичу Чехову.

Петербург, Удельная, 9. Petersbourg. Russie.

Чехову И. П., 5 (18) января 1901*

3245 . И. П. ЧЕХОВУ
5 (18) января 1901 г. Ницца.

5 янв. 1901.

9 rue Gounod, Nice.

С новым годом, с новым счастьем! Желаю тебе, милый Иван, Соне и Володе жить долго и счастливо.

Теперь просьба. По прилагаемому чеку получи в Лионском кредите (Crédit Lyonnais) на Кузнецком 37 р. и отдай эти деньги какому хочешь священнику, чтобы он отслужил панихиду по рабе божией Ольге. Это поручение или просьба одной русской барышни, которая хочет помянуть свою мать.

Нового ничего нет. В феврале, вероятно, я

уже буду в России. Здесь уж очень хорошо, даже совестно.

Crédit Lyonnais открыт до 4 часов. Деньги выдадут без удостоверения личности, только, пожалуй, захвати с собой паспорт. Во всяком случае, не сердись за это поручение.

Будь здоров и благополучен. На днях я виделся с проф<ессором> Духовским, встречал с ним Новый год; говорили о тебе между прочим.

Соне и Володе низжайший поклон и привет.

Твой А. Чехов.

37 рублей — это 100 франков.

На конверте:

Monsieur J. Tchekhoff. Moscou.

Москва. Ивану Павловичу Чехову. Миусское училище.

Вишневскому А. Л., 6 (19) января 1901*

3246 . А. Л. ВИШНЕВСКОМУ
6 (19) января 1901 г. Ницца.

Милый Александр Леонидович, как только Маша приедет в Москву*, пожалуйста, известите меня. Нового ничего нет, всё благопо-

лучно. Будьте здоровы и благополучны тоже,
не забывайте Вашего

А. Чехова.

Как идет пьеса? Черкните, не ленитесь.

На обороте:

Александрю Леонидовичу Вишневскому.

Москва.

Неглинный проезд, мебл. к-ты «Тюрби».

Moscou. Russie.

Книппер О. Л., 6 (19) января 1901*

3247. О. Л. КНИППЕР

6(19) января 1901 г. Ницца.

6 янв. 1901.

Милая, шустрая моя девочка, я давно уже не имею от тебя писем; очевидно, ты махнула на меня рукой. Кстати сказать, я получил от тебя все письма, которые ты послала; особенно можно поручиться за те, на которых был мой полный адрес, без адреса же сильно запаздывали, попадая к Черткову; но всё же я получил все до одного.

Милюся моя, в Pension Russe я уже кончил свои наблюдения, хочу теперь переехать в другой отель, тоже в какой-нибудь бойкий и

многолюдный. Как только перееду, немедленно телеграфирую. Здесь, в Pension Russe, я изучал киевских профессоров* — опять хоть комедию пиши! А какие ничтожные женщины, ах, дуся, какие ничтожные! У одной 45 выигранных билетов, она живет здесь от нечего делать, только ест да пьет, бывает часто в Monte-Carlo, где играет трусливо, а под 6-е января не едет играть, потому что завтра праздник! Сколько гибнет здесь русских денег, особенно в Monte-Carlo.

От Маши получил, наконец, письмо*. Теперь буду писать матери каждые три дня, чтобы не скучала. Вчера я писал Вишневскому* и назвал его в письме Александром Леонтьевичем — так зовут здесь одного русского доктора*, который был у меня как раз, когда я писал письмо.

Как идут «Три сестры»?* Ни одна собака не пишет мне об этом. Ты тоже не пишешь, и я тебя вздую за это. Немирович был в Ментоне, величественно прожил в Hôtel Prince de Galles, величественно никого и ничего не видел и сегодня уезжает; его умная и находчивая супруга остается здесь. Я их редко видел.

Ты мне не пишешь*. Если ты влюбилась в кого-нибудь, то напиши*, чтобы я не смел мысленно целовать тебя и даже обнимать, как делаю это теперь. Ну, дуся, прощай, до свиданья! Живи, глупенькая, уповай на бога. Не сомневайся.

Твой Antoine.

Членову М. А., 6 (10) января 1901*

3248. М. А. ЧЛЕНОВУ
6 (19) января 1901 г. Ницца.

6 янв. 1901.

9 rue Gounod, Nice.

Многоуважаемый Михаил Александрович, будьте добры, припомните один из наших разговоров — насчет клиники кожных болезней*, и напишите мне поскорее, сколько нужно денег для постройки клиники, и если достаточно 120 тысяч, то телеграфируйте мне* по адресу: Pension Russe, Nice. Содержание этого письма пока пусть останется между нами.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

Книппер О. Л., 7 (20) января 1901*

3249. О. Л. КНИППЕР
7 (20) января 1901 г. Ницца.

7 янв. 1901.

Милая пьяница, сейчас получил твое письмо с описанием вечера у Лужского*. Ты спрашиваешь о судьбе письма*, или, вернее, трех писем, вложенных в один конверт. Не беспокойся, дуся, я получил. Спасибо.

В «Вестнике Европы» только что прочел повесть Боборыкина «Однокурсники»*. Повесть прескверная, скучная, но интересная — в ней изображается Художеств<енный> театр и восхваляется М. П. Лилина*. Ты прочти. Идет речь о «Чайке» и «Дяде Ване»*.

Мне здесь уже надоело жестоко.

Будь здорова, молодежь, становись все более и более интересной, чтобы старичку не было обидно.

Ты ничего не пишешь о том, как идет пьеса*, как и что, можно ли рассчитывать и проч. и проч. Очень возможно, что 15 янв<аря> я поеду в Алжир*. Ты все-таки пиши мне по старому адресу, т. е. в Ниццу, а отсюда будут пересылать в Алжир. Хочу поглядеть на Сахару.

Ну, будь здорова. Крепко обнимаю тебя,
моя душка.

*Твой Тото, потомственный почетный ака-
демик*.*

Чеховой Е. Я., 8 (21) января 1901*

3250. Е. Я. ЧЕХОВОЙ
8 (21) января 1901 г. Ницца.

Милая мама, я жив и здоров и радуюсь, что
Вы не скучаете*. Скажите Арсению, что землю
около хвойных деревьев унаваживать нельзя;
под сосны и кипарисы можно сыпать только
удобренную землю, а не навоз. Пусть Арсений
валит навоз и за ручьем.

Под новый год был у нас на квартире пи-
рог со счастьем, и счастье досталось мне.
Очень радуюсь тому, что Бунин гостит у нас*,
жалею, что меня нет дома. Вчера получил
письмо от Маши, где она пишет о смерти на-
шего журавля*. А как поживают псы?

Будьте здоровы, через три дня опять при-
шлю письмо. Желаю всего хорошего. Поклон
Марьюшке и Арсению. А Маша уехала?*

Ваш А. Чехов.

8 янв. 1901 г.

На обороте:

*Евгении Яковлевне Чеховой. Ялта. Jalta.
Russie.*

Книппер О. Л., 11 (24) января 1901*

3251. О. Л. КНИППЕР
11 (24) января 1901 г. Ницца.

11 янв. 1901.

Жестокая, свирепая женщина, сто лет прошло, как от тебя нет писем*. Что это значит? Теперь письма доставляются мне аккуратно, и если я их не получаю, то виновата в этом только ты одна, моя неверная.

На сих днях, если море не будет так бурно, как теперь, я уезжаю в Африку*. Адрес мой остается все тот же, т. е. Nice, 9 rue Gounod, и тут будут знать, где я. В Африке пробуду недолго, недели две.

Все время здесь чудесная летняя погода, тепло, чудно, цветы, дамы, велосипеды, но — увы! — все это только олеография, а не картина, для меня по крайней мере.

Пиши, собака! Рыжая собака! Не писать мне писем — это такая низость с твоей стороны! Хоть бы написала, что делается с «Тремя

сестрами»*. Ты еще ничего мне не писала о пьесе, решительно ничего, кроме того, что была-де на репетиции или репетиции сегодня не было. Отколочу я тебя непременно, чёрт подери.

Приехала в Москву Маша?*

Дни прибавляются, скоро весна, моя славная, хорошая актриска, скоро увидимся. Пиши, голубчик, умоляю тебя.

Твой Тото.

Чеховой Е. Я., 13 (26) января 1901*

3252. Е. Я. ЧЕХОВОЙ

13 (26) января 1901 г. Ницца.

Милая мама, я жив и здоров; надеюсь, что и Вы здоровы. Здесь очень хорошая погода, тепло, как летом, сухо, и окна можно держать открытыми. Скажите Арсению, чтобы он окопал землю около маслин и тоже бы удобрил. Я недолго буду здесь, скоро приеду. Нового ничего нет. Кланяйтесь Варваре Константиновне*, Синани и Надежде Ивановне*, а также Софье Павловне*. Бабушке* поклон особый. Если Арсений сделает в саду все, как нужно, то ему будет от меня награда. Желаю Вам всего

хорошего, будьте здоровы и благополучны, не забываюте меня.

Ваш А. Чехов.

13 янв. 1901.

На обороте:

Евгении Яковлевне Чеховой. Ялта. Jalta. Russie.

Книппер О. Л., 14 (27) января 1901*

3253. О. Л. КНИППЕР
14 (27) января 1901 г. Ницца.

14 янв.

Милая актриса, я беспокоюсь. Во-первых, ты писала, что ты больна, и во-вторых, я читал в «Русск<их> вед<омостях>», что «Дядя Ваня» отменяется*. Зачем, зачем ты играешь, дуручка, если в самом деле ты больна? Зачем ты не бережешь себя, а прыгаешь, не спишь до 7 часов утра? О, как бы следовало забрать тебя в лапы! Твои письма я получаю аккуратно, прочитываю их по два, по три раза. Отчего ты не пишешь ничего насчет «Трех сестер»? Как идет пьеса? Ты писала только насчет Санина и Мейерхольда*, но вообще о пьесе не писала вовсе, и я подозреваю, что пьеса моя

уже проваливается*. И когда я здесь виделся с Немировичем-Данченко и говорил с ним, то мне было очень скучно* и казалось, что пьеса непременно провалится и что для Художественного театра я больше писать не буду.

Я был немножко нездоров, теперь же ничего, всё обстоит благополучно. Собираюсь с Ковалевским в Алжир* и, вероятно, уеду туда 21 января. Теперь море бурное, надо переждать. Адрес мой все-таки остается прежний, т. е. 9 rue Gounod, Nice. С парохода и из Алжира я буду писать тебе, дуся моя, почти каждый день, а ты читай и потом хотя изредка вспоминай обо мне. Если ты будешь болеть, то, честное слово, я разведусь с тобой, а до развода поколочу, так чтобы потом целую неделю ты ходила с подбитым глазом.

Пришел с визитом секретарь консульства — помешал писать. При нем получил твое письмо*. Я получаю все твои письма весьма аккуратно, но только ты пишешь не каждые 2 дня, а немножко реже, дуся моя. Ну, да бог с тобой.

Цветов Марии Федоровне я не посылал*, но с удовольствием послал бы, если бы был уве-

рен, что они не замерзнут. И тебе тоже послал бы. На душе у меня ржавчина. Милюся моя, будь здорова, работай, не кисни, не сиди по долгу в гостях, пиши мне почаще и поподробней. Я тебя крепко целую. Твой Тото*, отставной лекарь и заштатный драматург.

Тихомирову И. А., 14 (27) января 1901*

3254. И. А. ТИХОМИРОВУ
14 (27) января 1901 г. Ницца.

14 янв. 1901.

Многоуважаемый Иоасаф Александрович, только что получил Ваше письмо, Вы меня очень порадовали, спасибо Вам громадное. Вот ответы на Ваши вопросы: 1) Ирина не знает, что Тузенбах идет на дуэль*, но догадывается, что вчера произошло что-то неладное, могущее иметь важные и притом дурные последствия. А когда женщина догадывается, то она говорит: «Я знала, я знала».

2) Чебутыкин поет только слова*: «Не угодно ль этот финик вам принять...» Эти слова из оперетки, которая давалась когда-то в Эрмитаже. Названия не помню, справьтесь, если угодно, можете у архитектора Шехтеля

(собств. дом, близ церкви Ермолая). Другого ничего Чебутыкин петь не должен, иначе уход его затянется.

3) Действительно, Соленый думает, что он похож на Лермонтова*; но он, конечно, не похож — смешно даже думать об этом... Гримироваться он должен Лермонтовым. Сходство с Лермонтовым громадное, но по мнению одного лишь Соленого.

Простите, так ли я ответил, удовлетворили Вас... В моей жизни ничего нового, всё по-старому. Возвращусь, вероятно, раньше, чем думал, и очень возможно, что в марте буду уже дома*, т. е. в Ялте.

Мне никто ничего не пишет о пьесе, Владимир Иванович, когда был здесь, молчал, и мне казалось, что пьеса надоела и не будет иметь успеха. Ваше письмо, спасибо Вам, немножко растрясло мою меланхолию*. Будьте здоровы, поклонитесь Вашей сестре*. Желаю Вам здоровья и всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

На конверте:

Москва. Его Высокоблагородию Иоасафу Александровичу Тихомирову.

Каретный ряд, 1й Знаменский пер., д. Вашкевич. Moscou. Russie.

Чеховой Е. Я., 14 (27) января 1901*

3255. Е. Я. ЧЕХОВОЙ
14 (27) января 1901 г. Ницца.

14 янв. 1901.

Милая мама, почтовую повестку передайте Арсению*; пусть он получит деньги и снесет их Сергею Яковлевичу Елпатьевскому, живущему в Ялте, в собственном доме — это выше Средина.

Я здоров. Желаю Вам всего хорошего и полного благополучия. Поклон бабушке*.

Ваш А. Чехов.

Чеховой М. П., 14 (27) января 1901*

3256. М. П. ЧЕХОВОЙ
14 (27) января 1901 г. Ницца.

Милая Маша, около 15–20 января ты получишь от Маркса деньги — тысяч пятнадцать*. Положи их пока в какой-нибудь банк. Я собираюсь в Алжир, но ехать туда всё мешает погода. Из Алжира вернусь в Ниццу ненадолго, а потом поеду в Россию, вероятно в Ялту.

Здесь очень хорошо, но становится скучно, так как работается очень вяло; да и нездоровится*. Теперь я чувствую себя недурно, но неделю назад было не ахти. Нового нет ничего. Что привезти тебе* из-за границы? Напиши. Действует ли у нас в Ялте водопровод? Была ли ты на репетиции моей пьесы* и — как идет? Боюсь, что скверно. Я хотя и поеду в Алжир, но адрес мой остается прежний, т. е. 9 rue Gounod, Nice. Будь здорова и благополучна, кланяйся Ольге Леонардовне и всем, кто бывает у нас в Москве. Получил из Ялты от Средина длинное письмо*.

Твой А. Чехов.

Деревьев у нас в Ялте много*; это только кажется, что их мало. Лет через 5-10 будет тесно. Увидишь.

На обороте:

Марии Павловне Чеховой.

Москва, Мл. Дмитровка, д. Шешкова.

Moscou. Russie.

**Алексееву (Станиславскому) К. С., 15
(28) января 1901***

3257. К. С. АЛЕКСЕЕВУ (СТАНИСЛАВСКОМУ)

15 (28) января 1901 г. Ницца.

15 янв. 1901.

Многоуважаемый Константин Сергеевич, большое Вам спасибо за письмо. Конечно, Вы тысячу раз правы, тело Тузенбаха не следует показывать вовсе*; я это сам чувствовал, когда писал, и говорил Вам об этом, если Вы помните. Что конец напомнил «Дядю Ваню» — это беда небольшая. Ведь «Дядя Ваня» моя пьеса, а не чужая, а когда напоминаешь в произведении самого себя, то говорят, что это так и нужно. Фразу «не угодно ль финик этот вам принять» Чебутыкин не говорит, а поет. Это из оперетки, а из какой — не помню, хоть убейте. Справиться можно у архитектора Ф. О. Шехтеля, живущего в собств<енном> доме, близ церкви Ермолая, на Садовой.

Большое Вам спасибо за то, что написали*. Кланяюсь низко Марии Петровне и всем артистам, желаю всего хорошего. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш А. Чехов.

**Васильевой О. Р., между 3 и 17 (16 и 30)
января 1901***

3258. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ Между
3 и 17 (16 и 30) января 1901 г.
Ницца.

Всё занято!*

А. Чехов.

Пока нет, Николай Иванович* обещает за-
няться сим вопросом.

Вишневскому А. Л., 17 (30) января 1901*

3259. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ
17 (30) января 1901 г. Ницца.

Милый Александр Леонидович, большое
Вам спасибо за письмо и поздравление*. В III
акте, конечно, Вы можете явиться в формен-
ной тужурке*, это так; но почему во II акте Вы
входите в гостиную в шубе?* Почему? Впро-
чем, быть может, это так выходит. Как знаете.

Я жив и здоров, чего и Вам желаю. Не забы-
вайте об авторе*, пишите хоть изредка, сооб-
щайте новости. Сегодня я именинник, но об
этом в Ницце никто не знает, и я доволен, я
доволен, я доволен*. Желаю Вам здравия и
успехов. И все-таки Вам не мешает женить-
ся — на блондинке высокого роста, полной,

румяной, которая умела бы печь блины, очень вкусные, и ложилась бы спать в 8 часов вечера. Жму руку.

Ваш А. Чехов.

На обороте:

Александрю Леонидовичу Вишневскому.

Москва.

Неглинный проезд, мебл. к-ты «Тюрби».

Moscou. Russie.

Книппер О. Л., 17 (30) января 1901*

3260. О. Л. КНИППЕР
17 (30) января 1901 г. Ницца.

17 янв.

Дуся моя, не беспокойся, твои письма я получаю аккуратно и готов держать пари, что ни одно не пропало. Спасибо тебе, милая собачка. И если в последнее время, как ты пишешь, я буду получать от тебя короткие письма* и получать их не часто, то — пусть будет так. Работы у тебя в самом деле много, хотя, надо думать, пьеса не пойдет в этом сезоне, пойдет только в Петербурге*.

Зачем ты спрашиваешь у меня про фотографию Леля?* Взяла бы да и прислала. А ко-

гда я получу твою настоящую фотографию??

Теперь я здоров вполне. В Алжир собираемся, но едва ли скоро поедем, так как море беспокоит. Сегодня, например, буря. Да, народу у меня бывает достаточно*, достаточно мешают мне и раздражают; и сегодня сидели у меня с 5 часов вечера до 11 ½. Работать не могу, и больше от злости. Хочу после Алжира отправиться прямо в Ялту.

Дуся, ведь я сегодня именинник. Здесь никто не знает об этом, к счастью. Когда придет Маша, то сообщи ей, что на ее имя придет от Маркса из Петербурга сумма денег*, какую пусть она получит.

Кланяюсь в ножки, целую, обнимаю и опять кланяюсь в ножки.

Твой старец Антоний.

Что привезти тебе? Или что прислать?

Конечно, третий акт надо вести тихо на сцене*, чтобы чувствовалось, что люди утомлены, что им хочется спать... Какой же тут шум? А за сценой показано, где звонить.

Чеховой Е. Я., 17 (30) января 1901*

3261 . Е. Я. ЧЕХОВОЙ

17 (30) января 1901 г. Ницца.

Милая мама, сегодня, 17 января, я получил письмо от Маши*, а вчера вечером поздравительную телеграмму от Варвары Константиновны*; пожалуйста, поблагодарите ее за память и поклонитесь. Я жив и здоров. Нового ничего нет. Пакет иголок привезу Вам. Скажите Арсению, чтобы он около каждой розы окопал и удобрил землю. Как поживает наш калека-журавль? А умный Каштанка?

Поклонитесь бабушке и Арсению. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

От С. П. Бонье получил телеграмму*. Скоро приеду — в феврале.

На обороте:

Евгении Яковлевне Чеховой. Ялта. Jalta. Russie.

Вишневному А. Л., 18 (31) января 1901*

3262. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ
18 (31) января 1901 г. Ницца.

Милый Александр Леонидович, будьте добры, похлопочите, во что бы то ни стало, насчет двух билетов на мою пьесу для податель-

ницы сего г-жи Матвеевой. Очень меня этим обяжете.

Будьте здоровы!!

Ваш А. Чехов.

18 янв. 1901.

На обороте:

Александрю Леонидовичу Вишневскому.

Гольцеву В. А., 18 (31) января 1901*

3263. В. А. ГОЛЬЦЕВУ
18 (31) января 1901 г. Ницца.

Милый Виктор Александрович, сейчас получил известие, что ты заболел и отправился в Крым. Неужто? Ради создателя, сообщи мне возможно подробнее, что с тобой*. В Крыму, пишут, теперь погода скверная*, и ты, вероятно, скучаешь отчаянно. Отчего бы тебе не приехать в Ниццу? Здесь тепло, совершенно летняя погода, а главное, жизнь дешевая, дешевле крымской во всяком случае, и не такая скучная. Имей в виду, я жду скорейшего и подробного ответа. Во всяком случае будь здоров, голубчик мой, не скучай и держи себя соответственно.

Твой А. Чехов.

18 янв. 1901.

На обороте:

Виктору Александровичу Гольцеву.

Алушта, Таврич. губ., д. Тихомирова. Russie, Crimée.

**Членову М. А., 19 января (1 февраля)
1901***

3264. М. А. ЧЛЕНОВУ
19 января (1 февраля) 1901 г.
Ницца.

19 янв. 1901.

Дорогой Михаил Александрович, шлю Вам краткий ответ на Ваше письмо. Деньги жертвует*, или, пока вернее, собирается пожертвовать, некая г-жа Васильева. Это барышня 20–22 лет. Я прочту ей часть Вашего письма, именно ту часть, в которой идет речь о на-кожных болезнях, о сифилисе же помолчу. Мне кажется, что нужно устроить лечебницу только для на-кожных болезней, только с на-учной целью; для сифилитиков же рано или поздно устроит сам город, или можно будет сыскать другого жертвователя. Как Вы полагаете? Жертвуемая сумма равна 120 тыс., но

может быть и 130 — это смотря по тому, сколько дадут за продаваемые в Одессе дома. Сегодня я буду у г-жи Васильевой и поговорю с ней, и, так надо полагать, через месяц вопрос будет решен уже окончательно, т. е. Вы будете иметь новую больницу.

Судя по тону Вашего письма, Вы думаете, что это я собираюсь пожертвовать, из собственных средств... Увы! Я бы не был в состоянии пожертвовать даже двадцатой части; у меня уже ничего нет.

Опять-таки держите пока в секрете и впредь никому не говорите ни одного слова о моем вмешательстве в судьбы московской медицины.

Адрес для телеграмм: Nice, 9 Gounod, Tschchoff. Во Франции не понимают, что значит Anton Pavlovitch, и потому, пожалуйста, не пишите.

Будьте здоровы, крепко жму руку. Скоро буду еще писать.

Преданный А. Чехов.

Вы еще не женились?

**Васильевой О. Р., 20 января (2 февраля)
1901***

3265. О. Р. ВАСИЛЬБЕВОЙ
20 января (2 февраля) 1901 г.
Ницца.

Вы пишете про бумагу*, «как листик, кото-
рый прилагаю», а листика-то в конверте и не
оказалось, и я не знаю, какая это бумага.

Будьте здоровы.

Vous A. Чехов.

20 янв.

На обороте:

Mademoiselle Wassilieff.

**Книппер О. Л., 20 января (2 февраля)
1901 («Sante merveilleuse...»)***

3266. О. Л. КНИППЕР
20 января (2 февраля) 1901 г.
Ницца.

Santé merveilleuse*[19].

Antoine.

На бланке:

Olga Knipper. Mersliakovsky. Moscou.

**Книппер О. Л., 20 января (2 февраля)
1901 («Милая актрисуля...»)***

3267. О. Л. КНИППЕР
20 января (2 февраля) 1901 г.
Ницца.

20 янв. 1901.

Милая актрисуля, эксплуататорша души моей, зачем ты прислала мне телеграмму? Уж лучше бы про себя телеграфировала, чем по такому пустому поводу. Ну как «Три сестры»? Судя по письмам, все вы несете чепуху несоветимую. В III акте шум*...Почему шум? Шум только вдали, за сценой, глухой шум, смутный, а здесь на сцене все утомлены, почти спят... Если испортите III акт, то пьеса пропала, и меня на старости лет ошибают. Тебя Алексеев в своих письмах очень хвалит и Вишневский тоже*. Я хотя и не вижу, но тоже хвалю. Вершинин произносит «трам-трам-трам» — в виде вопроса*, а ты — в виде ответа, и тебе это представляется такой оригинальной штукой, что ты произносишь это «трам-трам» с усмешкой... Проговорила «трам-трам» — и засмеялась, но не громко, а так, чуть-чуть. Такого лица, как в «Дяде Ване», при этом не надо делать, а моложе и живей.

Помни, что ты смешливая, сердитая. Ну, да я на тебя надеюсь, дуся моя, ты хорошая актриса*.

Я же говорил тогда*, что труп Тузенбаха проносить неудобно по Вашей сцене*, а Алексеев стоял на том, что без трупа никак нельзя. Я писал ему, чтобы труп не проносили, не знаю, получил ли он мое письмо.

Если пьеса провалится, то поеду в Монте-Карло и проиграюсь там до положения риз.

Меня уже потягивает из Ниццы, хочется уехать. Но куда? В Африку пока нельзя, потому что море бурное, а в Ялту не хочется. Должно быть, во всяком случае в феврале я уже буду в Ялте, а в апреле — в Москве, у своей собаки. И потом из Москвы уедем куда-нибудь вместе.

Нового у меня нет решительно ничего. Будь здорова, дуся моя, актриса отчаянная, не забывай обо мне и люби меня хоть немножко, хоть на копейку.

Я тебя целую и обнимаю. Желаю счастья. А 400 р. в самом деле маловато*, ты заслужила гораздо больше.

Ну, оставайся здорова.

Твой старец Антоний.

Чеховой Е. Я., 20 января (2 февраля)

1901*

3268. Е. Я. ЧЕХОВОЙ

20 января (2 февраля) 1901 г.

Ницца.

Милая мама, Вы пишете, что не получаете от меня писем*, между тем я пишу Вам каждые три дня, а то и чаще. Благодарю Вас за письмо и за поздравление. Я жив и здоров, и всё обстоит благополучно. Газет здесь я не получаю*, очевидно, редакции не знают, где я, и потому не высылают Вам газет. Напишите Маше, пусть подпишется на «Новости дня»*. Скоро весна, в феврале уже будут в Ялте цветы абрикосы. Поклонитесь Варваре Константиновне и передайте ей мою сердечную благодарность за все. Будьте здоровы и богом хранимы, не скучайте, покупайте у Вернэ пирожные и почаще гуляйте. Марьюшке и Арсецию поклон, а если И. А. Бунин еще у Вас*, то и ему поклон, самый нижайший. Здесь тепло.

Ваш А. Чехов.

20 янв.

На обороте:

Евгении Яковлевне Чеховой. Ялта. Jalta.

Russie.

**Книппер О. Л., 21 января (3 февраля)
1901***

3269. О. Л. КНИППЕР
21 января (3 февраля) 1901 г.
Ницца.

Воскресенье.

Милюся моя, покаяние Маши в III акте во-
все не есть покаяние*, а только откровенный
разговор. Веди нервно, но не отчаянно, не
кричи, улыбайся хотя изредка и так, главным
образом, веди, чтобы чувствовалось утомле-
ние ночи. И чтобы чувствовалось, что ты ум-
нее своих сестер, считаешь себя умнее, по
крайней мере. Насчет «трам-там-там» делай,
как знаешь*. Ты у меня толковая.

Вчера я послал тебе телеграмму. Получи-
ла?

Я пишу, конечно, но без всякой охоты. Ме-
ня, кажется, утомили «Три сестры», или по-
просту надоело писать, устарел. Не знаю. Мне
бы не писать лет пять, лет пять путешество-

вать, а потом вернуться бы и засесть. И так — «Три сестры» не пойдут в Москве в этом сезоне*? Вы ставите их первый раз в Петербурге?* Кстати, имей в виду, что в Петербурге Вы не будете иметь никакого успеха. Это, конечно, к счастью, ибо после Петербурга вы уже не станете путешествовать, а засядете в Москве. Ведь ездить на гастроли — это совсем не ваше дело. В Петербурге сборы будут, но успеха — ни капельки, извини меня, пожалуйста.

Будь здорова, супружница милая. Остаюсь любящий тебя

Академик Тото.

**Васильевой О. Р., 24 января (6 февраля)
1901***

3270. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ
24 января (6 февраля) 1901 г.
Ницца.

Вобла — это рыба*, похожая на тарань, сухая, продаваемая в лавках по пятаку за штуку. Завтра я буду у Вас*, вероятно, в 1–2 часа и дам ответ на остальные вопросы.

Вы уже спите? Спокойной ночи.

А. Чехов.

24 янв. 1901.

На обороте:

Mademoiselle Wassilieff. Hôtel Grimaldi.

**Книппер О. Л., 24 января (6 февраля)
1901***

3271. О. Л. КНИППЕР
24 января (6 февраля) 1901 г.
Ницца.

24 янв. 1901.

Дуся моя, замечательная женщина, я все не еду в Алжир, потому что море бурно и мои компаньоны отказываются ехать*. Кончится тем, что я наплюю и поеду к себе в Ялту. Кстати же, там, пишут, хорошая погода* и, кстати же, там теперь мать в одиночестве.

Посылаю тебе свою фотографию*.

Получил письмо от М. Ф. Желябужской*, благодарит за цветы, которых я не посылал ей. Получил от тебя известие, что в III акте вы ведете Ирину под руки*...Зачем это? Разве это в твоём настроении? Ты не должна покидать дивана. И разве Ирина сама не дойдет? Что за новости? Полковник прислал мне длинное письмо*, жалуется на Федотика, Родэ и Соле-

ного; жалуется на Вершинина, на его безнравственность; помилуй, он совращает с пути чужую жену! Думаю, однако, что сей полковник исполнил то, о чем я просил его, т. е. военные будут одеты по-военному. Трех сестер и Наташу он очень хвалит, кстати сказать. Хвалит и Тузенбаха.

Целую тебя крепко и обнимаю крепко. Зовут обедать. Пришел консул и советует в Алжир не ехать. Говорит, что теперь время мистраля. Я совершенно здоров, не кашляю, но скука ужасная. Скучно мне без Москвы, без тебя, собака ты этакая.

Итак, я тебя целую.

Иеромонах Антоний.

**Чеховой Е. Я., 24 января (6 февраля)
1901***

3272. Е. Я. ЧЕХОВОЙ
24 января (6 февраля) 1901 г.
Ницца.

Милая мама, я жив и здоров, чего и Вам желаю. Скажите Арсению, чтобы он ничего не сажал без меня*, я скоро приеду*, должно быть, в начале поста. Пишут, что в Ялте те-

перь стало тепло. Не знаю, правда ли это.

Я привезу Вам иголок и мыла. И бабушке тоже будет подарок.

Нового ничего нет, всё по-старому. Будьте здоровы, богом хранимы; выходите почаще гулять, а то заболеее от сидячей жизни. Поклон Варваре Константиновне, бабушке и Арсению. Низко Вам кланяюсь и шлю тысячу пожеланий, самых лучших.

Ваш А. Чехов.

24 янв. 1901.

На обороте:

Евгении Яковлевне Чеховой. Ялта. Jalta.

Russie.

**Вишневскому А. Л., 25 января (7
февраля) 1901***

3273. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ
25 января (7 февраля) 1901 г.
Ницца.

Милый Александр Леонидович, перед фразой: «Главное во всякой жизни — это ее форма» — прибавьте слова*: «Наш директор говорит».

Все отзываются весьма одобрительно, да-

же с восторгом о Вашей игре*. Как поживаете?
Что нового?

Жму руку.

Ваш А. Чехов.

Четверг.

На обороте:

Александру Леонидовичу Вишневскому.

*Москва, Неглинный проезд, мебл. к-ты
«Тюрби». Moscow. Russie.*

**Андреевой М. Ф., 26 января (8 февраля)
1901***

3274. М. Ф. АНДРЕЕВОЙ
26 января (8 февраля) 1901 г.

Ницца.

26 янв. 1901.

Милая Мария Федоровна, я не посылая Вам цветов, но, пожалуйста, пусть будет так, точно я послал Вам их, иначе конфузу моему и огорчению не будет меры. Ваше письмо доставило мне такую радость, что выразить Вам не могу. Спасибо Вам большое, необыкновенное, и считайте теперь меня Вашим неоплаченным должником.

Вы пишете, что в последний свой приезд я

огорчил Вас*, что будто я боялся откровенно поговорить с Вами насчет «Трех сестер»* и т. д. и т. д. Господи помилуй! Я не боялся откровенно поговорить, а боялся помешать Вам и нарочно старался молчать и, елико возможно, сдерживал себя, чтобы именно не помешать Вашей работе. Если бы я был в Москве, то разве только после десятой репетиции стал бы делать свои замечания, да и то только в мелочах. Мне пишут из Москвы, что Вы превосходны в «Трех сестрах», что играете Вы прямо-таки чудесно, и я рад, очень, очень рад и — дай бог Вам здоровья! Считайте меня Вашим должником, вот и всё.

Сегодня я уезжаю в Алжир, пробуду там недели две, а потом в Россию. Что Вы будете играть в Петербурге, я очень жалею, так как не люблю Петербурга и не высоко ставлю его вкусы. Андрею Алексеевичу низко кланяюсь и шлю привет; и детям тоже. Бывайте здоровеньки, да хранят Вас ангелы небесные.

Преданный А. Чехов.

**Книппер О. Л., 26 января (8 февраля)
1901***

3275. О. Л. КНИППЕР
26 января (8 февраля) 1901 г.
Ницца.

26 янв. 1901.

Ну, дуся моя хорошая, сегодня, по всей вероятности, я уезжаю в Алжир. Ты все же пиши в Ниццу, отсюда перешлют мне, или одно-два письма напиши по адресу: Alger, post. rest. Из Алжира я двинусь в Ялту, там посижу с месяц, а потом уеду куда-нибудь со своей собакой. По слухам, идущим от моих спутников*, пробуду я в Алжире недели две, включая сюда и время, которое я потрачу на поездку в Сахару. Из Сахары вернусь я тропически знойным, пылким адски.

Как прошли «Три сестры»?* Телеграфируйте мне так: Alger, post. rest. Телеграфируйте подлиннее, не щадя живота моего. Здесь в последние дни стало холодно, холодно как в Ялте, и я рад, что уезжаю. Если, мамуся моя, вечером начнется на море волнение, тогда, повинуясь спутникам своим, поеду не в Алжир, а в Италию, в Неаполь — и об этом напишу тебе не позже, как сегодня вечером. В Мар-

сель буду ехать всю ночь... брррр!

Но, однако, у меня воспрянул дух мой, люблю я путешествовать. Моя мечта последних дней — поездка на Шпицберген летом или в Соловки*.

А ты замучилась с гостями и с репетициями*, моя славная, моя замечательная актриса? Ничего, потерпи. Что бы ни случилось, все-таки лето мы будем проводить вместе. Не так ли? Смотри, иначе я тебя отколочу.

Пойду хлопотать перед отъездом. Пасмурно, ветер, кажется, начинается. Пойду купить себе новые, извините за выражение, панталоны, а старые брошу здесь, во Франции.

Крепко целую тебя и обнимаю до отчаянности крепко. Не злись, не хандри, не делай очень серьезного лица и пиши почаще человеку, который любит тебя, несмотря на все твои недостатки. Нет, нет, дуся, я пошутил, у тебя никаких недостатков, ты у меня отменная.

Обнимаю еще раз.

Твой Антоний.

Иеромонах.

**Чеховой М. П., 26 января (8 февраля)
1901***

3276. М. П. ЧЕХОВОЙ
26 января (8 февраля) 1901 г.
Ницца.

Милая Маша, сегодня, в пятницу, я уезжаю в Алжир. Мой адрес: Alger, post. rest. Пробуду там недели две, потом поеду в Ялту. Здесь стало прохладно, да и наскучило уже. Вчера был карнавал, довольно нелепый.

Из Алжира напишу тебе, а пока будь здорова. Пиши хотя изредка, а то без писем очень скучно.

Твой А. Чехов.

На обороте:

М-лле Марии Павловне Чеховой.

Москва, Пименовский пер., д. Коровина, кв. Коновицера. Moscou. Russie.

**Васильевой О. Р., 26 января (8 февраля)
1901***

3277. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ
26 января (8 февраля) 1901 г.
Ницца.

Я уезжаю в Италию* в 12 часов ночи. Мой адрес впредь до уведомления такой: Naples, post. rest., т. е. Неаполь.

Желаю Вам всего хорошего, самого чудесного.

А. Чехов.

Пятница.

На обороте:

Mademoiselle O. Wassilieff. Hôtel Grimaldi.

Nice.

**Чеховой М. П., 26 января (8 февраля)
1901***

3278. М. П. ЧЕХОВОЙ
26 января (8 февраля) 1901 г.
Ницца.

Милая Маша, я уезжаю не в Алжир, а в Италию. Мой адрес такой: Naples, post. rest., т. е. Неаполь, до востребования.

Будь здорова. По Италии я поверчусь недели две, а потом поеду в Крым. Нового ничего.

Поклон Ефиму Зиновьевичу и Евдокии Исааковне*.

Твой А. Чехов.

Пятница.

На обороте:

М-ле Марии Павловне Чеховой.

Москва. Пименовский пер., д. Коровина, кв.

Коновицера. Moscou. Russie.

Чеховой Е. Я., 27 января (9 февраля)

1901*

3279. Е. Я. ЧЕХОВОЙ
27 января (9 февраля) 1901 г. Пи-
за.

Суббота.

Милая мама, теперь я в Италии, отсюда по-
еду домой в Ялту, значит, скоро увидимся.
Будьте здоровы и благополучны.

Ваш А. Чехов.

На обороте:

Евгении Яковлевне Чеховой. Ялта. Russia.

Чеховой М. П., 27 января (9 февраля)

1901*

3280. М. П. ЧЕХОВОЙ
27 января (9 февраля) 1901 г. Пи-
за.

Суббота.

Милая Маша, видишь, я в Италии. Не

знаю, как долго пробуду здесь, но отсюда двинусь прямо в Крым. Надеюсь, что ты здорова и всё благополучно. Здесь прохладно, пахнет зимой, но интересно и потому весело. Если ты послала мне в Ниццу письмо, то не беспокойся, я получу его в Неаполе, где буду скоро. Вероятно, в Ялту поеду из Италии морем, но это еще не наверное, а только вероятно. Если случится свободная минутка, то напишу тебе еще из Рима или Неаполя, а теперь пока до свиданья, будь здорова и весела.

Твой А. Чехов.

Письма и телеграммы на мое имя присылаются в Неаполь, post. rest.

На обороте:

Марии Павловне Чеховой.

Москва. Пименовский пер., д. Коровина, кв. Коновицера. Russia. Mosca.

**Книппер О. Л., 28 января (10 февраля)
1901***

3281. О. Л. КНИППЕР
28 января (10 февраля) 1901 г. Пиза.

Воскресенье.

Пишу это тебе из Пизы, дуся моя. Отсюда еду во Флоренцию, потом в Рим, потом в Неаполь, где получу твои письма, пересланные из Ниццы. Мой адрес для писем и телеграмм: Naples, post. rest.

Шла моя пьеса или нет?* Мне ничего неизвестно.

Из Флоренции напишу тебе подлиннее, а пока будь счастлива. Крепко, крепко тебя целую и обнимаю. Когда поедете в Петербург, напиши*. В посту я буду уже дома, в Ялте. Поеду из Италии, вероятно, морем, мимо Корфу.

Дуся моя славная, еще раз целую тебя.

Твой Antonio.

**Чехову Г. М., 28 января (10 февраля)
1901***

3282. Г. М. ЧЕХОВУ
28 января (10 февраля) 1901 г.
Флоренция.

Милый Жоржик, пишу тебе из Флоренции, где я в настоящее время пребываю. Спасибо тебе за письмо и за поздравление* с ангелом, желаю тебе, твоей маме, сестрам и Володе всего хорошего, всего самого лучшего. Здесь

тепло, как бывает в Таганроге в апреле. Сегодня приехал я сюда из Пизы, пробуду здесь дня два, а потом в Рим и Неаполь — и в конце концов, вероятно, морем в Ялту, причем, уповаю, удастся заглянуть на о. Корфу. Будь здоров, голубчик, не забывай, пиши почаще. Всем твоим поклон. Иринушке также. Поклонись и Марфочке.

Твой А. Чехов.

Воскресенье.

На обороте:

*Георгию Митрофановичу Чехову. Таганрог.
Russia. Taganrog.*

**Книппер О. Л., 29 января (11 февраля)
1901***

3283. О. Л. КНИППЕР
29 января (11 февраля) 1901 г.
Флоренция.

Понедельник.

Дуся моя, это я пишу тебе из Флоренции, где пробуду, вероятно, дня два. Одно скажу, здесь чудесно. Кто в Италии не бывал, тот еще не жил. А в комнате у меня холодище такой, что надел бы шубу, если бы она только

была.

«Три сестры» уже шли*? Ты не в духе?* Дуся моя, всё это пустяки, трын-трава.

Маше написал бы, если бы у меня был ее адрес. Ведь она, как ты пишешь, переменила квартиру*. Уповаю, что дней через 5–7 в Неаполе я найду твои письма post. rest.; без них, т. е. без писем, я очень соскучился.

Вчера был в театре на новой пьесе, очень и очень скучной. Участвовала г-жа Орлова, русская нигилистка, в которую влюбился молодой человек, но я не дождался ее выхода, ушел из театра. Сегодня «Доктор Штокман», я пойду непременно и потом тебе напишу.

Номер, очень хороший, здесь стоит 3 франка, еда тоже дешевая, а вино при обеде дают даром. В театре рутина, актеры недурные; публика сидит в шляпах.

Ну, однако, будь здорова, ангел мой, дуся хорошая, замечательная. Крепко тебя целую и обнимаю.

Твой Antoine.

Миролубову В. С., 2 (15) февраля 1901*

3284 . В. С. МИРОЛЮБОВУ
2 (15) февраля 1901 г. Рим.

Милый Виктор Сергеевич, я не в Ницце, а в Риме, можете себе представить! Отсюда поеду в Неаполь, а потом на о. Корфу. Не хотите ли со мной на Корфу? Если да, то скорее напишите мне или телеграфируйте по адресу: Roma, Hôtel Russie*. Отлично бы проехались на Корфу*. Как Вы полагаете? Ведь это два шага от Бриндизи, да еще на великолепном пароходе Австрийского Ллойда... А? Как Вы полагаете?

Жду скорейшего ответа. Со мной Максим Ковалевский*.

Крепко жму руку. Будьте здоровы!!!

Ваш А. Чехов.

2/15 февр.

Я не понял Вашего адреса.

На обороте:

S-re V. Miroljuboff. Liguria, post. rest. Nervi.

Книппер О. Л., 2 (15) февраля 1901*

3285. О. Л. КНИППЕР

2 (15) февраля 1901 г. Рим.

2 февр. 1901.

Хорошая моя девочка, я теперь в Риме. Се-

годня пришло сюда твое письмо, только одно после целой недели. Думаю, что виновата в этом моя пьеса, которая провалилась. О ней ни слуху ни духу* — очевидно, не повезло.

Ах, какая чудесная страна эта Италия! Удивительная страна! Здесь нет угла, нет вершка земли, который не казался бы в высшей степени поучительным.

Итак, я в Риме. Отсюда поеду в Неаполь, где пробуду дней пять (значит, письмо твое застанет меня там, если пошлешь), потом в Бриндизи, а из Бриндизи морем в Ялту — мимо острова Корфу, разумеется. Видишь, дуся, как я умею путешествовать! Этак ездить с места на место и на все глядеть гораздо приятнее, чем сидеть дома и писать, хотя бы для театра. Мы, т. е. я и ты, поедем вместе в Швецию и Норвегию... Давай? Будет о чем вспомнить под старость.

Я теперь совершенно здоров*, совершенно, моя милюся. Не беспокойся и сама будь здорова.

Сейчас узнал, что в Nervi сидит Миролубов (Миров), издатель «Журнала для всех», и написал ему*. Если он поедет на Корфу, то я

просижу на Корфу с неделю, пожалуй.

Со мной путешествуют двое: Максим Ковалевский и проф. Коротнев.

Крепко целую тебя, моя дуся. Извини, что мало пишу. Зато люблю много мою собаку. Ты была в Италии? Кажется, была. Значит, понимаешь мое настроение. Кстати сказать, я в Италии уже четвертый раз*.

Ем ужасно много. Получил письмо от Немировича: он тебя хвалит*.

Твой Антоний, старец.

Маша просит, чтобы я привез ей зонтик и платков. А тебе привезти чего? Жаль, что я не в Париже, в Италии же плохие зонтики, кажется.

Марксу А. Ф., 2 (15) февраля 1901*

3286. А. Ф. МАРКСУ
2 (15) февраля 1901 г. Рим.

2 февраля 1901 г. Рим.

Многоуважаемый Адольф Федорович!

Пятнадцать тысяч сестра моя получила*, о чем писала мне уже* и за что я приношу Вам мою благодарность. Два тома «Пьес»*, высланные Вами 13го января, я получил лишь сего-

дня, за что тоже сердечно благодарю Вас, и прошу выслать еще 8 томов* по адресу: Ялта. Около 20-го февраля я уже рассчитываю быть в Ялте, куда и прошу Вас адресоваться. Оттуда же, т. е. из Ялты, я сообщу Вам содержание IV тома*, и раньше сделать этого не могу, так как список произведений, входящих в этот том, утвержденный Вами, находится у меня дома... Рассказ «Воры» послан мною Вам* вместе с другими моими произведениями, и будет жаль, если Вы не разыщете его, так как это unicum. Впрочем, кажется, он был набран в типографии и прислан мне Вами уже однажды — и если это так, то я вышлю Вам его, так как все корректуры у меня целы.

Пьеса «Три сестры» печатается в «Русской мысли»* в феврале или марте, после чего будет прислана Вам.

Желаю Вам всего хорошего и прошу принять уверения в искреннем моем уважении.

А. Чехов.

Чеховой Е. Я., 2 (15) февраля 1901*

3287. Е. Я. ЧЕХОВОЙ

2 (15) февраля 1901 г. Рим.

Милая мама, я теперь в Риме. Отсюда поеду в Неаполь. Пусть Арсений скажет на почте, чтобы мою корреспонденцию никуда не посылали, а отдавали ему всю; скоро я приеду.

Писем ни от кого не получаю. Здесь в Италии прохладно.

Будьте здоровы, желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

Пятница.

На обороте:

*Евгении Яковлевне Чеховой. Ялта. Russia.
Jalta.*

Чеховой М. П., 2 (15) февраля 1901*

3288. М. П. ЧЕХОВОЙ

2 (15) февраля 1901 г. Рим.

2 февр.

Милая Маша, я не в Ницце, а в Италии. Бонье и Ольги Мих<айловны> не видел*, но напишу им насчет Коновицера сегодня же*. Здоровье мое превосходно. Сегодня я в Риме. Проживу здесь еще немного, потом в Неаполь, а потом, вероятно, на остров Корфу. Из Корфу в

Ялту. В феврале уже буду дома.

В Италии холодно, т. е. холодней, чем в Ницце, хотя большинство ходит в летнем пальто. Очень возможно, что поеду назад в Ялту морем.

Будь здорова и благополучна. Напиши мне Naples, post. rest., только поскорее, а то письмо не успеет дойти. Кланяюсь низко.

Твой А. Чехов.

На обороте:

Марии Павловне Чеховой.

Москва. Спиридоновка, д. Раевской. Mosca. Russia.

Васильевой О. Р., 4 (17) февраля 1901*

3289. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ
4 (17) февраля 1901 г. Рим.

Многоуважаемая Ольга Родионовна, я в Риме. Из Неаполя сюда прислали мне два Ваших письма, большое Вам спасибо. Очень возможно, что Ваше одесское имение стоит 200 тыс.* Только Вы не торопитесь, будьте хладнокровны, успеете продать. Я буду в Одессе проездом, наведу там справки и буду писать Вам, и, быть может, отыщется там, в

Одессе, какой-нибудь знающий человек, который скажет, сколько стоит Ваше имение, и который поучит, как Вам продать его выгоднее. Во всяком случае не торопитесь. Деньги по продаже пошлете в Москву проф. Поспелову* или московскому городскому голове* — это смотря как нас научат знающие люди.

Вы ничего не пишете о Вашем здоровье*. Вероятно, оно превосходно. А как поживает моя дочь?* Поклонитесь этой хорошей девочке и скажите ей, чтобы она не забывала меня.

Желаю Вам всего хорошего. Пишу открытое письмо, потому что нет марки и нет под рукой бумаги. Теперь мой адрес: Naples*, Hôtel Vesuvio, или лучше post. rest. Правда, лучше post. rest.

Ваш А. Чехов.

4 февр.

На обороте:

Mademoiselle O. Vassilieff. Hôtel Grimaldi.

France. Nice. Alpes Mmes. (Nizza).

Книппер О. Л., 4 (17) февраля 1901*

3290. О. Л. КНИППЕР

4 (17) февраля 1901 г. Рим.

Rome, le 4 Fevral 1901.

Милая дуся моя, я все еще в Риме. Отсюда поеду в Неаполь, из Неаполя на о. Корфу, если только, по справкам, окажется, что в Константинополе нет чумы; в противном же случае поеду в Россию на Вену.

Скверно писать, плохой огонь и большая тень лежит на бумаге. Вчера получил из Неаполя телеграмму от Немировича* с извещением, что шли «Три сестры». По его словам, женские роли были исполнены превосходно*. Теперь буду ждать от тебя письма.

Сегодня получил письмо из Лиона от Льва Антоновича*, получил из Nervi телеграмму от Миролубова*. Сегодня же с одним русским семейством и двумя барышнями осматривал древний Рим. Объяснения давал проф. Модестов, а барышни очень милые. Купил Маше зонтик, но, кажется, плохой. Купил и платки, но тоже неважные. Рим, это не Париж.

Погода здесь холодная. В Неаполь уеду завтра и пробуду там дней пять или четыре. Твои письма пересылаются мне сюда из Ниццы, милая моя девочка, ни одно не пропало. Итак, стало быть, в феврале я буду уже в Ялте;

там буду писать, писать много, впредь до свидания с тобой, а потом вместе поедем куда-нибудь. Так?

Крепко тебя целую. Будь здорова, не хандри.

Твой Antonio.

Книппер О. Л., 7 (20) февраля 1901*

3291. О. Л. КНИППЕР
7 (20) февраля 1901 г. Рим.

Rome, 20 февр. (7 февр.) 1901.

Милая моя, часа через два я уезжаю на север, в Россию. Очень уж здесь холодно*, идет снег, так что нет никакой охоты ехать в Неаполь. Итак, пиши мне теперь в Ялту.

От тебя ни одного письма насчет представления «Трех сестер»*, а между тем в «Новом времени» в телеграмме сказано, что ты играла лучше всех*, что ты отличилась. Напиши мне в Ялту подробности, напиши, дуся моя, умоляю тебя.

Писать трудно, паршивый электрический свет.

Ну, обнимаю тебя и целую крепко. Не забывай. Тебя никто не любит так, как я.

Твой Antonio.

Пиши теперь в Ялту.

Лаврову В. М., 7 (20) февраля 1901*

3292. В. М. ЛАВРОВУ
7 (20) февраля 1901 г. Рим.

Милый Вукол, корректура «Трех сестер» догнала меня в Риме*. Так как теперь уже 7-е февраля, то пьеса не успеет для февральской книжки*. Сегодня я уезжаю в Ялту, откуда и пришлю ее, а ты пока вели выслать мне «действующих лиц», которых нет в корректуре и которых нет у меня*. В Ялте я буду через 4–5 дней, т. е. около 12 фев<аля>.

Желаю тебе здоровья и спокойствия. Крепко жму тебе руку и остаюсь любящий тебя

А. Чехов.

7 февр.

На обороте:

Вуколу Михайловичу Лаврову.

Москва. Шереметевский пер., в редакции «Русской мысли». Mosca. Russia.

Чеховой М. П., 7 (20) февраля 1901*

3293. М. П. ЧЕХОВОЙ
7 (20) февраля 1901 г. Рим.

Rome, 7 февр. 1901.

Милая Маша, в Неаполь я не поеду, холод гонит домой, в Ялту, куда уже взят билет. Итак, пиши мне теперь в Ялту, где я буду* уже в тот день, когда ты получишь это письмо. Твое письмо о репетиции «Трех сестер» получил*, спасибо. Платки в Италии скверные, зонтики еще того хуже, так что поручение твое будет исполнено мною не ахти как. Вещей, кстати сказать, никаких с собой не везу, ничего не купил, кроме серых брюк, да и те короткие, так что в Ялте придется их бросить.

Я еще не читал газет насчет пьесы и ничего не знаю. Телеграмму от Немировича получил — вот и всё. Ну, будь здорова и благополучна, желаю всего хорошего.

Пиши же в Ялту.

Твой Antoine.

Поклонись Ивану с семьей его.

На конверте:

Москва. Ее Высокоблагородию Марии Павловне Чеховой.

Спиридоновка, д. Раевской. Mosca. Russia.

Книппер О. Л., 11 февраля 1901*

3294. О. Л. КНИППЕР
11 февраля 1901 г. Волочиск.

Телеграфируйте Одесса, «Лондон»*. Еду Ялту. Кланяюсь.

Чехов.

На бланке:

Москва. Мерзляковский, дом Мещериновой.

Ольге Леонардовне Книппер.

Чеховой М. П., 16 февраля 1901*

3295. М. П. ЧЕХОВОЙ
16 февраля 1901 г. Ялта.

16 февр.

Милая Маша, я уже в Ялте*. Приехал ночью, не спал и ничего не знаю насчет Москвы, насчет пьесы и проч. и проч. Сейчас зашил и завтра утром посылаю тебе посылку* «с доставкой на дом»; скажи Маше*, чтобы она сообщила почтальону, когда ты будешь дома, или спросила, когда принесут тебе посылку, — иначе придется тебе ехать в почтамт. В посылке, между прочим, найдешь платки, купленные не во Франции, а в Италии, т. е. неважные, найдешь пакет, который передай

Ивану.

Зонтик я привез тебе, он стоит в твоей комнате. Если не угодил, то извини; оправдываюсь тем, что покупка была сделана не во Франции, а в Италии, и притом холодище был отчаянный. Половину платков можешь выбросить.

Был за границей, но все же нового нет ничего, писать не о чем. Будь здорова и пиши, буде есть время.

Твой А. Чехов.

Сегодня у меня целый день народ, не дали отдохнуть.

Книппер О. Л., 19 февраля 1901*

3296 . О. Л. КНИППЕР
19 февраля 1901 г. Ялта.

Жду подробной телеграммы* здоров влюблен скучаю без собаки. Посылаю письма. Как дела здоровье настроение.

Чехов.

На бланке:

Петербург. Панаевский театр.

Ольге Леонардовне Книппер.

Боярову П. Н., 20 февраля 1901*

3297. П. Н. БОЯРОВУ
20 февраля 1901 г. Ялта.

20 февраля 1901 г., Ялта.

Многоуважаемый Пантелеймон Николаевич!

Простите, без вины виноват перед Вами. Не отвечал так долго на Ваше письмо*, потому что только вчера вернулся из-за границы. Не сердитесь, пожалуйста. Спасибо Вам большое, что меня не забываете — я плачу Вам тем же, т. е. и я помню Вас очень хорошо.

Желаю Вам всего хорошего и крепко жму руку.

Преданный

А. Чехов.

Книппер О. Л., 20 февраля 1901*

3298. О. Л. КНИППЕР
20 февраля 1901 г. Ялта.

20 февр. 1901.

Милюся, мамуся моя дивная, я тебя обнимаю и целую горячо. Пятнадцать дней был в дороге, не получал писем, думал, что ты меня разлюбила, и вдруг теперь привалило — и из

Москвы, и из Питера, и из-за границы*. Я уехал из Италии так рано по той причине, что там теперь снег, холодно и потому что стало вдруг скучно без твоих писем, от неизвестности. Ведь насчет «Трех сестер» я узнал только здесь, в Ялте, в Италию же дошло до меня только чуть-чуть, еле-еле. Похоже на неуспех, потому что все, кто читал газеты, помалкивают* и потому что Маша в своих письмах очень хвалит*. Ну, да всё равно.

Ты спрашиваешь, когда увидимся. На Святой. Где? В Москве. Куда поедем? Не знаю, решим сообща, моя замечательная умница, славная жидовочка.

В Ялте тепло, погода хорошая, в комнатах уютно, но в общем скучно. Здесь Бунин, который, к счастью, бывает у меня каждый день*. Здесь же Миролубов. Была Надежда Ивановна. Она стала слышать хуже. Средин выглядит совсем здоровым человеком. Альтшуллер пополнел.

Ну, дуся, зовут ужинать. Завтра опять буду писать, а то и после ужина. Да хранит тебя создатель. Пиши подробно, как в Петербурге. Отчего мне не пишет Вишневский?

Еще раз целую мою дусю.

Твой иеромонах

Антоний.

Кондакову Н. П., 20 февраля 1901*

3299. Н. П. КОНДАКОВУ
20 февраля 1901 г. Ялта.

20 февр. 1901 г.

Многоуважаемый Никодим Павлович, я третьего дня вернулся в Ялту, а сегодня пришло Ваше письмо, путешествовавшее 15 дней. Большое Вам спасибо! В Ницце я получил от Вас одно письмо* — и за него тоже шлю Вам сердечную благодарность, шлю теперь, так как, очевидно, Вы письма моего, ответа на Ваше, из Ниццы не получили*.

Я бежал из Ниццы в Италию, был во Флоренции и в Риме*, но отовсюду пришлось бежать, так как всюду неистовый холод, снег и — нет печей. Теперь в Ялте я отогреваюсь.

Вы спрашиваете, читаю ли я, что пишут обо мне повсюду? Нет, за границей я редко читал русские газеты; но брань Буренина читал*. Я отродясь никого не просил, не просил ни разу сказать обо мне в газетах хоть одно

слово, и Буренину это известно очень хорошо, и зачем это ему понадобилось обвинять меня в саморекламиривании и окатывать меня по-моему — одному богу известно.

С Ковалевским, который ездил со мной в Италию, мы говорили о Вас неоднократно, и он велел мне кланяться Вам. Насчет профессуры его пока еще ничего неизвестно*, он только хохочет весело; в июне едет в Америку читать лекции* и уже, кажется, получил 10 тысяч франков.

Вы в письме Вашем изъявили согласие написать о том, что будет в Художественном*. Спасибо Вам, буду ожидать с нетерпением. Мне кажется, что художественные актеры, привыкшие играть в маленьком московском театре, совсем оробеют и будут неслышны в Панаевском, этом театре-чудище.

Еще раз приношу Вам сердечное спасибо за письмо, дай Вам бог здоровья! Передайте мой поклон и сердечный привет всему Вашему семейству, будьте здоровы и благополучны.

Искренно преданный
А. Чехов.

**Тетереву (Епифанскому) А. А., 20
февраля 1901***

3300. А. А. ТЕТЕРЕВУ (ЕПИФАНСКОМУ)
20 февраля 1901 г. Ялта.

20 февраля 1901 г.

Ялта.

Милостивый государь Александр Артамонович!

Позвольте принести Вам глубокую благодарность за в высшей степени лестное для меня приветствие*, афиши и Ваше письмо, которые я принимаю с радостью и с чувством человека, не заслужившего этих подарков. Большое, большое спасибо Вам и всем подписавшимся под приветствием, и всем, принимавшим участие в вечере.

Желаю Вам всего хорошего и жму Вашу руку. Фотографию посылаю*.

Искренно преданный

А. Чехов.

Васильевой О. Р., 21 февраля 1901*

3301. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ
21 февраля 1901 г. Ялта.

21 февр. 1901 г.

Ялта.

Многоуважаемая Ольга Родионовна, наконец я приехал в Ялту. Здесь тепло, весна — и так, говорят, было всю зиму. Проездом я был в Одессе*, жил там дня два и нашел в «Одесских новостях» одного человечка, который обещал навести справки*, написать Вам и проч. и проч. В Одессе сообщили мне, между прочим, что дела торговые идут неважно, что цены на недвижимость в этом году пали чуть ли не на целую треть. Ну, да бог милостив! Как Вы живете? Приехали ли Вы в Швейцарию, или же всё еще в Ницце?* А как поживает моя прекрасная, моя послушная дочь? Помнит ли она меня? Увы, едва ли!

Низко Вам кланяюсь и прошу не забывать и в случае отъезда всякий раз сообщать свой новый адрес.

Крепко жму руку.

Ваш А. Чехов.

В Ялте тепло, но скучно адски, скучно до чёртиков

Марксу А. Ф., 21 февраля 1901*

3302. А. Ф. МАРКСУ
21 февраля 1901 г. Ялта.

21 февраля 1901 г.

Ялта.

Многоуважаемый Адольф Федорович!

В настоящее время я нахожусь в Ялте, куда и прошу Вас адресовать письма. У меня сохраняется список рассказов, составляющих содержание каждого тома*, этот список составлен Вами — и я посылаю Вам его копию. В IV том, кроме рассказов, указанных в списке, должен войти еще рассказ «Пассажир I класса», выпущенный мною из III тома*.

Желаю Вам всего хорошего и остаюсь искренно преданным.

А. Чехов.

Книппер О. Л., 22 февраля 1901*

3303. О. Л. КНИППЕР
22 февраля 1901 г. Ялта.

22 февр. 1901.

Дуся моя милая, ну как живешь в Петербурге?* Мне кажется, что сей город скоро надоест вам всем и опротивеет своею холодно-

стью, своим пустозвонством, и ты, бедняжка, начнешь скучать. Вчера получил от Немировича телеграмму* о том, что «Одинокие» успеха не имели* — значит, уже начинается канитель. Как бы ни было, мне кажется, в Петербург вы больше уже никогда не поедете.

Здесь погода не холодная, но серая, грязноватая, скучная. Публика серая, вялая, обеды дома невкусные. «Русская мысль» напечатала «Трех сестер» без моей корректуры*, и Лавров-редактор в свое оправдание говорит, что Немирович «исправил» пьесу*...Стало быть, моя дуся, пока всё неинтересно, и если бы не мысли о тебе, то я бы опять уехал за границу.

Когда будет светить солнце, начну работать в саду. Теперь облачно и сыро. Деревья в этом году пойдут очень хорошо, так как они уже пережили одно лето и принялись.

Отчего ты мне не пишешь? Здесь пока я получил от тебя только одно письмо и одну телеграмму*. Ты весела, и слава богу*, моя дуся. Нельзя киснуть.

По-видимому, у вас абонемент до четвертой недели поста. А потом как? В Москву вернетесь? Напиши, голубчик.

Я тебя крепко обнимаю и целую, ужасно крепко. Хочется поговорить с тобой, или, вернее, поразговаривать. Ну, прощай, до свиданья. Пиши же мне, не ленись.

Твой Антоний иеромонах.

Чехову М. П., 22 февраля 1901*

3304 . М. П. ЧЕХОВУ
22 февраля 1901 г. Ялта.

22 февр. 1901.

Милый Мишель, я вернулся из-за границы и теперь могу ответить на твое письмо. Что ты будешь жить в Петербурге*, это, конечно, очень хорошо и спасительно, но насчет службы у Суворина ничего определенного сказать не могу, хотя думал очень долго. Конечно, на твоём месте я предпочёл бы службу в типографии, газетой же пренебрег бы. «Новое время» в настоящее время пользуется очень дурной репутацией, работают там исключительно сытые и довольные люди (если не считать Александра, который ничего не видит), Суворин лжив, ужасно лжив*, особенно в так называемые откровенные минуты, т. е. он говорит искренно, быть может, но нельзя пору-

читься, что через полчаса же он не поступит как раз наоборот. Как бы ни было, дело это нелегкое, помоги тебе бог, а советы мои едва ли могут оказать тебе какую-либо помощь. Служа у Суворина, имей в виду каждый день, что разойтись с ним очень не трудно, и потому имей наготове казенное место или будь присяжным поверенным.

У Суворина есть хороший человек — это Тычинкин, по крайней мере, был хорошим человеком. Сыновья его*, т. е. Суворина, ничтожные люди во всех смыслах, Анна Ивановна* тоже стала мелкой. Настя и Боря*, по-видимому, хорошие люди. Был хорош Коломнин, но умер недавно*.

Будь здоров и благополучен. Напиши мне, что и как. Ольге Германовне и детям в Петербурге будет хорошо, лучше, чем в Ярославле.

Напиши подробности, буде они уже есть. Мать здорова.

Твой А. Чехов.

На конверте:

Ярославль. Михаилу Павловичу Чехову. Казенная палата.

Книппер О. Л., 23 февраля 1901*

3305. О. Л. КНИППЕР
23 февраля 1901 г. Ялта.

23 февр.

Милая моя актрисуля, замечательная моя собака, за что ты на меня сердишься, отчего не пишешь мне? Отчего не телеграфируешь! Жалеешь деньги на телеграммы? Телеграфируй мне на 25 р., честное слово, отдам и, кроме того, еще обязуюсь любить тебя 25 лет.

Я дня три был болен, теперь как будто бы ничего, отлегло маленько. Был болен и одинок. Из петербургских газет я получаю одно «Новое время»* и потому совсем ничего не знаю о ваших триумфах*. Вот если бы ты прислала мне газеты, напри~~м~~^{ер} «Биржевые ведомости» и «Новости»*, т. е. те места из них, где говорится о вашем театре. Впрочем, это скучно — чёрт с ним.

Ты не написала, как долго будешь сидеть в Питере*, кого выдаешь там, что делаешь. Будет ли ужин (или обед) в «Жизни»?* Если будет, то непременно опиши. Завидую тебе, я давно уже не обедал хорошо.

Тебя ждет у меня флакон духов. Большой

флакон.

Был Бунин здесь, теперь он уехал — и я один. Впрочем, изредка заходит Лавров, издатель «Русской мысли». Он видел тебя в «Трех сестрах» и очень хвалит*.

Нового ничего нет. Итак, жду от тебя письма, моя славная актрисуля, не ленись, бога ради, и не зазнавайся очень. Помни, что жена да убоится мужа своего.

Твой иеромонах.

Книппер О. Л., 25 февраля 1901*

3306. О. Л. КНИППЕР
25 февраля 1901 г. Ялта.

Послано три письма* все благополучно. Жду телеграммы подлиннее. Как настроение.

На бланке:

Петербург. Больш. Морская 16. Книппер.

Книппер О. Л., 26 февраля 1901*

3307. О. Л. КНИППЕР
26 февраля 1901 г. Ялта.

Миленьякая, сегодня уже 26 февр<аля>, а от тебя нет писем, нет! Отчего это? Писать не о чем или Петербург со своими газетами донял

тебя* до такой степени, что ты и на меня махнула рукой? Полно, дуся, всё это чепуха. Я читаю только «Новое время» и «Петербур<ургскую> газету» и не возмущаюсь, так как знал давно, что будет так. От «Нового времени» я не ждал* и не жду ничего, кроме гадостей, а в «Петербург<ской> газете» пишет Кугель*, который никогда не простит тебе за то, что ты играешь Елену Андреевну* — роль г-жи Холмской*, бездарнейшей актрисы, его любовницы. Я получил телеграмму от Поссе* о том, что всем вам грустно. Наплюй, моя хорошая, наплюй на все эти рецензии и не грусти*.

Не приедешь ли с Машей в Ялту на Страстной неделе*, а потом бы вместе в Москву вернулись? Как ты думаешь? Подумай, моя радость.

Я был нездоров, кашлял и проч., теперь легче стало, сегодня уже выходил гулять, был на набережной.

28 фев<ря> в «Новом времени» юбилей*. Боюсь, как бы Суворину не устроили скандала... Мне не «Новое время жаль, а тех, кто скандалил бы...

«Долго еще ты не будешь мне писать? Ме-

сяц? Год?

Целую тебя крепко, крепко, моя родная.
Господь тебя благословит.

Твой Антоний

иеромонах.

Васильевой О. Р., 27 февраля 1901*

3308. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ
27 февраля 1901 г. Ялта.

27 февр. 1901.

Многоуважаемая Ольга Родионовна, большое Вам спасибо за письмо и за доброе расположение. Мать, получив Вашу фотографию, обрадовалась и тотчас же приказала мне написать Вам, что она благодарит и что она по-прежнему любит Вас.

О больнице, которую Вы желаете построить, поговорим*, когда Вы будете в Москве. Лучше и толковее советчика, как д-р П. И. Куркин, Вы не найдете* нигде в свете. А если Вам мало его, то я предоставлю Вам смоленских врачей.

Что касается одесского дома*, то лучше всего обождать немного, обождать хотя один год, хотя полгода. Нужно, чтобы Вы сами побыва-

ли в Одессе и убедились в том, что Ваш дом и место около него стоят не 125 и не 200 тысяч, а не менее 300. Жить Вам придется еще много (по крайней мере, еще 60 лет), продать успеете так же, как успеете и прожить все денежки. Если найду какого-нибудь опытного и честного одессита, то поручу ему осмотреть и оценить Ваш дом, потом напишу Вам.

Пишите нам, пожалуйста, почаще, не забывайте нас. Если б Вы знали, как здесь в Ялте скучно, какая погода, серая и унылая!

Ну, храни Вас бог. Не забывайте.

Преданный

А. Чехов.

Книппер О. Л., 1 марта 1901*

3309. О. Л. КНИППЕР
1 марта 1901 г. Ялта.

1 март.

Милая моя, не читай газет, не читай вовсе*, а то ты у меня совсем зачахнешь. Впредь тебе наука: слушайся старца иеромонаха. Я ведь говорил, уверял, что в Петербурге будет неладно*, — надо было слушать. Как бы ни было, ваш театр никогда больше в Питер не

поедет* — и слава богу.

Я лично совсем бросаю театр, никогда больше для театра писать не буду. Для театра можно писать в Германии, в Швеции, даже в Испании, но не в России, где театральных авторов не уважают, лягают их копытами и не прощают им успеха и неуспеха. Тебя бранят теперь первый раз в жизни, оттого ты так и чувствительна, со временем же обойдется, привыкнешь. Но, воображаю, как дивно, как чудесно чувствует себя Санин!* Вероятно, все рецензии таскает в карманах, высоко, высоко поднимает брови...

А тут замечательная погода, тепло, солнце, абрикосы и миндаль в цвету... На Страстной я жду тебя, моя бедная обруганная актриска, жду и жду, это имей в виду.

Я послал тебе в феврале с 20 по 28-е пять писем и три телеграммы*; просил тебя телеграфировать мне, но — ни слова в ответ. От Яворской я получил телеграмму по поводу «Дяди Вани»*.

Напиши, до какого дня вы все будете в Питере. Напиши, актриска.

Я здоров — честное слово.

Обнимаю.

Твой иеромонах.

Кондакову Н. П., 2 марта 1901*

3310. Н. П. КОНДАКОВУ
2 марта 1901 г. Ялта.

2 марта 1901.

Многоуважаемый Никодим Павлович!

Большое, сердечное Вам спасибо за книгу*.

Я прочел ее с большим интересом и с большим удовольствием. Дело, между прочим, в том, что моя мать, уроженка Шуйского уезда, 50 лет назад бывала в Палехе и Сергееве (это в 3-х верстах от Палеха) у своих родственников иконописцев, тогда они жили очень богато; те, что в Сергееве, жили в двухэтажном доме с мезонином, громадном доме. Когда я сообщил матери содержание Вашей книги, она оживилась и стала рассказывать про Палех и Сергеево, про этот дом, который тогда уже был стар. По сохранившимся у нее впечатлениям, тогда была хорошая, богатая жизнь; при ней получались заказы из Москвы и Петербурга для больших церквей.

Да, народные силы бесконечно велики и

разнообразны, но этим силам не поднять того, что умерло. Вы называете иконопись мастерством, она и дает, как мастерство, кустарное производство; она мало-помалу переходит в фабрику Жако и Бонакера, и если Вы закроете последних, то явятся новые фабриканты, которые будут фабриковать на досках, по закону, но Хóлуй и Палех уже не воскреснут. Иконопись жила и была крепка, пока она была искусством, а не мастерством, когда во главе дела стояли талантливые люди; когда же в России появилась «живопись» и стали художников учить, выводить в дворяне, то появились Васнецовы, Ивановы, и в Хóлуе и Палехе остались только одни мастера, и иконопись стала мастерством...

Кстати сказать, в избах мужицких нет почти никаких икон; какие старые образа были, те погорели, а новые — совершенно случайны, то на бумаге, то фольге.

Я «Геншеля» не видел и не читал*, таким образом, совсем не знаю, что эта за пьеса. Но Гауптман мне нравится, и я считаю его большим драматургом. Да и по игре, притом только одного акта, нельзя судить, а если играла

Роксанова, то и подавно.

Мне все эти дни нездоровилось. Напал кашель, да такой, какого у меня давно уже не было.

Ваша книжка об иконописи написана горячо, даже местами страстно, и потому читается она с живейшим интересом. Несомненно, иконопись (Палех и Хóлуй) уже умирают*, или вымирают, и если бы нашелся человек, который написал бы историю русской иконописи! Ведь этому труду можно было бы посвятить целую жизнь.

Однако чувствует мое сердце, что я уже надоел Вам. К отлучению Толстого публика отнеслась со смехом*. Напрасно архиереи в свое воззвание всадили славянский текст. Очень уж неискренно или пахнет неискренним. Будьте здоровы и богом хранимы и по возможности не забывайте искренно Вас уважающего и преданного

А. Чехова.

Чеховой М. П., 2 марта 1901*

3311 . М. П. ЧЕХОВОЙ
2 марта 1901 г. Ялта.

2 март.

Милая Маша, купи мне чашку* для чая таких размеров, как моя московская чашка, — и привези. Не забудь, пожалуйста. Купи тогда же побольше икры, колбас и всяких закусок, даже, если захочешь везти с собой, вестфальский окорок. Это à propos.

У нас изумительная весенняя погода. Миндаль в цвету, копаемся в саду, не хочется ничего делать по письменной части.

Воды много, изредка она бежит в бак, а в трубах бывает день и ночь.

Сегодня получил от Кондакова из Петербурга письмо* такого содержания: «Сегодня давали в Панаевском театре „Геншеля“, и я, выдержав первый акт, несмотря на то, что часто зажимал себе уши, чтобы не слышать истерических воплей, ушел с начала 2-го акта домой. Подобную бездарную игру, какую мне привелось видеть, я видал, но столь наглой и бездарной пьесы, признаюсь, еще не видел».

Нового ничего нет. Все благополучно. Скоро начнем ждать тебя. Напиши, что тебе известно про Мишу*, его переход в «Новое время».

Будь здорова и благополучна.

Твой А. Чехов.

Арбушевской Л. Ю., 3 марта 1901*

3312. Л. Ю. АРБУШЕВСКОЙ
3 марта 1901 г. Ялта.

Многоуважаемая

Любовь Юлиановна, сегодня я посылаю посылкою, между прочим, второй том «Экономического роста Европы до возникновения капиталистического хозяйства» и первую и вторую части первого тома «Происхождение современной демократии»* — обе книги М. Ковалевского. Таким образом, в настоящее время у Вас имеется *полное* собрание сочинений М. Ковалевского. Часть я выслал из-за границы.

Желаю Вам всего хорошего.

Преданный

А. Чехов.

Ялта. 3 марта.

На обороте:

Таганрог. Ее Высокоблагородию Любови Юлиановне Арбушевской.

Городская библиотека.

Поссе В. А., 3 марта 1901*

3313

В. А. ПОССЕ

3 марта 1901 г. Ялта.

3 марта 1901.

Ялта.

Милый Владимир Александрович, большое Вам спасибо за телеграмму* и вообще за память. Немножко запоздалая благодарность, простите, но лучше поздно, чем никогда, выражаясь по-умному. Будьте добры, вспомните, что я одинок, что я в пустыне, сжальтесь и напишите, во-первых, что нового в цивилизованном мире*, во-вторых, где теперь Горький*, куда ему писать, и, в-третьих, не думаете ли Вы приехать в Ялту отдохнуть.

Рассказ пришлю непременно*. «Трое» Горького в январск<ой> книжке мне чрезвычайно понравились по тону письма. Девки неверны, таких нет, и разговоров таких никогда не бывает, но всё же приятно читать. В декабрьск<ой> книжке мне не так понравилось, чувствовалось напряжение. И напрасно Горький с таким серьезным лицом творит (не пишет, а именно творит), надо бы полегче,

немножечко бы свысока.

Итак, пустынный ждет от Вас подробнейшего письма. Не поленитесь, пожалуйста.

Кашель у меня свирепый, уже 5–6 дней, но в общем здоровье мое хорошее, грех пожаловаться.

Будьте живеньки, здоровеньки, не забывайте Вашего

А. Чехова.

Коновицеру Е. З., 5 марта 1901*

3314. Е. З. КОНОВИЦЕРУ
5 марта 1901 г. Ялта.

5 март 1901.

Милый Ефим Зиновьевич, как это ни странно, но в настоящее время я могу располагать только восемью тысячами, из коих притом пять положены в банк на три года. Но всё же, мне кажется, это не решает вопроса, вероятно, можно сделать что-нибудь, чтобы газетный пай остался при Вас*. Сколько Вы должны всего? Или сколько нужно Вам для того, чтобы окончательно разделаться с долгами?* Вы напишите мне, а я пока подумаю и, быть может, придумаю что-нибудь.

Как поживаете? Что нового? Я немножко похварывал, неделю, а теперь, кажется, ничего.

Крепко жму Вам руку и низко кланяюсь. Итак, стало быть, я буду ждать ответа, а пока будьте здоровы и благополучны.

Ваш А. Чехов.

На конверте:

Москва. Его Высокоблагородию Ефиму Зиновьевичу Коновицеру.

Пименовский пер., д. Коровина.

Чехову М. П., 5 марта 1901*

3315. М. П. ЧЕХОВУ
5 марта 1901 г. Ялта.

5 март.

Милый Мишель, то, что говорит мой Иванов доктору Львову*, говорит человек утомленный, поношенный; напротив, человек должен постоянно если не вылезать, то выглядывать из своей раковины, и должен он мудрствовать всю свою жизнь, иначе то уже будет не жизнь, а житие. Против жизни в Петербурге я ничего не имею*, это хороший город, к нему легко привыкнуть, как к Москве;

вопрос же в том, где служить. Я в письме своем был против суворинской газеты; там можно печатать только беллетристику, да и то держась далеко в стороне. Служить же в типографии — это другое дело; типография у него очень хорошая во всех смыслах. Но лучше бы всего иметь в Питере какое-нибудь место, в каком-нибудь департаменте и по вечерам заниматься литературой. Кропотов груб*, но имей в виду, что Суворин еще грубее, и служить только у него одного — это хуже гораздо, чем служить в Чернигове или Бобруйске. А вот так бы: до обеда где-нибудь в департаменте, а вечером у него в типографии (на манер Тычинкина, учителя гимназии) — этак было бы хорошо.

Мне мешают писать это письмо, всё ходят ко мне. Поклонись Ольге Германовне и детишкам, пожелай им от меня всего хорошего. Будь здоров; всё устроится, конечно, и всё будет благополучно.

Мать здорова. Новостей нет.

Твой А. Чехов.

Если есть свободное время, то пиши мне, я буду отвечать.

На конверте:

Ярославль. Его Высокоблагородию Михаилу Павловичу Чехову.

Романовская ул., д. Никольского.

Васильевой О. Р., 6 марта 1901*

3316. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ
6 марта 1901 г. Ялта.

6/19 марта 1901.

Ялта.

Многоуважаемая Ольга Родионовна, неужели, неужели Вы еще в Ницце? А я давно уже послал Вам письмо в Женеву*, полагая, что Вы давно уже там; и адресоваться-то к Вам я велел в Одессе насчет имения — в Женеву. Уж не роман ли у Вас в Ницце?

Когда я проезжал через Одессу*, там был снег, пропасть снегу, как в Иркутске, и холодно. В Одессе я поговорил с редактором «Одесских новостей»* насчет продажи Вашего имения, редактор рекомендовал одного человечка, которого я и послал, сказавши ему, чтобы он не беспокоил Вашего старика* и ничего бы не говорил ему. Сей посланный мною человек сказал мне, между прочим, что дела в Одессе

сильно пали и что цена недвижимых имуществ опустилась в этом году чуть ли не на одну треть. Я на это ему сказал, что продавать Вы не спешите и что если теперь нельзя продать подороже, то можно будет подождать. Ведь так?

Я был нездоров немножко в Ялте*. Погода здесь чудесная, летняя, я очарован, хотя и сильно кашляю.

Смотрите, напишите же мне, когда Вы уезжаете из Ниццы. Конечно, за книги, которые Вы желаете прислать мне, т. е. не прислать, а присылать, я Вам благодарен бесконечно. Две английские книжки* мною получены и уже отправлены в Таганрог.

Пришлите мне фотографию моей дочери, пожалуйста. Только не в шубе, а в том самом платьишке, в каком она была тогда при мне*, и с той же необычайно широкой улыбкой.

Крепко жму Вам руку и желаю всего, всего хорошего. Будьте здоровы и счастливы.

Ваш А. Чехов.

Из Одессы Вам напишут или уже написали в Женеву (я там дал Ваш адрес — в Женеву).

Книппер О. Л., 7 марта 1901*

7 март 1901.

Я получил анонимное письмо, что ты в Питере кем-то увлеклась*, влюбилась по уши. Да и я сам давно уж подозреваю, жидовка ты, скряга. А меня ты разлюбила, вероятно, за то, что я человек не экономный, просил тебя разориться на одну-две телеграммы*...Ну, что ж! Так тому и быть, а я всё еще люблю тебя по старой привычке, и видишь, на какой бумажке пишу тебе*.

Скряга, отчего ты не написала мне, что на 4-й неделе остаешься в Петер<бурге>* и не поедешь в Москву? А я всё ждал и не писал тебе, полагая, что ты поедешь домой.

Я жив и, кажется, здоров, хотя всё еще кашляю неистово. Работаю в саду, где уже цветут деревья; погода чудесная, такая же чудесная, как твои письма, которые приходят теперь из-за границы*. Последние письма — из Неаполя. Ах, какая ты у меня славная, какая умная, дуся! Я прочитываю каждое письмо по три раза — это *minimum*. Итак, работаю

в саду, в кабинете же скудно работается; не хочется ничего делать, читаю корректуру* и рад, что она отнимает время. В Ялте бываю редко, не тянет туда, зато ялтинцы сидят у меня подолгу, так что я всякий раз падаю духом и начинаю давать себе слово опять уехать или жениться, чтобы жена гнала их, т. е. гостей. Вот получу развод из Екатеринославской губ.* и женюсь опять. Позвольте сделать Вам предложение.

Я привез тебе из-за границы духов, очень хороших. Приезжай за ними на Страстной. Непременно приезжай, милая, добрая, славная; если же не приедешь, то обидишь глубоко, отравишь существование. Я уже начал ждать тебя, считаю дни и часы. Это ничего, что ты влюблена в другого и уже изменила мне, я прощу тебя, только приезжай, пожалуйста. Слышишь, собака? Я ведь тебя люблю, знай это, жить без тебя мне уже трудно. Если же у вас в театре затеются на Пасхе репетиции*, то скажи Немиров<ич>у, что это подлость и свинство.

Сейчас ходил вниз, пил там чай с бубликами. Получил я письмо из Петербурга от акаде-

мика Кондакова*. Он был на «Трех сестрах» — и в восторге неопisanном. Ты мне ничего не написала об обедах, которые задавали вам*, напиши же хоть теперь, хотя бы во имя нашей дружбы. Я тебе друг, большой друг, собака ты этакая.

Получил сегодня из Киева от Соловцова длинную телеграмму* о том, что в Киеве шли «Три сестры», успех громадный, отчаянный и проч. Следующая пьеса*, какую я напишу, будет непременно смешная, очень смешная, по крайней мере по замыслу.

Ну, бабуся, будь здорова, будь весела, не хандри, не тужи. От Яворской и я удостоился: получил телеграмму насчет «Дяди Вани»!* Ведь она ходила к вам в театр с чувством Сарры Бернар, не иначе, с искренним желанием осчастливить всю труппу своим вниманием. А ты едва не полезла драться!

Я тебя целую восемьдесят раз и обнимаю крепко. Помни же, я буду ждать тебя. Помни!

Твой иеромонах Антоний.

Марксу А. Ф., 7 марта 1901*

3318

А. Ф. МАРКСУ

7 марта 1901 г. Ялта.

7 марта 1901 г.

Ялта.

Многоуважаемый Адольф Федорович!

Несколько дней назад я уже послал Вам копию со списка рассказов моих, разделенных на томы*, теперь же прошу Вас исключить из этого списка рассказ «Белолобый», который вошел в III том*. Во всем остальном список верен.

Возвращая Вам последнюю часть корректуры IV тома*, прошу Вас сделать распоряжение*, чтобы типография выслала мне корректуру конца «Степи», рассказа «Тина» и начала рассказа «Тайный советник» — корректуру, которая почему-то мне не была выслана, хотя, судя по присланному оригиналу, IV том уже весь набран, тем более должна быть набрана его середина.

Пожелав Вам всего хорошего, остаюсь искренно Вас уважающим и преданным.

А. Чехов.

В IV том должен войти еще рассказ «Пассажир I класса»*.

Никольской Е. А., 7 марта 1901*

3319. Е. А. НИКОЛЬСКОЙ
7 марта 1901 г. Ялта.

7 марта 1901.

Милостивая государыня Елизавета Александровна!

В прошлом году, в апреле и в мае*, я был очень болен, в конце Страстной недели у меня было сильное кровотечение — и я не мог прочесть Вашей рукописи в скором времени. А теперь я Вашей рукописи никак не найду у себя, хотя перерыл все бумаги; вероятно, в письме Вашем Вы не предупредили меня, что рукопись должна быть возвращена Вам, и я перед отъездом за границу уничтожил ее вместе со своими бумагами. Простите, пожалуйста.

А. Чехов.

Чеховой М. П., 7 марта 1901*

3320. М. П. ЧЕХОВОЙ
7 марта 1901 г. Ялта.

7 марта.

Милая Маша, купи и привези также клеверу, хотя бы фунта два.

Газону я выписал из Одессы 20 фунтов.
Всё благополучно, будь здорова.

Твой Antoine.

На обороте:

Москва. Марии Павловне Чеховой.

Спиридоновка, д. Раевской.

Тараховскому А. Б., 8 марта 1901*

3321 . А. Б. ТАРАХОВСКОМУ
8 марта 1901 г. Ялта.

8 марта 1901 г.

Ялта.

Многоуважаемый Абрам Борисович, вернувшись из-за границы, я нашел у себя на столе «Приазовский край», который я получаю и в этом году, очевидно благодаря Вам. Позвольте же мне поблагодарить Вас* от всей души за память обо мне и внимание.

У нас настоящая весна, но я всё сижу дома — приехал и заболел. Вот уж дней десять, как кашляю неистово.

Желаю Вам всего хорошего и еще раз благодарю. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

На обороте:

*Таганрог. Его Высокоблагородию Абраму
Борисовичу Тараховскому.*

Чехову Г. М., 8 марта 1901*

3322. Г. М. ЧЕХОВУ
8 марта 1901 г. Ялта.

8 март 1901 г.

Милый Жорж, а у нас давно уже цветут миндаль и абрикосы, тепло, славно и было бы весело, если бы не кашель, который беспокоит меня вот уже дней десять. «Три сестры» имеют громадный успех, но только если есть три актрисы хорошие, молодые и если актеры умеют носить военное платье. Писана пьеса не для провинции*.

Нового ничего нет, всё по-старому. Мать здорова, говеет. Журавль ходит по всему двору, чувствуя себя хозяином. Напиши, что подельывает городская библиотека, увеличивается ли число читателей.

Будь здоров. Поклонись тете, сестрам, Володе и Иринишке. Крепко жму руку.

Твой А. Чехов.

Зайцеву Б. К., 9 марта 1901*

3323. Б. К. ЗАЙЦЕВУ
9 марта 1901 г. Ялта.

Холодно, сухо, длинно*, не молодо, хотя талантливо.

Чехов.

На бланке:

Москва. Прокат. Зайцеву.

Чеховой М. П., 10 марта 1901*

3324. М. П. ЧЕХОВОЙ
10 марта 1901 г. Ялта.

Милая Маша, когда будешь на Мясницкой, то зайди к Иммеру и возьми у него маленький флакон чернил химических (за 20 коп.) для надписей на цинковых ярлыках. А также посмотри у него лейки и, если хороши, то попроси его выслать разных леек, покрупнее, рублей на десять, и деньги заплати.

Сегодня я послал тебе одно письмо*, это — другое.

В Ялте Лавров с Софьей Федоровной и Миролюбов. Мать отговелась, сегодня ее пришла поздравлять начальница с двумя барышнями

*

Будь здорова.

Твой Antoine.

10 марта.

На обороте:

Москва. Ее Высокоблагородию Марии Павловне Чеховой.

Спиридоновка, д. Раевской.

Книппер О. Л., 11 марта 1901*

3325. О. Л. КНИППЕР
11 марта 1901 г. Ялта.

11 март 1901.

Не хочешь, милюся, в Ялту* — ну, твоя воля, не стану принуждать. Только мне ужасно не хочется из Ялты! Не хочется вагона, не хочется гостиницы... Впрочем, пустяки всё это, приеду в Москву и — баста.

Ты весела, не хандрить, и за это ты умница, славная девочка. Ты пишешь, что я не люблю Петербурга*. Кто тебе это сказал? Петербург я люблю, у меня к нему слабость. И столько воспоминаний связано у меня с этим городом! Петербургского же театра, кроме Савиной и немножко Давыдова, — я не признаю* и, как твой дядя Карл*, отрицаю его со-

вершенно и не люблю его. Сегодня получил письмо от больного Флерова*: просит нанять для него в Ялте помещение на все лето. Сегодня читал о покушении на Победоносцева*...

Твои милые, славные письма доставляют мне необыкновенное удовольствие. Только почему ты не хочешь, чтобы* я подписывался иеромонахом? Ведь я живу теперь совершенно по-монашески и имя у меня монашеское. Ну, ладно, не буду больше иеромонахом. Пиши мне, дуся моя хорошая, моя замечательная, твои письма действуют на меня, как соловьиное пение, я их очень люблю. И почерк твой люблю.

Скоро мы увидимся, должно быть, это так хорошо! Увидимся, а потом куда-нибудь поедем вместе.

Ну, дуся, спокойной ночи! Будь здорова и весела, не забывай.

Твой Antoine.

Марксу А. Ф., 11 марта 1901*

3326. А. Ф. МАРКСУ
11 марта 1901 г. Ялта.

11 марта 1901 г.

Ялта.

Многоуважаемый Адольф Федорович!

Деньги 812 р. 50 к. за пьесу мою «Три сестры» получил*, условие возвращаю с моею подписью и приношу Вам сердечную благодарность.

Корректуру последних листов IV тома я на дня послал Вам*; средние листы*, как-то: конец «Степи», рассказ «Тина» и начало «Тайного советника», прочитаны мною не были, так как их я не получил.

«Пассажир I класса» должен войти в IV том независимо от рассказа «Воры»*; только необходимо значительно исправить его в корректуре*. Он может войти и во второе издание II тома, если пожелаете, — для меня это все равно. «Пассажир I класса» у меня есть, я вышлю Вам его завтра.

Желаю Вам всего хорошего и еще раз благодарю.

Искренно Вас уважающий и преданный
А. Чехов.

«Пассажир I класса» у меня имеется в корректуре, я пришлю его в исправленном виде.

Флерову С. В., 11 марта 1901*

3327. С. В. ФЛЕРОВУ
11 марта 1901 г. Ялта.

11 марта 1901 г.

Многоуважаемый Сергей Васильевич!

Если бы Вы лечились у меня, то я посоветовал бы Вам поселиться не в Гурзуфе, а в Ялте*. Пока в Крыму самое здоровое и самое удобное место — это Ялта, хотя ни одно место так много не ругают, как Ялту. За 75 рублей отыскать помещение будет нетрудно; и я кое с кем поговорю, присмотрю несколько квартир, а Вы, приехав в Ялту, остановитесь на один день в гостинице (лучше всего в гостинице «Ялта») и уведомяте меня в телефон о своем приезде, а затем видно будет, как и что. Я представлю на Ваше благоусмотрение несколько квартир, какая понравится — ту и возьмете. Когда здоровье Ваше станет лучше и Ялта наскучит, тогда можно будет переехать в Гурзуф или в какое-нибудь другое место.

Вы называете меня ялтинским волшебником*. Итак, мое волшебство к Вашим услугам, рад стараться.

Искренно Вас уважающий и готовый к

услугам

А. Чехов.

Чеховой М. П., 11 марта 1901*

3328. М. П. ЧЕХОВОЙ
11 марта 1901 г. Ялта.

11 марта.

Милая Маша, пожалуйста, возьми из банка 800 рублей и купи на них 4% билетов государственной ренты, как в прошлом году, и положи в государственном банке на хранение*. Купи девять сторублевых, что будет стоить, вероятно, 810 р.* или 820 р.; значит, возьми из банка больше, чем 800. Это я получил сегодня от Маркса*.

Как поживаешь? Что нового? Абрикосы цветут, миндаль отцвел. Мать сегодня приобрелась. Здоровье мое ничего себе. Сажаем деревья.

Будь здорова и благополучна.

Твой Antoine.

Я сдал в банк на хранение, кажется, на 13 тысяч, но билета у меня нет; или потерял, или же он у тебя.

То, что я тебе поручаю теперь, можешь сде-

лать, когда угодно.

Мать очень опечалена тем, что ты ей ничего не пишешь.

Васильевой О. Р., 12 марта 1901*

3329. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ
12 марта 1901 г. Ялта.

12 марта 1901.

Многоуважаемая Ольга Родионовна, спешу ответить на Вашу телеграмму*. В Гурзуфе можно жить, там есть недурная (хотя и дорогая, дороже, чем в Ницце) гостиница, хорошая там природа, но — увы! — скучно там, как в закрытом чугунной доскою котле. Впрочем, можно пожить недолго, а потом переехать куда-нибудь в другое место, потом в третье — этак и лето пройдет. Пути сообщения здесь хорошие, завелись и дешевые.

В Гурзуфе недурное купанье. Там у меня есть дача (стоящая 3 тысячи), так вот там великолепное купанье; и я буду брать с Вас по 5 коп. за всякий раз, как только пожелаете выкупаться.

Напишите мне поподробнее, что Вам собственно угодно в Гурзуфе*, т. е. какая дача,

сколько комнат — и я с удовольствием отвечу Вам.

Нижайший поклон милой дочке Маше*. Пусть не шалит, а ведет себя прилично, иначе папаша рассердится и, пожалуй, возьмется за розги.

Желаю Вам всего хорошего, крепко жму руку.

Ваш А. Чехов.

Вишневскому А. Л., 12 марта 1901*

3330. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ
12 марта 1901 г. Ялта.

Милый Александр Леонидович, напишите, как Вы себя чувствуете и что новенького вообще. Вы обязаны писать мне длинные письма*, так как Вы мой земляк.

Желаю всего хорошего и крепко жму руку.

Ваш А. Чехов.

12 марта 1901.

Ялта.

На обороте:

Петербург. Александру Леонидовичу Вишневскому.

Панаевский театр.

Чеховой М. П., 13 марта 1901*

3331 . М. П. ЧЕХОВОЙ
13 марта 1901 г. Ялта.

Милая Маша, ты сердисься, что я не отвечаю на некоторые вопросы, которые ты задаешь в своих письмах; например, насчет сборника на постройку народного дома*. Насчет дома я нарочно не отвечал, полагая, что ты забудешь или что к тебе перестанут приставать; насчет же других вопросов — прости, забыл.

Пока март очень хороший. Тепло, вчера и сегодня дождь. Сажаем деревья. Прошлогодние флоксы взошли, я стараюсь пересадить их в одну группу.

Миша, по-видимому, передумал и остается, только хочет перейти в другой город*. Я написал ему откровенно* свое мнение насчет «Н<ового> в<ремени>», и, по-видимому, моя нотация принесла добрый плод. Нового ничего нет, всё благополучно. Если Бунин уже в Москве, то кланяйся*. Как поживает Иван?

Будь здорова.

Твой Antoine.

Идет дождь. Вечер. Только что поужинали.
13/III.

На обороте:

Москва. Марии Павловне Чеховой.

Спиридоновка, д. Раевской.

Бунину И. А., 14 марта 1901*

3332. И. А. БУНИНУ
14 марта 1901 г. Ялта.

Курск, Московская ул., д. Исакова — это адрес С. П. Бонье*, милый Иван Алексеевич! Поживаю я недурно, так себе, чувствую старость. Впрочем, хочу жениться. О Вас все мы, Ваши ялтинские знакомые, вспоминаем с большим удовольствием и долго жалели, что Вы от нас уехали. От «Скорпиона» получил корректуру*, но в крайне неряшливом виде, с одной копеечной маркой, так что пришлось штраф платить; публикует «Скорпион» о своей книге тоже неряшливо, выставляя меня первым — и я, прочитав это объявление в «Русск<их> ведом<остях>»*, дал себе клятву больше уже никогда не ведаться ни со скорпионами, ни с крокодилами, ни с ужами.

А когда мы увидимся? После Пасхи, вероят-

но, приеду в Москву ненадолго, остановлюсь в «Дрездене».

Крепко жму руку, желаю всяких благ.

Ваш душевно А. Чехов.

14 марта.

На обороте:

Одесса. Ивану Алексеевичу Бунину.

Софиевская, 5.

Книппер О. Л... 16 марта 1901*

3333. О. Л. КНИППЕР
16 марта 1901 г. Ялта.

16 март.

Миленькая моя, здравствуй! В Москву я приеду непременно*, но поеду ли в этом году в Швецию, — не знаю. Мне так надоело рыскавать, да и здоровье мое становится, по-видимому, совсем стариковским — так что ты в моей особе получишь не супруга, а дедушку, кстати сказать. Я теперь целые дни копаюсь в саду, погода чудесная, теплая, всё в цвету, птицы поют, гостей нет, просто не жизнь, а малина. Я литературу совсем бросил, а когда женюсь на тебе, то велю тебе бросить театр и будем вместе жить, как плантаторы. Не хочешь? Ну,

ладно, поиграй еще годочков пять, а там видно будет.

Сегодня вдруг получаю «Русского инвалида»*, специально военную газету, и вдруг там рецензия «Трех сестер». Это 56-й номер, от 11 марта. Ничего, хвалит и ошибок с военной стороны не находит.

Пиши мне, моя хорошая дуся, твои письма доставляют мне радость. Ты изменяешь мне*, потому что, как ты пишешь, ты человек и женщина, ну ладно, изменяй, только будь человеком таким хорошим, славным, какая ты есть. Я старичок, нельзя не изменять, это я очень хорошо понимаю, и если я сам изменю тебе как-нибудь нечаянно, то ты извинишь, так как поймешь, что седина в бороду, а бес в ребро. Не так ли?

Видаешь Авилову*? Подружилась с Чюминой?* Наверное, потихоньку ты стала уже пописывать повести и романы. Если узнаю, то прощай тогда, разведусь.

Про назначение Пчельникова читал в газетах* и удивился, удивился Пчельникову, который не побрезговал принять эту странную должность. Но «Доктора Штокмана»* едва ли

снимут с вашего репертуара, ведь это консервативная пьеса.

Хотя бросил литературу, но всё же изредка по старой привычке пописываю кое-что. Пишу теперь рассказ под названием «Архиерей»* — на сюжет, который сидит у меня в голове уже лет пятнадцать.

Обнимаю тебя, изменница, сто раз, крепко целую тебя. Пиши, пиши, моя радость, а то, когда женюсь, буду тебя колотить.

Твой старец Antoine.

Чеховой М. П., 16 марта 1901*

3334 . М. П. ЧЕХОВОЙ
16 марта 1901 г. Ялта.

Симпатичное предложение. По словам «Курьера», проживающий в Ялте известный писатель Ант. П. Чехов предложил учащимся в земских школах Серпуховского уезда, желающим ехать в Крым, стол и квартиру в своем имении.

Милая Маша, читал сейчас твое письмо* и, узрев в нем фамилию Фейгина, вспомнил, что в декабре он привез мне 500 руб.* и эти 500 р. ты положила в банк. Будь добра, возьми сии

деньги и возврати ему, сказав, что в этом году я едва ли успею написать что-нибудь для «Курьера». И кстати попроси его убедительно, пожалуйста, пусть не печатает про меня вздора, вроде прилагаемого* при сем. Ведь этакое отношение ко мне просто возмутительно. В прошлом году умолял Фейгина не печатать ничего*, что не касается моей литературной деятельности, он дал слово, а теперь опять, да и такая заметка, что летом придется из дому удирать. Эта заметка перепечатывается теперь во всех газетах. Да что говорить, просто возмутительно.

Мать просит тебя купить* 5 арш. лент для летней шляпы, черных; в Ялте есть, да дороги.

Погода здесь изумительная. Целый день в саду. Писал ли я тебе, что газон я выписал из Одессы? Московский газон для Ялты не годится.

Журавль ходит, не переставая ни на минуту, по саду и ест насекомых, съел всех муравьев.

Ну будь здорова. Ты, пожалуй, уже не застанешь цветущих деревьев, но зато застанешь чудесную погоду, настоящую крымскую

весну.

Всего хорошего!

Твой А. Чехов.

16 март.

Книппер О. Л., 18 марта 1901*

3335. О. Л. КНИППЕР
18 марта 1901 г. Ялта.

18 марта.

Итак, актриска, ты на днях возвращаешься в Москву*; значит, в Питер я больше писать не стану. Ну, а московский адрес? Писать ли всё по старому, или ждать, когда пришлешь **новый**?

У нас погода просто замечательная, изумительная, весна чудеснейшая, какой давно не было. Я бы наслаждался, да беда в том, что я один, совершенно один!* Сажу у себя в кабинете или в саду и больше ничего.

Отчего отменили «Эдду Габлер»? Какие пьесы наметили для будущего сезона? Решили ли, наконец, строить **новый театр**? Пиши, милюся, подробнее, обстоятельнее, ты ведь у меня умная, дельная, такая толковая.

У меня всё по-старому, ничего нового.

Впрочем, вчера неожиданно получил тысячу рублей долгу*. Получаю письма из Питера и из Москвы, довольно зловещие*, читаю с отвращением газеты*.

Славная моя актрисочка, не играй в «Михаиле Крамере»*, а то из-за этой пустяковой роли просидишь в Москве весь май и июнь, и к тому же еще роль неинтересная. Послушайся меня, моя хорошая, ведь если будем живы и здоровы, то успеешь еще сыграть тысячу ролей. Ах, какая очаровательная погода! Барометр страшно поднялся.

Ну, дуся, славная моя актрисочка, до свиданья! Целую тебя крепко. Пиши, не покидай меня.

Твой мужчинка.

**Пешкову А. М. (М. Горькому), 18 марта
1901***

3336. А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)
18 марта 1901 г. Ялта.

18 март 1901.

Милый Алексей Максимович, где Вы? Давно уже жду от Вас письма, по возможности длинного, и никак не дождусь. Ваши «Трое»

читаю с большим удовольствием* — имейте сие в виду — с громадным удовольствием.

Скоро у вас весна, настоящая, русская, а у нас уже крымская весна в самом разгаре; здешняя весна, как красивая татарка — любоваться ею можно, и всё можно, но любить нельзя.

Я слышал, что в Петербурге и потом в Москве Вы были невеселы*. Напишите же, в чем дело*; я мало, почти ничего не знаю, как и подобает россиянину, проживающему в Татарию, но предчувствую очень многое.

Итак, позвольте ждать от Вас письма.

Поклонитесь Вашей жене, ей и Максимке желаю всего хорошего, главное — здоровья.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

Ундольскому П. В., 18 марта 1901*

3337. П. В. УНДОЛЬСКОМУ
18 марта 1901 г. Ялта.

18 март 1901.

Многоуважаемый отец Павел!

Деньги, высланные Вами, я получил* и приношу Вам мою сердечную благодарность.

От всей души желаю мухалатской школе процветания и полного счастья, а главное, чтобы Вы, ее строитель, были живы и здоровы еще очень много и много лет и чтобы Вы, в сердечной заботливости Вашей, имели побольше подражателей.

А я виноват перед Вами! Дал слово непременно приехать — и не приехал. Но Вы не гневайтесь, не ставьте мне этого в великую вину, я заболел тогда, а потому и обманул Вас. Бог даст, этим летом побываю у Вас в Форосе.

Позвольте еще раз поблагодарить Вас и пожелать всего хорошего, и крепко пожать руку.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

Васильевой О. Р., 20 марта 1901*

3338. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ
20 марта 1901 г. Ялта.

20 марта 1901, Ялта.

Многоуважаемая Ольга Родионовна, я давно уже послал Вам ответ на Вашу телеграмму*, и если до сих пор Вы не получили моего письма, то виноват не я, а, вероятно, Вы сами;

Вы изъявили желание, чтобы я писал Вам в Ниццу, я так и сделал, а теперь оказывается, что Вы в Женеве.

Я писал о том, что в Гурзуфе можно хорошо поселиться, что там одно только неудобство — это то, что там немножко дорого. Пожалуйста, вытребуйте из Ниццы мое письмо и прочтите или просто садитесь в вагон и поезжайте в Гурзуф.

Нового много, но только не у нас в Крыму. Когда приедете, расскажу. А пока будьте здоровы и благополучны. Маше поклон и привет.

Всего Вам хорошего!

Ваш А. Чехов.

Когда приедете в Гурзуф, то скажите мне об этом в телефон. Ялта соединена с Гурзуфом; потребуйте соединить с Ялтой, потом потребуйте Чехова, потом звоните... У меня в доме свой телефон. Я ведь важный человек.

Миролюбову В. С., 22 марта 1901*

3339. В. С. МИРОЛЮБОВУ
22 марта 1901 г. Ялта.

Мне не хочется писать Меншикову на-

счет Данилина*, я виноват перед ним немножко*. Напишите сами по адресу: Михаилу Осиповичу Меньшикову, Магази́нная, д. Петрова, Царское Село.

Нового ничего нет, всё по-старому. Сегодня весь день то разъезжал, то сажал деревья.

Будьте здоровы и позвольте надеяться, что Вы в скорейшем времени удостоите посещением

преданного Вам

А. Чехова.

Четверг вечером.

На обороте:

Его Высокоблагородию Виктору Сергеевичу Миролубову.

Здесь, д. Терещенко.

Вишневскому А. Л., 23 марта 1901*

3340. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ
23 марта 1901 г. Ялта.

23 марта 1901.

Напрасно Вы сердитесь, милый Александр Леонидович, насчет фотографий я писал Вам* и сердечно благодарил, а если Вы не получили моего письма, то виноват не я*.

Вы как-то писали мне, что приедете в Ялту*. Не раздумали? В Ялте уже весна совершенная, все деревья в цвету, многое отцвело (в том числе и я), солнце греет по-летнему.

В моей личной жизни нового нет ничего и интересного тоже, по-видимому, ничего. Не успеешь утром проснуться и встать, как наступает вечер, когда опять нужно ложиться — так и проходит изо дня в день наша жизнь стариковская.

Мне ужасно бы хотелось посмотреть «Трех сестер»*. Негде теперь играть*, а то бы я непременно приехал в апреле и упросил бы всех исполнителей и начальство показать мне хоть один акт.

Спасибо Вам за письмо и за фотографии, за которые я уже благодарил Вас и которые мне очень понравились. Будьте здоровы и богом хранимы.

Ваш А. Чехов.

На конверте:

Москва. Его Высокоблагородию Александру Леонидовичу Вишневному.

Петровка, Меблир. комн. «Тюрби».

Бунину И. А., 25 марта 1901*

3341 . И. А. БУНИНУ
25 марта 1901 г. Ялта.

25 марта 1901.

Милый Иван Алексеевич, передайте г. Эдвардсу, что я к его услугам*, но дело в том, что в апреле я уезжаю с Машей в Москву*, а потом, где я буду в течение лета — неизвестно. Не найдет ли он удобным отложить сеанс до сентября, когда я, судя по всему, буду дома? А?

Итак, стало быть, позвольте на Страстной ждать Вас. Непременно, обязательно приезжайте*, у нас будет очень много закусок, к тому же еще в Ялте такая теплынь теперь, столько цветов! Приезжайте, сделайте такую милость! Жениться я раздумал, не желаю, но всё же, если Вам покажется в Ялте скучно, то я, так и быть уж, пожалуй, женюсь.

Идет дождь. Чудесный дождь. Бабушка и Арсений благодарят за поклон и за память о них, а мать была растрогана.

Итак, стало быть, ждем*. Будьте здоровы.
Ваш А. Чехов.

Федорову А. М., 25 марта 1901*

3342. А. М. ФЕДОРОВУ
25 марта 1901 г. Ялта.

25 марта 1901.

Дорогой Александр Митрофанович, книгу я сам получил недавно*, пьесу же давно прочел*, не написал же Вам, как обещал, потому что всё собирался и откладывал; в лениости житеие мое иждих*...

Что касается пьесы, то она мне очень понравилась и, по-моему, будет иметь солидный успех*. Вы талантливый человек, и это уже не должно подлежать ни малейшему сомнению. Нам бы повидаться, чтобы поговорить, в письме же не напишешь всего, да и не сумеешь изложить свое мнение вкратце. Давайте повидаемся хоть осенью в Москве или в Петербурге*, там поговорим обстоятельно. Пока укажу на два пункта: 1) лица у Вас не новы, трактуются без малейшей потуги на оригинальность; например, нянька. 2) Чувствуется сильное пристрастие к эффектам, эффект опережает мысль, и порой кажется, что сначала автор придумал эффекты, а около них потом уже стал лепить мало-помалу и

пьесу. Первое, как мне кажется, есть продукт скорописания, второе же со временем само угаснет мало-помалу. Ну, да что, в письме всего не скажешь, не поместится всё то, что хотелось бы сказать. Подождем осени.

Поклонитесь Италии милой. Если Вы едете за границу первый раз, то скоро Вас потянет домой обратно, но Вы не обращайтесь внимания на тоску по родине, заставляйте себя набираться впечатлений, так, чтобы потом на всю зиму хватило воспоминаний. Италия удивительно хорошая страна.

Передайте мой поклон и привет Вашей жене и мальчику*. Желаю им счастливой дороги.

Крепко жму Вам руку.

Ваш А. Чехов.

Обещанных книжек жду*. Ваша пьеса, повторяю, будет иметь большой успех.

Книппер О. Л., 26 марта 1901*

3343. О. Л. КНИППЕР
26 марта 1901 г. Ялта.

Здоров, приеду после Пасхи*, привет. Жду писем.

Антонио.

На бланке:

Москва. Мерзля<ковский>, д-м Мещериновой.

Ольге Леонардовне Книппер.

Книппер О. Л., 27 марта 1901*

3344. О. Л. КНИППЕР
27 марта. 1901 г. Ялта.

Счастлив. Жду приезда*. Погода весенняя.
Пароход пятницу, воскресенье.

Антуан.

На бланке:

Москва. Мерзляк<овский>, д-м Мещериновой.

Ольге Леонардовне Книппер.

Васильевой О. Р., 28 марта 1901*

3345. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ
28 марта 1901 г. Ялта.

28 марта 1901.

Многоуважаемая Ольга Родионовна, дачу мою в Гурзуфе* нельзя сдавать за 3 тысячи, так как она сама стоит всего 3 тысячи. В ней всё лето будет жить сестра. Она (т. е. дача, а не сестра) стоит на самом берегу, у моря.

Вы остановитесь в гостинице, а потом, если пожелаете, можно будет отыскать для Вас недорогую дачу или комнату на даче.

Еврей из «Одесских новостей» оказался*, по-видимому, глупым и бестактным человеком. Но дело не к спеху, успеете еще продать.

Адрес библиотеки*: Monsieur P. Iordanoff, Taganrog, Russie (Павел Федорович Иорданов, Таганрог).

Итак, будем поджидать Вас.

Когда приедете в Гурзуф, то поговорите со мной в телефон. Из Гурзуфа до Ялты ходит катер за 50 коп. — это между прочим.

Погода здесь чудесная, самая расчудесная.

Будьте здоровы, поклонитесь Маше.

Ваш А. Чехов.

Коновицеру Е. З., 28 марта 1901*

3346. Е. З. КОНОВИЦЕРУ
28 марта 1901 г. Ялта.

28 марта 1901.

Милый Ефим Зиновьевич, письмо Ваше, о котором Вы пишете, я получил*, не отвечал же до сих пор, потому что со дня на день поджидаю приезда одной дамы*, с которой хочу

поговорить о Вас и которой Вы, как мне кажется, нужны. Она за границей, ее приезда ждут здесь, и, как только она приедет, в тот же день я предложу ей Ваши услуги (в качестве адвоката) и, быть может, что-нибудь выйдет. Она очень богата, миллионерша, и без адвоката, который руководил бы наследственными и всякими другими делами, в которые она залезла теперь по уши, — ей придется и придется очень круто.

Итак, стало быть, ждите от меня письма. Вероятно, через неделю, или самое большее полторы недели, она будет уже здесь, в своем имении.

Крепко жму руку и желаю всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

На конверте:

Москва. Ефиму Зиновьевичу Коновицелу.

Пименовский пер., д. Коровина.

Чехову Ал. П., 20 мая 1900*

3100^{а. Ал. П. ЧЕХОВУ}
20 мая 1900 г. Ялта.

Суббота, вечер.

Сашечка, посылаем тебе:

1) Пашпорт, чтобы тебя не арестовали.

2) Квитанцию на получение из пароходно-
го депа твоих вещей.

Желаем здравствовать.

Будь здоров.

Антон.

Маша.

Комментарии

Условные сокращения

Архивохранилища

Арх. АН СССР. Ленинград — Центральный научный архив Академии наук СССР. Ленинград.

Архив Горького — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР. Архив А. М. Горького (Москва).

ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Отдел рукописей (Москва).

ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).

ГМТ — Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва).

ГПБ — Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей (Ленинград).

ГЦТМ — Государственный центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина (Москва).

ДМЧ — Государственный Дом-музей А. П. Чехова (Ялта).

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР. Отдел рукописей (Москва).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Рукописный отдел (Ленинград).

Музей МХАТ — Государственный музей Московского (орденов Ленина и Трудового Красного Знамени) Художественного Академического театра СССР имени М. Горького. Архив (Москва).

ТМЧ — Литературный музей А. П. Чехова (Таганрог).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

Печатные источники

В ссылках на настоящее издание указываются серия (Сочинения или Письма) и том (арабскими цифрами).

Вокруг Чехова — М. П. Чехов. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. Изд. 4-е. М., «Московский рабочий», 1964.

Горький — М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах. М., ГИХЛ, 1949–1956 гг., т. 28,

1954.

Горький и Чехов — М. Горький и А. Чехов. Переписка. Статьи. Высказывания. М., ГИХЛ, 1951 (Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. Сборник материалов).

Дневник Суворина — Дневник А. С. Суворина. Ред., предисл. и примеч. М. Кричевского. М. — Пг., 1923.

Ежегодник МХТ — Ежегодник Московского Художественного театра. Издание Музея Московского (орденов Ленина и Трудового Красного Знамени) Художественного академического театра СССР имени М. Горького (Москва), 1944, т. 1. М., «Искусство», 1946; 1945. М., «Искусство», 1947; 1948, т. 2. М., «Искусство», 1951; 1949–1950. М., «Искусство», 1952.

Записки ГБЛ — Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. VIII. А. П. Чехов. М., Госполитиздат, 1941; вып. 16. М., Госполитиздат, 1954.

Из архива Чехова — Из архива А. П. Чехова. Публикации. М., 1960 (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей).

Из прошлого — Вл. И. Немирович-Дан-

ченко. Из прошлого. М., «Academia», 1936.

Избранные письма — Вл. И. Немирович-Данченко. Избранные письма в двух томах, т. 1. М., «Искусство», 1979.

Книппер-Чехова — Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. Часть первая. Воспоминания и статьи. Переписка с А. П. Чеховым (1902–1904). Часть вторая. Переписка (1896–1959). Воспоминания об О. Л. Книппер-Чеховой. «Искусство», М., 1972.

Летопись — Н. И. Гитович. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. М., Гослитиздат, 1955.

ЛН — «Литературное наследство», т. 68. Чехов. М., изд-во АН СССР, 1960; Т. 87. М., изд-во «Наука», 1977.

На памятник Чехову — На памятник А. П. Чехову. Стихи и проза. СПб., 1906.

Неизд. письма — А. П. Чехов. Неизданные письма. Вступ. статья и ред. Е. Э. Лейтнеккера. Комментар. К. М. Виноградовой, Н. И. Гитович, Е. Э. Лейтнеккера. Вып. 1. М. — Л., Госиздат, 1930 (Публ. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Музей А. П. Чехова).

Несобр. письма — А. П. Чехов. Несобранные

письма. Ред. Н. К. Пиксанова. Комментар. Л. М. Фридкиса. М. — Л., Госиздат, 1927.

Новые письма — Чехов. Новые письма. (Из собраний Пушкинского дома). Под ред. Б. Л. Модзалевского. Пг., «Атеней», 1922.

Переписка с Книппер — Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер. В трех томах. М., т. 1, «Мир», 1934.

Письма — Письма А. П. Чехова. М., издание М. П. Чеховой, т. VI, 1916.

Письма Ал. Чехова — Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова. Подготовка текста писем к печати, вступ. статья и коммент. И. С. Ежова. М., Соцэкгиз, 1939 (Всес. б-ка им. В. И. Ленина).

Письма к Книппер — Письма А. П. Чехова к О. Л. Книппер-Чеховой. Изд. «Слово», Берлин, 1924.

Письма М. Чеховой — М. П. Чехова. Письма к брату А. П. Чехову. М., Гослитиздат, 1954.

Письма, собр. Бочкаревым — Письма А. П. Чехова. Собраны Б. Н. Бочкаревым. М., изд. И. Д. Сытина, 1909.

ПССП — А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в 20-ти тт. М., Гослитиздат,

1944–1951.

Станиславский — К. С. Станиславский. Собрание сочинений в 8 томах. М., «Искусство», 1954–1960, т. 1, 1954; т. 5, 1958; т. 7, 1960.

Сулержицкий — Леопольд Антонович Сулержицкий. Повести и рассказы. Статьи и заметки о театре. Переписка. Воспоминания о Л. А. Сулержицком. М., 1970.

Чехов, изд. Атеней — А. П. Чехов. Затерянные произведения, неизданные письма, новые воспоминания, библиография. Под ред. М. Беляева и А. С. Долинина. Л., «Атеней», 1925.

Чехов в воспоминаниях — Чехов в воспоминаниях современников. М., Гослитиздат, 1960.

Чехов и его среда — Чехов и его среда. Сб. под ред. Н. Ф. Бельчикова. Л., Academia, 1930.

Чехов, Лит. архив — А. П. Чехов. Сборник документов и материалов. Подготовили к печати П. С. Попов и И. В. Федоров. Предисловие П. С. Попова. Под общей ред. А. Б. Дермана (Литературный архив, т. 1). М., Гослитиздат, 1947.

Чеховский сб. — Чеховский сборник. Новонайденные статьи и письма. Воспоминания. Критика. Библиография. М., изд. Об-ва А. П. Чехова и его эпохи, 1929.

Девятый том включает письма с января 1900 года по конец марта 1901 года. В это время Чехов жил в Ялте. Помимо двух поездок в Москву — очень короткой в мае, прерванной в связи с ухудшившимся здоровьем, и в конце октября, вызванной постановкой в Московском Художественном театре пьесы «Три сестры», — Чехов за это же время совершил путешествие по Кавказу и предпринял поездку за границу — сначала в Ниццу, затем в Италию (с 11 декабря 1900 г. по 15 февраля 1901 г.).

Начался последний, ялтинский период жизни и творчества Чехова. Белая дача была уже построена и обжита, начал разрастаться посаженный им сад, устраивался быт. Но Чехов постепенно утрачивает вкус к ялтинской жизни, с болезненной остротой переживает свою вынужденную оторванность от Москвы, от друзей, родных, от Художественного театра. Еще раньше, чем в пьесе, в чеховских письмах этого периода слышится мотив «Трех сестер» — «В Москву, в Москву!» В одном из писем он в который раз сетует на тоскливую жизнь в Ялте: «Я жив, почти здоров.

Бываю болен, но ненадолго, и в эту зиму меня ни разу не укладывали в постель, а болел я на ходу. Работал больше, чем в прошлом году, и скучал больше. Без России нехорошо, нехорошо во всех смыслах. Живешь тут, точно сидишь в Стрельне, и все эти вечнозеленые растения, кажется, сделаны из жести, и никакой в них радости. И не видишь ничего интересного, так как нет вкуса к местной жизни».

Сознание, что он не был ни на одном спектакле Художественного театра, делало еще более мучительным его невольное ялтинское затворничество. Узнав о намерении руководителей театра предпринять гастрольную поездку на юг, Чехов все настойчивее зовет их в Ялту. Наконец в марте 1900 г. вопрос о гастролях был решен окончательно, и в апреле театр выехал в Крым. Эти гастроли впоследствии М. П. Чехова назовет самыми чудесными, самыми радостными днями из всей ялтинской жизни Чехова (*Письма М. Чеховой*, стр. 156). Это был, по свидетельству О. Л. Книппер, «сплошной шумный праздник». К. С. Станиславский вспоминал, что в эти дни Чехов напоминал «дом, который простоял

всю зиму с заколоченными ставнями, закрытыми дверями. И вдруг весной его открыли, и все комнаты засветились, стали улыбаться, искриться светом».

Гастрольная поездка в Севастополь и Ялту была этапной и для самого Художественного театра. Его руководители и труппа опасались, что провинциальная публика, привыкшая к театральности (в самом плохом смысле слова), к старой манере игры актеров — с ложным пафосом, наигрышем, премьерством и т. п., не примет их новаторские реалистические спектакли, не поймет глубокого современного репертуара. Не случайно «Крымский вестник» во время севастопольских гастролей Художественного театра писал: «...Немирович-Данченко <...> вполне искренно говорил, что отправляясь первый раз в провинцию, в Севастополь, труппа испытывала некоторый страх и робость: как-то примут? Как отнесутся? <...> как бы ни была сильна театральная труппа, она всегда может быть побеждена еще более могущественным врагом, который называется: равнодушные публики <...> Говори потом, что наша публика невежественна, что

она не доросла до понимания новых путей в искусстве, новых приемов в исполнении и т. п. Говори не говори, а факт остался бы фактом: первый провинциальный город, куда заглянул новый московский театр, этого театра не одобрил. Но этого <...> не случилось. Оценили» (*Нескромный наблюдатель*. Вперемежку. Наброски и недомолвки. — «Крымский вестник», 1900, № 97, 16 апреля).

Успех Художественного театра в Крыму превзошел все ожидания: это был триумф нового театрального искусства, торжество новаторской драматургии Чехова.

Приезд Художественного театра в Ялту не только сблизил писателя с труппой театра, но и способствовал тому прочному повороту к драматургическому творчеству, который мы наблюдаем у Чехова в последние годы. Гастроли сыграли огромную роль и в личной жизни писателя — именно в это время он понял, что О. Л. Книппер прочно, навсегда вошла в его жизнь. «Любовь к Художественному театру и любовь к „необыкновенной женщине“, „чудесной актрисе“ все теснее переплетались в душе Чехова, так что оба эти чув-

ства все время усиливали и обогащали одно другое» (Г. Бердников. Чехов. М., 1978, стр. 435). С ялтинских гастролей Книппер становится основным корреспондентом в переписке Чехова.

В тот же период Чехов был занят подготовкой очередных томов собрания сочинений, издаваемого А. Ф. Марксом. Уже вышел и поступил в продажу первый том (декабрь 1899 г.). Русская читающая публика по достоинству оценила это событие — том настолько быстро раскупили, что вскоре же потребовалось второе издание. Появились первые положительные отклики в печати на его выход. Однако, судя по переписке этих лет, сам автор не испытывал удовлетворения от предпринятого издания. Подготовка томов собрания сочинений отнимала у Чехова много времени, лишая его новых заработков; хроническое безденежье по-прежнему мучает писателя. В письме от 21 августа 1900 г. Чехов обещает В. М. Лаврову дать в ноябре повесть для «Русской мысли», но это обещание остается невыполненным; задуманный рассказ для «Недели», о котором Чехов писал М. О. Меншико-

ву 2 октября, остался ненаписанным, хотя и был уже начат, а начатый рассказ «Архиерей» в «Журнал для всех» оказался законченным лишь в 1901 г.

Не оправдались надежды писателя на аккуратность издателя: хаос в типографии, отсутствие квалифицированного надзора за изданием заставляют Чехова по многу раз возвращаться к одним и тем же вопросам распределения материала по томам, неоднократно править и отсылать Марксу корректуру одних и тех же рассказов. Путаница во всех отношениях Чехова с типографией была такова, что сейчас по переписке писателя с Марксом трудно проследить прохождение томов, определить сроки работы над отдельными рассказами, последовательность их подготовки. Сопоставление текстов рассказов марксовского издания с текстами первоначальных публикаций убеждает в том, что Чехов проделал тогда колоссальную работу, поглотившую много творческих сил писателя. У Чехова не оставалось времени для создания новых произведений.

В конце 1900 — начале 1901 годов Чехов за-

кончил и сдал в Московский Художественный театр пьесу «Три сестры». По признанию Чехова, она писалась так трудно, как ни одна пьеса. О первых подступах к написанию новой пьесы Чехов упоминает в письме к А. Л. Вишневному от 8 октября 1899 г., а 24 ноября того же года он пишет Вл. И. Немировичу-Данченко о сюжете «Трех сестер». В Ялте Станиславский и Немирович-Данченко получили от Чехова обещание, что к осени он закончит пьесу. Но работа затянулась, прошло еще много времени, пока Чехов приступил к ней вплотную. Мешали усилившаяся болезнь, надоедливые визитеры, осаждавшие дом Чехова в Ялте. 18 августа 1900 г. он жалуется: «Мне жестоко мешают, скверно и подло мешают. Пьеса сидит в голове, уже вылилась, выровнялась и просится на бумагу, но едва я за бумагу, как отворяется дверь и вползает какое-нибудь рыло». Много позже того, как 13 ноября 1900 г. Чехов сообщил В. Ф. Комиссаржевской, что пьеса готова, он еще продолжал работу над ней.

Для раскрытия творческой лаборатории писателя представляют большой интерес

многие его замечания о «Трех сестрах», содержащиеся в письмах этих лет к режиссерам и актерам Художественного театра: просьбы внести изменения в мизансцены или исправить и дополнить текст пьесы, режиссерские указания исполнителям главных ролей, позволяющие глубже вникнуть в авторское понимание литературных образов пьесы. Автора волновало также внешнее оформление спектакля: костюмы, декорации, шумовые эффекты.

Не только письма Чехова, но и письма его корреспондентов пополняют сведения о работе Художественного театра над пьесой «Три сестры». Поэтому в примечаниях к письмам этих лет широко приводится эпистолярный материал корреспондентов Чехова. Письма Вл. И. Немировича-Данченко, О. Л. Книппер, И. А. Тихомирова, А. Л. Вишневого и др. наполнены заботами и тревогами за постановку трудно дававшегося спектакля. Именно ко времени репетиций «Трех сестер», пьесы, режиссерскую работу над которой проводил К. С. Станиславский и в которую, как он писал, «с каждой репетицией все больше и больше

влюблялся», относится начало регулярной его переписки с Чеховым (первое письмо — июнь 1899 г.). К этому же времени относится примечательный в истории взаимоотношений Художественного театра и Чехова эпизод, когда театр скорректировал конец IV акта пьесы, и автор согласился с предложением Станиславского внести изменение в текст финальной сцены.

Конечно, содержание переписки Чехова с деятелями Художественного театра не ограничивается только вопросами, связанными с постановкой его пьесы. В ней обсуждается репертуар театра, его художественные принципы в исполнительстве и постановке, затрагиваются вопросы внутренней жизни театра и настроения труппы. Причем советы Чехова в репертуарных вопросах были авторитетны для театра и, в сущности, на многие годы вперед определили его литературно-художественную линию.

31 января 1901 г. состоялась премьера пьесы «Три сестры» на сцене Художественного театра, а в феврале этого же года она была опубликована в журнале «Русская мысль». В

письмах Чехова содержатся многочисленные, порою нервные, отклики на появляющиеся в печати отзывы, которые он не просто регулярно читал, но и тщательно собирал. Это обстоятельство заставило составителей настоящего тома широко привлекать материалы русской периодической печати, связанные с личностью и творчеством писателя.

Интерес Чехова к откликам критики усилился во время гастролей Художественного театра в Петербурге в феврале — марте 1901 г. Еще до начала гастролей Чехов в письмах к Книппер высказал предположение, что новаторское искусство театра не будет понято петербургской публикой и критикой. В своих письмах Чехов с резкой враждебностью отнесся к шумихе, поднятой театральными критиками вокруг гастролей Художественного театра. Руководители театра понимали, что выступления реакционной части петербургской общественности не заслуживают сколько-нибудь серьезного внимания, поэтому в своих письмах к Чехову сообщали главным образом о восторженном восприятии его пьес петербургской публикой. По словам Немиро-

вича-Данченко, Московский Художественный театр нигде раньше, ни в провинции, ни в Москве, не имел такого успеха, как в Петербурге. Благодаря этим письмам Чехов, который вначале остро реагировал на критику петербургской прессы, в конце концов успокоился. Следующие гастроли театра в Петербурге в марте 1902 г. уже не вызывали у Чехова такого беспокойства.

Успех пьес Чехова, с триумфом прошедших на сцене Художественного театра во время гастролей в Петербурге, внушал режиссерам и актерам театра желание опираться и впредь в своем репертуаре на чеховскую драматургию. В письмах корреспондентов, связанных с Художественным театром, уже в это время настойчиво подчеркивается мысль, что театр нашел своего драматурга в лице Чехова. Из их писем мы узнаем о растущем интересе всей труппы к творчеству писателя, об огромной заинтересованности театра иметь к каждому театральному сезону новую чеховскую пьесу.

В этот период все более возрастает популярность Чехова-драматурга как в России, так

и за рубежом. Со всех концов к нему обращаются с просьбой разрешить поставить его пьесу; так, режиссер петербургского Александринского театра Е. П. Карпов хотел осуществить постановку «Дяди Вани», Г. Н. Федотова просила у Чехова пьесу для своего бенефиса в Московском Малом театре, о пьесе для бенефиса шел разговор и с В. Ф. Комиссаржевской. Публика шла «на Чехова» не только в столичных городах, где его пьесы ставились в лучших театрах, но и в провинции. Примером тому служит огромный успех блестящей постановки «Трех сестер» Н. Н. Соловцовым в Киеве, премьера которой состоялась в начале марта 1901 г.

17 января 1900 г., в день 40-летия, Чехов получил известие, что 8 января был избран почетным академиком Пушкинского (только что основанного) отделения Российской академии наук. В письме к А. Г. Константиноиди от 11 октября 1900 г., а также в своей автобиографии, избрание в академию Чехов поставил наравне с самыми важными событиями своей жизни: окончанием Московского университета и поездкой на Сахалин. Однако писа-

тель осознавал формальность этого звания, иллюзорность прав почетного академика. И любопытно, что тогда же Чехов пророчески писал М. О. Меншикову в письме от 28 января 1900 г. по поводу своего избрания: «Но еще более буду рад, когда утеряю это звание после какого-нибудь недоразумения. А недоразумение произойдет непременно».

«С годами я как-то остыл к переписке», — признавался Чехов брату в письме от 3 декабря 1899 г. Справедливость этих слов подтверждается письмами настоящего тома. Изменилось их содержание: они чаще написаны по необходимости, чем по внутреннему влечению излить душу. Все меньше встречается в письмах Чехова откровенных высказываний, пространных рассуждений об искусстве, о назначении писателя, о литературном труде, исчезли страстная полемика, характеристики и меткие зарисовки людей, с которыми он встречался, описания природы и местности, где он бывал. В отличие от первых томов чеховской переписки нет здесь развернутых отчетов о творческих планах и намерениях на будущее и пространных рассказов о текущей

работе. Ссылаясь на болезнь, на то, что его произведения принадлежат А. Ф. Марксу, Чехов настойчиво отклоняет в это время многочисленные предложения редакторов различных периодических изданий предоставить им для публикации какое-нибудь новое произведение. В отдельных случаях Чехов не считает возможным вовсе отказаться от литературных выступлений, однако они сводятся в основном к перепечатке старых, уже забытых произведений. Два таких выступления — участие в альманахе «Северные цветы», выпущенном издательством «Скорпион», в котором был напечатан рассказ «Ночью», переделанный из рассказа «В море», и публикация в сборнике «В мире смеха и шуток» (СПб., 1900; премия «Стрекозы») нескольких ранних юмористических рассказов.

Меняются самый тон и стиль писем Чехова. Они становятся более сдержанными и деловитыми, в них часто встречаются жалобы на плохое самочувствие, болезнь и проскальзывает сознание безнадежности состояния. И хотя Чехов получает по-прежнему много писем, но чувство оторванности и одиночества

В нем так сильно, что ему постоянно кажется, что ему никто не пишет, что его все забыли.

Круг адресатов Чехова, включающих в настоящем томе более 70 имен, очень определенно характеризует круг его интересов, личных привязанностей, творческих тяготений. Кроме деятелей Московского Художественного театра и родственников, мы здесь найдем имена В. А. Серова., А. В. Амфитеатрова, В. Ф. Комиссаржевской, В. А. Поссе, Г. И. Россолимо, А. И. Сумбатова (Южина), М. Горького и др. Письма Горького продолжают занимать, как и прежде, видное место в жизни писателя. Переписка Чехова с названными представителями русской литературы, науки и искусства содержит богатейший материал не только для характеристики их личных отношений, в ней содержатся отзывы почти о всех значительных произведениях литературы и искусства, увидевших свет в 1900 — начале 1901 годов. Даже в тех случаях, когда, с нашей точки зрения, эти отзывы неверны, они представляют несомненный интерес, так как любое суждение, любая оценка Чехова основаны на глубоко им продуманной и выношенной

системе эстетических и общественных взглядов. Для уяснения этих взглядов письма настоящего тома дают довольно большой материал. С этой точки зрения любопытны высказывания об отдельных произведениях М. Горького, о «Воскресении» Л. Н. Толстого.

Как и ранее, к Чехову часто обращаются начинающие писатели — обращаются за авторитетным советом, за конкретной помощью, в которых никогда не получают отказа. М. К. Первухин вспоминал, что на высказанное им удивление, что Чехов тратит очень много времени на работу с начинающими писателями, он ответил так: «Стыдитесь! Разве можно иначе относиться к работам начинающих? Разве можно просто швырнуть рукопись в физиономию человеку? Ведь он — пусть глупо, пусть неудачно, пусть нелепо, но он душу свою вложил в эту работу! <...> А что, если он хочет и может, да просто себя не понимает, как приняться за дело, как начать не умеет? Ведь и это бывает. Разве все начинают правильно?» (*Летопись*, стр. 611–612).

В эти годы место Чехова в мировой литературе становится все более и более значитель-

ным. Его произведения переводятся на многие языки, пьесы ставятся на сценах большинства европейских театров. К Чехову обращаются французские, немецкие, английские, чешские, болгарские и другие переводчики и издатели с просьбой разрешить перевод его произведений. В некоторых странах намечался перевод марксовского издания собрания сочинений Чехова.

Чехов выступает в письмах не только как писатель, но и как общественный деятель. Он по-прежнему участвует в комплектовании библиотеки и организации музея в Таганроге, хлопочет о строительстве клиники кожных болезней в Москве, об установке памятника Петру I работы М. М. Антокольского в Таганроге, помогает П. В. Ундольскому деньгами и советами в устройстве школы в Мухомлатке, принимает ближайшее участие в организации и деятельности многих благотворительных обществ, оказывает материальную помощь больным, приезжающим на лечение в Ялту.

* * *

Впервые публикуются письма: в Серпухов-

скую земскую управу от 11 февраля 1900 г., к Л. Т. Симиренко от 20 февраля 1900 г., к А. В. Амфитеатрову от 13 июля 1900 г.

Не включено письмо к М. Д. Беленовской от 11 декабря 1900 г., написанное рукой Чехова от имени Е. Я. Чеховой (впервые опубликовано в журнале «Вопросы архивоведения», 1960, № 5, стр. 51), следующего содержания: «Милая Марьюшка! Я и Маша скоро приедем, нужно отапливать дом, особенно нижний этаж. Будь здорова, господь вас благослови. Евгения Чехова».

Свод писем А. П. Чехова дополнен, по сравнению с *ПССП*, еще несколькими эпистолярными документами: Б. Ф. Прусику от 8 января 1900 г.; в редакцию «Русской мысли» от 26 января 1900 г.; В. С. Тюфяевой от 29 апреля 1900 г.; В. М. Дорошевичу от 30 апреля 1900 г.; М. П. Чеховой от 28 августа 1900 г.; Б. Ф. Прусику от 22 сентября 1900 г.; П. Д. Боборыкину от 9 октября 1900 г.; П. А. Сергеенко от 9 октября 1900 г.; М. М. Ковалевскому от 17 и 21 декабря 1900 г.; И. Н. Альтшуллеру от 26 декабря 1900 г.; П. Н. Боярову от 20 февраля 1901 г.; А. А. Тетереву от 20 февраля 1901 г.; А. М. Федоро-

ву от 25 марта 1901 г.

Обнаружены автографы писем, печатавшихся ранее по печатным источникам и копиям: А. А. Санину (Шенбергу) от 14 января 1900 г., Неизвестному от 18 января 1900 г., С. Н. Худекову от 19 января 1900 г., Ал. П. Чехову от 25 января 1900 г., в редакцию «Русской мысли» от 26 января 1900 г., М. Ф. Терентьевой от 28 января 1900 г., М. О. Меньшикову от 28 января 1900 г., В. А. Лазаревскому от 30 января 1900 г., М. О. Меньшикову от 20 февраля 1900 г., В. А. Лазаревскому от 26 февраля 1900 г., Л. Ю. Арбушевской от 20 марта 1900 г., М. О. Меньшикову от 26 марта 1900 г., Б. А. Лазаревскому от 2 апреля 1900 г., М. О. Меньшикову от 13 июня 1900 г., М. О. Меньшикову от 25 июня 1900 г., Л. Ю. Арбушевской от 27 июня 1900 г., М. О. Меньшикову от 19 июля 1900 г., М. О. Меньшикову от 3 августа 1900 г., М. О. Меньшикову от 2 сентября 1900 г., М. О. Меньшикову от 17 сентября 1900 г., А. С. Суворину от 16 ноября 1900 г., М. А. Членову от 6(19) января 1901 г., А. Л. Вишневному от 18 (31) января 1901 г., М. А. Членову от 19 января (1 февраля) 1901 г., П. Н. Боярову от 20 февраля 1901 г.,

Л. Ю. Арбушевой от 3 марта 1901 г., М. П. Чеховой от 16 марта 1901 г.

В тексты писем, автографы которых остаются неизвестными, внесены поправки по копиям М. П. Чеховой (ГБЛ).

В ряде случаев изменены датировки писем (уточнения в пределах одного месяца здесь не отмечаются):

Адресовано: Датировалось ранее: Датируется в настоящем издании: Н. Н. Хмелеву 11 февраля 1899 г. 11 февраля 1900 г. А. Б. Тарховскому 29 января 1900 г. 29 января 1899 г. М. П. Чеховой 31 января 1900 г. 31 января 1902 г. А. Л. Вишневскому 5 августа 1900 г. 5 сентября 1900 г. С. П. Бонье 10 декабря 1900 г. 10 декабря 1899 г. С. Я. Елпатьевскому 1900–1901 гг. 1899 г.

Письмо М. К. Первухину, датированное ранее октябрём 1900 г., идет с датой 1900–1903 гг. Письмо к В. М. Лаврову от 9 января, опубликованное в ПССП дважды — как письмо 1900 года (т. XVIII) и 1901 г. (т. XIX), — печатается в ряду писем 1902 г. (см. т. 10 Писем). Письмо к О. Р. Васильевой, также опубликованное в ПССП дважды, с датой «между 24 и 31 октября 1900 г.» (т. XVIII) и 20 сентября

1901 г. (т. XIX), публикуется с последней датой.

Тексты писем за январь-февраль 1900 г. и примечания к ним подготовлены *И. Е. Гитович*; тексты писем за март 1900 — март 1901 г. и текстологические примечания к ним подготовлены *М. А. Соколовой*. Реальные примечания к письмам этого периода составлены *А. М. Малаховой*; ею же написана вступительная статья к примечаниям.

Раздел «Несохранившиеся и ненайденные письма» подготовлен *Н. И. Гитович*. Указатель имен и названий составила *Ю. Г. Кондратьева*.

1900

2991. О. Л. КНИППЕР

2 января 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 2–3.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 22–26 декабря 1899 г.; Книппер ответила 13 января 1900 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 110–112, 116–117).

...перехватывал на почте один наш общий знакомый. — Шутка.

Я не поздравляю Вас с успехом «Одиноких». — Об успехе постановки в Художественном театре пьесы Гауптмана «Одинокие» Книппер писала Чехову 12 декабря 1899 г.: «Прошли „Одинокие“ с неожиданным блестящим успехом, а мы совсем приготовились если не к провалу, то к очень среднему успеху, и вдруг — овации! К спектаклю все подтянулись, играли нервно, а на репетициях совсем пали духом» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 109). Исключительный успех спектакля отмечала и пресса. Почти все газеты выделяли среди исполнителей Книппер, В. Э. Мейерхольда, М. Ф. Андрееву, А. А. Санина, А. М. Москвина.

22-26 декабря Книппер снова писала об этом спектакле: «Увижусь с Вами, буду много говорить об „Одиноких“. Мейерхольд потратил много труда, много нервов и сделал много, но его укоряют за резкость, за суетливость, излишнее нервничанье. Страшный успех имеет Мария Федоровна в роли Кэте — она очаровательна, обаятельна, изящна, мила, но нет мещаночки, серенькой дочери пастора, ограниченной, но глубоко любящей Кэте, и

потому делается непонятно, почему Иоганн ищет чего-то другого; такая жена вполне может понять его и быть ему духовно близкой. И правду говорят — при такой Кэте Анна должна быть сверхчеловеком. Говорили мне об этом многие люди, видевшие эту пьесу в Берлине».

Я Мейерхольду писал и убеждал в письме не быть резким в изображении нервного человека. — См. письмо 2903 в т. 8 Писем.

Рецензент газеты «Курьер», отмечая общий высокий уровень исполнения, режиссуры, об игре Мейерхольда писал: «...кажется, артист недостаточно проникся идеей автора. Он должен особенную энергию вложить в те места роли, в которых наиболее ярко рисуется автором духовная борьба „одинокого“ <...> г. Мейерхольд сделает значительно больше для правильного истолкования характера Иоганнеса, если откажется от излишней суетливости, переходящей по временам в какую-то беготню. Иоганнес должен быть в высокой степени раздражителен, резок, нервен, но не суетлив. Голос его от самых нежных, душевных нот должен в минуты резкого воз-

буждения доходить до крика, мучительного стопа, но каждая фраза, каждое слово должны доходить до слуха зрителей. В заключительной сцене драмы, после ухода Анны, когда Иоганнес решается на самоубийство, артист слишком злоупотребляет изображением нервного возбуждения, граничащего с сумасшествием. Сцена эта и без того удивительно драматично написана Гауптманом, что менее беспокойная игра артиста положительно усилит впечатление, а никак не ослабит» (1899, № 352, 21 декабря).

О том же писал в «Русских ведомостях» И. Игнатов: «Г-н Мейерхольд, исполнявший роль Иоганна, сделал из него совершенного неврастеника, человека развинченного и неустойчивого, страдания которого всего скорее возбуждаются несоответствием между размерами амбиции и количеством амуниции. Он не только раздражается жизненными мелочами, но мечется в раздражении, не только мучительно сознает свое духовное одиночество, но проявляет свои мучения в порывистых жестах, в беготне по комнате, в постоянном дрожании рук, в повышении го-

лоса, часто не соответствующих умеренности выражений. Перед нами тип неврастеника, неустойчивого, бессильного, нигде и никогда не способного найти удовлетворение. Его увлечение Анной представляется зрителю не глубоким чувством, основанным на взаимном понимании и сходстве стремлений, а временами капризом больного, может быть, жалкого по своим страданиям, но антипатичного по своему узкому эгоизму и по своей душевной дряблости. При таком освещении меняется не только психология данного лица — меняются и основная мысль драмы, и отношение зрителя к поставленному вопросу» (1899, № 349, 18 декабря).

Сестра говорит, что Вы чудесно играли Анну. — Книппер писала Чехову о своей неудовлетворенности исполнением роли Анны: «Перед Анной Мар я пока чувствую себя бессильной, играю очень бледно, слабо; теперь у меня больше свободного времени, буду ею заниматься, хочу, чтобы она меня хоть немножечко удовлетворила, а играть так — одно терзание для меня».

В «Нов<ом> времени» очень похвалили Ва-

шу труппу. — 28 декабря 1899 г. в «Новом времени» (№ 8561) было напечатано «Письмо из Москвы» П. Перцова по поводу спектакля Художественного театра «Дядя Ваня»: «Играют пьесу Чехова <...> бесподобно. Это не только талантливо — это, употребляя модную квалификацию, „сверх“ талантливо. Можно поздравить Петербург, если он увидит этой зимой „Дядю Ваню“ в исполнении труппы г. Станиславского. Самое замечательное в этом исполнении — бесспорно ансамбль и режиссерская „постановка“. Это уже не „сцена“, на которой „играют“, — это просто подлинная „будничная жизнь“, точно перед вами случайно выломали стену в чужую квартиру и вы сделали невольными свидетелями ее жизни. До чего обдумана каждая мелочь, как выдержаны все оттенки обстановки <...> Право, глядя на эту игру, я невольно подумал, что наш театр вовсе уже не находится в таком „декадансе“, как обыкновенно уверяют. Пусть нет теперь Щепкиных, Мартыновых, Самойловых, зато явилось то, чего, быть может, и не могло быть в эпоху крупных артистических индивидуальностей. Если нет великих актеров, за-

то народился „великий ансамбль“ — такое дружное, ровное, согласное исполнение, которое стоит всякой блестящей индивидуальности и которому предстоит, я думаю, самое широкое будущее в сценическом искусстве, „социальном“ по самой природе.

Но и на общем фоне превосходного исполнения выделяется г. Вишневецкий в роли незадачного дяди Вани, нервно и страстно проводящий свою партию, и г-жа Лилина — Соня, так тонко и искренно передающая историю своей бедной, надломленной любви, что краткую вспышку ее юного счастьем <...> трудно слышать без сильного волнения.

И удивили меня москвичи своим хладнокровием и сдержанностью. Театр был, конечно, набит, а между тем — аплодисменты жиденькие, вызовы вялые, и в антрактах всё такие же вялые, сонные лица, точно и не было на сцене ничего яркого, сильного, „дух захватывающего“. Тут впечатления „с холодом в спине“, как говаривал Достоевский, а они ходят по фойе также чинно и равнодушно, „как ни в чем не бывало“. Уж каких им надо зрелищ — бог их ведает. Тоже „хмурые люди“ из

чеховской публики. Нас, петербуржцев, бранят за „холодность“ и „бездушие“, но, боже мой, мы каждый спектакль отбиваем себе все ладоши, вызывая Фигнера. Мы умеем встречать Савину и Комиссаржевскую, Варламова, Давыдова и Сазонова — да всё талантливое. И дайте нам такую пьесу и такую игру — и увидите, как мы будем хладнокровны. Ох, не устарела ли уже слава Москвы, как якобы „экспансивной“ и „увлекающейся“?

И уж, конечно, в антракте я услышал фатальное: „Не понимаю, что хотел сказать этим автор“. О господи! Никогда-то мы не понимаем».

...очевидно, и в Великом посту будут хвалить... — Предполагавшаяся («великим постом») гастрольная поездка труппы Художественного театра в Петербург не состоялась. См. примечания к письму 3040*.

В февральской книжке «Жизни» будет моя повесть... — Повесть «В овраге» была напечатана не в февральской, а в январской книжке «Жизни».

У нас Левитан ~ изобразил лунную ночь во время сенокоса. — В своей книге «Из далекого

прошлого» (М., Гослитиздат, 1960) М. П. Чехова вспоминает: «В конце 1899 года, во время рождественских праздников, к нам приезжал наш старый, дорогой друг И. И. Левитан. Он тогда был уже тяжело больным. Эта его встреча с Антоном Павловичем, в сущности, оказалась последней (если не считать кратковременного посещения Антоном Павловичем больного Левитана в мае 1900 года в Москве).

В эти последние дни 1899 года в нашем доме появилась еще одна картина Левитана — написанный маслом этюд „Стоги сена в лунную ночь“. Появлению этого этюда предшествовал разговор Антона Павловича с Левитаном о русской природе. Левитан сидел в кабинете брата в кресле перед камином, а Антон Павлович, медленно прохаживаясь по комнате, говорил о том, что он соскучился по родному среднерусскому пейзажу, что крымская южная природа хотя и красивая, но холодная. Я сидела тут же в комнате. Вдруг Левитан обращается ко мне:

— Мафа, принесите мне, пожалуйста, картону.

Я принесла. Исаак Ильич вырезал кусок по

размеру ниши камина, вставил его туда, взял краски и начал писать. В каких-нибудь полчаса этюд был готов. На нем были изображены копны сена в поле во время сенокоса в лунную ночь, вдали лес. В нижнем правом углу он написал: *И. Левитан — А. Чехову*. Так этот подарок друга навсегда и остался в нише камина» (стр. 244–245).

2992. А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

2 января 1900 г.

Печатается по автографу (*Архив Горького*). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 1–2.

Год устанавливается по письму М. Горького от 13 декабря 1899 г., на которое отвечает Чехов; Горький ответил 5 января 1900 г. (*Горький*, т. 28, стр. 107–108 и 112–114).

...когда приедете в Ялту? — Горький писал: «...весьма вероятно, что зимою я принужден уже буду ехать в Ялту».

Фотографию получил... — Это могла быть одна из двух фотографий 1899 г. На одной из них Горький снят с Е. П. Пешковой и сыном Максимом, на другой — только с Максимом.

Спасибо за хлопоты насчет нашего попечи-

тельства о приезжих. — Видя тяжелое положение туберкулезных больных, приезжающих в Ялту для лечения, Чехов всячески старался помогать им и принял деятельное участие в работе Ялтинского попечительства о нуждающихся и больных. В частности, рассылал воззвание, отпечатанное за его подписью, с просьбой о пожертвованиях (см. в т. 8 Писем письмо 2954 и примечания к нему).

Горький сообщал о том, что воззвание, как просил об этом Чехов («...пропагандируйте сие воззвание через нижегородские и самарские газеты»), он поместил в «Нижегородском листке» 1 декабря 1899 г. «Присланную Вами бумажку я напечатал в „Листке“ и затем разослал оный по знакомым в Питер, Москву, Самару, Смоленск. Здесь в „Листок“ плохо дают, до сей поры дали только 35 р<ублей>. Но я сам пойду по некоторым из местных богачей и немножко сорву с них. Боюсь, что поступил неловко, напечатав в местной газете выдержку из Вашего письма о смерти Епифанова. Простите, коли так. Я рассчитывал, что этот звук щипнет людей за сердце, но, кажется, ошибся».

Горький напечатал выдержку из письма Чехова от 25 ноября 1899 г. (см. т. 8 Писем) — о смерти поэта С. А. Епифанова.

От себя Горький добавлял: «Так „в одиночестве, в забросе“ умирают люди, развлекавшие и развлекающие вас, читатели, умирают, не имея своего двугривенного на „пастилу“ — на последнее свое желание жизни, предсмертный каприз. Так же, полуголодные и одинокие, умирают и столь ценные слуги общества, как учителя, учительницы и молодежь, студенты, „надежда России“. Мы не умеем помочь жить всем этим славным людям и нужным, стойким работникам, создающим родине нашей новых людей, мы не ценим их заслуг при жизни, поможем же им, замученным работой, одиноко и безмолвно, без жалоб умирающим, — хоть умереть спокойно. Вы, читатели, есть некая бездонная пропасть, равнодушно и без отклика поглощающая и всякий печатный хлам, вроде рассказов Гейнца, и вкусные питательные яства, изготовляемые для вас Толстыми и Тургеневыми, — вы, читатели, должны дать на „пастилу“ человеку, до смерти заработавшемуся для вашего

развлечения. Вы должны облегчить последние минуты жизни учителям наших детей и всем другим ценным людям, уезжающим умирать далеко от вас, в край, где солнце, море и все краски ласковой нежной природы разжигают у человека страстное желание жить, — туда, где люди относятся к больным, как к средству наживы, где всё дорого, все сухи и черствы и где больной человек найдет удобства лишь тогда, когда он богат. Нижний, по справедливости, славится своей отзывчивостью на крик нужды и горя, наш город насчитывает десятки крупных благотворителей, и мы надеемся, что воззвание ялтинских людей, зовущих на помощь к больным, не прозвучит в Нижнем Новгороде „гласом вопиющего в пустыне“» («Нижегородский листок», 1899, 1 декабря).

Повесть в «Жизнь» уже послана. — «В овраге».

...Ваш рассказ «Сирота»... — Рассказ Горького «Сирота» был напечатан в «Нижегородском листке» (1899, № 209, 4 октября).

На медицинском факультете ~ есть профессор А. Б. Фохт ~ Лучшего чтеца я не знаю ~

ему послал Вашего «Сироту». — Чехов слышал чтение А. Б. Фохта у своего университетского товарища врача Г. И. Россолимо 2 мая 1899 г. Позднее Россолимо вспоминал об этом вечере: «У меня он <Чехов> застал нашего общего учителя, Александра Богдановича Фохта. Благодаря последнему вечер прошел с большим оживлением. А. Б., талантливый чтец, художественно цитировал и беллетристов и поэтов, делился своими воспоминаниями о знаменитых драматических артистах. Уступая нашим настойчивым просьбам, он прочел несколько рассказов Слепцова („Спевка“, „В вагоне 3-го класса“ и др.). Чтение было настолько живо и замечательно по художественной передаче, что А. П. Чехов хохотал до колик в животе. Продолжая хохотать, со слезами на глазах, он говорил, что в жизни ему не приходилось переживать подобного наслаждения, как в этот вечер» (Чехов в воспоминаниях, стр. 665. Россолимо ошибочно датировал эту встречу 2 мая 1900 г.).

...в Вашем третьем томе... — Третий том «Очерков и рассказов» М. Горького (изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, СПб., 1899)

Горький прислал Чехову с надписью: «Дорогому Антону Павловичу от автора. М. Горький» (*Чехов и его среда*, стр. 230). В этот том вошли рассказы: «Варенька Олесова», «Каин и Артем», «Дружки», «Однажды осенью», «Кирилка», «О черте», «Еще о черте», «Мой спутник», «Проходимец», «Читатель».

Я бы ~ выбрал лучшие вещи, издал бы их в одном рублевом томе.. — Горький ответил: «Насчет отдельной книжки моих хороших рассказов — это Вы великолепно удумали. Я устрою это, хотя решительно не согласен с тем, что „Спутник“ — хороший рассказ <...> А все-таки Вы мне, пожалуйста, перечислите те рассказы, которые один другого стоят».

2993. С. Н. ХУДЕКОВУ

7 января 1900 г.

Печатается по автографу (ТМЧ). Впервые опубликовано: *Чеховский сб.*, стр. 69–70.

Ответ на письмо С. Н. Худекова от 27 декабря 1899 г. (ГБЛ).

Гонорар за новогодний рассказ «На святках» я получил ~ рассказа же — увы! — не получил... — Рассказ Чехова «На святках» напе-

чатан в «Петербургской газете», 1900, № 1. 27 декабря Худеков сообщал, что «рассказ будет помещен в новогоднем номере, который свое- временно будет <...> доставлен» (ГБЛ).

Слухи о том, что зимой я буду в Петербурге, к сожалению, не достоверны. — Худеков писал Чехову: «Мне говорили, что Вы зимою собираетесь в Питер. Что же? — доброе дело! Приезжайте скорее, и на холодном севере найдутся люди с теплою душою, способные обогреть Вас после крымских ярких лучей солнца. Впрочем и „благодатный Юг“ что-то пошаливает в нынешнем году: и у Вас холодно.

Вчера вынесли мы на Волково Григоровича. Как не хотелось ему умирать. Незадолго перед смертью он был у меня и всё твердил “жить хочу“. Долго и много вспоминал про Вас и как душевно отзывался он о „невольном изгнаннике“, обреченном жить вдали от друзей... в прескучной Ялте» (ГБЛ).

2994. Б. ПРУСИКУ

8 января 1900 г.

Печатается по фотокопии с автографа (ГЛМ)

), хранящегося в Литературном архиве Национального музея (Прага). Впервые опубликовано А. И. Игнатъевой: «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», 1957, № 22, стр. 52.

Открытка. Год устанавливается по почтовым штемпелям: Ялта. 9 I.1900; Praha. 25 II. 1900.

Ответ на письмо Б. Прусика от 30 декабря 1899 г. (12 января 1900); Прусик ответил 14 (27) января 1900 г. (ГБЛ).

...благодарю Вас за память обо мне и внимание ~ живу в Ялте, мой адрес прост: Ялта. — Прусик поздравлял Чехова с новым годом и спрашивал адрес, чтобы выслать ему экземпляр «Чайки» в своем переводе.

Буду с нетерпением ожидать обещанной Вами «Чайки»... — В отсутствие Чехова в Ялте (с апреля до конца августа 1899 г.) Прусик неоднократно писал Чехову, а также послал ему чешское издание «Чайки» и афишу ее постановки в театре Шванды (ТМЧ). В Доме-музее Чехова в Ялте хранится экземпляр «Чайки» на чешском языке с надписью: «В добрую память от Вашего переводчика Б. Ф. П.» Оче-

видно, получив от Чехова письмо с точным адресом, Прусик писал ему 14/27 января 1900 г.: «Вместе с этой картой высылаю Вам „Чайку“, которая пойдет в феврале на сцене театра барона Шванды, где и год тому назад имела большой успех. Буду очень обязан Вам, если вышлете мне новые Вами изданные книги и позволите мне их перевести на чешский язык» (ГБЛ). Одновременно он послал Чехову экземпляр «Чайки» с надписью: «Глубокоуважаемому Антону Пав<ловичу> Чехову в знак искренней преданности. Бор. Прусик, 26 I.1900 г.» (ТМЧ; Чехов и его среда, стр. 309).

2995. А. С. СУВОРИНУ

8 января 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 4–6.

Год устанавливается по упоминанию о поведении, посланной в журнал «Жизнь», и об учреждении Разряда изящной словесности Академии наук (см. ниже).

В текст письма вклеена вырезка из приложения к «Ниве» с текстом повести Чехова «Моя жизнь».

...сегодня я проводил гостей, остался опять один... — Уехали в Москву из Ялты М. П. Чехова и И. И. Левитан.

...кланяюсь и той неизвестной, которая написала мне письмо на Вашей почтовой бумаге (с вензелем А. С.) и не подписалась. — Дочь Суворина Настя прислала Чехову шутовское письмо: «Милый Антон Павлович, сегодня, проходя мимо магазина Попова, я увидела в витрине, среди артистов, между Морским и Яковлевым, Вашу карточку; вначале я подумала, что это, вероятно, какой-нибудь начинающий баритон (не знаю почему, но Вы похожи на баритона более, чем на тенора). Останавливаюсь, и вдруг вообразите мое разочарование, когда я вижу, что это не только что не баритон, но даже и не бас, а просто „наш маститый, неподражаемый, в своем роде единственный беллетрист“. Тем не менее, мне пришло в голову, что у меня нет Вашей карточки, кроме одной и то не моей, снятой лет 10 тому назад, и следовательно, когда Вы были еще мальчишкой 16–17 лет!?! (Покажите это место „любимой“ женщине, когда она усомнится в Ваших годах.) Теперь праздники и

потому: поздравляю с Праздником и не мешало бы с „Вашей милости на чаек“ в виде карточки. Не знаю почему, но эта фраза напомнила мне „Осколки“ и пр. с их ежегодным весенним репертуаром <...> Только, пожалуйста, милый Антон Павлович, не читайте моего письма любимой девушке или женщине. „Взобравшись с ногами на турецкий диван и прижавшись *плотнее*“ к друг другу, они перечитывали старые письма и „хорошо“ и „тепло“ было у них на душе. Пожалуйста, чтобы так не было, а то ужасно обидно третьему лицу, у которого нет турецкого дивана. Ну, до свидания, твоя вся Настя.

Конец написан для возбуждения ревности Ваших дам и девиц. А теперь скажу, что очень желала бы Вас видеть, что ужасно давно не видала Вас и „честно“ блеснув глазами, она протянула ему свою „большую, но прекрасную“ руку, и ее глаза искали его взгляда — он, но он, он... Что сделал он, Антон Павлович?

Надеюсь, Вы, по светскому обычаю, тоже попросите мою карточку. Потому что Вы не тенор, не баритон, не бас, не музыкант, ни да-

же атлет, а только писателишко» (рукою Чехова карандашом на письме поставлена дата: 1900, I).

В ответ на письмо Чехова к Суворину Настя прислала второе письмо: «Как Вам не стыдно не узнать было письмо любимой девушки! Как вы не видали подписи? Или у Вас такая масса женщин, которые Вам пишут <...> Одним словом, *мое* письмо начинается: „Милый А<нтон> П<авлович>, вчера, гуляя, я видела в магазине Вашу карточку и т. д.“ Теперь выдвиньте ящик с письмами, начинающимися на слово „милый“ и ищите. Настя» (ГБЛ).

...поеду в Ниццу, то не раньше февраля. — Чехов выехал в Ниццу в декабре 1900 г.

...по его газете... — Кн. В. В. Барятинский в 1899–1900 гг. издавал в Петербурге газету «Северный курьер».

Вашу повесть... — Вероятно, находившуюся в это время у Чехова повесть Суворина «Странное происшествие» (см. письмо от 2 июля 1898 г. в т. 7 Писем).

...Вашего календаря. — Суворин выпускал «Русский календарь».

Говорим о Пушкинском отделении изящ-

ной словесности. ~ Добавление к указу... — В ознаменование столетия со дня рождения А. С. Пушкина правительственным указом от 29 апреля 1899 г. при Отделении русского языка и словесности Академии наук был учрежден специальный Разряд изящной словесности. Дополнительным указом от 23 декабря 1899 г. Академии было предложено внести в положение об Отделении русского языка и словесности новое постановление о Разряде изящной словесности: «Этот разряд составляют, во-первых, избираемые в действительные члены Академии писатели-художники и ученые исследователи в области языка и словесности и, во-вторых, почетные академики и корреспонденты Отделения по Разряду изящной словесности. В почетные члены избираются писатели-художники и литературные критики. Выборы их производятся, с разрешения президента, в соединенном собрании действительных и почетных академиков.

Почетные академики состоят непременно членами комиссий по присуждению Пушкинских и иных премий за литературные труды» («Известия императорской Академии

наук», 1901, т. 14).

Как и предвидел Чехов, на первых выборах писатели были избраны только в почетные академики.

...нуждается и служит на конно-жел<езной> дороге... — Вероятно, именно в этот день Чехов получил от К. С. Баранцевича письмо (от 6 января 1900 г.), в котором тот писал: «По-прежнему служу на конке, которую считаю каторжными работами. И вот уже 20 лет, как я на этих работах» (ГБЛ).

Вы хорошо делаете, печатая мартиролог русских городов, обойденных взяточниками-инженерами. — 8 декабря 1899 г. в «Новом времени» (№ 8543) была напечатана заметка Сигмы (С. Н. Сыромятникова) «Инженерные капризы» о произволе инженера, производившего изыскания на предполагаемом пути Петербургско-Киевской железной дороги: «Неизвестно, из каких соображений, но во всяком случае из соображений неумных, а иногда и нечистых, господа инженеры занимаются разрушением старых городов в России и постройкою в некотором от них отдалении новых под видом вокзалов железных до-

рог. Я не знаю, достаточно ли Россия богата, чтобы разрешить упражнение строительной фантазии людям, которым местные интересы не говорят ни слова. В том или другом городе осел известный капитал в виде домов, лавок, амбаров, пристаней, контор. По желанию инженеров весь этот капитал обесценивается, уничтожается, ибо они находят нужным построить вокзал ж. д., скажем, в десяти верстах от города. Около этого вокзала приходится строить новые дома, открывать новые лавки, создавать новые пристани. Таким образом, на создание условий пользования железной дорогой затрачивается еще столько же труда и капитала, сколько было затрачено на постройку города, ради которого строится железная дорога. Курск, Орел, Томск и бесчисленное количество меньших городов по воле гг. инженеров должны были выделить из себя колонии к вокзалам железных дорог». Эта заметка, поднимавшая очень актуальный и наболевший для экономики России вопрос, вызвала многочисленные отклики, и газета стала печатать списки под названием «Мартиролог русских городов», обойденных желез-

ными дорогами. Списки присылали «с мест» добровольные корреспонденты «Нового времени».

2996. М. П. ЧЕХОВОЙ

10 января 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 297, с датой 11 января.

Год устанавливается по почтовым штемпелям: Ялта, 10 I.900; Москва. 14 I.900. Дата 11 января, очевидно, описка Чехова.

М. П. Чехова ответила 15 января 1900 г. (*Письма М. Чеховой*, стр. 143).

...похлопочи насчет «Новостей дня»... — Чехов просил высылать ему газету «Новости дня» в 1900 году.

...напиши, как здоровье Е. З. Коновицера. — См. примечания к письму 3011*.

...замечательной актрисе... — О. Л. Книппер.

2997. В. А. ПОССЕ

11 января 1900 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ). Впервые

опубликовано: «Новый журнал для всех», 1908, № 2, стлб. 75.

Год устанавливается по телеграмме В. А. Поссе от 7 января 1900 г., на которую отвечает Чехов (ГБЛ).

...возвращаю корректуру. — Поссе телеграфировал Чехову относительно повести «В овраге», печатавшейся в «Жизни»: «Корректура вам послана Просим позволения печатать январе Крайне важно успеха журнала Без вашей корректуры печатать не будем Сохраняете ли название Поссе». См. также письмо 2999*

В Ялте ждут Горького. — М. Горький приехал в Ялту 16 марта 1900 г.

2998. М. П. ЧЕХОВОЙ

11 января 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 296.

Год устанавливается по упоминанию о работах на шоссе. Об этом же Чехов писал М. П. Чеховой 28 января 1900 г.

...фотографию с кабинетом передай В. Э. Мейерхольду. — По-видимому, фотография Че-

хова в кабинете его ялтинского дома, сделанная в 1899 г.

2999. В. А. ПОССЕ

12 января 1900 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ). Впервые опубликовано: «Новый журнал для всех», 1908, № 2, стлб. 75–76.

Год устанавливается по ответному письму В. А. Поссе от 16 января 1900 г. (ГБЛ).

...вчера я послал рукопись и письмо... — Послана была корректура «В овраге». См. письмо 2997* и примечания к нему*.

Сделайте распоряжение, чтобы корректор не ставил запятых и кавычек. — Поссе ответил: «Ужасно неприятно, что Вам пришлось поправлять без оригинала. Напутала новая типография, в которую мы перебираемся с января: послали оригинал не Вам, а корректору. Это — одна из тысячи неприятных мелочей, которые терзают меня ежедневно. Не поверите, сколько трудностей приходится преодолеть, чтобы наладить дело как следует. Сознаю, что дело всё еще не наладилось. Труднее всего справляться с цензурой. Работать

приходится одному, в редакции нет ни одного человека, который вошел бы в дело с душой <...> Чтобы кончить с мелочами: маленькие запятые и меня ужасно злят (шрифт — новый), я уже говорил об этом в типографии <...> Окончательную корректуру я просмотрю сам. Повесть Ваша пропущена цензором без помарок» (ГБЛ).

3000. А. А. ШЕНБЕРГУ (САНИНУ)

14 января 1900 г.

Печатается по автографу (ГЦТМ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 8–9.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 15 I.1900; Москва. 19 I.1900.

Ответ на письмо А. А. Санина без даты (ГБЛ).

...большое Вам спасибо, что вспомнили и прислали письмо. — Санин писал: «Дорогой, славный Антон Павлович! Была у нас обычная новогодняя ассамблея... Поминали Вас и Ваше творчество... Я ушел с собрания до его окончания, и лишь теперь узнаю, что Вам послали целое коллективное послание... Там

моей фамилии нет — крайне сожалею об этом. И вот берусь за перо... Хочу черкнуть то, что „просит у сердца ответа“... Шлю Вам мой горячий привет, поздравление с новым годом, наилучшие пожелания всяческих благ. Хочу, чтобы Вы были здоровы, крепки телом и душой... Бесконечно люблю Вашу теплую и горькую музу... Хочу и для нее новых вдохновений и новых побед... Мой закадычный друг, милый „Дядя Ваня“ дожил уже до 21-го представления, догоняет „Чайку“...Я всё еще брежу этой истинной трагедией всеславянского духа... Жалею лишь, что при многих достоинствах постановки и исполнения у нас Вашей пьесы так сильно пострадал общественный элемент пьесы, та самая сторона, которая в моих глазах подымается до значения истинно эпического... Да, того „Дядю Ваню“, который мне мерещился, нет!.. Да, и в Астрове нет для меня того „земского начальника, радетеля земли русской“, который мне мерещился... Но, всё это мои мечты — публика довольна, рукоплещет, поминает Вас добром и уходит с „чувствами добрыми“ из театра — что и требовалось доказать...»

Не приедете ли в Ялту после пасхи? Взяли бы пять полных сборов ~ Репетировать и отдыхать. — Гастроли Художественного театра в Ялте проходили с 16 по 23 апреля 1900 г.

3001. М. П. ЧЕХОВОЙ

15 января 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 9-10.

Год устанавливается по письму М. П. Чеховой от 10 января 1900 г., на которое отвечает Чехов; М. П. Чехова ответила 21 января (*Письма М. Чеховой*, стр. 142 и 144-145).

Воззвание послал сегодня. — Еще до своей новогодней поездки в Ялту 7 декабря 1899 г. М. П. Чехова писала брату: «Я собираю на частотных больных в Ялте. Мне помогает Ольга Леонардовна, Аделаида, Хотяинцева и Коновицер. Елпатьевский говорил, что у тебя есть печатное воззвание. Не пришлешь ли ты? Тогда совсем будет легко собирать. Все-таки я тебе порядочно привезу. На это дают охотно» (*Письма М. Чеховой*, стр. 140). Текст возвания М. П. Чехова собиралась взять, уезжая из Ялты, но забыла (о возвании см. пись-

мо 2992*).

Получил сегодня письмо от «Курьера» — приглашение участвовать в 20-летнем юбилее Гольцева... — В архиве Чехова (ГБЛ) хранится письмо редакции «Курьера»: «Милостивый государь,

27 января сего года исполнится двадцатипятилетие издания журнала „Русская мысль“ и двадцатилетие же участия в этом журнале Виктора Александровича Гольцева.

Товарищи В. А. Гольцева по редакции, его почитатели и друзья имеют намерение, приветствуя „Русскую мысль“ и ее редактора-издателя В. М. Лаврова, выразить свое сочувствие и к общественно-литературной деятельности В. А. Гольцева.

Для этой последней цели предложено собрать капитал для устройства и обеспечения народной библиотеки-читальни имени В. А. Гольцева в с. Старая Руза, Рузского уезда Московской губернии».

Я купил кусочек берега с купаньем и с Пушкинской скалой около пристани и парка в Гурзуфе. — М. П. Чехова ответила: «...я бесконечно рада, что ты купил берег моря. Мое удо-

вольствие по этому поводу разделяет Книппер. Желаю выгодно продать Кучук-Кой».

...обедал у той очень красивой (такой красивой, что даже страшно) дамы... — О. М. Соловьевой.

...Гургуле... — М. Т. Дроздовой.

3002. В. К. ХАРКЕЕВИЧ

16 или 17 января 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 299.

Датируется по письму В. К. Харкеевич от 16 января 1900 г. (переданному вместе с подарком), на которое отвечает Чехов (ГБЛ).

Не знаю, как благодарить Вас за подарки и за Ваше внимание... — Харкеевич поздравляла Чехова с днем рождения 16 января и именинами 17 января.

3003. П. И. КУРКИНУ

18 января 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: Письма, т. VI, стр. 10–11.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на открытке: Ялта. 18 I.1900; Москва. 22

I.1900.

Ответ на письмо П. И. Куркина от 7 января 1900 г. (ГБЛ).

...д-р П. П. Розанов уже взыскал с меня 5 р. и записал в члены Пир<оговского> с<ъезда>. — Куркин спрашивал Чехова: «Не позволите ли записать Вас на 1900 г. членом всероссийского Пирог<овского> о-ва врачей? (членский взнос 5 р<ублей> в год)».

Спасибо Вам за письмо... — Куркин поздравил Чехова с новым годом и писал о положении в больнице и уезде, о своих планах и работе над «Очерками санитарной статистики», которыми Чехов очень интересовался, а также о здоровье их общего знакомого И. Г. Витте: «Посетил я праздниками нашего бедного Ив<ана> Германовича. Горе и горе. За два месяца никаких признаков улучшения параличей; при этом вполне, по-видимому, сохраненная психика, — по крайней мере без бросающихся в глаза пробелов. Авд<отья> Мих<айловна> сохраняет удивительно бодрый геройский дух. И в этом огромном доме они живут вдвоем, даже без прислуги. Дом пустой и холодный, унылый, с оборванными

звонками. Вероятно, недалеко уже время, когда он сменит своих хозяев. В больнице запустенье, так как молодые и временные люди не в силах поддерживать правильного и строгого режима. В уезде — вообще мерзость. 4 января было собрано 2-ое экстренное собрание *по назначению губернатора*, так как 1-ое экстренное, бывшее в декабре, разошлось, не исполнив даже 1/2 своей программы. Дожили до губернаторских секций. В управе Чельцов приятно улыбается и разводит руками; Больман опохмеляется после вчерашней выпивки; Шаров делает визиты гласным. Ведет земское дело писец Алексей Михайлович Бачманов».

Вчера было 17-е янв<аря> ~ избрание в академики. — На первых выборах в учрежденный при Отделении русского языка и словесности Академии наук Разряд изящной словесности почетными академиками были избраны Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, А. А. Потехин, А. Ф. Кони, А. М. Жемчужников, А. А. Голенищев-Кутузов, В. С. Соловьев, К. К. Арсеньев и К. Р. (Константин Романов). Выборы происходили 8 января, но узнал Чехов об

этом, очевидно, только 17 января. (Уведомление Академии наук было послано ему 16 января. См. примечания к письму 3015*.)

3004. НЕИЗВЕСТНОМУ

18 января 1900 г.

Печатается по автографу (ГЛМ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 11–12.

Я не отвечал так долго на Ваше письмо...

— Письмо и фамилия адресата (вероятно, учителя) неизвестны.

3005. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

19 января 1900 г.

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 15.

Ответ на письмо И. Л. Леонтьева без даты, написанное на визитной карточке («С днем ангела, дорогой Антуан!»). Рукой Чехова поставлена дата: «1900, I».

Год подтверждается ответным письмом Леонтьева от 26 января 1900 г. (ГБЛ).

...если я не поздравил Вас 7-го янв<аря>... —

День рождения адресата.

Часто встречаю в Ялте на набережной ~

доктора Лаура ~ написавшего «Хохотушку».
— Общий знакомый Щеглова и Чехова, врач
и литератор, автор комедии-шутки в одном
действии «Хохотушка» (М., 1896).

3006. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

19 января 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые
опубликовано: *Письма, собр. Бочкаревым*, стр.
124–125, с неверной датой (19 января 1899 г.).
Дата исправлена в *Письмах*, т. VI, стр. 12–14.

Год устанавливается по письму В. М. Собо-
левского от 4 января 1900 г., на которое отве-
чает Чехов (ГБЛ).

*...в ноябре я писал рассказ ~ пришлось от-
править его в другое место.* — Вероятно, рас-
сказ «На святках», который в декабре 1899 г.
был послан в «Петербургскую газету» и напе-
чатан 1 января 1900 г.

...перерывы в нашей переписке... — предыду-
щее письмо Чехова Соболевскому датировано
11 июля 1899 г.

...точно сидишь в Стрельне... — Стрель-
на — московский загородный ресторан.

Варвара Алексеевна писала ~ участок в Ту-

апсе. — В. А. Морозова сообщала Чехову в письме от 6 декабря 1899 г.: «Мы, кажется, скоро будем вашим vis-à-vis; на берегу Черного же моря, только близ Туапсе я приобретаю маленький клочок. Можно на пароходе делать визиты друг другу» (ГБЛ).

Я недавно был в Гурзуфе... — Чехов был в Гурзуфе 14 января (см. письмо 3001*).

3007. С. Н. ХУДЕКОВУ

19 января 1900 г.

Печатается по автографу (ТМЧ). Впервые опубликовано: *Чеховский сб.*, стр. 70–71.

...сделайте распоряжение, чтобы контора выслала мне новогодний номер, в котором помещен мой рассказ «На святках». — «Петербургская газета» (1900, № 1, 1 января).

...старый, напечатанный в рождественском номере. — 25 декабря 1899 г. в «Петербургской газете» был напечатан с исправлениями рассказ «Художество» (1886). См. также в т. 8 Писем письмо 2955.

Я, как Исав, получивший чечевичу ~ отсылать брату моему Иакову, живущему на Мал<ой> Морской, 22... — Согласно договору с

издателем А. Ф. Марксом, составленному в январе 1899 г., ему перешло право «полной литературной собственности» на все произведения Чехова. По библейской легенде, изголодавшийся Исав уступил за чечевичную похлебку младшему брату Иакову право первородства (Бытие, гл. 25, 29–34).

3008. Г. И. РОССОЛИМО

21 января 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 15–17.

Ответ на письмо Г. И. Россолимо от 16 января 1900 г.; Россолимо ответил 6 февраля (ГБЛ).

...соответствующее P. S. в автобиографии сделать можно... — 11 октября 1899 г. Чехов послал Россолимо свою автобиографию, предназначенную для юбилейного сборника, посвященного врачам, окончившим Московский университет в 1884 г. (см. письмо 2915 в т. 8 Писем и примечания к нему). *Post scriptum*, о котором запрашивал Россолимо, касался избрания Чехова в академики, о чем было напечатано в газетах 16 января: «... я

развернул газету, — писал Россолимо Чехову, — и узнал приятно поразившую меня новость — да здравствует новый Академик и да здравствует Академия, изменяющая уже своим „академическим“ традициям.

Разрешите сделать соответствующее P. S. в Вашей автобиографии, предназначенной для выпускного альбома?!»

То, что у меня, по-видимому, подходит для детей — две сказки из собачьей жизни... — Россолимо писал: «А вот и просьба: меня избрали председателем отдела семейного воспитания при Педагогическом об-ве Моск<овского> унив<ерситета>, и я с большим интересом занялся составлением программы деятельности: между прочим, мы предпринимаем составление образцовой детской библиотеки, для каковой цели мне хотелось бы выбрать подходящее из Ваших рассказов». Получив рассказы «Каштанка» и «Белолобый», Россолимо ответил 6 февраля 1900 г.: «Искренне благодарю Вас за последнее письмо и за Ваши рассказы — последние я передал в библиотеку нашего отдела семейного воспитания, и вокруг них будем теперь группировать новые

материалы для детской образцовой библиотеки. Спасибо Вам также за то, что направили меня к Ивану Павловичу, с которым поспешу познакомиться и попросить принять участие в наших библиографических занятиях».

Скоро в «Жизни» появится моя повесть — последняя из народной жизни. — «В овраге». Россолимо ответил: «Почему Вы пишете мне что Ваш рассказ, помещенный в № 1 — 1900 „Жизни“ будет последним на народный сюжет? Он Вам очень удался, и было бы жалко, если бы умышленно стали обходить вопросы народной жизни в то время, как они сами просятся у Вас на бумагу. Правда, наша литература чересчур загромождена простонародными — как будто бы вся жизнь русская вертится только около деревни — и ее небогатыми психологическими мотивами; особенно детские журналы переполнены простонародными сюжетами настолько, что придется, пожалуй, особенно налечь на переводные вещи, а этого не хотелось бы во всяком случае. Но все-таки для художеств<енных> произв<еде-ний> таких рамок не следовало бы себе ставить.

Ваша „Дама с собачкой“ и „В овраге“ читаются теперь у нас с жадностью, а 1 том марковского издания можно встретить теперь в каждом доме» (ГБЛ).

3009. М. П. ЧЕХОВОЙ

21 января 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 303–304.

Год устанавливается по письму М. П. Чеховой от 15 января 1900 г., на которое отвечает Чехов; М. П. Чехова ответила 25 января (*Письма М. Чеховой*, стр. 143 и 144–145).

...я положил твои 5 тыс. в банк на 3 года...

— М. П. Чехова ответила: «За пять тысяч спасибо, только это как-то неловко и странно, что они мои!», а в примечании к этому письму пояснила: «После продажи Мелихова Антон Павлович подарил мне 5 тысяч рублей за мои труды, вложенные в благоустройство мелиховского имения, и развитие его хозяйства» (*Письма М. Чеховой*, стр. 146, 147).

...очень красивая дама... — О. М. Соловьева.

...начальница с Манефой... — В. К. и М. Н. Харкеевич.

День моих именин прошел в угрюмом молчании... — В ответном письме М. П. Чехова писала: «На твои именины я водила Лику на „Чайку“. Она плакала в театре, воспоминанья перед ней, должно быть, развернули свиток длинный...» После спектакля М. П. Чехова пригласила к себе друзей, и Чехову была послана в Ялту коллективная телеграмма: «В день Антония Великого собрались в дружеском кругу по гостеприимному призыву хозяйки, пьем здоровье дорогого писателя и пушкинского академика. Маша. Книппер. Лаврова. Мизинова. Гольцев. Лавров, Левитан. Жорж» (ГБЛ).

3010. О. Л. КНИППЕР

22 января 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 17–18, с пропусками; полностью — *ПССП*, т. XVIII, стр. 305–306.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 22 I. 1900; Москва. 26 I. 1900.

Ответ на телеграмму О. Л. Книппер от 17

января 1900 г.; Книппер ответила письмом, которое было начато 19 января и продолжено 28 января (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 118, 120–124).

...17 янв<аря> я получил телеграммы от Вашей мамы и брата, от дяди Александра Ивановича (подпись — дядя Саша) и Н. Н. Соколовского. — Телеграммы А. И. Книппер и К. Л. Книппера, а также А. И. Зальца не сохранились. В архиве Чехова (ГБЛ) хранится телеграмма Н. Н. Соколовского: «Сердечно рад случаю выразить Вам свою глубокую симпатию искренно пожелать Вам здоровья успеха в ваших трудах. Соколовский».

*...муаровой шелковой подкладкой на отворотах? — Так Чехов поддразнивал Книппер, якобы увлеченную Вл. И. Немировичем-Данченко. Когда М. П. Чехова вернулась из Ялты, где встречала Новый год, она писала Чехову, что была в Художественном театре и видела Немировича-Данченко: «У Владимира Ивановича муаровые шелковые отвороты на сюртуке, это ему очень идет» (*Письма М. Чеховой*, стр. 143).*

Говорят, что в мае Вы будете в Ялте. —

Еще до получения этого письма, 19 января Книппер писала: «...поговаривают, что мы будто бы попадем в Ялту во второй половине мая — вот было бы чудесно». Об этом же сообщила Чехову 15 января и М. П. Чехова: «...я была сейчас в Художественном театре <...> Видела Станиславского, Немировича с Вишневым и Книппер <...> Все они в один голос сказали, что непременно в первых числах мая приедут в Ялту, но только с твоими двумя пьесами, специально, чтобы показать их тебе. Думают играть и в Севастополе» (Письма М. Чеховой, стр. 143).

Доктор Розанов (один из тех сумасшедших, которых мы видели в Кокозе)... — Позже Книппер-Чехова вспоминала об этой поездке: «В августе мы с Антоном Павловичем вместе уехали в Москву, ехали на лошадях до Бахчисарая, через Ай-Петри... Хорошо было покачиваться на мягких рессорах, дышать напоеным запахом сосны воздухом и болтать в миллом, шутливом, чеховском тоне и подремывать, когда сильно припекало южное солнце и морило душу зноем. Хорошо было ехать через живописную долину Кокоза, полную ка-

кого-то особенного очарования и прелести...

Дорога шла мимо земской больницы, расположенной в некотором отдалении от шоссе. На террасе стояла группа людей, отчаянно махавших руками в нашем направлении и как будто что-то кричавших... Мы ехали, углубившись в какой-то разговор, и хотя видели суетившихся людей, но всё же не подумали, что это могло относиться к нам, и решили, что это сумасшедшие... Впоследствии оказалось, что это были не сумасшедшие, а группа ялтинских знакомых нам докторов, бывших в больнице на какой-то консультации и усиленно старавшихся остановить нас... Этот эпизод потом был источником смеха и всевозможных анекдотов» (*Чехов в воспоминаниях*, стр. 692–693).

3011. М. П. ЧЕХОВОЙ

22 января 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *ПССП*, т. XVIII, стр. 305.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на открытке: Ялта. 22 I.1900; Москва. 26 I.1900.

Как здоровье Коновицера? — Чехов запрашивал об этом М. П. Чехову вторично (см. письмо 2996*). М. П. Чехова писала 2 февраля: «Коновицер здоров почти, но страдает он теперь от печати, ему здорово досталось за Художественный кружок»; и 7 февраля: «Коновицер поправляется, хотя еще сильно кашляет» (*Письма М. Чеховой*, стр. 148 и 149).

3012. А. С. СУВОРИНУ

23 января 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 18–21.

Год устанавливается по упоминанию об избрании Чехова в академики, состоявшемся 8 января 1900 г.

Новая пьеса... — А. С. Суворин послал Чехову свою еще не законченную пьесу «Героиня» (без четвертого акта). В дневнике Суворина записано 5 января 1900 г.: «Очень хотелось бы кончить пьесу „Героиня“. Но никак не справлюсь с последним актом»; и 23 января 1900 г.: «Свою комедию „Героиня“ я послал Чехову» (*Дневник Суворина*, стр. 219–220). Окончательное название пьесы — «Вопрос». Под этим на-

званием она шла на сцене в 1902 г. и в 1903 г. была напечатана.

...лучше «Татьяны Репиной». — Пьеса Суворина «Татьяна Репина» была написана в 1886 г. На сцене впервые шла в 1888 г.

...сумбатовские «Цепи»... — Пьеса А. И. Сумбатова (Южина) «Цепи» была напечатана в журнале «Артист» (1889, кн. 1, сентябрь). Шла на сцене Московского Малого театра (первое представление 6 октября 1888 г.).

Замечаний у меня немного. — Судя по печатному тексту пьесы («Вопрос», СПб., 1903), никаких существенных изменений по замечаниям Чехова Суворин в пьесу не внес.

Действ<ительных> академиков из писателей не будет. — См. примечания к письмам 2995* и 3003*.

Спасибо за календарь и за «Весь Петерб<ург>». — «Русский календарь» и «Весь Петербург» — справочные издания, ежегодно выпускавшиеся Сувориным.

...спросите у Насти, не она ли это прислала мне письмо без подписи на Вашей бумаге (А. С.). — См. письмо 2995* и примечания к нему*.

3013. М. П. ЧЕХОВОЙ

23 января 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 308.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на открытке: Ялта. 23 I.1900; Москва. 27 I. 1900.

3014. Ф. Д. БАТЮШКОВУ

24 января 1900 г.

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано: *На памятник Чехову*, стр. 180–181.

Ответ на письмо Ф. Д. Батюшкова от 12 января 1900 г. (ГБЛ).

Рош просит выслать ему ~ выброшены цензурой. — Французский переводчик Дени Рош перевел в 1897 г. повесть «Мужики» на французский язык и опубликовал ее в двухнедельнике «Quinzaine» (см. т. 9 Сочинений, стр. 527). В январе 1900 г. Рош задумал издать переведенные им рассказы Чехова отдельной книгой. Батюшков сообщал об этом Чехову: «Пересылаю Вам письмо г-на Роша, по его

просьбе. Хотя Вы отнеслись с некоторым сомнением к его качествам переводчика (не говорю, чтобы Ваши сомнения были лишены всякого основания!), тем не менее он выпускает отдельным томиком свои переводы Ваших произведений. В одном деле — его посредничество оказалось с наилучшими результатами: это выразилось в рисунке Репина, долженствующем служить иллюстрацией к Вашим „Мужикам“. Илья Еф<имович> потому скорее и согласился исполнить эту иллюстрацию, что в Париже за качества гравюры можно быть заранее уверенным. Не то, к сожалению, у нас».

В пересланном Чехову письме сам Рош писал (перевод с французского): «Дорогой господин! Пользуюсь тем, что наступил новый год, чтобы написать Вам о моем намерении напечатать том моих переводов Ваших произведений. После того, как я эти переводы пересмотрю <...> я думаю издать их под названием „Мужики“ — первой вещи, которая войдет в том.

Я могу сообщить Вам приятную новость: г-н И. Е. Репин, которого я просил сделать рису-

нок для обложки, создал великолепную иллюстрацию к Вашим „Мужикам“. Он хочет, чтобы Вам был вручен оригинал, когда будет сделана репродукция. Репродукцию берет на себя „La Revue illustrée“, и как только она будет готова, я Вам вышлю рисунок Репина.

Будьте так добры, очень прошу Вас, прислать мне книжку с текстом „Мужиков“. Я располагаю только номером „Русской мысли“, а мне сказали, что в книге есть куски, которые не попали в журнал. Я был бы очень рад, если бы смог добавить их к своему переводу. Точно так же, если существуют еще куски, выброшенные цензурой, то я готов, при условии, если Вы захотите мне их переслать, их перевести, чтобы Ваше произведение было полным. То же самое касается и других рассказов. В том должны войти: „Мужики“, „Палата № 6“, „Тиф“, „Ванька Жуков“, „Перекасти-поле“, „кошмар“, к чему я могу прибавить „Тоску“ и, как образец Ваших веселых рассказов, „У предводительши“ и „На „чужбине“. Если есть еще рассказы, которые Вам хотелось бы видеть в переводе, или Вы захотите прибавить к ним что-нибудь еще по тем или иным

соображениям, то укажите мне их. Очень прошу также сделать мне замечания, которые я должен принять во внимание».

...оригинал я завещал уже г. Таганрогу... — Батюшков писал: «...я не могу помириться с мыслью, чтобы издание иллюстраций Репина к Вашему рассказу (и еще к одному из очерков Горького) было исключительно иностранным, и посему выторговал у редактора „Revue illustrée“, чтобы клише нам были возвращены. Проектирую воспользоваться ими для особого издания, о котором придется еще раз списаться с Вами. Но это лишь через год. Илья Еф. Репин желал Вам поднести оригинал рисунка, и я уже заручился обещанием редакции „Revue illustrée“ доставить его Вам, как только в нем не будет надобности. Но так как и это будет не скоро, то я снял фотографию с рисунка и посылаю Вам снимок».

10 апреля 1901 г. Чехов отослал оригинал иллюстрации Репина к повести «Мужики» в Таганрогскую библиотеку (хранится в Лит. музее А. П. Чехова в Таганроге).

Вы пишете «не знаешь, откуда чаять движения воды». — Батюшков писал: «По-преж-

нему влечет меня к интересам современной действительности, хотя время переживаем неблагоприятное: из университета я вышел; еще ранее, как Вы знаете, „космополис“ постиг крах; временно пристроился при редак<ции> научного отдела «Журн<ала> Мин<истерства> нар<одного> пр<освещения>» — довольно курьезным образом, так как в то же время посулил чистую отставку. Продолжаю читать на Женск<их> курс<ах> и порой ухожу интересами в „седую старину“ западн<о>-европейск<ой> жизни — но старина не разобщает меня с задачами современной эпохи. Только не знаешь, откуда чаять движения воды. „Окрыляйте“ надежды и поддержите своим творчеством бодрость мысли».

3015. М. И. СУХОМЛИНОВУ

25 января 1900 г.

Печатается по автографу (Арх. АН СССР. Ленинград). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 310.

Ответ на извещение председательствующего Отделением русского языка и словесно-

сти Академии наук М. Н. Сухомлинова от 16 января 1900 г. об избрании Чехова в почетные академики (ЦГАЛИ).

Получив ~ извещение об избрании моем в почетные академики по Разряду изящной словесности... — Чехов получил выписку из протокола Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук от 8 января 1900 г. об избрании его в почетные академики по Разряду изящной словесности, учрежденному в ознаменование столетия со дня рождения Пушкина, за подписью президента Академии наук и председательствующего в Отделении русского языка и словесности, а также письмо от М. Н. Сухомлинова от 16 января 1900 г.:

«Милостивый государь Антон Павлович.

Отделение русского языка и словесности императорской Академии наук, в заседании 8 января 1900 года, избрало Вас в Почетные Академики по Разряду изящной словесности, учрежденному в ознаменование столетия со дня рождения А. С. Пушкина.

Сообщая об этом Вам, покорнейше прошу

Вас принять уверения в отличном моем почитании и совершенной преданности.

М. Сухомлинов».

3016. Ал. П. ЧЕХОВУ

25 января 1900 г.

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано: «Солнце России», 1912, № 122 (23), стр. 1–2.

Год устанавливается по упоминанию об избрании Чехова в академики (см. предыдущее письмо*).

Посылаю тебе вексель на тысячу рублей. — В октябре 1899 г. Ал. П. Чехов просил брата выслать ему деньги, необходимые для постройки дачи. См. т. 8 Писем, письмо 2925.

Не печатай ~ опровержений в газетах. — В газете «Одесские новости» (1900, № 4839, 6 января) в отделе «Пресса» было напечатано сообщение о том, как информирует газета «Россия» своих подписчиков и читателей о печатающихся на ее страницах авторах, «пользующихся наибольшим расположением читающей публики»: «Хорошенькое сопоставление: Буренин и Короленко, Амфитеатров и Ма-

мин-Сибиряк, Седой в Чехов... Нечего сказать, скромные люди сидят в „России“, но еще в большей степени правдивые. Куда же, однако, они дели К. К. Арсеньева, Н. К. Михайловского, Г. А. Джаншиева, С. В. Южакова и проч.? Или они-то и есть „некоторые другие“, имена коих стыдливо стушевываются рядом с такими светилами, как г. г. Амфитеатров и Седой из „России“? А говорят еще, что бесстыдству есть предел. Не верьте, господа!..»

В ответ на это Ал. П. Чехов послал в «Одесские новости» опровержение, которое было напечатано 18 января 1900 г. (№ 4850) как «Письмо в редакцию Ал. П. Чехова»: «В № 4839 вашей уважаемой газеты от 6-го января в отделе „Пресса“ я удостоился чести быть названным „светилом“ из „России“. Спешу указать вам на очевидное недоразумение. Сотрудником газеты „Россия“ я не состоял и не состою и не напечатал в этом издании ни одной строки, ни анонимно, ни под своим псевдонимом. Позволяю себе надеяться, что во имя общепринятых литературных обычаев вы найдете возможным сделать в вашем уважаемом издании соответствующую оговор-

ку».

На телеграмму я ответил вчера поздно вечером... — На телеграмму Ал. П. Чехова относительно присылки денег.

«Россия» имеет большой успех в провинции, «Нов<ое> время» падает и падает. — Газета «Россия» издавалась в Петербурге с 1899 г. Г. П. Сазоновым при ближайшем участии А. В. Амфитеатрова. Судя по письму 2995, Суворин сообщал Чехову о ходе подписки на 1900 г.

3017. В РЕДАКЦИЮ «РУССКОЙ МЫСЛИ»

26 января 1900 г.

Печатается по подлиннику (ГБЛ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 68, стр. 230, как телеграмма В. А. Гольцеву.

Телеграмма. Имеется черновой текст (автограф), написанный на обороте письма к Чехову И. Н. Потапенко от 20 января 1900 г. (ГБЛ), полностью совпадающий с текстом телеграфного бланка. В черновике первоначально было написано: «родной литературы»; исправлено на: «русской литературы».

На эту телеграмму-поздравление и на письмо от 27 января Гольцев ответил 2 февра-

ля 1900 г. (ГБЛ).

...двадцать лет выражавшему лучшие стремления русской интеллигенции... — Ежемесячный литературный и политический журнал «Русская мысль» был основан в 1880 г. В. М. Лавровым. В. А. Гольцев вошел в редакцию журнала в 1885 г., став затем издателем-редактором.

В ответном письме Гольцев писал: «Дорогой Антон Павлович, шлю тебе сердечную благодарность, глубоко ценю твое теплое отношение ко мне. Твоею телеграммой, где выдвинут я, Лавров обиделся. Напиши ему *quelque chose*». Чехов написал Лаврову 6 февраля (см.*).

3018. В. А. ГОЛЬЦЕВУ

27 января 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 310–311.

Год устанавливается по ответному письму В. А. Гольцева от 2 февраля 1900 г. (ГБЛ).

...я послал телеграмму... — См. телеграмму* от 26 января 1900 г. в редакцию «Русской мысли».

Я все жду того молодого ученого... — Гольцев просил Чехова помочь устроиться в Ялте своему знакомому.

...возведение в бессмертный чин... — Избрание в почетные академики.

Идея открыть читальню в Ст<арой> Рузе мне совсем не нравится. — Об этом же Чехов писал и М. П. Чеховой (см. письмо 3001*). Еще до получения чеховского письма Гольцев общал ему 2 февраля: «Знаешь, какая штука: собрали тысячи три на библиотеку-читальню моего имени, а вчера и сегодня у меня не было трех гривенников на извозчика. Это — ирония судьбы, а рад я чрезвычайно» (ГБЛ).

«Вопль» Крестовской... — Повесть М. В. Крестовской напечатана в первой книжке «Русской мысли» за 1900 г.

Маминская повесть... — «Около господ», повесть Д. Н. Мамина-Сибиряка (начало ее печаталось в первой книжке «Русской мысли» за 1900 г.).

...Вуколу... — В. М. Лаврову.

3019. М. О. МЕНЬШИКОВУ

28 января 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано М. О. Меньшиковым в статье «Толстой в плену» — «Новое время», 1908, № 11491, 9 марта, стр. 3 (неполно); полностью — *Чехов, изд. Атеней*, стр. 125–127.

Год устанавливается по письму М. О. Меньшикова от 19 января 1900 г., на которое отвечает Чехов; Меньшиков ответил 28 февраля (ГБЛ).

...что за болезнь у Толстого, понять не могу. — Меньшиков писал, что был у Толстого, который уже почти поправился от своей недавней болезни, и что доктор П. С. Усов, который его лечил, не нашел никаких признаков рака. О состоянии здоровья Толстого сообщали и московские газеты. «Неделя», перепечатав их сообщения, писала: «Граф Л. Н. Толстой в настоящее время, по словам московских газет, совершенно оправился от перенесенного им приступа желчной колики; обычные осложнения таких приступов — расширение печени, слабость и проч. — теперь совершенно прошли. Великий писатель пользуется теперь прекрасным аппетитом, совершает прогулки по улицам и снова с увлечением

работает. Л. Н. остался верен своим убеждениям и не изменил вегетарианской пище, несмотря на советы докторов. Лечил больного все время доктор П. С. Усов; в начале болезни был два раза проф. Черинов. Желчной коликой Л. Н. страдает давно, и припадки ее бывали и раньше. В общем же гр. Толстой представляет из себя натуру крепкую и здоровую» («Неделя», 1899, № 52).

Черинов ничего мне не ответил... — На телеграмму Чехова (несохранившуюся) проф. Черинов ответил 9 декабря 1899 г.: «Уже несколько дней не видал графа. Слышал, что гораздо лучше. Черинов» (ГБЛ).

Чтобы кончить о Толстом, скажу еще о «Воскресении», которое я читал не урывками, не по частям, а прочел все сразу, залпом. — В конце декабря 1899 г. вышел № 52 «Нивы», в котором было напечатано окончание «Воскресения». Но Чехов, вероятно, прочел роман в последнем томе сочинений Л. Н. Толстого, куда вошло «Воскресение», — см. письмо 3043*

27 февраля 1900 г. Меньшиков писал: «Большое письмо Ваше — о Толстом — меня

радостно взволновало. Вы прекрасно и верно на него смотрите, и Ваше чувство к нему делает вам обоим честь. Мне хочется прибавить, хоть это и нескромно, что и мое отношение к Т<олстом>у почти совпадает с Вашим <...> Но это не мешает мне во многом с ним не соглашаться и видеть кое-какие промахи. „Веры“ его я хорошенько не знаю, как и своей собственной, и, признаться, боюсь много уместовать в этой области. Думаю, что и Толстой делает ошибку, напрягаясь — в „Христ<ианском> учении“ и др<ругих> вещах ясно выразить, во что он верует. Для меня это самое непереваримое в Толстом, и я — сказать по секрету — очень многого из его запрещенных вещей не читал, и не тянет. Зато какое восхищение та его *невысказанная* вера, которую чувствуешь в его, напр<имер>, народных рассказах („Два старика“ и пр.), во многих отдельных мыслях и обмолвках. И мне кажется, я принадлежу или хочу принадлежать к этой вере. Прочтя Ваше письмо, я подумал: слава богу! Если Т<олсто>й умрет, останется человек того же духа — Вы. Великая традиция идеализма в русской лите-

рат<уре> не будет прервана. И если для Вас Толстой, как пишете, служит поддержкой, то Вам же придется и сменить старика. И я рад, что это будет для Вас по силам».

...утеряю это звание после какого-нибудь недоразумения. — Действительно, после того, как были аннулированы выборы в почетные академики М. Горького, Чехов отказался от звания почетного академика; см. т. 11 Писем.

...рукопись С. Воскресенского... — Псевдоним С. Н. Щукина (о рассказе см. в т. 8 Писем письмо 2908).

3020. М. Ф. ТЕРЕНТЬЕВОЙ

28 января 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 311–312.

Год устанавливается по письму М. Ф. Терентьевой от 21 января 1900 г., на которое отвечает Чехов; Терентьева ответила 18 марта (ГБЛ; часть письма опубликована — «Нева», 1965, № 7, стр. 182).

За успехи в Вашей школе не беспокойтесь ~ Вы превосходная учительница. — Терентьева писала Чехову: «Я теперь нахожусь в страш-

ном волнении, жду всякий день начальство и всё думаю, что у меня ничего не сделано; не знаю, какие-то будут результаты, а ребятишки учатся охотно, и редко кто пропустит урок, меня это радует, и я занимаюсь с ними с еще большим удовольствием, чем в прошлом году».

В ответном письме от 18 марта 1900 г. она сообщала о результатах проверки и писала о школьных делах: «Перед масленицей был у меня инспектор, остался доволен, сказал, что пройдено гораздо больше, чем в других школах, и основательно. В прошлое воскресенье у меня были туманные картины; за мной прислал Лапшевников и предложил волшебный фонарь; я, конечно, для блага детей не отказалась, и показала им 33 картины; несколько из сказок „Руслан и Людмила“ и „О царе Салтане“, а остальные исторического содержания. Народу собралось так много, что не могли поместиться в классе и многие стояли в раздевальне; все остались очень довольны и благодарили меня. Я им объясняла все картины, а читать не читала, потому что долго и одной неудобно читать и показывать.

Только жаль, что фонарь был дан на один раз, ребяташки разлакомились и всё спрашивали: „будут ли у нас еще когда-нибудь картины“, я, конечно, должна была сказать, что нет, так как фонаря не дают; но что же делать? будем довольствоваться малым».

...Евгению Михайловну... — жену В. Н. Семеновича.

...просит поклониться Пелагее и бабушке Анне. — Мелиховским крестьянкам.

...семье Андриановых. — Семье мелиховского старосты Прокофия Андриановича Семанова.

3021. М. П. ЧЕХОВОЙ

28 января 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 314.

Бабушка... — М. Д. Беленовская, бывшая кухарка Чеховых, которая жила в их семье «на покое».

3022. П. Ф. ИОРДАНОВУ

29 января 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые

опубликовано: отрывок — «Приазовская речь», 1910, № 45, 20 января, стр. 3; полностью — *Письма*, т. VI, стр. 27–29.

Год устанавливается по письму П. Ф. Иорданова от 25 января 1900 г., на которое отвечает Чехов; Иорданов ответил 4 февраля (ГБЛ).

...возвращаю прошение с подписью. — Речь идет о членском взносе для приюта — см. письмо 2976 в т. 8 Писем. Иорданов писал: «Очень и очень Вам благодарен за 100 рублей, присланные для приюта: наши приютские дела немножко пошатнулись, и потому Ваш взнос является очень кстати. Формальность, которую необходимо при этом соблюсти, заключается в подаче прошения, образец которого я Вам посылаю вместе с этим письмом».

Что касается книг, то вот Вам мой ответ ~ Я сегодня послал «Воскресение» и «Ченчи» в переводе Бальмонта. — Иорданов писал: «Наша библиотечная публика очень интересуется знать, когда „Русская мысль“ выполнит заказ тех книг, список которых я послал Вам в последний раз? Часть книг прислана нам, но часть очень малая, и публика выражает нетерпение. Не будете ли Вы так добры — по-

торопить их заказом. Деньгами не стесняйтесь: у меня теперь их накопилось изрядно...» Получив письмо Чехова, Иорданов отвечал: «Признаю себя виновным по всем пунктам: я совсем забыл о том, что по второму списку, данному мной, Вы не предполагали прислать все книги до тех пор, пока не водворитесь в Москве на более продолжительное время. Да и я решился напомнить Вам о книгах под влиянием назойливых приставаний очень немногих лиц <...> Теперь я порешил так: никаких книг, за исключением тех, которые утрачиваются и их нужно заменить, не покупать. Все списки книг, которые желательно приобрести, я буду посылать Вам. Приобретайте их, когда найдете это нужным и когда Вам позволит время. То, что у нас уже имеется, по моему мнению, может удовлетворить среднего читателя, а исключения — подождут. Библиотека теперь поставлена хорошо, и библиотекарь (которого, между прочим, зовут Любовью Юлиановной) толково относится к делу. Есть еще некоторые недочеты, но они будут совершенно уничтожены года в два <...> Посылаю также список газет и журналов,

получаемых в текущем году. Если возможно, не откажите написать, что было бы желательно еще получить? Буду Вам очень благодарен, если Вы просмотрите отчет и сообщите, чем было бы желательно его пополнить и хорош ли план его. Если Вы его одобрите, можно будет его печатать и рассылать в обмен на таковые других библиотек. В конце письма Вы найдете список книг, которые от Вас доставили мне домой вчера. Я уже распорядился, и теперь библиотекарь будет извещать Вас о каждом получении».

Где д-р Гордон... — Д. М. Гордон — владелец водолечебницы в Таганроге. Чехов собирался послать ему картину для приемной.

Первый том рассказов своих изд<ания> Маркса я уже послал. — Первый том собрания сочинений Чехова — для отдельной продажи — вышел в свет в декабре 1899 г.

Я написал в Одессу, чтобы Вам выслали каталоги. — В июле 1899 г., когда Чехов был в Таганроге, он говорил Иорданову и другим таганрожцам о необходимости заняться озеленением города. Так, А. Б. Тараховский вспоминает, что, побывав у него в саду, Чехов сказал:

«...у вас по всему городу одни только акации! Почему не посадить сосны, ели? Вот эта сосенка пропадает, — сказал он остановившись. — Надо вот эту свежую ветку привязать к стволу, она и пойдет вверх.

Антон Павлович сейчас же сделал перевязку — и теперь моя сосна выросла на славу» («Приазовский край», 1904, № 182, 11 июля).

Иорданов в своем письме от 25 января 1900 г. сообщал Чехову, что таганрогская дума стала теперь «усердно заниматься городскими насаждениями» и, очевидно, в связи с этим и запрашивал Чехова относительно каталогов деревьев. См. также письмо 2976 в т. 8 Писем. В письме от 4 февраля Иорданов благодарил Чехова за полученные им «одесские прейскуранты».

3023. Н. И. КОРОБОВУ

29 января 1900 г.

Печатается по тексту: *Письма*, т. VI, стр. 26–27, где опубликовано впервые, по автографу. Нынешнее местонахождение автографа неизвестно.

Год устанавливается по письму Н. И. Коро-

бова от 17 января 1900 г., на которое отвечает Чехов (ГБЛ).

...спасибо за письмо и поздравление. — Коробов писал: «Поздравляю тебя от всей души с избранием в почетные академики. Я горжусь, что у меня есть товарищ академик; и выбран в хорошей компании, впрочем, мало сказать хорошей там, где есть гр. Л. Толстой.

А можно было бояться, что выберут бог знает кого. Выбрали что было лучшего в России по части литературы <...>

Я видел „Дядю Ваню“, по моему мнению, это лучшая русская пьеса за последние 20 лет, я поставлю ее много выше „Чайки“. Мне она кажется даже чем-то совсем особенным; в „Чайке“ чувствуешь театр, сцену, а в „Дяде Ване“ сама жизнь и оттого сначала как-то даже дико и странно. А потом как взглядишься, чувствуешь трепетание живой жизни. Но пьеса слишком интеллигентна, средней публике, массе, едва ли по плечу. Играют бесподобно; поставлена, лучше требовать нельзя».

...очень радуюсь за Екатерину Ивановну... — Коробов сообщал о том, что его жена, болевшая туберкулезом, теперь совсем попра-

вилась. Когда она в 1899 г. заболела, Чехов помогал Коробовым устроиться в Ялте для лечения.

В том, что печатается в газетах об академиках и Академии, достоверного мало... — После опубликования списка почетных академиков (см. письмо 3003*) «Новое время» несколько раз возвращалось к этой теме. Суворин в Маленьких письмах (№ 8588, 24 января) писал о неопределенности формулировки дополнения к уставу о почетных академиках. Буренин в «Критических очерках» (№ 8592, 28 января) высказался против избрания в почетные академики Короленко, талант которого «кружковая публика и кружковая критика» слишком преувеличила и ценила его не по существу, не по художественным его заслугам, а по так называемым «гражданским». О «произвольности» списка избранных писал в своей статье «О Российской академии» и Сигма (№ 8587, 23 января), возмущаясь тем, что Академия, «почтя своим выбором В. Г. Короленку, не почтила гр. Салиаса, П. Д. Боборыкина, А. В. Сухово-Кобылина, Вл. И. Немировича-Данченко», что «при отсутствии многих

настоящих писателей в числе избранного видим имя судебного деятеля <А. Ф. Кони>, очень почетного, талантливового в своей специальности, но такого, для которого „поэзия любезна, приятна, сладостна, полезна, как летом сладкий лимонад“». В то же время Сигма писал о необходимости восстановления самостоятельной Российской академии как центра по изучению языка и литературы, преобразованной в 1841 г. в Отделение русского языка и словесности при Петербургской академии наук: «Российская академия необходима для объединения писателей, для признания их высокого и самостоятельного государственного значения, для издания русских авторов, для разрешения вопросов литературно-государственных, для представительства перед тронем за литераторов, для ходатайства „о тех или иных нуждах российской словесности“»; что подобная «Академия Литературы» — по образцу Академии Художеств — должна была бы проявлять внимание к живым литераторам, их судьбе и нуждам («общество готово поклоняться писателю, когда он на склоне дней или уже умер»), занимать-

ся вопросами издания русских писателей «профессионально объективно, вне узкой кружковой тенденциозности». Права же «почетных академиков», определенные уставом, скорее говорят о том, чего академики не могут и не должны. Могут «не состоять на государственной службе по Академии наук», не должны «получать штатного содержания, считаться членами общего собрания <...>, присутствовать на заседаниях оногo, подавать голоса на заседаниях Отделения русского языка и словесности, куда они допускаются» и т. д.

Поздравляю ~ с новосельем... — Н. И. Коробов сообщал Чехову, что из-за болезни жены они переселились на подмосковную дачу: «Я теперь еще больше убедился, что и при нашем климате, только при хорошей обстановке и правильной жизни, можно с чахоткой жить зиму на воздухе; конечно, не в городе».

Поклонись Вячеславу Ивановичу, поблагодари за память. — Коробов писал, что его сослуживец (врач-ординатор 1-й городской больницы) В. И. Бессонов, с которым Чехов познакомился, очевидно, у Коробова в

Москве, «все больше и больше восторгается» произведениями Чехова и поздравляет его с избранием в академики.

...составителями словаря... — С 1891 г. Академия наук выпускала «Словарь русского языка». Издание не было закончено.

3024. Л. С. МИЗИНОВОЙ

29 января 1900 г.

Печатается по тексту: Письма, т. VI, стр. 29–30, где опубликовано впервые, по автографу; нынешнее местонахождение автографа неизвестно.

Год устанавливается по письму Л. С. Мизиновой от 22 января 1900 г., на которое отвечает Чехов (ГБЛ).

...я никак не ожидал, что Вы вспомните обо мне и напишете. — Мизинова писала: «Вы, верно, давно забыли о моем существовании, Антон Павлович, и вот я, наконец, собралась Вам напомнить о нем. Много раз хотелось писать Вам, да ничего не выходило из этого. Интересного рассказать нечего, а писать то же, просто, не хотелось — много пишем и без моих Вы получаете — я думаю! Я всё

думала, что Вы приедете сюда — захотите посмотреть на свои вещи в Художественном театре и на их исполнителей. Оказывается, что Вы и не собираетесь. Жаль — мне так хотелось бы Вас повидать! Машу почти не вижу. Мы с ней, как она говорит, поменялись ролями — она выезжает и никогда почти не бывает дома, — я же нигде не бываю. Вначале бывала часто в Клубе, но потом и там перестала бывать — и там скучно! Смотрела на днях „Чайку“! Говорить о ней самой ничего не буду — всё уже вам переговорили все! Была я в понедельник, а сегодня суббота, и до сих пор я еще вся под впечатлением. Играют все превосходно! Роксанова очень хороша! (Говорят, она совсем иначе играет теперь!) И я не знаю, почему Вы были ею недовольны! Она так трогательна и дает именно ту молодость и свежесть, которая, по-моему, главное в Чайке! Может быть, я ничего не понимаю, но на меня она произвела такое хорошее впечатление и я так ревела в театре, как никогда. Вот Станиславский скверен. Впрочем, Вам это все, верно, надоело, а пишу потому, что для меня это еще очень ново! Я в театрах не бы-

ваю совсем. Вообще мне кажется, что я живу на свете уже лет сто. И скучно-скучно! Занята я очень. Во-первых, много работаю над пением, с Павловской, а затем еще имею несколько уроков и переписку иногда. Потом возьму ангажемент и уеду куда-нибудь петь. Может быть, и на пост уеду. Приглашают петь в Нижний. Если получу ангажемент на зиму, то летом поеду отдохнуть куда-нибудь, а то очень устала и нездоровится. Я дошла до того, что уже лечусь у Даля. А то все ночи не сплю и испытываю постоянный страх чего-то. Теперь лучше — внушение мне очень помогло. Если напишете, буду страшно рада, хочется о Вас знать, а то у нас толком ничего не добьешься».

Вы познакомились с писательницей? — Мишинова писала, что познакомилась с Е. М. Шавровой-Юст: «...она мне очень понравилась! Она интересная женщина все-таки, и я Ваш бывший вкус одобряю. Мы с ней даже стоворились вместе ехать в Париж, Ялту и еще куда-то».

Свою фотографию я пришлю Вам... — Мишинова просила Чехова прислать его «порт-

рет»: «Вы ведь обещали мне. Это жульничество! Я Вам прислала из Парижа два, и они украшают, я знаю, какое помещение, а от Вас не добьешься» (фото Мизиновой хранятся в ДМЧ).

Вы пишете, что уедете в Бердичев. — Шутка. В ответ на слова Мизиновой о том, что она собирается в Париж, но вернее попадет «куда-нибудь в Бердичев».

3025. М. П. ЧЕХОВУ

29 января 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: отрывок — «Ежемесячный журнал для всех», 1906, № 7, стр. 414; полностью — *Письма*, т. VI, стр. 31–32.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 30 I.1900; Ярославль. 2 февр. 1900.

Ответ на письмо Мих. П. Чехова от 22 января 1900 г. (ЦГАЛИ).

...отвечаю на твое письмо. — М. П. Чехов, только что вернувшийся из Петербурга, где был у Сувориных, писал Чехову: «Оба они, и он, и она, встретили меня, как родного, и це-

лые два вечера изливали передо мною свою душу. Всякий раз, как я собирался уходить, меня удерживали. Со слезами на глазах старик и с пылающими щеками Анна Ивановна уверяли меня, как им горько, что нарушились отношения между тобою и ими. Они тебя очень любят. „Отношения“, о которых я писал тебе и которые ты относишь к себе, относятся к министерству. Суворин именно это и подразумевал. Ах, как им горько, что их ненаглядный „Антоша“ стал к ним в такие отношения! — „Голубчик Миша, я знаю отчего это случилось. Антоша не захотел простить моей газете ее направления и тот... Я знаю это. Но разве можно, чтобы в таком громадном деле, как наша газета и тот... могла бы существовать одна душа и всё. Ведь это правда, Нюся? Я помню, как еще в Ницце, когда мы с Антоном Чеховым шли по берегу или, кажется, по какому-то говенному бульвару, я спросил у Чехова: отчего Вы не пишете в „Новое время“? И Чехов вдруг сверкнул глазами, как только может сверкать он один, и сказал резко: „оставим этот разговор!“ Я отлично помню это и тот...“

Их глубоко огорчило то, что ты продал свои сочинения Марксу, а не Суворину. Анна Ивановна во всем обвиняет только одного Суворина. — „Виноват, Алеша, ты один, потому что ты не книгопродавец. Упустил „Анну Каренину“, когда сам Толстой продавал ее тебе за 20 тыс., а теперь вот упустил Чехова. Когда Чехов прислал тебе телеграмму о том, что он продает Марксу за 75 тыс., ты должен был бы телеграфировать ему в ответ: „даю 80 тыс.“ — „конечно, это так, Нюся... я, правда, человек нерешительный, всегда мне нужно время подумать... Но я тотчас послал Чехову телеграмму, в которой умолял его не иметь дело с Марксом и не закабалить своего будущего, и предлагал ему авансом в долг 20 и даже 25 тыс. Очевидно, ему нужны были деньги. Но откуда же я мог взять сразу 80 тыс.? Когда ты сама знаешь...“ — „Ведь продал же Чехов Марксу в рассрочку, почему ты не предложил ему рассрочку?“

„Да, боже мой, разве ж я знал, что Чехов продает в рассрочку? Ведь в этом-то весь и ужас! Когда ко мне пришел этот сукин сын Сергеенко и объявил о своем посредничестве,

он ни слова не сказал о рассрочке... И вдруг рассрочка! Это как снег на голову! Да разве ж я не мог предложить Чехову тех же условий? Ведь я уже предложил ему авансом 20–25 тыс.! Ведь это же обидно! Понимаете, Миша, ведь это обидно!“

Я стал уверять, что, вероятно, и ты сам не знал о рассрочке, что без тебя тебя женили. Ведь это бывает!

Сув. Конечно, я сознаю, что у нас относительно Чехова был непорядок и тот... Мы теряли его рукописи, путали счета... Я знаю это и сознаю, что это скверно. Но ведь мы уже начали печатать его полное собрание, напечатали уже семь листов... Наконец, я уже уплатил Марксу из своих за Антона пять тысяч... Значит, его сочинения уже стоят не 75, а 80 тыс. Нет, нет, здесь есть что-то темное, необъяснимое. Я не понимаю, отчего Чехов предпочел рассрочку у Маркса, а не у меня. Он мне телеграфировал, что хочет упорядочить этим свои книжные дела. Нет, Чехов не искренен!

Ан. *Ив.* Алеша, ты ведь знаешь Антона, он человек одаренный, решительный, смелый.

Сегодня он здесь, завтра вдруг собрался и уехал на Сахалин. Помнишь, как он удрал куда-то в Торжок после первого представления „Чайки“! Так и здесь.

Сув. Ах, Миша, препотешная была история с первым представлением „Чайки“! Антона нет, Маша плачет, мы его ждем... Наконец, в три часа ночи я вхожу к нему в комнату, гляжу — он не спит. Где вы шатались? — спрашиваю. Мария Павловна уж думала, что Вы утопились в Фонтанке! А он: „Даю Вам честное слово, что больше я драм никогда не пишу!“ И этак, подняв палец: „Даю вам честное слово...“ и т. д. А потом вдруг исчез и вдруг эта телеграмма из Торжка!

Ан. Ив. Так и здесь. Антон очень любит Марию Павловну, затеял постройку, а тут еще сознание, что болен, — вот он и решил: обеспечить сестру, достроить дом и обставить так, чтобы хотя на первое время не работать. Значит, нужны 75 тыс... Решено и сделано. Вынь и положи. Вот и все.

Сув. Да постой, Нюся. Разве рассрочкой он достиг этого?

И т. д. и т. д. и т. д. и т. д.

Суворин просил меня убедить тебя, чтобы ты выкупил обратно от Маркса свои сочинения, но я боюсь затевать об этом разговор, так как ничего в этом не понимаю.

Я писал тебе все это, стараясь сохранить точные слова, чтобы охарактеризовать перед тобой самый разговор о тебе у Сувориных. Мне ясно только одно, это то, что они тебя любят и что им горько не то, что ты продал свои произведения Марксу, а то, что ты предпочел рассрочку у Маркса рассрочке у Суворина. Весь Питер теперь на них указывает пальцем. А если сопоставить продажу Марксу со студенческими беспорядками, что было почти одновременно, то ты легко поймешь, какую окраску придает Питер продаже Марксу: „Голубчик Миша, — говорил Суворин. — Сама судьба заставляла меня ехать к Антону в Крым, когда я узнал о его переговорах с Марксом, чтобы разубедить Антона. Это спасло бы меня от студенческой истории, так как в то время я был бы в Крыму, а не в Петербурге. И я этого не сделал“. И далее: „Я ужасно любил и люблю Антона. Знаете, с ним я молодею... Ни с кем в моей жизни я не был так открове-

нен, как с ним... И что это за милый, великолепно-человек! Я с радостью выдал бы за него Настю. И какой это талант, какая ясность ума, какое благородство души!“ и т. д. И все это, ходя по диагонали из угла в угол и держа перед лицом всю пятерню.

Антуан, милый, возврати им свое расположение! Я знаю, что я не имею права вмешиваться в ваши отношения, но Суворины были так со мной откровенны, так искренни, так трогательны были их уверения в симпатии к тебе, что я не имею ни малейшего сомнения в чистоте их отношения к тебе. Анна Ивановна просила меня помирить тебя с ее мужем: „Вы видите, как Алешу это волнует, миленький, помирите с ним Антошу“. Но я не потому прошу тебя за Сувориных. Я не люблю выяснять отношений и всякие посредничества считаю неблагородным вмешательством в чужие дела. Их встреча, то, как они меня встретили, как откровенничали со мной, и как затем целый вечер старик читал мне свой дневник о тебе, мне, с которым у него нет ничего общего, кроме глубокого к тебе расположения, — дает мне право вмешиваться в ваши отноше-

ния. Антуан, прости меня за эту смелость и, голубчик, не подумай, что в глуши я так уже опровинциализился, что унижаюсь до посредничества и до сования носа в чужие дела. И если ты по поводу этого письма будешь писать Суворину, то не говори, не упоминай обо мне: мне стыдно. Впрочем, я писал это письмо искренно и честно, боясь солгать даже в одном слове, — пиши, что хочешь. Боюсь только, что о выгодах или невыгодах твоей сделки с Марксом тебе уже прожужжали уши и без меня. Я *ровно ничего* о ней не знаю, кроме того, что узнал у Суворина, и, значит, не могу судить о том, насколько тебе выгодно или невыгодно было иметь дело с Сувориным или Марксом. Ты это лучше знаешь, твоя святая воля. Да это было бы и неделикатно с моей стороны. Я хочу только, чтобы ты понял из этого моего письма, что я больше говорю об отношениях чисто личного свойства, помимо всяких там продаж и издателей.

<...>

Относительно того, с каким нетерпением дожидался от тебя Суворин ответа на телеграмму с предложением 20–25 тысяч, приведу

на память строки его дневника (за буквальность не ручаюсь):

17 янв. послал Чехову телеграмму (следует содержание). Далее идут записи о Сергеевко, Марксе и т. п. Довольно интересно.

18-го. От Чехова ответа нет.

19-го. От Чехова ответа все еще нет. Беспokoюсь.

20-го. Все еще нет от Чехова ответа.

21-го. Наконец-то получил от Чехова телеграмму следующего содержания (содержание телеграммы). Нахожу ее холодной, а Чехова неискренним...

Твой Мишель. Поздравляю тебя с академиком».

О том, что я продаю Марксу сочинения ~ Суворину было известно ~ он ответил, что у него денег нет, что покупать мои сочинения ему не позволяют дети... — В дневнике П. А. Сергеевко имеется запись от 17 января 1899 г.: «У Суворина. Он был растерян и встревожен по поводу Чехова. Зачем ему деньги? он у меня взял 5000. Что такое деньги? У него талант драгоценен, и проч., и проч., „и все такое, понимаете“... В результате Суворин, однако, от-

казался приобрести Чехова, т. е. не отказался, а путал, путал, так что и сам черт не мог разобрать ничего» (ГМТ).

На следующий день после этой записи 18 января Сергеенко писал Чехову о своем разговоре с Сувориным: «Я не банкир, — заявил Суворин. — Все считают, что я богач. Это вздор — главное же, понимаете, меня останавливает нравственная ответственность перед моими детьми и так далее. Как я могу навязывать им в будущем различные обязательства и так далее. А я дышу на ладан» (ЦГАЛИ).

В эти же дни (23 января) Чехову писал об этом и Ал. П. Чехов: «... слышал, что старик очень хотел купить у тебя то, что купил немец, но наследники не разрешили ему затрату столь крупного капитала. Говорят, сцена была бурная...» (Письма Ал. Чехова, стр. 378).

Разговора о направлении «Нового времени» в Ницце не было. — О подобном разговоре, якобы бывшем у него с Чеховым, Суворин рассказывал также и Сергеенко, который в своем дневнике 18 января 1899 г., записал: «У Суворина <...> Рассказ о том, как в Ницце однажды

он спросил у Чехова, почему тот не работает <в „Новом времени“>, и как Чехов, изменившись в лице, проговорил задыхаясь: „Никогда больше не поднимайте вопроса по этому поводу“» (ГМТ).

Анна Ивановна милая женщина ~ не забываю ~ что она хитра и что А. С. очень добрый человек и издает «Нов<ое> время». — 21 марта 1899 г. А. И. Суворина писала Чехову: «Если бы Вы знали только, милый Антон Павлович! Сколько приходится волноваться бедному А<лексею> С<ергеевичу>. Вы бы его пожалели и поддержали! Сколько злобы, зависти, а главное заведомой клеветы! Да, если бы Вы были его другом или просто любили его, Вы бы не молчали в эти тяжелые для него дни. Но Вы его не друг, это я вижу ясно, и Вы его не любите! Пожалуйста, не рассердитесь на меня за это письмо, это не упрек и не порицание, а просто сознание! Вы не виноваты, что мы Вас так любим, про А<лексея> С<ергеевича> я уж и не говорю, воображаю, если бы Вы были на его месте, что он бы писал и делал!

А тут я ясно-преясно увидела то, в чем не хотелось признаваться. Мне жаль ужасно

А<лексея> С<ергеевича>. Нет ничего, кажется, обиднее, когда ты все готов сделать для человека, а тебя не понимают или не любят! Для чего, Вы спросите, все это я пишу — сама не знаю! Ужасно бы хотелось утешить чем-нибудь А<лексея> С<ергеевича>, т<ак> к<ак> добрее и бескорыстнее человека не знаю, а ему нечем отвечать. Простите меня, не подумайте дурно обо мне, не читайте того, чего нет! Вы у нас ведь такой умница, просто мне обидно за него, обидно, что у него нет друга, обидно даже, зачем он Вас так любит! Видите, какая я. Я слышала, не знаю еще наверняка, что Потапенко начал тоже, кажется, теперь не либерально писать в „Н<овом> вр<емени>“. Каково Вам понравится? Вот где настоящие-то джентльмены, не даром, значит, изучают графов. Ну, да бог с ним! Вы-то утешьте чем-нибудь нас» (ГБЛ). В следующем письме, в апреле этого же года, она писала: «А<лексея> С<ергеевич> бескорыстен и добр до глупости» (ГБЛ). Мнение Чехова о Суворине примерно в это же время записал в своем дневнике и Сергеенко: «10 июля 1899 г. Его мнение о Суворине, высказанное под секретом только

„тебе“, что Суворин скрывает в себе все элементы преступника» (ГМТ).

«Северн<ый> край» получаю. — Ярославская газета, в которой сотрудничал М. П. Чехов.

Женя — дочь М. П. Чехова.

Ольга Германовна — жена М. П. Чехова.

3026. Б. А. ЛАЗАРЕВСКОМУ

30 января 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма, собр. Бочкаревым*, стр. 45.

Ответ на письмо Б. А. Лазаревского от 27 января 1900 г.; Лазаревский ответил 23 февраля (ГБЛ).

...желтуха — это пустая болезнь. — Лазаревский писал о своей болезни, о тяжелом физическом и душевном состоянии.

...следует ли, написав рассказ, читать его до напечатания? — Лазаревский, закончивший в это время повесть «На уроке», писал рассказ «Смерть машиниста» и спрашивал Чехова: «Следует ли, когда напишешь рассказ, читать его близким людям или лучше никому, до выхода его в печати, не давать?».

В «Жизнь» я напишу. — Лазаревский писал Чехову, что собирается послать свою повесть «На уроке» в журнал «Жизнь», и просил написать в редакцию, что Чехов и сделал (см. письмо 3034*). В ответном письме он сообщал Чехову, что повесть редакцией «Жизни» отклонена — получен «скверный ответ».

3027. Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК

30 января 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 32–33.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 31 I.1900; Москва. 3 II.1900.

Ответ на письмо Т. Л. Щепкиной-Куперник от 20 января 1900 г. (ГБЛ).

...я был несказанно порадован и тронут, получив Вашу милую писульку. — Щепкина-Куперник писала Чехову: «Дорогой куманек, Антон Павлович, все это время из-за болезни одной моей старой приятельницы буквально нигде не была, никого не видела и не читала ни строки. Только последние дни вздохнула свободно и от состояния юной па-

пуаски перешла к состоянию цивилизованной женщины, читающей газеты и следящей за мировыми событиями.

Одним из первых кинувшихся мне в глаза событий было Ваше избрание в Академию. Мне сейчас же захотелось взять перо и поздравить Вас с этой заслуженной, но все же прекрасной честью. Нечего Вам много говорить, Вы сами знаете, как я горячо люблю Ваш талант и как я считаю Вас гордостью русской литературы, а потому позвольте только мысленно пожать Вашу руку и пожелать Вам (или вернее нам), чтобы Вы побольше писали».

...поминайте меня в Ваших молитвах! — Перефразировка слов из монолога Гамлета в трагедии Шекспира «Гамлет» (д. III, сц. 1).

3028. М. П. ЧЕХОВОЙ

31 января 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 321.

Год устанавливается по ответному письму М. П. Чеховой от 7 февраля 1900 г. (Письма М. Чеховой стр. 148–149).

В марте я уеду за границу на все лето, должно быть. — Узнав об этом от М. П. Чеховой, О. Л. Книппер писала 5 февраля Чехову: «Что это значит дорогой писатель? Вчера я слышала от Марии Павловны, что Вы уезжаете за границу на все лето? Этого не может быть, слышите! Это Вы так только написали и теперь уже забыли, правда? Это невероятно жестоко писать такие вещи. Сию же секунду ответьте мне, что это не так, что лето мы будем вместе. Да, да, правда, правда? Я еще не отвыкла так говорить, помните мою привычку?» (*Переписка с Книппер*, стр. 125). Чехов уехал из Москвы за границу 10 декабря 1900 г.

Как прошел юбилей «Русской мысли»? — В ответном письме от 7 февраля 1900 г. М. П. Чехова рассказывала: «На лавровском юбилее было очень скучно. Речи были неинтересные, даже речь Ключевского была как-то жидка и не оправдала ожиданий. Лавров поднял тост за тебя как за сотрудника, который с удовольствием пришел бы на юбилей, если бы был в Москве. Целая вереница гостей потянулась ко мне с бокалами и с просьбой передать тебе поклоны и всевозможные пожелания. Тут бы-

ли, кроме юбиляров, их жен, еще профессора Ключевский, Лопатин и проч. и актеры, Южин, конечно. Были Эртель, Ладыженский, Гиляровский, Немирович с Катечкой. Залили мне шампанским новое платье и испортили настроение духа этим, хотя я первый раз в жизни громко при всем честном, важном народе поблагодарила их от твоего имени. Вышло довольно складно, мне аплодировали и кричали браво. А платье все-таки пропало!» О том, как прошел юбилей, Чехову писал и В. М. Лавров. См. примечания к письму 3036*.

3029. П. В. УНДОЛЬСКОМУ

1 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 321.

Отрезной купон денежного перевода на 28 р. 60 к.

Год устанавливается по упоминанию о плане школы, строящейся в татарской деревне Мухалатка. См. письмо 3032* и примечания к нему*.

...посылаю за февраль. — По-видимому, деньги, собранные для Мухалатской школы.

...план будет готов на будущей неделе. — План школы в Мухалатке готовил архитектор Л. Н. Шаповалов.

3030. И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

2 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано: *Письма, собр. Бочкаревым*, стр. 189–191.

Год устанавливается по письму И. Л. Леонтьева от 26 января 1900 г., на которое отвечает Чехов; Леонтьев ответил 9 апреля (ГБЛ).

...шлю ответ на Ваше последнее письмо ~ пьесы читает еще Вл. И. Немирович-Данченко ~ Если пьеса понравится, то они поставят. — Леонтьев спрашивал, как зовут Станиславского и «на каких условиях ставит он пьесы», поскольку у него есть «одноактная, но вполне литературн<ая> вещь, которая, по настроению, подошла бы к его режиссерской изобретательности».

...вроде «Гордиева узла»... — роман Леонтьева (1887).

Вы называете себя моим почитателем. — Леонтьев писал: «Вы как будто сетуете, доро-

гой Антуан, на краткость моих писулук? Право же, так лучше... тем более, что все „лучшее“ в них очень кратко и может уместиться в 3 пунктах: 1) Я вас люблю искренно и нелицемерно. 2) Стою в первых рядах Ваших самых верных поклонников (и смею добавить — наиболее чутких!). 3) От всего моего капитанского сердца желаю Вам здоровья и счастья!!!»

Но Вы, вследствие обстоятельств ~ раздражены, залезли по колена в мелочи... — В этом же письме Леонтьев, как и прежде, жаловался Чехову на свою жизнь: «Все же остальное, т. е. всё, что выходит из этих светлых товарищеских рамок, довольно гнусно и едва ли стоит того, чтобы „им“ портить эгоистически почтовую бумагу... Стоит ли повторять, в сотый раз, что я все бьюсь, как рыба об лед, и в 45 лет живу хуже, чем студенты, снимающие одну из трех наших комнат; что, устроив и направив на своем веку достаточно людей, я сам не сумел устроиться, благодаря разным неудачам и несправедливостям; что я хвораю, и не одной, а несколькими болезнями (не мнительными, а действительными), и

должен махнуть рукой, ибо не только себя, но даже жену лечить у меня не хватает средств — и т. д. и т. д. Положение Фофанова, если хотите, лучше, потому что откровеннее — нищета без всяких ширм, а я, по самому роду моей довольно разнообразной деятельности, связан сотнями отношений и — как ни смешно сказать — даже некоторой популярностью, что, в общем, заставляет меня нести этот оскорбительно тяжелый крест, который называется „благородной бедностью“».

О пенсии Вам рано еще думать... — Леонтьев писал: «Были у меня скромные и не совсем несправедливые мечты о пенсии от Акад<емии> наук: думал, имея 50 р. в месяц, определенные, жена могла бы взять квартиру побольше и сдавать больше комнат, чтобы окупать самую квартиру и еще кое-что; но действительность разбила и эти мечты — оказывается, чтобы получить такую пенсию, надо быть или дамой (знаю, из них многие получают), или, по крайности, попасть под конку... Когда я нищенствовал во Владимире, я готов был удовольствоваться и 25 рубл. — и в том мне отказали... Ну, вот я из-

лил Вам всю мою дрянь — и будто легче стало...» (ГБЛ).

...а Вейнберг, если охладел к Вам, то имел на это некоторое право ~ Вы напечатали протест ~ и это тогда произвело на всех тяжёлое впечатление... — 10 декабря 1897 г. Леонтьев напечатал в «Новом времени» (№ 7827) фельетон «Еще одно последнее сказанье» по адресу Литературного комитета, председателем которого состоял П. И. Вейнберг. Тогда Чехов писал Суворину: «...зачем, зачем Жан Щеглов пишет эти фельетоны? Он увяз, совершенно увяз» (см. т. 7 Писем, письмо 2188). О том, как был встречен фельетон Щеглова, можно судить также по записи в дневнике С. И. Смирновой-Сазоновой: «... беседовала с Григоровичем и Потехиным о возмутительном фельетоне Щеглова, который, разозленный тем, что его пошлая пьеса не пропущена, делает донос на Комитет, что он запретил ее, п<отому> ч<то> она верноподанная» (ИРЛИ, ф. 285, ед. хр. 30).

В письме от 26 января 1900 г. Леонтьев жаловался Чехову: «П. И. Вейнберг, забраковавший целые две главные мои пьесы <...> вдоба-

вок еще в обществе не подает мне руки!.. (Как видите, и в Л<итературно>-Т<еатральном> к<омитете> нет у меня руки!) Он стар <...> и я теряюсь, как мне поступить, а сталкиваться, волей-неволей, приходится. Дайте совет, мой добрый Антуан, бедному затравленному Щеглу??»

...радостную песнь Щегла... — Чехов, вероятно, от Леонтьева знал, как родился его псевдоним. Позже он писал об этом в своей автобиографии: «... не претендуя на разрешение мировых задач, следовал морали известной крыловской басни:

*Пой лучше хорошо щегленком,
Чем худо соловьем...*

Отсюда же извлечен мой писательский псевдоним „Щеглов“» (ИРЛИ, ф. 273, оп. 2, ед. хр. 39).

Лаура я давно не видел. Никаких сплетен от него я не слышал. — Леонтьев жаловался Чехову, что их общий знакомый, литератор и врач А. А. Лаур, находившийся в это время в Ялте (о чем еще раньше сообщил Леонтьеву сам Чехов), рассказывал в письме к нему о

своих прогулках и разговорах с Чеховым. Леонтьев просил Чехова не верить тем сплетням, которые тот услышит от Лаура.

3031. А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

3 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (*Архив Горького*). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 36–37.

Год устанавливается по письму М. Горького от 21–22 января 1900 г., на которое отвечает Чехов; Горький ответил 11 или 12 февраля (*Горький*, т. 28, стр. 117–118 и 119–120).

...спасибо Вам за письмо, за строки о Толстом и «Дяде Ване», которого я не видел на сцене.... — Горький писал: «Ну, вот и был я у Льва Николаевича. С той поры прошло уже восемь дней, а я все еще не могу оформить впечатления. Он меня поразил сначала своей внешностью, я представлял его не таким — выше ростом, шире костью. А он оказался маленьким старичком и почему-то напомнил мне рассказы о гениальном чудаке — Суворове. А когда он начал говорить — я слушал и изумлялся. Все, что он говорил, было удивительным».

тельно просто, глубоко и хотя иногда совершенно неверно, — по-моему, — но ужасно хорошо. Главное же — просто очень. В конце, он все-таки — целый оркестр, но в нем не все трубы играют согласно. И это тоже очень хорошо, ибо — это очень человечно, т. е. свойственно человеку. В сущности — ужасно глупо называть человека гением. Совершенно непонятно, что такое — гений? Гораздо проще и яснее говорить — Лев Толстой — это и кратко и совершенно оригинально, т. е. решительно ни на что не похоже и притом — как-то сильно, особенно сильно. Видеть Льва Николаевича — очень важно и полезно, хотя я отнюдь не считаю его чудом природы. Смотришь на него и ужасно приятно чувствовать себя тоже человеком, сознавать, что человек может быть Львом Толстым. Вы понимаете? — за человека вообще приятно. Он очень хорошо отнесся ко мне, но это, разумеется, не суть важно. Не важно и то, что он говорит о моих рассказах, а важно как-то все это, все вместе: все сказанное, его манера говорить, сидеть, смотреть на вас. Очень это слитно и могуче красиво. Я все не верил, что он атеист,

хотя и чувствовал это, а теперь, когда я слышал, как он говорит о Христе, и видел его глаза, — слишком умные для верующего, — знаю, что он именно атеист и глубокий. Ведь это так?

Просидел я у него более трех часов, а потом попал в театр к третьему акту „Дяди Вани“. Опять „Дядя Ваня“. Опять. И еще я нарочно поеду смотреть эту пьесу, взяв заранее билет. Я не считаю ее перлом, но вижу в ней больше содержания, чем другие видят; содержание в ней огромное, символистическое, и по форме она вещь совершенно оригинальная, бесподобная вещь. Жаль, что Вишневский не понимает дядю, но зато другие — один восторг! Впрочем, Астров у Станиславского немножко не такой, каким ему следует быть. Однако, все они — играют дивно! Малый театр поразительно груб по сравнению с этой труппой. Какие они все умные, интеллигентные люди, сколько у них художественного чутья! Книппер — дивная артистка, прелестная женщина и большая умница. Как у нее хороши сцены с Соней. И Соня — тоже прекрасно играла. Все, даже слуга Григо-

рьев, — были великолепны, все прекрасно и тонко знали, что они делают, и, ей-богу, даже ошибочное представление Вишневского о дяде Ване можно простить ему за игру. Вообще этот театр произвел на меня впечатление солидного, серьезного дела, большого дела. И как это идет к нему, что нет музыки, не поднимается занавес, а раздвигается. Я, знаете, даже представить себе не мог такой игры и обстановки. Хорошо! Мне даже жаль, что я живу не в Москве, — так бы все ходил и ходил в этот чудесный театр».

У Вас плеврит? — Горький писал Чехову о своей болезни: «Кашляю во всю мочь и не сплю ночей от боли в боку. Весной непременно поеду в Ялту лечиться».

...далее Васильсурска не поедете... — Васильсурск — город Нижегородской губернии, на правом берегу Волги и на р. Суре.

...не сердитесь, что я в письмах читаю Вам наставления, как протопоп. — В ответ на эти слова Горький писал: «Мне ужасно нравится, что Вы в письмах ко мне — „как протопоп“ „читаете наставления“, — я уже говорил Вам, что это очень хорошо. Вы относитесь ко

мне лучше всех „собратий по перу“ — это факт».

Жду «Фому Горд<еева>»... — Повесть «Фома Гордеев» вышла отдельным изданием в 1900 г. в изд. «Библиотека „Жизни“» (№ 3) с посвящением А. П. Чехову.

3032. П. В. УНДОЛЬСКОМУ

4 февраля 1900 г.

Печатается по тексту: *Письма*, т. VI, стр. 37, где опубликовано впервые, по автографу. Нынешнее местонахождение автографа неизвестно.

Год устанавливается по ответному письму П. В. Ундольского от 10 февраля 1900 г. (*ГБЛ*).

...план уже готов... — План школы в Мухалатке (см. письмо 3029*). Ундольский ответил: «<...> буду начинать в 1-х числах марта постройку здания по плану Л. Н. Шаповалова. Еще раз не откажите принять мою сердчную благодарность за Ваше доброе сочувствие и участие в деле устройства Мухалатской школы».

3033. Ю. О. ГРЮНБЕРГУ

5 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 174–175.

...до сих пор не прислал Вам списка рассказов... — В письме к Ю. О. Грюнбергу от 22 декабря 1899 г. Чехов обещал прислать к Новому году оглавление всех томов собрания своих сочинений.

Прилагаемую расписку... — В письме от 19 января 1900 г. А. Ф. Маркс уведомлял Чехова о высылке очередного гонорара (20 000 рублей) и просил прислать расписку в получении денег (ГБЛ). Расписка (от 22 января 1900 г.) хранится в ЦГАЛИ. См. также «Красный архив», 1929, № 6, стр. 211.

...с моей благодарностью за поздравление... — В том же письме Маркс поздравлял Чехова с избранием в академики (ГБЛ).

...о котором Вы писали как о пропущенном... — Об этом писал Грюнберг 16 декабря 1899 г. (ГБЛ).

3034. В. А. ПОССЕ

5 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ). Впервые

опубликовано: «Новый журнал для всех», 1908, № 2, стлб. 76.

Год устанавливается по ответному письму В. А. Поссе от 10 февраля 1900 г. (ГБЛ).

...напрасно я читал корректуру, ее в типографии не исправили. — Речь идет о корректуре повести «В овраге». Поссе ответил: «Здорово Вы огорчили меня своим письмом, уважаемый Антон Павлович! Не могу простить себе, что не продержал сам корректуру Вашей повести, но я надеялся, что два корректора сделают это лучше меня. Главная вина типографии, которая не сделала поправок, указанных в корректуре. Но вообще все равно, кто виноват, дела теперь не поправишь, хотя мы, конечно, в феврале приложим список опечаток» (подробнее см. Сочинения, т. 10, стр. 437–438).

Оттисков до сих пор я не получил. — См. примечания к письму 3047*.

Некий Б. Лазаревский ~ сообщил мне на днях, что он послал в «Жизнь» повесть... — См. письмо 3026* и примечания к нему*.

3035. А. С. ПРУГАВИНУ

5 февраля 1900 г.

Печатается по тексту газеты «Речь», 1910, № 16, 17 января, где опубликовано впервые, без начала. Местонахождение автографа неизвестно.

Число и месяц указаны А. С. Пругавиным. Год устанавливается по письму Пругавина от 15 января 1900 г., на которое отвечает Чехов (ГБЛ).

...Что касается моих прошлогодних писем, то ~ я против того, чтобы Вы их напечатали. — Пругавин писал Чехову: «Готовлю для печати заметки о самарской голодовке. Хочется выяснить отношение различных слоев общества и народа к этому явлению, а также некоторых отдельных личностей. Для этой цели придется пользоваться главным образом письмами жертвователей, присылавших деньги. Могу ли я воспользоваться для этой цели Вашими письмами, многоуважаемый Антон Павлович? Вы так много потрудились для дела помощи голодающему населению Самарской губернии, проявили так много сердечности в этом деле, что мне необходимо придется подробнее остановиться на Вашем

отношении к только что пережитому народному бедствию».

Книга А. С. Пругавина «Голодающее крестьянство. Очерки голодовки 1898-99 года» вышла уже после смерти Чехова (М., «Посредник», 1906), но ни для книги, ни для очерков, печатавшихся ранее в «Русских ведомостях», письмами Чехова он не воспользовался (они так и остаются неизвестными). В предисловии к книге Пругавин писал: «...у меня сохраняется много чрезвычайно интересных писем, полученных мною за время голодовки от Л. Н. Толстого, Ант. П. Чехова, В. Г. Короленко и многих других представителей литературы. К сожалению, разные причины до сих пор мешали нам использовать весь этот материал».

3036. В. М. ЛАВРОВУ

6 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 39.

В. М. Лавров ответил 14 февраля 1900 г. (ГБЛ).

Так как юбилейное настроение еще не прошло ~ торжество удалось вполне... — В ответ-

ном письме Лавров описывал юбилейное торжество по случаю 20-летия издания журнала «Русская мысль» и участия в нем В. А. Гольцева (см. также письмо 3028* и примечания к нему*): «А 27-го у нас, по моему смутному представлению, прошло блестяще и великолепно. Были очень умные (я) и благородные люди и прекрасные женщины. Вот это я помню. Конечно, и недочеты были — отсутствовал ты и Мамин. Но точного отчета ты от меня не требуй, ибо я был взволнован до крайности. Может быть, тебе когда-нибудь расскажет об этом Мария Павловна. Она была настолько добра, что послушалась нашего призыва и чокалась с нами бокалами, когда пили за здоровье хороших людей.

А потом еще письменные документы и это милое письмо, которое я получил только сегодня. Ну, чем я заплачу вам за это? В моем словаре и слов таких нет. Может быть, при свидании личном мне это удастся когда-нибудь, а теперь за твое письмо я могу повторить то же, что сказал раньше: спасибо!»

Когда же в Ялту? — Жалуясь на свое состояние, Лавров писал 15 декабря 1899 г.: «Ялта

представляется мне каким-то заколдованным местом, раем... показали его грешнику, вот он и должен облизывать себе губы. Там все хорошо! <...>

А может быть я и приеду в начале февраля. Можешь ли ты за сие обещать мне бутылку Аи? Ей-богу, мило было бы отпраздновать с вами свои именины...» (ГБЛ). И в ответном письме: «В Ялту мне в нынешнем году по-пасть не придется, хотя я взираю на вас мысленным оком, как богатый Лазарь взирал на бедного Лазаря, присужденного к раю. Нет, не придется...»

...М-те Яхненко. — Хозяйка дачи в Ялте, где останавливался Лавров.

3037. М. П. ЧЕХОВОЙ

6 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 326–327.

Год устанавливается по упоминанию о строящемся шоссе (см. письмо 3021*).

М. П. Чехова ответила 17 февраля 1900 г. (*Письма М. Чеховой*, стр. 150–151).

3038. И. П. ЧЕХОВУ

7 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 39, 41.

Открытка. Год устанавливается по почтовым штемпелям: Ялта. 7 II.1900; Москва. 11 II.1900.

...купил в Гурзуфе кусочек берега? — См. письмо 3001 и примечания к нему*.*

Кучук-Кой придется продать. — Кучук-Кой был продан Перфильевой, которая затем от него отказалась, и ей были возвращены деньги. См. письмо к М. П. Чеховой от 18 ноября 1901 г. в т. 10 Писем.

3039. О. Л. КНИППЕР

10 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 41–43.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 11 II.1900; Москва 14 II.1900.

Ответ на письма О. Л. Книппер от 19–28 января и 5 февраля 1900 г.; Книппер ответила 16 февраля (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр.

120–126).

...ничего более не остается, как уехать за границу... — См. письмо 3028* и примечания к нему*.

...на выставку. — В Париже в это время открывалась Всемирная выставка.

А Вы-то зачем хандрите? — «Не могу писать Вам так, как бы хотела. Я измучилась за эту зиму и устала, мыслей не собираю, да и мало их у меня что-то стало. Жду с нетерпением дня, когда мы увидимся», — жаловалась Книппер.

И Мейерхольд тоже жалуется на скуку жизни. — 21 января Мейерхольд писал Чехову: «Давно собирался черкнуть Вам, да не мог: был сильно занят. А вот теперь собрался, а пишу с трудом, так как чувствую себя отвратительно. Болит голова, сильно кашляю, знобит. Недели две тому назад простудился и до сих пор не могу оправиться, несмотря на то, что лечусь усиленно.

Настроение ужасное.

Не понимаю, отчего так тяжело живется. Вероятно, у меня тяжелый характер. А, может быть, неврастения» (*ЛН*, т. 68, стр. 437–438).

Вы как-то писали, что для вас, маленьких людей, будущее покрыто тайной. — 22–26 декабря 1899 г. Книппер писала: «Вы спрашиваете, приедем ли мы весной играть в Ялту, — да кто же это знает, милый писатель! Вы знаете, какой таинственностью окружают себя наши директора» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 110).

Недавно я получил от Вашего начальника Вл. Ив. Немировича письмо ~ труппа будет в Харькове. — Немирович-Данченко сообщал об этом Чехову в начале февраля 1900 г.: «Очень думаем приехать в Ялту сыграть нарочно для тебя. Вырабатывается такой план:

25 февраля — 15 марта — Петербург.

18 марта — Страстная неделя — Репетиции в Москве.

С 3 дня Пасхи и весь апрель — то же.

Май: Харьков (4 спектакля), Севастополь (4 спектакля) и Ялта (5 спектаклей)» (*Избранные письма*, стр. 200).

Благодарю за пожелания по поводу моей женитьбы. — Шутка. Книппер писала Чехову 19 января: «Сейчас пришла от Марии Павловны — она мне сообщила, что Вы женитесь на

поповне. Поздравляю, милый писатель, не выдержали все-таки? Дай Вам бог совет да любовь. И кусок моря для нее, значит, купили? А мне можно будет приехать полюбоваться на семейное счастье, да кстати и порасстроить его немножечко. Ведь мы с Вами стоворились — помните долину Кок-Коза?»

3040. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

11 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 43–44.

Год устанавливается по почтовому штемпелю на конверте: Москва. 16 II.1900.

Ответ на письмо А. Л. Вишневого от 7 февраля 1900 г.; Вишневецкий ответил письмом без даты («Я очень опечален...»), с пометой Чехова: «900, II» (ГБЛ).

...фотографий же нет... — Вишневецкий писал: «Посылаю Вам несколько неудачных снимков „Чайки“. Снимались в дурную погоду. Скоро вышлю и „Дядю Ваню“».

Благодарю Вас за подробности, касающиеся театра ~ Весь этот дивидент ~ отдайте Морозову ~ строить свой театр. — Вишневецкий

ский сообщал о делах Художественного театра: «В Петербург, к большому моему сожалению, мы не поедем потому, что Суворин надул и театра нам не дает. Других свободных театров нет <...> Относительно нашего театра теперь окончательно выяснилось и определилось, что театр наш занял очень прочное и солидное положение, пользуется большим успехом и доверием Москвы и остается одним из первых театров в России. Необходимо иметь свой собственный театр, а до того, хотя по крайней мере, бóльшее помещение, дабы годовой расход нашего театра окупался бы пятимесячной работой. Наша дирекция и все мы боялись, что второй сезон для нас будет страшнее, ибо шумный успех первого сезона можно объяснять новинкой, на которую так кинулась публика, и в особенности успех „Царя Федора“. „Чайка“ же закрепила за нами прочное и серьезное отношение и успех нашего театра. Доказательством служит то, что второй сезон у нас не было такой другой боевой пьесы, как „Федор“, но успех театра даже в материальном отношении оказался более блестящим. Мы с 26-го декабря до сегодня, а

уже надо полагать и до конца сезона, а его осталось две недели, мы *ежедневно играем с аншлагом*, который даже не снимается с кассы театра в утренние спектакли. Тем не менее у нас все-таки по окончании сезона будет дефицит в 15 тыс. рублей?! Объясняется это просто и ясно, что имей мы теперь в нашем распоряжении театр по вместительности больше, по крайней мере на 300 руб., и напиши нам Антон Чехов новую пьесу — на будущее время мы кончим сезон с дивидентом. Первое уже обеспечено, так как Щукин в понедельник на первой неделе ломает всю зрительную залу и увеличивает театр на 450 мест, что даст нам более 300 р. в вечер, а при 150 спектаклях в сезон мы будем в барышах, и тогда через год Морозов выстроит свой театр. Что же касается второго, т. е. пьесы Антона Чехова, то мы также живем этой надеждой, что *он* не оставит нас».

...часть сбора ~ в пользу чахоточных... — Вишневский писал о своем проекте: «Дело в том, что сезон мы опять кончаем чеховской пьесой и 20-го сего февраля вечером идет „Дядя Ваня“; мы увеличим цены на последний

спектакль рублей на 500, с тем, чтобы эти 500 р. пошли в пользу ялтинской санатории. Сегодня об этом буду говорить с Немировичем и надеюсь, что это так и будет, тем более что Художественный театр так много обязан дорогому нашему Антону Павловичу. Кроме того мы сыграем в Ялте еще спектакль в пользу этого симпатичного учреждения». Но уже в следующем письме Вишневский сообщал, что его проект не удался: «Начальство мне старалось доказать, что в нашем театре этого делать нельзя, ибо мы и теперь не оправдываем своего назначения „Общедоступный“. Всем было отказано в этом сезоне <...> Так было постановлено пайщиками».

Прилагаю вырезку из «Приазовского края» ~ в Таганроге меня почитают... — Шутка (Вишневский, как и Чехов, был уроженцем Таганрога и учился в Таганрогской гимназии). К письму приложена вырезка из «Приазовского края» (1900, № 30, 1 февраля) с сообщением о заседании городской думы, на котором гласный Рябенко внес следующее предложение: «Всея читаемой России известно имя Антона Павловича Чехова, нашего согражданина и

воспитанника Таганрогской гимназии. Нам известно, что Антон Чехов проявлял деятельное участие во всех благих начинаниях города. Нам памятливы заботы его о городской библиотеке, его участие в деле сооружения памятника Петру Великому. На днях произошло знаменательное событие: Антон Павлович Чехов, наряду с другими славными русскими именами, избран в число почетных членов учрежденного при императорской Академии наук Отделения изящной словесности и литературы. Я предлагаю думе послать ему по этому поводу поздравление и выразить при этом искреннее сердечное пожелание избавиться от его недуга и долго еще работать на пользу отечественной литературы и словесности.

Дума единогласно приняла это предложение».

Вслед за этим гласный Фоти выступил с предложением: «Известно также, какой он ревнитель народного просвещения. Не пожелает ли дума в память о знаменательном событии платить за право учения за одного ученика в мужской и одной ученицы в женской гимназиях». (Обсуждение второго предложе-

ния было перенесено на следующее заседание.)

...Гликерии Николаевне... — Г. Н. Федотовой.

3041. В СЕРПУХОВСКУЮ ЗЕМСКУЮ УПРАВУ

11 февраля 1900 г.

Печатается впервые, по черновому автографу (ГБЛ). Написано на обороте письма А. И. Анисимовой от 5 февраля 1900 г.

Датируется по упоминанию о нем в следующем письме.

Год назад мною было подано заявление... — текст его неизвестен.

...не могу исправно нести обязанности почтителя... — См. примечания к письму 3042*.

3042. Н. Н. ХМЕЛЕВУ

11 февраля 1900 г.

Печатается по тексту: *Письма*, т. V, стр. 346–347, где опубликовано впервые, по копии, с датой: 11 февраля 1899 г. (повторенной и в ПССП, т. XVIII, стр. 75–76).

Год устанавливается по письму Н. Н. Хмелева от 29 января 1900 г., на которое отвечает

Чехов (ГБЛ).

...спасибо за поздравление... — Хмелев поздравил Чехова с избранием в академики.

О том, как употребить 100 р., пожертвованные 2-жей Свербеевой... — Хмелев писал Чехову: «Как-то в прошлом месяце было у нас в Серпухове собрание Общества взаимопомощи учащим, и зашла речь о выработке правил для пользования учителям и учительницам тем пособием, которое ежегодно в количестве 100 р. отпускает С. Д. Свербеева на поездки для поправления здоровья. При этом признано было желательным получить и от Вас более точные сведения, чем именно могли бы Вы помочь в этом деле, т. к. то заявление, которое сделал от Вашего имени Ив. Герм. <Витте> в прошлом году, было очень общо».

В архиве Чехова сохранился «Отчет Общества взаимопомощи учащим и учившим в начальных школах Серпуховского уезда за 1899 год», где сказано: «Правление считает долгом довести до сведения и обсуждения собрания предложение А. П. Чехова, принимавшего такое деятельное участие при возникновении

Общества и выразившего вновь свою готовность прийти на помощь Обществу, предложив одному из действительных его членов, нуждающемуся в отдыхе, помещение и стол на южном берегу Крыма. Это благое начинание вызвало сочувствие в лице С. Д. Свербеевой, которая, желая доставить возможность поездки для поправления здоровья большему числу учащих, обязалась письмом на имя правления с своей стороны вносить ежегодно 100 р. для этой цели».

Посылая экземпляр отчета, секретарь Общества учительница Е. Д. Ильинская писала: «В последнем заседании правления мы старались выработать правила пользования 100 р., ежегодным взносом Свербеевой для поездок учащих, да так ни к чему и не пришли. Посоветуйте, пожалуйста, как бы это сделать?» (ГБЛ).

...подал в Серпуховскую управу заявление...
— Заявление, посланное Чеховым в 1899 г., неизвестно.

...постоянные дразги в Талежском училище, поп, мужики, бьющие стекла ~ 2-жа Анисимова со своим характером, жалостные

письма ее помощницы... — Чехов был назначен попечителем Талежского училища еще в 1894 г. В 1895 г. в связи с постройкой в Талеже нового здания училища Чехов получил письмо от группы крестьян: «Многоуважаемый попечитель г-н Чехов, имя и отчества вашего не знаем. Нет нашего желания строить училище в Талиже, покуда вы не уволите учителя Антипа Алексеева. Он нам ужасно не нравится, детей учит наших — от церкви отучил» (ГБЛ). В 1898 г. Чехов, находившийся в то время в Ницце, получил письмо от учителя Талежской школы А. А. Михайлова (от 2 марта) с жалобами на «клевету попа» (преподававшего закон божий), поддержанную некоторыми крестьянами.

О том, что Михайлов будет переведен в другую школу, Чехову сообщил 12 июня 1898 г. инспектор И. В. Рубцов (См. «Несохранившиеся и ненайденные письма», в т. 8 Писем). В 1899 г. учительницей Талежской школы была назначена А. И. Анисимова. Но через некоторое время, как это видно из ее писем к Чехову, там снова начались дразги. По просьбе Анисимовой в Талежскую школу, в кото-

рой в то время было уже более 80 учеников, была назначена в помощь вторая учительница. 14 января 1900 г. Анисимова писала Чехову: «Назначение 2-й учительницы создало для меня ад. Проживши 2 месяца, она обращается с жалобой на меня к инсп<ектору> Рубцову, а он, не разобравши дела, кто у нас прав, кто виноват, присылает мне бумагу от 5 января, в которой заключается, что я будто бы притесняю 2-ю уч<ительни>цу, в заключение обещает перевести меня в другое училище, если якобы я буду притеснять ее. Каково?..» (ГБЛ).

Вторую учительницу вскоре перевели в другое место, но Анисимова 5 февраля 1900 г. снова писала Чехову, что ей предстоит «дознание» — в связи с жалобой талежской крестьянки К. Н. Гороховой на «жестокое обращение с учащимися».

Назначенная в октябре 1899 г. второй учительницей в Талежскую школу Анфиса Смирнова в свою очередь писала Чехову 7 декабря 1899 г., жалуясь на то, что Анисимова не разрешает ей занимать комнату в школьной квартире, а класс «младшего отделения», в котором она занимается, «почти никогда не

отапливается» (ГБЛ).

Ответ Чехова Анисимовой и Смирновой неизвестен. Из письма же Анисимовой видно, что Чехов выслал — дополнительно к прежним — деньги на дрова для школы.

Сегодня я послал заявление... — См. письмо 3041*.

Поддержите меня в училищном Совете. — Ответа Хмелева или серпуховской управы в архиве Чехова нет. Из письма Т. Е. и А. Е. Бочковых, назначенных в Талежскую школу учительницами в августе 1900 г., видно, что новый попечитель все еще не был назначен.

Надежда Наумовна — жена Н. Н. Хмелева.

3043. А. С. СУВОРИНУ

12 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 44–47.

Год устанавливается по упоминанию о «Маленьких письмах» А. С. Суворина, напечатанных в «Новом времени» в январе и феврале 1900 г.

Я ломал голову над IV актом... — Речь идет о пьесе Суворина «Героиня» («Вопрос»).

См. письмо 3012* и примечания к нему*.

Письма Ваши насчет «Русалки» и Корша очень хороши. — «Маленькие письма» Суворина («Новое время», 1900, №№ 8580, 8581, 8582, 8584 и 8602, 8606, 8607; 16, 17, 18 и 20 января и 7, 11 и 12 февраля).

В 1897 г. журнал «Русский архив» (кн. 1, № 3) опубликовал окончание пушкинской «Русалки», якобы записанное по памяти инженером-путейцем Д. П. Зуевым, слышавшим его в свое время в чтении самого Пушкина. Публикации предшествовало вступление, написанное П. Бартеневым. Публикация вызвала в литературных кругах споры и сомнения в подлинности текста «Русалки». Через год академик Ф. Е. Корш напечатал в «Известиях Отделения русского языка и словесности» Академии наук (1898 г., т. III, кн. 3 и 1899 г., т. IV, кн. 1 и 2) свой разбор зуевской публикации, доказывая подлинность пушкинского текста. В ответ на это и появились «Маленькие письма» Суворина, изобличающие совершенную Зуевым подделку. Отдавая должное тому, что касается исследования Коршем стиха Пушкина и что, по мнению Суворина, за-

служивает «и внимания, и благодарности», так как до него «никто так обстоятельно не говорил об этом предмете и никто не вносил в подобное изучение столько тщательности и вполне научного труда», Суворин выступил против «механически-филологического приема», с помощью которого Корш стремился выдать явную и на редкость бездарную подделку за текст Пушкина.

После того, как в «Новом времени» появились первые три письма Суворина, Корш напечатал в газете «Петербургские ведомости» (1900, № 33, 3 февраля) ответную статью «Г-н Суворин в качестве научно-эстетического критика», в которой пытался защитить свой метод исследования и доказательств как наиболее объективный, исключаяющий предвзятость в оценке, когда «при проверке подлинности стихов <...> не знают иного способа, кроме применения мерил совершенства, определяемого к тому же собственным вкусом, т. е. такой-то стих не принадлежит Пушкину, потому что он не совершенен (читай, мне критику, не нравится)».

Это выступление Корша, а также два пись-

ма, полученные редакцией «Нового времени», косвенно подтверждавшие фальсификацию, заставили Суворина снова вернуться к вопросу о подлинности окончания «Русалки» и методе анализа литературного произведения. «Я веду спор с г. Коршем не филологический и технический, а эстетический и литературный <...> Я могу признать, что г. Корш знает все тайны филологии, но я посылаю ему упреки не за филологию, а за то, что он свою науку употребляет на дрянное дело, за то, что он своими софизмами играет, как фокусник, и поддерживает глупое дело, пошлую подделку, не стоящую выеденного яйца. Я доказываю ему, что безрассудное применение им технического метода есть ложь и обман, а в лучшем случае — самообман, не рекомендуемый ни его эстетического вкуса, ни понимания им обязанностей ученого, который не имеет права заниматься пустяками и свой самообман навязывать обществу и Академии наук».

...насчет Коноваловой и присяжных ~ Вам не следовало бы писать ~ Пусть А-т пишет ~ Чтобы трактовать подобные вопросы ~ надо

быть прямолинейным ~ а Вы на половине письма собьетесь, как и сбились... — 26 января 1900 г. в «Новом времени» была напечатана заметка за подписью А-т «За человека страшно», в которой с возмущением говорилось о некоей Татариновой (Чехов ошибочно назвал ее Коноваловой), убившей своего ребенка и несмотря на это оправданной судом присяжных.

3 февраля в ответ на эту заметку появились «Маленькие письма» Суворина, где он писал о роли суда присяжных как «совести общества» и о возможных и неизбежных его ошибках в приговорах и решениях: «Известный процент приговоров всегда будет возбуждать в обществе и критику и неудовольствие, а из этого вовсе не следует, что самое учреждение никуда не годно. Оно лучшее из того, что придумано в настоящее время, но не абсолютно лучшее». Говоря о приговорах, Суворин писал, что надо учитывать многие мотивы преступления, в том числе и то внутреннее состояние, которое человек нередко старается скрыть не только от окружающих, но даже самого себя, — так каждый, по мнению

Суворина, хотя однажды «желал чужой смерти», и потому все люди более или менее «убийцы в душе». Не давая однозначной, окончательной оценки приговору по делу Татариновой, Суворин тем не менее заканчивал свою заметку так: «Пусть будут смягчающие обстоятельства — тут большой простор для человечности, — но кто убил, тот непременно виноват».

...купил последний том Л. Толстого ~ тонкая работа Клюкина. — Книгопродавец М. В. Клюкин выпустил в 1900 г. «Воскресение» Л. Толстого с сокращениями и произвольными изменениями глав в составе книги (Сочинения графа Л. Н. Толстого. XVI. Изд. 2, доп., М., 1900). Книга была приобретена Чеховым для Таганрогской библиотеки и послана им туда. О получении этой книги П. Ф. Иорданов уведомил Чехова в письме от 7 февраля 1900 г. (ГБЛ).

Кто это Фома Неверный? — Под этим псевдонимом в «Новом времени» печатался Г. А. Немиров. Чехов, очевидно, обратил внимание на его статью «Широкая масленица» («Новое время», 1900, № 8602, 7 февраля) с описанием

бала-маскарада в Мариинском театре.

3044. О. Л. КНИППЕР

14 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 47, 49.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 15 II.1900; Москва. 19 II.1900.

...фотографии очень, очень хороши, особенно та, где Вы пригорюнились... — 19–28 января 1900 г. О. Л. Книппер писала: «На днях снимали „Чайку“. Мои карточки в будничном виде будут готовы 1-го февраля. Для Вас снялась специально. А пока посылаю актрису за письменным столом, снятую при магии, правда недурно?» (Переписка с Книппер, стр. 123).

Правда, правда, сердитесь? — Ср. письмо О. Л. Книппер от 5 февраля 1900 г. в примечаниях к письму 3028.*

...почитатель талантов, живущих у Никитских ворот. — У Никитских ворот, в доме Мещериновой, жила Книппер.

Даже в Севастополь приеду... — Предполагалась поездка Художественного театра в Се-

вастополь и Ялту.

Что у Вас в театре делает Иван Цингер?
— Этот вопрос Чехов задал, очевидно, в связи с полученным от И. В. Цингера письмом от 9 февраля 1900 г. (просьба о фотографии с автографом для родственницы — Н. В. Летниковой). Сын известного ученого-математика, профессора В. Я. Цингера, убежденный толстовец, И. В. Цингер был в то время рабочим сцены в Художественном театре. Н. В. Летникова, сестра его жены, одна из первых в России женщин-хирургов. Ответ Чехова Цингеру остается неизвестным.

3045. М. П. ЧЕХОВОЙ

14 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 332–333.

Год устанавливается по письму М. П. Чеховой от 7 февраля 1900 г., на которое отвечает Чехов (*Письма М. Чеховой*, стр. 148–149).

Ты говоришь, что я пугаю своими отъездами... — В ответ на письмо от 31 января М. П. Чехова писала: «Желаю тебе веселиться все лето за границей, а мы в Ялте с Художествен-

ным театром проведем время еще веселее! И всегда ты пугаешь отъездами своими!»

Получал письма только от таких особ, как ~ Веселитская и ~ А. Ф. Линтварева... — Л. И. Веселитская писала Чехову 1 февраля: «Дай Вам бог здоровья за ту большую радость, кот<орую> Вы нам доставили Вашим „В овраге“. Мих<аил> Осип<ович> <Меньшиков> напишет Вам пространнее, а я только радуюсь на Вас и за Вас. Радуюсь и за Марию Павл<овну>, п<отому> ч<то> знаю, как ей приятна Ваша новая вещь». А. Ф. Линтварева в письме от 10 февраля просила Чехова «приехать в Севастополь и что-нибудь прочесть в Клубе» — в пользу организуемых в Севастополе детских яслей.

Прислала письмо Гургуля, очень талантливое ~ Она пишет, что Ольга Леонардовна сказала ей, будто она очень любит Немировича... — М. Т. Дроздова писала Чехову, что познакомилась у Марии Павловны с О. Л. Книппер: «Спросила ее, правда ли она влюблена в Немировича, а в Вас нет, она ужасно смеялась и сказала, что Немировича любит, а Вас нет, больше мне не удалось с ней ни о чем гово-

ритель, очень надо было уходить. Когда я ушла отсюда домой, то дорóгой мне так хотелось быть такой же милой, тоненькой и изящной, как она, даже иметь усики, дорóгой мне казалось, что я иду легче, как Книппер, и что я сама так же свежа и бодрa, как она, но все это благодаря тому я попала в такой самообман, что предо мной не было зеркала, а то бы живо спустилась на землю. До моих меблированных комнат от Вас всего полчаса ходьбы, и то хорошо на такое время побывать Книпперью — дурень думкой богат <...> Была я недавно на „Одиноких“ в Художественном, любовалась на Книппер, ну и молодчина же она. Она и поет, а я и не знала. Я понимаю, что в нее можно влюбиться насмерть». В этом же письме Дроздова вспоминала: «Вы как-то мне говорили в Мелихове, что если Вы влюбитесь, то можете свободно уехать и все забыть, мне почему-то кажется, что Вы влюблены не на шутку в Книппер и хотите уехать за границу, по-моему, совсем не надо» (ГБЛ).

Об участке в Гурзуфе... — См. письмо 3001.*

3046. А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

15 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (Архив Горького).
Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 52–54.

Год устанавливается по упоминанию о фельетоне М. Горького, напечатанном в «Нижегородском листке» 30 января 1900 г.

Ответ на два письма Горького от первой половины февраля 1900 г. (*Горький*, т. 28, стр. 119–121).

...Ваш фельетон в «Нижегор<одском> листке»... — В «Нижегородском листке» напечатана статья Горького «По поводу нового рассказа А. П. Чехова „В овраге“». Вырезку из газеты с этой статьей Горький прислал Чехову в письме: «Согрешил и я заметкой по поводу „Оврага“, но ее у меня испортил сначала редактор, а потом цензор. Знаете — „В овраге“ — удивительно хорошо вышло. Это будет одна из лучших Ваших вещей. И Вы все лучше пишете, все сильнее, все красивее. Уж как хотите, — не сказать Вам этого — не могу».

Что же мне не шлют «Фомы Гордеева»? — См. письмо 3047* и примечания к нему*.

«Двадцать шесть и одна» — хороший рас-

сказ, лучшее из того, что вообще печатается в «Жизни»... — Рассказ Горького «Двадцать шесть и одна» напечатан в декабрьской книжке журнала «Жизнь» за 1899 г.

«Жизнь» напечатала мой рассказ с грубыми опечатками... — «В овраге» (см. письмо 3034* и примечания к нему*).

Раздражает меня в «Жизни» и провинциальные картинки Чирикова, и картина «С Новым годом!», и рассказ Гуревич. — В первой книге журнала «Жизнь» за 1900 г. были напечатаны «Провинциальные картинки» Е. Н. Чирикова, картина, изображающая босяка, с подписью «С Новым годом!» и рассказ Л. Я. Гуревич «Седок».

Так не хотите в Индию? — Горький писал: «В Индию я не поеду, хотя очень бы это хорошо. И за границу не поеду. А вот пешочком по России собираюсь с одним приятелем. С конца апреля думаем двинуть себя в южные страны, на Дунай пойдем, к Черному морю и т. д. В Нижнем меня ничто не держит, я одинаково нелепо везде могу устроиться. Поэтому и живу в Нижнем. Впрочем, недавно чуть-чуть не переехал на жительство в Чернигов.

Почему? Знакомых там нет ни души».

Мне скучно не в смысле Weltschmerz, не в смысле тоски существования, а просто скучно без людей, без музыки... — Горький писал: «Знаете — ужасно неприятно читать в Ваших письмах, что Вы скучаете. Вам это, видите ли, совершенно не подобает и решительно не нужно. Вы пишете „мне уже 40 лет“. Вам только еще 40 лет! А между тем, какую уйму Вы написали и как написали. Вот оно что! Это ужасно трагично, что все русские люди ценят себя ниже действительной стоимости. Вы тоже, кажется, очень повинны в этом».

Очень жаль, что Вы, по-видимому, раздумали приехать в Ялту. — Горький все же приехал в Ялту в марте 1900 г.

Только что получил фельетон Жуковского. — Горький послал вырезку из газеты «Петербургские ведомости» (1900, № 34, 4 февраля) со статьей Д. Н. Жуковского (подпись: Декадент) о Чехове под названием «Певец декаданса». Горький писал Чехову: «Мне нравится эта статья, я давно ее знаю и безусловно согласен с тем, что „самосознание — паразит чувства“». Вырезка с этой статьей находится в Ял-

тинском Доме-музее Чехова (см. *Чехов и его среда*, стр. 342).

Автор статьи выражал довольно распространенную точку зрения на творчество Чехова как на явление декаданса. Крайне субъективно толкуя самый смысл декаданса и творчества Чехова, он тем не менее верно ощущал начавшееся движение общественного сознания — потребность в позитивных ответах на «вопросы века»: «Если мы возьмем <...> „Черного монаха“, Иванова, героя „Моей жизни“, героев „Чайки“, „Соседей“, „Учителя словесности“ и многих других, то от всех них, как вообще от всех рассказов Чехова, веет скукой и тоской... Нам хочется плакать, читая эти произведения. Хочется воскликнуть: красота, где ты? Неужели действительно жизнь так некрасива, пошла, скучна — так мертвенно бледна, так скучна, отдает таким дыханием смерти? Это ли не декаданс? Причина этого отсутствия красоты в жизни, этого глубокого пессимизма есть оскудение инстинкта, потеря чувства. Когда лозунгом была интеллигентность, знание, наука, то забывали самое святое, забывали основу жизни, забывали

чувство вообще, забывали чувство красоты, которое одно только способно дать жизни содержание и направление (конечно, только тогда, когда потребность в этом существует). Чехов как представитель интеллигенции гениально отметил в ней своим творчеством это оскудение, эту обесцвеченность, этот декаданс. Тем же взором интеллигента-пессимиста заглянул Чехов в крестьянскую избу, в деревню и там увидел то же отсутствие красоты и медленное прозябание жизни. Как будто какой-то туман сгустился над всем, и в этом тумане, как тени, слоняются безжизненные манекены. Только мгновениями сквозь этот туман пробегают лучи света, на минуту освещающая порыв сильного, живого чувства, чтобы затем снова уступить место мгле <...>

Чехов плачет об отсутствии красоты, отсутствии интереса к жизни, о пошлости ее — может быть, тем самым об ее бесцельности. Последнее самое ужасное. Но этим самым он расчищает почву для созидания... Мы знаем теперь, что красоту, что радость жизни надо искать не там, куда ведет нас Чехов, а надо искать в другом месте. Как будто вслед за Че-

ховым его позитивом является новый писатель М. Горький, который находит эту красоту. Куда ни заглянет Чехов своим созерцательным взглядом интеллигента, все, как по волшебному мановению, обесцвечивается, бледнеет, умирает. Чего ни коснется Горький, все начинает играть яркими цветами радуги. Не странно ли, что первый — представитель интеллигенции, в лучшем смысле этого слова; второй — представитель босяков, народа, того самого, на который мы когда-то хотели смотреть как на меньшого брата, заслуживающего только сострадания, помощи, руководства».

3047. В. А. ПОССЕ

15 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ). Впервые опубликовано: «Новый журнал для всех», 1908, № 2, стлб. 77–78.

Год устанавливается по ответному письму В. А. Поссе от 23 февраля 1900 г. (ГБЛ).

...«Фома Гордеев», да еще в превосходном переплете — это ценный, трогательный подарок... — Повесть М. Горького «Фома Горде-

ев» вышла в отдельном издании серии «Библиотека „Жизни“», СПб., 1900, с посвящением: «Антону Павловичу Чехову. М. Горький». Книга хранится в ТМЧ (Чехов и его среда, стр. 230–231).

За опечатки я сердился не на Вас... — См. письмо 3034*.

...пришлите мне хоть 5 оттисков. — Оттиски повести «В овраге» были получены Чеховым не позднее 22 февраля. Сохранились 2 экземпляра с дарственными надписями: Л. В. Средину (датирована 22 февраля 1900 г.) и А. Л. Вишневному (дата 5 марта 1900 г.).

3048. А. Б. ТАРАХОВСКОМУ

15 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Отсутствующие в автографе обращение и несколько строк на обороте первой страницы, вырезанные в автографе, восстанавливаются по тексту: *Письма*, т. VI, стр. 51–52, где письмо было напечатано по копии, полученной от Тараховского (указана была и авторская дата).

Впервые опубликовано: «Приазовский край», 1904, № 182, 11 июля, стр. 4. Еще отры-

вок — «Приазовский край», 1910, № 44, 19 января, стр. 2 (неточно). Полностью — *Письма*, т. VI, стр. 51–52.

Ответ на письмо А. Б. Тараховского от 10 февраля 1900 г. Тараховский ответил 23 февраля (*ГБЛ*; «Филологические этюды», вып. 1, Ростов н/Д, 1971, Серия журналистики, стр. 149–152).

Как видно из ответного письма Тараховского, Чехов в отсутствующем начале своего письма выражал неудовольствие по поводу того, что его частные письма Тараховский использовал в печати. В двух номерах «Приазовского края» (1899, № 319, 5 декабря и № 332, 19 декабря) Тараховский цитировал письмо Чехова от 26 ноября 1899 г. — в первом случае о положении чахоточных больных, приезжавших в Ялту, во втором (в фельетоне «Арабески») — о переустройстве таганрогского театра.

Тараховский ответил: «Добрейший Антон Павлович! Я положительно в отчаянии. Прошло уже пять дней со дня получения от Вас письма, а между тем до сего времени я не могу избавиться от мучительного чувства ка-

кой-то пришибленности, вызванного первыми строками его. Меня удручает и то, что я невольно так огорчил Вас, и то, что превратился в Ваших глазах в нарушителя литературной этики, т. е. в „газетчика“ самого неряшливого. Все это ужасно тяжело и больно. Уверяю Вас, что напечатание извлечений из Вашего письма — есть только недоразумение. Самовольно я бы ни за что этого не сделал, так как оглашение частных писем и разговоров считаю делом в высшей степени предосудительным. Появление же в печати извлечений произошло следующим образом. Вы просили напечатать воззвание и извлечение из письма о чахоточных. Так я понял тогда Вашу просьбу. Оказывается, однако, что речь шла только о воззвании или извлечений из него, но не из письма. В чрезмерном усердии я просто напутал. Затем, перепечатка о перестройке театра также имеет свою „историю“. Я просил Вас написать об аудитории и театрах несколько строк, которыми можно было бы воспользоваться для печати, зная, что Ваше мнение будет иметь значение при решении этих вопросов. Ответом на мою

просьбу и было Ваше письмо, в котором я нашел просимые строки и воспользовался ими — как писал Вам ранее. Но и тут ошибся! Вы их совсем не предназначали для печати. Я убедительно прошу простить мою оплошность и верить, что не способен на оглашение частных писем и разговоров без согласия <...> Ради бога, простите. Огорчения, которые я доставил Вам, — есть только печальное для меня недоразумение, но совсем не следствие какой-нибудь неряшливости нравственной. Я рассчитываю на Ваше великодушие».

Вы с женой пережили тяжелую передрыгу... — Тараховский писал, что возил жену в Харьков, где ей была сделана тяжелая операция.

Квитанцию благоволите передать Сиротину. Из «Приазовского края» ~ ничего не получил. — Тараховский сообщал: «Сегодня заходил Сиротин и оставил 10 руб<лей> для пересылки Вам в пользу ялтинских чахоточных. В редакцию „Пр<иазовского> кр<ая>“ непосредственно направляют пожертвования для той же цели, получаете ли Вы их? Деньги г. Сиротина посылаю вместе с письмом».

Пишите пьесу, только не для премий. — Тараховский писал: «Говорят, Суворин объявил премии на драматические произведения. Не воспользоваться ли и не написать ли какую-нибудь драму в 4-х действиях? А вдруг и в самом деле что-нибудь выйдет?»

Горький очень талантлив и очень симпатичен как человек. — Тараховский писал: «Читали ли Вы в „Нижегородском“ листке“ статью о Вас Горького? Как красиво он пишет и как тонко наблюдает. Его книжки отлично идут. В Харькове я с большим трудом нашел 1-й и 2-й томы, а 3-его так и не достал. Все разошлись».

Я послал д-ру Гордону небольшую картинку для его приемной. Получил ли он? — 19 февраля 1900 г. Д. М. Гордон написал Чехову: «Вернувшись на днях, я нашел здесь Ваш любезный сюрприз, который отныне украшает мой кабинет, как воспоминание о посещении великого писателя и доброго товарища» (ГБЛ).

Будет театр и в Харькове. — Художественный театр был только в Севастополе и Ялте.

Пойдут и обе мои пьесы. — «Чайка» и «Дядя Ваня».

3049. В. Н. ЛАДЫЖЕНСКОМУ

17 февраля 1900 г.

Печатается по тексту: *Письма*, т. VI, стр. 128–129, где опубликовано по копии, с пропуском и датой: 17 февраля 1901 г. Дата исправлена в *ПССП*, т. XVIII, стр. 338, пропуск восстановлен по копии М. П. Чеховой (*ГБЛ*). Местонахождение автографа неизвестно.

Впервые большая часть письма опубликована в сб. «Памяти А. П. Чехова». М., 1906, стр. 154, и *На памятник Чехову*, стр. 176.

Год устанавливается по письму В. Н. Ладыженского от 10 февраля 1900 г., на которое отвечает Чехов; Ладыженский ответил 26 февраля (*ГБЛ*).

...благодарю за ~ книжицу! — Ладыженский прислал Чехову свою книгу: «О книгах и сочинениях. Вып. I. С древнейших времен до Петра Великого. Чтение для школ и народа». Изд. автора, М., 1899, с надписью: «Дорогому и милому другу Антону Павловичу Чехову на добрую память от автора. Вл. Ладыженский. Пенза. 10 февр. 1900». Хранится в *ТМЧ* (см. *Чехов и его среда*, стр. 354).

Письмо твое полно льстиво-величавых выражений... — Ладыженский писал: «Льзя ли, Государь мой, изъяснить ту радость, коею преисполнились друзья Ваши, услышав Вас академиком. Когда эху об этом в провинцию понесли ведомости, радость сию мог бы воспеть громозвучною лирою токмо пиит. Но, ах, где лира Г. Р. Державина, действительного статского советника и кавалера и не можно, мню я, Милостивый Государь мой, подъять оную нынешним декадентам, кои в безумии своем позабывают даже славить нежность дев и любовные приятности и забавы. Свободолюбивое Земство, утвержденное впрочем на естественных правах человека, отнимает много времени, ибо я назван здесь его слугой. Часы досуга однако я по-прежнему, Государь мой, отдаю сладостным Музам, слагая песни, мадригалы и легкие повести-пьесы, одну из коих я испрашиваю смелость посвятить имени Вашему».

На письмо Чехова Ладыженский ответил: «Vive le zemstvo! У нас теперь как раз идет чрезвычайное земское собрание. Наше земство специально помещичье и потому упорно

не дает мне денег на народные библиотеки и пр<очие> ему не надобные затеи. <...> Это правда, что наши центральные губернии представляют наиболее яркие типы помещиков; это, конечно, хорошо в художественном отношении, но в общественном поистине плохо. Я знаю, что глупо, а все-таки огорчаюсь всякой мелочью в нашем земском деле и принимаю все очень близко к сердцу. Может быть, это и к лучшему, а то в провинции жить было бы невозможно: тон жизни здесь какой-то пониженный и скучный, самый город похож на гравюру из путешествия Омария по Московии. Черт знает что! Был я недавно на несколько дней в Москве. Для развлечения напился в Эрмитаже на юбилее „Русской мысли“ <...> Потом, отрезвившись, пошел в Художественный театр, где играют действительно великолепно. Я не видел „Дяди Вани“, но зато „Одинокие“ да твоя удивительная „Чайка“ произвели на меня очень сильное впечатление. После Художественного театра игра в Малом кажется какой-то условной, точно актеры нарочно так делают, чтоб это было видно. И „Даму с собачкой“ и „В

овраге“ я прочитал и „содержание оных одобрил“. „В овраге“ мне показалось очень серьезной вещью, и я не помню у тебя типов из этой среды».

Где Мамин? — ... «О Мамине, — писал Ладыженский, — слышал я в Москве, что он женится на своей бонне, которую, помнится, всегда называл крокодиллом, но подчинялся ей вполне, как воспитательнице дочери. Тихомиров собирался помчаться на свадьбу, причем, я думаю, он сумеет наговорить Мамину очень милых речей и купить у него попутно какую-нибудь книжечку».

...две девицы... — Ладыженский писал: «Я ответил тебе, кажется, на все твои вопросы. Вспоминаю я тебя часто и не только в обстановке филипповской кофейни, где одна из девиц, действительно, мне казалась достаточно привлекательной».

3050. М. П. ЧЕХОВОЙ

18 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 339.

Год устанавливается по ответному письму

М. П. Чеховой от 21–23 февраля 1900 г. (*Письма М. Чеховой*, стр. 151–153).

...письмо, которое я получил от Александра... — Вероятно, при посланном Ал. П. Чеховым рассказе было еще какое-то письмо Чехова, так как М. П. Чехова в ответ писала: «Сашин рассказ получила и уже отдала Коновицеру. А вот что насчет Плюшкина, — ты это напрасно. Немного обидно. Ты сам Плюшкин».

3051. О. Л. КНИППЕР

19 февраля 1900 г.

Печатается по подлиннику (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 53.

Телеграмма. Датируется по служебным пометам на телеграфном бланке: Подана в Ялте 19 II. 1900 в 3 ч. 20 м.; Принята в Москве 19 II. 1900.

Конфеты бумажник получил... — Эти подарки привезла Чехову из Москвы от О. Л. Книппер М. А. Альтшуллер.

3052. М. О. МЕНЬШИКОВУ

20 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Чехов, изд. Атеней, стр. 127–128.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 21 II.1900; Ц. Село. 25 II.1900.

М. О. Меньшиков ответил 28 февраля 1900 г. (ГБЛ).

...в своем последнем письме я писал Вам...

— См. письмо* Меньшикову от 28 января 1900 г.

...насчет рукописи все еще ничего не знаю.

— Меньшиков ответил: «„Глупости Ив. Ив.“, кажется, не пойдут, но во всяком случае я завтра же произведу погром в редакции и добьюсь категорического ответа. Если „нет“, то тотчас же вышлю обратно».

Ваша статья о Неплюеве великолепна. — Статья «В чем братство?» («Неделя», 1900, №№ 1–3). Н. Н. Неплюев, богатый помещик, владевший огромными землями на Черниговщине, вернувшись из-за границы, где он служил при русском посольстве в Мюнхене, и поселившись в своем родовом имении Глуховского уезда Черниговской губернии, осно-

вал там в 1881 г. «Крестовоздвиженское православное трудовое братство», цель которого, как гласил его устав, — заботиться о христианском воспитании детей, согласовать весь строй жизни с духом христианской веры и способствовать упорядочению жизни за пределами братства. Спустя некоторое время после организации братства, открытия сельскохозяйственных школ и общежитий для крестьянских детей Неплюев стал выступать в печати о брошюрами и книгами, пропагандируя идею подобного братства. Опыт «Крестовоздвиженского братства» приобрел и сторонников, и критиков.

В 1899 г. один из бывших воспитанников братства Иван Абрамов выступил в «Русском богатстве» (1899, № 7) с письмом о неплюевской школе, где разоблачал царившую там «инквизиторскую систему воспитания», убивающую индивидуальную свободу и личность. Статья Абрамова имела широкий резонанс. В полемике, вызванной ею, принял участие и М. О. Меньшиков. Он выступил в «Неделе» (1899, № 49) со статьей, где подробно — на основании личных впечатлений и

тщательного изучения печатных работ самого Неплюева — анализировал положение в неплюевском братстве. «Самого Н. Н. Неплюева я считаю человеком замечательным в своем роде, религиозным утопистом, исполненным самых благих намерений, но, к сожалению, не только благих. Смысл его — устроить жизнь на началах христианского братолюбия прекрасна, но средства, для этого взятые, как мне кажется, не безупречны. В черниговском братстве я не встретил тех начал, которые считаю христианскими <...> У г. Неплюева я нашел огромное, многомиллионное имение с цветущей экономией, литейными, сахарными и даже винокуренными заводами <...> среди крайне стесненного землею населения. Это очень бедное и невежественное население обрабатывает и свою землю, и дает возможность существовать неплюевской общине». Самое же главное, с точки зрения Менъшикова, это нравственное калечение крестьянских детей, попадающих в неплюевские школы. В силу системы воспитания, принятой в братстве, они отрываются от народа и «к родному крестьянину <...> относятся с интеллигент-

ным пренебрежением». «Живут в общине довольно дружно, — пишет дальше Меньшиков, — что достигается беспощадным выбрасыванием за борт всех, кто только не повинуется порядкам общины беспрекословно. С первого взгляда можно подумать, что законом жизни здесь служит взаимная любовь, но затем вы замечаете внутренний, как бы прикрытый гирляндами хороших слов железный механизм личной воли г. Неплюева, замечаете самую суровую, деспотическую дисциплину. Она поддерживается <...> системой взаимного надзора и страхом изгнания. Тут почти каждый имеет наблюдателя своей души, и всем вменено в обязанность разыскивать сучки в глазу у братьев своих. Поступки друг друга собираются, записываются в нарочно заведенные книги, публично обсуждаются и оберегаются от забвения. Около трети оканчивающих школу не выносят этого нравственного удушья и несмотря на указанные соблазны, по окончании курса, не вступают в братство».

В ответ на это выступление Неплюев опубликовал статью «В защиту братства», где

изобразил дело так, что и Абрамов, лично раздраженный против Неплюева и его воспитанников, и Меньшиков, якобы недостаточно знакомый с братством, нападают вообще на идею подобной организации. Статьей Неплюева, а также выступлениями в печати священника Сергея Жихарева («Неделя», № 50) и Л. Лютецкого («Неделя», № 47 — «О школах Н. Н. Неплюева»), защищавших братство, была вызвана вторая статья Меньшикова «В чем братство?» («Неделя», 1900, №№ 1–3), которая и заинтересовала Чехова. «Если идею братства действительно нужно защищать <...> то исключительно от самого г. Неплюева, до такой степени эта идея им скомпрометирована», — утверждал Меньшиков. «Молодой дипломат, попавший в деревню и по призванию не хозяин, естественно почувствовал себя в трагическом положении. Отсюда выход: раз нет добросовестных управляющих, старост, бухгалтеров и т. п. — нужно их создать. Раз нет образованных арендаторов и батраков — нужно их образовать. Единственный способ — завести школу и обучить крестьянских детей всему тому, что богатому земле-

владельцу нужно от своей прислуги <...> Нет, следует организовать — путем воспитания крестьянских детей — новый класс батраков, послушных, честных, вежливых, трудолюбивых, затем из них составлять артели, селить их на латифундиях, и таким образом эмансипироваться от необходимости иметь дело с мужичьем, необразованным и глупым <...> Очутившись во главе хоть и крохотной, но безусловно послушной аудитории, г. Неплюев почувствовал себя проповедником и социальным реформатором, постепенно явились облачение в стихарь, хоругви, кресты с мистической звездой, молитвы из „Звуков сердца“, общее соглядатайство, записывание грехов и публичные исповеди в них, явились поэты из учеников г. Неплюева, которые провозгласили его великим человеком и пророком». В итоге «получилась такая система, как будто писал ее умный Собакевич, а редактировал Манилов <...> Все для себя, для маленькой кучки людей, признающих г. Неплюева полубогом. Ничего для огромного, бедного, окружающего их родного мира». Самые страшные нравственные последствия такой «системы»,

по мнению Меньшикова, — это полное отсутствие свободы и подавление индивидуальности человека и предельное отчуждение от народа, даже «презрение к нему членов братства».

Что касается Вл<адимира> Соловьева, то мне не хочется согласиться с Вами ~ Соловьев верует в телесное воскресение, в европейскую культуру? — Тон «Трех пальм» может не нравиться... — В «Книжках Недели» (1899, №№ 10 и 11, 1900, №№ 1 и 2) печаталась статья Вл. Соловьева «Под пальмами. Три разговора о мирных и военных делах», в которой в форме воображаемого диалога нескольких собеседников («генерал», «князь», «политик» и «дама»), записанного автором, выражались различные точки зрения на вопрос «о борьбе против зла и о смысле истории с трех различных точек зрения — религиозно-бытовой, культурно-прогрессивной и безусловно-религиозной». Будучи противником толстовского учения о непротивлении злу, Соловьев возвратился к этому вопросу и в статье «Под пальмами». Меньшиков напечатал в «Неделе» (1900, № 6, 6 февраля) свои «Отклики» на

позицию Соловьева в отношении Толстого: «Мне приходится — в связи с нападками на гр. Л. Н. Толстого — выразить кстати свою безусловную несолидарность с напечатанною в последней „книжке Недели“ сатирою на нравственное учение этого великого писателя».

Она спрашивала в письме... — Имеется в виду письмо Л. И. Веселитской от 1 февраля. См. примечания к письму 3045*.

...вероятно, не читала. — М. П. Чехова читала «В овраге», вероятно, около 23 февраля; в этот день она писала Чехову: «Прочла я твой рассказ „В овраге“. Он так удивительно хорош, что я даже прослезилась от умиления, как Федотова. Особенно тронуло меня то место, где Липа подала старику пирог, и он стал есть его, в конце рассказа. По-моему, ты еще никогда так хорошо не писал, положительно не к чему придраться. Все ходят с большими глазами и говорят — вы читали?..» (*Письма М. Чеховой*, стр. 152).

Что Вы думаете о Горьком? — Меншиков ответил: «Горький? Его страшно подбрасывают в последнее время, но вряд ли он перерастет № 2. Я читал только один его то-

мик — и с интересом. Нравится мне дерзость его пера, чувствуется присутствие благородного металла — но в состоянии руды. Не хватает *t*-ры, чтобы выделить сплошное золото. Так с мусором он и будет продолжать, а может быть совсем замусорится, как Потапенко».

3053. Л. П. СИМИРЕНКО

20 февраля 1900 г.

Печатается впервые, по автографу (ДМЧ).

...выслать мне Ваш каталог... — Среди 30 каталогов различных семенных магазинов, которые хранятся в Ялтинском Доме-музее А. П. Чехова, каталога садового заведения Л. П. Симиренко не оказалось.

*...дички *Pirus paradisiaca*.* — В составленном Чеховым списке растений, посаженных в ялтинском саду, этого названия нет.

3054. М. П. ЧЕХОВОЙ

22 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 340.

Открытка. Год устанавливается по почто-

вым штемпелям: Ялта. 22 II.1900; Москва. 26 II.1900.

Ответ на письмо М. П. Чеховой от 17 февраля 1900 г. (*Письма М. Чеховой*, стр. 150–151).

Я не писал так долго... — К 17 февраля М. П. Чехова получила только короткое письмо Чехова от 6 февраля, в котором не было ответов на вопросы, заданные ею в письме от 2 февраля.

Марья Абрамовна — жена доктора И. Н. Альтшуллера.

Театр в Ялте не будет, так писал Немирович. — В письме от февраля 1900 г. Вл. И. Немирович-Данченко извещал: «Поездки наши все отменены, но остается желание съездить в Ялту и Севастополь на Пасху, захватив часть Фоминой, хотя бы только с двумя твоими пьесами. Затруднение только в обстановке, которую нет возможности везти» (*Избранные письма*, стр. 212). 17 февраля он телеграфировал Чехову: «Без своей обстановки не то впечатление. Есть возможность играть Пасху в театре Корша. Можешь ли приехать. Покажем тебе весь репертуар»; и на другой день, 18 февраля: «Жду ответа можешь ли приехать»

Пасху или Фомину» (*ЕжегодникМХТ*, 1944, стр. 120). Ответ Чехова неизвестен. Очевидно, он был отрицательным. О. Л. Книппер писала Чехову 20 февраля: «Сознайтесь, что Вы обозленный телеграфировали ответ нашему директору. Я так подумала, когда он мне сообщил содержание телеграммы. Я Вас вполне понимаю» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 137).

Ты сердишься, что я не ответил насчет «Курьера». — 2 февраля М. П. Чехова писала: «Коновицер умоляет тебя дать рассказ в „курьер“ фельетона на два, на три за 600 руб. или сколько запросишь. Он мне с этим надоел. На это ты можешь прислать решительный отказ, если хочешь».

Насчет пьесы я писал Немировичу. — Чехов работал над пьесой «Три сестры». М. П. Чехова писала: «Был Немирович и просил, чтобы ты дал решительный ответ и, конечно, утвердительный, надеюсь, иначе они, т. е. Художественный театр, погибнут. Напишешь ли ты пьесу для будущего сезона? На все твои условия дирекция согласна. Твои пьесы продолжают делать полные сборы. Я тебя тоже очень прошу написать пьесу, а то скучный

будет сезон».

В феврале Немирович-Данченко спрашивал Чехова: «Но вот я ничего не знаю о твоей новой пьесе, т. е. будет эта пьеса или нет. Должна быть. Непременно должна быть. Конечно, чем раньше, тем лучше, но хоть к осени, хоть осенью!» (*Избранные письма*, стр. 211). Ответ Чехова на это письмо не сохранился. Позднее, 10 марта 1900 г., Чехов писал Немировичу, что пьеса «наклевывается».

3055. Б. А. ЛАЗАРЕВСКОМУ

26 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Письмо вклеено в дневник Б. А. Лазаревского, после записи от 1 марта 1900 г. Автограф поврежден. Первая страница, после первых трех строк, вырезана до конца. Остается неизвестным и оборот. На третьей странице вырезаны первые пять строк. Впервые опубликовано: *Письма, собр. Бочкаревым*, стр. 46. В этой публикации, как и в последующих (*Письма*, т. VI и *ПССП*, т. XVIII), письмо было напечатано по копии, предоставленной Лазаревским (без помет о вырезанных строках).

Год устанавливается по письму Лазаревского от 23 февраля 1900 г., на которое отвечает Чехов (ГБЛ).

Ваш рассказ я прочел... — Лазаревский писал: «Хочется очень знать Ваше мнение, а т. к. рассказ очень невелик и прочтение его займет минут 15, то посылаю его на прочтение. Есть ли прогресс?» Лазаревский хотел напечатать рассказ в «Жизни» или «Русском богатстве».

«Русские ведомости» печатают только небольшие рассказы... — Лазаревский спрашивал, можно ли отвергнутую «Жизнью» повесть «На уроке» послать «для напечатания в фельетонах „Русских ведомостей“». В своем дневнике Лазаревский записал 1 марта 1900 г.: «Вчера получил чудное письмо от А. П. Чехова. Он пишет о „Машинисте“: „Это лучшее, что вы до сих пор написали“. Затем он делает довольно подробный анализ техники. Силенка он называет „милым“. Заканчивается письмо фразой: „если бы я был редактором „Жизни“, я бы всегда принял этот рассказ“. Я обрадовался, и как не радоваться. Если такой большой человек земли русской, как Чехов,

сказал свое слово веское о моих работах, ведь мне по этому поводу так редко приходилось что бы то ни было слышать о себе».

3056. М. П. ЧЕХОВОЙ

26 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 341.

Открытка. Год устанавливается по почтовым штемпелям: Ялта. 26 II.1900; Москва. 1 III.1900.

3057. А. Б. ТАРАХОВСКОМУ

28 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: с пропусками — «Приазовский край», 1904, № 182, 11 июля, стр. 4; полностью — Письма, т. VI, стр. 57–58.

Ответ на письмо А. Б. Тараховского от 23 февраля 1900 г.; Тараховский ответил 3 марта (ГБЛ).

...«Донской речи» я не получаю, с М. Н. Псалти знаком, но не переписываюсь с ним. Вы спрашиваете моего мнения... — Тараховский писал Чехову по поводу таганрогского жур-

налиста Псалти: «Если Вы получаете „Дон<скую> речь“, то вероятно обратили внимание на его статьи под псевдонимом „Невидимка“. Я_находил неудобным и даже некрасивым участие сотрудника в двух враждебных газетах, но никаких разговоров по этому поводу не поднимал. Статьи г. Псалти часто требовали возражений. Его отношение к Таганрогу и вообще местным общественным вопросам — возмутительно, но я ни разу не возражал, в полемику с ним не вступал, хотя отовсюду слышал жалобы на него. Он даже дошел до того, что начал касаться частных лиц и разоблачать частную жизнь. Наконец, в последних фельетонах он стал даже ругать и „Пр<иазовский> кр<ай>“, продолжая, однако, быть его сотрудником. На днях он уже выругал и меня, назвав Тряпичкиным, и выступил в защиту Азов. Д. К. Б. — Тут уж я не утерпел и написал очень резкую статью против Псалти, сделав характеристику всей его литературной деятельности и вообще, должен сознаться, не поцеремонился. Сегодня получил от редактора письмо с просьбой не печатать этой статьи, так как она, мол, слишком резка

<...> Я написал редактору, что статью, пожалуй, можно и не печатать, бог с ним, но настаиваю на заявлении редакции, что „г. Псалти вследствие неправильной выходки более сотрудником газеты не состоит“. Хорошо ли я поступил? И следует ли этого требовать? Посоветуйте, как быть? Ведь какой-нибудь выход должен быть? Нельзя же оставлять без ответа его недобросовестные нападки. Помощи же прошу в следующем. Вы хорошо знакомы с г. Псалти и, кажется, ведете переписку. Посоветуйте ему быть корректнее. Ведь преимущества на моей стороне. Ряд статей его дают мне богатый материал против него же <...> Вы имеете на него влияние, и думаю, что могли бы удержать его от полемики, которая ему же принесет немало неприятностей». В ответ на письмо Чехова Тараховский писал: «...То, что Вы пишете о полемике и грызотне, я не только вполне разделяю, но именно так всегда и сам думал об этом <...> Ваше мнение для меня очень ценно. Вы видите, я не пишу в „Приазовском крае“. Но получив Ваше письмо, пойду на компромисс, бог с ними, хотя и помимо этого как надоела мне эта газета, как

опротивел ее редактор <...> Бухштаба я не знаю. Но Дорошевич его аттестует иначе. Во всяком случае, упрекать *голословно* в шантаже всю печать — разве это можно? Ведь шантаж — это преступление, уголовщина, а некорректность и нетактичность — это совсем другое. В ней нужно винить не журналистов, а редакторов. Если бы они были более литературны и интеллигентны, они не допускали бы и неосновательной личной травли, которая происходит не вследствие шантажных стремлений, а только по причине отсутствия дисциплины».

...общество реагирует на них скандалами вроде одесского, о котором Вы писали. — В письмах Тарховского об этом ничего нет. Возможно, об этом шел разговор во время встречи Тарховского и Чехова в Таганроге в июле 1899 г.

Художественный театр будет в Харькове... — Гастроли в Харькове не состоялись.

3058. М. П. ЧЕХОВОЙ

28 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые

опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 56–57.

Открытка. Год устанавливается по почтовым штемпелям: Ялта. 28 II.1900; Москва. 2 III.1900.

Ответ на письмо М. П. Чеховой от 21–23 февраля 1900 г. (*Письма М. Чеховой*, стр. 151–153).

...какие починки произвести в Гурзуфе... — М. П. Чехова писала: «Был вчера П. П. Розанов, говорил мне о гурзуфском именице. Как бы мне хотелось поскорее увидеть его».

3059. В. А. ПОССЕ

29 февраля 1900 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ). Впервые опубликовано: «Новый журнал для всех», 1908, № 2, стлб. 78.

Год устанавливается по ответному письму В. А. Поссе от 4 марта 1900 г. (ГБЛ).

...Горький сообщил мне, что он и Вы собираетесь в Ялту. — В письме от первой половины февраля 1900 г. М. Горький писал: «Кончу <повесть> — поеду в Ялту ненадолго. И Поссе поедет со мной. Вот Вы увидите, какой он славный. И тоже нелепый» (*Горький*, т. 28, стр.

121).

...ненадолго уеду в Харьков... — Предполагалось, что Художественный театр до Севастополя и Ялты будет играть в Харькове.

Есть слухи, что на Пасхе в Севастополе и Ялте будет играть Московский Художественный театр... — См. письмо 3060* и примечания к нему*.

Жду ответа насчет Вашего приезда. — Поссе ответил: «В Крым мы с Горьким действительно собираемся. Здоровье Горького, судя по письму его жены, скверно. Я думаю выехать из Петербурга в понедельник на четвертой неделе велик<ого> поста, пробуду дня 2 в Москве, а затем в Нижний, откуда вместе с Горьким немедленно в Крым».

3060. Н. П. КОНДАКОВУ

1 марта 1900 г.

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано: *Письма, собр. Бочкаревым*, стр. 22–23.

Ответ на письмо Н. П. Кондакова от 19 февраля 1900 г.; Кондаков ответил 10 марта (ГБЛ).

...если получаете «Крымский курьер». За-

стрелился д-р Андресен. — Об этом сообщалось в номере газеты от 19 февраля 1900 г. (№ 40). В № 41 «Крымского курьера» от 22 февраля был напечатан некролог: «Скончавшийся в пятницу 18 февраля доктор Александр Александрович Андресен прожил в Ялте около двадцати лет. Он родился в 1856 году и, значит, умер на сорок четвертом году жизни. А. А. учился в Дерптском университете и там же получил диплом доктора медицины. Покойный, еще будучи студентом, участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов при Красном кресте и получил там Георгиевский крест. Покойный А. А. принадлежал к числу лучших ялтинских врачей, одной из его особенностей была удивительная скромность и сдержанность. А. А. был человек мало общительный и обычно держался вдали от общественной жизни. По-видимому, главной причиной этого была давнишняя болезнь, которой страдал А. А., язвы в желудке и склонность к меланхолии. Мрачное настроение А. А. в последнее время усилилось от констатирования того обстоятельства, что к существующим недугам у него прибавился еще один: у

него развился легочный туберкулез».

Умерла Ваша соседка Штангеева. — В «Крымском курьере» (1900, № 48, 1 марта) сообщалось, что 28 февраля умерла попечительница детского, ночлежного и родительского приютов в Ялте Ефросиния Федоровна Штангеева.

...в женской гимназии предсказывают землетрясение. — В ночь с 26 на 27 апреля 1900 г. в Феодосии действительно произошло сильное землетрясение («Крымский курьер», 1900, № 97, 2 мая).

На Пасхе приедет сюда Московский Художественный театр, даст несколько спектаклей... — Первое сообщение о предстоящих гастролях Художественного театра в Ялте появилось в «Крымском курьере» 7 марта 1900 г. (№ 53). В отделе «Хроника» писалось: «Спектакли труппы Московского Художественного театра в Ялте дело решенное. Художественный театр прибудет к нам на фоминой неделе в полном составе: со всеми декорациями, костюмами, бутафорией и реквизитом, даже со своими рабочими. Спектакли будут идти при полной обстановке, в таком точно виде, в ка-

ком они идут в Москве <...> Ввиду огромных расходов по перевозке труппы и всей обстановки цены местам повышены в полтора раза против обыкновенных. Билеты на каждый спектакль отдельно будут продаваться заблаговременно в магазине И. А. Синани. Такому редкому и невиданному у нас художественному наслаждению — видеть приезд не одной только труппы, а, собственно говоря, всего театра, ялтинцы обязаны пребыванию у нас А. П. Чехова, так как поездка эта устраивается по его настояниям. Для того, чтобы покрыть путевые издержки, труппа решила по пути в Ялту дать четыре спектакля также в Севастополе. Больше нигде спектаклей Художественного театра не будет. Одной из любопытных особенностей Художественного театра является то, что на его афишах имена артистов-исполнителей не публикуются, никто не должен выдвигаться, первое и последнее условие этого театра — ансамбль. Вот почему на афишах вместо фамилии артистов вы видите № 1, № 2, № 3 и т. д. На вызовы публики отдельным исполнителям выходить запрещено: если публика аплодирует, то исполнители вы-

ходят не иначе, как все. Принимать от публики подарки артистам запрещается. Вот какое оригинальное и интересное зрелище предстоит ялтинцам».

Об истории появления этой информации в газете «Крымский курьер» автор ее А. Я. Бесчинский впоследствии вспоминал: «Приезд театра всецело поглотил и увлек Чехова, и весь месяц, предшествовавший этому приезду, он почти ни о чем другом, кроме Художественного театра, не говорил. Любимой темой его было говорить о том, что Художественный театр представляет собой совершенно новую картину театрального дела, в корне не похожего на обычный шаблон и т. п. Разговаривая с ним однажды о предстоящем приезде Художественного театра — это было, как только приезд был решен — до публикаций, я сказал Чехову, что следовало бы поместить в газете статейку о прибывающем театре.

— Что ж, напишите, — сказал с живостью А. П., — только имейте в виду, — прибавил он, заканчивая свои указания, — что в труппе Художественного театра личность артиста имеет второстепенное значение: там выше всего

общий ансамбль, дирижируемый режиссером; отдельные же актеры, даже их имена, не имеют значения. Имен там нет, — закончил Чехов с увлечением, — а есть только номер первый, номер второй, номер третий. Я выполнил инструкцию Чехова в точности. На следующий день в „крымском курьере“ появилась статья, сообщавшая о предстоявшем прибытии в Ялту Московского Художественного театра; я изложил в статье значение нового предприятия, сказав все, что полагалось, а окончил так: „В труппе Художественного театра все отдельные артисты до такой степени составляют часть общего целого, что на афишах даже не обозначаются фамилии исполнителей, а просто говорится, что исполняют роли: такую-то — номер первый, такую-то — номер второй и т. д.“ Часов в десять утра приезжает ко мне Чехов.

— Что вы такое напечатали о Художественном театре?

— А что вам не понравилось?

— Откуда взяли вы эту номерацию — номер первый, номер второй, номер третий!

— Как вы мне сказали, так и написал, —

отвечаю я, — фамилии не выставляются, а только номера.

— Да нет же, — начал Чехов с досадой, которая тотчас же сменилась улыбкой (кажется, смеяться он не умел, а мог только улыбаться), — ведь это я так только говорил, для картинности, а вы бухнули буквально. — Как ни комично это было, но поправлять дела было нечем. В заключение А. П., потребовав себе в виде реванша десять экземпляров газеты, вырезал с каждого экземпляра статейку о Художественном театре с „номерацией“, забандеролил вырезки со свойственной ему аккуратностью и надписал адреса гг. Немировича-Данченко, Станиславского и артистов Художественного театра.

— Пускай позабавятся, — сказал он.

Труппу Художественного театра этот комический эпизод с номерацией действительно позабавил. На репетициях у них, как потом передавали, можно было слышать шуточные возгласы: „Номер первый, выходите; номер третий — готовьтесь!“» (А. Я. Бесчинский. Воспоминания об А. П. Чехове. — «Приазовская речь», 1910, № 47, 22 января).

...после него приедут опера, оперетка... — О предстоящих гастролях оперы сообщалось в «Крымском курьере», 1900, № 47, 28 февраля: «Одесский антрепренер г. Салтыков предпринимает с составленной им русской оперной труппой, с известным баритоном Л. Г. Яковлевым во главе, большую поездку по южным городам». В планы оперной труппы входили гастроли в Ялте. В этом же номере «Крымского курьера» сообщалось о предстоящих гастрольях в Ялте опереточной труппы, составленной для летнего сезона С. Н. Новиковым.

...благодарю Вас за письмо, за то, что сообщили академические новости. — Кондаков писал Чехову: «Выборы мои состоялись еще 5 февраля, и отделение порешило пока не выбирать на три остающиеся кресла. Все начатые мною по этому поводу переговоры ни к чему не привели. Будем ждать, что будет дальше, если только я лично дождусь, так как более полутора года я и не рассчитываю здесь провести полностью». В ответном письме от 10 марта Кондаков сообщал подробности академических заседаний: «Вчера было 1-е зас<едание> <...> К<онстантин> Р<оманов>

<...> выразил желание, чтобы число поч<етных> акад<емиков> не было особенно увеличиваемо — определили не выбирать более 12 в ближайшем будущем, но держать эту цифру в секрете между членами отделения. Далее: выборы сосредоточить последовательно на декабрь, с обязательством для нового члена в публичном заседании произнести речь, сказать слово, прочесть произведение или под<обное>.

Дальше, разделили между членами рецензии на премии Пушкина: набралось не менее 30 представленных сочинений. Некоторых так никто и не взял.

Говорили о желательности увенчать премию произведения Горького и жалели, что они не представлены. Каждый поч<етный> акад<емик> может представлять на премию чужие сочинения. Говорили даже о том, что хорошо бы еще раз Вам предоставить премию, но поч<етные> акад<емики> не могут получать премий».

Поздравляю Вас с избранием в Пушкинское отделение... — Кондаков был избран ординарным академиком в Разряд изящной словесно-

сти Отделения русского языка и словесности Академии наук 5 февраля 1900 г. (см. примечания к письму 3071*).

...почему Толстой ничем не ответил на избрание? — 8 января 1900 г. на заседании Отделения русского языка и словесности Академии наук происходили выборы в почетные академики (см. примечания к письму 3015*). Кондаков сообщал Чехову 19 февраля: «Сухомлинов говорил мне, что получил от Вас письмо. Получены равно письма или визиты последовали и от других, кроме одного Льва Ник. Толстого. Что бы это значило? Как Вы понимаете?»

3061. Н. М. ЕЖОВУ

2 марта 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Чехов, *Лит. архив*, стр. 112.

Год устанавливается по письму Н. М. Ежова от 24 февраля 1900 г., на которое отвечает Чехов; Ежов ответил 7 марта (ГБЛ).

...с Тарновским Вы задали мне задачу прямо неразрешимую. — В письме от 24 февраля Ежов обращался к Чехову с просьбой: «Обра-

цаюсь к Вам, как к человеку доброты необыкновенной и хорошо мне известной. Есть у меня старый товарищ, Нестор Тимофеевич Тарновский, бывший нотариус, служивший раньше учителем русского языка. Он теперь обеднял, три года ища и не находя себе места. Пишет мне, что он совершенно упал духом, говорит, протяну еще месяц — и покончу с собой. Я послал Т<арновско>му немного денег, пошлю и еще, но ему не подачки нужны, а место, хоть какое-нибудь место. Не возьмете ли Вы на себя труд попросить Суворина, Морозову и т. п., не дадут ли эти влиятельные и всеильные люди какой-либо должности моему знакомцу? Это человек образованный, гуманный, честный, но разбитый, робкий. Его в жизни обманывали и обижали все, он никого и никогда».

Вы удивляетесь, что ~ люди гибнут с голоду. — Ежов писал: «Вообще, не придумаете ли что-нибудь, чтобы спасти человека, буквально погибающего с голоду! И это на рубеже XX столетия...»

...потолкните-ка с кем-нибудь из Художественного театра ~ с Желябужским (муж

Андреевой)... — На это предложение Чехова Ежов отвечал в письме от 7 марта: «Именно Вам, как хорошему знакомому Желябужского, и удобно ему написать. Я никого из актеров не знаю, как мне просить г-жу Андрееву?»

3062. П. Ф. ИОРДАНОВУ

3 марта 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 60–61.

Открытка. Год устанавливается по почтовым штемпелям: Ялта. 3 III.1900; Таганрог. 6 мар. 1900.

Ответ на письма П. Ф. Иорданова от 7 и 26 февраля 1900 г. (ГБЛ).

...разрешение газеты в Таганроге... — Чехов отвечает на вопрос Иорданова в письме от 26 февраля: «Много ли хлопот нужно для того, чтобы добыть разрешение на издание в Таганроге газеты? Вы знаете наше газетное дело: во главе „Таганрогского вестника“ стоит форменный идиот, крепко держащий его в своих руках; „Приазовский край“ интересен для Таганрога только Тараховским. В остальном эта газета не наша и даже враждебна Та-

ганрогу. Я знаю, что Тараховскому не без борьбы уступается всякая строчка, раз в ней говорится о местных таганрогских интересах, и, конечно, он очень тяготится этим положением и с удовольствием покинул бы „Приазовский край“. Если бы можно было бы получить разрешение и поставить во главе издания Тараховского, можно было бы быть уверенным, что дело пойдет хорошо. Несомненно, из него уже выработался недюжинный газетный деятель, и, мне кажется, что свою газету он мог бы вести очень хорошо, в нем есть много газетной порядочности, что не особенно часто встречается у наших газетных деятелей. Если бы я знал пути, по которым можно было бы добиться разрешения, я не пожалел бы усилий, чтобы похлопотать об этом. Вот если бы Вы были добры и указали бы эти пути! Теперь ли, или потом, когда Вы побываете в Петербурге, дело не к спеху, но упускать его из виду не хотелось бы. Пожалуйста, не откажите высказать и Ваше мнение по этому поводу».

Спасибо за списки книг и за статистику. —
К письму от 7 февраля 1900 г. Иорданов при-

ложил годовой отчет Таганрогской городской библиотеки и списки книг, приобретенных библиотекой. В сопроводительном письме он писал: «Посылаю Вам отчет за прошлый год. Из него Вы увидите, какие книги получены в прошлом году. В него вошли все книги, высланные Вами и Вашими знакомыми. Посылаю также список газет и журналов, получаемых в текущем году. Если возможно, не откажите написать, что было бы желательно еще получать. Буду Вам очень благодарен, если Вы просмотрите отчет и сообщите, чем было бы желательно его пополнить и хорош ли план его. Если Вы его одобрите, можно его печатать и разослать в обмен на таковые других библиотек».

Публикуют об издании сочинений Гейне в переводе Вейнберга ~ Вышло уже семь томов. — Речь идет об издании: Генрих Гейне. Собрание сочинений, ред. Петра Вейнберга, т. 1–8. СПб., 1898–1902.

Любовь Юлиановна — Арбушевская.

На Пасхе я буду в Харькове... — Вначале предполагалось, что Художественный театр даст несколько спектаклей в Харькове. А. Л.

Вишневский телеграфировал Чехову 27 февраля: «На днях увидимся. Командирован дирекцией устроить наши спектакли Ялте, Севастополе. Завтра остановлюсь Харькове. Заручусь театром на случай, если Севастополь не удастся. Слышал, Севастополь сдан. Буду хлопотать. Одной Ялте играть очень убыточно. Прошу ответить, снявши Харьков, приехали бы Вы пасху посмотреть спектакли при полной обстановке. Телеграфируйте» (ГБЛ). 3 марта 1900 г., извещая о цели приезда Вишневского в Крым, газета «Крымский курьер» (№ 50) в отделе «Хроника» также отмечала намерение Художественного театра дать несколько спектаклей в Харькове: «Артист Художественного Общедоступного театра г. Вишневский прибывает в Ялту для переговоров с Чеховым относительно постановки в будущем сезоне драмы „Иванов“. Кроме того, г. Вишневскому поручено вступить в переговоры с подлежащими лицами относительно аренды театров в гг. Ялте, Севастополе и Харькове для предполагаемой поездки труппы Художественно-Общедоступного театра на Пасхе текущего года». Гастроли Художественного театра в Харь-

кове не состоялись.

...Брэма издают в сильно сокращенном виде. — Имеются в виду книги: А. Ф. Брем. Жизнь животных. Популярное изд. под ред. С. М. Переяславцевой. Одесса, т. 1–8, 1896–1900; Жизнь животных Брема. Полный перевод со 2-го сокращенного нем. издания, обработанный Р. Шмитдтлейном для школы и домашнего чтения, т. 1–3. СПб., 1900–1902. В это же время была выпущена серия книжек для народного чтения под ред. К. Сент-Илера: Извлечения из «Жизни животных» А. Брема.

3063. Е. Э. ПОДГОРОДНИКОВОЙ

4 марта 1900 г.

Печатается по факсимиле с автографа (ГБЛ). Впервые опубликовано: «Таганрогская правда», 1939, № 160, 15 июля, как письмо к Е. Э. Роггенбау.

Год устанавливается по письму Е. Э. Подгородниковой, без даты, с пометой Чехова: «900, III», на которое он отвечает; Подгородникова ответила письмом (без даты, помета Чехова: «1900, VI» — ГБЛ).

Вашим любезным предложением ~ вос-

пользуюсь... — В своем письме Подгородникова писала: «...предлагаю Вам следующее: если Вы когда-нибудь почувствуете себя дурно, если у Вас продлятся бессонницы и захочется Вам иметь около себя бесплатную, преданную няньку — призовите меня, я побуду с Вами сколько Вам захочется и уйду, когда не буду нужна. У Вас, конечно, есть друзья, близкие люди, но, может быть, они не могут или не умеют сидеть с больными, не умеют быть терпеливыми и молчаливыми, когда это нужно». Свое желание быть полезной Чехову Подгородникова так объясняла в этом же письме: «Еще в молодости, прочтя хорошую книжку, меня влекло что-нибудь сделать для автора ее за доставленное громадное удовольствие, хотелось чем-нибудь услужить <...> Может быть Вам понадобится когда-нибудь бесплатная переписчица, я, кажется, пишу довольно четко».

...я здоров и веду жизнь совершенно здорового человека... — В ответном письме Подгородникова восклицала: «Эх! Кабы мне на минутку яркий талант Горького, я бы его весь вложила в это письмо, в эту мольбу. Антон Павлович, родной, берегите свое здоровье,

продлите всем чем можно свою жизнь. Я бы не посмела так с Вами говорить, если б Вы не были мне так бесконечно дороги как писатель и как человек, как писателем Вами дорожит весь читающий люд, ставя первым после Толстого, ну да к чему я это говорю, Вы сами все знаете, все понимаете и чувствуете, <иначе> не были бы Вы Чеховым».

3064. Г. М. ЧЕХОВУ

4 марта 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Записки ГБЛ*, вып. VIII, стр. 24.

Открытка. Дата устанавливается по почтовым штемпелям: Ялта. 4 III.1900; Таганрог. 7 мар. 1900.

Ответ на письмо Г. М. Чехова от 1 марта 1900 г. (ГБЛ).

Весь март я буду дома... — Ответ на запрос Г. М. Чехова: «Весь ли март проживешь в Ялте? Если весь и никуда тебя не потянет, то будь добр, сообщи. Я полагаю в половине марта приехать к тебе». Г. М. Чехов приехал в Ялту 12 марта (см. письмо 3072*).

3065. И. М. КОНДРАТЬЕВУ

5 марта 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 129.

На всех письмах Чехова И. М. Кондратьев, будучи секретарем Общества русских драматических писателей и оперных композиторов, помечал номер расчетного листа, сумму гонорара, причитающегося Чехову, и дату, когда счет был послан А. А. Майкову — казначею общества. На данном письме он пометил:

«Расчетные листы

от 31 декабр. 1899 № 1097 на 671 р. 60 от 11 марта 1900 № 104 на 487 р. 40 1159 руб. отсланы А. А. Майкову 11 т<екущего> марта».

3066. А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

6 марта 1900 г.

Печатается по автографу (*Архив Горького*). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 62.

Год устанавливается по упоминанию о гастрольях Художественного театра в Ялте.

М. Горький ответил телеграммой от 7 мая 1900 г. (*Горький и Чехов*, стр. 71).

...Художественный театр с 10-го апреля по

15 будет играть в Севастополе... — 3 апреля 1900 г. (№ 88) в «Крымском вестнике» был напечатан анонс: «Дирекция Московского Художественного театра объявляет, что 10, 11, 12 и 13 апреля проездом в Севастопольском городском театре даны будут: 1) „Дядя Ваня“ Чехова; 2) „Одинокое“ Гауптмана; 3) „Эдда Габлер“ Ибсена; 4) „Чайка“ Чехова.» 13 апреля 1900 г. (№ 94) в «Крымском вестнике» был помещен анонимный отчет о первых двух спектаклях Московского Художественного театра, автором которого являлся, по-видимому, А. Я. Бесчинский: «Со второго дня праздников начались у нас спектакли Московского Художественного Общедоступного театра. Новизна дела, т. е. новые веяния в сфере постановки и исполнения пьес и сами пьесы, объявленные к постановке, наконец, ожидаемое присутствие в нашем театре автора двух из объявленных пьес — А. П. Чехова, все это в высшей степени возбудило интерес театральной публики, которая ожидала начала спектаклей с величайшим нетерпением. То, что публика увидела в первый же вечер, превзошло все ее ожидания. Действительно, все это ново, инте-

ресно, замечательно! Труппа Художественного театра — вся как на подбор: все умные, даровитые артисты, некоторые с выдающимся талантом. Играют как по нотам. То есть, не играют, а воспроизводят жизнь, настоящую жизнь так, как она есть, и так, как хотел ее показать автор».

О последнем спектакле Московского Художественного театра в Севастополе анонимный обозреватель «Крымского вестника» (1900, № 96, 15 апреля) писал: «Не часто на долю севастопольцев выпадают такие праздники, каким вышел последний спектакль Московского Художественного театра. Да, это был истинный праздник — праздник искусства, праздник высокого художественного подъема чувств всех бывших в этот вечер в театре <...> Спектакль закончился овациями всей многочисленной публики, собравшейся в этот вечер в театр, в честь артистов. Это вышло каким-то апофеозом искусству, артистам и, главное, автору „Чайки“ А. П. Чехову. Когда на вызов публики взвился занавес и вышли все артисты со своим директором г. Немировичем-Данченко, от лица публики выступила г-

жа Бларамберг-Чернова и прочла адрес от публики, покрытый массой подписей, в котором указывалась цена Художественного театра и была выражена благодарность за удовольствие, доставленное сева­стопольцам пре­быванием среди них труппы московских артистов. В это же время всем дамам-артисткам были поднесены букеты. В ответ на адрес выступил Немирович-Данченко и обратился к публике с речью, в которой указал, что задачи нового художественного направления в драматическом искусстве требуют внима­тельного и интеллигентного зрителя, что не могло не внушать опасений при возникнове­нии мысли о поездке в провинцию труппы мос­ковского театра, но то внимание и тот прием, которые были им здесь оказаны сева­стопольцами, вполне рассеяли эти опасения. После дружных аплодисментов занавес закрылся и вновь открылся для того, чтобы публика вместе с артистами долго несмолкаемы­ми овациями приняла участие в чествовании А. П. Чехова, не перестававшего расклани­ваться перед публикой, шумно аплодировав­шей ему. Так закончился последний вечер

пребывания среди нас артистов Художественного театра. И, нужно думать, спектакли эти и то внимание, которое они оставляют после себя, не скоро изгладятся из памяти нашей публики».

...с 16 по 21 — в Ялте. — Гастроли Художественного театра в Ялте продолжались до 23 апреля (см. о них примечания к письмам 3089*, 3090*).

Вам надо поближе подойти к этому театру... — Об отношении Чехова к Художественному театру Вл. И. Немирович-Данченко писал: «...Этот театр вошел в его жизнь со всеми своими интересами, планами, со всем особенным бытом, вошел в самое существование писателя Чехова, сколько бы его биографы от этого ни отмахивались. И сколько бы сам Антон Павлович ни пытался иногда умалить это обстоятельство. Художественный театр наполнил его жизнь радостями, каких ему глубоко недоставало. Он любил театр с юности не меньше, чем литературу, к театральному быту стремился, может быть, больше, чем даже к писательскому, но театры охлаждали его тяготение. А тут пришел театр, доставивший

ему самые высокие радости авторского удовлетворения, охваченный лучшими стремлениями и совершенно лишенный театральной пошлости. И сближение с театром, с его актерами вытеснило из будней Чехова тех скучных и ненужных ему людей, которые обыкновенно заполняли пустоту его дня» (*Из прошлого*, стр. 209–210).

...написать пьесу. — См. также письмо* Горькому от 15 февраля 1900 г. и примечания к письму 3108*.

Ничто так не знакомит с условиями сцены ~ на репетициях. — К. С. Станиславский, описывая гастрольную поездку Художественного театра в Ялту, вспоминал: «Антон Павлович любил приходить во время репетиций, но так как в театре было очень холодно, то он только по временам заглядывал туда, а большую часть времени сидел перед театром, на солнечной площадке, где обыкновенно грелись на солнышке актеры. Он весело болтал с ними, каждую минуту приговаривая:

— Послушайте, это же чудесное дело, это же замечательное дело — ваш театр <...>

На спектакль он приходил всегда задолго

до начала. Он любил прийти на сцену смотреть, как ставят декорации. В антрактах ходил по уборным и говорил с актерами о пустяках. У него всегда была огромная любовь к театральным мелочам — как спускают декорации, как освещают, и когда при нем об этих вещах говорили, он стоит, бывало, и улыбается» (Станиславский, т. 5, стр. 341–342).

...Средин получил письмо от Вас: Вы приедете в начале апреля. — В письме от 9 марта 1900 г. Средин сообщал Чехову: «Дня три тому назад я получил от А<лексея> М<аксимовича> телеграмму с запросом, нет ли у нас двух свободных комнат для него и для Поссе, который, по-видимому, едет с ним. Ответил, что у нас нет, но устроиться везде легко. Скверно только то, что, по письму Щербакова, он заболел опять легкими — это для него совсем неподходящее дело» (ГБЛ). Горький и Поссе приехали в Ялту 16 марта.

...скорее пишите «Мужика». — В конце 1899 г. Горький задумал произведение, в котором хотел дать тип нового интеллигента, вышедшего из крестьян. В мартовской и апрельской книжках журнала «Жизнь» были напе-

чатаны две главы из этого произведения под названием «Мужик», однако окончания этой повести не появилось. В записной книжке В. С. Миролубова сохранилась запись (март, после 16-го), отражающая отношение Чехова к этому произведению Горького: «Чехов говорит, что Горький не хочет кончать „Мужика“. „Я прочитал начало, — все говорят одним языком, надо ему бросить такого рода писание. Критика наша не понимает и хвалит, хвалит“» («Из записных книжек В. С. Миролубова» — ЛН, т. 68, стр. 519).

Художественный театр приедет со своей обстановкой. — Вначале дирекция Художественного театра намеревалась ехать на гастроли в Крым без декораций, т. к. перевозка их по железной дороге предполагала огромные расходы. В связи с этим Вл. И. Немирович-Данченко писал Чехову в феврале 1900 г.: «Затруднение только в обстановке, которую нет возможности везти. Нельзя ли устроить хоть что-нибудь подходящее из местного инвентаря? Мы захватим с собой мелочь. Если я пришлю что-нибудь вроде макетов декораций, — возьмешься ты подобрать подходя-

щее? И узнай расход по театру, публикациям, авторским, прислуге, полицейским и проч.» (*Избранные письма*, стр. 212). Однако позже было решено ехать на гастроли со своей обстановкой. В письме от 2 апреля Немирович-Данченко сообщал Чехову: «Во вторник, т. е. послезавтра, выезжают в Севастополь декорации, бутафория и костюмы <...> В Севастополь выедем не позднее воскресенья вербного» (там же, стр. 131). В «Крымском курьере» 28 марта 1900 г. (№ 70) сообщалось: «Администрация Московского Художественного театра телеграфирует в Ялту, что в среду отправлено в Севастополь большою скоростью три вагона декораций, бутафории и даже мебели. За провоз уплачено 1300 рублей. Выехал также машинист и рабочие. Администрация Художественного театра просит приискать в Ялте особое помещение для его имущества, так как в городском театре оно не может вместиться. Вся труппа выезжает в Крым через неделю».

3067. М. П. ЧЕХОВОЙ

7 марта 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые (с пропуском) опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 62–64; полностью — *ПССП*, т. XVIII, стр. 348–349.

Год устанавливается по упоминанию о гастрольях Художественного театра в Ялте (см. предыд. письмо*).

В письмо вклеена вырезка из газеты.

Ответ на письмо М. П. Чеховой от 21 февраля 1900 г. (*Письма М. Чеховой*, стр. 151–153).

Был Вишневский ~ сочинял своему начальству телеграммы... — Вл. И. Немирович-Данченко писал К. С. Станиславскому в конце февраля — начале марта 1900 г.: «Вишневского я отправил в Ялту» (*Избранные письма*, стр. 213). О цели поездки Вишневского в Крым сообщалось в «Крымском вестнике» (1900, № 48, 1 марта): «В Севастополь вчера прибыл представитель Московского Художественно-Общедоступного театра г. Вишневский, едущий в Ялту к А. П. Чехову для переговоров относительно постановки в Ялте трех пьес г. Чехова: „Чайки“, „Дяди Вани“ и „Иванова“. Труппа желала поставить эти пьесы в присутствии автора в Москве, но г. Чехову здоровье не позво-

лило оставаться долго в Москве. Ныне г. Вишне-
невский, попутно, вошел в переговоры с го-
родскою управою относительно постановки
названных пьес в Севастополе, тоже в присут-
ствии автора, согласившегося прибыть для
этой цели в Севастополь. Спектакли будут по-
ставлены на Пасхе. С труппой г. Аярова нача-
ты переговоры относительно уступки театра
на три дня. С московской труппой приедет в
Севастополь и директор ее г. Немирович-Дан-
ченко.» На следующий день эта же газета из-
вещала своих читателей: «Николаевский ан-
трепренер г. Аяров, заарендовавший севасто-
польский театр на предстоящий сезон, уведо-
мил городскую управу, что с его стороны не
встречается препятствий к уступке театра
труппе Московского Художественного театра
на первые дни Пасхи для постановки пьес А.
П. Чехова.»

Он читал роль из «Дяди Вани»... — Вишне-
невский — первый исполнитель роли Войницко-
го в Московском Художественном театре.

Уже выпустили анонс, и Синани продает
билеты. — Газета «Крымский курьер» за 8
марта 1900 г. (№ 54) открывалась огромным

анонсом: «Дирекция Московского Художественного театра объявляет, что 16, 17, 18 и 19 апреля в Ялтинском городском театре даны будут: 1) „Дядя Ваня“ Чехова, 2) „Одинокие“ Гауптмана, 3) „Эдда Габлер“ Ибсена, 4) „Чайка“ Чехова.

Декорация и полная обстановка Художественного театра. Билеты продаются в магазине И. А. Синани.

В. И. Немирович-Данченко. К. С. Станиславский».

Анонс был напечатан также в «Крымском курьере» от 15 марта 1900 г. (№ 60). По-видимому, он был составлен А. Л. Вишневым совместно с Чеховым, о чем свидетельствует дарственная надпись на оттиске рассказа «В овраге» из журнала «Жизнь» (1900, № 1): «5 марта 1900 г. в Ялте при составлении анонса Александру Леонидовичу Вишневному от автора», а также воспоминания А. Я. Бесчинского, который писал по этому поводу: «Все предварительные приготовления к приезду Художественного театра Чехов выполнял лично и с большою любовью. Он лично вел переговоры с городским управлением о снятии театра,

сам составил предварительную афишу для напечатания в газете и прежде ее помещения три раза требовал к себе корректуру и каждый раз переделывал текст» (А. Я. Бесчинский. Воспоминания об А. П. Чехове. — «Приазовская речь», 1910, № 47, 22 января).

Если Немирович раздумает, то будет скандал. — Приведенные здесь строки являются ответом на следующее место письма М. П. Чеховой: «Поедут ли к тебе в Ялту артисты — пока еще неизвестно. Уж очень много у них пятниц на неделе...»

Театр будет в Севастополе уже на Страстной. — Художественный театр приехал на гастроли в Севастополь 7 апреля. 10 апреля состоялся первый спектакль театра — «Дядя Ваня». Корреспондент «Московских ведомостей» С. Васильев в обзоре «Неделя в Севастополе» так описывает эти гастроли: «Вечером <...> в летнем театре на Приморском бульваре начался ряд спектаклей нашего Художественно-Общедоступного театра, весьма благоразумно именовавшего себя в Севастополе просто „Художественным“. Давали „Дядю Ваню“ Чехова. Г. Чехов специально

приехал из Ялты на эти спектакли и вместе с исполнителями сделался предметом одушевленных вызовов. Понравится или не понравится севастопольцам исполнение нашего Художественного театра? Достаточно ли будет четырех спектаклей, чтобы втянуть публику в приемы этого исполнения? Вот вопросы, какие мы все, хорошо знакомые между собой, задавали себе в Севастополе. После второго акта „Дяди Вани“ я совершенно успокоился. Публика взята была штурмом, и с этого времени спектакли нашего Художественного театра превратились в ряд триумфов. В день заключительного спектакля погода стала до такой степени несносною, а я сам до такой степени озяб в самом театре, несмотря на ваточное пальто, в котором сидел, что просмотрел только два акта и ушел в свою гостиницу пить чай и обогреться. Было это около десяти часов. В час ночи на улице перед нашим отелем слышались громкие крики толпы. Это молодежь на руках несла из театра В. И. Немировича-Данченко. Через несколько минут крики возобновились. К. С. Алексеева, беспрестанно подбрасывая его на руках, точ-

но так же донесли до подъезда гостиницы. По окончании последнего спектакля севастопольская публика поднесла Художественному театру приветственный и благодарственный адрес, который на открытой сцене читала бывшая артистка нашего Малого театра г-жа Бларамберг-Чернова.

Курьезную особенность севастопольского летнего театра составляет то обстоятельство, что речи исполнителей постоянно пересекаются свистками пароходов и всякими иными звуками морской жизни» («Московские ведомости», 1900, № 112, 24 апреля). См. также примечания к письму 3088*.

...поеду в Севастополь только в понедельник... — Чехов приехал в Севастополь на гастроли Художественного театра утром 10 апреля — см. письмо 3084*.

В пятницу Страстную Ольга Леонардовна> приедет к нам... — См. примечания к письму 3079*.

3068. Л. В. СРЕДИНУ

9 марта 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые

опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 349.

Год устанавливается по ответному письму Л. В. Средина от 9 марта 1900 г. (ГБЛ), а также по упоминанию о телеграмме М. Горького (см. ниже).

...все собираюсь к Вам, да нельзя... — В ответном письме Средин также писал о своем желании посетить Чехова: «Я давно бы побывал у Вас, но после бывшего недели 3 назад гриппа, который считал вполне благополучно закончившимся, получил через недельный промежуток легочное обострение. Пришлось неделю полежать <...> Теперь опять выполз, но погода подлая, боюсь. Раззорились на Ваш театр, набрали билетов рублей на 30. Только бы здоровье не подкузьмило! На днях прочли „Одинокие“ — чудная вещь! А вот своим „Оврагом“ Вы сделали то, что вот полтора месяца, как не можешь читать никакой текущей беллетристики: с души воротит и бросаешь книжку или журнал, а если осилишь, то прямо с натугой и отвращением. Все то лишнее, ненужное, многоглаголение и пустое место, или благое намерение при полном бессилии исполнения. Видите, как вредно и сквер-

но так хорошо писать! А образы Ваши до сих пор встают, как живые».

Посылаю письмо и телеграмму. — По-видимому, речь идет о телеграмме М. Горького из Н. Новгорода от 7 марта 1900 г.: «Через неделю приеду. Пешков» (*Горький и Чехов*, стр. 71) и письме В. А. Поссе от 4 марта, в котором, между прочим, сообщалось: «В Крым мы с Горьким действительно собираемся. Здоровье Горького, судя по письму его жены, скверно. Я думаю выехать из Петербурга в понедельник на четвертой неделе великого поста; пробуду дня два в Москве, а затем в Нижний, откуда вместе с Горьким немедленно в Крым» (*ГБЛ*). 12 марта в отделе «Хроника» «Новостей дня» (№ 6035) появилось сообщение: «В Москве находится в настоящее время М. Горький. На днях он уезжает в Ялту, чтобы подкрепить сильно расшатанное здоровье». М. Горький и В. А. Поссе приехали в Ялту 16 марта.

3069. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

10 марта 1900 г.

Печатается по автографу (*ГБЛ*). Впервые

опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 69.

Год устанавливается по упоминанию о гастрольях Художественного театра в Ялте и о телеграмме от 9 марта 1900 г. (см. ниже).

...исправник зачеркнул в анонсе «Одиноких»! — Во время гастролей Художественного театра в Ялте «Одинокие» Гауптмана не были исключены из репертуара.

...билеты все уже проданы... — См. примечания к письмам 3070* и 3071*. В «Новостях дня» (1900, № 6048, 25 марта) сообщалось: «На объявленные в Ялте и Севастополе труппой Художественно-Общедоступного театра спектакли все билеты проданы. Публика требует повторения спектаклей. Вчера отправлены три вагона декораций и театрального имущества для этих спектаклей».

Вообще много будет ненужной публики... — После гастрольной поездки в Крым К. С. Станиславский даст аналогичную характеристику ялтинской публике. В письме к С. В. Флерову он писал о ней в апреле 1900 г.: «Завоевывать столичную публику не пришлось в Ялте. Она уже знакома с нами или по газетам, или по Москве <...> Слава богу, мы имели

успех в Ялте, но сознаюсь, что публика в Севастополе гораздо интереснее. В Ялте интересна только маленькая горсть публики, состоящая из местной интеллигенции и из приезжих писателей и музыкантов, а именно: Горький, Чехов, Мамин-Сибиряк, Елпатьевский, А. И. Шуберт (знаменитая Лиза в „Горе от ума“), Бунин, Рахманинов. Нас очень порадовало, что эти люди заинтересовались нами и что наши спектакли вызвали в них желание написать нам новые пьесы» (Станиславский, т. 7, стр. 171).

Скажите Полкатыцкому, что я согласен. — Вишневский отправил Чехову 9 марта 1900 г. из Москвы телеграмму, в шутку подписав ее вымышленной фамилией Полкатыцкий: «За пьесу предлагаем 12000 если же полную нашу собственность то 30 000 рублей. Просим согласиться. Переведем немедленно. Тайный советник Полкатыцкий» (ГБЛ).

3070. Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

10 марта 1900 г.

Печатается по автографу (Музей МХАТ).
Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр.

Год устанавливается по упоминанию о гастрольях Художественного театра в Ялте (см. письмо 3066*).

Вл. И. Немирович-Данченко ответил письмом и телеграммой от 26 марта 1900 г. (*Ежегодник МХТ*, 1944, стр. 129–130).

...хочет ставить «Дядю Ваню» в свой прощальный бенефис. — Артист петербургского Александринского театра Ф. П. Горев обратился с этой просьбой к Чехову 3 марта 1900 г. (*ГБЛ*).

Газета «Россия» сообщала 13 сентября 1900 г. (№ 498): «Прощальный бенефис Ф. П. Горева, „изгоняемого“ со сцены Александринского театра в вознаграждение за 20 лет, отданных этим высокодаровитым артистом казенной сцене, состоится 8 октября». Однако пьеса Чехова «Дядя Ваня» не была поставлена в бенефис. В ноябре 1900 г. Горев переехал в Москву и поступил в театр Корша, где в его бенефис 1 декабря был поставлен «Иванов».

Я написал ему... — Это письмо Чехова неизвестно.

...не отказался от намерения сыграть ее в

Петербург... — В ответ Вл. И. Немирович-Данченко писал Чехову 2 апреля 1900 г.: «Большое спасибо тебе за право на постановку „Дяди Вани“ в Петербурге. Она нам составляет полный барыш за поездку в Крым, т. к. на великий пост мы теперь же снимаем Панавский театр» (Ежегодник МХТ, 1944, стр. 130). На гастроли в Петербург Художественный театр поехал на следующий год.

...идти на казенной сцене она не может. — См. письмо 3088.*

Билеты все проданы... — Билеты на гастрольные спектакли Художественного театра в Ялте были распроданы за один день (см. примечания к письму 3060). К. С. Станиславский сообщал С. В. Флерову 1 апреля: «Чехов телеграфировал нам, что в Ялте все билеты проданы. Что делается в Севастополе, не знаю» (Станиславский, т. 7, стр. 171). Аналогичное сообщение появилось в «Новостях дня» (1900, № 6038, 15 марта): «Успех гастролей Художественно-Общедоступного театра на юге, в Ялте и Севастополе, обеспечен. Вчера А. П. Чехов уведомил дирекцию Художественного театра в лице Вл. И. Немирови-*

ча-Данченко, что в Ялте, где была открыта предварительная продажа билетов, — в настоящее время все места на все четыре спектакля распроданы. Пойдут, как известно, „Дядя Ваня“, „Чайка“, „Одинокое“, „Эдда Габлер“». Телеграмма, о которой здесь упоминается, неизвестна. Возможно, имеется в виду комментируемое письмо. Немирович-Данченко отозвался на сообщение Чехова телеграммой от 26 марта 1900 г. следующего содержания: «Если съезд достаточно велик, открой продажу еще на два спектакля, четверг и пятницу, без обозначения пьес, по той же цене» (*Ежегодник МХТ*, 1944, стр. 129).

Пишу ли я новую пьесу? — Для молодого Художественного театра новая чеховская пьеса («Три сестры») в ближайшем сезоне была настоящей необходимостью (подробнее об этом см. примечания к письму 3118*). В это время, когда работа над пьесой «Три сестры» только начиналась, в газетах появлялись ложные информации такого содержания. «А. П. Чехов закончил новую пьесу. Пьеса пойдет в будущем сезоне в Художественно-Общедоступном театре» («Новости дня», 1900, № 6033, 10 мар-

та).

3071. А. С. СУВОРИНУ

10 марта 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 65, 66.

Год устанавливается по содержанию письма: сообщение о гастролях Художественного театра в Ялте, о публикации «Сократа» П. А. Сергеевко, появившемся в свет в 1900 г. (см. ниже), об избрании Н. П. Кондакова в действительные члены Академии наук (см. письмо № 3060*).

На Фоминой в Ялте будет играть Моск<овский> Художеств<енный> театр ~ несмотря на сильно повышенные цены. — См. примечания к письму 3060.*

Билеты на все объявленные 4 спектакля были проданы в один день... — В «Крымском курьере» (1900, № 59, 14 марта) сообщалось в отделе «Хроника»: «Почти все билеты на спектакли труппы Художественного театра проданы. Остались лишь билеты на галерее на все спектакли и немного билетов в партере на „Эдду Габлер“».

Пойдут ~ «Одинокие» Гауптмана — пьеса, по-моему, великолепно. — Чехов познакомился с пьесой Г. Гауптмана «Одинокие» в августе 1899 г. В письме к А. С. Суворину от 19 августа 1899 г. он дал ей высокую оценку (см. т. 8 Писем). Во время гастролей Художественного театра в Севастополе в апреле 1900 г. Чехов увидел «Одиноких» на сцене. Станиславский вспоминал: «На следующий день после „Одиноких“, которые произвели на него <Чехова> сильнейшее впечатление, он говорил: „какая это чудесная пьеса!“ Говорил, что театр вообще очень важная вещь в жизни и что непременно надо писать для театра. Насколько помню, первый раз он сказал это после „Одиноких“» (Станиславский, т. 5, стр. 342). Об этом же Станиславский писал позже, 8 февраля 1932 г., в связи с 70-летием Гауптмана: «Когда Чехов увидел „Одиноких“ на сцене нашего театра, он загорелся новым желанием писать для театра и вскоре подарил нам две новые пьесы — „Три сестры“ и „Вишневый сад“. Родство этих писателей было не случайным. Сила Гауптмана, как и Чехова, была в том, что его правдивые, внутренне наполненные

пьесы всегда затрагивали многие из проблем, волновавших передовую русскую интеллигенцию» («Berliner Tageblatt», 1932, 1 марта). О любви Чехова к пьесе Гауптмана «Одинокие» писал также Вл. И. Немирович-Данченко: «Гауптман был очень близок душе русского передового интеллигента. Недаром Чехов так любил его. И на Горького „Одинокие“ производили очень большое впечатление» (Из прошлого, стр. 240).

...«Сократ» Сергеенко печатается в Приложениях «Нивы». — Пьеса П. А. Сергеенко печаталась в «Ежемесячных литературных приложениях» к журналу «Нива» за 1900 г. (№ 2 и 3). В это же время Сергеенко вел переговоры о постановке «Сократа» на сцене Александринского театра, которые не увенчались успехом. Однако пьеса сразу же была принята к постановке суворинским театром Литературно-художественного общества, с В. П. Далматовым в главной роли (см. «Новости дня», 1900, №№ 6035 и 6178, 12 марта и 3 августа).

Президент очень огорчен и книгой Корша и его полемикой. — В письме к Чехову от 19 февраля 1900 г. Н. П. Кондаков сообщал:

«Великий» князь Константин очень огорчен и книгою Корша и его полемикою. Я лично очень доволен статьями Суворина и нахожу, что можно было бы теперь послушать и Буренина о том же вопросе. Корш — великий филолог, но совершенно лишен художественного чутья, как Б. Н. Чичерин и подобные ему сочувствующие». Подробнее о полемике вокруг вопроса о подлинности окончания «Русалки» Пушкина и подделке Д. П. Зуева см. в примечаниях к письму 3043*.

Выбран в Пушкинское отделение проф. Кондаков ~ с Ламанским и Коршем... — В № 9 «Крымского курьера» от 13 января 1900 г. была помещена информация: «В Пушкинское отделение императорской Академии наук, как мы слышали, назначаются ученые и профессора Ф. Е. Корш, В. И. Ламанский и Н. П. Кондаков; из писателей: В. Г. Короленко, А. П. Чехов и И. Н. Потапенко». Однако из перечисленных в газете лиц на заседании Отделения русского языка и словесности Академии наук, происходившем 8 января 1900 г., были выбраны в почетные академики по Разряду изящной словесности (Пушкинское отделение) только Че-

хов и Короленко («Крымский курьер», 1900, № 15, 20 января). Ламанский, Корш и Кондаков были избраны ординарными академиками в Разряд изящной словесности Отделения русского языка и словесности Академии наук на заседании 5 февраля 1900 г.

Мрут люди от истощения, от обстановки, от полного заброса... — По свидетельству М. П. Чеховой, тяжелое положение, в котором оказывались приезжавшие в Ялту материально не обеспеченные туберкулезные больные, «производило на Антона Павловича удручающее впечатление и привело к мысли о том, что в Ялте нужно организовать общедоступный санаторий. Он включился в деятельность ялтинского благотворительного общества, состоящего из врачей-общественников, составил воззвание с призывом присылать пожертвования на организацию специального санатория, разослал его редакциям газет, своим друзьям и знакомым. Так в Ялте и был создан первый общедоступный санаторий для туберкулезных больных — „Яузлар“» (см. «Дом-музей А. П. Чехова в Ялте». М., 1954, стр. 10). 27 мая 1900 г. на годовичном собрании чле-

нов ялтинского благотворительного общества Чехов был избран участковым попечителем о нуждающихся приезжих больных (см. «Крымский курьер», 1900, № 119, 31 мая, а также т. 16 Сочинений).

3072. М. П. ЧЕХОВОЙ

12 марта 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 352.

Год устанавливается по связи со следующим письмом, написанным в тот же день (в обоих говорится о покупке стульев и пересылке мебели).

Ответ на письмо М. П. Чеховой от 5 марта 1900 г. (*Письма М. Чеховой*, стр. 153–154).

...если будешь посылать в Ялту вещи... — Отклик на следующее сообщение М. П. Чеховой: «Скоро буду укладывать подушки, наволочки, посуду и еще кое-что для отправки в Ялту. Куплю у Бодри две кровати. Нужно ли покупать венских стульев, напиши? Мне кажется, нужно как для Ялты, так и для Гурзуфа. Пришлю 2 дюжины тарелок таких, как в Ялте, они куплены еще прошлой зимой».

Я бы на твоём месте ничего не оставил в Москве... — В своём письме М. П. Чехова обращалась к брату за советом: «На Пасху 14 апреля будет срок квартиры. Нужно переезжать, а я буду в это время в Ялте. Просто не знаю, что придумать. Надо успеть на шестой неделе спровадить всю свою обстановку к Ивану на Басманную».

Сегодня приедет Жорж... — Об ожидавшемся приезде Г. М. Чехова см. письмо 3064* и примечания к нему*.

Билеты все проданы. — На гастрольные спектакли Художественного театра в Ялте (см. примечания к письмам 3070* и 3071*).

3073. И. П. ЧЕХОВУ

12 марта 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 352–353.

Открытка. Год устанавливается по почтовым штемпелям: Ялта. 12 III.1900; Москва. 16 III.1900.

...у меня аутский мулла... — Об этом знакомом Чехова вспоминал А. Я. Бесчинский: «В числе гостей у него <Чехова> часто бывал аут-

ский мулла. Мулла, как и многие из местных зажиточных татар, относился к Чехову с величайшим уважением. Но достопочтенный служитель аллаха не совсем точно представлял себе, в чем заключались заслуги и даже занятия Чехова, так как неизвестно почему считал А<нтон> П<авловича> выдающимся зубным врачом» (А. Я. Бесчинский. Воспоминания об А. П. Чехове. — «Приазовская речь», 1910, № 45, 20 января).

...если Маша будет посылать стулья... — См. примечания к предыдущему письму.*

3074. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

17 марта 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 72.

Год устанавливается по упоминанию о предстоящих спектаклях Художественного театра в Ялте.

...Вашу телеграмму получил и содержание ее сообщил Новикову. — Эта телеграмма не найдена.

Я познакомился с инженером-электриком... — Речь, по-видимому, идет о С. Т. Локу-

циевском. В «Крымском курьере», 1900 № 36, 15 февраля, в отделе «Хроника», сообщалось: «В Севастополь прибыл электротехник С. Т. Локуциевский, назначенный Министерством путей сообщения для руководства работами по устройству электрического освещения в г. Ялте».

...электричество к Пасхе непременно будет. — В это время Чехов хлопотал о подготовке помещения Ялтинского театра к гастролям Художественного театра. В письме от 26 марта 1900 г. Вл. И. Немирович-Данченко обращался к нему с просьбой: «Я выезжаю из Москвы в воскресенье 2 апреля с 12 часовым поездом. Вторник день и вечер и среда утро буду прилаживать обстановку в Севастополе. В среду я поеду на пароходе в Ялту. И вот моя к тебе просьба: прикажи кому следует, чтобы к среде к вечеру все было готово для осмотра мною театра и проверки освещения. Проведу в Ялте только этот вечер, в четверг поеду назад в Севастополь <...> Если в среду нет парохода, поеду на лошадях в один день. Иначе может случиться, что, приехавши в Ялту со всем театром, встречу какое-нибудь неужи-

данное и неустранимое препятствие, которое можно было бы устранить — знай о нем несколько дней раньше. Театр в Ялте осмотрю весь со всеми помещениями и частями» (*Ежегодник МХТ*, 1944, стр. 130). Хлопоты Чехова по организации электрического освещения в ялтинском театре были не совсем успешными. После первого спектакля Художественного театра в «Крымском курьере» отмечалось: «Работы по устройству в театре электрического освещения были закончены лишь к самому спектаклю, дело было не совсем еще налажено, и потому освещение в театре и на сцене несколько пошаливало» (1900, № 71, 1 апреля).

...сыграть в пользу ее санатории. — М. В. Барятинская была занята устройством всероссийского санатория для чахоточных больных. В № 65 «Крымского курьера» от 21 марта 1900 г. она поместила объявление о закрытии, в связи с ее загруженностью по устройству санатория, принадлежащего ей пансиона для чахоточных больных.

*...играйте в пользу Попечительства о при-
езжих больных...* — Руководство Художествен-

ного театра последовало этому совету Чехова. В «Крымском курьере» 21 апреля 1900 г. (№ 88) было помещено объявление: «Завтра в субботу, 22 апреля, в Городском театре труппой Московского Художественного театра дан будет литературный вечер в пользу попечительства нуждающихся приезжих больных. Будут прочитаны отрывки из трагедий гр<афа> А. К. Толстого „Смерть Иоанна Грозного“ и „Царь Федор Иоаннович“, из драмы Гергардта Гауптмана „Потонувший колокол“, рассказы А. П. Чехова и т. д.» 25 апреля 1900 г. в «Крымском курьере» (№ 91) был дан подробный отчет о литературном вечере в статье «Спектакли Московского Художественного театра в Ялте». Анонимный автор писал: «В субботу, 22 апреля нашими московскими гостями дан был литературный вечер в пользу попечительства о нуждающихся приезжих больных. Помимо такого трогательного поступка сам по себе вечер представил выдающийся интерес по своему содержанию и исполнению. Читались сцены из трагедии Алексея Толстого „Царь Федор Иоаннович“, из трагедии Софокла „Антигона“ и 3-й акт из драмы

Гауптмана „Потонувший колокол“.

<...> Во все время чествования труппы на чествуемых сыпался с верхнего яруса непрерывный дождь цветов, усердно подхватываемых и подбираемых артистами.

Адрес был положен в папку, с красивой акварелью художницы А. Т. Комаровой. Рисунок изображал сцены из „Чайки“ и „Дяди Вани“. Кроме адреса от публики, артистам был поднесен и прочитан адрес от массандровского драматического кружка.

В начале третьего отделения, артист г. Мейерхольд прочитал „Песнь о соколе“ Горького, что дало повод к шумным и настойчивым вызовам автора. После настойчивых вызовов на сцене появился М. Горький. Публика устроила ему шумную и восторженную овацию. Далее г-жа Андреева прекрасно прочла два рассказа Чехова: „Ванька“ и „Событие“ и, наконец, г. Москвин великолепно прочел два из „Пестрых рассказов“. В заключение был вызван и горячо приветствован А. П. Чехов».

Ловлю мышей ~ нет более мышей! — См. примечания к письму 3154*.

3075. П. П. ГНЕДИЧУ

17 марта 1900 г.

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 354–355.

Год устанавливается по письму П. П. Гнедича от 6 марта 1900 г. (ГБЛ), на которое отвечает Чехов, а также по сообщению о том, что «вчера» приехал Горький, и упоминанию романа Гнедича «Купальные огни», который вышел в №№ 1 и 2 «Книжек Недели» за 1900 г.

...фотографии теперь у меня нет... — В письме от 6 марта 1900 г. Гнедич обращался к Чехову с просьбой: «Год назад обещали Вы мне прислать портрет и, конечно, забыли. Слышал я от Сергеенко, что вы снялись в Ялте; не поленитесь, запечатайте в конвертик — и пошлите. Я ведь Вас очень люблю» (ГБЛ). В письме от 16 ноября 1900 г. Гнедич опять напоминал Чехову о его обещании: «А Вы все мой должник — портрет Ваш!?» (там же).

Я читал Ваши «Туманы» ~ малую часть в одной книжке «Недели». — Этот роман Гнедича печатался в «Книжках Недели» в 1899 г. (№№ 1–9). Вскоре автор прислал отдельное из-

дание своего романа (СПб., 1900, тип. М. Меркушева) с дарственной надписью: «Дорогому Антону Павловичу от автора. СПбург. 21 марта 1900 г.». Эта книга была в библиотеке Чехова. — *Чехов и его среда*, стр. 228.

Теперь читаю «Купальные огни»... — Первые главы романа Гнедича печатались в январской и февральской «Книжках Недели» за 1900 г.

Здесь, в Ялте, Горький и Поссе... — 10 марта М. Горький выехал из Нижнего Новгорода в Ялту. В Москве 12 марта к нему присоединились В. А. Поссе и В. С. Миролубов. 16 марта они прибыли в Ялту. В «Крымском курьере» (1900, № 63, 18 марта) сообщалось: «В Ялту прибыл известный писатель М. Горький».

3076. Ал. П. ЧЕХОВУ

17 марта 1900 г.

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано: с пропусками — «Солнце России», 1912, № 121 (22), стр. 2; полностью — *Письма*, т. VI, стр. 73.

Год устанавливается по содержанию письма: переезд Ал. П. Чехова на дачу в Удельной

(март 1900 г.); письмо, «только что полученное» Чеховым от Лейкина, датировано 12 марта 1900 г.

Поздравляю тебя с новосельем... С переездом в построенную Ал. П. Чеховым дачу в Удельной под Петербургом.

Рассказ твой уже давно послан... — Речь идет о рассказе-фельетоне Ал. П. Чехова, который он просил в письме от 7 мая 1899 г. передать Фейгину или Е. З. Коновицеру для напечатания в московской газете «Курьер» (см. письмо в т. 8 Писем).

...сия ~ сообщала, что рассказ в руках... — В письме от 21 февраля 1900 г. М. П. Чехова сообщала: «Сашин рассказ получила и уже отдала Коновицеру» (*Письма М. Чеховой*, стр. 152).

Сделаю запрос, как и что, и сообщу. — Письма Чехова к издателям газеты «Курьер» с просьбой напечатать рассказ брата, а также к Ал. П. Чехову на эту тему неизвестны.

Лейкин легок на помине... — Чехов имеет в виду письмо Н. А. Лейкина от 12 марта 1900 г. (*ГБЛ*), в котором он сообщал: «...приобрел и я себе новый летний угол, который может быть при желании даже и зимним. В прошлом го-

ду, в августе, я купил себе новое имение, носящее название „Медное“, куда уже перевел всю свою движимость из Ивановского, и предвквашаю уже удовольствие поселиться в нем в апреле месяце. Дачу же в Ивановском продаю <...> Новое имение, которое я купил, тоже около Невы, на берегу реки Мойки, впадающей в Неву, но, увы, отстоящее от Невы на версту с четвертью. Там хозяйничать я могу пошире».

3077. Л. Ю. АРБУШЕВСКОЙ

20 марта 1900 г.

Печатается по автографу (ТМЧ). Впервые опубликовано: «Рампа и жизнь», 1910, № 27, 4 июля, стр. 441.

...Вы найдете надпись: «от товарищества „Знание“ в знак уважения»... — С дарственной надписью «Антону Павловичу Чехову в знак уважения товарищество „Знание“» в библиотеке Чехова было несколько книг: 1) Л. Вигуру. Рабочие съезды в Северной Америке. С пред. Поля де-Русье. Перев. А. Серебряковой. Ред. Д. Протопопова. Изд. т-ва «Знание», СПб., 1900; 2) К. Гуго. Новейшие течения в английском городском самоуправлении. Перев. с немецк.

под ред. Д. Протопопова. Изд. О. Н. Поповой, СПб., 1898; 3) М. Гюйо. Происхождение идеи времени. С пред. А. Фулье. Перев. И. К. Брусиловского. — «Мораль Эпикура и ее связь с современными учениями». Перев. Н. Южина. Ред. Г. Фальборка и В. Чернолуского. Изд. т-ва «Знание», СПб., 1899; 4) М. Гюйо. Воспитание и наследственность. Социологическое исследование. Изд. т-ва «Знание», СПб., 1900; 5) В. Зомбарт. Идеалы социальной политики. Перевод с немецкого П. Ф. Теплова. (Историко-политич. библиотека. № 2. Редакция В. Поссе). Изд. т-ва «Знание», СПб., 1900; 6) Клейн. Астрономические вечера. Изд. 3-ье русск. перевода т-ва «Знание», СПб., 1900; 7) М. Леклерк. Воспитание и общество в Англии. Перевод М. А. Шишмаревой. Изд. т-ва «Знание», СПб., 1899; 8) Ш. Сеньобос. Политическая история современной Европы, т. I. Изд. т-ва «Знание», СПб., 1899; 9) Ш. Сеньобос. Политическая история современной Европы. Эволюция партий и политических форм. 1814–1898, т. I. Изд. 2-ое т-ва «Знание», СПб. (Чехов и его среда, стр. 333, 340, 341, 345–346, 349, 356, 380).

...не считайте это автографом, выдавай-

те книги абонентам библиотеки... — В «Деле Таганрогской управы по настольному 1895 г., № 17 о пожертвовании книг для Таганрогской городской библиотеки известным писателем уроженцем Таганрога А. П. Чеховым» указывалось: «Пожертвованные Чеховым книги передать по особой описи в городскую библиотеку с тем, чтобы книгам этим был заведен особый отдел и чтобы, кроме того, книги, снабженные автографами, т. е. те, которые считаются Чеховым особенно ценными, тоже выделены были в особую группу и не выдавались бы на дом абонентам, а могли бы рассматриваться и прочитываться в самой библиотеке» (*Чехов и его среда*, стр. 202).

3078. И. П. ЧЕХОВУ

23 марта 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *ПССП*, т. XVIII, стр. 355.

Год устанавливается по связи с письмом к И. П. Чехову от 12 марта 1900 г. (где речь также идет о тетрадях для муллы).

...обратиться к тебе с большой просьбой по библиотечному делу. — См. письмо 3008*.

3079. О. Л. КНИППЕР

26 марта 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые (с пропуском) опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 74; полностью — *Письма к Книппер*, стр. 54–55.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 26 III.1900; Москва. 30 III.1900.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 22 марта 1900 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 138–139).

От Вашего письма, милая актриса, веет черной меланхолией... — Книппер писала Чехову о своем настроении 22 марта: «Я каждый день жду от Вас хоть малюсенького письмеца, каждый день, когда прихожу, — первый мой взгляд устремляется на письменный стол — и все ничего! Ну хоть бы о погоде написали, о своем садике, о том, готово ли шоссе, довольны ли наконец тем, что Художественный театр не надул и едет к Вам, „пленять своим искусством свет“... Вы спросите — отчего же я не пишу Вам? Оттого, оттого что я отвратительно себя чувствую все время и ненавижу себя. У меня лежит три неоконченных пись-

ма к Вам — хорошо? Ну, теперь я скоро увижу Вас. Знаете, я недавно видела во сне нашу встречу и уверена, что она такова же будет наяву. А мне скучно без Ваших писем. Ответьте мне на это письмо — мне все-таки легче будет ехать к Вам. Вам не смешно? Ну, право, мне иногда кажется, что Вы от меня отвыкли и что я приеду какая-то чужая. У нас гадко, сыро, грязно, серо, тоску нагоняет погода <...> Скоро начну укладываться. Я уверена, что все мое скверное настроение пройдет, как только понюхаю южного воздуха и увижу дивную ласковую южную природу. Скорее бы только тронуться! <...> Ох, как скучно жить, а еще скучнее, когда знаешь, что скука от самой себя».

Это хорошо, что Вы приедете раньше всех, с Машей... — Еще в письме от 18 февраля 1900 г. Книппер сообщала: «Я еду раньше, а Маша (Вы знаете, что мы выпили брудершафт?) приедет из мастерской» (там же, стр. 133). В письме от 22 марта Книппер напоминала: «А Вы знаете, что я приеду раньше, с Вашей сестрой?». Об этой поездке в Ялту Книппер вспоминала: «Я приехала еще на страст-

ной с Марией Павловной, и как казалось уютно и тепло в этом новом доме, который летом только еще строился и был нежилым... Все интересовало, каждый пустяк; Антон Павлович любил ходить и показывать и рассказывать, чего еще нет и что должно быть со временем; и главное, занимал его сад, фруктовые посадки <...> В это же время был в Ялте и А. М. Горький, входивший в славу тогда быстро и сильно, как ракета. Он бывал у Антона Павловича и как чудесно, увлекательно, красочно рассказывал о своих скитаниях <...> Тихо, уютно и быстро прошла Страстная неделя, неделя отдыха, и надо было ехать в Севастополь, куда прибыла труппа Художественного театра <...> Уже начались приготовления к спектаклям, приехал Антон Павлович, и жизнь завертелась... Начался какой-то весенний праздник» («Об А. П. Чехове». — *Книппер-Чехова*, ч. 1, стр. 54–55).

Пьесы новой у меня нет, это газеты врут. — О. Л. Книппер писала по этому поводу: «Кругом говорят о Вашей новой пьесе — я одна ничего не знаю и не слышу. Мне не верят, когда на вопросы совершенно искренно по-

жимаю плечами и говорю, что мне ничего неизвестно». О работе над пьесой «Три сестры» см. примечания к письму 3118*.

Вообще газеты никогда не писали про меня правды. — А. А. Плещеев приводит в своих воспоминаниях «Чеховский день» аналогичный разговор с писателем: «— От времени до времени мне случалось встречать в газетах разговоры разных лиц, посещающих Вас, Антон Павлович. Вас не забывают.

— Я читал, — отвечал он добродушно. — Даже разговоры со мной лиц, которые совсем у меня не бывали. В одной беседе напечатали, будто я сказал „покойный Левитан“, тогда как он покойным еще не был и сказать я этого не мог.

— Вы не возражали, вообще Вы не охотник, насколько я знаю, до возражений в печати.

— Возразишь, опять, пожалуй, и мне возразят что-нибудь, и завяжется никому не интересная полемика» (ИРЛИ, Р III, оп. 2, № 1565).

Тут Горький. — М. Горький приехал в Ялту 16 марта.

Он очень хвалит Вас и ваш театр. — Высокая оценка Московского Художественного театра содержится также в письме Горького к Чехову от 21–22 января 1900 г.: «Этот театр произвел на меня впечатление солидного, серьезного дела, большого дела. И как это идет к нему, что нет музыки, не поднимается занавес, а раздвигается. Я знаете, даже представить себе не мог такой игры и обстановки. Хорошо! Мне даже жаль, что я живу не в Москве, — так бы все и ходил в этот чудесный театр». Об артистах этого театра Горький писал: «Все они — играют дивно! Малый театр поразительно груб по сравнению с этой труппой. Какие они все умные, интеллигентные люди, сколько у них художественного чутья! Книппер — дивная артистка, прелестная женщина и большая умница» (Горький, т. 28, стр. 118).

3080. М. О. МЕНЬШИКОВУ

26 марта 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Чехов, *изд. Атеней*, стр. 128–129.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 26 III.1900; С.-Петербург. 30 III.1900.

Ответ на письмо М. О. Менъшикова от 21 марта 1900 г.; Менъшиков ответил 18–25 апреля (ГБЛ).

...в Ялте психиатрических заведений нет...
— Отклик на просьбу Менъшикова, писавшего 21 марта: «У Венгеровых (брат и сестра, писатели) есть душевнобольной брат, студент. Он уже второй год на Удельной и безнадежен (кажется, идиотизм), но вдобавок заболел острым туберкулезом легких. Предписано немедленно везти его в Крым. Не можете ли Вы указать в Крыму психиатра, который согласился бы взять этого больного к себе? <...> Будьте же добры, дорогой Антон Павлович, ответить мне поскорее, чтобы я передал ответ Венгеровым. Они и без того Ваши искренние друзья, не забудут, конечно, этой услуги. Сам Семен Аф<анасьевич> мечтает поехать в Крым, чтобы раздобыть от Бакунина какие-то материалы для биографии Белинского, и будет просить позволения навестить Вас. Но главное — юноша, пораженный и душой и телом. А еще

недавно это был образец красоты и силы, я глядел на него с завистью».

...присылать неизлечимо больного ~ не по-медицински... — В ответном письме Меньшиков сообщал: «Венгеровы просили, дорогой Антон Павлович, передать Вам свою искреннюю благодарность за разумный совет. Они так и решили сделать — оставить брата на Удельной, тем более, что ему сделалось хуже и недалек конец».

Рукопись Воскресенского получил.... — О рукописи Воскресенского «Глупости Ивана Ивановича» см. примечания к письму М. О. Меньшикову от 5 октября 1899 г. — т. 8 Писем. Эту рукопись привезла Чехову в Ялту В. С. Тюфяева. В сопроводительном письме от 2 марта 1900 г. Меньшиков писал: «Посылаю Вам 4-ую мою книжку для Таганрогской библиотеки и рукопись Воскресенского. Собственно, это предлог — дать возможность одной почитательнице Вашего таланта взглянуть на Вас. Предупреждаю, что это самая милая и прелестная душой барышня, каких я знаю в Петербурге, и страшно похожа на Вашу Мисюсь из „Домика с мезонином“. Мне очень бы хоте-

лось, чтобы Вы посмотрели на нее».

Читали «Сократа»? — «Исторические сцены» П. А. Сергеенко под этим названием были напечатаны в № 2 и 3 «Ежемесячных литературных приложений» к журналу «Нива». В ответном письме Меньшиков писал: «„Сократа“ Сергеенко не читал, но слышал из вещей уст автора». См. примечания к письму 3071*.

3081. М. П. ЧЕХОВОЙ

26 марта 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: часть письма — *Письма*, т. VI, стр. 76; полностью — *ПССП*, т. XVIII, стр. 352.

Открытка. Дата устанавливается по почтовым штемпелям: Ялта. 26 III.1900; Москва. 30 III. 1900.

3082. М. П. ЧЕХОВОЙ

Около 26 марта 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *ПССП*, т. XVIII, стр. 356–357.

Примерная дата устанавливается по связи с предыдущим письмом. Написано на листке из блокнота, и, по-видимому, было не

самостоятельным письмом, а приложено к одному из писем, написанных перед приходом М. П. Чеховой из Москвы в Ялту (возможно, к предыдущему письму от 26 марта, где также говорится о поручениях и необходимых покупках).

3083. П. А. СЕРГЕЕНКО

27 марта 1900 г.

Печатается по автографу (ГМТ). Впервые опубликовано: *Неизд. письма*, стр. 140.

Год устанавливается по письму П. А. Сергеевко от 20 марта 1900 г. (ГБЛ), на которое отвечает Чехов.

...если ты намерен в Крыму купаться и работать в тишине, то поезжай в Симеиз... — Отклик на следующие строки из письма Сергеевко: «...Я как-то вскользь, кажется, писал тебе, что с августа 99 г. мою старшую дочь стал одолевать какой-то гнуснейший кашель с многоэтажными приступами. Наука, как тебе известно, умеет много гитик, но в данном случае она только развела руками и согласилась на юг, который де в этом вопросе во всяком случае лишним быть не может. После

праздников я и думаю приехать в ваши страны. Не будешь ли ты любезным, чтобы черкнуть мне, где бы нам поселиться с наибольшими удобствами и с наименьшей сутолокой (я хочу работать и купаться)». Сергеенко был в Ялте в начале сентября.

В Кучук-Кое ты умер бы с голоду... — В своем письме Сергеенко выражал желание снять у Чехова имение в Кучук-Кое. Он писал: «Правду говорили в Сандуновских банях (твой брат Иван), что ты охладел к Кучук-Кою? Если да, то лучшего места мне и не надо, и я был бы очень рад, если бы ты отдал мне на лето Кучук-Кой в наем на условиях, которые пусть установит Синани, т. е. на условиях, на которых ты согласился бы отдать Кучук-Кой всякому. Повторяю: для меня очень ценно будет пребывание в Кучук-Кое, потому что там есть именно то, что нам нужно, если только ты ничего не имеешь против пребывания моей дочери там. В мокроте ее ничего не отыскивали предосудительного».

...я продаю Кучук-Кой. Уже есть покупатель. — Имение Кучук-Кой было куплено Чеховым в начале декабря 1898 г. В январе

1900 г. он приобрел в Гурзуфе на берегу моря небольшой участок с домом. После этой покупки в мае 1900 г. было решено Кучук-Кой продать. Поручение о продаже было сделано в сентябре комиссионеру Виноградову, который нашел покупательницу — Перфильеву. С ней вела переговоры М. П. Чехова в октябре — декабре 1900 г. (см. примечания к письмам 3211*, 3212*).

Гинцбург прислал письмо. — Чехов хотел иметь слепок статуэтки, изображавшей Толстого на лошади, работы скульптора П. Трубецкого и, полагая, что эта статуэтка выполнена скульптором И. Я. Гинцбургом, просил Сергеенко поговорить с ним о возможности приобретения слепка. Сергеенко исполнил просьбу Чехова, в письме от 20 марта он писал: «В Петербурге я говорил с Гинцбургом насчет твоего желания иметь изваянного Толстого. Он обещал написать тебе и все устроить к твоему удовольствию. У меня есть его работа „Толстой пишет“. И я нахожу эту фигуру наиболее удачной. „Всадник“, о котором ты пишешь, работы Трубецкого. Если тебе хочется больше этой фигуры, то я думаю, что

это можно устроить». В письме от 19 марта 1900 г., о котором упоминает Чехов, Гинцбург отвечал на просьбу, что дважды лепил Толстого в Ясной Поляне: в 1891 г. (сидящим за столом) и в 1897 г. (стоящим) и сообщал о цене слепков. В ДМЧ, в кабинете писателя, экспонируется гипсовая бронзированная статуэтка Льва Толстого работы Гинцбурга. См.: Мария и Михаил Чеховы. Дом-музей А. П. Чехова в Ялте. М., 1937, стр. 37 (стоящий Толстой).

3084. Б. А. ЛАЗАРЕВСКОМУ

2 апреля 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Письма, собр. Бочкаревым*, стр. 46.

Год устанавливается по письму Б. А. Лазаревского от 29 марта 1900 г., на которое отвечает Чехов; Лазаревский ответил 4 апреля (ГБЛ).

...папка великолепа... — О своем решении сделать Чехову папку Лазаревский сообщал в письме от 17 марта 1900 г.: «Сегодня он <Карабачевский> попросил меня что-нибудь ему

нарисовать. Я сделал шутя папку, набросал на ней броненосец. Кажется, ему очень понравилось. А теперь решил, что сделаю и Вам такую же. Пришлю на той неделе» (ГБЛ). В письме от 20 марта Лазаревский извещал: «Папку дорисовываю» (там же). Готовая папка была послана Чехову 29 марта с сопроводительным письмом: «Посылаю папку. Может, и сгодится Вам на что-нибудь».

Это похоже на «входящие и исходящие». — На это замечание Чехова Лазаревский ответил: «Такую грусть Вы нагнали напомнимем о „входящих“. Ведь теперь, с назначением секретарем <суда>, мне года три придется возиться с этими мерзостями».

Поссе был в Ялте, я говорил ему о Вашем «Машинисте». — В. А. Поссе приехал в Ялту 16 марта и пробыл там до конца месяца. О рассказе Лазаревского «Смерть машиниста» см. письмо 3055* и примечания к нему*.

Ваша папка немножко измялась в дороге... — Взамен измятой папки Лазаревский прислал новую, на которой по совету Чехова не стал делать заголовка. В письме от 4 апреля Лазаревский писал: «Папка измялась благода-

ря дурню почтовому чиновнику, который, развернув ее (она была скатана в трубку), увидел надпись и решил, что это не папка, а письмо, которое нужно заделать в конверт. Как я ни спорил с ним, но пришлось покориться. Ну, да мне и не жаль. Вновь посылаемая кажется лучше. Набросать виньетки 15–20 минут. Так лучше другую возьмите, без вывески, а ту в камин. Море, которое внизу папки, должно быть таким, каким любовались Д. Дм. Гуров и Анна Сергеевна из Ореанды. Должно, но не знаю, есть ли оно такое».

В Севастополе я буду не раньше мая. — Чехов приехал в Севастополь на гастроли Художественного театра 10 апреля и пробыл там три дня. В ответ на комментируемое сообщение Лазаревский писал 4 апреля: «Досадно, что Вы не будете в театре на „Чайке“ и „Д<яде> Ване“. Знаю наверное, что для Вас даже ложа оставлена».

3085. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

2 апреля 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано (в сокращенном виде и без на-

чала): *Письма, собр. Бочкаревым*, стр. 127; полностью — *Письма*, т. VI, стр. 76–79.

Год устанавливается по письму В. М. Соболевского от 28 марта 1900 г., на которое отвечает Чехов; Соболевский ответил 30 апреля (13 мая) из Галле (*Записки ГБЛ*, вып. VIII, стр. 61).

...Наташа ~ приходила с Вениаминовыми...
— 28 марта Соболевский писал Чехову: «Через два дня я уезжаю на месяц за границу — сначала в Париж, а затем в Галле (Германия) к ушному врачу. Вернусь в начале мая. А сегодня отправил Наташу в Крым, в гости к Веньяминовым (Исар). Если будете близко, навестите и приголубьте. Она Вас очень любит. Веньяминовы, владельцы Исара (Иван Николаевич и Елена Петровна), очень хорошие люди и были бы в восторге, познакомившись с Вами».

...Вашему письму — тоже. — В своем письме Соболевский, кроме того, писал: «Здесь о Вас то и дело вспоминаем и вспоминают по всевозможным поводам. Не далее как на последних двух неделях беседы на собраниях самоучащейся молодежи у В<арвары> А<лексе>

евны> (студенты, студентки, артисты, артистки Общедост<упного> театра, Ермилов, Иванов и т. д.) были посвящены специально Вам, „Дяде Ване“ и „Чайке“. Эти две вещи продолжают господствовать в репертуаре не только театра, но и вообще умственного обихода интеллигенции. На них упражняются, учатся думать, разбираться в жизни, искать выхода и т. д. Вот что значит затронуть самую суть и самые наиболее струны».

Приехал, между прочим, Горький ~ приятный во всех смыслах. — Горький многократно в своей переписке, выступлениях и разговорах подчеркивал свою безграничную симпатию к Чехову, художнику и человеку. В письмах к жене, Е. П. Пешковой, он писал о своем первом впечатлении от Чехова в марте — апреле 1899 г.: «Чехов — человек на редкость. Добрый, мягкий, вдумчивый <...> Говорить с ним в высокой степени приятно, и давно уже я не говорил с таким удовольствием, с каким говорил с ним.

Он очень определенно высказывает большую симпатию ко мне, очень много говорит мне таких вещей, каких другим не скажет, я

уверен. Меня трогает его доверие ко мне, и вообще я сильно рад, очень доволен тем, что он, которого я считаю талантом огромным и оригинальным, писателем из тех, что делают эпохи в истории литературы и в настроениях общества, — он видит во мне нечто, с чем считается. Это не только лестно мне, это крайне хорошо, ибо способно заставить меня относиться к самому себе строже, требовательнее. Он замечательно славно смеется — совсем по-детски» (*Горький и Чехов*, стр. 146). В. А. Поссе, который в марте 1900 г. находился вместе с Горьким в Ялте, писал Чехову 23 сентября 1900 г.: «Виделся я с Горьким, по обыкновению вспоминали Ялту и Вас. Меня всегда трогает его писательская и человеческая привязанность к Вам. Умеет любить этот неуклюжий человек!» (*ГБЛ*).

...нет лучше газеты, как «Русские ведомости». — О том, что Чехов высоко ценил газету «Русские ведомости», отмечал в своих воспоминаниях также И. Н. Потапенко (*Чехов в воспоминаниях*, стр. 341).

Мне очень, очень грустно, что я так редко работаю у Вас ~ в будущем я все наверстаю. —

Чехов напечатал на страницах газеты «Русские ведомости» десять своих рассказов, первый из которых «Володя большой и Володя маленький» появился в № 357 от 28 декабря 1893 г. Последний рассказ Чехова, опубликованный «Русскими ведомостями» (1899, № 3, 3 января), — «Новая дача».

Я раза два принимался писать Варваре Алексеевне... — Сохранилось только одно письмо Чехова к Морозовой, жене В. М. Соболевского, от 12 января 1898 г., хотя из сохранившихся ответных писем Морозовой к Чехову видно, что между ними существовала довольно обширная переписка. О В. А. Морозовой писал Вл. И. Немирович-Данченко: «Это была очень либеральная благотворительница. Тип в своем роде замечательный. Красивая женщина, богатая фабрикантша, держала себя скромно, нигде не щеголяла своими деньгами, была близка с профессором <Соболевским>, главным редактором популярнейшей в России газеты <«Русские ведомости»>, может быть даже строила свою жизнь во вкусе благородного, сдержанного тона этой газеты. Поддержка женских курсов, студенчества,

библиотек — здесь всегда было можно встретить имя Варвары Алексеевны Морозовой» (*Из прошлого*, стр. 118).

Осенью я буду в Москве... — Чехов выехал в Москву 21 октября 1900 г.

3086. Е. А. НИКОЛЬСКОЙ

4 апреля 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Неизд. письма*, стр. 126.

Год устанавливается по письму Е. А. Никольской от 3 апреля 1900 г., на которое отвечает Чехов; Никольская ответила 28 апреля, 11 ноября 1900 и 3 марта 1901 г. (ГБЛ).

Вы можете прислать рукопись... — Никольская хотела послать Чехову рукопись своей повести «Жажда счастья». В письме от 3 апреля она спрашивала: «Не разрешите ли Вы мне прислать или принести Вам для прочтения рукопись небольшой повести? Мне было бы чрезвычайно важно и интересно знать Ваше мнение, чтобы выяснить себе, не слишком ли большая смелость с моей стороны братья за перо».

...я не могу обещать Вам прочесть руко-

пись в очень скором времени... — В письмах от 28 апреля, 11 ноября 1900 г. и 3 марта 1901 г. Никольская просила вернуть ей рукопись повести «Жажда счастья». В письме от 3 января 1901 г. М. П. Чехова сообщала Чехову в Ниццу: «Получила письмо от какой-то Никольской Елизаветы Алексеевны. Она просит меня, чтобы я нашла у тебя ее рукопись „Жажда счастья“, которую ты взял для прочтения. Она живет в Ялте. Я ответила, что нужно ждать твоего приезда» (*Письма М. Чеховой*, стр. 167).

В ответ на запросы Никольской Чехов сообщил ей, что рукопись потеряна (см. т. 10 *Писем*).

3087. Н. А. ЛЕЙКИНУ

9 апреля 1900 г.

Печатается по тексту: *Несобр. письма*, стр. 61. Впервые опубликовано: «Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке». П., 1927, стр. 387.

Спешу поздравить Вас с сорокалетием Вашей литературной деятельности... — 13 апреля 1900 г. отмечался 40-летний юбилей литературной деятельности Лейкина. Подроб-

ный отчет об этом юбилее напечатан в «Новом времени», 1900, № 8666, 14 апреля.

3088. Е. П. КАРПОВУ

20 апреля 1900 г.

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано: *Чеховский сб.*, стр. 71–72.

Ответ на письмо Е. П. Карпова от 28 марта и телеграмму от 20 апреля 1900 г.; Карпов ответил 2 мая (*Чехов, Лит. архив*, стр. 117–118).

...я долго не отвечал на Ваше письмо. — В письме от 28 марта Карпов писал: «Приехал вчера в Петербург и был повергнут князем в величайшее огорчение. Он сказал мне, что получил письмо от Вл. И. Немировича-Данченко, в котором тот пишет, что Вы передали ему права на постановку пьесы в Петербурге и в Москве и что поэтому пьеса „Дядя Ваня“ не может быть поставлена на императорской сцене в Петербурге. Ради бога, дорогой Антон Павлович, объясните, что сей сон значит? Ведь у меня есть Ваше письмо с согласием на постановку пьесы „Ваня“ на Александринской сцене и даже Ваше распределение ролей. Я так мечтал поставить эту пьесу, у нас в

труппе есть такие чудные исполнители, как Комиссаржевская, Давыдов, Варламов, Самойлов, Горев и др. Ведь такой Сони, как Вера Федоровна, Вы никогда не увидите! Ради господ, прошу Вас, не изменяйте своего решения отдать пьесу „Дядя Ваня“ нам и поскорей сообщите мне, когда Вы хотите видеть ее на Александринской сцене. Я предлагаю поставить „Дядю Ваню“ в конце ноября».

...поездка моя в Севастополь... — Чехов был в Севастополе на гастрольных спектаклях Художественного театра с 10 по 13 апреля и смотрел «Дядю Ваню», «Одиноких» Г. Гауптмана и «Эдду Габлер» Г. Ибсена. Рассказывая об этих днях жизни Чехова, М. Энгель вспоминал: «Объявили четыре пьесы, а в том числе — „Дядю Ваню“ и „Чайку“. Нигде в анонсах не упоминалось: „в присутствии автора“, — но все и так уже знали: Чехов будет.

Нечего и говорить о том, что билеты на все четыре спектакля расхватали мигом.

Спектакли начались. Антон Павлович прибыл на пароходе из Ялты в день первого спектакля, утром. Его встретили на пристани артисты труппы. Публика, стоявшая тут же, не

могла не видеть, как тепло и сердечно встретился Антон Павлович с артистами московского театра. Безграничной лаской веяло от всей его фигуры — со стороны казалось, что группа стоявших на пристани встретила родного, горячо любимого и любящего брата.

Антон Павлович поселился в гостинице на берегу моря. Разумеется, пребывание Антона Павловича в Севастополе не обошлось без „просителей“. Заходили странствующие антрепренеры потолковать о том о сем; юные литературные дарования являлись за советом и оценкой своих талантов. Одно из таких дарований обратило на себя внимание Антона Павловича, и произведение начинающего писателя появилось потом в одном из толстых журналов. Все посещавшие Антона Павловича были очарованы его вниманием и сердечностью. Было уже поставлено два спектакля, дошло дело до чеховских пьес.

— Вы будете сегодня в театре, Антон Павлович? — спросил я, имея умысел узнать, как настроен писатель в предвидении неизбежного „триумфа“, который ждет его в этот вечер. Обычная печальная улыбка появилась у

него на лице:

— Не хотелось бы страшно. Несомненно, публика сочтет необходимым благим матом выкликать „автора“. Выходить и расшаркиваться скучно, а не выйти — грешно обижать публику. — Однако, вечером Антон Павлович был в театре. Уселся в ложе за драпировкой в полной уверенности, что его никто не видит. Но у публики глаза зоркие... Она выследила писателя, — и все глаза повернулись к ложе. Тогда Антон Павлович поднялся и вышел. Я видел потом, как он пробрался в партер и скромно уселся в отдаленном ряду. Здесь он был в безопасности. Зрители, усаживаясь, толкали его, даже не извинялись и отнюдь не подозревали, что так близко возле них сидит Чехов! Однако Чехова в театре не утаишь. Кончился первый акт „Дяди Вани“, и едва опустился занавес, как в театре загремело:

— Автора!

К Чехову прибежал сперва один артист, потом другой:

— Антон Павлович, невозможно! Надо, голубчик.

И Антон Павлович уныло поплелся. Взвил-

ся занавес, и публика узрела на сцене Чехова. Он стоял, не приближаясь к рампе, смотрел на публику близорукими добрыми глазами и время от времени кланялся. Занавес опустили, но публика не унималась:

— Автора!

Опять подняли занавес. Антон Павлович вышел и ласково кланялся.

— Чехов нам кланялся! — с гордостью говорили потом в публике» (М. Энгель. Чехов в Севастополе. — «Русское слово», 1904, № 195, 15 (28) июля).

...приезд труппы Художественного театра в Ялту. — См. примечания к письмам 3089*, 3090*.

Я говорил с В. И. Немировичем-Данченко о «Дяде Ване»... — См. примечания к письму 3070*. В ответном письме Карпов так откликнулся на это сообщение Чехова: «Очень огорчился неожиданным оборотом дела с пьесой „Дядя Ваня“. Я удивляюсь В. И. Немировичу-Данченко! Что это за странная точка зрения собаки, лежащей на сене, которая сама не ест и другим не дает. „Может, мол, я еще и съем“. „Дядя Ваня“ у нас, конечно, мог пройти

не менее двадцати раз, если не больше, и только потому, что Данченко хочется показать, как они по мосту ездят вокруг и около „Дяди Вани“, он игнорирует Ваши интересы, и художественные и материальные. Что за безобразие! Зол я на него и на его великолепные бакенбарды несказанно!.. Погоди, попадетс я на мне!

Надеюсь, что Вы больше не попадетесь на его сладкогласие и следующую пьесу дадите возможность поставить и нам. Неужели только и свету, что в окне! Страшно мне досадно за то, что все это так случилось».

Будет ли Художественный театр когда-нибудь в Петербурге... — Первая гастрольная поездка Художественного театра в Петербург состоялась в феврале — марте 1901 г. Гастроли начались 19 февраля спектаклем «Дядя Ваня».

3089. В. С. МИРОЛЮБОВУ

20 апреля 1900 г.

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 361–362.

Открытка. Год устанавливается по почто-

вым штемпелям: Ялта. 20 IV.1900; Балаклава. 22 апр. 1900.

Ответ на телеграмму В. С. Миролубова из Балаклавы от 19 апреля 1900 г. (ГБЛ).

...шлю ответ на Вашу телеграмму. — В своей телеграмме Миролубов запрашивал: «Когда что пойдет добавочно».

В связи с тем, что гастролы Московского Художественного театра вызвали огромный интерес у ялтинской публики и билеты на все спектакли были распроданы в один день, дирекция театра решила дать дополнительно три спектакля. В «Крымском курьере» (1900, № 79, 7 апреля) сообщалось об этом: «Дирекция Московского Художественного театра решила дать в Ялте еще два, а может быть, и три спектакля. Будут повторены пьесы уже объявленного репертуара: „Одинокие“ и „Дядя Ваня“ и, может быть, и „Чайка“. Билеты поступят в продажу в магазине Синани со среды 12 апреля».

...«Чайка» пойдет во второй раз в воскресенье. — За время гастролей в Ялте (с 16 по 23 апреля) Художественный театр дал 8 спектаклей. Были поставлены по два раза спектакли:

«Чайка», «Дядя Ваня», «Одинокое», один раз «Гедда Габлер». О последнем спектакле, который состоялся 23 апреля и превратился в чествование Чехова, газета «Крымский курьер» писала: «В воскресенье состоялся последний спектакль труппы. Шла во второй раз „Чайка“ Чехова. Об исполнении „Чайки“ мы еще не говорили, а оно было почти во всем превосходное. Особенно хороши в „Чайке“ г-жа Книппер и г. Станиславский. Названная артистка превосходная исполнительница ролей *grande soquete*, ей очень удаются роли, не требующие горячности и драматизма, словом „высокая комедия“ находит в ней отличную исполнительницу. Ее игра — образец изящества и реализма. Еще больше похвалы должно направить г. Станиславскому, этому замечательному артисту и режиссеру.

После третьего действия всем артистам и А. П. Чехову была устроена грандиозная орация. Г. Чехову был поднесен за множеством подписей адрес, прочитанный С. А. Пивоваровым. Ф. К. Татаринова явилась на сцену и прочла посвященное А. П. Чехову приветственное стихотворение. Во время чествования ар-

тистов и г. Чехова на сцену сыпалось прямо-таки несметное количество лавровых венков и цветов, а также билетиков, на которых было напечатано приветствие артистам и дирекции.

После четвертого действия овации возобновились. Снова из зала посыпался на сцену дождь венков, цветов и гирлянд. Видимо тронутые и довольные, артисты ловили подношения и, в свою очередь, осыпали им публику. Завязалась в своем роде цветочная баталия, долго не прекращавшаяся <...>

Спектакли Художественного театра были праздником для большинства ялтинской интеллигенции, и, конечно, надолго останутся у нас в памяти» (24 апреля 1900 г.).

В субботу устраивается литературный вечер... — 22 апреля 1900 г. в ялтинском городском театре состоялся литературный вечер, данный Московским Художественным театром в пользу «Попечительства о нуждающихся приезжих больных» (см. примечания к письму 3074).*

3090. П. Ф. ИОРДАНОВУ

27 апреля 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Неизд. письма*, стр. 84.

П. Ф. Иорданов ответил 25 мая 1900 г. (ГБЛ).

Посылаю Вам немного книг ~ уже в Таганроге. — См. примечания к письму 3107*.

На Страстной неделе у меня приключилось геморроидальное кровотечение... — Это случилось 8 апреля.

На Святой неделе в Ялте был Художественный театр ~ так больше двух недель. — Об этих днях жизни Чехова К. С. Станиславский вспоминал: «Ежедневно, в известный час, все актеры и писатели сходились на даче Чехова, который угощал гостей завтраком.

У Антона Павловича был вечно накрытый стол либо для завтрака, либо для чая. Дом был еще не совсем достроен, а вокруг дома был жиденский садик, который он еще только что рассаживал.

Вид у Антона Павловича был страшно оживленный, преображенный, точно он воскрес из мертвых <...> Он все время двигался с места на место, держа руки назад, поправ-

для ежеминутно пенсне. То он на террасе, заполненной новыми книгами и журналами, то с несползающей с лица улыбкой покажется в саду, то во дворе. Изредка он скрывался у себя в кабинете и, очевидно, там отдыхал.

Приезжали, уезжали. Кончался один завтрак, подавали другой. Мария Павловна разрывалась на части, а Ольга Леонардовна, как верная подруга или как будущая хозяйка дома, с засученными рукавами деятельно помогала по хозяйству.

В одном углу литературный спор, в саду, как школьники, занимались тем, кто дальше бросит камень, в третьей кучке И. А. Бунин с необыкновенным талантом представляет что-то, а там, где Бунин, непременно стоит Антон Павлович и хохочет, помирает от смеха. Никто так не умел смешить Антона Павловича, как И. А. Бунин, когда он был в хорошем настроении <...>

Антон Павлович, всегда любивший говорить о том, что его увлекало в данную минуту, с наивностью ребенка подходил от одного к другому, повторяя все одну и ту же фразу: видел ли тот или другой из его гостей наш те-

атр.

— Это же чудесное же дело! Вы непременно должны написать пьесу для этого театра.

И без устали говорил о том, какая прекрасная пьеса „Одинокие“.

Горький со своими рассказами об его скитальческой жизни, Мамин-Сибиряк с необыкновенно смелым юмором, доходящим временами до буффонады. Бунин с изящной шуткой, Антон Павлович со своими неожиданными репликами, Москвин с меткими остротами — все это делало одну атмосферу, соединяло всех в одну семью художников. У всех рождалась мысль, что все должны собираться в Ялте, говорили даже об устройстве квартир для этого. Словом — весна, море, веселье, молодость, поэзия, искусство — вот атмосфера, в которой мы в то время находились.

Такие дни и вечера повторялись чуть не ежедневно в доме Антона Павловича» («А. П. Чехов в Московском Художественном театре» — *Станиславский*, т. 5, стр. 344, 345).

М. П. Чехова также вспоминала о пребывании Художественного театра в Ялте: «Трудно рассказать о радости тех прекрасных весен-

них дней 1900 года. У Антона Павловича подъем был необычайный. Он был веселым, довольным, остроумным. Почти все артисты театра с утра до вечера находились на нашей даче. В это же время в Ялту приехала целая группа известных писателей, среди них А. М. Горький, А. И. Куприн, Д. Н. Мамин-Сибиряк, И. А. Бунин и др. Они тоже целые дни проводили в нашем доме. Ольге Леонардовне пришлось много потрудиться, помогая мне в хлопотах по приему гостей; завтраки, обеды, чай чередовались друг за другом. Сколько веселья, смеха было во всех уголках дома и в нашем молодом садике. А сколько интересных, серьезных разговоров о литературе, искусстве, театре наслушалась я в те дни. Примостившись в уголке дивана, я с удивлением слушала увлекательные, красочные, порой грубоватые, рассказы Горького о своей жизни, о скитаниях по России. Тогда, в эти дни Алексей Максимович впервые познакомился с Немировичем-Данченко, Станиславским и всеми артистами Художественного театра. Антон Павлович достиг своей цели, усиленно приглашая Горького приехать в Ялту ко вре-

мени гастролей там Художественного театра. Горький увлекся театром и дал обещание написать свою первую пьесу.

С какой гордостью я повесила потом на стене в столовой, несмотря на протесты брата, поднесенные ему в ялтинском театре во время „Чайки“ три пальмовые ветви, перевязанные красной муаровой лентой с надписью: „Антону Павловичу Чехову, глубокому истолкователю русской действительности. 23 апреля 1900 г.“ В этот день в Ялте шел последний спектакль Художественного театра. На другой день вся труппа, простившись с Антоном Павловичем, уехала домой. В саду нашей дачи остались качели и скамейка из декораций „Дяди Вани“, напоминая о чудесных самых жизнерадостных днях из всей ялтинской жизни брата» (Письма М. Чеховой, стр. 155–156).

Что нового в Таганроге? Разрешен «Гелиос»? — О «Гелиосе» Чехову сообщил А. Б. Тарховский в письме от 22 марта 1899 г.: «У нас на днях сдана концессия обществу „Гелиос“ на сооружение здесь <в Таганроге> водопровода, канализации, трамвая и электрического

освещения» (ГБЛ). На поставленные Чеховым вопросы Иорданов ответил в письме от 25 мая: «Городские дела идут возмутительно, мы все еще сидим в проектах и не двигаемся вперед: „Гелиос“ — это кельнское солнце (продукт, вроде поприщинской гамбургской лунны) — до сих пор только врет и ничего не делает.

Остальные высокие прожекты — пока в этом же роде, а тем временем донцы-молодцы нас стригут, бреют и кровь отворяют <...>

Наша общественная жизнь Вам известна: все та же мертвечина. Единственное утешение — библиотека, хотя она также мало пользуется вниманием публики, тем не менее, приятно чувствовать, что она превращается в нечто очень приличное».

3091. А. Ф. МАРКСУ

27 апреля 1900 г.

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано: *Новые письма*, стр. 113–115.

Ответ на письма А. Ф. Маркса от 15 и 21 апреля 1900 г.; Маркс ответил 2 мая (ГБЛ).

Корректуру я читаю... — В письме от 15

апреля Маркс сообщал Чехову: «Сегодня Вам выслана последняя корректура всего второго тома. Будьте любезны ее возвратить подписанной к печати возможно скорее, после чего типография не замедлит набрать остальную часть 3-го тома и вышлет Вам весь этот том». Предыдущую корректуру второго тома собрания сочинений Чехов переслал в Петербург с В. А. Поссе, который сообщал Чехову 3 апреля 1900 г.: «Был у Маркса. Сам Адольф Федорович принять меня не соблаговолил, заставив прождать около получаса, а поручил переговорить со мной г. Гренбергу (или что-то в этом роде). Я передал этому господину Ваши корректуры и Ваши желания. „Гренберг“ <т. е. Ю. О. Грюнберг> обещал приостановить восхваляющие Вас рекламы, относительно же выпуска Ваших произведений под общим названием „Рассказы“ ответил очень уклончиво: у нас, мол, по этому поводу была уже большая переписка. Он, вероятно, напишет Вам по этому поводу» (ГБЛ).

...передал ему Ваше приглашение работать в «Ниве»... — В письме от 21 апреля Маркс обратился к Чехову со следующей просьбой:

«Мне было бы весьма желательно приобрести для моего журнала сотрудничество М. <ошибка в подлиннике> М. Пешкова (М. Горького). Об этом Р. И. Сементковский, редактор „Нивы“, писал г. Пешкову, но не будете ли Вы любезны оказать нам некоторое содействие? М. М. Пешков находится теперь в Ялте, Вы с ним, насколько мне известно, состоите в дружеских отношениях, и я был бы Вам очень благодарен, если бы при личном с ним свидании Вы замолвили несколько слов в пользу удовлетворения просьбы Р. И. Сементковского и моей.

Полагаю, что огромная аудитория, которую „Нива“ доставляет писателю, может и должна служить для него достаточно веским мотивом для помещения своих произведений в этом журнале, который к тому же в рядах своих подписчиков имеет, можно сказать без преувеличения, весь наш средний интеллигентный круг читателей».

...пообещал выслать Вам рассказ... — М. Горький не печатался в «Ниве».

...прошу освободить мои рассказы от таких названий... — Чехов не раз просил Маркса

озаглавить отдельные тома своего собрания сочинений одним названием — «Рассказы» (см. примечания к письмам в т. 8 Писем). Однако в письме к Ю. О. Грюнбергу от 1 ноября 1899 г. Чехов сам предложил для второго тома собрания сочинений название «Были и небывлицы» (см. т. 8 Писем). По поводу этого названия Маркс писал Чехову 2 мая: «Мне очень досадно возникшее недоразумение по поводу названия „Были и сказки“. Вы, вероятно, припомните, что единственное, что мне казалось желательным, это чем-либо отличать один том от другого, но я вовсе не имел в виду настаивать на сохранении названия „Были и сказки“, которое, напротив, и мне казалось не совсем подходящим, и я Вам не писал об этом потому, что не хотел Вас вновь беспокоить по этому вопросу. Теперь, согласно Вашему желанию, я распорядился, чтобы для всех томов было сохранено общее название „Рассказы“, „Повести и рассказы“ и „Повести“».

3092. В. А. ГОЛЬЦЕВУ

29 апреля 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые

опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 81.

Открытка. Год устанавливается по почтовым штемпелям: Ялта. 30 IV.1900; Москва. 3 V.1900.

В. А. Гольцев ответил 3 мая 1900 г. (ГБЛ, ф. 77, карт. 10, ед. хр. 44; «Памяти Виктора Александровича Гольцева». СПб., 1910, стр. 138).

На Святой приезжал Художественный театр, играл «Чайку» и «Дядю Ваню»... — См. примечания к письмам 3089*, 3090*. В анонимном обзоре «Спектакли Московского Художественного театра в Ялте» («Крымский курьер», 1900, 17 апреля) автор писал о спектакле «Дядя Ваня»: «В воскресенье при переполненной зале состоялось первое представление „Дяди Вани“. <...> „Дядя Ваня“, как и все творения Чехова, — простые сцены будничной жизни; как и все его произведения, пьеса эта отличается поразительной простотой и безыскусственностью. Отсутствие всякой вычурности составляет в ней сильный контраст с обычным бытовым репертуаром. Театр <...> почти при полном отсутствии „театральности“ составляет очень крупное явление в искусстве, и Чехов на живом примере показы-

вает, до какой степени можно приблизить сценическую передачу к жизни, как много можно уменьшить условность в исполнении драматического произведения. Репертуар, подобный чеховскому, мыслим, однако, при таком сильном союзнике, как ансамбль и антураж Художественного театра. Глядя на представление „Дяди Вани“ и наслаждаясь умной, тонкой, до мелочей продуманной его обстановкой, можно судить, что эта же пьеса, эти серые, будничные, но подавляющие сцены при великолепной игре отдельных исполнителей, но без надлежащего ансамбля, почти ничего не дали бы зрителю. Полнейшее отсутствие аффектации, замечательная простота исполнения, никогда не виденная нами на сцене. Артисты сознательно и беспощадно устраняют все неординарное, лишая себя так называемых выигрышных моментов с единственной целью, которая представляет главную их задачу: достижения наиболее верной, наиболее жизненной передачи, так как обыкновенные люди живут, страдают и умирают просто, без классических поз, не так, как фигурируют Гамлет и Лир.

<...> Сильное, подавленное впечатление оставил „Дядя Ваня“! После второго действия среди шумных вызовов артистов стало слышаться слово „автора“! После третьего действия вызовы автора сделались очень настоятельные, и, наконец, на сцене во главе артистов появился А. П. Чехов. Он выходил также раскланиваясь с публикой и по окончании пьесы».

...две недели прошли как в тумане. — См. примечания к письму 3090*.

...я приеду в Москву в начале мая. — Чехов приехал в Москву 8 мая.

3093. В. С. ТЮФЯЕВОЙ

29 апреля 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 68, стр. 230.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 30 IV.1900; С.-Петербург. 3 V.1900.

Ответ на письмо В. С. Тюфяевой от 19 апреля 1900 г. (ГБЛ).

...дай бог Вам и здоровья, и счастья, и хорошего жениха. — О знакомстве Чехова с В. С.

Тюфяевой см. примечания к письму 3080*. В письме к Чехову от 2 декабря 1901 г. Тюфяева вспоминала о их кратковременном знакомстве: «Вы, наверное, удивитесь, получив письмо от какой-то неизвестной Пассек. Да оно и понятно, так как неизвестная Пассек стала Ваша мимолетная знакомая Вера Сергеевна Тюфяева. Помните, весной 1900 г. я провела в Ялте 1 1/2 месяца, и мы много гуляли и беседовали. Одним словом, я та самая незнакомка, которая привезла Вам письмо от М. О. Меньшикова. Теперь вспоминаете? Если забыли, то грустно очень, если помните — большое спасибо» (ГБЛ).

Я ел Ваши конфеты два дня... — 19 апреля Тюфяева писала Чехову: «Посылаю Вам немного „сладенького“. Буду бесконечно рада, если Вы в дождливый, скучный день, сидя у себя в уютном кабинете, будете кушать „конфетки“ (я, кажется, впала в тон Л. И. <Веселитской>, ну ничего — Вы лишний раз посмеетесь) и подумаете о петербургской жительнице, которая постоянно вспоминает о нашем кратковременном знакомстве, которое оставило неизгладимый след в моей жизни. Толь-

ко, ради бога, не считайте меня за восторженную, сентиментальную девицу».

В Ялте уже совсем весна, тепло, зелено... — В выше названном письме Тюфяева писала: «Привет мой Вашей скинии и садику с одинокими деревьями. Особенно березке и вербочке. Я часто мысленно переносусь к Вам <...> Ваше благословение запало глубоко в мою душу...»

...я удираю в Москву... — Чехов пробыл в Москве с 8 по 17 мая 1900 г.

Был здесь Моск<овский> Художественный театр ~ опять пусто. — О гастролях Художественного театра в Крыму см. примечания к письмам 3089*, 3090*.

...был нездоров... — 8 и 13 апреля. О последнем недомогании Чехова К. С. Станиславский вспоминал: «„Чайки“ Антон Павлович в Севастополе не смотрел — он видел ее раньше, а тут погода изменилась, пошли ветры, бури, ему стало хуже, и он принужден был уехать» (Станиславский, т. 5, стр. 343).

...был занят с актерами ~ совсем угорел... — Подробнее об этом см. примечания к письму 3090*.

...был в Севастополе... — С 10 по 13 апреля.
См. письмо 3088*.

Карточка Ваша великолепно, она мне очень нравится... — Вместе с письмом Тюфяева прислала Чехову свою фотографию и журнал «Женское дело».

В архиве (ЦГАЛИ) имеется фотография Чехова (Ялта. «Юг») с его автографом: «Вере Сергеевне Тюфяевой на добрую память об Ялте, о дорогом обеде, о дожде, а главное — об ялтинском обывателе.

2 900 — Ялта. IV

А. Чехов» (ЛН, т. 68, стр. 287).

3094. В. М. ДОРОШЕВИЧУ

30 апреля 1900 г.

Печатается по тексту: «Русь», 1904, № 341, 21 ноября (4 декабря), стр. 3, где опубликовано впервые, в заметке «Дело В. М. Дорошевича».

Телеграмма. Датируется по телеграмме В. М. Дорошевича от 29 апреля 1900 г., на которую отвечает Чехов (ЛН, т. 68, стр. 231).

Приехать не могу. — В телеграмме Дорошевича содержалась просьба: «Десятого мая мое дело в Одессе. Все сроки вызова свидетеле-

лей пропустил, должен вызывать сам. Очень прошу, если можно, приехать свидетелем. Телеграфируйте ответ».

Рассчитывайте на оправдательный приговор. — Речь идет о судебном процессе, начатом А. С. Фельдманом против В. М. Дорошевича. Последний весной 1897 г. был на Сахалине и осенью поместил в «Одесском листке» ряд очерков, где описывал сахалинские порядки, в частности, деятельность смотрителя Дуйской тюрьмы Фельдмана. Фельдман, живший в это время в Херсоне, в открытом письме в редакцию «Новороссийского телеграфа» (1897, № 7321, 2 декабря), напечатанном под заголовком «О Сахалине г. Дорошевича», обвинил автора очерков в клевете. Судебный процесс длился несколько лет и закончился в 1904 г. оправданием Дорошевича (подробнее об этом см. «Русь», 1904, № 341, 21 ноября, а также стр. 796 в т. 14–15 Сочинений).

3095. М. И. СУХОМЛИНОВУ

3 мая 1900 г.

Печатается по автографу (Арх. АН СССР. Ленинград. Черновик письма — ЦГАЛИ, ф. С. М.

Чехова). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 364.

...диплом на звание Почетного Академика.

— В настоящее время хранится в ЦГАЛИ.

К избранию в Почетные Академики я имею честь предложить... — Из предложенных Чеховым лиц в почетные академики прошли только С. В. Максимов и П. Д. Боборыкин. О процедуре голосования и о результатах его см. в примечаниях к письму 3229*.

3096. Е. Я. ЧЕХОВОЙ

9 мая 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: «Красный архив», 1929, № 6 (37), стр. 117.

Написано на фирменной бумаге московской гостиницы «Славянский базар».

...вчера я приехал в Москву... — «Новости дня», 1900, № 6094, 11 мая, в отделе «Хроника», поместили информацию: «В Москву приехали А. П. Чехов и Вас. И. Немирович-Данченко». О пребывании Чехова в Москве в мае 1900 г. см.: С. А-в. Ключки воспоминаний. — «Театр», 1915, № 1702, 1 и 2 июля.

...с другой Машей. — Вероятно, речь идет о домашней работнице М. Т. Шакиной.

Я приеду с нею или немного позже. — Чехов выехал из Москвы в Ялту 17 мая.

...я чувствую себя здесь очень хорошо. — В своем дневнике А. С. Суворин описал один день — 13 мая 1900 г., который он провел с Чеховым в Москве (дневниковая запись от 15 мая 1900 г.): «12-го, в пятницу, выехал в Москву, 13-го, в субботу, провел с Чеховым. Он мне телеграфировал в Петербург, что приехал в Москву. Целый день с ним. Встретились хорошо и хорошо, задушевно провели день. Я ему много рассказывал. Он смеялся. Говорил о продаже им сочинений Марксу. У него осталось всего 25 тысяч рублей.

— Не мешает ли вам то, что вы продали свои сочинения?

— Конечно, мешает. Не хочется писать.

— Надо бы выкупить, — говорил я ему.

— Года два надо подождать, — говорил он, — я к своей собственности отношусь довольно равнодушно.

Ездили на кладбище. Пошли на могилу его отца. Долго искали. Наконец, я нашел. Потом

поехали в Данилов, где могила Гоголя. Видели, что на камне кем-то нацарапанные надписи, точно мухи напакостили. Любят люди пакостить своими именами. Он проводил меня на железную дорогу. Он поправился. Зимой было всего одно кровохарканье, и то маленькое <...> Я с Чеховым чувствую себя превосходно. Я на 26 лет старше его. Познакомились мы с ним в 1886 году.

— Я тогда был молод, — сказал я.

— А все-таки на 26 лет и тогда были старше» (*Дневник Суворина*, стр. 240).

3097. А. Ф. МАРКСУ

11 мая 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 175.

Ответ на письмо А. Ф. Маркса от 2 мая 1900 г. (ГБЛ).

...рассказ я вышлю Вам, как только напишу его. — Еще в письме от 15 апреля 1900 г. Маркс напоминал Чехову: «Я несколько раз выражал Вам мое сердечное желание иметь возможность печатать в „Ниве“ Ваши новые произведения. Эту мою просьбу Вы сначала в

письме, а затем во время нашего свидания в Петербурге — обещали исполнить. Позволяя себе сослаться на это Ваше любезное обещание, я очень Вас прошу не отказать в присылке мне для напечатания в „Ниве“ или в „Литературных приложениях“ хотя одного из ближайших новых Ваших произведений. Весьма меня обяжете сообщением, когда я могу рассчитывать на получение просимой рукописи. В последнее время я встречал Ваши вещи в „Русской мысли“ — две и в „Жизни“ — одну, надеюсь, что у Вас найдется что-нибудь готовое — для „Нивы“». В письме от 2 мая Маркс опять обращался к Чехову с просьбой: «Очень прошу Вас сообщить, имеете ли Вы что-нибудь готовое для „Нивы“ и можно ли рассчитывать на скорое получение рукописи». Чехов не выполнил свое обещание: рассказ для «Нивы» не был написан.

Возвращусь я в Ялту между 15 и 20 мая... — Чехов уехал из Москвы в Ялту 17 мая. В «Крымском курьере» (1900, № 111, 20 мая) было напечатано сообщение: «19 мая Чехов возвратился из поездки в Москву».

М. Горькому письмо Ваше передано. —

Письмо Маркса от 21 апреля 1900 г. (см. примечания к письму 3091*).

Его зовут Алексеем Максимовичем... — В выше названном письме Маркс называл М. Горького — М. М. Пешковым.

3098. Е. П. ГОСЛАВСКОМУ

15 мая 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Неизд. письма*, стр. 61.

Ответ на письмо Е. П. Гославского от 15 мая 1900 г. (ГБЛ).

В конце августа опять буду в Москве... — Чехов выехал в Москву 21 октября.

Если летом буду в Москве ~ побываю у Вас. — В своем письме Гославский выражал желание встретиться с Чеховым: «Простите, что я так и не собрался написать Вам. Сами же Вы писали, что нам удобнее говорить. Я только что приехал из Петербурга и, узнав, что Вы здесь, всюю душою жажду Вас видеть. Дайте же мне Вас видеть и слышать».

Ваше письмо я получил сегодня... — В конце письма Гославский сделал приписку, из которой явствует, что он принес его Чехову

сам.

3099. О. Л. КНИППЕР

20 мая 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 82.

В том же конверте было послано и письмо М. П. Чеховой к Книппер.

О. Л. Книппер ответила 29 мая 1900 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 147).

Я, пока ехал в Ялту, был очень нездоров. — Чехов выехал из Москвы в Ялту 17 мая. Книппер писала ему на следующий день: «Вы вчера уехали ужасно расстроенный, милый писатель. Почему? Мне это не дает покоя, и захотелось написать хоть несколько слов» (*Переписка с Книппер*, стр. 145).

Как Левитан? — И. И. Левитан был в это время тяжело болен. В «Новостях дня» (1900, № 6102, 19 мая), в отделе «Хроника», была напечатана информация: «Нам сообщают, что известный пейзажист И. И. Левитан серьезно заболел». Находясь в Москве, Чехов навестил больного художника. В письме от 20 мая А. Н. Турчанинова, ухаживающая за больным, из-

вещала уехавшего Чехова о состоянии здоровья Левитана: «Антон Павлович, с Вашего отъезда температура каждый день поднималась до 40, вчера 41, упадок полный. Мы совсем теряем голову. Приглашен еще доктор, который бывает по вечерам <...> Сегодня утром температура пала до 36,6. Вздохнули мы, но к вечеру опять поднимается, что-то будет, ужас закрадывается в душу, но я не унываю. Не верю, что не выхожу. Не могу больше писать. Анна» (ГБЛ). В письме, посланном вместе с комментируемым письмом Чехова, Мария Павловна писала: «Как жаль Левиташу. Антоша говорит, что он очень плох» (там же). И. И. Левитан умер 22 июля 1900 г.

Узнал, что Маша шлет Вам письмо... — См. выше.

3100. П. В. УНДОЛЬСКОМУ

20 мая 1900 г.

Печатается по тексту: ПССП, т. XVIII, стр. 366, где опубликовано впервые по «копии АМЧ» и «датировано М. П. Чеховой по почтовым отметкам на денежном переводе» (там же, стр. 555). Местонахождение автографа

неизвестно.

Ответ на письмо П. В. Ундольского от 6 мая 1900 г.; Ундольский ответил 29 мая (ГБЛ).

...уезжал в Москву... — Чехов был в Москве с 8 по 17 мая 1900 г.

Посылаю сегодня 500 р., остальные — завтра. — Ответ на просьбу Ундольского, писавшего 6 мая: «С самой Пасхи я собирался выехать к Вам за получением денег на постройку Мухалатской школы, но вот уже почти и половина мая, а я все не могу выбрать времени для этой поездки. Ранее не позволяли отлучиться служебные обязанности, а теперь окончательно связала меня самая постройка. Чтобы ускорить и упорядочить ход работ, я после Пасхи вынужден был перебраться в Мухалатку и только на праздники явлюсь домой для службы. За последние дни постройка очень быстро подвинулась: оконные коробки уже поставлены и в 20-х числах этого месяца каменная кладка, вероятно, будет закончена. Большая часть лесных материалов также доставлена на места, окна и двери готовы. На будущей неделе начнется кладка перемычек, далее постройка балок и стропил — работы

настолько серьезные, что отлучиться в Ялту мне будет положительно невозможно, а между тем в зависимости от хода работ быстро расходуются и деньги. Ввиду этого я вынужден просить Вас не отказать выслать почтой обещанных Вами 1000 р., за вычетом пересылочных». В ответном письме Ундольский извещал о получении денег и благодарил Чехова: «Глубоко благодарен Вам за высланные Вами 997 р. 50 коп. на постройку Мухалатской школы. С своей стороны я употреблю все старания по сбору пожертвований в уплату этого займа. Постройка школы идет очень успешно.» См. также письмо 2994*.

3101. С. Х. ВЕКСЛЕРУ

13 июня 1900 г.

Печатается по тексту: *Письма*, т. VI, стр. 82, где опубликовано впервые, по автографу. Нынешнее местонахождение автографа неизвестно.

Вальс, посвященный мне ~ я получил. — С. Х. Векслер прислал Чехову авторский экземпляр сборника своих вальсов с дарственной надписью: «Автору бессмертной „Чайки“ — А.

П. Чехову». Об этом издании сообщалось в «Крымском курьере» (1900, № 144, 29 июня): «Вышедшие из печати новые салонные вальсы местного композитора г. Векслера „Чайка“ (посвящен Чехову) и „Трильби“ обладают красивыми и оригинальными мелодиями и очень изящно изданы. Несмотря на то, что вальсы эти недавно выпущены в свет, они приобрели уже популярность».

3102. М. О. МЕНЬШИКОВУ

13 июня 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Чехов, *изд. Атеней*, стр. 129–130.

Ответ на письмо М. О. Меншикова от 18–25 апреля 1900 г.; Меншиков ответил 17 июня (ГБЛ).

Вы писали, что приедете... — В своем письме к Чехову от 18 апреля Меншиков сделал приписку, датированную 25 апреля: «Дорогой Антон Павлович, решено, что в этот понедельник, 1-го мая, я еду в Крым! Ради всемогущего, если Вы не будете в Ялте между 3 и 10 мая, то дайте мне телеграмму сейчас же по

получении этого письма. Мне не только хочется Вас видеть, но и нужно».

...потом два раза уезжал... — За это время А. П. Чехов побывал в Москве (8-17 мая) и участвовал в поездке по Кавказу. О последней М. П. Чехова писала О. Л. Книппер 29 мая: «Вчера проводили Антошу на Кавказ. Он поехал в компании с Срединым, Горьким, Алексиным и Васнецовым, художником. Они сговорились насчет этой поездки как-то быстро, быстро и собрались. Маршрут их следования: Новороссийск, Владикавказ, Военно-Грузинская дорога, Тифлис, Батум и обратно Ялта. Уехал Антон больше от того, что нагрянули, совершенно неожиданно, не предупредивши, родственники — Миша с женой, ребенком и нянькой. Шумно и неинтересно. На днях приезжает Ваня, тоже с семейством... Мишу провожаем в Гурзуф до 20 июня» (ГБЛ). Об этом путешествии Е. П. Пешкова вспоминала: «Антон Павлович участвовал в поездке на Кавказ, на которую его вдохновил Алексей Максимович своими восторженными рассказами о величественных красотах Кавказа. В этой поездке участвовали, кроме Алексея Макси-

мовича и Антона Павловича, — Виктор Михайлович Васнецов, доктор Александр Николаевич Алексин и Леонид Валентинович Средин. 11 июня 1900 г. они вернулись из этой поездки» (ЛН, т. 68, стр. 614).

...Вас все нет и нет. — О причине, по которой Меньшиков не поехал в Ялту, сообщалось в ответном письме: «В начале мая я совсем было собрался в Ялту, как вдруг приходит телеграмма от Веры Тюфяевой, что Вас нет в Крыму. Она только что получила письмо Ваше, где Вы пишете (в конце апреля), что уезжаете в Москву. Я в унынии опустил крылья. Из газет потом было видно, что Вы действительно были в Москве, около Левитана, но московского адреса Вашего я не знаю. Решил, что письмо мое — вопросительное — ждет Вас в Ялте и прекрасный план мой повидаться с Вами и южным берегом рухнул. А тут подошли болезни и тревоги».

...когда Вы приедете в Крым... — Меньшиков был у Чехова в Ялте в конце июля 1900 г.

...напрасно она вступилась за меня... — 18 апреля Меньшиков писал: «Вера Тюфяева обидела меня предположением, будто Венге-

ровы хотели на Вас взвалить своего больного. Но у них не было и тени подобного умысла, и я не мог бы дойти до такой неделикатности. Все знают, как Вы нуждаетесь в покое и свободе от всяких дрязг».

Ваше обращение ко мне насчет студ<ента> Венгерова... — См. письмо 3080 и примечания к нему*.*

Передайте Лидии Ивановне, что я вышлю ей карточку... — Чехов имеет в виду следующие строки письма Меншикова от 18 апреля: «Вера Тюфяева в восхищении необыкновенном от знакомства с Вами подарила мне бутылку розового муската в виде гонорара за это знакомство и просто сияет, когда вспоминает о Вас. Видел ее, впрочем, мельком, и она просила зайти еще раз, чтобы поговорить о Вас. Карточка Ваша, подаренная ей, возбудила грустные чувства в Лидии Ивановне Веселитской, которая так и не дождалась обещанного». К этому месту письма Меншикова Л. И. Веселитская сделала приписку: «Никаких грустных чувств не возбудила, потому что я ее и не видела, а только очень жалею, что до сих пор не получила карточки» (о фотогра-

фии см. письмо 3093*). Чехов подарил свое фото Веселитской с дарственной надписью от 2 августа 1900 г. (ИРЛИ).

...обращаться в фотографию не совсем удобно ~ мои карточки дают даром... — Об этой ялтинской фотографии М. К. Первухин писал: «...Чехов был довольно частым посетителем тогда только что возникшей „художественной фотографии“ С. В. Дзюбы — „Юг“, помещавшейся на набережной в доме Овчинниковых. Большинство фотографий последнего периода жизни Чехова относится именно к работе этой фотографии» (М. К. Первухин. Из воспоминаний о Чехове. — Чехов в воспоминаниях, стр. 609).

Как «Неделя»? — В ответном письме от 17 июня Меньшиков рассказывал о положении дел в редакции «Недели»: «Не скрою <...>, что кроме давнего желания увидеть Вас и поговорить, у меня было и серьезное к Вам дело. Нынешние собственники „Недели“ поручили мне убедительно просить Вас дать что-нибудь для журнала. Просили меня именно съездить к Вам и добыть если не рукопись, то обещание. Легко сказать! Но выложив все

условия, я все-таки взялся попытаться. Теперь дело так стоит: если есть какая-нибудь возможность для Вас дать „Неделе“ повесть или рассказ, то я приехал бы просить Вас об этом и условиться. Если же нет, решительно и бесповоротно, может Вы не хотите, чтобы я навес-тил Вас, и для меня это будет очень грустно. Должен предупредить, что товарищество, ко-торому Гайдебуров продал „Неделю“, люди несравненно более надежные и даже более честные, чем он. Они, по их словам, решили во что бы то ни стало упрочить журнал и де-нег для этого не жалеют. Гонорар охотно вы-плачивают вперед. Но беда в том, что пра-вительство их не утверждает издателями: они — евреи, и товариществам вообще нынче журналы разрешаться не будут, как мне ска-зал Шаховской. Приходится искать издателя; они настаивают, чтобы я взял это на себя, внося в товарищество известный пай, но и я очень боюсь запутаться в несвойственном мне деле и пока отказываюсь. Гайдебуров в Париже; есть опасность с появлением его раз-ных прожектов и взысканий. Так что „Неде-ля“ еще в шатком положении и возможны

всякие неожиданности».

3103. П. Ф. ЯКУБОВИЧУ (МЕЛЬШИНУ)

14 июня 1900 г.

Печатается по тексту: *ПССП*, т. XVIII, стр. 368–369, где опубликовано «по подлиннику *ГБЛ*». Впервые опубликовано: «Русское богатство», 1910, № 1, стр. 226. Нынешнее местонахождение автографа неизвестно.

Ответ на письмо П. Ф. Якубовича от 29 мая 1900 г. (*Записки ГБЛ*, вып. VIII, стр. 83–84); Якубович ответил 22 июня (*ГБЛ*).

Я глубоко уважаю Н. К. Михайловского с тех пор, как знаю его... — 6 апреля 1900 г. отмечался 40-летний юбилей литературной деятельности Н. К. Михайловского. В этот день в 1860 г. появилась в печати первая его статья — критический этюд об отрывке из романа И. А. Гончарова «Софья Николаевна Беловодова», напечатанная в журнале «Рассвет». В связи с этим юбилеем Якубович в письме от 29 мая обратился к Чехову с предположением: «15 ноября текущего года кружком писателей в Петербурге предложено чествовать сорокалетие писательской деятельности

Ник<олая> Конст<антиновича> Михайловско-го изданием литературного сборника (беллетристического, публици<стического> и науч<ного> содержания), выручка от которого пойдет в Литературный фонд на основании особого капитала имени Михайловского. Нам обещаны пока статьи В. Г. Короленко, С. Н. Южакова, В. И. Семевского, Кареева и некот<орых> др<угих> лиц, но желательно, конечно, привлечение широкого круга писателей и прежде всего — Вашего имени, которое является украшением современной русской литературы. Я лично вполне уверен, что, несмотря на всю независимость своего литературного пути, Вы, тем не менее, с полным уважением относитесь к деятельности Михайловского, а потому и не откажетесь, быть может, в его лице почтить свободную русскую мысль внесением своей лепты в предложенный сборник».

...до 1-15 октября ~ я едва ли буду писать что-нибудь новое... — Отклик на слова Якубовича, писавшего по поводу срока представления рукописей: «Крайний срок для представления рукописей 1-15 октября, но я очень про-

сил бы Вас, многоуважаемый Антон Павлович, *теперь же* ответить мне утвердительно или отрицательно, имеете ли Вы в виду что-нибудь дать для сборника?» О сжатых сроках представления рукописей Якубович писал в ответном письме: «Конечно, дело затеяно довольно-таки поздно, срок недостаточен, и сборник от этого сильно пострадает, но что же делать!»

...книга, которая вся будет состоять из статей ~ случайного характера... — О составе намечающегося сборника Якубович писал 22 июня: «Я перечислю Вам некоторые обещанные статьи, из заглавий которых Вы можете видеть отчасти и характер будущей книги: 1) Н. Кудрина — „Общее значение Мих<айловского> в русской литературе“; 2) Южакова — „Михайловский и Успенский“, 3) Венгерова — „Мих<айловский> как литературный критик“; 4) Пешехонова — „Живые цифры Гл. Успенского“; 5) Горнфельда — „Эстетические взгляды Успенского“; 6) Мокотина — о Радищеве; 7) Кареева — об исторических взглядах Лаврова; 8) В. И. Семевского — о деле петрашевцев и т. д. В отделе беллетристики: рас-

сказы — Короленко (уже имеется, очень поэтическая вещь), Дмитриевой, Елпатьевского, Баранцевича, Мельтина; полуобещал Златовратский. С Маминым-Сибиряком, к сожалению, никак не могли еще снестись, но он, конечно, *должен дать* <...> Лев Толстой, к великому сожалению, отказался под предлогом, что уже раньше отказал очень многим сборникам. Я думаю, Антон Павлович, что в таком сборнике Вы непременно должны участвовать. Хоть самый маленький рассказик дайте, важно, чтобы Чехов не отсутствовал в нашей компании! Я гляжу на это дело как на Ваше столько же, как и наше, и потому теряю всякую совесть, всякую деликатность и вопию: голубчик Антон Павлович, постарайтесь! Поборите свою летнюю неохоту работать и напишите, напишите что-нибудь!» Юбилейный сборник, посвященный 40-летию литературно-публицистической деятельности Михайловского («На славном посту. 1860–1900». СПб., 1901), вышел без участия Чехова.

...попытался бы внушить Вам ~ недоверие к сборникам и альманахам... — В ответном

письме Якубович излагал свою точку зрения на юбилейные сборники: «Вполне — и давно уже — разделяю Ваш скептицизм относительно благотворительных сборников и альманахов <...>. Но на предполагаемый сборник в честь Н. К. Михайловского мы глядим иными глазами: сорокалетие писательской работы, этой борьбы без роздыха и без примирения, борьбы за однажды — еще в ранней юности — намеченный идеал, — как хотите, Антон Павлович, это зрелище редкое и трогательное, это в своем роде праздник русской литературы, к которому даже и враги — честные враги — должны отнестись почтительно. Поэтому и задуманный сборник есть не своего рода стрижка овец — литераторов, а для них самих дорогое и приятное дело. Я думаю, каждому из нас, с одной стороны, хотелось бы, конечно, дать в такой сборник хорошую вещь, но с другой — тяжело было бы и совсем ничего не дать, остаться в стороне...

Вы лично, глубокоуважаемый Антон Павлович, стояли всегда поодаль от боевой, политической струи в нашей литературе, равно далеко от правого и левого ее лагеря, — шли

самостоятельной дорогой большого художника; но я, тем не менее, всегда чувствовал и верил, что самая дорогая святыня для Вас — это родная литература и тот бог, которому она всегда неизменно служила, — правда. Вот почему мне и думалось (и я так рад, так счастлив, что не ошибся!), что Вы должны уважать Михайловского. Часто он ошибался, погрешал (да кто же не погрешал?), увлекался, но кто же за последние 30 лет (после смерти Писарева) с такой страстью, умом и талантом служил этому богу русской литературы — правде?»

3104. А. И. ПЕТРОВСКОМУ

19 июня 1900 г.

Печатается по тексту: *Письма*, т. VI, стр. 83. Впервые опубликовано: «Приазовская речь», 1910, № 260, 30 января, в заметке А. И. Петровского «К воспоминанию о Чехове».

Ответ на письмо А. И. Петровского от 10 июня 1900 г.; Петровский ответил 3 июля (ГБЛ).

Рассказ Ваш очень хорош... — В своем письме Петровский обращался к Чехову с прось-

бой: «Простите меня великодушно за мою смелость. Решаюсь беспокоить Вас по следующему поводу: прочтите, если возможно для Вас уделить этому 1/2 часа, мой рассказ и скажите откровенно — хорошо ли это или совсем плохо и стоит ли продолжать? Я Вас (и Вас одного) послушаю. Если мой присыл и моя просьба очень затруднили Вас — не осуждайте меня очень, а просто оставьте рассказ без прочтения, а письмо без ответа».

...он ~ длинен, в нем много ненужных подробностей... — В ответном письме Петровский писал: «Не могу не поблагодарить Вас от всей души за благосклонное и искреннее мнение о моем рассказе: Ваши слова ободрили меня, и я постараюсь воспользоваться Вашими указаниями». Позднее А. И. Петровский вспоминал о своей переписке с Чеховым: «В то время я еще писал рассказы, безбожно подражая Чехову и отчасти Толстому, и так как, в общем, выходило грамотно и складно, а порою и искренно, то мне казалось, что в конце концов я могу сделаться настоящим писателем, т. е. таким, произведения которого значительны и нужны для людей. Все-таки я со-

мневался и потому решил за разрешением сомнений (помню — для меня тогда очень мучительных) обратиться к Чехову, в искренность и художественное чутье которого я всецело верил. 15-го <!> июня 1900 года я послал Чехову в Ялту один из моих рассказов, напечатанных раньше в „Приазовском крае“, при письме с убедительной просьбою — ответить по совести, чего стоит рассказ. Я знал, что Чехов болен, понимал, что не деликатно приставать к нему за разрешением вопроса, важного только для одного меня; но, повторяю, очень уж я мучился сомнениями (да и сказать по правде — в самом отдаленном уголке души все же надеялся: авось Чехов меня похвалит). <...> 22-го июня, т. е. *через неделю* по отправке письма, я уже держал в руках небольшой конверт со штемпелем „Ялта“, на котором бисерным почерком был изображен мой адрес. Письмо было от Чехова с датой „19-го июня 1900 г.“

— Как же это так? — думал я, — письмо опущено 15, в Ялту пришло 17-го, 18-го, а уже 19-го Чехов отвечает мне? *Чехов! Мне!!*

Значит, получивши рассказ, Чехов *сейчас*

же стал читать его, а прочитав, немедленно написал, что о нем думал! И все еще не читая самого письма, а как драгоценность сжимая его в руках, я вдумывался в значение того, что произошло, т. е. что знаменитый писатель, озабоченный своим творчеством, осаждаемый, разумеется, со всех сторон всякого рода обращениями и личными и письменными, *тяжело больной* и страдающий — стоило лишь какому-то никому не ведомому обывателю обратиться к нему с искренней просьбой о *душевной помощи*, — сейчас же, сразу, оставив на время собственные дела, откликнется на просьбу, спешит на помощь. И из того, что произошло, на меня глянула и душу мою осветила и умилила душа Чехова — искренняя, кроткая, любящая и простая. И помню, я заплакал радостно и умиленно <...>

Как дружески искренно, тепло, умно и как скромно! После этого я, помню, все собирался поехать к Чехову, да все было некогда: на очереди стояли другие более „важные“ дела. Через 4 года Чехов умер, а у меня от него остался этот маленький, милый почтовый листок, исписанный бисерным почерком» (А. И. Пет-

ровский. К воспоминанию о Чехове. — «Приазовская речь», 1910, № 260, 30 января).

3105. М. О. МЕНЬШИКОВУ

25 июня 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Чехов, *изд. Атеней*, стр. 130–131.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на секретке: Ялта. 26 VI.1900; Царское Село. 30 VI.1900.

Ответ на письмо М. О. Меньшикова от 17 июня 1900 г.; Меньшиков ответил 16 июля (ГБЛ).

До августа я буду дома. — Ответ на просьбу Меньшикова: «Напишите, пожалуйста, когда, в какие промежутки лета и осени Вы рассчитываете быть в Крыму. Мне очень бы хотелось вырваться из Петербурга вообще, а особенно на юг, но пока все не выяснится с „Неделей“, вряд ли удастся».

Приехав в Ялту (конечно, на пароходе)... — В ответном письме Меньшиков откликнулся на эти слова: «Вы советуете ехать на пароходе, но мне хочется видеть Байдарские ворота.

Так или иначе, я подкачу к Вам в последних числах июля».

...подробности узнаете в книжно-табачном магазине Синани... — Л. Н. Шаповалов в своих воспоминаниях «Как был построен дом Чехова в Ялте» писал о книжной лавке И. А. Синани: «На набережной Ялты, в самом центре города, находилась книжная лавка известного ялтинского книгопродавца Синани. К слову сказать, продавал он не только книги, но и всевозможные табачные изделия. Торговля шла бойко, в его лавке всегда было шумно илюдно. Лавка Синани была, пожалуй, единственным местом, куда охотно приходили и где встречались друг с другом отдыхавшие в Ялте известные русские писатели, поэты и художники» (Чехов в воспоминаниях, стр. 468).

3106. Л. Ю. АРБУШЕВСКОЙ

27 июня 1900 г.

Печатается по автографу (ТМЧ). Впервые опубликовано: «Рампа и жизнь», 1910, № 27, 4 июля, стр. 441.

Вчера посланы мною книги... — См. следую-

Ще письмо* и примечания к нему*.

Павел Федорович — Иорданов.

3107. П. Ф. ИОРДАНОВУ

29 июня 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 83–85.

Ответ на письмо П. Ф. Иорданова от 29 мая 1900 г.; Иорданов ответил 10 июля (ГБЛ).

Вчера я послал в библиотеку багажную квитанцию... — В апреле 1900 г. Чехов направил через «Русское общество пароходства и торговли» очередную партию книг для Таганрогской городской библиотеки (см. письмо* П. Ф. Иорданову от 27 апреля). В письме от 10 июля Иорданов извещал Чехова: «Посылка Ваша через „Р<усское> о<бщество> п<ароходства> и т<орговли>“ получена библиотекой. Список полученных книг пришлю Вам следующим письмом (сейчас его получил и посылаю Вам)».

...где Вы теперь ~ в Париже на выставке. — На этот вопрос Иорданов отвечал: «Я сижу в Таганроге и думаю, что Париж мне уже улыбнулся, по обстоятельствам от меня независя-

щим, т. е. попросту потому, что нет денег, я, вероятно, в Париж не поеду. Утешаю себя тем, что в Париже страшная сутолока и суета, а потому, чтобы там устроиться, сколько-нибудь сносно, нужно много времени и порядочно денег. Хотелось бы мне в Париж, главным образом для того, чтобы переговорить с Антокольским, он хранит упорное молчание, и я не знаю, в каком положении дело памятника: заказана ли статуя или еще нет».

Вчера я прочел в «Таганрогском вестнике»... — Речь идет о заметке «Из обыденной жизни» (1900, № 75, 25 июня), подписанной: Альфа. В ней, между прочим, писалось: «Дело идет о той санатории для легочных больных, которую наш согражданин, блестящий представитель молодой беллетристики, А. П. Чехов, вздумал устроить в Ялте. С этой целью он обратился к общественной благотворительности городов и частных лиц. На призыв этот откликнулись многие города. Между прочим, Харьковская городская дума пожертвовала на это тысячу рублей.

А Таганрог, который, справедливо гордясь Чеховым — своим лучшим представителем,

должен был бы прислушаться к словам писателя, обращенным к своему городу, с особенной чуткостью, остался совершенно глух и нем к этому призыву и не пожертвовал ни одной копейки. Такие ли мы, в самом деле, нищие, что не можем пожертвовать полторы-две, в крайнем случае, сотни на то, на что другие города жертвуют тысячи?»

Я состою лишь членом благотворительного общества... — Чехов был избран участковым попечителем о нуждающихся приезжих больных 27 мая 1900 г. (см. примечания к письму 3071*). Об участии Чехова в работе попечительства А. Я. Бесчинский вспоминал: «Ялтинское попечительство о нуждающихся приезжих больных составляет отдел местного благотворительного общества. Чехова избрали членом попечительства и членом правления (об-ва), и он, состоя в этой должности до самой смерти, ни разу не был на заседаниях, на что никто не претендовал, так как он и без посещения собраний много работал на пользу попечительства. Как-то в благотворительном обществе возник председательский кризис, и кому-то из нас, членов правления, при-

шла в голову курьезная мысль избрать председателем Чехова... Чехов стал, было, склоняться на это предательское предложение. Но вмешались врачи, тоже члены правления: С. Я. Елпатьевский и И. Н. Альтшуллер (последний был его лечащим врачом), которые заявили, что „свинство“ утруждать А. П. такими обязанностями <...> мы отступились от своего предложения» (А. Я. Бесчинский. Воспоминания об А. П. Чехове. — «Приазовская речь», 1910, № 45, 20 января).

...княгине Барятинской, которая устраивает здесь санаторию... — См. примечания к письму 3074.*

Ваше последнее письмо не понравилось мне. — В письме от 29 мая Иорданов жаловался на свое здоровье: «Сам я стал болеть глазами: выскабливают какие-то наросты на внутренней поверхности век...»

3108. А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

7 июля 1900 г.

Печатается по автографу (Архив Горького).
Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 86–87.

Ответ на письмо М. Горького от начала июня 1900 г.; Горький ответил в первой половине июля (*Горький и Чехов*, стр. 71–72 и 74–75).

...сегодня я получил письмо от Капитолины Валериановны Назарьевой... — В письме Чехову от 3 июля 1900 г. Назарьева писала: «Не читали ли, случайно, как „Одес<ские> нов<ости>“ продернули меня за восторженный отзыв о Горьком». В этом же письме она просила передать Горькому просьбу выслать на ее адрес его последнюю карточку (*ГБЛ*).

Вашей поклонницы, пишущей под псевдонимом «Н. Левин»... — В 3-ей и 5-ой книжках «Литературных вечеров нового мира» напечатаны ее статьи о Горьком, в которых она давала ему очень высокую оценку.

...просит Ваш портрет, чтобы поместить его в «Сочинениях» — журнале Иеронима Ясинского. — Писатель И. И. Ясинский с марта 1900 г. издавал литературный журнал «Ежемесячные сочинения». В июньской книжке журнала был напечатан портрет Чехова, в сентябрьской — портрет Горького.

Затем получил я, в ответ на свой отказ,

длинное письмо от Мельшина. — О просьбе П. Ф. Якубовича (литературный псевдоним — Мельшин) дать рассказ в сборник, посвященный сорокалетию литературной деятельности Н. К. Михайловского, см. письмо 3103* и примечания к нему*. 22 июня 1900 г. Якубович в большом письме к Чехову снова просил его дать рассказ в сборник, а также извещал о своем желании привлечь к участию в нем Горького: «Посылаю в Ялту же пригласительное письмо Горькому, но в Ялте ли он? Надеюсь, впрочем, что заказное письмо во всяком случае будет ему переслано». Не получив ответа от Горького, Якубович в письме от 22 июня 1900 г. запрашивал Чехова: «Горький, к которому я писал тогда же, когда и к Вам, почему-то до сих пор не отвечает. Здоров ли он? В Ялте ли?» (ГБЛ). В ответ на напоминание Чехова Горький в первой половине июля 1900 г. ответил ему: «А про Якубовича я и забыл, так что если б Вы не написали, — я б и не ответил ему на письмо. Сейчас написал отказ в категорической форме, сославшись на недостаток времени, хотя следовало прямо сказать, что в предприятиях партийного характера участво-

вать не склонен. Но — жаль обижать их, ибо на такую формулировку они всенепременно обидятся» (*Горький и Чехов*, стр. 74).

...после Вашего отбытия из Ялты... — 16 июня Горький с семьей уехал в Полтавскую губернию.

Написали пьесу? — Горький задумал написать пьесу для Художественного театра во время гастролей его в Ялте. Об этом писал К. С. Станиславский С. В. Флерову из Ялты в апреле 1900 г.: «...наши спектакли вызвали в них <литераторах> желание написать нам новые пьесы. Более всех загорелся Горький. Он ходит как шальной и все забегают ко мне поделиться нарождающимися мечтами и созревающим планом новой пьесы» (*Станиславский*, т. 7, стр. 171). В своих воспоминаниях «А. П. Чехов в Художественном театре» Станиславский рассказывает, что Горький в Ялте изложил ему сюжет своей предполагаемой пьесы (там же, т. 5, стр. 347). Летом 1900 г. Горький по совету Чехова начал работу над пьесой и писал ему в первой половине июля 1900 г.: «С драмой тихо, дорогой Антон Павлович. Никак не могу понять, зачем существует

3-й акт? По размышлению моему выходит так: акт первый — завязка, второй — канитель, третий — развязка. Однако все же я сочиняю, хотя держу в уме совет Щеглова: прежде всего напиши пятиактную трагедию, через год перестрой ее в 3-х актную драму, сию, еще через год, в одноактный водевиль, засим, тоже через год, водевиль сожги, а сам женись на богатой бабе, и — дело будет в шляпе. Впрочем, это, кажется, не Щеглов рекомендует, а кто-то другой».

В письме к Чехову от второй половины августа 1900 г. Горький сообщал: «Сим извещаю Вас, дорогой Антон Павлович, что драма М. Горького, доведенная им, в поте лица, до третьего акта, благополучно скончалась. Ее разорвало со скуки и от обилия ремарок. Разорвав ее в мелкие клочочки, я вздохнул от удовольствия и в данное время сочиняю из нее повесть. Говоря серьезно — мне очень неприятна эта неудача. И не столько сама по себе, сколько при мысли о том, с какой рожей я встречу Алексева и Данченко. Пред Вами я — оправдаюсь, т. е. драму все-таки напишу. Непременно! Это, знаете, очень любопытно

как дисциплина, очень учит дорожить словами» (*Горький и Чехов*, стр. 76). Видимо, эта первая неудавшаяся драма Горького отчасти послужила сюжетом для повести «Трое», которую Горький начал печатать в ноябре 1900 г.

...Иноземцева привезла мне первый том своих сочинений... — А. А. Иноземцева подарила Чехову свою книгу «Собрание сочинений. Том первый. С портретом автора» (Нижний Новгород, 1899) с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову в знак глубочайшей признательности. А. Иноземцева». Книга хранилась в библиотеке Чехова (*Чехов и его среда*, стр. 240).

К Вам — увы! — приехать не могу... — Горький писал Чехову из Мануйловки в начале июня 1900 г.: «Хорошо в этой Мануйловке <...> Устроились мы недурно. Среди огромного, старого парка стоит красный каменный дом, на нем семь крошечных нелепых комнат с узкими и низенькими дверями, а в этих комнатах — мы. А рядом с нами на большой липе живет семейство сычей. В пруде — лягушки, — а у малорусских лягушек такие ме-

лодичные голоса. Неподалеку от нас церковь; сторож на колокольне бьет часы. Собаки лают. Настоящая украинская луна смотрит в окно. Думается о боге и еще о чем-то таинственном и хорошем. Хочется сидеть неподвижно и только думать. Приезжайте-ка сюда. Мы поместим Вас в школе, в том же парке, неподалеку от нас. Комната у Вас будет большая, никто не помешает Вам. Тихо будет». В своих воспоминаниях «О жизни А. М. Горького в Мануйловке» Е. П. Пешкова отмечала: «Еще больше времени, чем в первый приезд, уделял Алексей Максимович общению с местными крестьянами. Нередко устраивая чтения, чаще всего на берегу реки Псел, во время варки ухи после рыбной ловли, или в лесу. Вел с ними беседы и на политические темы. Читал мануйловцам Короленко, Чехова, Шевченко. Как рассказывали мне в 1948 г. старики, некоторые из них до сих пор помнят чтение „кобзаря“ Шевченко, „В овраге“ Чехова».

...хотели выписывать от Вас Анатолия...
— Сын доктора Л. В. Средина, гимназист, гостивший в семье М. Горького в Мануйловке (Сулержицкий, стр. 534–535).

Екатерине Павловне мой привет и нижайший поклон... — О своем знакомстве с Чеховым Е. П. Пешкова писала в воспоминаниях «Встречи с Чеховым»: «Познакомилась я с Антоном Павловичем лишь весной 1900 г., когда мы вместе с А. М. приехали в Ялту и поселились в квартирке над гостиницей „Ялта“, в улочке, ведущей на Дарсану. Туда вместе с Буниным, если не ошибаюсь, зашел к нам Антон Павлович. После этого я несколько раз была с А. М. в доме Антона Павловича, говорила с ним мало, так как в те годы была болезненно застенчива и краснела по всякому поводу. Очень тепло встретила меня, заметив это, матушка Антона Павловича — Евгения Яковлевна — „мамаша“, как он ее ласково называл. В эту весну в Ялте собралось много литераторов: Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк со своей дочкой Аленушкой, Константин Михайлович Станюкович, Александр Иванович Куприн, завсегда́тай дома Чеховых Иван Алексеевич Бунин, Евгений Николаевич Чириков, Сергей Яковлевич Елпатьевский с семьей — все они бывали у Чехова. Вскоре приехали артисты Художественного театра. И

тихий дом Антона Павловича ожил — с утра до вечера там бывали артисты, и в доме и в саду царило веселое настроение» (ЛН, т. 68, стр. 614).

3109. А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

12 июля 1900 г.

Печатается по автографу (*Архив Горького*).
Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 89.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на секретке: Ялта. 13 VII.1900; Хорошки. 16 VII.1900.

Ответ на письма М. Горького от начала июля 1900 г. (*Горький и Чехов*, стр. 73–75).

...Ваше приглашение в Китай удивило меня. — Горький собирался ехать в Китай корреспондентом в связи с «ихэтуаньским восстанием» (см. ниже). Еще 7 января 1900 г. он писал Л. В. Средину: «Если только объявят настоящую войну — я еду. Обязательно. Я этой войне придаю огромное значение. Меня бы несколько не удивило, если бы она затянулась лет на 30 и завершилась общей трепкой всей Европы. Эх, зачем я не китаец» (*Архив Горького*). О своем желании ехать в Китай Горький

писал Чехову в начале июля 1900 г.: «Поедемте в Китай? Как-то раз, в Ялте, Вы сказали, что поехали бы. Поедемте! Мне ужасно хочется попасть туда, и я думаю предложить себя кому-нибудь в корреспонденты. Жена не очень охотно отпускает меня одного, но говорит, что была бы совершенно спокойна за меня, если б и Вы ехали. Едемте, дорогой Антон Павлович! Там — интересно, здесь серо». В письме к Чехову от первой половины июля 1900 г. Горький опять возвращается к этому вопросу: «Одолевают меня китайские мысли. Очень хочется в Китай! Давно уж ничего не хотелось с такой силой. Вам тоже хочется ехать далеко — поедemте! Право! Хорошо бы!» (Горький и Чехов, стр. 74).

Как же пьеса? — См. примечания* к предыдущему письму.

...в Китай ехать уже поздно ~ война приходит к концу. — В 1899 г. вспыхнуло так называемое «ихэтуаньское восстание», направленное, прежде всего, против иностранных миссионеров, которые проникали в глубь страны, пользовались особыми правами, захватывали крестьянские земли, безнаказанно нару-

шали законы и обычаи страны. Во главе восстания встало тайное религиозное общество «И хэ цюань». В декабре 1900 г. В. И. Ленин писал в первом номере газеты «Искра»: «Не европейские народы ненавидят китайцы — с ними у них не было столкновений, — а европейских капиталистов и покорные капиталистам европейские правительства. Могли ли китайцы не возненавидеть людей, которые приезжали в Китай только ради наживы, которые пользовались своей хваленой цивилизацией только для обмана, грабежа и насилия, которые вели с Китаем войны для того, чтобы получить право торговать одурманивающим народ опиумом (война Англии и Франции с Китаем в 1856 г.), которые лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства?» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 379). США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Япония, Австро-Венгрия и царская Россия для подавления восстания собрали крупные военные силы и в мае 1900 г. начали поход на Пекин и Тяньцзинь, которые были заняты многочисленными отрядами повстанцев. К этому времени

правительство Китая установило связь с руководителями восстания, и ихэтуани получили официальное признание. 14 июля, несмотря на героическое сопротивление повстанцев, войска иностранных держав овладели Тяньцзинем, а 15 августа Пекином. 6 сентября императрица Цынь издала указ, возлагавший всю ответственность за восстание на ихэтуаней, и приказала своим войскам начать подавление восстания совместно с войсками интервентов. К сентябрю 1901 г. восстание было почти полностью подавлено.

Ответили Назарьевой? — См. письмо 3108* и примечания к нему*. Письмо Горького к К. В. Назарьевой неизвестно.

3110. А. В. АМФИТЕАТРОВУ

13 июля 1900 г.

Печатается впервые, по ксерокопии с автографа (ИМЛИ). Местонахождение автографа неизвестно.

А. В. Амфитеатров ответил 21 июля 1900 г. (ГБЛ).

...посылаю Вам рукопись г. Анатолия Яковлева «В вагоне»... — По свидетельству А. С.

Яковлева, в мае 1900 г. он встретился с Чеховым в Москве: «Я был у него в „Дрездене“: он занимал очень скромный номер...» (А. С. Яковлев. А. П. Чехов. Воспоминания. — ЛН, т. 68, стр. 601–602). Вероятно, во время этой встречи Яковлев просил содействовать напечатанию его рассказа «В вагоне». О дальнейшей судьбе рассказа см. примечания к письму 3200*.

3111. М. О. МЕНЬШИКОВУ

19 июля 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, изд. Атеней*, стр. 131.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на конверте: Батум. Одесса. 20 VII.1900; С.-Петербург. 23 июл. 1900.

Ответ на письмо М. О. Менъшикова от 16 июля 1900 г. (ГБЛ).

Буду ожидать Вас с большим нетерпением... — В своем письме Менъшиков сообщал Чехову: «Я серьезно к Вам еду — рассчитываю выехать 23-24-го, но до этого хотелось бы получить от Вас несколько строк: будете ли Вы в конце месяца в Ялте и когда думаете оттуда двинуться».

...Вы можете остановиться ~ в гостинице «Ялта» Бегуна. — Ответ на вопрос Меньшикова: «Будьте добры написать, какая гостиница из недорогих всего к Вам ближе. Так как Вы уже не помещик, то стеснять Вас не приходится».

3112. П. Ф. ИОРДАНОВУ

23 июля 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые (с датой 26 июля 1900 г.) опубликовано: *Неизд. письма*, стр. 85. Дата исправлена в ПССП, т. XVIII, стр. 373–374.

Дата устанавливается по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 23 VII.1900; Таганрог. 26 VII.1900. По-видимому, дата «26 июля» поставлена Чеховым ошибочно.

Ответ на письмо П. Ф. Иорданова от 10 июля 1900 г. (ГБЛ).

Антокольского, вероятно, в настоящее время нет в Париже... — В письме от 10 июля 1900 г. Иорданов сообщал Чехову о своем желании побывать в Париже и встретиться там с М. М. Антокольским, чтобы поговорить о делах памятника Петру I для Таганрога. Этот па-

мятник отливался в Париже на фабрике Тьебо из бронзы. Модель для памятника сделал Антокольский, который лично контролировал все работы по отливке статуи. В связи с тем, что по финансовым причинам Иорданов не мог осуществить поездку во Францию, он обратился к Чехову с просьбой: «Собираетесь ли Вы в Париж? А, может быть, у Вас есть теперь в Париже общие знакомые? Не можете ли Вы как-нибудь узнать у Антокольского, в каком положении дело памятника, да, кстати, и про голову Спасителя».

В Ялте очень хорошая погода ~ жизнь недорогая. — Отклик на вопрос Иорданова: «Что делается в Ялте? Я собираюсь послать туда свою племянницу, которую в последнее время стало подозрительно лихорадить. Но меня пугают ялтинской жарой. Так ли это? Неужели в Ялте жарче, чем в Таганроге? Читал я между прочим о „Гистрии“. Очень хорошее учреждение, но легко ли в него попасть? Полагаю, что нет, так как, судя по описанию, там слишком хорошо, потому, вероятно, много претендентов. Если будете писать, не откажите сообщить сведения по этой части. Мно-

го меня обяжете». «Гистрия» — санаторий в Ялте, расположенный в районе выше Аутки.

...карточку кн. Урусова, недавно умершего. — Чехов послал в Таганрогскую библиотеку карточку А. И. Урусова с его дарственной надписью: «Антону Павловичу. А. Урусов. 1898, ноября 7» (хранится в ТМЧ). Урусов умер в Москве 16 июля 1900 г. А. А. Плещеев в своих воспоминаниях пишет о получении Чеховым последнего письма от Урусова: «Застал я Антона Павловича совершенно одного <...> Чехов читает письмо. — Представьте, получил сегодня письмо от Ал. Ив. Урусова, — улыбаясь, обратился ко мне Антон Павлович. Князь Урусов просил одного господина передать мне это письмо от 13-го мая, а мне доставили его сегодня. Милое, остроумное письмо с того света...

Антон Павлович прочел из письма покойного Урусова несколько строк: „Я по болезни никуда не могу выходить, сижу дома, но не развожу нюней и думаю себе — ну Ваганьково, так Ваганьково. Врачи, однако, утверждают, что нет непосредственной опасности для жизни. И в самом деле, затяжное воспаление

по соседству с головным мозгом — что тут опасного“. „Урусовская ирония“. Это равнодушные к тяжелому положению отлично рисуют спокойный характер Александра Ивановича» (ИРЛИ, Р III, оп. 2, № 1565).

Сообщение о смерти Урусова и большой некролог Плещеева «Памяти князя А. И. Урусова» были напечатаны в газете «Россия» (1900, № 1441, 18 июля), которая первая откликнулась на это событие. 20 июля «Россия» (№ 443) напечатала воспоминания Плещеева о последней встрече с Урусовым в Вене в июле 1899 г. Плещеев, между прочим, писал, что во время этой встречи они много говорили о пьесе Чехова «Чайка», которую, по мнению Урусова, «в Петербурге плохо поняли и совсем неудачно исполнили».

3113. Н. М. ЕЖОВУ

28 июля 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: «Октябрь», 1944, № 7–8, стр. 143.

Открытка.

Ответ на письмо Н. М. Ежова от 20 июля

1900 г.; Ежов ответил 16 августа (Чехов, *Лит. архив*, стр. 113).

Буду очень и очень рад повидаться с Вами... — Ежов был командирован в Париж на Всемирную выставку в качестве корреспондента «Нового времени». В письме от 7 марта 1900 г. он сообщал Чехову: «Оба Суворины, А. С. и А. А., встретили меня так хорошо, что я ничего подобно не ожидал, хвалили мои фельетоны и путевые очерки, затем в июле месяце командируют меня в Париж, на выставку. Это пока секрет. Я вспоминал Вас — ведь и Вы советовали А. С. послать меня в Париж, и таким образом, Ваш совет осуществлен на деле» (*ГБЛ*). В письме от 20 июля Ежов извещал Чехова: «Я еду на днях в Берлин, в 1-х числах августа предполагаю быть в Париже, там проживу недели две. Вероятно, будете и Вы на выставке? Будьте добры, напишите мне письмо (Париж, *poste restante*), указав, где и когда мы можем встретиться? Вообще, черкните кое-какие указания, полезные для человека, посетившего Париж в первый раз. Буду чрезвычайно благодарен».

...показать Вам Париж... — На эти слова

Ежов замечает в ответном письме: «Если бы я с Вами встретился в Париже, — для меня настали бы красные дни...»

...Париж, в котором я был уже пять раз...
— Впервые Чехов побывал в Париже в апреле 1891 г. Затем в октябре 1894 г., в сентябре 1897 г. и в апреле 1898 г.

...Париж ~ который Вам, по всей вероятности, не понравится... — На это Ежов отвечал в письме от 16 августа: «Париж мне очень нравится. Сначала в этом городе жутко, но скоро начинаешь чувствовать себя как дома. Однако ж в Париже я был ровно 15 дней и все время чувствовал себя одиноким и беспомощным. Жалею, что не съездил к Павловскому, который мог бы дать мне массу всяких сведений о Париже».

3114. Н. М. ЕЖОВУ

1 августа 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 113.

Открытка.

Н. М. Ежов ответил 16 августа 1900 г. (*Чехов, Лит. архив*, стр. 113).

...в Париже, пишут, необыкновенная жара... — В ответном письме Ежов замечал: «А ведь жаров-то особенных при мне не было, раз или два доходило на солнце до 30°».

...исполните следующую мою просьбу... — В ответном письме Ежов сообщал: «Первый раз в жизни я принужден не исполнить Ваше поручение: второе Ваше письмо я получил за 1/4 часа перед выездом из Парижа. Я соскучился ежедневно ходить в глав<ный> почт<амт> и просил доставлять письма *poste restante* по моему адресу — Hôtel des Capucines, и вот, когда я уже уложил последнюю вещь, мне подали Ваше письмо. Хотел было я в Вене разыскать нужных Вам книг, но в книж<ных> магаз<инах> Вены меня не поняли (я их взаимно). Простите великодушно, против воли оказался бесполезным для Вас».

3115. Е. В. ТИХОНОВОЙ

2 августа 1900 г.

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано: *Чеховский сб.*, стр. 74–75.

Ответ на письмо Е. В. Тихоновой от 1 июля 1900 г.; Тихонова ответила 8 августа (ГБЛ).

Конверт письма Чехова не сохранился, однако из ответного письма Тихоновой видно, что адресовано оно было ее мужу В. А. Тихонову «для передачи Е. В. Тихоновой». «Я позволю себе, — писала Тихонова, — еще раз обратиться к Вам с просьбой, на этот раз вполне исполнимой: я прошу Вас, чтобы переписка моя с Вами оставалась *совершенно неизвестной* моему мужу и никогда, ни при каких условиях прошу Вас не упоминать о ней при встрече с ним. Я думаю, что эту единственную тайну я вправе скрыть от моего мужа. Хорошо еще, что письмо, почему-то адресованное Вами на его имя, с передачей мне, не попало в его руки, а было вскрыто и получено мною в его отсутствие, так как, я думаю, ему было бы крайне неприятно узнать, что я обращаюсь к Вам за помощью в таком щекотливом деле».

Ваше письмо я получил еще в Тифлисе... — Чехов был в Тифлисе во время своей поездки по Кавказу (см. примечания к письму 3102*). 7 июня 1900 г. грузинская газета «Иверия» (№ 120) сообщала: «Выдающиеся русские писатели Антон Павлович Чехов и Максим Горь-

кий (А. Пешков) в настоящее время находятся в Тифлисе. Они остановились в „Северных номерах“. Там же остановился художник Васнецов».

Положение Владимира Алексеевича мне понятно... — В письме от 1 июля 1900 г. Тихонова сообщала о тяжелом положении, в котором они оказались с мужем в Одессе, куда В. А. Тихонов приехал лечиться. Она писала: «Муж мой, проработав непрерывно и усиленно всю зиму по редактированию иллюстрированного беллетристического и художественного отдела газеты „Россия“, к весне почувствовал крайнее нервное расстройство и полную невозможность работать и уехал для отдыха в Одессу. Видя себя совершенно неподходящим к крайне ему несимпатичной редакции „России“, он, уехав, вышел из состава редакции, причем ему не доплатили весьма солидной, для его бюджета, суммы. Но ему и на это, до поры до времени, пришлось махнуть рукой. Так как, несмотря на многочисленные требования — денег ему так-таки не выслали и в Одессу. Здесь, в Одессе, жизнь в гостинице дорога; сумму на расходы он взял с собой

небольшую, но ему хватило бы, если бы не заболела я и не прохворала целую неделю инфлуэнцей, а затем, к довершению несчастья, свалился он, отравившись рыбьим ядом, и прохворал недели две с половиной. Это выбило нас окончательно из бюджета, лишив мужа возможности более трех недель работать и выхватив у нас много денег на докторов и лекарства <...> Все это я пишу Вам, глубокоуважаемый Антон Павлович, так подробно потому, что в более безвыходном положении, как находится Влад<имир> Алекс<еевич>, трудно себе представить человека. Он совсем угнетен, болен, нервы его расстроены до того, что у него трясется голова и он весь дрожит <...> Зная Ваше к нему расположение, я решила, без ведома его, обратиться к Вам и просить Вас, ради всего святого на свете, помочь ему выбиться из этого положения. А положение его в данное время таково: у нас долгу в ресторане и гостинице за номер — 150 рублей, в кармане — 2 рубля денег, все, что можно заложить, — заложено; продать и заложить больше нечего. Положение в чужом городе — унижительное и страшное. Не сего-

дня-завтра кредит в гостинице и ресторане закроют — и тогда буквально голод и полная невозможность выбраться из Одессы <...> Если можете — пришлите 300 или хоть 200 р. по телеграфу, потому что помощь нужна скорая <...>, а в октябре или ноябре, как только Влад<имир> Алекс<еевич> окончит и сдаст свой большой роман, который он пишет, он вернет Вам эти деньги с благодарностью. Эти деньги помогут ему хоть немного оправиться, встать на ноги и еще ретивее приняться за работу».

3116. М. О. МЕНЬШИКОВУ

3 августа 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Чехов, *изд. Атеней*, стр. 131–132.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 4 VIII. 1900; С. — Петербург. 8 авг. 1900.

М. О. Меньшиков ответил 12 августа 1900 г. (ГБЛ).

...на другой день после Вашего отъезда. — В ответном письме Меньшиков подробно опи-

сал свой путь из Ялты в Петербург: «Выехал я из Ялты с большой грустью — прочел известие о смерти Вл. Соловьева. Я не думал, что мне до такой степени будет больно потерять этого — далекого мне — человека. На пароходе меня атаковала Стрепетова <...> Я позавидовал Вам, вспомнил, что Вы в это время в Массандре — в ином, в более приятном обществе. В Ясной я застал целый лазарет: старец охает, держится за живот, графиня <...> больна глазами, Татьяна Львовна лежит пластом с = 36–39,6 <...> Но тем не менее приняли меня с деревенским радушием и держали трое суток, пока не наехали другие гости, пока не ввалился Стасов с Гинцбургом и пр. Стасов и Толстой — поглядеть на эту группу, послушать их разговор стоило бы талантливому художнику. Говорил, конечно, — точнее грохотал, брызжа слюной — один Стасов, не позволяя рта раскрыть Толстому, и Ясную Поляну сразу точно гарью заволокло — удушливой глупостью. У Л. Н. прежние припадки; графиня говорит, что он, проехавши сорок верст верхом, поужинал неосторожно и пр. Сам Толстой объясняет болезнь так: желчь сгущается,

теряет способность идти в кишку, идет в желудок, начинаются рвоты, а потом — от поражения камнями в протоках адские, невыносимые боли. Уверен, что от этой болезни и во время этой боли умрет. Но при мне вставал, мы гуляли, верст по три, по четыре, играли в шахматы, вели споры — один оч<ень> неприятный для него. Читал я только что конченную большую статью его „Рабство нашего времени“ и нашел ее, к сожалению, слабой. Расспрашивал он с большим участием о Вашем здоровье и опять восхищался Вашим талантом. О Соловьеве выразился, что, только услышав о его смерти, почувствовал, что имел против него дурное чувство, и устыдился». О встречах с Меньшиковым во время его пребывания в Ялте и об отношении к нему Чехова см.: С. Я. Елпатьевский. Антон Павлович Чехов. — Чехов в воспоминаниях, стр. 578–580.

Шлю Вам ~ телеграмму, полученную сегодня. — Речь идет о телеграмме, присланной в Ялту Л. И. Веселитской на имя Меньшикова. В ответном письме Меньшиков писал об этом: «Благодарю Вас за пересланную телеграмму.

Она была — от Лидии Ивановны и самое важное в ней было — „поклон Чеховым и морю“».

3117. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ

9 августа 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 54.

Ответ на письмо О. Р. Васильевой от 2 августа 1900 г. (*Чехов, Лит. архив*, стр. 54); Васильева ответила 12 августа (ГБЛ).

...поблагодарить за ковер, полученный мною еще весной. — В апреле 1900 г. Васильева послала Чехову ковер. В сопроводительной записке от 7 апреля она писала: «С неделю тому назад я послала Вам ковер, купленный мною для Вас в Алжире — в Бискаре, и теперь очень прошу принять его» (ГБЛ).

...послал Вам в Знаменское. — Имение сестры Васильевой «Волста» находилось близ станции Знаменская Смоленской губернии.

...повесть уходит к Вам обратно... — Вероятно, Чехов послал Васильевой декабрьскую книжку «Русской мысли» за 1899 г., в которой была напечатана «Дама с собачкой», или оттиск из нее. В ответном письме Васильева

благодарила Чехова: «Я не смею выразить Вам свою мою благодарность за Ваше письмо и за „Даму с собачкой“. Я Вам низко, низко кланяюсь».

...на Ваш вопрос я решительно не знаю, что ответить. — В письме от 2 августа Васильева просила Чехова дать ей совет: «До сих пор я не послала ни в какую редакцию мой перевод Вашего рассказа „Человек в футляре“, а с ним и „крыжовник“ и „О любви“. Я решаюсь просить Вас, глубокоуважаемый Антон Павлович, посоветовать мне, в какой английский журнал мне обратиться, так как мне бы не хотелось так же неудачно поместить их, как „Егеря“. Я от души извиняюсь за беспокойство и прошу Вас верить, что это исключительно потому, что я не вижу другого выхода».

3118. О. Л. КНИППЕР

9 августа 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 55–56.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 10 VIII.1900; Москва. 14 VIII.1900.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 6 августа 1900 г.; Книппер ответила 14 августа (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 148–149 и 158–160).

...после твоего отъезда... — Книппер гостила у Чеховых в Ялте в июле 1900 г. 5 августа она уехала, Чехов провожал ее до Севастополя. О последних часах, проведенных вместе с Чеховым перед отъездом в Москву, Книппер писала М. П. Чеховой 9 августа: «Вот я в Москве <...> Ехали мы отлично с Антоном, очень мягко и нежно простились. Он был сильно взволнован; я тоже. Когда поезд тронулся, я заревела, глядя в ночную тьму. Жутко было остаться одной после всего пережитого за этот месяц. А дальше как все страшно, неизвестно» («А. П. Чехов. Сборник статей и материалов». Симферополь, 1962, стр. 92).

...гостиница Киста... — Гостиница в Севастополе.

«Тавел» — Название парохода и крупного крымского имения близ Мамут-Султана.

Вчера был у меня Алексеев ~ обещал прочитать пьесу не позже сентября. — В своей книге «Моя жизнь в искусстве» К. С. Станиславский вспоминал о репертуарной ситуации,

сложившейся для молодого Художественного театра к августу 1900 г.: «Будет пьеса, будет и сезон, не будет пьесы — театр потеряет свой аромат» (Станиславский, т. 1, стр. 234). Об этом же писал Вл. И. Немирович-Данченко Станиславскому 24 июля 1900 г.: «Август требует большой работы. Без двух пьес, совершенно готовых к открытию сезона, я не могу составить порядочного репертуара. Старые пьесы в сентябре и октябре могут идти при большом внимании публики только редко — два-три раза в месяц, не чаще. „Снегурочкой“ мы ставим очень большую карту. Упаси бог, она не задастся, — в самом дурном случае она будет держаться раз в неделю. Но даже при исключительном успехе нельзя держаться на ней одной с подпорками в виде „Одиноких“ и „Дяди Вани“ две недели репертуара. Немедленно за нею должна быть поставлена другая пьеса. Идеал — большой успех „Снегурочки“ и через три спектакля — большой успех „Мертвых“. Тогда из трех авторов — Чехова, Горького и меня достаточно кого-нибудь одного. У нас еще Штокман и... и...и „субботы“. Словом, вторая пьеса необходима к самому

началу» (*Ежегодник МХТ, 1949–1950, стр. 179*). Поэтому понятна та настойчивость, с какой руководители Художественного театра добились от Чехова новой пьесы («Три сестры»). О содержании своего разговора с Чеховым Станиславский писал Немировичу-Данченко 9 августа 1900 г.: *«Пишу под большим секретом. Вчера выжал от Чехова: он завтра уезжает в Гурзуф, писать, и через неделю собирается приехать в Алупку читать написанное. Он надеется к 1 сентября сдать пьесу, хотя оговаривается: если окажется удачной, если быстро выльется и проч. Он пишет пьесу из военного быта с 4-мя молодыми женскими ролями и до 12-ти мужских. Знаю, что Мейерхольду, Книппер, Желябужской, Вишневскому, Калужскому будут хорошие роли. Повторяю, все это пока под большим секретом, я обещал»* (*Станиславский, т. 7, стр. 185*).

3119. А. Ф. МАРКСУ

9 августа 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив, стр. 176* (черновик письма опубликован С. Д. Балун).

хатым в 1929 г. в Чеховском сб., стр. 67–68).

Еще прошлую осенью ~ мне был прислан II том для подписи... — 25 сентября 1899 г. Чехов послал А. Ф. Марксу корректуру второго тома собрания сочинений и список рассказов, которые должны быть «разобраны и совершенно исключены», а также дал указания о порядке размещения рассказов во втором томе. В письме от 2 сентября 1900 г. А. Ф. Маркс сообщал Чехову: «Вторая книга Ваших сочинений под заглавием „Повести и рассказы“ только что вышла, и я спешу препроводить ее к Вам в количестве 25 экземпляров. Книги высылаются по почте ценными посылками» (ГБЛ).

В конце прошлого и в начале этого года я получил корректуру рассказов из 8 и 9 томов... — В письме к Ю. О. Грюнбергу Чехов писал 28 сентября 1899 г., что ему прислали из типографии корректуру рассказов, которые должны войти «только в самые последние томы» Собрания сочинений.

Я написал в типографию... — Это письмо Чехова неизвестно.

Писал я и Вам, и Юлию Осиповичу. — См.

письма к ним от 28 сентября 1899 г. в т. 8 Писем.

Вот эти рассказы... — Перечисленные далее рассказы Чехова были распределены в собрании сочинений следующим образом: «Хорошие люди» (1886) вошли в VI том; «Душечка» (1898), «По делам службы» (1898), «Случай из практики» (1898), «Новая дача» (1898), «Печенег» (1897) и «На подводе» (1897) — в IX том; «Человек в футляре» (1898), «Крыжовник» (1898), «О любви» (1898), «В море» (1883) и «Рассказ старшего садовника» (1894) вошли в том XI, посмертный; рассказ «У знакомых» (1898) не был включен Чеховым в собрание сочинений.

...скоро я уеду за границу... — Чехов уехал за границу 11 декабря 1900 г.

Сегодня я послал Вам корректуру III тома. — Корректурa III тома собрания сочинений была отправлена Чехову Грюнбергом 22 июня 1900 г. В сопроводительном письме он писал: «Высылаю Вам заказною бандеролью корректуру третьего тома. Имеющие войти в этот том очерки и рассказы „В сумерках“ набираются, и корректурa будет Вам послана допол-

нительно. Возвращая корректуру, не откажите сообщить, можно ли верстать третий том и в том ли порядке, как статьи набраны, или сообщите, какие следует сделать перестановки. Наша типография переводится в другое, новое помещение, и это обстоятельство очень тормозит работу, но как только на новом месте все будет устроено, мы постараемся ускорить набор и печатание» (ГБЛ).

3120. О. Л. КНИППЕР

13 августа 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 56.

Год определяется по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 14 VIII.1900; Москва. 18 VIII.1900.

Вчера и третьего дня был в Гурзуфе... — Чехов уезжал в Гурзуф на 11 и 12 августа писать пьесу «Три сестры» (см. примечания к письму 3118*). А. А. Плещеев в своих воспоминаниях «Чеховский день» записал: «Есть у Антона Павловича где-то в Крыму, неподалеку от Ялты, еще уголок, куда он ездит работать, но туда еще ни один гость, кажется, к нему не

проникал. Чехов молчит об этом уголке, скрывает» (ИРЛИ, Р III, оп. 2, № 1565).

...теперь опять сижу в Ялте, в своей тюрьме. — В. Н. Ладыженский в своих воспоминаниях о Чехове приводит аналогичное высказывание писателя о Ялте: «Когда я навестил Чехова в Крыму, он говорил мне:

— Тебе нравится моя дача и садик, ведь нравится? А между тем это моя тюрьма, самая обыкновенная тюрьма, вроде Петропавловской крепости. Разница только в том, что Петропавловская крепость сырая, а эта сухая.

Чехов долго не мог примириться с жизнью „не по своей воле“ на юге, но в конце концов полюбил свою дачу, о которой много заботился. Он ценил, очевидно, результаты своих трудов. И когда, незадолго перед его кончиной, Мария Павловна призналась ему, что она долго не могла примириться с Ялтой и неизбежной потерей Мелехова, а теперь ей здесь все дорого, Чехов грустно заметил:

— Вот так не любя замуж выходят. Сначала не нравится, а потом привыкают!» (В. Ладыженский. Из воспоминаний об А. П. Чехове. — В кн.: «Памяти А. П. Чехова». М., 1906, стр. 155).

3121. О. Л. КНИППЕР

14 августа 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 57.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 15 VIII.1900; Москва, 19 VIII.1900.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 10 августа 1900 г.; Книппер ответила 19 августа (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 155–156 и 164–166).

...я не знаю, когда выеду в Москву... — Ответ на запрос Книппер: «А самый главный вопрос приберегла под конец: когда ты приедешь? Ведь ты приедешь непременно. Было бы слишком жестоко расстаться теперь на всю зиму. Погода жаркая, сухая стоит. Я уже мечтаю, как поеду тебя встречать, представляю твое лицо, твою улыбку, слышу твои первые слова».

Пишу не пьесу, а какую-то путаницу. — Об особенностях стиля «Трех сестер» Вл. И. Немирович-Данченко позднее писал: «Ни в одной предыдущей пьесе, даже ни в одной беллетристической вещи Чехов не разворачивал с

такой свободой, как в „Трех сестрах“, свою новую манеру стройки произведения. Я говорю об этой, почти механической, связи отдельных диалогов. По-видимому, между ними нет ничего органического. Точно действие может обойтись без любого из этих кусков. Говорят о труде, тут же говорят о влиянии квасцов на рождение волос, о новом батарейном командире, о его жене и детях, о запое доктора, о том, какая была в прошлом году погода в этот день <...> Все действие так переполнено этими, как бы ничего не значащими диалогами, никого не задевающими слишком сильно за живое, никого особенно не волнующими, но, без всякого сомнения, схваченными из жизни и прошедшими через художественный темперамент автора и, конечно, *глубоко связанными каким-то одним настроением, какой-то одной мечтой*. Вот это настроение, в котором отражается, может быть, даже все миропонимание Чехова, это настроение, с каким он как бы оглядывается на свой личный, пройденный путь жизни, на радости весны, и постоянное крушение иллюзий и, все-таки, на какую-то непоколебимую веру в лучшее буду-

щее, это настроение, в котором отражается множество воспоминаний, попавших в авторский дневничок, — оно-то и оставляет то подводное течение всей пьесы, которое заменит устаревшее „сценическое действие“.

Охватывает какой-то кусок жизни своим личным настроением с определенным движением от начала первого действия к финалу пьесы, но передает это в цепи, как бы ничего не значащих диалогов, однако метко рисующих взятые характеры. Вот эта манера письма наиболее ярко проявилась в „Трех сестрах“» (Вл. И. *Немирович-Данченко*. «От редактора». — В кн.: Н. *Эфрос*. «Три сестры». Пьеса А. П. Чехова в постановке Московского Художественного театра. Пб., 1919, стр. 8-10).

Сапоги желтые, о которых ты спрашиваешь, не чищены... — Шутливый отклик на вопрос Книппер в письме от 10 августа: «Как поживает твой кабинет? Пыль вытирают? Сюртуки тебе чистят и желтые туфли или нет?» Отвечая Чехову, Книппер писала 19 августа: «Боже мой, как у меня будет сердце прыгать, когда поеду встречать тебя, родной мой, голубчик! Почисти тебя всего, будешь выхолен-

ный, и сапоги вычистим, и пух и перья снимем, и душу разгладим». И. Н. Альтшуллер вспоминал о необыкновенной аккуратности Чехова: «Я никогда не видел у него кабинет неубранным или разбросанные части туалета в спальне, и сам он был всегда просто, но аккуратно одет, ни утром, ни поздно вечером я никогда не заставал его по-домашнему, без воротничка, галстука. Кто читал его письма к жене, в которых так много пишется про мытье головы, перемену белья, чистку платья, обуви и т. д., тот может получить совершенно ложное представление о Чехове как о каком-то замухрышке, приводимом в благопристойный вид. Но это было бы совершенно неверным представлением. В этом сыне мелкого торговца, выросшем в нужде, было много природного аристократизма не только душевного, но и внешнего, и от всей его фигуры веяло благородством и изяществом» (И. Н. Альтшуллер. О Чехове. — *Чехов в воспоминаниях*, стр. 591–592).

Соня с Володей еще у нас. — Жена и сын И. П. Чехова.

3122. О. Л. КНИППЕР

17 августа 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 57–58.

Год определяется по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 18 VIII.1900; Москва. 22 VIII.1900.

О. Л. Книппер ответила 23 августа 1900 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 169–170).

Пишу пьесу... — «Три сестры».

...гости мешают дьявольски. — На это Книппер отвечала: «Счастлива, что пьеса налаживается, но окончательно тебя не понимаю, что ты не ограждаешь себя от назойливых посетителей в такое время. Вполне понятно, что ты становишься злым и раздражительным, а эти скверные мелкие ощущения должны мешать работать. Ах, ты славянский халатик! Но я думаю, если тебе очень приспичит писать, — ты выставишь всех визитеров».

...начальница гимназии... — В. К. Харкеевич.

В «России» проживает Екатерина Николаевна. Ждут Немировича. — Вл. И. Немирович-Данченко с женой должны были прие-

хоть в Крым, где в это время отдыхал К. С. Станиславский с семьей, в начале августа. Однако уже в письме от 24 июля 1900 г. к Станиславскому он сообщал: «В Ялте я не буду. Жена поедет числу к 9-10-му со своей знакомой» (*Ежегодник МХТ*, 1949–1950, стр. 179). Е. Н. Немирович-Данченко приехала в Ялту 9 августа и поселилась в гостинице «Россия» (там же, стр. 184). Вероятно, она и известила Чехова о возможном приезде в Ялту мужа. Немирович-Данченко не смог приехать, так как был занят постановкой в Художественном театре драмы Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся». Об этом сообщила Чехову Книппер 23 августа: «Немирович вряд ли уедет, пока не наладит „Мертвых“».

...напишу и перепишу начисто. — Чехов приехал в Москву 23 октября 1900 г., имея при себе черновой текст пьесы «Три сестры»; дорабатывал он ее в октябре — ноябре в Москве, там же в декабре заново переписал два первые акта, остальные — в Ницце (см. примечания к письмам 3184*, 3211*, 3220*).

От тебя давно уже не было ни строчки. — 16 августа Книппер писала: «Мне уже кажет-

ся, что я целый век не писала тебе, дорогой мой Антон. Видишь, а ты меня письмами не балуешь. Вот уже больше недели, что я в Москве, и только одно письмо. Мне сейчас тоскливо <...> Как мне хочется посидеть у тебя в кабинете, в нише, чтобы было тихо, тихо — отдохнуть около тебя, потом потормозить тебя, глупостей наговорить, подурачиться. Помнишь, как ты меня на лестницу провожал, а лестница так предательски скрипела? Я это ужасно любила. Боже, пишу, как институтка! А вот сейчас долго не писала, скрестила руки и, глядя на твою фотографию, думала, думала и о тебе, и о себе, и о будущем. А ты думаешь? Мы так мало с тобой говорили и так все неясно, ты этого не находишь? Ах ты мой человек будущего!»

3123. О. Л. КНИППЕР

18 августа 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 58–59; в *Чеховском сб.*, стр. 92–93, воспроизведено факсимильно.

Год устанавливается по почтовым штемпелю.

лям на конверте: Ялта. 19 VIII.1900; Москва. 23 VIII.1900.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 14 августа 1900 г.; Книппер ответила 24 августа (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 158–160 и 172–173).

...мне жестоко мешают, скверно и подло мешают. — На это Книппер отвечала 24 августа: «Как ты меня огорчаешь, когда пишешь, что посетители все еще мешают тебе работать. Ты подумай — день за днем проходит в пустой болтовне, а сам говоришь, что пьеса просит вылиться, сам негодуешь на то, что мешают. Милый, голубчик, ну устрани, ну сделай как-нибудь, чтобы этого не было, чтобы ты мог спокойно, не раздражаясь, работать. Я на твоём месте переживала бы страшные муки, если бы пришлось писать при таких условиях. Я, конечно, свои занятия не могу сравнить с твоей работой, но и я оградила себя от ненужных посещений. Запираюсь у себя и сообщаю прислуге, что я перестаю существовать для кого бы то ни было. Да что я пишу — ты все это отлично сам знаешь и понимаешь. Жду от тебя письма, в кот<ором> услышу, наконец, что ты пишешь, что ты мо-

жешь весь отдать своей работе».

Пьеса сидит в голове, уже ~ просится на бумагу... — В письме от 14 августа Книппер просила сообщать ей о работе над «Тремя сестрами»: «Пиши мне, как подвигается пьеса, как работаешь — энергично, с легкостью? Не злись, не скучай, не томись. Увидимся — все позабудем. Мне хочется, чтобы у тебя был дух бодрый теперь, свежий».

Позднее Вл. И. Немирович-Данченко вспоминал о работе Чехова над «Тремя сестрами»: «Чехов писал „Трех сестер“ летом 1901 года <следует: 1900> в Ялте, а переписывал в Москве ранней осенью. Он тратил на одно действие 2–3 дня, но между действиями делал значительные перерывы. набросок пьесы хранился у него в виде отдельных маленьких диалогов. В последний год у него развился такой прием письма.

— У меня весь акт в памяти, — говорил он. — Сцена за сценой, даже почти фраза за фразой, надо только написать его. — Я не помню, чтобы об этом приеме письма в разных биографиях Чехова что-нибудь говорилось. Он писал не так, как Лев Толстой, кото-

рый приступал, имея только основную линию, основной замысел, а находил выражения только во время процесса самого письма. Как бы только во время самой творческой работы нащупывал истинную свою правду. И, в частности, встречал даже неожиданности, которые так или иначе влияли не только на архитектуру произведения, но даже на направление главной мысли. Словом, вся важнейшая творческая работа шла в процессе писания. А у Чехова она совершалась ранее в отдельных набросках, даже в простом записывании отдельных характерных фраз» (Вл. И. Немирович-Данченко. «От редактора». — В кн.: Н. Эфрос. «Три сестры». Пьеса А. П. Чехова в постановке Московского Художественного театра. Пб., 1919, стр. 7–8).

Увидимся ли? ~ В первых числах сентября...
— Книппер спрашивала: «А когда увидимся? Нигде это не написано? Ни в каких небесах, где бы можно прочесть? Ты еще об этом нигде не читал?» Почти одновременно с этим письмом 13 августа Книппер писала М. П. Чеховой: «Владимир Иванович <Немирович-Данченко> встретил Ивана Павловича

<Чехова>, и тот сказал ему, что Антон Павлович будет жить зиму в Москве — что за нелепость? Я была удивлена, когда Вл. Ив. передал мне это. Странно ты спрашиваешь — на чем порешили с братом твоим? Разве с ним можно порешить? Я сама ничего не знаю и страдаю сильно от этого» («А. П. Чехов. Сборник статей и материалов». Симферополь, 1962, стр. 93).

Один журавль улетел. — У Чехова на ялтинской даче жили два прирученных журавля (см. примечания к письму 3126*). О дальнейшей судьбе исчезнувшего журавля сообщала Чехову за границу М. П. Чехова в письме от 28–31 декабря 1900 г. 28 декабря она писала: «Второй журавль нашелся, но он заболел, лежит у Марьюшки в кухне на рогожке и, кажется, издохнет. Говорят, он ушибся, играя с кривым журавлем». А через день она извещала: «Журавль окошел» (*Письма М. Чеховой*, стр. 165).

...с каким ~ восторгом я пробежался бы теперь в поле... — Отклик на следующие строки письма Книппер: «В субботу я после дневной репетиции уехала на дачу к Ольге»

Мих<айловне> <...> Там пробыла воскресенье до 5 ч. и вернулась к репетиции. Я с диким восторгом вдыхала дивный аромат лесов, гуляла и радовалась каждой березке, каждому осеннему цветочку, выцарапывала мох и нюхала землю; нашла грибочек, хотя они нигде не рождаются этот год. Утром роса на траве. Еще совсем мало желтизны на деревьях, т<ак> ч<то> не похоже на осень. Сегодня прошел здоровый дождик, а то жара была адская. Антон, родной мой, проведем будущее лето здесь где-нибудь в деревне — хочешь? Я все думала, как ты удивительно подходишь к этой чисторусской природе, к этой шире, к полям, лугам, овражкам, уютным тенистым речкам».

Маша уезжает завтра. — О своей встрече с М. П. Чеховой в Москве Книппер писала в письме от 23 августа: «Уже два дня, что я не писала тебе, — целая вечность, правда? Все болтала и ездила с Машей, а о тебе и думать забыла — понял? Вру, вру, родной мой. И болтали-то очень много о тебе, даже очено много. Как я была рада Маше — ты веришь? Мне дико, что мы будем жить врозь. Но, конечно,

большую часть времени я буду торчать у нее. Я совсем отвыкла от своих, это ужасно, но это так» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 169).

Алексеевых ~ не вижу. — К. С. Станиславский и М. П. Лилина переехали из Ялты в Алупку. 9 августа 1900 г. Станиславский писал Немировичу-Данченко: «Я приехал в Ялту 5 августа пароходом, после 2-х дней путешествия по бурному морю. 5 августа весь день ходил шальной. В воскресенье на меня нагрянули ялтинск<ие> знакомые, а в понедельник я бросился в Алупку, чтобы искать помещения и удрать от знакомых. Во вторник переезжали из Ялты в Алупку (дача Постельниковой). Сегодня наконец начинаю отдыхать» (*Ежегодник МХТ*, 1949–1950, стр. 185).

Вишневский мне не пишет ~ плохую роль. — В письме к Чехову от 31 августа Вишневский так объяснял свое молчание: «Я давно собирался Вам написать, но с утра до глубокой ночи все занят в театре на репетициях. Мы так живем ускоренно, мы так торопимся жить и время так бежит в нашей деятельности, что положительно 24 часа в сутки, по крайней мере мне, мало! Зачем и куда мы так

торопимся — это совершенно никому неизвестно! Кстати, еще одна причина, почему я Вам не писал по возвращению в Москву. Это то, что я должен был все время искать себе квартиру, ибо мою комнату я принужден был уступить родственнице Гликерии Николаевны, которая всегда и жила там, но теперь она возвращается из-за границы в Москву» (ГБЛ). О Вишневском Книппер сообщала в письме от 24 августа: «Вишневский съехал от Федотовой, живет в меблир<ованных> комн<атах> „Тюрби“, где Сандуновские бани, и приглашал меня и Машу к себе чай пить». В «Трех сестрах» Чехов писал специально для Вишневского роль учителя гимназии Кулыгина.

3124. О. Л. КНИППЕР

20 августа 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 59–60.

Год определяется по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 20 VIII.1900; Москва. 24 VIII.1900.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 16 августа 1900 г.; Книппер ответила 24 августа (*Пе-*

реписка с Книппер, т. 1, стр. 160–162 и 172–173).

...получила от меня до сих пор только одно письмо... — Об этом же Книппер писала М. П. Чеховой 13 августа 1900 г.: «Сегодня получила твое письмо. От Антона Павловича до сих пор ни одного — что это значит — не понимаю. Волнуюсь уже третий день. Не буду писать, пока не получу. У меня ужасные мысли лезут в голову. Если завтра не будет письма, не буду знать, что думать. Я хожу вечно утомленная, вечно хочу лежать и не двигаться» («А. П. Чехов. Сборник статей и материалов». Симферополь, 1962, стр. 93).

Екатерина Николаевна — Немирович-Данченко.

Пьеса начата... — «Три сестры».

Дядю Сашу надо женить. — Книппер писала 16 августа о своем впечатлении от разговора с А. И. Зальца: «Мне сейчас тоскливо — слушала исповедь дяди Саши. — Неудовлетворенность, сознание нелепо прожитой жизни, рассказ о своих кутежах, попойках, болезненное искание в себе хоть кусочка чего-то чистого, человеческого, раскаяние, желание все поправить — и все это однотонным, глухим

голосом при свете одной свечи. На столе колбаса и тарелка с крыжовником, кот<орый> я ела, слушая его. Жалко его ужасно, говорит о револьвере, но, конечно, этого бояться нечего. Все спрашивал, верю ли я в него, что он исправится теперь после лагеря. Мне больно, что я не обошлась с ним мягче, но меня возмутили некоторые его поступки в это лето. Я только молча слушала его, отвечала мало, ничего не рассказывала. Он это чувствует. Брякнул, что хотел бы тебе все рассказать, что, может, только ты один понял бы его лучше, чем я. Жалко, жалко мне его».

...Вл<адимир> Ив<анович> придет сюда на две недели, чтобы работать. — Немирович-Данченко собирался в Ялту, чтобы работать над своей новой пьесой «В мечтах». «Новости дня» писали о ней: «Вл. И. Немирович-Данченко оставил первоначальную мысль переделать в драму свою повесть „Губернаторская ревизия“ и пишет теперь совершенно новую пьесу, на тему о роли женщины в современной общественной жизни. Пьеса задумана очень широко и отразит в себе новейшие философские течения, с ницшеан-

ством во главе. У автора написаны уже два акта. Пьеса будет в 4-х актах» (1900, № 6179, 4 августа). Однако режиссерская работа над пьесой Г. Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» в Художественном театре, а затем болезнь сестры не позволили Немировичу-Данченко осуществить свое намерение. В письме от 24 августа Книппер сообщала Чехову, что поездка Немировича-Данченко в Ялту не состоится, так как он «едет 30-го в Варшаву к сестре <Варваре Ивановне Немирович-Данченко>, которая очень плоха. На всякий случай, не говори об этом его жене, раз она ждет его в Ялту, хотя наверное она это знает».

Я удеру в Гурзуф... — Во время работы над «Тремя сестрами» Чехову не раз приходилось скрываться от назойливых посетителей на свою дачу в Гурзуфе (см. примечания к письму 3120*).

3125. В. М. ЛАВРОВУ

21 августа 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 91.

Ответ на письмо В. М. Лаврова от 17 авгу-

ста 1900 г. (ГБЛ, ф. 77, карт. 10, ед. хр. 49); Лавров ответил 5 сентября (ГБЛ).

...не писал тебе, потому, что не знал, где ты... — Ответ на запрос Лаврова: «Где ты пропал? Если ты думаешь, что поступаешь хорошо, оставляя своих друзей целый год без вести, то жестоко ошибаешься, и я имею полное право серьезно обижаться на тебя».

Повесть пришлю в ноябре... — Лавров напомнил Чехову: «И „Русскую мысль“ ты забыл совершенно. Обещал нам повесть, и даже длинную, а в конце не прислал даже и маленького рассказа. Пожалуйста, милый, пришли нам что-нибудь к осени, и во всяком случае ответь на это письмо». В ответном письме Лавров так откликнулся на обещание Чехова: «Спасибо тебе за письмо и обещание прислать повесть. Непременно рассчитываю на нее». Повесть для «Русской мысли» написана не была. В этот журнал Чехов вскоре дал пьесу «Три сестры».

С удовольствием посидел бы теперь где-нибудь в московском трактирчике. — На это Лавров отвечал в письме от 5 сентября: «Ты пишешь, что собираешься в Москву. Это по-

хвально, а также и твое намерение провести несколько сладких мгновений в трактире заслуживает всякого одобрения и нравственной поддержки. Нужно ли говорить, что ты всегда можешь рассчитывать на нее с моей стороны».

3126. О. Л. КНИППЕР

23 августа 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 60–61.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 24 VIII.1900; Москва. 26 VIII.1900.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 19 августа 1900 г.; Книппер ответила 28 августа (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 164–166 и 175–176).

...в женскую гимназию, к начальнице. — К В. К. Харкеевич.

...хорошенькая венгерка ~ играла на арфе и смешила нас. — Маргарита Тойман (Шитохина), арфистка и автор музыкальных произведений для арфы.

...Верочка приехала из Харькова. — В. С. Пасек (впоследствии — Чоглокова).

Пьесу пишу, но боюсь, что она выйдет скучная. — В письме от 19 августа Книппер писала о будущей пьесе: «Я страшно рада, что ты сел за работу. Пьеса должна выйти отличной — понимаешь? И я чувствую, что она выйдет интересной. Как мне хочется поскорее прочесть ее с тобой вдвоем!»

...поговорим ~ когда буду в Москве. — Чехов уехал из Ялты в Москву 21 октября 1900 г.

Журавль скучает. — После исчезновения второго журавля (см. примечания к письму 3123*). О ялтинских журавлях Книппер вспоминала в заметке «Несколько слов об А. П. Чехове»: «По утрам Антон Павлович обыкновенно сиживал в саду и при нем всегдашние адъютанты — две собаки, дворняжки <...> и два журавля с подрезанными крыльями, которые были всегда около людей, но в руки не давались. Журавли эти были очень привязаны к Арсению — и дворнику и садовнику вместе, — очень тосковали, когда он отлучался. О возвращении Арсения из города весь дом знал по крику этих серых птиц и странным движениям, которыми они выражали свою радость — что-то вроде вальса» (*Переписка с*

Книппер, т. 1, стр. 35–36).

А где мне остановиться? В какой гостинице... — На этот вопрос Книппер отвечала в письме от 28 августа: «Ты меня спрашиваешь о гостинице? Но я думаю, ты остановишься у Маши. Ее жиличка, верно, не скоро приедет, и тебе будет отлично, и приятнее, чем в гостинице — права я? Сегодня доканчивали убирать Машину комнату. Я приколачивала занавески на окнах, т. е. скорее украшения для окон, полотеры вычистили полы, постлали ковры, и стало удивительно тепло и уютно».

Ты ходишь с Вишневым в оперетку? — Отклик на следующие строки письма Книппер: «Сейчас полночь, я вернулась из Эрмитажа (из нашего), где попробовала слушать оперетку, но кроме грубости, пошлости и вульгарности ничего не видела. И люди могут смеяться над этим — не могу этого понять и возмущаюсь. Мне сегодня не хотелось сидеть одной дома. Я уже насиделась за эти дни, тем более, что вчера мне нездоровилось и я лежала целый день одна. Днем сегодня репетировала, была у портнихи, навестила Евгению Мих., в

7 час<ов> зашла в театр за жалованием, посмотрела Штокмана немного и с Вишневым пошла в оперетку — приятный кавалер? Как ты думаешь? Там встретили Дмитрия Шенберга, посмотрели 1 1/2 акта, поглядели на гимнастов, и я, насытившись всеми прелестями и промерзнув, отправилась домой и села писать моему далекому милому человечку».

3127. В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ

25 августа 1900 г.

Печатается по тексту: *Письма*, т. VI, стр. 92, где опубликовано впервые, по автографу. Нынешнее местонахождение автографа неизвестно.

Год устанавливается по письму В. Ф. Комиссаржевской без даты, с пометой Чехова: «1900.VIII», на которое он отвечает; Комиссаржевская ответила телеграммой от 3 сентября 1900 г. в письме без даты («Вера Федоровна Комиссаржевская. Письма актрисы. Воспоминания о ней. Материалы». М. — Л., 1964, стр. 89–90).

Вы сердитесь, Вера Федоровна? Но что делать! — В начале августа Комиссаржевская

приезжала на несколько дней в Ялту, где два раза встречалась с Чеховым. О своем впечатлении от первой встречи с Чеховым Комиссаржевская писала по отъезде из Ялты в письме от 9-12 августа: «Все-таки я рада, что видела Вас, Антон Павлович, что побывала в Гурзуфе, и хочу хоть в письме сказать Вам еще раз до свидания. „Все-таки“ я говорю еще потому, что мне жаль и непонятно, почему мы с Вами так мало говорили. Я не таким ждала Вас встретить. Мне казалось, что когда я Вас увижу, то закидаю вопросами, и сама скажу Вам хоть что-нибудь. Это не вышло. Вы были все время какой-то „спеленатый.“ А может быть, причина лежала во мне. Знаете, это ужасно странно, но мне все время было жаль Вас. Я совсем не умею ни разобраться в этом ясно, и тем более объяснить, но жаль, жаль до грусти. А еще что-то неуловимое было все время в Вас, чему я не верю, и казалось, вот-вот какое-то движение надо сделать и это неуловимое уйдет. А в результате очень много у меня к Вам хорошего чувства, и Вы за него дайте мне одно — будьте со мной всегда при всевозможных условиях искренни до конца. Пони-

маете, не откровенности я хочу, а искренности. Это не так легко, как кажется, — оттого я и прошу у Вас этого».

...я вырвал два снимка... — Во время первой встречи Чехова и Комиссаржевской в Ялте 3 августа Чехов подарил ей две свои фотографии. На одной из них сделал дарственную надпись: «Вере Федоровне Комиссаржевской на память об Ялте, 3 августа 1900 г., преданный ей Антон Чехов» (*ГЦТМ*, воспроизведена в *ЛН*, т. 68, стр. 274); на другой: «Вере Федоровне Комиссаржевской 3-го августа, в бурный день, когда шумело море, от тихого Антона Чехова» (*ГЦТМ*, воспроизведена в *ПССП*, т. 18, стр. 33). Во время второй встречи (между 7 и 9 августа) Комиссаржевская сфотографировалась, и в письме от 9-12 августа просила Чехова: «Пришлите карточки мои». В ответном письме (без даты) Комиссаржевская опять обращалась с просьбой: «Карточки мне нравятся. Вышлите мне по полдюжины каждой позы и напишите, что я должна. Нельзя ли ретушировать, чтобы я не казалась горбатой, где я в профиль».

Статья Боборыкина... — Отклик на следу-

ющую просьбу Комиссаржевской: «Напишите мне, в каких книжках „Русской мысли“ статья Боборыкина, о которой Вы мне говорили». Речь идет об очерках П. Д. Боборыкина «Вечный город. Итоги пережитого», которые печатались в «Русской мысли». Очерки посвящены описанию Рима как обширнейшего хранилища памятников античности и эпохи Возрождения, которое перемежается с бытовыми зарисовками современной автору Италии. В шестой книжке «Русской мысли» за 1900 г. помещена пятая глава очерков Боборыкина — «Ватикан в конце века», где и описывалась аудиенция у папы. Отдельным изданием книга Боборыкина «Вечный город. Итоги пережитого» вышла в Москве в 1903 г.

...здесь я не живу, а засыпаю... — А. А. Плещеев, описывая день, проведенный с Чеховым, приводит характерное высказывание писателя о Ялте: «Хорошо, красиво <...> даже в декабре встречаются такие чудные дни, как сегодня, хотя, конечно, бывает скучновато... однообразно. Разумеется, если приехать сюда, да ничего не делать... день, другой — и поведишься» (А. А. Плещеев. «Чеховский день». От-

рывки из воспоминаний. — ИРЛИ, Р III, оп. 2, № 1565).

А пьесу все-таки пишу ~ пришлю Вам. — Комиссаржевская надеялась получить «Три сестры» для своего бенефиса. В ответной телеграмме она писала: «Благодарю за письмо, карточки. Пишу. Телеграфируйте, когда кончите. Нужно знать раньше для бенефиса».

В сентябре поеду в Москву... — Чехов выехал в Москву 21 октября.

Не сердитесь на меня! — В ответном письме Комиссаржевская писала: «Я на Вас не сержусь — это не то слово. Когда я думаю о Вашей жизни, как она течет сейчас, — у меня сердце сжимается. Хотелось послать Вам хотя грубый эскиз той картины, что может интересовать Вас, но, увы, во-первых, нет таланта, а во-вторых, круг моих занятий, впечатлений, встреч и так далее так заметно сужается, что страшно — не задушил бы он меня самое, это не так трудно, как кажется».

3128. М. П. ЧЕХОВОЙ

28 августа 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые

опубликовано: *Записки ГБЛ*, вып. 16, стр. 185.

Год устанавливается по письму М. П. Чеховой от 22 августа 1900 г., на которое Чехов отвечает; М. П. Чехова ответила 1 сентября (*Письма М. Чеховой*, стр. 157–159).

...ты пишешь, чтобы я выслал денег... — В письме от 22 августа М. П. Чехова писала: «В четверг переезжаю <на новую квартиру>, нужно заключать контракт и платить за квартиру. Пришли, пожалуйста, мне денег, а то у меня мало. Комнату одну постараюсь сдать, если ты не приедешь до весны. Квартира № 7». Получив ответ и деньги, М. П. Чехова сообщила 1 сентября: «Сегодня, дорогой Антоша, я получила от тебя заказное письмо и страшно обрадовалась. Не деньгам, конечно, а твоему, хотя и очень тощему, но все-таки письму. За деньги очень благодарна, теперь я могу заплатить месяца за три вперед и быть покойной. Жилички у меня еще нет. Ворони-на пока не приехала».

У меня каждый день Ладыженский... — В ответном письме М. П. Чехова недоумевала: «Ты пишешь, что дней 10 назад приехал Ладыженский. Ведь он еще при мне приехал, за

неделю до моего отъезда. Я думала, что он уже уехал».

Пьесу писать, конечно, нельзя. — «Три сестры».

3129. О. Л. КНИППЕР

30 августа 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 61–62.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 31 VIII.1900; Москва. 2 IX.1900.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 24 августа 1900 г.; Книппер ответила 4 сентября (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 172–173 и 179–180).

...пишу пьесу ~ кончу ее теперь. — Об этом периоде работы Чехова над пьесой «Три сестры» К. С. Станиславский вспоминал: «...мы все время подзуживали его на то, чтобы он писал пьесу. Из его писем мы знали, что он пишет из военного быта, знали, что какой-то полк откуда-то куда-то уходит. Но догадаться по коротким, отрывочным фразам, в чем заключается сюжет пьесы, мы не могли. В письмах, как и в своих писаниях, он был скуп на

слова. Эти отрывочные фразы, эти клочки его творческих мыслей мы оценили только впоследствии, когда уже узнали самую пьесу.

Ему или не писалось, или, напротив, пьеса была давно уже написана, и он не решался расстаться с ней и заставлял ее вылеживаться в своем столе, но он всячески оттягивал присылку этой пьесы. В виде отговорки он уверял нас, что на свете столько прекрасных пьес, что: — Надо же ставить Гауптмана, надо, чтобы Гауптман написал еще, а что он же не драматург, и т. д.

Все эти отговорки приводили нас в отчаяние, и мы писали умоляющие письма, чтобы он поскорее прислал пьесу, спасал театр и т. п. Мы сами не понимали тогда, что мы насилируем творчество большого художника» («А. П. Чехов в Художественном театре» — *Станиславский*, т. 5, стр. 348). Как и обещал Чехов, пьеса «Три сестры» была закончена вчерне в Ялте, до отъезда в Москву 21 октября 1900 г.

Ах, как мне мешают, если бы ты только знала!! — Письма Чехова из Ялты этих лет наполнены жалобами на гостей, которые мешают работать (ср. письма № 3122, 3123, 3124,

3136). О том же говорят многие воспоминания о Чехове. Так, И. Н. Альтшуллер вспоминал: «...Чехова считали долгом посетить съезжавшиеся <в Ялту> писатели и вообще люди, имевшие отношение к литературе и журналистике. И так как они отдыхали и делать им было нечего, то приходили часто и сидели по долгу. Среди них были люди Чехову приятные и близкие, с которыми ему было хорошо и которых он сам звал, а были и чуждые и несимпатичные, от которых отделаться он все-таки не мог <...> Кто к нему только не ходил, и по каким только делам! Фельдшер, долгое время присылавший ему для прочтения плоды своей безграмотной музы, приезжает специально в Ялту, чтобы посоветоваться, так как Чехов „тоже нашего медицинского персонала“. Знакомая владелица вновь открывающегося курорта является с просьбой написать для газет объявление такое, „чтобы действительно было замечательно“. И когда смущенный Антон Павлович клянется, что он никогда этим не занимался, она смеется и говорит: „Тоже, ей-богу, Вы скажете, самый замечательный писатель и вдруг не можете! Кто же

этому поверит?“ Приходил учитель гурзуфской школы, молчаливый человек, просиживавший часами, покусывая свою бородку. Приходили посоветоваться, как устроиться получше, как устроить своих больных, приходили по выдуманным предлогам, так как в программу пребывания на южном берегу, кроме посещений Учан-Су, Ай-Петри, массандровских подвалов и прочих достопримечательностей, входил и визит к популярному писателю. И мешали ему работать, мешали думать, мешали быть одному. А отказать, защитить себя он не был в состоянии, не умел, и если не всегда был с такими посетителями слишком приветлив, то всегда внешне любезен и корректен» (И. Н. Альтшуллер. О Чехове. — *Чехов в воспоминаниях*, стр. 592–594). Несомненным, однако, является то, что, тяготясь подобными посещениями, Чехов не только не ограждал себя от них, что объяснялось отчасти его исключительной деликатностью, но то и дело настойчиво звал к себе в гости, нередко едва даже познакомившись с человеком. По-видимому, это объясняется его художественною потребностью наблюдать,

изучать людей, обогащать себя впечатлениями. Эту особенность Чехова подчеркивал в своих воспоминаниях А. И. Куприн: «Бывали у него люди всех слоев, всех лагерей и оттенков. Несмотря на утомительность такого постоянного человеческого круговорота, тут было нечто и привлекательное для Чехова: он из первых рук, из первоисточников знакомился со всем, что делалось в данную минуту в России» (А. И. Куприн. «Памяти Чехова». — Там же, стр. 549).

3130. М. О. МЕНЬШИКОВУ

2 сентября 1900 г.

Печатается по подлиннику (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: без даты — Чехов, изд. Атеней, стр. 132; с датой 2 или 3 сентября 1900 г. — ПССП, т. XVIII, стр. 384.

Телеграмма. Дата устанавливается по служебной помете на телеграфном бланке: «Принята 2» и по телеграмме М. О. Меншикова от 1 сентября 1900 г. (ГБЛ), на которую отвечает Чехов.

Повремените немножко... — В своей телеграмме Меншиков выражал беспокойство

по поводу отсутствия рассказа, который Чехов обещал написать для «Недели»: «Очень тревожимся. Нет рассказа». Вероятно, во время пребывания Меншикова в Ялте в конце июля 1900 г. Чехов не только пообещал дать для «Недели» рассказ, но и рассказал его содержание и дал ему название «Калека». Об этом свидетельствует письмо Меншикова к Чехову от 12 августа 1900 г.: «Дома я застал все по-старому. Редакция наша переехала на Фонтанку, и с балкона вид напоминает Венецию. Издатели наши просили передать Вам глубокую благодарность за Ваш прекрасный рассказ, которому единственно чего недостает — быть присланным для печати. В самом деле, что же с „калекой“? Жду не дождусь и уже начинаю тревожиться. У нас очень трудные времена — за деньги, за хорошие деньги не достать талантливых сотрудников, а отдавать старую „Неделю“ на съедение серой пищущей братии — не хочется. Серьезно прошу, дорогой Антон Павлович, поддержите нас». В рукописях Чехова сохранилось начало рассказа «Калека», который так и не был завершен (см. т. 1 °Сочинений). Рассказ для «Неде-

ли» не был написан Чеховым.

3131. М. П. ЧЕХОВОЙ

2 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 384.

Год устанавливается по ответному письму М. П. Чеховой от 5 сентября 1900 г. (Письма М. Чеховой, стр. 159–160).

...кончу пьесу. — «Три сестры».

...надо дать ей пожить в Москве... — На это М. П. Чехова отвечала: «Теперь насчет мамами. Конечно, отчего ей не приехать в Москву. Но если бы ты знал, как мне трудно было отвозить ее в Крым! Я в Москве в смысле хозяйства устроилась на студенческий лад, кровати совершенно нет, посуды тоже мало, все весной я отправила в Ялту. Хотя бы до половины октября она прожила в Крыму. Ведь польют дожди, начнут у нее ноги ломить, холодно, сыро. Комфорта такого, как у нас в Ялте, она нигде не найдет. И как будет грустно, если Рождество мне придется проводить не в Ялте, не в своей милой комнатке, я считаю ее своим настоящим домом. Если бы мать могла

дотерпеть до половины декабря, когда я приеду? <...> После Рождества я взяла бы ее с собой в Москву до самой Пасхи. На Пасху привезла бы опять сама же обратно в Ялту <...> Как она поедет, кто будет ее сопровождать? На днях приедет Соня Малкиель в Ялту, быть может, она будет добра взять на себя эту обязанность? Она добрая девица. Она хотела побывать у вас проездом в Симеиз, где она будет жить недели три».

Ладыженский еще здесь. — См. примечания к письму 3128*.

Вишневский на меня сердится?.. — Этот вопрос был вызван отсутствием писем от Вишневского (см. примечания к письму 3123*). По этому поводу М. П. Чехова писала 5 сентября: «Вишневского Гликеша <Г. Н. Федотова> протурила от себя, и он поглупел еще больше. Живет он теперь в номерах. Сердиться на тебя и не думает».

3132. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

5 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано (с датой 5 августа 1900 г.): *Пись-*

ма, т. VI, стр. 89–91.

Дата «5 авг.», поставленная Чеховым ошибочно, исправляется на основании письма Вишневого от 31 августа 1900 г. (*ГБЛ*), на которое отвечает Чехов, и подтверждается содержанием письма: в начале августа Чехов лишь начал работу над пьесой «Три сестры» (см., например, письмо к Книппер от 14 августа) и сообщать, что «уже написал много», — не мог; в тот же день — 5 сентября — в письме к Книппер он повторяет то, что пишет и Вишневскому: что пьесу надо отложить до будущего сезона и что вскоре он собирается ехать в Москву.

Пьесу я пишу... — Отклик на следующие строки письма Вишневого: «Ждем с нетерпением пьесу Антона Чехова. Вы, наверное, слышали об этом модном писателе. Пьеса, на которой мы все и публика должны отдохнуть, т. к. оригинальной современной пьесы еще до сих пор нет, все играем переводные. Заранее можно предсказать пьесе Чехова громадный успех в Художественном театре, а автору больших авторских, ибо театр теперь вмещает 1500 р., и если играть пьесу в ноябре, то

можно будет получить минимум 31 т<ысячу> авторских (без Петербурга потом). Надо было бы Антону Чехову поторопиться». О заинтересованности всего коллектива Художественного театра в скорейшем окончании работы Чехова над новой пьесой говорят и другие письма руководителей и артистов театра. Так, В. Э. Мейерхольд писал Чехову 4 сентября 1900 г.: «Неужели может случиться, что Вы не дадите нам Вашей пьесы в этом году?! Для меня это будет большое огорчение. Я все-таки, видите ли, рассчитываю получить рольку в Вашей пьесе. Сознаюсь. Уж очень тоскливо без дела, во-первых, а во-вторых, сыграть чеховского человека так же важно и интересно, как сыграть шекспировского Гамлета» (В. Э. Мейерхольд. Статьи, письма, речи, беседы, ч. I, стр. 80–81). Все это давало право позднее сказать Мейерхольду в «Докладе о репертуарном плане Государственного оперного театра имени К. С. Станиславского» 4 апреля 1939 г.: «...Художественный театр получил такого автора, как Чехов, общими усилиями театра. Что Вы думаете, Константин Сергеевич и Владимир Иванович привлекли его в театр? Нет, мы

предъявляем наши права. Пусть что угодно пишут Владимир Иванович и Константин Сергеевич в своих воспоминаниях. Я тоже хочу написать свои воспоминания, но я ленив. Но я тоже предъявляю свои права, Ольга Леонардовна тоже предъявит свои права, Вишневский тоже предъявит свои права, Москвин и т. д., потому что все мы его тащили в театр, все мы его окружали такой заботой и так его обволакивали лаской, что он почувствовал, что он идет в свою среду» (там же, ч. II, стр. 476).

...пока я не в Москве, судить о ней не могу.
— К. С. Станиславский писал в своих воспоминаниях: «...он никогда не умел критиковать своих пьес и с большим интересом и даже удивлением слушал мнения других. Что его больше всего поражало и с чем он до самой смерти примириться не мог, это с тем, что его „Три сестры“, а впоследствии „Вишневый сад“, — тяжелая драма русской жизни. Он был искренне убежден, что это была веселая комедия, почти водевиль. Я не помню, чтобы он с таким жаром отстаивал какое-нибудь другое свое мнение, как это, в том засе-

дании, где он впервые услышал такой отзыв о своей пьесе» («А. П. Чехов в Художественном театре». — Станиславский, т. 5, стр. 348–349).

Называется она «Три сестры» (как Вам уже известно)... — К этому времени название новой пьесы Чехова уже не было тайной, так как еще 31 июля 1900 г. в газете «Новости дня» (№ 6175) была помещена небольшая информация: «Новая пьеса А. П. Чехова, которую он пишет для Художественно-Общедоступного театра, будет называться, по слухам, „Три сестры“».

...для Вас przygotowляю роль инспектора гимназии... — Чехов специально для Вишневого писал в пьесе «Три сестры» роль учителя гимназии Федора Ильича Кулыгина. Вероятно, первоначально Чехов думал его сделать инспектором гимназии.

Если пьеса не сгодится ~ переделаю... — О доработке «Трех сестер» см. примечания к письму 3184*. Впервые пьеса была поставлена Московским Художественным театром 31 января 1901 г.

Завидую Вам, что Вы часто бываете ~ в бане. — Чехов имеет в виду следующие строки

из письма Вишневского: «В настоящее время я устроился в меблированной ком<нате> „Тюрби“ на Неглинной. Комната у меня отличная, хотя плачу очень дорого, но зато большая, светлая, веселая, чистая, много воздуха, электрич<еское> освещение и, главное, рядом с банями, а без них я не могу жить. Когда будете в Москве, надеюсь осчастливите и пожалуйста ко мне в гости. На днях у меня было новоселье и пили чай: Марья Павловна, Ольга Леонар<довна> и Владимир Иванович; им мое помещение очень понравилось».

Пристрастие Вишневского каждый день ходить купаться в Сандуновские бани стало предметом одной из шуток Чехова, о которой позднее вспоминал К. С. Станиславский: «...Антон Павлович не мог смотреть без улыбки на А. Р. Артема и все говорил:

— Я же напишу для него пьесу. Он же непременно должен сидеть на берегу реки и удить рыбу...

И тут же выдумал и добавил:

— А Вишневский будет в купальне рядом мыться, плескаться и громко разговаривать...

И сам покатывался от такого сочетания»

(«А. П. Чехов в Художественном театре». — Станиславский, т. 5, стр. 352–353).

Я весь теперь покрыт рыбьей чешуей... — См. примечания к письму 3121*.

Говорят, что Вы женитесь на Р. — Речь идет об актрисе Художественного театра М. Л. Роксановой (Петровской).

Сестра пишет, что у Вас очень хорошая квартира... — Это письмо М. П. Чеховой неизвестно.

3133. О. Л. КНИППЕР

5 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 62–63.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 28 августа 1900 г.; Книппер ответила 10 сентября (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 175–176 и 185–187).

...я только «Иванова» ставил у Корша тотчас же по написании... — Пьеса «Иванов» была закончена 5 октября 1887 г. и уже в тридцатых числах октября Чеховым было подписано условие с театром Ф. А. Корша на ее постановку. В конце октября начались репетиции, а 19 ноября состоялась первая по-

Становка пьесы.

...начальница гимназии... — В. К. Харкеевич.

...видел Екатерину Николаевну... — Жену Вл. И. Немировича-Данченко.

На Мл. Дмитровке нет ни стола, ни постели... — В письме от 28 августа Книппер советовала Чехову остановиться в Москве у Марии Павловны (см. примечания к письму 3126^{*)}).

3134. М. П. ЧЕХОВОЙ

5 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ГЛМ). Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 68, стр. 232, с указанием на то, что год определен владельцем автографа И. М. Саркизовым-Серазини со слов М. П. Чеховой.

3135. О. Л. КНИППЕР

6 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 63–64.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 6 IX.1900; Москва. 10

IX.1900.

О. Л. Книппер ответила 12 сентября 1900 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 188–189).

Я приеду, когда кончатся у тебя репетиции и начнутся спектакли... — Весь август в Художественном театре шли интенсивные репетиции «Снегурочки» А. Н. Островского и пьесы Г. Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся». Вначале О. Л. Книппер репетировала в «Снегурочке» роль Купавы. Однако затем К. С. Станиславский поручил ей роль Леля, которую она готовила со вторым составом исполнителей. О работе Книппер над ролью в пьесе Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» Вл. И. Немирович-Данченко писал Станиславскому 14 августа 1900 г.: «С Ольгой Леонардовной на второй репетиции сильно поцарапались. Начала упираться, соскакивая в рутину, тогда я поднял тон, чуть поссорились. Затем имел с ней разговор и сказал, что *против ее воли* не позволю так мало работать, как она работала в прошлом году, потому что не хочу, чтоб у нас пропадала хорошая актриса. И потому буду придираюсь к ней, как черт. На другой же день задал ей такую репе-

тицию, повторяя сценки раз по 12, да каждое слово, да каждое движение, что она потом говорила: „Задали вы мне сегодня гонку, я чуть не расплакалась!“ — „Зато, — я говорю, — вы в одну репетицию неузнаваемы“. (Кстати, Вам я должен сообщить этот маленький секрет: она мне сказала, что брак ее с Ант<оном> Павл<овичем> — *дело решенное...* Ай-ай-ай! Это, может быть, и не секрет, я не расспрашивал. Но она мне так сообщила: „После мамы Вам первому говорю“.)» (*Избранные письма*, стр. 219). 21 августа Немирович-Данченко в письме Станиславскому выражал удовлетворение игрой Книппер в пьесе Ибсена: «У Ольги Леонардовны роль идет очень хорошо, и этих тонов она еще не показывала публике. Если она будет достаточно *молода* и интересна, то сыграет прекрасно» (там же, стр. 223). Первым спектаклем в сезоне 1900 г. для Книппер были «Одинокие» Г. Гауптмана: 25 сентября она исполнила в пьесе роль Анны Мар.

Я приеду ~ после 20-го сентября. — В ответном письме на это Книппер возражала: «Отчего ты хочешь приехать после 20-го, а не сейчас? Ведь тепло, хорошо, солнце греет. И пи-

сать тебе здесь будет интереснее, чем в твоей ялтинской ссылке».

3136. А. Б. ТАРАХОВСКОМУ

6 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: отрывок — в статье А. Б. Тараховского «Письма А. П. Чехова» («Приазовский край», 1904, № 182, 11 июля, стр. 4); полностью — *Письма*, т. VI, стр. 93–94.

Ответ на письмо А. Б. Тараховского от 4 сентября 1900 г.; Тараховский, ответил 10 сентября (ГБЛ).

...ничего не могу сделать для Вас. — Ответ на просьбу, содержащуюся в письме Тараховского: «Я, жена и дети находимся в настоящее время в Балаклаве, куда нас послали для купанья и лечения виноградом. Произошло это следующим образом. 3 августа жена решилась от бремени девочкой, очень здоровой и крепкой. А через две недели девочка наша умерла <...> и это на всех нас, а на жену в особенности, произвело прямо убийственное впечатление. Все врачи советовали нам поскорее убраться на время из Таганрога, чтобы

немного рассеять сильно потрясенную и физически и нравственно жену. Зная, что в Ялте мне нельзя жить как еврею, мы избрали Балаклаву и приехали сюда. Но здесь совсем ничего хорошего нет. Холодно, сыро, дожди, постоянный ветер. О купанье не может быть и речи, и кроме того полное неблагоустройство и скука. И мы решили уехать отсюда. Но куда? Вот почему я и решился, уважаемый Антон Павлович, беспокоить Вас. Не знаете ли Вы, как строго преследуется на Южном берегу Крыма (Ялта, Алушта, Гурзуф, Симеиз и пр.) проезд евреев для лечения, и нельзя ли как-нибудь устроить, чтобы я мог прожить там около месяца. Жена, как врач, имеет право жительства повсюду, следовательно, вопрос только обо мне. В Таганроге благодаря знакомству мне нередко удавалось это устраивать, но может быть в Ялте, особенно теперь, по случаю приезда государя, об этом нельзя и думать. Во всяком случае, я очень прошу Вас сообщить мне, как быть? Здесь ужасная тоска, а ехать обратно в Таганрог не хотелось бы. Мы здесь с 31 августа, и за все время не было ни одного теплого дня. <...> Прошу еще раз

простить, что я беспокою Вас, но уж слишком несимпатична мне Балаклава, и если без особых затруднений Вам удалось бы исполнить мою просьбу, Вы оказали бы нам величайшую помощь».

...с полицейским начальством незнаком... — На это Тараховский отвечал 10 сентября: «Простите, что беспокоил Вас, и прекратите хлопоты, если уже начали. Я хорошо знаю, как неприятно вести с полицией переговоры на такую неприятную и щекотливую тему, и обратился к Вам с просьбой только потому, что первые дни в Балаклаве были ужасны. Я чувствовал себя здесь в какой-то мрачной, мокрой яме, но теперь стало довольно недурно, и я даже купаюсь в море. Дети начинают загорать и крепнуть. Они и жена принимают теплые морские ванны и едят виноград. Вообще кое-как устроились».

3137. О. Л. КНИППЕР

8 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 64–65.

Год устанавливается по почтовым штемпем.

лям на конверте: Ялта. 8 IX.1900; Москва. 12 IX.1900.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 4 сентября 1900 г.; Книппер ответила 12 сентября (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 179–180 и 188–189).

...20 сентября я выеду в Москву и пробуду там до 1 октября. — Чехов выехал из Ялты в Москву 21 октября и пробыл там до 11 декабря 1900 г.

Писать или переписывать начисто? — О работе Чехова над пьесой «Три сестры» в Москве см. примечания к письмам 3129*, 3132*.

Получил сейчас письмо от Маркса: пишет, что пьесы мои выйдут в свет через 10 дней. — В письме от 2 сентября 1900 г. А. Ф. Маркс сообщал Чехову, что седьмой том собрания сочинений («Пьесы») «выйдет уже дней через десять». Однако этот том в издании А. Ф. Маркса вышел из печати лишь в середине января 1901 г.

Пишет Горький пьесу или не пишет? — Интерес к работе М. Горького над его первым драматургическим произведением был огромен. Его пьесу ждал не только Художествен-

ный театр, но и вся читающая Россия. Все центральные русские газеты печатали в это время информации о ходе работы Горького над пьесой. Эти сообщения, отражая процесс работы Горького над пьесой, дают представление о первой редакции горьковских «Мещан», затем в корне переработанных. Так, газета «Новости дня» (1900, № 6211, 5(18) сентября), в отделе «Театр и музыка» писала: «Хотя и неоконченная в подробностях, пьеса г. Горького, тем не менее, почти готова. Ее содержание взято из мещанской захолустной жизни. Название пьесы, вероятно, будет носить сходное с романом Писемского, а именно: „Мещане“, хотя в сюжете нет ни малейшего сходства. Г. Горький недавно очень своеобразно выразился относительно своей пьесы. „Странное дело! — говорил он, — напустил я в свою пьесу одиннадцать человек, и не я ими, а они распоряжаются мною и живут сами по себе. Вот стоят двое, говорят и делают свое дело. Вдруг является третий. И они опять втроем говорят и действуют, как им удобнее“. Такого рода непринужденное, невымученное творчество заставляет ожидать многого от новой

пьесы.

Г. Горький теперь в Москве; на днях он уезжает, чтобы в уединении окончательно обработать пьесу, и к 20-му числу обещает вручить ее дирекции».

Эта же газета 11 сентября (№ 6217) поместила на своих страницах большую анонимную статью «Пьеса Горького». Но уже в конце сентября стало ясно, что «Мещане» не будут закончены в ближайшее время и Художественный театр вряд ли сможет приступить к постановке этой пьесы в текущем театральном сезоне. Об этом информировали своих читателей многие газеты уже в 20-х числах сентября. Так, газета «Русские ведомости» (1900, № 69, 27 сентября) в отделе «Театр и музыка» писала: «Еще неизвестно, появится ли новое произведение талантливого беллетриста на сцене Художественно-Общедоступного театра в этом сезоне. Что касается новой пьесы А. П. Чехова, предполагаемой к постановке на той же сцене и также не в далеком будущем, то она пока еще не закончена автором».

Пьесу «Мещане» Горький закончил только в 1902 г., в этом же году она была поставлена

на сцене Художественного театра. О Горьком Книппер сообщала Чехову в письме от 4 сентября: «Знаешь, здесь Горький и Сулержицкий. Много говорим о тебе, и даже очень много. Горький сидит у нас на репетициях, слезы льет от умиления. Третьего дня он обедал у нас, очаровал всех, много рассказывал, говорил много о себе, говорил, как летом читал крестьянам твой рассказ „В овраге“ и какое было сильное впечатление. Горький даже вскочил и прослезился при воспоминании. И с каким любопытством и любовью крестьяне смотрели на твою фотографию, и как всхлипывали при чтении. А читал он на берегу Псла в лесу — красиво? <...> Сегодня Горький, Лев Ант<онович> в 5 час. пьют чай у Маши, и я сейчас туда иду; Мейерхольд тоже там будет...»

Откуда это известие в «Новостях дня»... — В газете «Новости дня», 1900, № 6211, 5 сентября, в отделе «Театр и музыка» была помещена заметка: «К 20-му же числу ждут и новую пьесу Чехова, у которой, говорят, отпало прежнее заглавие „Три сестры“ и сменится новым, еще окончательно не определившимся». 21 сен-

тября эта же газета (№ 6227) сообщала о работе Чехова над пьесой «Три сестры» и о планах Художественного театра на ближайшее будущее: «Надежда Художественно-Общедоступного театра поставить в этом сезоне новую пьесу Ан. П. Чехова вряд ли сбудется. Работа А. П. Чехова над „Тремя сестрами“ затянулась, и, вероятно, к этому сезону пьеса не успеет. Расстроился и предполагавшийся приезд А. П. Чехова в Москву. В скором времени он, прямо из Ялты, поедет в Ментону. Вместо „Трех сестер“ театр, вероятно, поставит „Иванова“. Правда, эта пьеса, дебют Чехова на поприще драматурга, — не новинка для Москвы. Она исполнялась у нас неоднократно, между прочим — на коршевской сцене».

3138. А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

8 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (*Архив Горького*). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 94.

М. Горький ответил в первой половине сентября 1900 г. (*Горький и Чехов*, стр. 77–79).

...посылаю Вам письмо, полученное мной вчера... — Кто был автором этого письма,

неизвестно. О нем Горький писал в ответном письме Чехову: «Барынино письмо прочитал внимательно, — храбрая барыня и ловко меня распатронила! А впрочем — ну ее к мужу!»

Только что прочитал в газете, что Вы пишете пьесу. — В газете «Новости дня», 1900, № 6211, 5 сентября, появилось сообщение, что Горький заканчивает пьесу «Мещане». В газете «Курьер» от этого же числа (№ 246) сообщалось: «Пьеса Максима Горького, которая пойдет в <Художественном театре> середине сезона, хотя сейчас и не отделана в деталях, но совершенно готова. Ее сюжет взят из жизни захолустного мещанства». Аналогичная заметка была напечатана 6 сентября 1900 г. в «Московском листке». 18 сентября «Курьер» (№ 259, отдел «Театр и музыка») информировал своих читателей: «По поводу распространившихся слухов о пьесе, написанной Максимом Горьким, „Новое время“ сообщает, что никакой пьесы у Максима Горького в настоящее время нет, была только черновая рукопись, которую автор уничтожил. К будущему сезону очень возможно, что пьеса и будет написана».

Сам же Горький писал об этом Чехову в ответном письме: «Газеты зря кричат. Драму я не написал и не пишу пока. Пишу повесть и скоро ее кончу, а как только кончу — начну драму. Начну сначала и в новом роде. Неудача — не боюсь, был хвален со всех сторон, и хоть силен был звон, а я не оглушен. Прекрасно чувствую, что скоро начнут лаять столь же неосновательно и громко, как и хвалили».

Выеду я отсюда, из Ялты, не ранее 22-го сент<ября> ~ за границу. — Чехов выехал в Москву 21 октября. К сентябрю 1900 г. относится, по-видимому, и разговор с А. А. Плещеевым, подробно записанный последним. «Долго Вы останетесь здесь? — спросил я Чехова. — Дней через десять собираюсь в Москву. Если Вы будете в Москве, побывайте непременно в Художественном театре. Увидите что-то совсем новое. — Я читал, что Вы намерены, Ан. Пав., ставить там свою пьесу „Три сестры“. — Нет, ставить ее в нынешнем году не собираюсь. Я останусь в Москве недолго, поеду за границу, на Ривьеру и потом хочу совершить путешествие по Африке... Чувствую, что засиделся, манит подальше. — А лето Вы

оставались в Ялте? — В конце мая ездил с Горьким и Васнецовым на Кавказ, любовались Военно-Грузинской дорогой, были в Мцхете, Тифлисе, Батуми... Я третий раз путешествовал по Кавказу. Ялту я нередко покидаю на день, на два... наскучит — отправляюсь на пароходе в Гурзуф... я море очень люблю!

Ан. Пав. недавно получил письмо от Горького из Нижнего Новгорода, в котором тот, между прочим, пишет, что никакой пьесы не оканчивал и не собирался писать. В газетах тем не менее, и в столичных и в провинциальных, ежедневно натыкаешься на известия: „Горький сжег пьесу“, „Горький не сжег пьесы“, „Горький закончил пьесу“ и т. д. без конца» (А. А. Плещеев. «Чеховский день». Отрывки из воспоминаний. — *ИРЛИ*, РІІІ, оп. 2, № 1565).

Телеграмму получил, merci. — 4 сентября группа литераторов, бывших в Художественном театре на генеральной репетиции «Снегурочки» А. Н. Островского, послала Чехову телеграмму такого содержания: «Любим Вас. Шлем привет». Ее подписали: Пешков, Поссе, Бунин, Сулержицкий, Пятницкий, Балтру-

шайтис (ЦГАЛИ).

...приезжайте тогда, поболтаемся вместе, покатаемся поперек Москвы. — О пребывании Чехова и Горького в Москве в конце октября — ноябре 1900 г. см. примечания к письму 3180*.

3139. М. П. ЧЕХОВОЙ

9 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 96–97.

После слов: «конечно, скучно» (строка 17) зачеркнуто две строки.

Год устанавливается по письму М. П. Чеховой от 5 сентября 1900 г. (*Письма М. Чеховой*, стр. 159–160), на которое отвечает Чехов, и подтверждается содержанием письма (отъезд в Москву, работа над «Тремя сестрами»).

...она поедет в Москву теперь, осенью, а не после декабря. — См. примечания к письму 3141*.

...я буду после 20-го сентября... — Чехов уехал в Москву 21 октября.

Сначала в Париж ~ из Ниццы — в Африку. — Чехов ехал в Ниццу через Вену. Поездка в Аф-

рику не состоялась.

Как-нибудь протяну до весны ~ опять приеду в Москву. — В начале февраля 1901 г. Чехов поехал из Италии не в Москву, как предполагал, а в Ялту.

...авось выйдет что-нибудь, если не в этом, то в будущем сезоне. — Хотя работа над «Тремя сестрами» была и в сентябре далека от завершения, однако русские газеты уже в августе информировали своих читателей, что работа над пьесой завершена. 24 августа 1900 г. (№ 6199) в газете «Новости дня» сообщалось: «В октябре приедет в Москву А. П. Чехов и сам будет руководить репетициями своей новой пьесы „Три сестры“ в Художественно-Общедоступном театре».

Лавров Вукол прислал тебе книгу «Крестonosцы». — Книга: Г. Сенкевич. Крестonosцы. Исторический роман. Перев. с польск. В. М. Лаврова (Издание журнала «Русская мысль», М., 1901) была послана Чехову с дарственной надписью на обложке: «Милому другу Антону Павловичу Чехову от любящего переводчика В. Лаврова 19-5/IX-00». Книга была в личной библиотеке Чехова (*Чехов и его среда*, стр.

289).

Получил сейчас от Комиссаржевской телеграмму... — Возможно, речь идет о телеграмме от 8 сентября 1900 г.: «Благодарю за письмо, пишу, телеграфируйте, когда кончите нужно знать раньше для бенефиса» («Вера Федоровна Комиссаржевская. Письма актрисы. Воспоминания о ней. Материалы». М. — Л., 1964, стр. 90).

Если Горький в Москве ~ послал в Нижний Новгород письмо его милости. — Письмо № 3138. В письме от 5 сентября М. П. Чехова писала: «У меня были гости: Горький, Сулержицкий. Горький с Сулержицким помешались на Художественном театре и торчат на репетициях целые дни. Оба в странных костюмах и ходят пешком».

3140. М. П. ЧЕХОВОЙ

10 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 389.

Год устанавливается по упоминанию о продаже Кучук-Коя (см. письма М. П. Чеховой от 22 августа и 1 сентября 1900 г. — *Письма М.*

Чеховой, стр. 157–159).

...посылаю тебе план Кучук-Коя. — Речь идет о продаже имения в Кучук-Кое (см. примечания к письму 3083*). 22 августа 1900 г. М. П. Чехова просила брата: «Пришли план и описания Кучук-Коя». В письме от 1 сентября она спрашивала: «Отчего ты мне ничего не пишешь насчет Кучук-Коя? Я уже сказала Виноградову» (комиссионер, который должен был найти покупателя). 3 октября 1900 г. М. П. Чехова сообщала: «Кучук-Кой с радостью приняли в контору Виноградова и просили меня никому другому для продажи не отдавать. Я назначила за него дороже, чем ты хотел, сбавить всегда можно. Нужно придумать способ, как его осматривать, если захочет покупатель. Если приедешь, надо будет обсудить» (*Письма М. Чеховой*, стр. 158, 159, 161).

3141. М. П. ЧЕХОВОЙ

12 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 389–390.

Год устанавливается по содержанию письма: обсуждение поездки Е. Я. Чеховой в Моск-

ву, упоминания о своей несостоявшейся поездке, о прибытии С. Малкиель (см. о том же письма М. П. Чеховой от 1 и 5 сентября 1900 г. — *Письма М. Чеховой*, стр. 158–160).

...Сергеенко ~ тоже был в Ялте. — П. А. Сергеенко с семьей были проездом в Ялте в начале сентября (см. примечания к письму 3168*).

Мать, по-видимому, не поедет с ней в Москву. — М. П. Чехова в письме от 5 сентября 1900 г. высказала пожелание, чтобы в Москву Е. Я. Чехову сопровождала С. Малкиель (см. примечания к письму 3131*).

...мать же хочет ехать в первых числах. — Е. Я. Чехова выехала в Москву 23 сентября. Чехов попросил своих симферопольских знакомых Шапошниковых посадить ее на московский поезд. Е. Я. Чехова в письме от 26 сентября сообщала: «Шапошниковы хорошие люди, добрые, ласковые. Встретили меня на пароходе и потом приехали на вокзал, усадили в вагон. Забыла прежде написать: тащили меня к себе обедать, я от обеда отказалась по случаю своих недобрых зубов» (ГБЛ).

13 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 176–177.

Ответ на письмо Ю. О. Грюнберга от 8 сентября 1900 г. (*Чехов, Лит. архив*, стр. 176).

Пьеса моя, о которой Вы пишете... — В своем письме Грюнберг обращался к Чехову с просьбой: «Узнав о том, что Вы написали новую пьесу „Две сестры“, Адольф Федорович покорнейше Вас просит сообщить ему, не найдете ли Вы возможным присоединить эту пьесу к остальным входящим в состав VII тома Ваших сочинений, печатание которого подходит к концу. Если Вы согласитесь на это наше предложение, то не будете ли Вы так любезны сообщить, когда Вы могли бы прислать нам рукопись. Во всяком случае, мы выпуск книги задержим до получения от Вас ответа».

...печатать я буду ее после ряда исправлений... — См. примечания к письму 3122*.

...она пойдет на сцене ~ не раньше Рождества. — Первая постановка пьесы в Московском Художественном театре была осуществлена 31 января 1901 г.

...она будет напечатана в журнале... — В это время пьеса «Три сестры» еще не была обещана ни одному журналу. В. М. Лавров, издатель журнала «Русская мысль», где пьеса была опубликована впервые, обратился к Чехову с просьбой отдать ее для напечатания в своем журнале только 14 октября 1900 г. В письме от этого же числа он писал: «Газеты изображают, что ты приедешь не один, а с комедией. Это очень приятно, в особенности для меня, так как я намереваюсь просить тебя отдать эту комедию „Русской мысли“. На повесть твою я рассчитываю твердо, и место ей в ноябрьской книге отведено надлежащее, но все-таки вновь напоминаю о твоём милом обещании. Относительно же комедии я позволю себе надеяться, что и она будет у нас. Вспомни нашу старую дружбу и связь, соединяющую тебя с нашим журналом» (ГБЛ). Пьеса «Три сестры» была напечатана в февральской книжке «Русской мысли» за 1901 г.

Вчера я получил 25 экз. книги моей «Повести и рассказы»... — Речь идет о втором томе собрания сочинений Чехова, изданном А. Ф. Марксом. 30 сентября 1900 г. (№ 270) «Москов-

ские ведомости» в отделе «Критические заметки» напечатали большую рецензию А. Барсаргина на второй том собрания сочинений Чехова: «Новый сборник повестей и рассказов г. Чехова (Антон Чехов. Повести и рассказы. СПб., изд. Маркса)».

3143. В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ

13 сентября 1900 г.

Печатается по тексту: *Письма*, т. VI, стр. 97–98, где опубликовано впервые, по автографу. Нынешнее местонахождение автографа неизвестно.

Ответ на письмо В. Ф. Комиссаржевской (без даты) 1900 г.; Комиссаржевская ответила недатированным письмом («Вера Федоровна Комиссаржевская. Письма актрисы. Воспоминания о ней. Материалы». Л. — М., 1964, стр. 90–91).

Я нездоров все эти дни... — На это Комиссаржевская отвечала: «Нет, Вы, наверное, все-таки не бережетесь, и это ужасно. Я не могла Вам ответить сейчас же, а теперь боюсь, что письмо мое уже Вас не застанет в Ялте, и я сто лет не буду ничего знать о Вас <...> Ужасно

глупо звучит, когда говорят: берегите себя, но когда я Вам это говорю, то нет, и я говорю, а Вы... не послушались, конечно. Да?»

...пьеса будет не бенефисная... — Комиссаржевская в своем письме выражала надежду получить «Три сестры» к своему бенефису. «Бенефис мой назначен на январь, — писала она, — и потому я не теряю надежды поставить Вашу новую пьесу. Как я жду ее».

...распоряжусь, чтобы Вам выслали по полдюжине карточек. — См. примечания к письму 3127*.

...вышлите мне Ваш портрет... — 27 сентября 1900 г. Комиссаржевская телеграфировала Чехову: «Завтра высылаю портрет...»

...писать Марии Ильиничне... — Зилоти.

...непрерменно побываю на ст. Избердее... — На этой станции находилось имение Зилоти «Знаменка». В письме, на которое отвечает Чехов, Комиссаржевская писала: «А хорошо, если бы мы с Вами были сейчас у Маши в деревне. Если бы Вы знали, какая там осень бывает! До изнеможения сил хороша!»

Вы пишете, что перебрались на новую квартиру... — Комиссаржевская отвечала: «Я

сейчас же по получении Вашего письма написала Вам телеграмму, Антон Павлович, но по случаю переезда на новую квартиру в ней и в головах прислуги кавардак, и они забыли. Я только сегодня увидела, что написанная мной телеграмма лежит на письменном столе — ее и не думали отсылать».

1 октября ~ уеду за границу... — Чехов уехал за границу 11 декабря.

В Ялте сгорел театр. — В ночь на 10 сентября 1900 г. полностью сгорело здание городского театра, где весной были гастрольные спектакли Художественного театра. Пострадала гастролировавшая в Ялте опереточная труппа С. Н. Новикова («Крымский курьер», 1900, № 204, 12 сентября, хроника «Пожар городского театра»). М. К. Первухин вспоминал: «При Чехове как-то летом в одну ночь сгорел маленький, но сносный городской театр, в котором тогда подвизалась опереточная труппа известного южного антрепренера Новикова. Город получил страховую премию. И началась волокита — с вопросом о постройке нового театра. <...> Годы шли, а Ялта оставалась без хотя бы скромного театра. Это, по-видимо-

му, очень огорчало Чехова. — Скучно! — признавался он. — Хоть плохой театр был, хоть не бог знает какие труппы играли, а все же без театра, как без близкого человека. Пустота какая-то в жизни образовалась! Белое место! — И вот, истомившись в Ялте, устав жить в „безвоздушном пространстве“, Чехов зачастую, не считаясь с интересами своего подорванного здоровья, уезжал в любимую им Москву. Уезжая, он казался словно помолодевшим, поздоровевшим. Приезжая — утомленный, скучный, мрачный» (М. К. Первухин. Из воспоминаний о Чехове. — *Чехов в воспоминаниях*, стр. 638). См. также примечания к письму 3145*.

3144. О. Л. КНИППЕР

14 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 65–66.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 10 сентября 1900 г.; Книппер ответила 19 сентября (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 185–187 и 193–195).

...ты описываешь свое путешествие на Во-

воробьевы горы... — О поездке на Воробьевы горы Книшпер писала 10 сентября: «Собирались утром экспромтом. Погода теплая, мягкая, дышится легко, все кругом улыбается так задумчиво, ласково <...> До Новодевичьего монастыря мы доехали на конке, затем прошли версты две по огородам, пахло укропом и капустой, затем переехали Москву-реку и очутились на Воробьевке. Там не было ни души, к счастью, тишина необычайная, в воздухе тихо, тихо, ни один листок не трепетал, и мне хотелось быть одной, одной, или сидеть с тобой в этой осенней неге и молчать и чувствовать только природу вокруг. Ты бы понял все это. Я сейчас так живо переживаю с тобой это настроение. В лесу уже виднеются золотистые клены, березки, краснеющие осины; дубки еще зеленые стоят. Земля сырая, пахнет грибами, попадаются запоздалые любимые мои цветочки, в воздухе паутинки, ну, одним словом, такая красота везде, что не оторвалась бы. Солнце нежное, задумчивое, и на небе такая же мягкость в очертаниях облаков. Долго мы любовались златоглавой матушкой Москвой, подернутой дымкой; солнце как-то

пятнами освещало ее. Люблю я этот вид с детства. Попили чайку на террасе, подурили, поохотали, побегали и пошли блуждать по лесу и по овражкам. Я с дядей Сашей были в лирическом настроении и собирали большие букеты из всевозможных осенних листьев, трав и цветов. Я привезла Маше большущий веник — ей понравилось. Обрато мы поехали на лодке до Дорогомиловского моста. Прямо жарко было на воде. Мы ехали и пели, а потом задумались. На берегах гуляли гуси, видели двух залетевших диких уток. Приехали домой радостные, оживленные, шумно обедали».

Пьеса... — «Три сестры».

Ты не советуешь мне ехать в Москву? — В письме от 10 сентября Книппер выражала беспокойство по поводу намечающейся поездки Чехова в Москву: «Я тебя страшно хочу видеть, но как же ты приедешь в холод? Это меня сильно беспокоит, подумай хорошенько, милый мой». Однако в ответном письме сомнения Чехова вызывают следующий отклик: «Дорогой мой, милый писатель, ты как-то странно мне пишешь. Я не хочу, чтобы ты

приехал в Москву? Я не хочу? Когда я мучаюсь, негодую, что все время стоит тепло, а тебя здесь нет? Я решила, что ты охладел ко мне, что тебя не тянет ко мне, в Москву. Боже, мне так хочется, чтобы ты был здесь, со мной, чтобы, придя с репетиции, я могла бы отдыхать с тобой, на твоём плече. Мне было бы так покойно, хорошо! Пойми ты, что я сдерживаюсь, когда пишу тебе. Думаю о твоём здоровье. Неужели ты этого не понимаешь! Хотя я так рассуждаю, — если тебе здесь нравственно будет хорошо и покойно, ты и физически будешь лучше себя чувствовать — я не права, милый мой? Приезжай, приезжай скорее, я хочу, хочу, хочу тебя видеть, хочу, чтобы ты был здесь сейчас же».

В первых числах октября в Москву уезжает мать... — Е. Я. Чехова уехала в Москву в конце сентября. 19 сентября Книшпер писала: «Привози мать и поживи сколько поживется, плохо тебе здесь не будет, поверь мне. Буду тебя любить, холить, буду тебе петь; горло, благодаря массажу, поправляется, голос усиливается <...> Знай, что мое искреннее, горячее желание — чтобы ты был здесь, со мной.

Если ты не можешь жить здесь зиму — я тебя должна видеть перед наступлением зимы, а то мне будет слишком тяжело, милый мой Антон. Так ты собираешься меня забыть и полюбить другую? Попробуй! А я люблююсь. Нет, все это вздор, глупости. Люби меня и приезжай и опять люби, чтобы было много любви, тепла, и, ради бога, не таи ничего в себе, все говори, чтобы все было ясно, все договорено».

3145. О. Л. КНИППЕР

15 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 66–67.

Книппер ответила 19 сентября 1900 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 193–195).

Сгорел тот самый театр, в котором ты играла в Ялте. — Сообщения о пожаре в Ялтинском городском театре, где в апреле 1900 г. состоялись гастроли Художественного театра, появились во многих центральных газетах. Так «Новости дня», № 6217, 11(24) сентября, поместили телеграмму своего корреспондента из Ялты: «Сегодня, 10 сентября, рано утром

сторел городской театр. Убытки значительные. Положение критическое». Этот факт послужил поводом для появления в газетах больших статей о неудовлетворительном пожарном состоянии русских театров. Например, в «Московских ведомостях» (1900, № 264, 24 сентября) была напечатана статья П. Пчелникова «Мысли, навеянные пожаром ялтинского театра». См. также примечания к письму 3143*.

Из газет узнал, что у вас начинаются спектакли 20 сентября и что будто Горький написал пьесу. — См. примечания к письмам 3137*, 3138*.

...напиши ~ как у вас сойдет «Снегурочка»... — К началу открытия театрального сезона 1900 г. «Снегурочка» А. Н. Островского готовилась к постановке в двух ведущих театрах Москвы; в Художественном она ставилась К. С. Станиславским и Вл. И. Немировичем-Данченко, в Новом театре — П. А. Ленским. Все московские газеты регулярно информировали читателей о работе этих театров над пьесой. В Новом театре «Снегурочка» в исполнении молодых артистов имела огромный

успех. О работе Художественного театра над пьесой Островского сообщал Чехову в своем письме от 4 сентября 1900 г. В. Э. Мейерхольд: «В театре нашем идет большая спешка. Репетиции утром и вечером. Много народу, оживление. „Снегурочка“ почти слажена. Поставлена пьеса изумительно — столько красок, что, кажется, их хватило бы на десять пьес. Гречанинов, написавший музыку к „Снегурочке“, перещеголял Римского-Корсакова наивной простотой и стильным колоритом. Есть в музыке места, когда публика вдруг поражается гомерическим хохотом. И заметьте, такое впечатление на публику производят не слова, а только музыка. Постарайтесь приехать к открытию (20 сентября), чтобы послушать эту прелесть. В Москве у нас теперь гостит Максим Горький. Он не пропускает ни одной репетиции и в полном восторге. На одной из репетиций была и Мария Павловна. Сегодня в 5 часов вечера собираюсь к ней чаевничать. Сговорился с Ольгой Леонардовной. Будет и М. Горький. Напишу Вам, как провели вечер» (В. Э. Мейерхольд. Статьи, письма, речи, беседы, ч. I, стр. 80).

Премьера «Снегурочки» в Художественном театре состоялась 24 сентября 1900 г. (подробнее см. в примечаниях к письму 3155*).

...мне необходимо присутствовать на репетициях... — Чехов присутствовал на читке пьесы в Московском Художественном театре 29 октября 1900 г. (см. примечания к письму 3184*), а также наблюдал подготовительную работу театра над «Тремя сестрами». К. С. Станиславский вспоминал: «Сам он своих пьес никогда не читал. И не без конфуза и волнения он присутствовал при чтении пьесы труппе. Когда стали читать пьесу и за разъяснениями обращаться к Антону Павловичу, он, страшно сконфуженный, отнекивался, говоря: — Послушайте же, я же там написал все, что знал <...> Конечно, мы воспользовались присутствием автора, чтобы извлечь все необходимые нам подробности. Но и тут он отвечал нам односложно. Нам в то время его ответы казались неясными и непонятными, и только потом мы оценили всю их необыкновенную образность и почувствовали, как они типичны для него и для его произведений.

Когда начались подготовительные работы,

Антон Павлович стал настаивать, чтобы мы непременно пригласили одного его знакомого генерала. Ему хотелось, чтобы военно-бытовая сторона была до мельчайших подробностей правдива. Сам же Антон Павлович, точно посторонний человек, совершенно якобы не причастный к делу, со стороны наблюдал за нашей работой.

Он не мог нам помочь в нашей работе, в наших поисках внутренности прозоровского дома. Чувствовалось, что он этот дом знает подробно, видел его, но совершенно не заметил, какие там комнаты, мебель, предметы, его наполняющие, словом, он чувствовал только атмосферу каждой комнаты в отдельности, но не ее стены <...> Теперь понятно, почему Антон Павлович так добродушно смеялся и улыбался от радости, когда задачи декоратора и режиссера совпадали с его замыслом. Он долго рассматривал макет декорации и, вглядываясь во все подробности, добродушно хохотал <...> Среди всех его волнений об участии пьесы он немало беспокоился о том, как будет передан набат в третьем акте во время пожара за сценой. Ему хотелось образ-

но представить нам звук дребезжащего провинциального колокола. При каждом удобном случае он подходил к кому-нибудь из нас и руками, ритмом, жестами старался внушить настроение этого надрывающего душу провинциального набата.

Он бывал почти на всех репетициях своей пьесы, но очень редко, осторожно и почти трусливо выражал свои мнения. Лишь одно он отстаивал особенно энергично: как и в „Дяде Ване“, так и здесь он боялся, чтобы не утрировали и не карикатурили провинциальной жизни, чтобы из военных не делали обычных театральных шаркунов с дребезжащими шпорами, а играли бы простых, милых и хороших людей, одетых в поношенные, а не театральные мундиры, без всяких театрально-военных выправок, поднятий плеч, грубостей и т. д.

— Этого же нет, — убеждал он особенно горячо, — военные же изменились, они же стали культурнее, многие же из них уже даже начинают понимать, что в мирное время они должны приносить с собой культуру в отдаленные медвежьи углы.

На этом он настаивал тем более, что тогдашнее военное общество, узнав, что пьеса написана из их быта, не без волнения ожидало ее появления на сцене <...>

Антон Павлович просмотрел весь репертуар театра, делая свои односложные замечания, которые всегда заставляли задумываться над их неожиданностью и никогда не понимались сразу. И лишь по прошествии известного времени удавалось сжиться с этими замечаниями <...>

Антону Павловичу не удалось дожидаться даже генеральной репетиции „Трех сестер“, так как ухудшившееся здоровье погнало его на юг, он уехал в Ниццу» («А. П. Чехов в Художественном театре». — Станиславский, т. 5, стр. 348–350).

Побывай еще раз на Воробьевых горах и напиши. — См. примечания к письму 3144*.

3146. В. С. МИРОЛЮБОВУ

15 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 393–394.

Ответ на письма В. С. Миролубова от 21 ав-

густа и 8 сентября 1900 г.; Миролубов ответил 19 сентября (ГБЛ).

...меня уже все на свете забыли. — В ответ Миролубов писал: «Вас никто не забыл, не жалуйтесь и Вы. Нет, впрочем, жалуйтесь, коли есть на что, жалуйтесь тоже на одиночество. Ваше одиночество я чувствую и за него негодую на людей. Люди Вас не забыли, о Вас теперь всюду говорят, Вас превозносят в отзывах, ругают тех, кто Вас не хвалит, — а кругом Вас — холод. Нет, голубчик Антон Павлович, жалуйтесь! Вы можете это делать в своих рассказах. Увы, я уже не могу этого делать в песнях. И меня это иногда так гнетет; так жаль бывает голоса, прежнего голоса, который не резал мне уха, что, кажется, запил бы...»

С удовольствием прислал бы рассказик в «Журнал для всех»... — В письме от 21 августа Миролубов обращался к Чехову с просьбой написать для «Журнала для всех» рассказ: «Рассказов хороших нет, и вся надежда, что Вы поддержите осенью, а то подписчики ропщут: обещали мы Чехова и Горького, а даем Петрова да Семенова». С этой же просьбой Миролубов обращался и в следующем пись-

ме от 8 сентября: «Жду от Вас рассказа и хоть несколько строк. Слышу, что Вы дали повесть в „Неделю“, обещали повесть в „Жизнь“ на осень, только нас все забыли. Горький мне ни слова не отвечает, об Вас тоже нет ни звука...»

Нужно в «Жизнь» и в «Русскую мысль»... — В. А. Поссе и В. М. Лавров также просили Чехова написать для их журналов рассказ или повесть (см. примечания к письмам 3125*, 3159*).

...нужно и пьесу изобразить... — Миролюбов также просил Чехова прислать для «Журнала для всех» пьесу. 8 сентября он писал: «Подписчики просят небольших пьес. Не напишите ли Вы нам? Теперь большой спрос в провинции для постановки домашних спектаклей, для народа (в школах, в домах помещиков и пр.) на небольшие, несложные, с малым количеством действующих лиц сцены, доступные для начинающих любителей актеров, подчас из народа. Этому спросу следовало бы ответить нашими лучшими литературными силами».

Если напишу что-нибудь ~ не раньше ноября. — К работе над рассказом «Архиерей» для «Журнала для всех» Чехов смог приступить

только в марте 1901 г. и лишь в феврале 1902 г. закончил его. О будущем рассказе Чехова Миролубов писал 19 сентября 1900 г.: «Если Вы дадите большой рассказ, будет лучше, чем маленький. „В овраге“ надо бы напечатать было у нас, оч<ень> уже подходит к нашему подписчику. Если рассказ будет большой, я его весь помещу в одну книжку, а следующую книжку выпущу потоньше. Хорошие рассказы в последних книжках сразу бы поставили дело на будущий год». Чехов выполнил просьбу Миролубова и написал для его журнала большой рассказ. «Архиерей» был напечатан в № 4 «Журнала для всех» за 1902 г.

А Вы все скучаете! — В письме от 21 августа Миролубов писал о себе: «Живу я одиноко, по несколько дней не выхожу из дому...» В ответном письме Миролубов так откликнулся на эти слова Чехова: «Вы пишете, что я скучаю, — скучать некогда, а что касается до жалоб, то ведь нужно же нам хоть друг другу жаловаться: без человека, которому бы не стыдно было пожаловаться, не проживешь, принимая во внимание общество 4-х стен <...> А главное — один и пойти не к кому. Рассказов

хороших нет, порадоваться особенно не на что и в делах. Вот тут-то поддержка (в деле) людей, которые тебе особенно милы и дороги и могли бы встряхнуть, оживить тебя. Пишите мне, не забывайте. Горькому 3 письма написал, хоть бы слово».

В конце сего месяца, вероятно, уеду за границу. — Чехов выехал из Ялты 21 октября, сначала в Москву. На известие об отъезде Чехова Миролубов откликнулся 19 сентября: «Не простудитесь Вы в поездке-то! С кем едете? С девицей или дамой?» И в ответ на шутку Чехова о «полной особе» далее писал: «Пуще всего не берите с собой толстых: замучаетесь. Горячо желаю Вам одного человека, который бы Вас всегда носил в своем сердце и „помнил“ не по-обывательски».

Были Вы в Париже этим летом? — Миролубов ответил 19 сентября: «Я все лето провел в Питере: уехать было нельзя, не на кого было оставить дело. Теперь уехать нельзя, не с кем оставить дело: нет денег и хороших рассказов, чтобы передать помощнику со спокойным сердцем уже составленные последние книжки. Я знаю себя, что я буду мучить-

ся, если уеду: стало быть, нужно сидеть здесь. Если получу рассказы от Вас и Горького и если Вы будете за границей, мож<ет> б<ыть> махну к Вам на 2 на 3 недели».

Подписка на Ваш журнал ~ меланхолический тон не так чтобы уж очень понятен. — О своих издательских делах Миролубов сообщал 21 августа: «Дела идут туго, увеличивает-ся подписка слабо, и нельзя сказать, чтобы дело радовало, так как все же оно не покрывается и нужно увеличивать долги». В письме от 8 сентября Миролубов вновь писал об издании «Журнала для всех»: «Дело требует поддержки, необходимо довести его, чтобы оно окупалось, иначе мне придется отдавать его в другие руки, так как у меня денег нет, да и занимать мне их негде. Вот теперь конец года, подписка прекращается, и я не знаю, как я буду дотягивать этот конец. Поднимать цены я не буду, пока дело будет моим». В ответном письме Миролубов так объяснял свое настроение: «Меланхолический тон понятен, когда приходится 4-й год изворачиваться и занимать у людей, которым тяжело одолжаться. Только что занял 2 т<ысячи> в „Мире бо-

жьем“, теперь опять ищу, чтобы кончить год, а подписчиков, дай бог, чтоб набралось 45 т<ысяч>, когда нужно 60».

3147. М. О. МЕНЬШИКОВУ

17 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, изд. Атеней*, стр. 132.

Ответ на письмо М. О. Менъшикова от 13 сентября 1900 г.; Менъшиков ответил 22 сентября (ГБЛ).

...спешу сообщить Вам ~ я был нездоров и ничего не делал. — Менъшиков интересовался состоянием работы Чехова над рассказом для «Недели» (см. примечания к телеграмме 3130*): «Окажите мне большую любезность, дорогой Антон Павлович, написать хоть кратко, в каком положении рассказ?»

В Москву едва ли попаду... — Менъшиков спрашивал: «Какие планы на осень? Если бы, как болтают газеты, Вы появились скоро в Москве, я не утерпел бы и приехал к Вам на полчаса». Чехов выехал в Москву 21 октября, а 11 декабря уехал за границу.

В «Жизнь» я не давал «Трех сестер»... — 13

сентября Меньшиков сообщал: «В Петербурге ходят слухи, что Вы уже дали „Жизни“ большую вещь — „Три сестры“...» Пьеса «Три сестры» была опубликована в журнале «Русская мысль», 1901, № 2.

...тшусь прислать повесть... — Повесть для «Недели» и «Книжек Недели» написана не была.

В Ялте был Сергеенко. — См. письмо 3141* и примечания к нему*.

3148. О. Л. КНИППЕР

19 сентября 1900 г.

Печатается по подлиннику (ГБЛ). Впервые опубликовано: с датой 20 сентября 1900 г. — *Письма к Книппер*, стр. 68.

Телеграмма. Датируется по служебным пометам на телеграфном бланке: Подана 19/IX 7.20 пополудни; Принята 20 IX.1900.

О. Л. Книппер ответила 24 сентября 1900 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 196–198).

Приеду после. — В ответном письме Книппер спрашивала по этому поводу: «Отчего ты не едешь, Антон? Я ничего не понимаю. Не пишу, потому что жду тебя, потому что хочу

сильно тебя видеть. Что тебе мешает? Что тебя мучает? Я не знаю, что думать, беспокоюсь сильно. Или у тебя нет потребности видеть меня? Мне страшно больно, что ты так не откровенен со мной. Все эти дни мне хочется плакать. Ото всех слышу, что ты уезжаешь за границу. Неужели ты не понимаешь, как тяжело мне это слышать и отвечать на миллионы вопросов такого рода? Я ничего не знаю. Ты пишешь так неопределенно — приеду после. Что это значит? Все время здесь тепло, хорошо, ты бы отлично жил здесь, писал бы, мы бы могли любить друг друга, быть близкими. Нам было бы легче перенести тогда разлуку в несколько месяцев. Я не вынесу этой зимы, если не увижу тебя. Ведь у тебя любящее, нежное сердце, зачем ты его делаешь черствым? Я, может, пишу глупости, не знаю. Но у меня гвоздем сидит мысль, что мы должны увидеться. Ты должен приехать. Мне ужасна мысль, что ты сидишь один и думаешь, думаешь. Антон, милый мой, любимый мой, приезжай. Или ты меня знать не хочешь, или тебе тяжела мысль, что ты хочешь соединить свою судьбу с моей? Так напиши мне все это

откровенно, между нами все должно быть чисто и ясно, мы не дети с тобой. Говори все, что у тебя на душе, спрашивай у меня все, я на все отвечу. Ведь ты любишь меня? Так надо, чтобы тебе было хорошо от этого чувства и чтобы и я чувствовало тепло, а не непонимание какое-то. Я должна с тобой говорить, говорить о многом, говорить просто и ясно».

3149. М. П. ЧЕХОВОЙ

19 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 394.

...мать уезжает в Москву в субботу... — Е. Я. Чехова сообщала сыну в письме от 26 сентября: «Я в Москве, очень благодарю тебя и большое спасибо, что мне доставил удовольствие. Доехала хорошо» (ГБЛ).

...пошли на вокзал Машу. — Домашнюю работницу М. П. Чеховой Марию Тимофеевну Шакину.

Я тоже уезжаю, за границу... — См. примечания к письму 3150*.

О деньгах не беспокойся... — Ср. письмо 3214.

3150. О. Л. КНИППЕР

22 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 68–69.

О. Л. Книппер ответила 30 сентября 1900 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 200–202).

Я уеду в Париж, потом, вероятно, в Ниццу, а из Ниццы в Африку... — Чехов 11 декабря 1900 г. выехал из Москвы в Ниццу через Вену.

От Маши нет писем уже больше месяца. — Последнее письмо М. П. Чеховой к брату было от 5 сентября.

Мадам Бонье бывает у меня почти каждый день. — На это Книппер отвечала: «О чем ты можешь беседовать с m-me Бонье? Слушать сплетни, переливать из пустого в порожнее? Такая жизнь должна давить. Тебе надо вон из этой тухлятины — pardon за выражение».

...тебя нужно поздравить с началом сезона. — Чехов был введен в заблуждение столичной прессой. 14 сентября 1900 г. в «Московских ведомостях» (№ 254), в отделе «Театр и музыка» было помещено объявление: «Ху-

дожественно-Общедоступный театр. 15 сентября откроется касса театра для продажи билетов, но уже на два спектакля билеты распроданы по предварительной записи. Сезон откроется 20 сентября „Снегурочкой“». Такое же сообщение было напечатано и в «России» (1900, № 497, 12 (25) сентября). Однако открытие сезона Художественного театра состоялось не 20, а 24 сентября (см. сообщение об этом в «Новостях дня», № 6220, 14(27) сентября). О причине задержки открытия сезона 1900 г. сообщалось в отделе «Театр и музыка» «Московских ведомостей» от 16 сентября (№ 256): «Художественно-Общедоступный театр. В виду того, что ремонт театра, а также устройство освещения требуют для своего окончания еще некоторого времени, дирекция театра решила отложить открытие сезона».

Ты уже играла по крайней мере в «Одиноких». — О. Л. Книппер исполнила роль Анны Мар в пьесе Г. Гауптмана «Одинокие» 25 сентября (в этот день пьеса впервые шла в сезоне 1900 г.).

3151. П. Н. ПОЛЕВОМУ

22 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано: с датой 23 сентября 1900 г. — *Новые письма*, стр. 120–121. Дата исправлена в ПССП, т. XVIII, стр. 396.

Ответ на письмо П. Н. Полевого от 18 сентября 1900 г. (ГБЛ).

...циркуляр с приглашением принять участие в юбилейном сборнике... — Речь идет о печатном циркулярном письме, разосланном редакцией журнала «Нива». В нем содержалось приглашение принять участие в издании юбилейного сборника в честь Ю. О. Грюнберга по случаю 25-летия его работы в редакции журнала «Нива» (ГБЛ).

...дать Вам обещание... — Полевой как один из старейших сотрудников журнала и один из инициаторов издания юбилейного сборника просил Чехова принять в нем участие. Сборник был уже подготовлен к печати, но смерть Грюнберга в ноябре 1900 г. остановила это издание.

Он написан был до 90-го года ~ не был нигде напечатан... — О рассказе «Весной» см. при-

мечания к письму 3205*.

3152. Б. ПРУСИКУ

22 сентября 1900 г.

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Литературном архиве Национального музея (Прага). Впервые опубликовано: «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», 1957, № 22, стр. 53.

Открытка.

Ответ на письмо Б. Прусика от 16(28) сентября 1900 г. (ГБЛ).

Пьеса моя «Три сестры» в настоящее время еще только пишется. — В своем письме Прусик обращался к Чехову с просьбой: «Позвольте же мне перевести и новую Вашу пьесу „Три сестры“ и будьте столь добры послать мне один экземпляр ее!»

Вами переведенные пьесы буду ждать... — Ответ на строки из письма Прусика: «Имею честь сообщить Вам, что Ваш рассказ „В овраге“ напечатан в моем переводе в „Чешской ревью“ и что на днях Вы получите экз<емпляр> тех №№, где он напечатан. Ваш „Дядя Ваня“ принят на сцену Национального театра

и пойдет этой зимой. Как только будет напечатан, то Вам вышлю. „Иванова“ я тоже уже перевел и отдал в печать, так что я перевел уже все Ваши пьесы: „Чайку“, „Дядю Ваню“ и „Иванова“». 5(18) ноября Прусик извещал Чехова: «Сегодняшней почтой высылаю Вам первый экземпляр только что вышедшего из типографии моего перевода „Дяди Вани“ с просьбой о любезном его принятии. Надеюсь, что вскоре и „Иванова“ буду в состоянии выслать. „Ce'skou Révue“ уже выслал. Получили ли Вы ее?» (ГБЛ). Извещение о постановке пьесы Чехова «Дядя Ваня» (в переводе Б. Прусика) на сцене Пражского Национального театра было напечатано в «Новостях дня» (1900, № 6256, 20 октября): «Нам пишут из Праги: 14-го октября на сцене Чешского Национального театра была поставлена драма Л. Н. Толстого „Власть тьмы“ <...> Следующая новинка — тоже русская драма „Дядя Ваня“ А. П. Чехова, пользующегося также большою популярностью среди чехов. Пьеса будет поставлена так, как она идет на сцене Московского Художественно-Общедоступного театра» (см. также письмо к О. Л. Книппер от 17 апреля 1901 г. в

3153. Ю. О. ГРЮНБЕРГУ

24 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 177–178.

Ответ на письмо Ю. О. Грюнберга от 19 сентября 1900 г. (ГБЛ; *Чехов, Лит. архив*, стр. 177).

Сегодня я послал III том ~ Назовите книгу так: «Очерки». — Грюнберг в своем письме спрашивал: «Надеюсь, что корректуру III тома Вы получили. Можно ли этим закончить этот том или же в него должно еще что-нибудь войти, и что именно? Не откажите также сообщить, какое заглавие дать этому тому (I „Рассказы“, II „Повести и Рассказы“, а III?)». III том собрания сочинений Чехова вышел с заглавием «Рассказы».

Опять-таки повторяю... — См. письмо Чехова к Грюнбергу от 21 июля 1899 г. и примечания к нему (т. 8 Писем).

...в рассказе «Мечты» не исправлены цифры... — Рассказ «Мечты» (1886) печатался в III томе собрания сочинений Чехова по тексту сборника «В сумерках». При включении его в

собрание сочинений Чехов изменил одну деталь: по тексту сборника бродяга был осужден на каторгу не на 7 лет, как в окончательной редакции, а на 12: «Маменьку осудили на каторгу на 20 лет, а меня за мое малолетство только на 12». Вероятно, именно это цифровое исправление, 12 на 7, в корректуре и не учли вначале в типографии Маркса (ср. т. 5 Сочинений, стр. 399).

3154. Е. Я. ЧЕХОВОЙ

24 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые (с датой «14 сентября 1900 г.») опубликовано: «Красный архив», 1929, № 6 (37), стр. 177–178. Дата исправлена в ПССП, т. XVIII, стр. 397.

Открытка. Датируется по почтовым штемпелям: Ялта. 25 IX.1900; Москва. 27 IX.1900. Дату «14 сентября» Чехов, по-видимому, поставил ошибочно. Это подтверждается тем, что Е. Я. Чехова 14 сентября была еще в Ялте и выехала в Москву только 23 сентября — см. письмо* Чехова к Книппер от 22 сентября 1900 г.

...ловлю мышей и пускаю их на пустопо-

рожнее место... — И. Н. Альтшуллер вспоминал: «Чехов любил животных. Когда я увидел, с какой заботливостью он ухаживал за раненым Каштаном, как внимательно, по всем правилам хирургического искусства, перевязывал его разодранную лапу и с какими при этом ласковыми словами к нему обращался, я понял, почему такой удивительной вышла у него „каштанка“. И когда он, поведя серьезную войну против мышей, брал из мышеловки осторожно за хвост попавшуюся мышь и спускал ее через низкий забор на кладбищенский участок, то я уверен, что мышь только посмеивалась и, наверное, в ближайшую же ночь перебиралась обратно на дачу к своему врагу» (И. Н. Альтшуллер. О Чехове. — Чехов в воспоминаниях, стр. 591).

3155. О. Л. КНИППЕР

27 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 69–70.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 24 сентября 1900 г.; Книппер ответила 30 сентября и 1 октября (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр.

196–198, 200–202 и 203–204).

...почему этот тон, это жалобное, кисленькое настроение? — См. примечания к письму 3148*.

...уюду в Москву... — См. письмо 3171*.

...напиши мне, как прошла «Снегурочка»... — См. письмо 3145* и примечания к нему*.

Критика неодобрительно встретила этот спектакль. О возможной причине провала «Снегурочки» в Художественном театре К. С. Станиславский писал в книге «Моя жизнь в искусстве»: «Спектакль не имел успеха. Казалось бы, что он заслуживал лучшей участи. Может быть, впрочем, успеху помешало то обстоятельство, что декорации последних двух актов плохо умещались на сцене и требовали слишком большого антракта для их перемены. Поэтому оба акта пришлось играть в одной и той же декорации, что совершенно спутало мизансцены и вызвало нежелательное сокращение пьесы» (Станиславский, т. 1, стр. 218). В ответ на вопрос Чехова Книппер сообщила 30 сентября: «Сыграла два раза Леля в „Снегурочке“, раз „Одиноких“. За Леля хвалят. У меня из-за этой роли были мелкие

неприятности с дирекцией. Играла я с Мунт (Снегуркой) на 2-м спектакле, а на первом Лилина с Андреевой, и наш состав все в один голос признали лучшим, и удивлялись, почему не мы играли на открытии. Ну, об этом история умалчивает. Приедешь — поговорим <...> Вчера у нас обедали Горькие, потом все поехали на „Снегурку“ — играла я и Мунт. Был в театре и Васнецов и Фигнер, и им понравилось, говорят. А в общем „Снегурка“ шлепнулась, можно сказать. По-моему — пьеса эта не стоит таких затрат энергии и труда и капитала. Мария Петр<овна> мне не нравится Снегуркой — нет сказки, нет поэзии. Есть простота и искренность простой деревенской девушки, а этого мало. Савицкая — Весна — нехороша. Нет тепла, неги, мягкости, красоты звука, стиха. Хорош Берендей — Качалов. Для меня каторга играть в этой сказке — за кулисами — гадость, пыль, хоры, оркестр, техники, рабочие, народу — без конца. Я устаю от закулисной возни ужасно. После первого спектакля мы ужинали в „континентале“, было просто и славно. Были Горькие и Бунин, кутили до 5-го часу утра» (см. также письма 3157*, 3172*).

...ты хочешь и ждешь какого-то объяснения... — Книппер писала 11 октября: «Нежный мой Антон, как мне хочется видеть тебя! Как хочется приласкать тебя, поговорить с тобой обо всем, о чем не дописалось в письмах, о том, что на душе друг у друга. Не пугайся — я не хочу разговора с серьезными лицами и последствиями, как ты опасался. Не буду приставать к тебе, не буду тебя мучить, а буду только любить, буду мягкая, хорошая и интересная для тебя...» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 207).

Если мы теперь не вместе, то виноваты в этом не я и не ты... — Позднее, когда Книппер стала женой Чехова, ее не раз упрекали в том, что она не бросила сцену и не находилась все время рядом с больным мужем. Поясняя свои сложные взаимоотношения с Чеховым, Книппер писала в своих воспоминаниях: «Казалось бы, очень просто разрешить эту задачу — бросить театр и быть при Антоне Павловиче. Я жила этой мыслью и боролась с ней, потому что знала и чувствовала, как ломка моей жизни отразилась бы на нем и тяготила бы его. Он никогда бы не согласился

на мой добровольный уход из театра, который и его живо интересовал и как бы связывал его с жизнью, которую он так любил. Человек с такой тонкой духовной организацией, он отлично понимал, что значил бы для него и для меня мой уход со сцены, он ведь знал, как нелегко досталось мне это жизненное самоопределение» («Об А. П. Чехове» — *Книппер-Чехова*, ч. 1, стр. 46).

Что в театре нового? — Книппер отвечала 1 октября: «Вчера играли „Дядю Ваню“, дорогой мой! С каким наслаждением, с какой радостью! Первую пьесу в этом сезоне публика приветствовала так горячо, так дружно. Опять на всех нас пахнуло чем-то хорошим, родным, дорогим! Не могу тебе передать, как мне было приятно играть вчера. Думала о тебе, милый мой! Хотела, чтобы ты был тут, чтобы ты видел, как артисты и публика любят „Дядю Ваню“, как радуются успеху. Вчера все играли хорошо. Немирович после первого акта пришел за кулисы возбужденный, говорил, что играем тонко, мягко, стильно. Видишь, как любят тебя! После первого акта аплодисменты так и грянули. Я теперь конец

второго действия веду иначе — нервнее, возбужденнее, но сдержанным звуком, негромко, и чувствую, что это лучше и ближе к замыслу моего милого скромного писателя — правда, родной мой?»

3156. О. Л. КНИППЕР

28 сентября 1900 г.

Печатается по подлиннику (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 70.

Телеграмма. Датируется по служебным пометам на бланке: «Подана 28 IX. 10.50 пополудни»; «Принята 28-го 1900 г.»

О. Л. Книппер ответила 30 сентября 1900 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 200–202).

...приеду октябре вероятно... — «Когда пришла твоя телеграмма, — писала Книппер, — у меня сердце дрогнуло — так и думала, что телеграфируешь о своем приезде. А прочитавши, обиделась и чуть не заплакала. Ну приезжай же, я сделаю все, чтобы тебе было хорошо и приятно здесь, чтобы ты оттаял, отошел, чтобы тебе было хорошо от моей любви».

3157. О. Л. КНИППЕР

28 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 400.

Дата «28 ав.» поставлена Чеховым ошибочно. Датируется по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 29 IX.1900; Москва. 3 X.1900. Дата — 28 сентября — подтверждается и связью письма с телеграммой Чехова к Книппер от того же числа.

Читал сегодня первые рецензии насчет «Снегурочки»... — Все центральные газеты откликнулись на этот спектакль. В «Московских ведомостях» (1900, № 265, 25 сентября) была помещена информация: «Художественно-Общедоступный театр. Открытие спектаклей „Снегурочкой“ собрало в театр публику первых представлений. Присутствовала, так сказать, „вся Москва“. „Снегурочка“ поставлена очень интересно, но небольшой размер сцены давал себя чувствовать; заметна была теснота. В роли Снегурочки очень мила г-жа Лилина». «Русские ведомости» также положительно откликнулись на новую постановку Художественного театра (1900, № 267, 25 сентября). В отделе «Театр и музыка» сообща-

лось: «Вчера „Снегурочкой“ открылись спектакли в Художественно-Общедоступном театре. Зрительная зала была полна. Постановкой сказки Островского молодой театр прибавил себе еще один крупный и во многом безусловно заслуженный им успех. Вся внешняя сторона спектакля — декорации, костюмы, разнообразный грим, оригинальная планировка народных сцен и пр. — дает зрителю впечатление очень большой художественной работы. После первой же картины — „Пролога“ — начались дружные аплодисменты и несколько раз были вызваны режиссеры гг. Станиславский и Санин и декоратор г. Симов. После второго действия их снова вызывали». Газета «Новости дня» напечатала большую анонимную рецензию, подписанную «—Ф—», под заголовком «Снегурочка» (№ 6233, 27 сентября) и фельетон Пэка «Уф!..» на эту же тему (№ 6232, 26 сентября). Рецензии и информации о спектакле появились также в газетах «Курьер» (№ 267, 26 сентября), «Новое время» (27 сентября), «Новости» (27 сентября) (см. также примечания к письмам 3145*, 3155*).

...только вначале нравится, потом же на-

доедает, как забава. — Большинство авторов рецензий и фельетонов на спектакль Художественного театра «Снегурочка», отмечая успех пьесы у публики, считали ее неудавшейся постановкой театра. Так, анонимный автор рецензии, напечатанной в газете «Русские ведомости» (1900, № 268, 26 сентября), писал, сравнивая постановку «Снегурочки» в Новом и Художественном театрах: «Эффектные сцены, красивая обстановка, суетливость и некоторые насилия над текстом Островского не могли заменить того общего настроения жизнерадостности, которое мы надеялись вынести из представления „Снегурочки“ и которое до известной степени мы получили от исполнения этой пьесы молодыми артистами Новой казенной сцены. В исполнении некоторых ролей также замечалось отсутствие простоты и склонность к внешним эффектам. Очень интересно, например, загримирован Бобыль, но в исполнении нельзя не отметить вычурности, вредившей общему комическому впечатлению от этой фигуры. Более других нам понравилось исполнение ролей Снегурочки и царя Берендея».

...Ваш театр должен ставить только современные пьесы... — Посмотрев спектакли Художественного театра, Чехов сразу определил новое, только ему присущее «лицо театра». Позднее В. Э. Мейерхольд в статье «К истории и технике театра» подчеркивал, что это свое лицо Художественный театр приобрел благодаря знакомству с драматургией Чехова. Он писал: «Московский Художественный театр имеет два лица: одно — Театр натуралистический, другое — Театр настроения. Натурализм Художественного театра — натурализм, заимствованный им у мейнингенцев. Основной принцип — *точность воспроизведения природы*». Характеризуя далее вторую особенность Художественного театра — театра настроения, Мейерхольд отмечал: «Секрет чеховского настроения скрыт был в ритме его языка. И вот этот-то ритм услышан был актерами Художественного театра в дни репетиций первой чеховской постановки. И услышан он был через влюбление в автора „Чайки“. Не улови Художественный театр ритма чеховских произведений, не сумеет он воссоздать этот ритм на сцене, он никогда не при-

обрел бы этого второго лица, которое и создало ему репутацию Театра настроения; это было свое лицо, а не маска, заимствованная у мейнингенцев. Тому обстоятельству, что Художественному театру удалось под одной крышей с натуралистическим театром приютить и Театр настроения, я глубоко убежден, помог сам А. П. Чехов и именно тем, что он сам присутствовал на репетициях своих пьес и обаянием своей личности, как и частыми беседами с актерами, влиял на их вкус, на их отношение к задачам искусства. Это новое лицо театра было создано определенной группой актеров, которые получили в театре название „чеховские актеры“. Ключ к исполнению чеховских пьес находился в руках этой группы, почти неизменно исполнявшей все пьесы Чехова. И эта группа лиц должна считаться создателем чеховского ритма на сцене» (В. Э. Мейерхольд. Статьи, письма, речи, беседы, ч. 1, стр. 113 и 122).

Как прошли «Одинокие»? Это будет получше «Снегурочки». — Пьеса Гауптмана впервые в сезоне 1900 г. шла на сцене Художественного театра 25 сентября. В газете «Курьер» (1900,

№ 267, 26 сентября) в отделе «Театр и музыка» сообщалось об этом спектакле: «Возобновление „Одиноких“ Гергарта Гауптмана в Художественно-Общедоступном театре собрало довольно много публики. Пьеса прошла со стройный ансамблем, и все исполнители имели успех». Об отношении Чехова к пьесе «Одинокие» см. примечания к письму 3071*.

Ах, какая тебе роль в «Трех сестрах»! — Роль Маши. В «Трех сестрах» Чехов впервые в своей драматургической практике писал почти все роли для определенных исполнителей. Эту особенность пьесы подчеркивал Вл. И. Немирович-Данченко: «Чехов в этой пьесе сделал то, что обыкновенно чересчур умными театральными критиками порицалось: он писал роли для определенно намеченных исполнителей. Он, как великолепный, если можно так назвать, театральный психолог, хорошо уловил артистические особенности нашей молодой труппы и для пьесы выбрал из своего литературного багажа образы, более или менее близкие к их артистическим качествам. Это тоже очень помогло ансамблю» (*Из прошлого*, стр. 219).

3158. А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

28 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (*Архив Горького*).

Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 98–99.

М. Горький ответил в начале октября 1900 г. (*Горький*, т. 28, стр. 132–136).

...книжку некоего Данилова И. А. «В тихой пристани»... — Книга писательницы О. А. Фрибес (литературный псевдоним — И. А. Данилов) «В тихой пристани» вышла отдельным изданием в 1898 г. и была прислана Чехову М. О. Меньшиковым, который писал 22 сентября: «Посылаю Вам на днях обещанную книжку Данилова „В тихой пристани“. При случае черкните, какое впечатление она произвела на Вас. Очень свежий талант» (*ГБЛ*). Горький не смог достать книгу Данилова (см. его письма к Чехову от начала октября и октября 1900 г.), и Чехов 16 октября послал ему ее.

...прочтите там средний рассказ... — Рассказ «В тихой пристани», обративший на себя внимание Чехова, — дневник молодой мона-

стырской послушницы, — входил в книгу рассказов, изданных под тем же общим названием.

Сегодня получил я от Меньшикова письмо... — В письме от 22 сентября Меньшиков спрашивал Чехова: «Написали ли Вы Горькому о желании „Недели“ иметь от него какую-нибудь вещь?» (ГБЛ).

...приглашает Вас очень работать в «Неделе». — На это предложение М. Горький отвечал в письме к Чехову от начала октября: «В „Неделю“ не пойду, некогда. Меньшикова не люблю за Вяземского и за Жеденова. Он — злой, этот Меньшиков. И он напрасно толстовит, не идет это к нему — и, думается мне, только мешает развернуться его недюжинному, страстному таланту». В письме Горького имелись в виду статьи Меньшикова против высказанного в печати взгляда на кн. В. В. Вяземского как на идейного предшественника Л. Н. Толстого («Дознание» — в «Книжках Недели», 1895, август, и «Серпуховской циник» — в книге Меньшикова «Народные заступники», П., 1900), а также конфликт Меньшикова с Жеденовым, вызванный напечатан-

ной в газете «Неделя», 1896, № 10 (редактором который был в то время Меньшиков) заметкой «Красноярский бунт», направленной против Жеденова как земского начальника.

3159. В. А. ПОССЕ

28 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 400–401.

Ответ на письмо В. А. Поссе от 23 сентября 1900 г. (ГБЛ).

...спасибо за телеграмму... — Речь идет о телеграмме, посланной Чехову группой литераторов, бывших в Художественном театре на генеральной репетиции «Снегурочки» 4 сентября 1900 г. (см. примечания к письму 3138*). В своем письме Поссе напоминал: «Из „Большой Московской“ послали Вам телеграмму».

...за письмо, которое пришло сегодня. — В письме от 23 сентября Поссе, между прочим, писал: «Вы, кстати сказать, заставили вчера одну компанию поужинать у Палкина. Сначала вкусно поужинать захотелось только одному холостому человеку, но когда он, истощив свое собственное красноречие, прочел Вашу

„Сирену“, то все поспешно схватились за шапки и через полчаса заказывали всевозможные необыкновенно вкусные предметы».

Рассказ я пришлю непременно... — 1 сентября 1900 г. издатели журнала «Жизнь» В. А. Поссе, Д. Н. Овсяннико-Куликовский и Е. А. Соловьев отправили Чехову телеграмму следующего содержания: «Может ли „Жизнь“ рассчитывать Вашу повесть или драму этой осенью. Убедительно просим». Чехов ответил телеграммой (местонахождение ее неизвестно), в которой согласился удовлетворить просьбу издателей «Жизни». 23 сентября 1900 г. Поссе писал по этому поводу: «После Вашей телеграммы вся наша редакция воспрянула духом, и мы теперь с нетерпением ждем конца октября. Чем Вы нас порадуете — „Тремя сестрами“ или каким-нибудь рассказом? Или тем и другим? Было бы здорово, но это — мечты <...> Не забывайте „Жизни“, она Вас искренно любит и клянется, что ни в повести, ни в драме не будет ни одной опечатки». Об этом же в начале октября 1900 г. писал Чехову М. Горький: «Поссе показывал мне Вашу телеграмму, в которой Вы извещаете его, что в октябре

пришлете ему что-то. Поссе рад, как ребенок. Я тоже рад» (*Горький*, т. 28, стр. 136).

В журнале «Жизнь» после повести «В овраге» других произведений Чехова опубликовано не было.

3160. Г. И. РОССОЛИМО

30 сентября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 99.

Ответ на письмо Г. И. Россолимо от 27 сентября 1900 г. (ГБЛ).

...моей автобиографии, которая была напечатана в юбилейном альбоме... — Автобиография Чехова была напечатана в книге: «Юбилейный сборник. XV. Врачи, окончившие курс в Московском университете в 1884 г.» М., 1899 (подробнее о ней см. в примечаниях к письму от 11 октября 1899 г. в т. 8 Писем, а также к письму 3008*).

...зачем Вы спрашиваете позволения, раз она напечатана? — Россолимо в ответном письме просил разрешения процитировать в своей речи на годовичном заседании Общества невропатологов и психиатров отрывок из вы-

шеназванной автобиографии Чехова. Он писал: «Буду говорить о болезнях нервной системы и искусстве. Ужасно хотелось бы привести Вашу мысль о научной точности изображаемого в искусстве, но так, как Вы об этом трактуете». Заседание Общества невропатологов и психиатров, на котором выступил Россоломо, состоялось 22 октября.

3161. М. К. ПЕРВУХИНУ

Конец сентября — начало октября 1900 г.

Печатается по машинописному тексту воспоминаний о Чехове М. К. Первухина (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 68, стр. 233. Местонахождение автографа неизвестно.

Датируется предположительно по дате публикации легенды в «Крымском курьере» — 17 сентября 1900 г.

...для «Крымского Таймса» ~ произведений неведомых мне авторов не рекомендовать. — М. К. Первухин с весны 1900 г. был фактическим редактором местной ялтинской газеты «Крымский курьер». В своих воспоминаниях он рассказывает два случая, когда Чехов рекомендовал ему напечатать в газете произведе-

ния молодых авторов, которые в конце концов оказались плагиаторскими. О случае, связанном с комментируемым шутивным обязательством Чехова, Первухин писал: «По его <Чехова> личной рекомендации я напечатал в „крымском курьере“ маленькую крымскую легенду, доставленную ему, Чехову, какою-то очень нуждавшеюся в заработке драматической артисткою. На другой день живший в Ялте литератор А. Я. Бесчинский, автор хороших путеводителей по Крыму и Кавказу, при встрече со мною язвительно заметил мне:

— Если вы, коллега, в другой раз пожелаете перепечатывать что-либо из путеводителей, то берите по крайней мере новые издания! А то эта ваша „крымская легенда“ целиком содрана со страниц старого путеводителя по Крыму Тихомировой... Неудобно, знаете!

Чтобы не огорчать сильно тогда прихварывавшего Чехова, я так и не сказал ему об этом казусе, но каким-то образом он сам проведал о случившемся и прислал мне записку с извинениями» (М. К. Первухин. Из воспоминаний о Чехове. — Чехов в воспоминаниях, стр. 626–628). Крымская легенда «Злое сердце», о

которой идет речь, за подписью: Вий, была напечатана в «Крымском курьере», 1900, № 208, 17 сентября.

3162. О. Л. КНИППЕР

4 октября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 71.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 30 сентября 1900 г.; Книппер ответила 11 октября (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 200–202 и 206–209).

...если выеду, то 12 октября... — Вероятно, этот же срок был указан Чеховым и дирекции Художественного театра, так как 9 октября 1900 г. в газете «Курьер» (№ 280) была помещена заметка: «В конце этой недели ожидается приезд в Москву А. П. Чехова, и дирекция Художественно-Общедоступного театра надеется, что он привезет с собою оконченную пьесу». Чехов выехал в Москву 21 октября.

Буду телеграфировать... — См. телеграмму * от 22 октября 1900 г. из Лозовой.

...играть ее в этом сезоне не придется. — Первый спектакль «Трех сестер» в Москов-

ском Художественном театре состоялся 31 января 1901 г.

...в какой гостинице ~ мне остановиться. — Книппер ответила 11 октября: «Где тебе остановиться? Надо в хорошей гостинице, чтобы был хороший воздух и чтобы в коридоре не пахло. По Никитской вряд ли есть такие. Я узнаю и тогда скажу».

В Москве, вероятно, буду переписывать свою новую пьесу начисто. — См. примечания к письмам 3184* и 3210*.

Из Москвы поеду в Париж. — Из Москвы Чехов выехал в декабре 1900 г. в Ниццу.

Играй себе помаленьку... — Книппер сообщила 11 октября: «На днях играли „Дядю Ваню“ и после 4-го акта прямо-таки овации были, третий прошел блестяще. Маша говорит, что нет сравнения с прошлым годом. Сулержицкий очумел от „Чайки“ больше, чем от „Дяди Вани“. Роксанова стала играть гораздо лучше, я играю Аркадину еще мерзее, если можно так выразиться. 17-го идет „Штокман“, в первых числах — „Мертвые“, кот<орых> я жду с нетерпением. Хочется новой роли, нового жанра».

3163. Е. Я. ЧЕХОВОЙ

4 октября 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: «Красный архив», 1929, № 6 (37), стр. 178.

Открытка.

Ответ на письмо Е. Я. Чеховой от 26 сентября 1900 г. (ГБЛ).

У нас ничего нового, всё благополучно. — Е. Я. Чехова выехала в Москву 23 сентября. О первых московских впечатлениях она сообщила сыну: «Маленькая Маша меня встретила на вокзале, на квартиру приехала — застала у Маши Книппер, Мар. Фед. Терентьеву и Воронину барышню. Они все ночевали. Квартира очень хороша и сравнить нельзя с той, что была в Успенском переулке. Вчера здесь весь день шел дождь, холодный, пронзительный, а сегодня солнышко, хорошая погода. Может быть, ты надумаешь к нам заехать. Хорошо сделаешь <...> Потрудись прочитать мое письмо, да порви его. Ты не любишь читать письма».

3164. М. П. ЧЕХОВОЙ

6 октября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 402.

Год устанавливается по письму М. П. Чеховой от 3 октября 1900 г., на которое отвечает Чехов, и подтверждается упоминанием о поездке в Москву; Чехова ответила 13 октября (*Письма М. Чеховой*, стр. 161–163).

...сегодня же посылаю тебе 200 р... — В письме от 3 октября М. П. Чехова обращалась к брату с просьбой: «Мать довольна, что приехала в Москву, только вот у нас денег совсем почти нет. Мамаша не привезла, Миша тоже не присылает, пишет, что с переездом на новую квартиру задолжал, так что тебе опять придется раскошелиться». В ответном письме она извещала: «За деньги очень большое спасибо. Вчера вечером получила».

Приеду, вероятно, 20 октября... — На это сообщение М. П. Чехова откликнулась в ответном письме: «Пожалуй, мое письмо тебя уже не застанет в Ялте. Впрочем, ты 20-го выезжаешь. Дай бог, чтобы погода изменилась к лучшему, сейчас такая мерзость, слякоть, и

дождь мелкий уже целую неделю идет. Я хожу в шубе. Одевайся потеплее».

...не кончил своей литературной работы.

— Пьесы «Три сестры».

Поклон мамаше. — О Е. Я. Чеховой Мария Павловна сообщала 13 октября: «Мамаша здорова. Я нахожу, что она сильно окрепла, прожив год в Крыму. Теперь по улицам она ходит сама и не жалуется на ноги, но жалуется по-прежнему на скуку и одиночество. Ходила она в театр с Книпушей на „Царя Федора“ и теперь просится на „Снегурочку“, понравилось! Подождем, когда Леля будет играть Книппер, тогда и пойдем».

Зачем у Миши спрашивала денег? — Из письма М. П. Чеховой от 3 октября, приведенного выше, явствует, что она обращалась за материальной помощью к Михаилу Павловичу. В письме от 6 октября 1900 г. к Е. Я. Чеховой он так объяснял свой отказ: «Милая, дорогая мамочка. Уж вот какое Вам спасибо за Ваши каракули. <...> Вы ничего не пишете об Антоне и о себе самой. Как ваши здоровья? Совершенно от посторонних людей слышим об Антоне, а от своих ни гугу! Что Крым, что

Ялты? Маша тоже ничего не пишет, я знаю, она обиделась на меня за то, что я не выслал ей денег. Что ж делать? Положительно взять негде. Эта поездка наша в Крым просто зарезала нас, насилу уплатили по векселю» (ГБЛ). См. также письмо М. П. Чехова к Чехову от 6 октября 1900 г. (С. М. Чехов. О семье Чеховых. Ярославль, 1970, стр. 196–198).

3165. О. Л. КНИППЕР

7 октября 1900 г.

Печатается по подлиннику (ГБЛ). Впервые (с датой 8 сентября 1900 г.) опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 71. Дата исправлена в ПССП, т. XVIII, стр. 403.

Телеграмма. Дата устанавливается по служебным пометам на телеграфном бланке: Подана 7, 7.40 пополудни; Принята 8/X.1900.

Ответ на телеграмму О. Л. Книппер от 7 октября 1900 г.: «Телеграфируйте день приезда. Жду. Писем не посылаю» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 205).

3166. Г. А. ХАРЧЕНКО

8 октября 1900 г.

Печатается по автографу (ТМЧ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 403.

Денежный перевод. Датируется по почтовому штемпелю: Ялта. 19 8/X 00. На обороте рукой Чехова: «20... [руб] = [коп] [От] А. П. Чехова. Ялта». Надпись рукой адресата: «С благодарностью получено 12 октяб. 1900».

Ответ на письмо Г. А. Харченко от 17 сентября 1900 г.; Харченко ответил 12 октября (ГБЛ).

...мое желание сделать взнос за Вашу дочь... — Чехов обязался оплачивать учебу в гимназии дочери Харченко Александры. В письме от 17 сентября Харченко сообщал: «Сообщаю, что я свою дочь Александру определил в харьковскую гимназию, и надеюсь, что ей бог даст разум и способности окончить курс, она охотно занимается, конечно, еще трудно определить ее способности, но все-таки я надеюсь, что она таковые проявит в будущем. Кроме гимназии она посещает вместе с меньшей сестрой Галиной частную учительницу по музыке, но это посещение только началось с 1-го сентября».

...возвращаю Вам 20 р. — В ответном пись-

ме от 12 октября Харченко благодарил Чехова за присланные деньги и просил прислать его фотографию.

3167. П. Д. БОБОРЫКИНУ

9 октября 1900 г.

Печатается по подлиннику (ИРЛИ). Впервые опубликовано: «Бюллетени рукописного отдела Пушкинского дома», I. М. — Л., 1947, стр. 39.

Телеграмма. Датируется по служебным пометам на телеграфном бланке: Подана 9, 7.30 пополудни; Принята 9/X 1900.

Телеграмма послана П. Д. Боборыкину по случаю празднования сорокалетия его литературной деятельности. В «Курьере» (1900, № 282, 11 октября) был помещен пространный отчет об этом юбилее. «Вчера в колонном зале „Эрмитажа“ представители московского литературного и ученого мира чествовали обедом известного писателя Петра Дмитриевича Боборыкина по случаю сорокалетия его литературной деятельности. Ряд речей открыл В. А. Гольцев, говоривший от имени московских журналистов, явившихся иници-

аторами этого чествования...» В отчете сообщалось, что Гольцев, среди других поздравительных телеграмм, зачитал и телеграмму Чехова. Об этом же писали «Новости дня», 1900, № 6247, 11 октября.

3168. А. П. СЕРГЕЕНКО

9 октября 1900 г.

Печатается по автографу (собрание А. П. Сергеенко, Москва). Впервые опубликовано в воспоминаниях А. П. Сергеенко «Две встречи с Чеховым» — *ЛН*, т. 68, стр. 626 (на стр. 627 — факсимильное изображение).

Открытка.

...большое Вам спасибо за фотографии... — Во время пребывания П. А. Сергеенко с детьми 29 сентября 1900 г. у Чехова А. П. Сергеенко сделал несколько снимков, один из которых приводится в *ЛН*, т. 68, стр. 623. Подробности этой встречи описаны в воспоминаниях А. П. Сергеенко «Две встречи с Чеховым» (*ЛН*, т. 68, стр. 623–626).

...вашей сестре. — Марине Петровне Сергеенко.

3169. Е. Я. ЧЕХОВОЙ

9 октября 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: «Красный архив», 1929, № 6 (37), стр. 178.

Открытка. Год устанавливается по почтовому штемпелю: Москва. 14 X.1900.

3170. А. Г. КОНСТАНТИНИДИ

11 октября 1900 г.

Печатается по тексту: *Письма*, т. VI, стр. 101, где опубликовано впервые. Местонахождение автографа неизвестно.

Ответ на письмо А. Г. Константиниди из Афин от 29 сентября 1900 г. (ГБЛ).

...перевести для журнала ~ несколько рассказов... — В письме от 29 сентября Константиниди обратился к Чехову от имени редакции афинского журнала «Панафиней»: «Редакция греческого журнала „Τά Πααναθηναϊα“, желая представить своим читателям произведения современной русской литературы в греческом переводе, обратилась ко мне и дала мне полную свободу выбрать таковые из самых талантливых и выдающихся писате-

лей современной России. Один мой знакомый дал мне недавно читать четыре тома Ваших повестей и рассказов. В полной уверенности, что греческая читающая публика оценит по достоинству Ваши рассказы, я уже перевел четыре из них, а именно: „Черный монах“, „Пассажир 1 класса“, „Произведение искусств“ и „Скрипка Ротшильда“, которые редакция журнала приняла с восторгом. Я намерен представить греческой публике еще несколько из Ваших повестей и рассказов».

...вышлю Вам свой портрет ~ моей автобиографии... — Константиноиди просил Чехова прислать в журнал его фотографию и автобиографию: «Редакция помянутого журнала сочла долгом раньше, чем приступить к печатанию Ваших произведений, попросить Ваше на это разрешение и, знакомя греческую публику с Вашими произведениями, желала бы сделать известным ей и Вашу личность, поэтому обращается к Вам с покорнейшей просьбой выслать мне для передачи ей Вашу фотографическую карточку с Вашей на ней подписью. Я обратился с просьбой к одному знакомому лицу в Таганрог о доставке мне

некоторых биографических сведений о Вашей личности, но вряд ли мне это удастся, поэтому Вы весьма обяжете меня, доставив мне таковые, хотя бы в самых главных чертах. Редакция, по разрешении ей русским почтамтом права входа журнала в пределы России, не преминет выслать Вам журнал» (там же).

3171. Е. Я. ЧЕХОВОЙ

13 октября 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 101–102.

Открытка. Год устанавливается по почтовому штемпелю: Ялта, 14 X.1900.

3172. О. Л. КНИППЕР

14 октября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 71–72.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 14 X.1900; Москва. 19 X.1900.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 11 октября 1900 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 206–209).

В конверт Чехов вложил вырезку из газеты: «Во время последнего общедоступного спектакля в театре, в конце третьего действия пьесы Чехова „Иванов“, публика была встревожена криками в партере. Какая-то женщина, весьма прилично одетая, настолько прониклась происходящим на сцене, что совершенно забылась и начала кричать: „Сарка, жидовка, так тебе и надо!“»

Видишь, как хорошо я живу. — Чехов отвечает на следующее место из письма Книппер: «Мне больно думать, что ты там один живешь, я не могу этого переварить. И зачем пропали даром эти прекрасные осенние месяцы? Я обыкновенно мало сожалею о прошедшем, но мысль об этом близком прошедшем и о настоящем причиняет мне боль, мучает меня. А тебя, скажи? Я не знаю, как я переживу эту зиму, я даже не думаю об ней, а то не знаю, чем утешить себя — работой только разве. Дорогой мой, не сердись, что я хнычу, я знаю, что и тебе не легко. Но за эти терзания мы будем награждены, правда? Весна должна нам принести много света, тепла, радостей, обновления. Ты непременно криво улыба-

ешься, читая эти строки, а в душе согласен со мной, права я? Как твое здоровье теперь? Пиши мне о себе подробнее, а то не договариваешь — я это чувствую».

Насчет пьесы не спрашивай... — Чехов имеет в виду следующие строки из названного выше письма Книппер: «В театре меня замучили вопросами о тебе и о пьесе». Повышенный интерес руководства и артистов Художественного театра к работе Чехова над новой пьесой был вызван репертуарным кризисом в театре. Станиславский писал по этому поводу С. В. Флерову 15 октября 1900 г.: «„Снегурочка“ растаяла в тот момент, когда лишь только мы маленько разгулялись. Она... вся — прикончилась. Мы потеряли всякую надежду оживить ее, и наша молодежь в полнейшем унынии. Одно средство оживить их — это скорее ставить новую пьесу. Если она будет иметь успех, мы спасены, нет — дело очень и очень плохо, почти безнадежно» (Станиславский, т. 7, стр. 198).

Ты пишешь про то, как надоела «Снегурочка»... — Книппер писала 11 октября: «Твои пьесы имеют самый большой успех теперь.

Публика их любит, артисты играют их лучше, чем в те сезоны, играем с наслаждением, с радостью. Снегурка — это каторга, мука для всех. Ты ликуешь? Ты ведь предсказывал это, помнишь?» В письме от 13 октября Книппер несколько по-другому отзывалась о спектакле «Снегурочка» в Художественном театре: «Вечером пошла с Машей на „Снегурку“ в Новом театре и очень была рада, что пошла, т. к. яснее чувствую теперь все заслуги нашего театра и вижу его промахи. И теперь уже не считаю нашу „Снегурку“ проваленной и нос не вешаю. Ты приедешь — все увидишь непременно, все спектакли, как я радуюсь этому» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 209).

Я писал, что пьеса вам не по театру... — См. письмо 3157. О неуспехе постановки «Снегурочки» в Художественном театре писал Чехову В. Э. Мейерхольд 1 октября 1900 г.: «Прошла неделя, как начался наш театральный сезон. „как мало прожито, как много пережито“... „Снегурочка“, на которую потрачено безумное количество артистических сил, столько напряжений режиссерской фантазии и столько денег — провалилась. Все участу-*

ющие пали духом и продолжают свою работу с болью в душе и уныло... Публика, равнодушная и к красоте пьесы, и к тонкому юмору ее, критиканствует, повторяя мнения разных „ведомостей“ и „листочков“. Сборы уже начинают падать. Все чувствуют себя неловко... В чем дело? Очевидно, „Снегурочка“ отжила свой век. Очевидно, при „современной смуте“, на развалинах строя всей нашей жизни — мало призыва к одной лишь красоте... Или это каприз развинченной публики, или это слепое ее доверие к прессе? Как понять?... М. Горький почему-то считает невежественными и публику, и прессу. Наши рецензенты невежественны, конечно... А публика? Правда, она легковерна, но чутья она не потеряла. Разве неверно, что пьеса мелка, хоть и красива? Часть вины пусть примет на себя наш главный режиссер: опять перемудрил. Если приедете, увидите. Всего не напишешь» (В. Э. Мейерхольд. Статьи, письма, речи, беседы, ч. 1, стр. 81).

Ваше дело — «Одинокие»... — См. примечания к письму 3157.*

23-го буду в театре, непременно буду. —

Чехов приехал в Москву 23 октября и на следующий же день был в Художественной театре на спектакле «Доктор Штокман» Г. Ибсена.

3173. А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

16 октября 1900 г.

Печатается по автографу (*Архив Горького*).
Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 102–104.

Год устанавливается по содержанию письма (отъезд 21 октября в Москву, работа над пьесой «Три сестры», пребывание Е. Я. Чеховой в Москве), а также связью с письмами 3171, 3172.

Ответ на письма М. Горького от начала октября и 11 октября 1900 г. (*Горький*, т. 28, стр. 132–138).

...посылаю Вам Данилина. — Речь идет о книге И. А. Данилова. См. примечания к письму 3158*.

...она пойдет не теперь ~ не переписал ее начисто. — Чехов привез в Москву черновой вариант пьесы «Три сестры», доработка ее происходила в Москве и Ницце (см. примечания к письмам 3184*, 3210*, 3220*). Первый раз

«Три сестры» шли на сцене Художественного театра 31 января 1901 г.

...за письма, большое спасибо. Я прочел их по два раза. — В письме от начала октября М. Горький подробно описал свои впечатления от недельного пребывания в Москве: «Я только что воротился из Москвы, где бегал целую неделю, наслаждаясь лицезрением всяческих диковин вроде „Снегурочки“ и Васнецова, „Смерти Грозного“ и Шаляпина, Мамонтова Саввы и Крандиевской. Очень устал, обалдел и — рад, что воротился в свой Нижний. „Снегурочкой“ — очарован. Ол<ьга> Леон<ардовна> — идеальный Лель. Недурна в этой роли и Андреева, но Ол<ьга> Леон<ардовна> — восторг! Милая, солнечная, сказочная и — как она хорошо поет! <...> Для меня театр, Васнецов и сумасшедшая семья Книппер — дали ужасно много радости, но я боюсь, что Вам, мой хороший, любимый Вы мой человек, от моей радости будет еще грустнее в этой чертовой пустынной и тесной Ялте. А хотелось бы мне, чтоб и Вас жизнь осыпала целой кучей искр радости...» В заключение М. Горький сообщал, что намеревается писать большую

статью о творчестве Чехова. В следующем письме Горький описывал поездку в Ясную Поляну.

3174. Г. М. ЧЕХОВУ

16 октября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Записки ГБЛ*, вып. VIII, стр. 24.

Открытка.

3175. О. Л. КНИППЕР

17 октября 1900 г.

Печатается по подлиннику (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 72.

Телеграмма. Датируется по служебным пометам на телеграфном бланке: Подана 17/X, 10.40 пополуночи; Принята 17/X 1900.

Приеду понедельник непременно. — В «Курьере», 1900, № 294, 23 октября, сообщалось: «Сегодня приезжает из Крыма А. П. Чехов».

3176. П. Ф. ИОРДАНОВУ

20 октября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Неизд. письма*, стр. 85–86.

П. Ф. Иорданов ответил 15 ноября 1900 г. (ГБЛ).

Посылаю немного книг для Городской библиотеки. — В ответном письме Иорданов общал: «Последнюю Вашу посылку — Сумбатова и сборник — я получил, но первой, посланной из Ялты, до сих пор нет, так как она шла пароходом, а он где-то замерз. Когда получу ее, извещу Вас непременно».

3177. О. Л. КНИППЕР

22 октября 1900 г.

Печатается по подлиннику (ГБЛ). Впервые (с датой 20 сентября 1901 г.) опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 133. Дата исправлена в ПССП, т. XVIII, стр. 407.

Телеграмма. Датируется по пометам на бланке: Москв. Лозовой ж. д. 22, 1.30 пополудни; Принята 22.1900.

3178. А. Ф. МАРКСУ

26 октября 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 178.

3179. Л. А. АВИЛОВОЙ

29 октября 1900 г.

Печатается по тексту: *Письма*, т. VI, стр. 104–105, где опубликовано впервые, по автографу. Нынешнее местонахождение автографа неизвестно.

3180. Л. В. СРЕДИНУ

1 ноября 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые (с пропусками и с датой 1 октября) опубликовано: *Письма, собр. Бочкаревым*, стр. 135. Дата исправлена — *Несобр. письма*, стр. 100.

Дата «1 окт.» поставлена Чеховым ошибочно. Датируется по почтовым штемпелям на конверте: Москва. 1 XI.1900; Ялта. 4 XI.1900. Дата 1 ноября подтверждается и ответным письмом Средина от 15 ноября 1900 г. (ГБЛ), а также тем, что 1 октября Чехов был еще в Ялте, откуда выехал в Москву 21 октября.

Здесь Горький ~ публика устраивает нам овации... — Как сообщали московские газеты, Чехов и Горький впервые вместе присутствовали на спектакле «Доктор Штокман» Ибсена в Художественном театре 26 октября («Ново-

сти дня», 1900, № 6264, 28 октября). На следующий день они были на спектакле «Дядя Ваня». В «Новостях дня» (1900, № 6264, 28 октября) была помещена информация: «Вчерашний спектакль в Художественно-Общедоступном театре — шел „Дядя Ваня“ — сопровождался грандиозными овациями по адресу А. П. Чехова. Его начали вызывать после 2-го акта, вызывали несчетное количество раз, и каждое появление знаменитого писателя у рампы поднимало в зрительном зале целую бурю. Особенно продолжительна и восторженна была овация после последнего акта. Закончилась она у подъезда театра, где А. П. Чехова поджидала целая толпа, подхватила на руки и, под гром рукоплесканий, вынесла из театра. Присутствие автора дало особенный подъем и исполнителям, и „Дядя Ваня“ прошел блестяще, с чрезвычайной яркостью». Об этом же спектакле писалось в газете «Курьер» (1900, № 299, 28 октября): «Вчерашнее представление „Дяди Вани“ на сцене Художественно-Общедоступного театра носило весьма торжественный характер. Присутствие в театре автора, многочисленная публика, готовя-

щиеся овации любимому писателю, — все это создало как на сцене, так и в зрительном зале тот подъем настроения, когда и публика, и артисты, кажется, живут одними чувствами, одними мыслями, одной жизнью. Исполнение пьесы было бесподобное. Станиславский, Книппер, Лужский и все остальные исполнили свои роли лучше, совершеннее, чем когда-либо в этой же пьесе. Автора стали вызывать после первого же действия, но его еще в театре не было. Когда на усиленные вызовы, после второго действия, вышел на сцену А. П. Чехов, то раздались такие оглушительные аплодисменты, такой взрыв оваций, каких никогда не бывало даже и в этом театре. Овации с возрастающей силой возобновлялись каждый раз по окончании действия и дошли до своего апогея к концу спектакля. А. П. Чехов десятки раз выходил на вызовы публики, молодежь сама раздвигала занавес и кидалась на сцену. Этот спектакль надолго останется в памяти зрителей». 28 октября Художественный театр специально для Чехова поставил «Чайку». В «Курьере» (1900, № 298, 27 октября) сообщалось: «Пользуясь настоящим пребыва-

нием А. П. Чехова в Москве, Художественно-Общедоступный театр ставит сегодня „Дядю Ваню“, а завтра, вместо объявленной по репертуару трагедии гр. А. К. Толстого „Смерть Иоанна Грозного“, пойдет „Чайка“. А. П. Чехов выразил дирекции Художественно-Общедоступного театра желание присутствовать на этом спектакле». На этом спектакле вместе с Чеховым также был Горький (см. «Курьер», 1900, № 300, 29 октября). «Новости дня» (1900, № 6265, 29 октября), в отделе «Театр и музыка» сообщали: «Вчера в Художественно-Общедоступном театре опять устроили ряд восторженных оваций А. П. Чехову. После 3-го акта „Чайки“ В. И. Немирович-Данченко подал А. П. на сцене, под гром рукоплесканий, лавровый венок с лентами цвета занавеса театра с надписью: „Высокоталантливому другу. Дирекция и артисты Художественно-Общедоступного театра“. А. П. Чехов, уступая настойчивым просьбам театра, обещал поторопиться окончанием „Трех сестер“, и опять у театра воскресла надежда поставить чеховскую новинку еще в этом сезоне». 28 октября Чехов сделал запись в книге для

почетных посетителей Московского Художественного театра: «28 октября 1900, в день представления „Чайки“. Антон Чехов» (Музей МХАТ).

...бываем, можно сказать, со скандалом... — Об инциденте на спектакле «Чайка» 28 октября см. примечания к письму 3192*.

Завтра оба идем к Васнецову. — В это время В. М. Васнецов руководил работами по оформлению здания Третьяковской галереи. По-видимому, Чехов познакомился с ним в конце мая — начале июня 1900 г., во время поездки на Кавказ (см. примечания к письму 3102*). М. Горький в начале октября 1900 г. писал Чехову: «Я только что воротился из Москвы, где бегал целую неделю, наслаждаясь лицезрением всяческих диковин вроде „Снегурочки“ и Васнецова <...> Васнецов — кланяется Вам. Все больше я люблю и уважаю этого огромного поэта. Его Баян — грандиозная вещь. А сколько у него еще живых, красивых, мощных сюжетов для картин! Желаю ему бессмертия» (Горький, т. 28, стр. 132–133).

Третьего дня я был у Книппер и видел там Надежду Ивановну. — Н. И. Средина приехала

из Ялты в Москву в конце августа 1900 г. М. П. Чехова сообщала 1 сентября: «Надежда Ивановна Средина приехала, остановилась у Книппер, но я еще ее не видела» (*Письма М. Чеховой*, стр. 159). Подробнее о Срединой см. в примечаниях к письму 3231*.

3181. С. П. БОНЬЕ

Между 2 и 4 ноября 1900 г.

Печатается по тексту: *ПССП*, т. XVIII, стр. 410, где опубликовано по автографу ЦГАЛИ, с датой: «не позднее 8 ноября». Впервые опубликовано: «Ежемесячный журнал», 1914, № 7, стр. 69. Нынешнее местонахождение автографа неизвестно.

Дата устанавливается по письму С. П. Бонье от 29 октября 1900 г., на которое отвечает Чехов, и ответному письму от 7 ноября 1900 г. (*ГБЛ*), а также подтверждается упоминанием о смерти и похоронах Синани (ср. письмо Средину от 1 ноября).

...я жив и здоров... — Отклик на вопросы Бонье, содержащиеся в ее письме от 29 октября: «А мне очень тяжело, что не знаю о Вас, дорогой, хороший Антон Павлович! Где Вы,

как поживаете? Вы рады, что я Вас не достану, посмеиваетесь теперь, издалека. Ведь Вы не хотите, чтобы мне было больно? — так пишете, где Вы, Ваше самочувствие. Вас так хочется видеть!»

...скоро, вероятно, завтра, уезжаю, наконец, за границу... — Чехов выехал из Москвы за границу 11 декабря 1900 г., хотя не раз собирался уехать раньше. Об этом свидетельствуют не только письма Чехова, но и сообщения в московских газетах. Так, в «Новостях дня» (1900, № 6261, 25 октября), в отделе «Театр и музыка» сообщалось: «Завтра А. П. Чехов уезжает за границу на юг. Всех почитателей нашего писателя можем порадовать: вид А. П. говорит, что чувствует себя много лучше». 8 ноября эта же газета (№ 6275) писала: «А. П. Чехов уезжает из Москвы через четыре дня. Из Ниццы, куда направляется А. П., он собирается отправиться в путешествие по Африке и Америке. Пьеса „Три сестры“ хотя и окончена, но, как теперь окончательно выяснилось, в нынешнем сезоне не будет поставлена».

Когда поедете в Ялту? ~ есть больные, о

которых нужно похлопотать. — Бонье отвечала 7 ноября: «Я еще не скоро в Ялту, через месяц. У меня дела, пожалуй, и третий кусок земли продам. Так вот, если напишете адрес больных — я постараюсь о них похлопотать в Ялте, отсюда заставлю Е. П. Дзюбу их устроить. А если он не сможет, еще найдется кто-нибудь бодрый, кто меня заменит. А я скучаю о больных очень».

3182. И. М. КОНДРАТЬЕВУ

4 ноября 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 129.

На письме помета И. М. Кондратьева.

«7 ноября 900.

Расчетный лист от 7 ноября 1900 № 621 на 945 р. 80 выдан ему 9 т<екущего> ноября».

3183. А. И. СУМБАТОВУ (ЮЖИНУ)

4 ноября 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 238.

...сегодня я получил из Ялты твои пьесы...

— Очевидно, речь идет о присланном Сумба-

товым первым томе его «Полного собрания сочинений» (изд. А. В. Думнова, М., 1901) с дарственной надписью следующего содержания: «Дорогой Антон Павлович, не бранись очень за эту присылку и... когда-нибудь, что-нибудь прочти. Горячо тебя любящий А. Сумбатов. 8 окт. 1900 г. Москва». Книга находилась в библиотеке Чехова (*Чехов и его среда*, стр. 296–297). Информация о выходе 3-х томного собрания сочинений Сумбатова содержится в газете «Новости дня», 1900, № 6209, 3(16) сентября, в отделе «Театр и музыка»: «На днях выйдут в свет сочинения А. И. Сумбатова, в 3-х томах. Конечно, главное место занимают пьесы, большинство которых до сих пор не сходит с русских сцен; кроме пьес, ряд статей и речей, имеющих темою театр или отдельных его деятелей. Издание принадлежит фирме Думновых и прекрасно выполнено в типографии Васильева». Более подробная информация о составе и характере этого издания помещена в «Новостях дня», 1900, № 6236, 30 сентября.

3184. В. А. ГОЛЬЦЕВУ

10 ноября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Неизд. письма*, стр. 51.

Открытка. Год устанавливается по почтовому штемпелю: Москва. 10 XI.1900.

Ответ на письмо В. А. Гольцева от 7 ноября 1900 г. (ГБЛ, ф. 77 Гольцева, карт. 10, ед. хр. 44).

...я не уехал!! — В вышеназванном письме Гольцев писал: «Не идешь и не шлешь о себе никаких известий, не зовешь меня к себе — еге! Надеялся (отчасти) встретиться с тобою вчера. Друже? (!) Дашь что-нибудь для „Русской мысли“? Я в ней, клянусь „Палатой № 6“, — „одинокий“. Не уезжай, не повидавшись! Поклон твоей матушке и Марье Павловне (за нею бутылка белого Крымского — а ты не приглашаешь меня!)».

...теперь сижусь и переписываю пьесу. — Анонимный фельетонист «Новостей дня» в отделе «Мелочи» ставил вопрос: «Увидим мы или не увидим чеховских „Трех сестер“ в этом сезоне на сцене театра?» И далее приводил сводку разноречивых суждений на этот счет корреспондентов московских газет. Сам же он заключал свой фельетон следующими слова-

ми: «Думаю, что могу ответить определенно. Вчера, в одном из антрактов „Штокмана“ А. П. Чехов рассказал мне, что пьесу надо еще дописать и отделать, а на это надо время. Управиться с этим делом скоро он не рассчитывает, и, конечно, этот сезон останется без „Сестер“. А там видно будет. Таков ответ самого автора» («Новости дня», 1900, № 6262, 26 октября). 29 октября пьеса «Три сестры» в черновой (ялтинской) редакции была прочитана труппе театра. Вскоре после читки Чехов начал переписывать пьесу начисто, внося в текст значительные исправления. В течение ноября и первых дней декабря 1900 г. Чехов переписал первый и второй акты. Остальные были присланы из-за границы (см. примечания к письмам 3210*, 3220*). Пьеса была проверена цензурой и «дозволена к представлению» 18 декабря 1900 г. по ее первоначальному тексту, до окончательной доработки автором.

3185. А. Ф. МАРКСУ

10 ноября 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые

опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 178–179.

А. Ф. Маркс ответил 15 ноября 1900 г. (ГБЛ).

*...сделайте распоряжение ~ типография
выслала мне III том...* — В ответ на просьбу
Чехова Маркс сообщал: «Согласно Вашей
просьбе я распорядился, чтобы были сделаны
оттиски со всех 26-ти листов III тома, подпи-
санных Вами к печати. Оттиски эти будут Вам
высланы еще сегодня».

...выразить Вам свое сочувствие. — Ю. О.
Грюнберг скончался 5 ноября 1900 г. (см.
некролог в «Новом времени», 1900, № 8871, 6
ноября). В ответном письме Маркс поблагода-
рил Чехова за выражение сочувствия: «Ис-
кренно Вас благодарю за Ваше любезное
письмо с выражением сочувствия по случаю
постигшей меня тяжелой утраты».

3186. С. П. БОНЬЕ

13 ноября 1900 г.

Печатается по тексту: *ПССП*, т. XVIII, стр.
412, где опубликовано впервые, по автографу.
Нынешнее местонахождение автографа неиз-
вестно.

Год устанавливается по письму А. П. Негее-

веча к Чехову от 24 октября 1900 г. (ГБЛ), о котором идет речь в письме.

Ответ на письмо С. П. Бонье от 7 ноября 1900 г.; Бонье ответила 16 ноября (ГБЛ).

...представьте, я еще не уехал... — В письме к Бонье от начала ноября Чехов писал ей, что завтра уезжает за границу. В ответном письме от 16 ноября Бонье выражала беспокойство по поводу длительного пребывания Чехова в Москве: «Поражена Вашим долгим пребыванием в Москве, как бы это не было для Вас неудобно. Холод, сырость. Если Вы еще в Москве, то мне очень бы было приятно Ваше возвращение в Ялту, а не поездка в Париж и пр. Вы ведь, вероятно, порядком устали от Москвы и очень бы хорошо пожить Вам в Ялте, дома. Подумайте-ка, милый Антон Павлович, да и уезжайте в свою удобную дачу. Вы не думайте, что я это говорю из-за того, что буду Вас видеть, нет, я еще не скоро в Ялту. Я предположила, что Вы из-за пьесы задержались в Москве, но может быть есть что-нибудь с Вами новое и не „все по-старому осталось“, как Вы мне писали в первом письме? Пусть будет и новое, но только хорошее, на-

стоящее что-либо. Хорошего я Вам так желаю, так желаю!»

Вот адрес больного, которому напишите...

— В письме от 24 октября 1900 г. к Чехову обратился А. П. Негеевич с просьбой об оказании помощи: «...В прошлом году я жил зиму в Ялте <...> на свои средства и благодаря тому еще, что я весной перебрался в летнее дешевое помещение, а затем жил в Заречьи в душевой и сырой квартире, я не поправился и уехал домой с лихорадкой и большими градусами. На родине открылось большое кровохарканье...» В этом письме Негеевич также сообщал о своем материальном положении: «Родные мои могут мне помочь в месяц рублей 20–25...» Далее он писал о себе: «Я сын священника <...> проходил семинарию, но бог судил иначе, и я был <...> учителем; был чиновником, артистом и наконец обучаться стал в Харьковской зубоврачебной школе, чтобы быть зубным врачом. Окончил ее, остались экзамены при университете, и вот <...> злой гений ударил по самому больному месту...» В конце письма Негеевич просил помочь устроить его на лечение в Ялте или через Красный

крест, или через благотворительное общество, или же устроить его на какую-нибудь легкую работу. Он просил также Чехова посодействовать, чтобы доктор Альтшуллер принимал его бесплатно.

В ответ на просьбу Чехова Бонье писала 16 ноября: «Больному Негеевичу сейчас пишу, я его знаю, и писал он мне тоже. Средств в Обществе нет, вот беда. Елпатий говорил мне, что он написал воззвание. Кому они будут рассылать их — вопрос. Не справятся они умно с этим делом. Думаю собрать немного в Курске на Земском собрании».

3187. В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ

13 ноября 1900 г.

Печатается по тексту: *Письма*, т. VI, стр. 105–106, где опубликовано впервые. Местонахождение автографа неизвестно.

Год устанавливается по содержанию (окончание пьесы «Три сестры», пребывание в Москве, болезнь, помешавшая выехать за границу).

Ответ на письмо В. Ф. Комиссаржевской (без даты, с пометой Чехова: «1900.XI» — ГБЛ;

«Вера Федоровна Комиссаржевская. Письма актрисы. Воспоминания о ней. Материалы». М. — Л., 1964, стр. 92–93).

«Три сестры» уже готовы ~ Пьеса вышла скучная... — Комиссаржевская писала: «Бенефис мой отложен на 31 января. Если Вы кончили Вашу пьесу — дайте мне ее прочесть, и если роль подходящая для меня, я откажусь от „Ромео и Джульетты“ и возьму ее. Конечно, если это Вас почему-либо не устраивает — скажите прямо...»

Вашим артистам ~ не понравилась, если бы я послал ее в Александринский театр. — С просьбой отдать «Три сестры» в петербургский Александринский театр обращался также к Чехову в это время П. П. Гнедич. В письме от 16 ноября 1900 г. он писал: «Я приехал на два дня в Москву по театральным делам, и очень хотел бы спросить Вас: можете Вы дать Вашу новую пьесу на Александринскую сцену в будущем сезоне, после того, как она пройдет у Немировича. Вы, может быть, слышали, что я вступаю в должность управляющего репертуаром, а, конечно, без Вас мне было бы грустно. Поверьте, что история „Чай-»

ки“ не повторится» (ГБЛ).

...стоит ли летом везти ее на гастроли. — В мае — июне 1901 г. предполагалась гастрольная поездка драматической труппы во главе с Комиссаржевской и В. П. Далматовым по Украине, затем в Варшаву и Вильно. По этому поводу Комиссаржевская писала Чехову: «Если Вы не найдете возможным дать пьесу на императорскую — то Вы мне ее дайте все-таки. Я в поездку в этом году везу и „Чайку“ и „Дядю Ваню“». Во время гастрольной поездки (13 мая — 29 июня 1901 г.) Комиссаржевская играла Сою в «Дяде Ване» и Нину в «Чайке».

Теперь она читается в Художественном театре... — О первой читке пьесы «Три сестры» труппе Московского Художественного театра (29 октября 1900 г.) О. Л. Книппер вспоминала: «Когда Антон Павлович прочел нам, артистам и режиссерам, долго ждавшим новой пьесы от любимого автора, свою пьесу „Три сестры“, воцарилось какое-то недоумение, молчание... Антон Павлович смущенно улыбался и, нервно покашливая, ходил среди нас... Начали одиноко брошенными фразами

что-то высказывать, слышалось: „Это же не пьеса, это только схема...“, „Этого нельзя играть, нет ролей, какие-то намеки только...“ Работа была трудная, много надо было распахивать в душах... Но вот прошло несколько лет, и мы уже с удивлением думали: неужели эта наша любимая пьеса, такая насыщенная переживаниями, такая глубокая, такая значительная, способная затрагивать самые скрытые прекрасные уголки души человеческой, неужели эта пьеса могла казаться не пьесой, а схемой, и мы могли говорить, что нет ролей?» (Книппер-Чехова, ч. 1, стр. 56).

...потом я возьму ее и опять перепису начисто... — О том, что Чехов по приезде в Москву продолжал работу над пьесой, свидетельствуют воспоминания Вл. И. Немировича-Данченко: «В половине октября он приезжает в Москву. Очень он остался у меня в памяти в этот приезд: энергичный, веселый, помолодевший — просто счастливый; охвачен красивым чувством и новую пьесу уже переписывает. А вы знаете, что для писателя лучшая, а может быть, и единственно приятная часть его работы — это когда он переписыва-

ет набело, когда так называемые „муки творчества“ остались позади. В этот приезд он переписал „Три сестры“. В театре читали пьесу в его присутствии. Он боролся со смущением и несколько раз повторял: я же водевиль писал» (Из прошлого, стр. 216–217).

Мне ~ грустно, что Вы больны... — В своем письме Комиссаржевская сообщала: «Пять дней лежала больная».

Видел я Марию Ильинишну... — Зилоти.

3188. Н. И. КОРОБОВУ

13 ноября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 412.

Открытка. Год устанавливается по почтовому штемпелю: Москва. 13 XI.1900.

Ответ на записку Н. И. Коробова (без даты), написанную на его визитной карточке «Николай Иванович Коробов», с пометой Чехова: «1900, XI».

...живу же на Мл. Дмитровке, д. Шешкова, кв. 7... — На этой квартире жила М. П. Чехова.

...меня трудно застать... — Отклик на записку Коробова «Хочется тебя видеть. Если

найдешь время, напиши в 1-ю Город<скую> больн<ицу>».

3189. В. М. ЛАВРОВУ

13 ноября 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: «Красный архив», 1929, № 6 (37), стр. 190.

Открытка.

Ответ на письмо В. М. Лаврова от 13 ноября 1900 г. (ГБЛ, ф. 77 Гольцева, карт. 10, ед. хр. 49).

...если удастся как-нибудь увернуться, то ровно в 12 час. буду у тебя. — Ответ на предложение Лаврова: «Только что возвратился из деревни. Ужасно хотелось бы повидаться с тобой, но приехать к тебе боюсь, — ибо В<иктор> А<лександрович> сообщил мне, что ты занят по горло. Вспоминаю твое письмо из Ялты, где ты предавался мечтаниям о каком-нибудь московском трактире. Что если бы нам завтра позавтракать где-нибудь? Тем более, что завтра праздник и работать нельзя. Прибывай к нам в редакцию в 12 час. дня, а дальнейшие шаги наши обсудим вкупе».

3190. В. А. СЕРОВУ

15 ноября 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 227.

Год устанавливается по почтовому штемпелю: Москва. 15 XI. 1900.

Очень рад, что судьба доставила мне случай познакомиться с Вами...— С Чеховым В. А. Серов познакомился в ноябре 1900 г. в Москве и сразу же решил, что он должен написать его портрет. Чехов обещал позировать. Но из-за занятости Чехова с портретом не клеилось. Серов был настойчив, о чем свидетельствуют три записки художника к писателю (без даты; с пометой Чехова: «1900, XI»), написанные на визитных карточках: «Валентин Александрович Серов» (ГБЛ). Записки следующего содержания: «Получил Ваше письмо — и — решил просто с карандашом и бумагой прийти завтра к 10 часам утра — быть может, сможете уделить мне час — 1 1/2, надеюсь». «Нужно быть сегодня в школе — позвольте быть у Вас завтра к 10 час^{ам} аккуратно». «Простите — сегодня с 9 часов должен быть в школе. Позвольте зайти завтра».

О работе художника над портретом Чехова так пишет современный исследователь творчества Серова: «От большого портрета временно пришлось отказаться, пришлось пользоваться только карандашом и акварелью. К сожалению, портрет не удался. Состояние ли Чехова было причиной или что-либо другое, но не удался портрет и позже, весной 1901 года, и в 1902 году, когда Серов окончил, наконец, свою работу. Серов не считал работу завершённой. Это было лишь нащупывание сложного образа человека, гораздо более сложного, чем большинство людей, с которыми ему приходилось сталкиваться. Серов намерен был продолжить свою работу в более подходящий момент, с тем чтобы найти выражение характера Чехова во всей его полноте.

Во всяком случае, когда сестра писателя Мария Павловна спросила его о портрете, Серов ответил:

— Ну какой же это портрет? Большой, настоящий я только собираюсь писать. — Но ему так и не удалось исполнить своего желания. Чехов умер летом 1904 года. Акварель Се-

ров передал своему ученику Н. П. Ульянову, который начал писать большой портрет Чехова с натуры, но не успел окончить его. И натурный набросок, сделанный Серовым, очень помог Ульянову в его работе. В портрете Ульянова, конечно, отразилась серовская трактовка Чехова.

Ульянов рассказывает, что, когда Серов увидел оконченный им портрет, он сказал:

— Чехов неуловим. В нем было что-то необъяснимо нежное.

„Чехов неуловим“! Слова эти кажутся совершенно невероятными в устах такого аналитика и психолога, как Серов. А между тем Чехов был действительно неуловим. И. А. Бунин, человек очень близкий Чехову, в одном из вариантов своих воспоминаний о нем пишет: „У Чехова каждый год менялось лицо“. Эта же мысль в словах К. Г. Паустовского: „Стоит разложить фотографии Чехова по годам — от юношества до последних лет жизни, — чтобы воочию убедиться, как постепенно исчезает в его внешности легкий налет мещанства и как все строже, значительнее и прекраснее делается его лицо и все изящнее и

свободнее одежда“. И нужно было иметь такую профессиональную зоркость и острую наблюдательность, какие были у Серова, и быть — вот именно — таким аналитиком и психологом, каким был Серов, чтобы за то короткое время, пока Чехов позировал ему, разглядеть это непрерывное изменение его лица, неуловимость его черт и главную, не меняющуюся черту: „В нем было что-то необъяснимо нежное“» (М. *Копищер*. Валентин Серов. М., 1967, стр. 224–225). Портрет Чехова работы Серова (пастель), законченный в 1902 г., хранится в Доме-музее А. П. Чехова (Москва).

3191. А. Ф. МАРКСУ

16 ноября 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 179.

Ответ на письмо А. Ф. Маркса от 15 ноября 1900 г. (ГБЛ).

Два экземпляра ~ я получил... — См. примечания к письму 3185*.

Что касается заглавия для всех томов... — В своем письме Маркс затронул вопрос о названии отдельных томов собрания сочинения

ний Чехова: «Что касается названия отдельных томов, то действительно нелегкая задача придумать подходящие и удачные для каждого тома отдельно, а потому я и решил последовать первоначальному предположению, т. е. III том и все последующие назвать просто „Рассказы“, за исключением лишь VII тома, который будет назван „Пьесы“. Название II тома „Повести и рассказы“ можно будет переменить на „Рассказы“ при втором издании». И в заключение письма добавлял: «Само собою разумеется, что томы, содержащие такие вещи, как „Сахалин“ или другие крупные произведения, не будут носить название „Рассказы“».

3192. А. С. СУВОРИНУ

16 ноября 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 106–107.

Год устанавливается по содержанию письма: пребывание в Москве и болезнь (см. письмо 3190*), окончание пьесы «Три сестры», инцидент в Художественном театре (см. ниже*).

Из газет я узнал, что Настя вышла за-

Муж. — В отделе «Хроника» «Нового времени» (1900, № 8878, 13(26) ноября) сообщалось: «Сегодня, 12-го ноября в церкви департамента уделов состоялось бракосочетание дочери издателя „Нового времени“ А. С. Суворина, Ан. Ал. Сувориной, с сыном товарища министра путей сообщения В. А. Мясоедова-Иванова, лейтенантом С. В. Мясоедовым-Ивановым».

Пора уезжать. — Чехов планировал свой отъезд за границу на середину ноября (см. «Новости дня», 1900, № 6275, 8 ноября, отдел «Театр и музыка»). Вероятно, помимо работы над «Тремя сестрами» его задержало в Москве и сообщение о приезде Суворина.

Если Вы телеграфируете мне ~ через неделю будете в Москве, то я не уеду... — Свидание Чехова с Сувориным в Москве состоялось. В дневниковой записи Суворин 28 ноября 1900 г. отметил: «В субботу 18 ноября я уехал в Москву. Чехов уезжал на юг, в Алжир, просил меня приехать к нему».

Написал пьесу «Три сестры» и уже отдал ее в Художественный театр. — Получив это известие, Суворин в тот же день напечатал в своей газете сообщение: «А. П. Чехов написал

пьесу „Три сестры“ в сдал ее в Художественный театр в Москве» («Новое время», 1900, № 8883, 18 ноября (1 декабря), отдел «Театр и музыка»). Более подробная информация об окончании работы Чехова над пьесой появилась в статье «Три сестры» анонимного корреспондента «Новостей дня» (1900, № 6289, 22 ноября). В ней писалось: «Новая драма А. П. Чехова, о судьбе которой весь сезон столько гаданий, противоречивых толков, в газетах чуть не бюллетени, — окончена.

<...> Вчера Чехов отделал последние детали последнего акта „Трех сестер“, вечером вручил его рукопись Художественно-Общедоступному театру, и на днях театр приступит к подготовительной работе по подготовке пьесы. Постановка отнимет месяц с небольшим, и на святках Москва увидит новый чеховский шедевр. А что „Три сестры“ — шедевр, может быть, лучшее из произведений Чехова для театра, я могу сказать с полной уверенностью. Вчера же я имел возможность познакомиться с „Тремя сестрами“».

Пишу повести... — Вероятно, Чехов работал в это время над рассказом «Архиерей» и пове-

стью «Калека» (см. примечание к письму 3130 *).

То, что пишется в «Новом времени» о Горьком и обо мне, — неверно... — Речь идет об инциденте в Художественном театре, раздутом и перевернутом газетными репортерами, происшедшем на спектакле «Чайка» 28 октября 1900 г. Впоследствии Н. Д. Телешов, очевидец события, рассказал об этом случае: «Горький любил и очень высоко ценил А. П. Чехова. И вот, в связи с этим уважением к Чехову, разыгралась в ноябре 1900 года в Художественном театре шумная история. Случай достаточно известный, о котором многие рассказывали в воспоминаниях, но совершенно не так, как было это на самом деле, потому что свидетелем этого инцидента, кроме меня, никто из писавших не был. Одни утверждали, что это случилось в Крыму, во время гастролей, другие — что в Петербурге; иные рассказывали, будто Горький вместе с Чеховым сидели в буфете и что-то пили.

Дело было в Москве, осенью 1900 года, в первом помещении Художественного театра, в Эрмитаже, в Каретном ряду. В этот вечер

шла „Чайка“, а вовсе не „Дядя Ваня“, как описывают это многие так называемые „свидетели и очевидцы“.

А. П. Чехов был в этот вечер не в публике, а за кулисами, и приехал в театр только в конце второго акта. Ни в фойе, ни тем более в буфете не появлялся и с Горьким в течение всего спектакля не виделся.

Горький и я, вдвоем, сидели в директорской ложе, а в антрактах переходили в соседнюю небольшую комнату, где помещался тогда директорский кабинет Вл. И. Немировича-Данченко. Сюда нам подали чай. С первого же антракта к этому кабинету стали подходить театральные зрители, постукивать в дверь и все настойчивее и громче вызывать Горького. Тот недоумевал:

— Зачем они вызывают меня, когда идет пьеса Чехова?

Но возгласы за дверью становились все настойчивее. В третьем антракте вызовы перешли уже в громкий рев: „Горь-ко-ва!!“

Дверь, наконец, насильственно распахнули. Весь коридор был полон народа. Загремели аплодисменты, заликовали поклонники.

Но Горький не только не раскланялся в ответ, но решительно вышел из кабинета в толпу и резко спросил:

— Что Вам от меня нужно? Чего вы пришли смотреть на меня? Что я вам — Венера Медицейская? Или балерина? Или утопленник? Нехорошо, господа! Вы ставите меня в неловкое положение перед Антоном Павловичем: ведь идет его пьеса, а не моя. И притом такая прекрасная пьеса. И сам Антон Павлович находится в театре. Стыдно. Очень стыдно, господа!

Газеты подхватили этот эпизод, перепутали факты, бранились за то, чего не было, обрадовались случаю свести направленные счета, так что мне, как единственному свидетелю всего инцидента, пришлось напечатать в „курьере“ письмо в редакцию с точным изложением факта, с утверждением, что речь Горького была обращена не ко всей публике театра, как пишут некоторые газеты, а только к той ее части, которая в течение антрактов шумела в коридоре, аплодировала и вызывала Горького на чеховском спектакле («Курьер», 1900, № 319, 17 ноября).

„Спасибо, голубчик, — писал мне Алексей Максимович в ноябре того же года из Нижнего Новгорода, прочитав в газете это письмо. — Черт с ними. Пусть пишут, пусть ругаются и т. д. Я тоже буду писать и ругаться. От этого, кроме пользы для всех, — ничего не воспоследует“ <... >

Однако реакционные газеты продолжали раздувать этот инцидент, рассматривая его как „выговор публике“, как схватку писателя с обществом, и года два подряд в разных изданиях помещались карикатуры на Горького то в виде Венеры или балерины, то в виде утопленника, а то — человека, сидящего за столом и положившего ноги на стол» (Н. Телешов. Записки писателя. М., 1948, стр. 92–94).

Этот инцидент дал повод «Новому времени» открыть травлю против Горького (см. фельетон Т. А. «Г. Горький и Агафья Тихоновна» — 1900, № 8876, 11(24) ноября, и анонимные заметки очевидца «Из публики» — 1900, № 8877, 12(25) ноября). Вслед за «Новым временем» многие русские газеты стали повторять выдумки о «скандале» в Художественном театре, что заставило Горького высту-

пить с открытым письмом в газете «Северный курьер» 18 ноября 1900 г. В этом письме Горький подчеркивал: «Говоря с публикой, я не употреблял грубых выражений: „глазеете“, „смотрите мне в рот“, не говорил, что мне мешают пить чай с А. П. Чеховым, которого в это время тут не было... Я сказал вот что: „Мне, господа, лестно ваше внимание, спасибо! Но я не понимаю его. Я не Венера Медицейская, не пожар, не балерина, не утопленник; что интересного во внешности человека, который пишет рассказы? И как профессионалу-писателю мне обидно, что вы, слушая полную огромного значения пьесу Чехова, в антрактах занимаетесь пустяками“».

Получив публикуемое письмо Чехова, Суворин в тот же день поместил в своей газете заметку следующего содержания: «История гг. Чехова и Горького, на которых глазела публика в фойе Художественного театра в Москве и которой г. Горький сказал прочувственное слово, напоминающее Агафью Тихоновну из „Женитьбы“ Гоголя, оказывается чьей-то выдумкой, хотя об ней повествовали „очевидцы“. Мы получили об этом известие от лица,

которое не может не знать правду. О г. Горьком, очевидно, начинают ходить сказки» («Новое время», 1900, № 8883, 18 ноября).

3193. Н. Е. ЭФРОСУ

16 ноября 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: «Красный архив», 1929, № 6(37), стр. 196.

Год устанавливается по почтовому штемпелю: Москва. 17 XI. 1900.

Ответ на недатированную записку Н. Е. Эфроса (на ней помета Чехова: «1900, XI»). Записка написана на визитной карточке: «Николай Ефимович Эфрос. Секретарь редакции газеты „Новости дня“» (ГБЛ).

...мне тоже хочется повидаться с Вами...
— Эфрос писал: «Приезжаю не для „допроса“, а по совсем частному делу. Не будете ли добры дать мне знать, когда могу Вас застать на 10 минут. Очень обяжете».

...наверное буду в Художественном театре во время представления «Доктора Штокмана»... — Чехов был на премьере этого спектакля 24 октября, о чем сообщали «Новости дня»

(№ 6261 от 25 октября): «На вечернем спектакле „Доктора Штокмана“ в Художественно-Общедоступном театре присутствовал только что приехавший в Москву А. П. Чехов. По наведенным у него справкам, новая его пьеса далека от окончания, в этом сезоне во всяком случае не пойдет»; и 28 октября (№ 6264) корреспондент «Новостей дня» информировал своих читателей: «Второй спектакль „Штокмана“ в Художественно-Общедоступном театре, третьего дня, прошел со столь же шумным успехом и при переполненной зале, как и первый спектакль. В антракте, после 3-го акта, публика, заведя в фойе А. П. Чехова и Горького, устроила своим любимым писателям бурную овацию».

3194. П. И. СТЕФАНОВСКОМУ

17 ноября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 415.

Секретка.

Ответ на письмо П. И. Стефановского от 16 ноября 1900 г. Стефановский ответил 17 ноября (ГБЛ).

...дома застать меня трудно... — Отклик на просьбу Стефановского: «Очень желаю я видеть Вас, а тем более отдать следует Вам 30-ть рублей. Уведомьте меня на днях, когда Вы можете принять меня, хотя на несколько минут?» Получив письмо Чехова, Стефановский писал на следующий день: «Очень рад видеть Вас! Но только, если можно, примите меня завтра, в субботу, к 5 ч. дня, т. к. письмо Ваше я получил сегодня позже 5 ч., которые Вы назначили для свидания».

3195. М. П. БАТУРЕ

22 ноября 1900 г.

Печатается по автографу (ТМЧ). Впервые опубликовано: «Литературная мысль», Альманах II, Пг., 1923, стр. 220.

Открытка. Год устанавливается по почтовому штемпелю: Москва. 22 XI.1900.

Ответ на недатированную записку М. П. Батуры, с пометой Чехова: «1900, XI», написанную на визитной карточке «Михаил Петрович Батура».

...прошу Вас пожаловать ко мне завтра... — Батура привез из Таганрога Чехову письмо

П. Ф. Иорданова от 15 ноября 1900 г., в котором говорилось: «Податель этого письма — Михаил Петрович Батура, будущий юрист, заявил столь крепкое желание с Вами познакомиться, что я, несмотря на то, что знаю, как Вам тяжелы новые знакомства, вынужден дать ему это письмо. Он принимает участие в устройении нашей библиотеки и расскажет Вам, как она теперь идет». Вместе с письмом Иорданова Батура оставил Чехову и вышеупомянутую записку: «Михаил Петрович Батура просит глубокоуважаемого Антона Павловича назначить ему время для краткого разговора по делам Таганрогской городской библиотеки. Адрес: Лубянка, №№ „Империал“, 19».

3196. А. Ф. КОНИ

22 ноября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: «Русская мысль», 1906, кн. XI, стр. 96–97.

А. Ф. Кони ответил 24 ноября 1900 г. (ГБЛ).

Сегодня я получил письмо от члена таганрогской управы... — В письме от 15 ноября 1900 г. (ГБЛ) П. Ф. Иорданов просил Чехова

прислать в Таганрогскую городскую библиотеку фотографию А. Ф. Кони. Фотография была послана с автографом: «Анатолий Федорович Кони. 1900, 24.XI» (см. заметку «В комнате А. П. Чехова» — «Приазовская речь», 1910, № 44, 19 января). Хранится в ТМЧ.

...не откажите выслать мне фотографию с Вашей подписью (на лицевой стороне)... — В ответном письме Кони откликнулся на просьбу Чехова: «Спешу исполнить Ваше желание, надеясь, что письмо Вас еще застанет в Москве. Как нарочно, у меня осталась лишь одна карточка, негатив которой погиб при пожаре фотографии Шапиро». Далее в этом письме Кони пишет о впечатлении, которое произвел на него рассказ Чехова «В овраге». «Надеюсь получить от Вас весточку. Так иногда тревожат слухи о Вашем здоровье... Нужно ли говорить Вам, что я читал и перечитывал „В овраге“ с восхищением. Мне кажется, что это лучше всего, что Вы написали, что это одно из глубочайших произведений русской литературы. Как бы хотелось мне когда-нибудь повидаться с Вами на свободе, вдали от суеты и наговориться „вслась“». В конце

письма Кони писал о Художественном театре: «Как Вы счастливы, что в Вашем распоряжении (т. е. к Вашим услугам) такой театр, как Художественный. Приезжая из Тамбовской губернии чрез Москву, я был просто поражен Алексеевым в „Докторе Штокмане“. Если Вы его увидите — не откажитесь передать ему мою дань удивления. Для того, чтобы из такой ходульной фигуры сделать живого, глубокого человека — нужен не только талант, а то, что Достоевский назвал бы „проникновенностью“».

3197. П. Ф. ИОРДАНОВУ

23 ноября 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 108, 110.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на конверте: Москва. 23 XI.1900; Таганрог. 26 XI.1900.

Ответ на письмо П. Ф. Иорданова от 15 ноября 1900 г. (ГБЛ).

...врачебного диплома у меня нет... — В своем письме Иорданов обращался к Чехову с просьбой: «Пожалуйста, пришлите мне ко-

пию (нотариальную) Вашего врачебного диплома и копию документа на звание академика. Ведомство приютов настоятельно просит у нас эти документы». Документы требовались ведомству приютов в связи с намерением Чехова вступить в члены благотворительного общества, содержавшего приют в Таганроге.

Кони вчера написал ~ от него фотографию... — Отклик на просьбу Иорданова: «Если Вы еще в Москве, при случае не откажите добыть хорошую фотографию Кони».

Грязи и вони в Ялте совсем нет... — Отклик на следующее место письма Иорданова: «Рад и завидую Вам, что Вы поедете за границу: мои обстоятельства так сложились, что я и в Париж не попал, и даже в Ялту не поехал, а собирался. О вашей Ялте очень неодобрительно отзываются: говорят, грязи и вони хоть отбавляй, неужели это правда, неужели и там завелись наши обычаи?»

Тараховского я ждал к себе, но он не приехал... — О своем желании посетить Ялту Тараховский писал Чехову 10 сентября 1900 г.: «Мы приедем туда <в Ялту> только в начале

октября, чтобы показать детям прославленный Крым, но пробудем в самой Ялте не больше суток, столько же и в других местах. Полагаю, что на одни сутки нас пустят переночевать в гостинице <...> Если позволите, проезжая через Ялту, я заеду к Вам на полчаса, но не для интервью и не для каких бы то ни было публицистических целей, а только чтобы видеть Вас» (ГБЛ).

Он был обеспокоен болезнью жены... — См. примечания к письму 3136.*

...как Вы пишете... — Чехов имеет в виду следующие строки письма Иорданова: «Рассказывал мне о Вас Тараховский. Чувствуется, что Вы не уделили ему столько внимания, сколько ему хотелось, так что о том, как Вы себя чувствовали и как жилось Вам в Ялте, я ничего не узнал».

Насчет Антокольского пока ничего не могу сказать. — См. письмо 3112.* В своем письме Иорданов сообщал о судьбе памятника Петру I для Таганрога: «Из-за границы никаких вестей нет. Антокольский уже сдал Петра, но он лежит в Марселе, так как море у нас замерзло и раньше весны его нельзя доста-

вить сюда. О голове Христа ни слуху ни духу, о Павловском — тоже. О том, что Петр лежит в Марселе, — не сожалею, так как до сих пор пьедестал не заказан: русские мастера просят невероятные деньги, а заграничных я не знаю. Я уж думаю совсем отказаться от гранитного пьедестала и сделал запрос о том, нельзя ли будет сделать простой каменный пьедестал и обшить его бронзой, такой же темной, как и фигура. Это, вероятно, обойдется дешевле: ведь у нас на пьедестал осталось всего 8000 р.»

...я бы мог посмотреть Александра I... — Возможно, описка: в письме Иорданова речь идет о статуе Петра I.

3198. А. Ф. МАРКСУ

24 ноября 1900 г.

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано: «Коммунист», Саратов, 1944, № 139, 15 июля.

В конце письма, после подписи, Чехов пишет: «См. на обороте». Написано на обороте письма редактора «Архангельских губ. ведомостей» А. П. Ивановского, на официальном

бланке. Ивановский писал: «Милостивый государь Антон Павлович!

В здешней больнице Приюта общественно-го призрения ужасные беспорядки, а по отделению умалишенных даже истязания и полнейшее отсутствие какого-либо медицинского присмотра и ухода. Доктора не обращают на душевнобольных ни малейшего внимания или участия. Единственное средство обратить их внимание — пропечатать в местном органе Ваш, точно снятый с действительности, рассказ „Палата № 6“, на что почтительнейше испрашиваю Вашего благосклонного разрешения.

Прошу верить в глубокое к Вам уважение Вашего преданного слуги Александра Васильева Ивановского.

P. S. Не зная Вашего адреса, пробую послать через Александра П. Чехова, адрес которого нашел в книге „Весь Петербург“. А. Ивановский».

А. Ф. Маркс ответил 5 декабря 1900 г. (ГБЛ).

Если Вы найдете возможным согласиться на его просьбу, то благоволите написать мне... — В письме от 5 декабря 1900 г. Маркс

отказал Чехову в его просьбе: «К сожалению, я не могу дать редактору „Архангельских губернских ведомостей“ просимого им разрешения на перепечатку Вашего рассказа „Палата № 6“, несмотря на все мое желание исполнить просьбу, которая была прислана Вами. Такое разрешение, розданное часто, вызывает впоследствии, как я могу судить по опыту, нежелательные и неприятные для обеих сторон недоразумения. Затем, мне казалось бы, что редактор мог бы достигнуть цели простым изобличением, в той или другой форме, существующих в местной больнице беспорядков».

3199. А. А. АНДРЕЕВОЙ

27 ноября 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 417.

Ответ на письмо А. А. Андреевой от 26 ноября 1900 г. (ГБЛ).

...почему я так запаздываю с рассказом. — Во время встречи с Андреевой в октябре 1900 г. Чехов пообещал дать для «публичного прочтения» на вечере в пользу Общества об-

щеобразовательных народных развлечений свой рассказ (см. недатированную записку А. А. Андреевой на визитной карточке, с пометой Чехова — «1900 X», в которой она просила о свидании по делам Общества народных развлечений — ГБЛ). В письме от 26 ноября 1900 г. Андреева напоминала Чехову о его обещании дать «какой-нибудь неизданный отрывок (на 20 мин<ут> чтения) для публичного прочтения на вечере в пользу О<бще>ства общеобраз<овательных> народ<ных> развлечений». Далее она выражала желание повидаться с Чеховым и поговорить о делах Общества. По свидетельству М. П. Чеховой (ПССП, т. XVIII, стр. 572), Андреевой был послан рассказ «В сарае».

3200. А. В. АМФИТЕАТРОВУ

4 декабря 1900 г.

Печатается по тексту: *Письма*, т. VI, стр. 110–111. Впервые опубликовано: «Энергия», сб. 1-ый. СПб., 1913. Местонахождение автографа неизвестно.

...от души желаю ей полного успеха... — В письме к брату Александру Павловичу от 25

января 1900 г. Чехов отмечал, что газета «Россия» имеет большой успех в провинции.

Большое Вам спасибо, кстати, скажи и за Анатолия Яковлева... — В июле 1900 г. Чехов отослал Амфитеатрову в «Россию» рассказ А. Яковлева «В вагоне». В письме от 21 июля Амфитеатров сообщал: «Рассказ Яковлева получил и очень благодарю Вас за его присыл. Премилая вещь. Мне прислали ее в деревню — потому я еще и не пустил ее в печать. Завтра отсылаю». Рассказ «В вагоне» был напечатан в «России» 31 июля (13 августа) 1900 г. (№ 454).

...моего бывшего ученика... — В 1880-х годах Чехов был учителем сыновей владельца типографии в Москве, сенатора и камергера С. П. Яковлева. Чехов готовил их к экзамену по русскому языку для поступления в гимназию (см. воспоминания А. С. Яковлева о Чехове в ЛН, т. 68, стр. 597–603.)

...на пожаре Мюр и Мерилиза он издержал больше, чем получил. — 25 ноября сгорел в Москве универсальный магазин Мюр и Мерилиз. Корреспонденция А. С. Яковлева «Большой московский пожар», за подписью Язон,

была напечатана в «России», 1900, № 573, 27 ноября (10 декабря).

Гривенник за строчку ~ как раз в пору. — В вышеназванном письме Амфитеатров спрашивал: «Что касается гонорара — 10 коп. для первого дебюта, довольно ему?»

3201. А. Ф. МАРКСУ

5 декабря 1900 г.

Печатается по подлиннику (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 180.

Телеграмма. Дата устанавливается по служебной помете на бланке: Принята 5 XII.1900 г.

А. Ф. Маркс ответил телеграммой от 6 декабря 1900 г. (ГБЛ).

Воскресенье десятого уезжаю за границу. — Чехов выехал за границу в понедельник 11 декабря. Об ответной телеграмме Маркса см. примечания к письму 3203*.

3202. Н. П. КОНДАКОВУ

6 декабря 1900 г.

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано: *Письма, собр. Бочкаревым*, стр.

Ответ на письмо Н. П. Кондакова от 1 декабря 1900 г. (ГБЛ).

Фотографии моей у меня нет... — Кондаков обращался к Чехову с просьбой: «Ф. Е. Корш просит у меня Вашего портрета для славянского издания какой-то части Ваших сочинений в переложении с приложением биографии. Я решился отдать портрет Ваш в шляпе, а того, что Вы мне дали, мне жалко. Нет ли у Вас экземпляра?»

Пакет из таганрогских приютов вчера принесла мне сестра... — В письме Кондакова говорилось: «Как Вы поживаете и как Ваше здоровье? Думаю, что неплохо, если Вы могли так долго прожить в Москве. Между тем, теперь не знаю, где Вы находитесь, но пересылаю на имя Вашей сестры один пакет из таганрогских приютов».

Если на праздниках будете в Москве, то непременно побывайте в Художественном театре. — О своем намерении съездить в Москву на рождество Кондаков писал: «Приехать в Москву мне было нельзя: опоздал с печатанием фотографического альбома и дол-

жен был спешить на службу. На праздниках рассчитываю съездить в Москву». Однако в Москву Кондаков не смог съездить и познакомился с Московским Художественным театром во время его гастролей в Петербурге в феврале — марте 1901 г. 22 февраля 1901 г. он писал Чехову: «Пишу к Вам под напором восторженных чувств, одолевших меня на вчерашнем представлении „Дяди Вани“ труппою Станиславского. После 3-го акта я ходил за кулисы к Станиславскому, на правах „Вашего знакомого“, и свидетельствовал ему много раз свою искреннюю благодарность. Публика жалея и волновалась. Я воспринимал, с наслаждением, всю художественную реальность пьесы и игры, как-будто через открытую стену, в жизни. Когда, затем, я обращался с вопросом к Нем<ировичу>-Данченко, тут же бывшему у Станиславского, он сказал, что считает Вас истинным или большим драматургом. О том не могу судить, но я истинно поражен разницею пьесы в чтении и в представлении» (ГБЛ).

Я написал пьесу и уже отдал ее в театр. —
О впечатлении от спектакля «Три сестры», ко-

торый он посмотрел во время гастролей Художественного театра в Петербурге, Кондаков сообщал 1 марта 1901 г.: «Пишу к Вам наскоро, под влиянием истинного восторга, который я испытывал сейчас в театре на представлении „Трех сестер“. Эта вещь бесконечно выше „Дяди Вани“, вещь более содержательная, высоко драматичная и жизненная. Не могу Вам даже описать, в каком живом наслаждении я был все время, с первого акта до конца. Сила пьесы выразилась в том, что подняла трех главных лиц, — хотя это актрисы, не актеры, — на недосыгаемую высоту против всех других. Вершинин и в пьесе безличен, а Станиславский, как актер, совсем не выделялся. Зато как вырезался Чебутыкин, хотя он и напоминает немного Щелкатурина. Передать Вам мой восторг, когда я видел, как извлекали Андрюшу из кабинета, как чертыхался запивший Иван Романович и пр. и пр., не могу и не к чему. Только я могу искренно Вас поздравить, как самого большого русского драматурга после Пушкина, Островского и Гоголя. Дай Вам бог еще писать для театра! Как хороша музыка в 4-м, пожар в 3-м акте, разные

детали вроде уличных певцов и т. д.! Словом, я могу не кончить, а мне надо написать много» (ГБЛ).

...умер ялтинский студент Синани... — См. также письмо 3181*.

3203. А. Ф. МАРКСУ

7 декабря 1900 г.

Печатается по подлиннику (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 192.

Телеграмма. Дата устанавливается по служебной помете на бланке: Принята 7 12.1900 г.

Ответ на телеграмму А. Ф. Маркса от 6 декабря 1900 г.; Маркс ответил 7 декабря (ГБЛ).

Если вышлете деньги буду благодарен... — В телеграмме от 6 декабря Маркс писал: «Понимаю Вашу телеграмму том смысле, что Вам желательно получить теперь декабрьский платеж. Отвечайте. Переведу немедленно. Маркс». Маркс тотчас же откликнулся на просьбу Чехова, содержащуюся в публикуемой телеграмме, и послал ему перевод. В сопроводительном письме он извещал: «Сейчас получил Вашу ответную телеграмму и спешу

послать Вам, по прилагаемому при сем переводе И. В. Юнкера за № 126400, десять тысяч (10 000) рублей, причитающихся Вам к получению, согласно нашему условию в декабре месяце. В получении этой суммы будьте добры подписать (через марку) прилагаемую квитанцию и возвратить таковую мне в заказном письме».

3204. П. В. БЕЗОБРАЗОВУ

9 декабря 1900 г.

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, изд. Атеней*, стр. 181.

Каждый день собирался к Вам... — Во время пребывания Чехова в Москве П. В. Безобразов искал встречи с ним. Об этом свидетельствует записка Безобразова к Чехову от 27 ноября 1900 г.: «Заходил два раза на квартиру Вашей сестры, увы, безуспешно! Очень хотелось бы еще повидать Вас, но как это сделать?» (ГБЛ).

Книжку получил. — Речь идет о брошюре Безобразова «О современном разврате» (М., 1900), которая была поднесена Чехову с дарственной надписью: «Антону Павловичу Че-

хову на память от автора». Книга находилась в библиотеке Чехова (*Чехов и его среда*, стр. 327).

Суворину напишу из-за границы, из Вены. — Чехов писал А. С. Суворину 19 декабря 1900 г. из Ниццы, однако в этом письме ничего не говорилось о Безобразове.

...до весны или до Вашего приезда в Ниццу. — Встреча Чехова с Безобразовым произошла или в Ницце зимой 1900–1901 г., или в Москве в мае 1901 г. (ср. письмо Чехова к Безобразову от 22 сентября 1901 г. — т. 10 Писем).

3205. А. Ф. МАРКСУ

10 декабря 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Записки ГБЛ*, вып. VIII, стр. 11–12.

Ответ на письма А. Ф. Маркса от 7 и 8 декабря 1900 г.; Маркс ответил 17 декабря (ГБЛ).

Десять тысяч рублей ~ я сегодня получил...

— См. примечания к письму 3203*.

Оставшиеся 15 тысяч ~ высылать на имя сестры... — Ответ на запрос Маркса, содержащийся в его письме от 7 декабря: «Ввиду Ва-

шего отъезда за границу покорнейше Вас прошу уведомить меня заблаговременно, когда, куда и каким образом выслать Вам деньги по январскому платежу и будет ли для Вас удобно, чтобы вся сумма была переведена за границу или Вы распорядитесь ею иным образом». Эти деньги были пересланы М. П. Чеховой в середине января 1901 г. (см. письмо 3286* и примечания к нему*).

Рассказ «Весной» написан мною очень давно... — Отклик на следующие строки письма Маркса от 8 декабря: «Я только что узнал из газет, что в Литературно-художественном кружке в Москве читался Ваш новый рассказ „Весною“. Не позволите ли Вы мне считать этот рассказ тем именно новым произведением Вашим, которое Вы были любезны обещать для „Нивы“? Я был бы очень рад, если бы ваш ответ оправдал мои ожидания. Буду весьма благодарен, если Вы меня уведомите об этом, или лучше — пришлете рукопись, еще до отъезда Вашего за границу».

Сообщения о том, что в Литературно-художественном кружке будет прочитано впервые новое произведение Чехова «Весной»,

три раза появлялось на страницах газеты «Новости дня». 20 ноября 1900 г. (№ 6287) в отделе «Театр и музыка» писалось: «В одном из ближайших исполнительских собраний кружка кн. Сумбатов познакомит с новым беллетристическим произведением А. П. Чехова, переданным ему нашим высокоталантливым писателем для прочтения до напечатания, в собрании кружка». 25 ноября (№ 6292) вышеназванная газета информировала своих читателей: «Сегодня в Литературно-художественном кружке назначено исполнительное собрание. Боевой номер программы — новое произведение А. П. Чехова „Весной“, которое прочтет А. К. Ильинский». 27 ноября «Новости дня» (№ 6294) поместили отчет об этом «собрании»: «Чрезвычайно многочисленную публику собрал в субботу исполнительное собрание Литературно-художественного кружка. Зала собраний и другая зала были полны. Боевым номером программы был, конечно, этюд А. П. Чехова „Весной“, очень хорошо прочитанный А. К. Ильинским. Этюд невелик по размерам. Несколько страничек. Но в нем очень колоритно изображено

бодрое настроение, какое несет с собой людям молодая весна, и с обычною Чехову тонкостью психолога показан душевный мир маленького литератора в уездном городе, тот „катар души“, какой создает в нем плохо удовлетворяемое авторское самолюбие».

Рассказ «Весной» с подзаголовком «Сценка» впервые был опубликован в «Петербургской газете» в 1886 г. (№ 81, 24 марта). Для III тома собрания сочинений рассказ был значительно исправлен Чеховым.

Для «Нивы» я пришлю рассказ непременно. — Это намерение Чехов не осуществил.

Из Ниццы я пришлю Вам адрес... — В письме от 7 декабря Маркс просил: «Будьте добры <...> сообщать мне каждый раз Ваш новый адрес на случай необходимости писать Вам или посылать корректуру».

Одновременно посылаю Вам мою пьесу «Свадьба»... — Пьеса Чехова «Свадьба (сцена в одном действии)» была написана в октябре 1889 г. и впервые опубликована в издании литографии С. Ф. Рассохина в 1890 г. В ответ Маркс спрашивал Чехова 17 декабря: «Относительно пьесы Вы не сообщаете условий ее

печатания, и я не знаю, прислана ли она Вами для напечатания в „Ниве“, или эта вещь уже была в свое время напечатана и Вы ее прислали для помещения в собрание Ваших сочинений — в какой том? Скорым ответом весьма меня обяжете». Пьеса «Свадьба» выходила в издании Маркса дважды: она вошла в книгу «Свадьба. Юбилей. Три сестры» (СПб., 1902) и была также включена во 2-е издание VII тома собрания сочинений Чехова, вышедшего в том же году. О постановке «Свадьбы» силами любителей в «Новостях дня» (1900, № 6316, 19 декабря) сообщалось: «Московским обществом искусства и литературы сегодня дается на сцене Охотничьего клуба последний „чеховский вечер“ из целой серии таких вечеров, устроенных обществом и возбуждивших интерес публики. Между прочим, будет поставлена в первый раз в Москве одноактная пьеса „Юбилей“, названная А. П. Чеховым „шуткой“, подобно другим, блещущим его чисто „чеховским“ юмором пьесам, вроде „Медведь“ и „Предложение“. Кроме того пойдет впервые на сцене одноактная комедия Чехова — „Свадьба“. Спектакль устраивается с бла-

готворительной целью, в пользу школ на Московско-Курской и Нижегородской дорогах».

3206. О. Л. КНИППЕР

11(24) декабря 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 73.

Открытка. Год устанавливается по почтовым штемпелям: Брест. 11 XII.1900; Москва. 13 XII.1900. Слова: «Кланяюсь всем» — приписаны карандашом.

Подъезжаю к Бресту. — Чехов выехал из Москвы за границу 11 декабря. О. Л. Книппер в письме от 11 декабря писала: «Я не могу примириться с тем, что мы расстались. Зачем ты уехал, раз ты должен быть со мной? Вчера, когда уходил от меня поезд и вместе с ним и ты удалялся, я точно первый раз ясно почувствовала, что мы действительно расстаемся. Я долго шла за поездом, точно не верила, и вдруг так заплакала, так заплакала, как не плакала уже много, много лет. Я рада была, что со мной шел Лев Ант<онович> Сулержицкий, я чувствовала, что он меня понимает, и

мне нисколько не стыдно было моих слез. Он так был деликатен, так мягок, шел молча. На конце платформы мы долго стояли и ждали, пока не уйдут эти люди, провожавшие тебя, — я бы не могла их видеть, так они мне были противны. Мне так сладко было плакать, и слезы были такие обильные, теплые, — я ведь за последние годы отвыкла плакать. Я плакала, и мне было хорошо. Приехала к Маше, села в угол и все время тихо плакала; Маша сидела молча около меня <...> Я уже совсем забылась, мысленно ехала с тобой в вагоне, прислушивалась к мерному стуку колес, дышала специфическим вагонным воздухом, старалась угадать, о чем ты думаешь, что у тебя на душе, и все угадала, веришь? <...> В субботу, ты, верно, получишь мое письмо, ведь на 5-й день приходят письма? Как ты доехал? Каковы оказались твои спутники, не беспокоили тебя сигарой? Разговаривал ли с ними? Сейчас нет 5-ти час<ов>, в 9 ч. ты будешь в Варшаве. Смотри, не простудись при переходе в другой поезд, ради бога, береги себя, и не сердись на меня, что пишу об этом, милый мой, и называй меня по-прежнему и

„дуся“, и „собака“, и „славная девочка“, да?»

3207. О. Л. КНИППЕР

12(25) декабря 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 73–74.

Год устанавливается по содержанию: Чехов приехал в Вену 12 декабря 1900 г. (см. также письмо к В. М. Лаврову от 12 декабря того же года). Написано на фирменной бумаге: «Hotel Bristol». Wien.

О. Л. Книппер ответила 16 декабря 1900 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 226–228).

...сизу теперь в номере ~ я показался бы просто замарашкой. — В ответном письме Книппер писала: «Правда, милый, не подумали мы о новом стиле, а ведь весь мир по нем живет, исключая нас, азиатов. Да это пустяки. Что тебе было так огорчаться! Ну потолкался по улицам, поглазел бы на праздничную толпу, а купить все можешь так же хорошо и в Ницце, и, наверное, нисколько не дороже. Неужели ты весь день сидел в номере? Пошел бы по всем Ring'am гулять. И в театр не пошел? Ах ты киселек славянский! Я бы тебе не

дала сидеть за границей! А правда, как на Западе чувствуешь свою неподвижность, тяжеловатость? Я себе в Вене казалась такой неизящной, такой кувалдой!»

Идут ли репетиции? Далеко ли ушли? — О начале работы над пьесой «Три сестры» К. С. Станиславский писал в своей книге «Моя жизнь в искусстве»: «После первого чтения пьесы началась режиссерская работа. Прежде всего В. И. Немирович-Данченко, как всегда, направил литературную часть, а я, как полагается, написал подробную мизансцену: кого, куда, для чего должен переходить, что должен чувствовать, что должен делать, как выглядеть и проч.

Артисты работали усердно и потому довольно скоро срепетировали пьесу настолько, что все было ясно, понятно, верно. И тем не менее пьеса не звучала, не жила, казалась скучной и длинной. Ей не хватало *чего-то*. Как мучительно искать это *что-то*, не зная, что это! Все готово, надо бы объявлять спектакль, но если пустить его в том виде, в каком пьеса застыла на мертвой точке, — успеха не будет. А между тем мы чувствовали, что есть

элементы для него, что для этого все подготовлено и не хватает только магического *чего-то*. Сходились, усиленно репетировали, впадали в отчаяние, расходились, а на следующий день опять повторялось то же самое, но безрезультатно.

„Господа, все это потому, что мы мудрим, — вдруг решил кто-то. — Мы играем самую чеховскую скуку, самое настроение, мы тянем, надо поднять тон, играть в быстром темпе, как водевиль“.

После этого мы начали играть быстро, т. е. старались говорить и двигаться скоро, отчего комкалось действие, просыпался текст слов, целые фразы. Получилась общая суতোлка, от которой становилось еще скучнее. Трудно было даже понимать то, о чем говорят действующие лица и что происходит на сцене.

В одну из таких мучительных репетиций произошел интересный случай, о котором мне хочется рассказать. Дело было вечером. Работа не ладилась. Актеры остановились на полуслове, бросили играть, не видя толка в репетиции. Доверие к режиссеру и друг к другу было подорвано. Такой упадок энергии яв-

ляется началом деморализации. Все расселись по углам, молчали в унынии. Тускло горели две-три электрические лампочки, и мы сидели в полутьме; сердце билось от тревоги и безвыходности положения! Кто-то стал нервно царапать пальцами о скамью, от чего получился звук скребущей мыши. Почему-то этот звук напомнил мне о семейном очаге; мне стало тепло на душе, я почувал правду, жизнь, и моя интуиция заработала. Или, может быть, звук скребущей мыши в соединении с темнотой и беспомощностью состояния имел когда-то какое-то значение в моей жизни, о котором я сам не ведаю. Кто определит пути творческого сверхсознания!

По тем или другим причинам я вдруг почувствовал репетируемую сцену. Стало уютно на сцене. Чеховские люди зажили. Оказывается, они совсем не носятся со своей тоской, а, напротив, ищут веселья, смеха, бодрости: они хотят жить, а не прозябать. Я почувал правду в таком отношении к чеховским героям, это взбодрило меня, и я интуитивно понял, что надо было делать.

После этого работа снова закипела. Не ла-

дилась только роль Маши у Книппер, но с ней занялся Владимир Иванович, и при дальнейших репетициях у нее тоже вскрылось что-то в душе, и роль пошла превосходно» (*Станиславский*, т. 1, стр. 235–236).

Зная повышенный интерес Чехова к работе Художественного театра над его пьесой, Книппер почти в каждом своем письме информировала его об этом. Так, 12 декабря она писала: «Сегодня была занята целый день. С 12-ти репетировала „Сестер“, и довольно кисло, „сам“ <Станиславский> немножко прихворнул, не приехал. Судьбинину сделал выговор Влад. Ив. за то, что не знал наизусть 1-го акта, тот необыкновенно надерзил — как это противно! По-моему, ему не следует играть Вершинина — вульгарен. Он, верно, чувствует, что он подставной и халатно относится к роли. Потом репетировали — о ужас — „Чайку“! Раевская больна, и ее заменяет Павлова — ты ее не знаешь. Кажется, будет хорошо» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 218).

На следующий день Книппер опять сообщала о репетиции «Трех сестер»: «Сегодня, милый, была славная репетиция „Трех се-

стер“ — начинают появляться тона — у Солонного, Чебутыкина, Наташи, Ирины, у меня. Марья Петровна решила, что я — вылитый папаша, Ирина — мамаша, Андрей — лицом отец, характером — мать. Я себе нашла походку, говорю низким грудным голосом, знаешь, бывают такие аристократки с изящной резкостью, если можно так выразиться. Только не бойся — не перегрублю. Завтра разбираем второй акт, 23-го хотим сделать первую генеральную, черновую. Лилина в восторге от своей роли, намечает ее конфузливо-развязной. Не совсем ясно слышу Тузенбаха, Ольгу и Вершинина — Судьбинина. Ну, это еще будет. Вечером играли „Чайку“, в пользу инвалидов» (там же, стр. 219–220). 15 декабря писала: «Размечали вчера второй акт, сидя за столом, сегодня на сцене будем, вот сейчас пойду в театр» (там же, стр. 224). В письме от 16 декабря Книппер сообщает: «Сегодня мы размечали 2-й акт. Завтра пройдем его с Конст. Серг. Мне кажется, будет очень интересен. Своего напустил, конечно, — мышшь скребет в сцене Маши с Вершин<иным>, в печке гудит, — ну это по ремарке автора, положим. Тузенбах налетает

на Андрея, поет: „Сени, мои сени“, приплясывают все — и Ирина, и Чебутыкин. Потом, когда Тузенбах играет вальс, вылетает Маша, танцует сначала одна, потом ее подхватывает Федотик, но она его отталкивает (он не умеет), а Ирина танцует с Роде, и вот на этот шум выходит Наташа».

3208. В. М. ЛАВРОВУ

12(25) декабря 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 112.

Открытка. Год устанавливается по почтовым штемпелям: Nice. 26.12.00; Москва. 16 XII.1900.

3209. О. Л. КНИППЕР

14(27) декабря 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 74.

Год устанавливается по содержанию (приезд в Ниццу) и по связи с письмом к М. П. Чеховой от 15 декабря 1900 г.

Ответ О. Л. Книппер от 19 декабря 1900 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 233–234).

...все разодеты такими щеголями ~ я чувствовал себя неуклюжим Крюгером. — В прессе того времени много писалось о президенте Южно-Африканской республики Трансвааль П. Крюгере, который стоял во главе национально-освободительного движения буров против англичан (1899–1902). В газетах подчеркивалась его внешность типичного патриархального фермера: «Это человек высокого роста, слегка сгорбленный; годы забот и трудов наложили на него свой отпечаток, проведя на лице многочисленные морщины. Его манера говорить и даже суровый голос производят сильное впечатление. Смотря на него, вы невольно чувствуете, что этот грубоватый по внешности старик, в простом, грубом одеянии, делающий во время беседы энергические жесты рукой, вооруженный длинной трубкой, — человек действительно сильный, необыкновенный, выдающийся среди своих современников» («Курьер», 1900, № 248, 7 сентября).

О пребывании Чехова в Вене см. также предыдущее письмо* и примечания к нему*.

3210. О. Л. КНИППЕР

15(28) декабря 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 75.

Год устанавливается по содержанию (пробывание в Ницце) и по связи с письмом к М. П. Чеховой от 15 декабря 1900 г.

Окна в моей комнате настезь... — Чехов остановился в Ницце в Pension Russe.

Переписываю свою пьесу... — Художественному театру были отданы доработанными только два первых акта пьесы «Три сестры» (см. примечания к письму 3184*). Приехав в Ниццу, Чехов сразу же взялся за завершение переработки третьего акта, начатой в Москве, и переписал четвертый акт.

...завтра уже вышлю Немировичу III акт, а послезавтра IV... — Чехов отослал в Москву III акт «Трех сестер» 16 декабря. В музее Художественного театра сохранилась беловая рукопись III и IV актов пьесы «Три сестры», присланных из Ниццы. Сохранился и конверт, в котором была прислана рукопись IV акта. На нем рукою Чехова написан адрес по-русски и по-французски: «Москва. Владимиру Ивано-

вичу Немировичу-Данченко. Каретный ряд. Художественный театр. Monsieur W. J. N.-Dantschenko. Moscou. Russie». На обороте почтовые штемпели: Nice. Place Grimaldi. 2 Janv. 01; Москва, почтамт, 24 декабря 1900 г. Факсимиле конверта воспроизведено в ЛН, т. 68, стр. 13.

3211. М. П. ЧЕХОВОЙ

15(28) декабря 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. IV, стр. 113.

Открытка. Год устанавливается по почтовым штемпелям: Nice. 28 Dec. 00; Москва. 20 XII.1900; Ялта. 24 XII.1900.

М. П. Чехова ответила 25 декабря 1900 г. (*Письма М. Чеховой*, стр. 163–164).

...ты пиши. — О себе и матери М. П. Чехова сообщала в ответном письме: «Доехали мы с мамашей благополучно, хотя ехать было не особенно приятно, всю дорогу от Севастополя до Ялты лил дождь. Ехали на почтовых вдвоем. Нас не ждали, и потому дом не протопили как следует, было только 7° тепла, и пахло нежилым. Мне стало грустно... Сейчас же за-

топили все печи, зажгли огни, и сразу стало уютно и приятно. Теперь же прямо очаровательно. Я по-прежнему восторгаюсь домом и природой, хотя последняя ведет себя не совсем по-южному — дождь не переставая льет, на море буря.

Выехали мы из Москвы только 19-го во вторник, все ждали поверенного от Перфильевой <покупательница имения в Кучук-Кое>. Он приехал, но купчую я сама не совершила, пришлось оставить доверенность Коновицеру. Поверенный Перфильевой имел недостаточно точную доверенность (по мнению нотариуса), и потому пришлось отложить дело до получения новой доверенности на неопределенное время. Доверенный остался ждать в Москве другой доверенности. Думаю, что Коновицер сделает все как следует. Оставаться в Москве мне не хотелось, да и мать последнее время уже торопила меня ехать. Она по-прежнему довольна, что приехала домой. Чувствует себя хорошо, весела и уже с ужасом не думает об одиночестве».

Кланяйся также бабушке и Арсению. — В ответном письме М. П. Чехова писала: «Ма-

рюшка здорова совершенно. Арсений экономен и очень много работает. Мы с ним убрали, вычистили весь дом».

3212. О. Л. КНИППЕР

17(30) декабря 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 75–76.

Дата устанавливается по содержанию («Вот уже третья ночь, как я в Ницце») по помете: «воскресенье», которое в 1900 г. приходилось на 17 декабря, и по ответному письму О. Л. Книппер от 23 декабря 1900 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 241–243).

...от тебя ни единой строчки. — Книппер отвечала на упрек Чехова: «Ты меня вчера поразил, дорогой мой писатель! 17-го ты еще не получил ни одного моего письма, когда должен был их получить уже два; всего я отправила 8 писем. Странно! Жду сегодня от тебя весточку с ответом уже на мое письмо. Лучше бы, если я писала *poste restante* и не послушалась бы тебя, хотя дико, чтобы за границей пропадали письма!» О задержке писем Книппер к Чехову этого периода см. в письме 3235*.

Купил себе летнее пальто и шеголяю. — Книппер ответила: «Стараюсь представить себе тебя в летнем пальто, фланирующим по улицам Ниццы, сидящим на берегу сверкающего моря и в pension'e среди скучных дам! Только, пожалуйста, ешь побольше и лежи после обеда сколько хочешь — это тебе не вредно. Не голодай по своей привычке. Хочу тебя увидеть полным и цветущим...»

В III я изменил лишь кое-что, а в IV произвел перемены крупные. Тебе прибавил много слов. — См. примечания к письму 3220*.

...как идут репетиции... — О репетициях «Трех сестер» в Художественном театре Книппер писала в ответном письме: «О репетициях ничего не могу сказать — вот уже 6 дней, что не была в театре. Доктор говорил, что вчера репетировали 2-ой акт до 1 ч. ночи, бодро и энергично. Пришли на Новый год телеграмму нашей труппе, они порадуются. А у нас уже вошло в обычай: как торжество какое-нибудь, так сейчас „телеграмму Чехову“!» Книппер заболела 18 декабря и не могла посещать репетиции «Трех сестер» в Художественном театре. Не была она на генеральной репетиции

первых двух актов, которая состоялась 23 декабря. 24 декабря Книппер сообщила Чехову: «Мне лучше. Вчера была генеральная 2-х актов, Савицкая писала, что, кажется, Конст<антин> Серг<еевич> остался доволен. Она захворала тоже и не выходит. За меня читает Ольга Павловна <Полянская>. Говорят, очень интересно смотрится» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 244).

Был у меня сегодня художник Якоби. — О встречах Чехова с художником В. И. Якоби в Ницце зимой 1900–1901 гг. вспоминал Вас. И. Немирович-Данченко: «С Якоби Чехов в Ницце встречался чуть ли не каждый день. Известный художник только что покончил все счета с Академией, и, как всегда это бывает, чуть не отплевывался при воспоминании о ней. Был он милым человеком, но, во-первых, никак не мог забыть о том, что когда-то все его считали красавцем, и продолжал мнить себя таким же, хотя из его рембрандтовского воротника сиротливо подымалась дряблая и морщинистая шея, во-вторых, была у него страсть рассказывать тошнотные анекдоты. Якоби уже в это время подтачивал недуг, кото-

рый вскоре и свел его в могилу. Как-то он казался особенно в ударе. Сам надтреснуто не смеялся, а дребезжал на собственные неприличности. Идет после со мною Чехов.

— А Якоби скоро умрет.

— Почему?

— Самого себя обмануть хочет. Вы всмотритесь: рассказывает анекдоты, хохочет, а в глазах у него ужас смерти... Да, впрочем, что ж... Мы все приговоренные.

— С самого рождения.

— Нет я про себя... Мы в первую очередь... Вы еще жить будете, придете сюда, к морю. Сядете на эту скамью. Какая даль сегодня! Посмотрите, вон парус. Совсем крыло. Чье это сравнение? А вот что море сиреневое — это мое! <...> Как жить хочется! Что бы написать большое-большое? К чему-то крупному тянет, как пьяницу на водку. А в ушах загода — „вечная память“. Иной раз мне кажется, все люди слепы. Видят вдали и по сторонам, а рядом, локоть о локоть, смерть, и ее никто не замечает или не хочет заметить... Вон Якоби, тот себя одурманивает скверными анекдотами, и ведь он, как и я, — видит ее, видит!..» (Вас. И.

Немирович-Данченко. Памятка об А. П. Чехове. — «Чеховский юбилейный сборник». М., 1910, стр. 398–399).

Маша уехала? — Перед отъездом в Ялту М. П. Чехова должна была найти покупателя для участка в Кучук-Кое в Крыму. В письме от 16 декабря Книппер сообщала: «Маша мечется, укладывается. Я ушла от нее около 12-ти, и никто не заявлялся по поводу покупки Кучук-Коя. Маша с матерью выедут, верно, 18-го. Хотяинцева достала им льготный билет 1-го класса до Курска и обратно. Маша была удивлена, т. к. не заикалась даже об этом» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 228). Однако 18 декабря М. П. Чеховой не удалось выехать. В этот день Книппер писала: «Она сегодня не уехала, т. к. прибыл поверенный Перфильевой <покупательницы Кучук-Коя> и она возилась с продажей. Ты ей должен хороший процент дать за хлопоты, слышишь? Купчую будет совершать Коновицер, кот<орому> она дала доверенность, а то ей пришлось бы еще оставаться на неопределенный срок. А она устала, она вообще стала слабенькой. Маша утомляется: у нее такой измученный вид. Она

должна ехать в Кучук-Кой, нанимать там человека для Перфильевой и поместить его там. Коновицер был так любезен, что взял на себя хлопоты в Москве» (там же, стр. 232).

Когда увидишь Льва Антоновича, то передай ему, что в Африку я не поеду... — Это первое упоминание о Л. А. Сулержицком в переписке Чехова, хотя знакомство их произошло гораздо раньше. Вернувшись из Канады, куда он сопровождал духоборов в начале 1900 г., Сулержицкий поселился в Алуште у Е. Н. Вульф, у которой он работал огородником, дворником и водовозом. Тогда же, вероятно, и произошло его знакомство с Чеховым. Во всяком случае, есть свидетельства современников, что знакомство Сулержицкого с Московским Художественным театром произошло весной 1900 г., когда театр гастролировал в Крыму, в Севастополе и Ялте, через Чехова и М. Горького (Н. Эфрос. Памяти Л. А. Сулержицкого. — «Русские ведомости» от 19 декабря 1916 г.). А с Горьким, по воспоминаниям Е. П. Пешковой, Сулержицкого познакомил Чехов: «С Леопольдом Антоновичем Сулержицким — Сулером, как его звали все друзья и знако-

мые, Алексей Максимович и я впервые встретились весной 1900 г. у наших друзей Средних. Врач Леонид Валентинович Средин по болезни жил в Ялте со своей семьей. С ним был в дружбе Антон Павлович, который и привел к ним Сулержицкого. Было это вскоре после возвращения Леопольда Антоновича из Америки, куда он отвозил в 1898–1899 годах духоборов по поручению Льва Николаевича Толстого <...> Леопольд Антонович стал своим в нашем доме» (см. *Сулержицкий*, стр. 534–535). Горький и Сулержицкий часто виделись с Чеховым во время его пребывания в Москве осенью 1900 г. По-видимому, перед отъездом Чехова за границу они договорились ехать в Африку. В письме от 24 декабря Книппер писала: «Лев Антонович был вчера, все говорил о деньгах, собирает со всех, чтобы ехать за границу. Немножко надоел. Хотел прийти сегодня убирать елку» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 244).

3213. М. М. КОВАЛЕВСКОМУ

17(30) декабря 1900 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ). Впервые

опубликовано: *ЛН*, т. 68, стр. 233.

Открытка. Датируется по почтовым штемпелям. Nice. 30 Dec. 00; Beaulieu. 1 Janv. и пометой Чехова: «Воскресенье», которое приходилось по ст. стилю на 17 декабря.

3214. М. П. ЧЕХОВОЙ

17(30) декабря 1900 г.

Печатается по автографу (*ГБЛ*). Впервые опубликовано: *ПССП*, т. XVIII, стр. 424.

Год устанавливается по содержанию: смерть Синани (см. письмо 3202*); упоминание о деньгах, которые должен передать С. Я. Елпатьевский (см. ниже).

М. П. Чехова ответила письмом от 28–31 декабря (*Письма М. Чеховой*, стр. 165–166).

...С. Я. Елпатьевский после 1-го января должен передать тебе 1000 р. — 29 декабря 1900 г. Мария Павловна писала Чехову: «Сегодня С. Я. Елпатьевский принес мне перевод на 1050 р., по которому деньги я могу получить в Москве. 50 р., он говорит, проценты. Получивши деньги, я положу их на текущий счет впредь до твоего распоряжения. С. Я. говорил о каком-то таганрогском, которому эти день-

ги принадлежат, но я мало поняла. Знала только из твоего письма, что могу получить, и все».

В Ялте холодно... — О погоде в Ялте Мария Павловна сообщала 28 декабря: «Вчера было два градуса мороза. Днем бывает тепло, но недолго, пока греет солнышко».

Варвара Константиновна — Харкеевич.

Надежда Ивановна — мать доктора Л. В. Средина.

Напиши, что Арсений думает насчет навоза... — В письме от 25 декабря Мария Павловна писала: «Арсений экономен и очень много работает. Мы с ним убрали, вычистили весь дом <...> Сад в порядке, хотя надо бы еще чего-нибудь посадить. Розы цветут» (там же, стр. 164).

3215. Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

18(31) декабря 1900 г.

Печатается по автографу (Музей МХАТ). Впервые опубликовано в мхатовской газете «Горьковец», 1940, № 5, 3 февраля. Письмо послано одновременно с бандеролью (IV акт «Трех сестер»), что подтверждается почтовыми-

ми штемпелями на конверте: Nice. 2 Janv. 01; Москва. 24 XII.1900, совпадающими со штемпелями на конверте от бандероли. Из-за праздника (31 декабря и 1 января по новому стилю) они два дня пролежали на почте.

Это прибавь, пожалуйста. — Третий акт пьесы «Три сестры» был послан Вл. И. Немировичу-Данченко 16 декабря.

3216. Е. Я. ЧЕХОВОЙ

18(31) декабря 1900 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые (с датой 25 декабря 1900 г.) опубликовано: «Красный архив», 1929, № 6 (37), стр. 178–179. Дата исправлена в ПССП, т. XVIII, стр. 426.

Открытка. Датируется по почтовым штемпелям: Nice. 31 Dec. 00; Ялта. 26 XII 1900, и помете «понеделник», который приходился на 18 декабря.

Е. Я. Чехова ответила 12 января 1901 г. (ГБЛ).

...десять рублей — это мой подарок имениннице. — В ответном письме Е. Я. Чехова писала: «Благодарю тебя за письмо и подарок 10 р. Очень и очень благодарю. Спасибо за па-

мять. Что это значит, что ты не пишешь нам? Вот уже более двух недель не получали от тебя писем, каждое утро жду с нетерпением от тебя письма. Маша тебе много деловых писем послала, а ответа не получила. Сегодня утром в 8 час. Машу проводила в Москву, она поехала с А. Н. Шаповаловым.

Здесь сильные ветры и буря. Вчера шел снег и град. Спасибо, что ты доставил мне удовольствие побывать в Москве. Зато как приехала домой, так показалось хорошо, что и бояться не стала, успокоилась. Приехала как в рай».

3217. А. С. СУВОРИНУ

19 декабря 1900 г. (1 января 1901 г.)

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 113–114.

В Москве я прожил ~ дольше, чем следует. — Чехов пробыл в Москве с 23 октября по 11 декабря 1900 г. В ноябре к Чехову в Москву приезжал А. С. Суворин (см. примечания к письму 3192*). В «Новостях дня» (1900, № 6280, 21 ноября) сообщалось: «Вчера в Охотничьем клубе Общество искусства и литературы „ге-

нерально“ репетировало свой первый спектакль из одноактных чеховских пьес. На репетиции присутствовали А. П. Чехов и А. С. Суворин». Подробнее о «чеховских вечерах» см. в примечаниях к письму 3205*.

Мы с Алексеем Петровичем были в хороших отношениях... — А. П. Коломнин скончался 24 ноября 1900 г. от разрыва сердца (см. некролог С. Андреевского в «Новом времени», 1900, № 8890, 25 ноября). Чехов был связан с Коломниным по работе в «Новом времени». О его смерти Чехов узнал, по-видимому, из письма А. Ф. Кони от 24 ноября 1900 г. Он писал: «Сейчас <6 ч. вечера> получил я от А. С. Суворина Ваше любезное письмо вместе с горестным известием о кончине милого, доброго А. П. Коломнина, которого я искренне любил» (ГБЛ). Подробности смерти Коломнина содержатся в дневниковой записи Суворина от 28 ноября 1900 г. (*Дневник Суворина*, стр. 246–247).

...вспоминал, как мы когда-то стояли в нем. — Чехов прожил несколько дней в Hôtel Beau-Rivage вместе с Сувориным в апреле 1891 г.

...скажите ~ чтобы газету высылали мне ~ в Ниццу... — газету «Новое время».

3218. Е. З. КОНОВИЦЕРУ

20 декабря 1900 г. (2 января 1901 г.)

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 427.

Открытка. Дата устанавливается по почтовому штемпелю: Nice. 2 Janv. 01 и помете Чехова «среда», которая приходилась на 20 декабря.

3219. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ

21 декабря 1900 г. (3 января 1901 г.)

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые (с датой: «Вторая половина декабря 1900 г.») опубликовано: Чехов, Лит. архив, стр. 55. Дата уточнена в ПССП, т. XVIII, стр. 429.

Датируется по записке Васильевой от 3 января 1901 г. (ГБЛ), на которую Чехов отвечает в тот же день, и по его помете: «четверг», который приходился на 21 декабря.

О. Р. Васильева ответила запиской, помеченной «пятница» и рукой Чехова: «1900, XII», а также письмом (без даты) (Чехов, Лит. архив

, стр. 55).

...рекомендую Вам д-ра Эльсница... — В письме от 3 января (21 декабря) Васильева спрашивала Чехова: «Не знаете ли Вы здесь хорошего доктора — у меня отчаянно болит нога, и я боюсь обратиться к первому попавшему, потому что уже несколько лет возилась с ней. Если знаете, будьте добры, скажите». Характеристика доктора А. Л. Эльсница содержится в «Воспоминаниях» П. Д. Боборыкина, который писал: «В Ницце годами водил я знакомство с А. Л. Эльсницем, уроженцем Москвы, тамошним студентом, который из-за какой-то истории во время волнений скрылся за границу, стал учиться медицине в Швейцарии и Франции, приобрел степень доктора и, уже женатый на русской и отцом семейства, устроился прочно в Ницце, где к нему перешла и практика доктора Якоби <...> Специальное ученье и долгое житье в Швейцарии и Франции вовсе не офранцузили его, и в его доме каждый из нас чувствовал себя, как в русской семье. Все интересы, разговоры, толки, идеалы и упования были русские. Он не занимался уже „воинствующей“ политикой,

не играл „вожака“, но оставался верен своим очень передовым принципам и симпатиям; сохранял дружеские отношения с разными революционными деятелями, в том числе и с обломками Парижской коммуны <...> Не думаю, чтобы его можно было считать правоверным марксистом, хотя в числе его ближайших знакомых водились и социал-демократы. Сколько помню, он был близок с Плехановым, а дочь его дружила с одной из дочерей этого — и тогда уже очень известного — русского изгнанника, проживавшего еще в Швейцарии.

Как врач Эльсниц был скорее скептик, не очень верил в медицину и никогда не настаивал на каком-нибудь ему любезном способе лечения. Я его и прозвал: „наш скептический Эльсниц“. И несмотря на это, практика его разрасталась, и он мог бы еще долго здравствовать, если б не предательская болезнь сердца; она свела его в преждевременную могилу. На родину он так и не попал.

В Ницце мы видались с ним часто; так же часто навещали мы М. М. Ковалевского на его вилле в Болье. С Ковалевским Эльсниц был

всего ближе из русских. Его всегда можно было видеть и на тех обедах, какие происходили в русском пансионе, где в разные годы бывали неизменно, кроме Ковалевского, доктор Белоголовый с женой, профессор Коротнев, Юрасов (вице-консул в Ментоне), Чехов, Потапенко и много других русских, наезжавших в Ниццу» (П. Д. Боборыкин. Воспоминания, т. 2. М., 1965, стр. 536–537).

Можно к Вам зайти или нельзя? — В записке, написанной, по-видимому, на следующий день, т. е. 22 декабря, Васильева сообщала: «Если как-нибудь зайдете — буду очень благодарна». Свое ответное письмо (без даты) она заканчивала словами: «Насчет того, что можно зайти или нет, если зайдете — буду очень счастлива».

3220. О. Л. КНИППЕР

21 декабря 1900 г. (3 января 1901 г.)

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 77–78.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 15 декабря 1900 г.; Книппер ответила 1 января 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 223–224 и

255–256).

...я написал ему своевременно... — См. письмо 3205*.

...она забыла послать мое письмо ~ посылки. — Книппер сообщала в своем письме: «Вчера Маша получила от Маркса телеграмму с уплоч^{енным} ответом, он беспокоится, получил ли ты перевод от него. Маша ответила, что ты в Ницце, и перевод, кажется, получил. Верно ведь, получил? Отчего ты его не извещил». Подробнее об этом см. в примечаниях к письму 3223*.

Пьеса уже окончена и послана. — См. примечания к письму 3210*. В это же время в «Крымском курьере», в подборке «Вести и слухи» писалось: «Новая пьеса А. П. Чехова „Три сестры“ будет напечатана в январской книжке „Русской мысли“. В Художественно-Общедоступном театре в Москве идут теперь усиленные репетиции пьесы А. П. Чехова „Три сестры“. На всех первых репетициях присутствовал сам автор и делал свои замечания для характеристики действующих лиц. Окончательно решено поставить пьесу в половине января 1901 года, а потом она будет

поставлена в Петербурге, куда едет труппа Художественно-Общедоступного театра. А. П. Чехов выехал за границу на юг Франции, где предполагает пробыть довольно продолжительное время» (1900, № 286, 20 декабря).

Тебе, особенно в IV акте, много прибавлено. — Сравнивая две редакции пьесы «Три сестры», А. Р. Владимирская в своей статье «Из творческой истории „Трех сестер“» пишет об изменениях в образе Маши: «Особенно преобразился в новой редакции образ Маши, которая в ялтинской редакции была намечена как несколько эксцентричная, не стесняющаяся в выражениях, немного даже вульгарная „дочь полка“. В белой рукописи Маша стала намного мягче, женственнее, сложнее и лиричнее» (ЛН, т. 68, стр. 9). См. также примечания к пьесе в томах 12–13 Сочинений.

...что на репетициях... — О театральных новостях Книппер писала 27 декабря: «Я вчера первый раз играла „Дядю Ваню“, сегодня играю „Одиноких“, а завтра иду на репетицию „Сестер“. Соленый у Громова не выходит, как говорят, будто бы будет играть Санин. Вишневецкий лучше всех, и остальных хвалят.

Мейерхольда не особенно, Артем еще не совсем попал в тон. Пишу с чужих слов, я сама не видела» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 247). 1 января она сообщала о работе Художественного театра над «Тремя сестрами»: «Вчера и сегодня была на репетиции. Сегодня размечали 3-й акт без Конст<антина> Серг<еевича>. Завтра с ним. Вчера вводили в пьесу Санина. Не знаю, как он будет. Я прохворала и ни одной толковой репетиции не видела <...> Напиши, что Маша все 4 акта в черном, или может в сером, или в белой рубашечке?»

Приедет ли Немирович в Ниццу? — Книппер извещала Чехова 21 декабря: «Завтра уезжает Немирович в Ментону, где его сестра» (там же, стр. 240).

Не ходи, деточка, к Омону. — Чехов имеет в виду следующие строки письма Книппер от 15 декабря 1900 г.: «Знаешь, где мы вчера были? Ужасайся — у Омона! Ну и гадость же! Над чем только люди смеются там! Была Маша и Ольга Мих. Андреева с мужем <...> Какая там пошлость, грубость! Смотрели „Обозрения Москвы“. Единственно интересный номер был Шиллинг, певший куплеты на злобу

дня — на водопровод, выходил Зиминым, изображал Хомякова — домовладельца, Москву в виде толстой бабы, везшей в тележке грудного младенца — моск<овскую> гор<одскую> управу. Он умный, талантливый, негрубый, и я хохотала от души. Остальное — невозможно. А уж барыни с юбками, доложу тебе. Я ведь первый раз в жизни видела таких „этуалей“. Несчастные существа, жалкие! И к чему это все, кому это надо!» На шутивную просьбу Чехова не ходить больше к Омону, Книппер отвечала 1 января: «К Омону я больше не пойду — j'en ai assez <с меня довольно — франц.> — второй раз не потянет, так что в монахи можешь не идти и спать можешь спокойно на своей широкой мягкой постели. А ты доживешь там до весны, чтобы встретить меня? Я очень любопытна и приеду слушать то, что ты мне хочешь сказать на ухо».

3221. М. М. КОВАЛЕВСКОМУ

21 декабря 1900 г. (3 января 1901 г.)

Печатается по тексту: ЛН, т. 68, стр. 233, где опубликовано впервые, по машинописной

копии. Автограф, хранившийся в Париже, утрачен.

Датируется по связи с письмом к нему от 17(30) декабря 1900 г., по упоминанию о наступлении холода и плохом самочувствии (см. письмо* к Книппер от 21 декабря 1900 г.) и помете Чехова: «Четверг», который приходился на 21 декабря.

...я обманул вас... — См. письмо 3213*.

3222. А. Ф. МАРКСУ

22 декабря 1900 г. (4 января 1901 г.)

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Чехов, *Лит. архив*, стр. 180–181.

Ответ на письмо А. Ф. Маркса от 17 декабря 1900 г. (ГБЛ).

Водевиль «Свадьба» написан мною уже давно... — См. примечания к письму 3205*.

...следующее издание пьес... — Речь идет о втором издании VII тома собрания сочинений Чехова, вышедшем в 1902 г.

...том, который составят новые пьесы. — Имеется в виду книга «Свадьба. Юбилей. Три сестры», изданная А. Ф. Марксом в 1902 г.

3223. М. П. ЧЕХОВОЙ

22 декабря 1900 г. (4 января 1901 г.)

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 429–430.

Год устанавливается по ответному письму М. П. Чеховой от 3–6 января 1901 г. (Письма М. Чеховой, стр. 166–168) и по связи с письмом к Книппер от 21 декабря 1900 г.

...тот печник, который делал печи, осмотрел ~ печь в гостиной... — Мария Павловна сообщила Чехову 31 декабря: «Вчера был печник, осмотрел печи и нашел, что провести тепло из бывшей столовой к тебе в кабинет опасно, т. к. при разборке стены можно повредить какие-то основы. Но посоветовал топить печи внизу углем. И действительно, стало очень тепло, когда затопили углем и в коридоре» (там же, стр. 166). В ответ на просьбу Чехова пригласить печника, Мария Павловна писала 3 января 1901 г.: «О печах и печниках я тебе писала. Печник болен ревматизмом и сам пока работать не может. В Ялте погода плохая, был сильный ветер с морозом, земля замерзла, как на севере. Топим все печи, но не чувствуем особенного тепла».

Скажи Арсению, чтобы окопал все фруктовые деревья... — 28 декабря Мария Павловна писала: «Половину сада и до ручья Арсений унавозил и вскопал землю, а за ручьем он думает унавозивать только под деревьями. Всю тропику он внес в дом. Внизу в столовой у нас целый сад» (там же, стр. 165). В ответном письме Мария Павловна сообщала: «Арсений окапывает деревья как следует — по-твоему».

Ты не послала вовремя письма Марксу... — Свое письмо Марксу от 10 декабря (см. письмо 3205*), а также расписку о получении от него денег Чехов перед отъездом за границу поручил отправить Марии Павловне. Однако она задержала отправку письма, и в конторе Маркса забеспокоились. В ответном письме Мария Павловна так объясняла эту задержку: «Послать письмо Марксу я опоздала только на один день, Маша слишком поздно пошла на телеграф и вернулась назад с письмом и бандеролью, меня же целый день не было дома. Круглую бандероль на телеграфе не приняли, пришлось отнести к Сытину. На телеграмму Марксу ответила тотчас же. Вот моя вина».

3224. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

23 декабря 1900 г. (5 января 1901 г.)

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Неизд. письма*, стр. 34.

Открытка. Год устанавливается по почтовым штемпелям: Nice. 5 Janv. 01; Москва. 28 XII.1900.

А. Л. Вишневский ответил 29 и 31 декабря 1900 г. (ГБЛ).

Надеюсь, что у Вас все идет хорошо... — 29 декабря Вишневский сообщил Чехову о работе Художественного театра над его пьесой: «Мы репетируем и все больше и больше увлекаемся „Тремя сестрами“. Репетируем уже 3-й акт. Все говорят, что Кулыгин это будет лучшая моя роль. Разговариваю просто, без подчеркивания и какого-бы то ни было шаржа, но все хохочут до упада, так, это все говорят, смешно у меня выходит. Книппер, по-моему, будет удивительно хорошо играть Машу — у нее превосходный тон».

...Вы довольны... — В письме от 31 декабря Вишневский на эти слова отвечал репликой Кулыгина из «Трех сестер»: «Я доволен, я до-

волен, я доволен!» Об игре Вишневого на репетициях пьесы «Три сестры» писал Чехову Л. А. Сулержицкий в конце января — начале февраля 1901 г.: «„Три сестры“ на тех репетициях, которые я видел, ставятся очень хорошо; Станиславский очень сдержан, ничего лишнего я, по крайней мере, не заметил. Санина взяли завидки на роль Соленого, и он не вытерпел, взялся за роль, и, кажется, хорошо будет. Но кто неподражаем — это Вишневский. Буквально невозможно от хохота удержаться. „Я доволен!“ — лезет из каждой поры. Ну и шутку Вы с ним сыграли, а он не замечает и даже сам с таинственным видом, подмигивая, говорит, что роли под артистов написаны. „Замечаете?“ — спрашивает он иногда. Я говорю, что сильно замечаю. Вот-те и дружи с писателем! Ольга Леонардовна очень хорошо рисует свою роль, совсем полковой дамы манеры. Говорит на низких нотах. Мне кажется, что Вы были бы довольны» (Сулержицкий, стр. 397).

3225. И. П. ЧЕХОВУ

23 декабря 1900 г. (5 января 1901 г.)

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XVIII, стр. 431.

Открытка.

3226. И. Н. АЛЬТШУЛЛЕРУ

26 декабря 1900 г. (8 января 1901 г.)

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ЛН, т. 68, стр. 234.

Открытка. Датируется во почтовым штемпелем: Nice. 8 Janv. 01; Ялта, 1 I.1901.

3227. А. Р. АРТЕМЬЕВУ (АРТЕМУ)

26 декабря 1900 г. (8 января 1901 г.)

Печатается по тексту: ПССП, т. XVIII, стр. 434, где опубликовано впервые, «по подлиннику МХАТ». Нынешнее местонахождение автографа неизвестно.

Искренно преданный и любящий Вас уже давно. — А. Р. Артем был участником всех чеховских спектаклей в Московском Художественном театре. Он играл Шамраева в «Чайке», Телегина в «Дяде Ване», Чебутыкина в «Трех сестрах» и позже Фирса в «Вишневом саду». В воспоминаниях современников Чехова не раз отмечалось его дружеское располо-

жение к артисту. Так, Лужский вспоминал: «Исполнением А. Р. Артема он всегда оставался больше чем доволен и относился к нему с трогательной нежностью, но, мне кажется, не без умысла писал ему в „Трех сестрах“ фразы: „Это Скворцов кричит, секундант. В лодке сидит“. Слова „кричит“ и „сидит» нередко путали чудеснейшего исполнителя Чебутыкина, и если это случалось на спектакле в присутствии Ант. Павл., то после, при упоминании о перестановках Артема, Ант. Павл. необыкновенно добродушно и вместе с тем лукаво хохотал» (В. В. Лужский. Из воспоминаний. — Чехов в воспоминаниях, стр. 440). См. также: К. С. Станиславский. А. П. Чехов в Художественном театре (там же, стр. 385).

3228. О. Л. КНИППЕР

26 декабря 1900 г. (8 января 1901 г.)

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 78–79.

Год устанавливается по письмам О. Л. Книппер от 18, 19 и 20 декабря 1900 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 231–236), на которые Чехов отвечает.

Последние два письма, писанные карандашом, меня испугали... — Карандашом были написаны письма О. Л. Книппер от 18 и 20 декабря. В них она писала о своем здоровье: «Я сегодня уложила себя в постель, т. к. боюсь начала бронхита. Был у меня театральный доктор, стучал, слушал, говорит, что сильное катаральное состояние горла, бронхита нет, температура немного повышена <...> Сейчас у меня 37,5, очень больно кашлять. Играть я могла бы, конечно, но что будет потом?» И 20 декабря: «Все еще лежу, простуда не отпускает меня. Ночь всю не спала, читала; открылся безумный, дикий насморк — ничего не понимаю, ничего не слышу, тяжело в голове».

...пьесы мои не будут идти... — В связи с болезнью Книппер многие спектакли пришлось заменить другими. 19 декабря 1900 г. Книппер писала об убытках, которые понес Художественный театр во время ее болезни: «Немирович заезжал, почесал затылок: сегодня вместо „Одиноких“ идет „Федор“, завтра вместо „Мертвых“ — „Смерть Грозного“, и того убыток дирекции от моей болезни — рублей 700–800, славно? Зато я не играю до 26-го,

о репетициях „Сестер“ скорблю сильно и дня через два укутаюсь, а поеду» (там же, стр. 234).

Буду писать Средину... — См. письмо 3231* и примечания к нему*.

Николай Николаевич — Соколовский.

3229. Н. П. КОНДАКОВУ

26 декабря 1900 г. (8 января 1901 г.)

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано: *Письма, собр. Бочкаревым*, стр. 24.

Н. П. Кондаков ответил 2 января 1901 г. (ГБЛ).

Шлю привет Вам из теплых стран... — В ответном письме Кондаков сообщал: «Многоуважаемый Антон Павлович, нам всем было очень приятно получить от Вас такое милое письмецо и под самый Новый год, когда мы, возвратившись из театра, сели за стол. Мы пили за Ваше здоровье, желая Вам окончательно поправиться в Ницце».

Сравнительно с Ялтой здесь изумительно хорошо... — Кондаков отвечал: «Я был очень доволен Вашим различием Юга Крыма и

Ривьеры! Меня всегда глубоко возмущало, когда хотели злонамеренно подорвать настоящее значение Ривьеры. Это, по-моему, единственное место для легочных болезней. Что я еще жив, я обязан Ривьере и, пожалуй, Белоголовому, память которого для меня священна».

Что нового в Питере? — На этот вопрос Кондаков ответил: «В университете 50 студ<ентов> исключено, хотя немногие совсем, на этот раз только за сходки. В Киеве исключено до 500 чел<овек>, в основании неприличный студ<енческий> скандал на Крещатике. Затем сходки и пр. И теперь ожидают сходок и опять исключений. Когда этому конец, ты, господи, веси!»

Что нового в Академии? — «23 янв<аря>, — писал Кондаков, — будет публ<ичное> зас<едание> 2-го отд<еления> с писателями: будут читать Кони о Соловьеве, Стасов о Бычкове, Арсеньев на свою тему».

Боборыкина выбрали-таки — и я очень рад. — О результатах выборов в почетные академики сообщалось в «Новом времени» (1900, № 8899, 4(17) декабря): «В происходившем в

императорской Академии наук 1 декабря соединенном заседании Отделения русского языка и словесности и Разряда изящной словесности произведены выборы в почетные академики. Списки кандидатов, предлагаемых в это звание, доставлены всеми ординарными академиками Отделения и всеми почетными академиками. Голоса отсутствующих академиков: графа Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, графа А. А. Голенищева-Кутузова и В. Г. Короленко, при баллотировании предложенных ими кандидатов, присоединились к числу избирательных голосов, поданных присутствующими академиками. На основании существующих постановлений избранным признается тот, кто соединит в свою пользу не менее двух третей голосов. Избранными оказались: К. К. Арсеньев, П. Д. Боборыкин, С. В. Максимов и В. В. Стасов». Кандидатуру П. В. Боборыкина выдвигали Чехов и Толстой (см. письмо 3057*). В письме от 1 декабря 1900 г. Кондаков также сообщал о результатах выборов: «Выбраны: К. К. Арсеньев, П. Д. Боборыкин, С. В. Максимов и В. В. Стасов. Баллотировалось всего 27 человек, но все прочие полу-

чили голосов менее 2/3 числа выборщиков». О Боборыкине Кондаков писал в письме от 2 января: «Боборыкин не сделал даже визита в <еликому> к <нязю> К <онстантину> К <онстантиновичу>, но прислал благодарственное письмо».

3230. В. М. ЛАВРОВУ

26 декабря 1900 г. (8 января 1901 г.)

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 114–115.

Открытка.

В. М. Лавров ответил 3 января 1901 г. (ГБЛ).

...поставил 5 франков на 13 ~ проиграл. —

Лавров отвечал: «Пять франков нет! Оплакиваю их. Хочешь, оплачу в стихах? или не стоит? Пожалуй, что так».

3231. Л. В. СРЕДИНУ

26 декабря 1900 г. (8 января 1901 г.)

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые (с пропуском) опубликовано: *Письма, собр. Бочкаревым*, стр. 135–136; полностью — ПССП, т. XVIII, стр. 433.

Л. В. Средин ответил 4 января 1901 г. (ГБЛ).

Уже идет вторая неделя, как я в Ницце... — Чехов приехал в Ниццу 14 декабря.

...здешние места после Ялты кажутся просто раем. — В своей переписке, а также в беседах с друзьями Чехов не раз высказывал свое резко отрицательное отношение к Ялте как курорту. М. К. Первухин приводит одну из таких бесед в своих воспоминаниях о Чехове: «После смерти Чехова не раз мало знавшие его люди пытались уверить, будто Чехов питал нежные чувства по отношению к Ялте, в которой он прожил последние годы своей жизни. На самом деле у Чехова было резко отрицательное отношение к Ялте. Иногда он откровенно ненавидел Ялту и, не стесняясь, высказывал это. Помимо жалобы на то, что жить в Ялте приходится, как в безвоздушном пространстве, Чехов жаловался и на многое другое:

— Дивное море, а Ялта в это море вываливает нечистоты. Чудесные горы, а Ялта не умеет провести дорог по этим горам. И те дороги, которые проведены, отравляют окрестности пылью. Настроили дворцов и вилл, но это — фасад. А за фасадом — каменные карма-

ны с насквозь прогнившими стенами. На набережной — магазины, которым и в Париже не стыдно показаться, а в двух шагах кофейни, на ночь обращающиеся в ночлежные приюты для беспаспортных. И это — символ всей жизни Ялты. Это — кофейня, она же — ночлежка. Настоящего, прочного, органически связанного с городом населения еще нету. Все не граждане, так сказать, а временные курортные арендаторы, которым до внесезона в высшей степени никакого дела нет. Прицелился, обобрал кого-нибудь, — а если обобранный завопил — гони его в шею. Жди другого» (М. К. Первухин. Из воспоминаний о Чехове. — *Чехов в воспоминаниях*, стр. 637–638).

Не знаете ли, где в настоящее время моя мать и сестра? — Вопрос был вызван долгим отсутствием писем от родных. 4 января Средин отвечал: «Дом Ваш стоит благополучно, и благополучно же живут в нем <...> Ваша матушка и сестрица, а к ним переехал И. А. Бунин. Он потолстел, повеселел, работает каждый день, не хандрит и не киснет».

...поклон Софье Петровне. — Жене Л. В. Средина.

...как себя чувствует в Ялте Надежда Ивановна... — Речь идет о матери Л. В. Средина. М. П. Чехова в своем письме от 5 марта 1900 г. к брату так характеризовала ее: «У меня часто бывает Надежда Ивановна Средина. Она очень милая старуха, и что она старуха — этого совершенно не чувствуешь. Живости необычайной, и по театрам, и по концертам, всем интересуется и не утомляется. Взгляды на жизнь самые современные. И либеральные!» (*Письма М. Чеховой*, стр. 154). Очень тепло отзывался о Н. И. Срединой М. Горький. В начале октября 1900 г. он писал Чехову: «У Книппер я обедал с женой <...> Тут же была мать Средина — прекрасная старуха. Удивительно, что все хорошие старухи, которых я знаю, обладают безобразными физиономиями» (*Горький*, т. 28, стр. 133).

3232. О. Л. КНИППЕР

26 декабря 1900 г. (8 января 1901 г.)

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 79–81.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 21 декабря и телеграмму от 26 декабря 1900 г.; Книпп-

пер ответила 2 января 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 238–240, 246 и 258–262).

Я получил сегодня твою телеграмму... — Телеграмма следующего содержания: «Inquiete, envoyé dix lettres, repondez Olga» («Беспокоюсь, послала десять писем, отвечай. Ольга» — *франц.*).

...как твоё здоровье? — Вопрос вызван сообщением Книппер в письме от 21 декабря о плохом самочувствии: «А твоя актриска все еще киснет, милый писатель, все еще не может, и все еще я не встала как следует, похожу да и устану — опять ложусь. Ночь спала плохо. Читаю по-английски и радуюсь, что все свободно понимаю, не совсем еще забыла. Читаю твои рассказы, прочла Горького „26 и 1“, и мне не понравилось — натянута. Прочла его „Трое“, т. е. в ноябрьской книжке, там окончания еще нет. Кончила „Воскресение“, наконец, дочитывала ночью во время бессонницы и как-то сжилась с партией политичес<еских> ссыльных, точно я среди них была; всплакнула раза два. А сейчас и читать долго не могу, болят глаза и лоб от насморка, и чувство, точно что-то налетает на лоб и я

все морщусь, чтобы защититься». В ответном письме Книппер писала о своем здоровье: «Я теперь здорова, хотя кашляю и голос отвратительный. Сегодня и завтра свободна».

Ты пишешь, что послала мне каких-то два письма... — Отклик на вопрос Книппер в письме от 21 декабря: «Получил 2 письма, которые я тебе переслала?» В ответном письме от 2 января 1901 г. Книппер недоумевала: «Меня поражает, что ты не получил 2-х вложенных писем — в синем конверте и с 3-мя марками, спроси на почте. Не может же пропасть».

Твое последнее письмо ~ оно написано так поэтично. — Чехов имеет в виду следующие строки письма Книппер от 21 декабря: «Сегодня у меня так славно солнышко светило в комнате и так чудно освещало Машин этюд — мы все загляделись, и захотелось тепла, лета... А когда солнце пошло дальше и ярко озарило мои сухие букеты и ленты с золотыми буквами, мне захотелось написать что-то, или стихотворение в прозе или просто набросать свои мысли. Сейчас я себе представляю себя в старости, вот также смотрящей на

сухие букеты и ленты, и захотелось бы, чтобы тогда воспоминания, целая вереница воспоминаний согревали бы душу, чтобы тепло было от дум о пережитом, чтобы не было остроты, боли. Хорошо бы ведь было, а? Ну — до старости еще далеко...»

3233. О. Л. КНИППЕР

26 декабря 1900 г. (8 января 1901 г.)

Печатается по подлиннику (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 79.

Телеграмма. Дата устанавливается по служебным пометам на бланке: Подана 8 I.3 ч. 29 м.; Принята 26 XII.1900.

Ответ на телеграмму Книппер от 26 декабря 1900 г.; Книппер ответила письмом от 27 декабря (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 246–248).

27 декабря 1900 г. Книппер писала: «Я тебя не понимаю, Антон! Меня тревожит мысль, что ты не получаешь моих писем, я не могу понять, что сие значит, посылаю телеграмму, а ты хоть бы одним словом ответил, получил ли хоть одно мое письмо. Подумай: в последнем письме ты пишешь, что не полу-

чал от меня ничего, и сам не будешь писать, и с тех пор я не имею ни одного письма — значит, ты все сидишь без моих писем, или как прикажешь понять все это? Я отправила тебе *10 писем*, как сообщала в телеграмме. Ты теперь, значит, в Monte-Carlo, как видно из твоей телеграммы? Играешь в рулетку? Или нет? Просто наблюдаешь за страстями бедных людей??»

3234. Ф. О. ШЕХТЕЛЮ

27 декабря 1900 г. (9 января 1901 г.)

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма, собр. Бочкаревым*, стр. 169.

Ответ на недатированное письмо Ф. О. Шехтеля с пометой «Среда»; на письме также имеется помета Чехова — «1900, XII»; Шехтель ответил письмом без даты, с пометой Чехова — «1900, XII» (ГБЛ).

...и вчера и третьего дня я был в Монте-Карло... — Ответ на запрос Шехтеля: «Отчего Вы не приехали в Monte-Carlo? Не простудились ли Вы или, может быть, Вы не хотите, чтобы Вам надоедали москвичи? Совсем

не рассчитывая на то или на другое, прошу Вас черкнуть мне с посланным, когда зайти за Вами пошляться на солнце, которое сегодня наконец-то должно показаться *après midi*, как уверяла меня сегодня моя горничная».

А сегодня я получил телеграмму от Вл. Немировича-Данченко... — Речь идет о телеграмме Немировича-Данченко от 26 декабря: «Mon argent envoyé ton nom. Arriverai demain matin» («Деньги отправлены на твое имя. Приеду завтра утром» — франц.) — ГБЛ.

А вечером не будете ли в Monte-Carlo? — В ответном письме Шехтель сообщал: «Дорогой Антон Павлович, удивительно, что мы не встретились третьего дня в Monte-Carlo, я просидел в Casino с 12 до 10 вечера и не безуспешно: выиграл около 3000 фр. Сегодня, чтобы встретиться с Вами, поеду опять и останусь весь вечер до последнего поезда».

А завтра в каком часу уезжаете? — Вопрос вызван сообщением Шехтеля: «Я завтра уезжаю — неужели мы не пообедаем сегодня вместе».

28 декабря 1900 г. (10 января 1901 г.)

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 81–83.

Ответ на письма О. Л. Книппер от 13, 15–16 и 18 декабря 1900 г.; Книппер ответила 4 января 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 219–221, 223–224, 226–228, 231–233 и 266–267).

Твоя нотация насчет Вены... — В письме Книппер от 16 декабря (см. примечания к письму 3207*).

...15 лет назад я ~ терялся за границей... — Впервые в Вене Чехов был в марте 1891 г.

Ты читаешь мне нагоняй за то, что не пишу матери. — В письме от 18 декабря Книппер запрашивала: «Отчего ты матери не черкнешь хоть несколько слов? Я сдуру с радостью сболтнула, что получила от тебя письмо, а потом почувствовала, что не надо было мне этого говорить. Ей было больно. Ведь ты ей прежде всегда писал, отчего же теперь так относишься невнимательно. Зачем огорчаешь старуху? Она подумает, что ты через меня изменился к ней. Будь с ней помягче, прошу тебя. Ведь она тебя любит и вы жили всегда хорошо, зачем же перемена? Напишешь ей, до-

рогой мой?»

...я писал и матери и Маше много раз... — См. письма к М. П. Чеховой от 15*, 17* и 22 декабря* и Е. Я. Чеховой от 18 декабря*. Книппер извещала Чехова о его родных 2 января: «Сегодня получила от Маши хорошее, покойное, любящее письмо. Я по ней тоже соскучилась. Матери там хорошо, и она не беспокоится, что останется одна. Бунин теперь у них. Теперь там пригревает, а то было скверно, сыро, шел дождь. Маша отдыхает, блаженствует, счастлива, что получает от тебя письма. В восторге от своей очаровательной комнатки».

За слова насчет Толстого спасибо. — В письме от 13 декабря Книппер сообщала: «...Лев Ант. <Сулержицкий> просил тебе написать, что Толстой очень жалеет, что не пришлось повидаться с тобой, он бы пришел сам, да боялся стеснить <...> Говорил, что не совсем понимает увлечение Горьким, что его „Трое“ не мог дочитать <...>» Об этом же писал и Сулержицкий Чехову в конце января — начале февраля 1901 г. из Лиона: «Лев Николаевич был очень огорчен, когда узнал, что Вы уехали. Он очень хотел Вас видеть и под-

жидал Вас все время к себе; он говорит, что несколько раз собирался быть у Вас и зашел бы непременно, но его останавливало то, что ему показалось, когда он был у Вас, что его посещение было Вам как-то стеснительно. „Но непременно передайте ему, что я его очень люблю и всегда был бы рад его видеть“ — „как же, как же“... — прибавил он несколько раз, про себя уже. И мне досадно, что этого не вышло. Я всегда стесняюсь в таких случаях говорить что-нибудь, чтобы не сделаться такой свахой какой-то писательской, мне это противно... А между тем я сам отлично знаю, что он был бы очень рад Вас видеть. Он всегда с большой похвалой говорит о Ваших работах и считает Вас лучшим писателем.

Кстати: прочел он „Трое“ Горького и говорит: „Теперь уж стар стал, и хочется читать больше, чем когда-либо, а вот не мог дочитать „Троих“. Неинтересно просто. Вот этого никогда не бывает с чеховскими вещами. Всегда, даже если вещь не нравится по содержанию, всегда прочтешь всю с большим интересом. Большой художник“. Потом еще говорил, что в „Трех“ в особенности ярко выделилась

эта черта Горького — заставлять героев говорить и, что еще хуже, делать то, что им несвойственно. „Разве такие эти мальчишки и такова разве их жизнь? Я знаю, что между ними и онанизм, и распутство, а он каких-то святых отроков изобразил“» (Л. А. Сулержицкий. Повести и рассказы. Статьи и заметки о театре. Переписка. Воспоминания о Л. А. Сулержицком. М., 1970, стр. 398).

В письме от 16 декабря Книппер сообщала о посещении Толстым одного из «чеховских вечеров», состоявшегося 12 декабря 1900 г. в Охотничьем клубе; вечер был устроен Обществом искусства и литературы, режиссером был Н. Н. Арбатов (Архипов). О впечатлении, которое произвел на Толстого театр, Книппер писала: «На днях был Толстой на „чеховском вечере“ и смеялся, говорят, до упаду, и ему очень понравилось».

А я так спешил с последним актом, думал, что он нужен вам. — О работе Художественного театра над «Тремя сестрами» Книппер сообщала в письме от 2 января — см. примечания к письму 3241*.

3236. О. Л. КНИППЕР

30 декабря 1900 г. (12 января 1901 г.)

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 83–84.

Ответ на письма О. Л. Книппер от 21, 23 и 24 декабря (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 238–240, 241–243, 244–245).

Последние твои письма немножко хмурые... — Книппер писала 24 декабря: «Сегодня сочельник, потому в доме традиционная суматоха. Вспоминаю, как и я когда-то участвовала в этой суматохе и любила, чтобы все было чисто, чтобы всем были сюрпризы. Теперь я равнодушна, меня даже тяготит все это. Хочу, чтобы ты был со мной, или я у тебя, и чтобы все было по-другому <...> Милый, мне скучно без тебя, я часто думаю и мечтаю о весне, когда мы будем вместе наконец».

...его кикимора сидела дома. — Е. Н. Немирович-Данченко.

Вчера же получил письмо от Вишневского. — В письме от 24 декабря Вишневский сообщал Чехову московские новости: «Очень усиленно репетируем „Трех сестер“. Труппа и все участвующие в этой чудной пьесе во главе с

К. С. Алексеевым так охвачены пьесой и так он ее ставит, что положительно приходится только все больше и больше удивляться неисчерпаемой фантазии; а главное: благородству, мягкости, художественной мере и совершенно новым еще неповторимым приемам и новшествам. Но все это жизненно и просто и есть чувство меры! „Я доволен, я доволен, я доволен!“ Повторяю, охвачен Алексеев пьесой, и думаю, что немалую пользу ему принесли советы, толкования и та художественная мягкость и благородство, с которой всегда к таким произведениям подходит и относится Владимир Иванович. Я убежден, уезжая, Вл<адимир> Ив<анович> все это внушил очень гениальному режиссеру и, наверное, предупредил его от тех ошибок, которые могут быть при его удивительной фантазии. Мы, по-видимому, Алексеева не знаем!!! Вчера была генеральная репетиция двум актам в декорации, гримах, костюмах и т. п. Для первой генеральной *прямо великолепно!* Присутствовал ваш полковник, который сделал несколько дельных и ценных замечаний, и, конечно, все было немедленно принято во

внимание. Мне самому неловко говорить про себя, но после 1-го акта Алексеев от умиления и восторга даже меня поцеловал, так я ему понравился игрою и гримом; а вся труппа и посторонние очень хвалили и много хохотали. Словом, я <могу> про себя сказать словами Кулыгина. *Feci, quod potui, faciant meliora potentes.* <Сделал, что мог, и пусть, кто может, сделает лучше. — *лат.*>. Скоро пришлю Вам фотографию Кулыгина. Первые акты играю в *форменном фраке*, а затем уже в последнем акте в новой форме с погонами Министерства народного просвещения. „Я доволен! Я доволен! Я доволен!“ <...> Немного тормозит репетиции болезнь О. Л. Книппер, но на днях она уже будет бывать на репетициях и пьеса пойдет страшно быстро. Не забудьте, дорогой Антон Павлович, как Вы мне обещались в 4-м акте *подпустить побольше теплоты*; очень хочется после трех актов смеха» (ГБЛ).

*Написал в Ялту одному доктору... — См. письмо Л. В. Средину от 26 декабря 1900 г.**

Вишневский писал, что Соленого играет Санин, а Вершинина Качалов. — В письме от 24 декабря Вишневский извещал Чехова: «Са-

нин попросил пARDону и играет с наслаждением, смакуя Соленого. Дублирует Алексееву в роли Вершинина Качалов, а не Судьбинин, ибо последний был очень слаб, а Качалов очень и очень симпатичен» (ГБЛ).

С В. И. Качаловым Чехов познакомился во время пребывания в Москве в октябре-декабре 1900 г. Знакомство произошло в Художественном театре на репетиции драмы Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся», в которой Качалов играл роль Рубека. Об этом знакомстве Н. Е. Эфрос пишет в своих воспоминаниях: «У Качалова Рубек не клеился. Не мог почти юноша выразительно передать все осадки прошлого этого гениального, но уже истощенного скульптора. Качалов был удручен. К нему подошел Чехов. Они познакомились. „Сколько вам лет?“ — участливо спросил Чехов. „Двадцать шесть“. — „Слишком мало! Жалко, что вам сейчас не 46. Ну, да от этого недостатка вы еще исправитесь...“ И прибавил ласково, улыбаясь глазами: „А какой вы еще будете большой актер! Очень, очень большой! И какое счастье, что вам не 46!“» («Воспоминания Н. Е. Эфроса». — *Ежегодник*

1901

3237. О. Л. КНИППЕР

1 (14) января 1901 г.

Печатается по подлиннику (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 84.

Телеграмма. Датируется по служебным пометам на бланке: Подана 1 I. 4 ч. 17 пополудни; Принята 1 I.1901.

Ответ на поздравительную телеграмму семьи О. Л. Книппер от 1 января 1901 г.; Книппер ответила 2 января (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 254 и 258–262).

...маму... — А. Н. Книппер.

...дядю... — А. И. Зальца, дядю О. Л. Книппер.

...Николашу... — Н. Н. Соколовского, знакомого семьи Книппер. Все эти лица подписали поздравительную телеграмму от 1 января 1901 г.

3238. МОСКОВСКОМУ ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТЕАТРУ

1 (14) января 1901 г.

Печатается по подлиннику (*Музей МХАТ*).

Впервые опубликовано: *Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 262.

Телеграмма. Датируется по служебным пометам на бланке: Подана 14. 1 ч. 7 м. пополудни; Принята 1 I. 1901 г.

Ответ на поздравительную телеграмму дирекции и артистов Художественного театра от 1 (14) января 1901 г. — *Ежегодник МХТ*, 1944, стр. 133.

3239. К. С. АЛЕКСЕЕВУ (СТАНИСЛАВСКОМУ)

2 (15) января 1901 г.

Печатается по автографу (Музей МХАТ). Впервые опубликовано: *ПССП*, т. XIX, стр. 7–8.

Ответ на письмо К. С. Станиславского без даты; наиболее вероятная дата — 19–21 декабря 1900 г.; Станиславский ответил письмом от января 1901 г. (*Станиславский*, т. 7, стр. 200–202 и 204–205).

...с новым театром... — Постройка здания Художественного театра в б. Камергерском переулке (переоборудование здания театра Омона), по проекту Шехтеля, была начата в 1902 г. (см. примечания к письму 3335*).

Что касается ~ «Трех сестер», то читать ее на графинином вечере нельзя... — Станиславский сообщал: «Княгиня Софья Андреевна Толстая, поощряемая мужем, устраивает благотворительный концерт, в котором просит меня прочесть только что написанную Л. Н. Толстым повесть „кто прав?“ Не допуская в этом концерте чтения произведений современных авторов, кроме Ваших, княгиня, конечно, мечтает о сценах из „Трех сестер“. Покаюсь, я оробел в присутствии Льва Николаевича и не решился отказать ей в этой просьбе. Я сказал только, что не имею права, без Вашего разрешения, допустить чтение отрывков еще не исполненной на сцене пьесы. Теперь вся надежда на Вас: не разрешайте!.. Или дайте что-нибудь вместо „Трех сестер“. Ваша пьеса, в которую я с каждой репетицией все больше и больше влюбляюсь, до того цельна, что я бы не мог выбрать отдельной сцены для чтения на концертных подмостках в Благородном собрании. Представьте себе простые, жизненные разговоры двух, трех чтецов, одетых во фраки, среди громадной залы и перед декольтированной, светской пуб-

ликой. Первое впечатление от пьесы при такой обстановке будет невыгодно, и, конечно, такого чтения допустить нельзя, пока пьеса не оценена публикой и печатью. Итак, ради бога, не разрешайте и найдите какой-нибудь другой выход». В письме к С. А. Толстой от 22 декабря 1900 г. Станиславский сообщал: «Пересмотрел внимательно „Три сестры“ и не нашел ни одной сцены, доступной для чтения в концерте. Пьеса написана разговорным языком, обрывчатыми фразами, очень характерными в целом, но не имеющими интереса взятыми в отдельности. Если бы прочесть целый акт — и тогда публика не получила бы понятия о пьесе. Быть может, у Антона Павловича есть неизданная повесть, которую он мог бы предложить для чтения. Я написал ему и об этом» (там же, стр. 202). В ответном письме Станиславский писал Чехову: «Вы напрасно взволновались, так как я и писал-то письмо для того, чтобы найти более удобный способ отказать княгине в ее просьбе» (там же, стр. 204).

Благотворительный концерт состоялся 17 марта 1901 г. Об этом сообщалось в «Русских

ведомостях» (1901, № 45, 15 февраля).

IV акт послан мною уже давно ~ на имя Владимира Ивановича. — IV акт «Трех сестер» был послан Чеховым Немировичу-Данченко 18 декабря 1900 г. (см. примечания к письму 3215*). Бандероль два дня лежала на почте. Станиславский в письме, на которое отвечает Чехов, сообщал: «Сегодня получил 3-й акт, и я приступаю к планировке. С нетерпением ждем 4-го акта. Не теряю надежды, что пьеса пойдет около 15 января, если не задержат инфлюэнцы, которые тормозят нам дело ужасно. Декорация 1-го акта готова и, по-моему, удалась. На днях Симов кончит и 4-й акт, кажется, будет удачно <...> Мы часто вспоминаем о Вас и удивляемся Вашей чуткости и знанию сцены (той новой сцены, о которой мы мечтаем)» (там же, стр. 201).

Я внес много перемен. — Немирович-Данченко, ознакомившись с четвертым действием «Трех сестер» по приезде из Ниццы в Москву, писал Чехову 22 января (4 февраля): «Относительно 4-го акта. Необходимы купюры. Сейчас пошлю тебе телеграмму, а подробнее — вот что: три монолога трех сестер — это нехо-

рошо. И не в тоне, и не сценично. Купюра у Маши, большая купюра у Ирины. Одна Ольга пусть утешает и ободряет. Так?» Вместе с письмом была послана следующая телеграмма: «*Ecrit grande lettre Drame va très bien* Donnez la permission de couper monologues des trois soeurs dans la fin du drame» <«Написал большое письмо. Драма идет очень хорошо. Дайте разрешение сделать купюры в монологах трех сестер в конце пьесы»> (*Ежегодник МХТ*, 1944, стр. 134–135).

...в III акте Наташа при обходе дома ищет жуликов под мебелью. — Об исполнении М. П. Лилиной роли Наташи Станиславский писал: «Когда Наташа заговорила по-французски, Калужский несколько минут валялся по полу от смеха (успокойтесь, жена не шаржирует этого места). При обходе дома, ночью, Наташа тушит огни и ищет жуликов под мебелью — ничего?» (*Станиславский*, т. 7, стр. 201–202). В ответном письме Станиславский сделал поправку: «Конечно, я напутал. Наташа ищет жуликов не в третьем, а во втором акте» (там же, стр. 204).

3240. О. Л. КНИППЕР

2 (15) января 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 84–85.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 11 декабря 1900 г.; Книппер ответила 7 января 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 213–215 и 269–271).

Твои письма, вероятно, все уже получены...

— Письма Книппер в первое время по приезде Чехова в Ниццу по ошибке попадали к некоему Черткову, который затем принес их Чехову (см. письмо 3235*).

От матери и Маши до сих пор не получил ни одного письма... — 2 января 1901 г. Е. Я. и М. П. Чеховы уже получили письма Чехова (см. примечания к письму 3235*).

...хотя 20 дек<абря> они уже имели мой точный адрес. — Чехов сообщил свой ниццкий адрес в письме к М. П. Чеховой от 15 декабря 1900 г.

Получил длинное письмо от К. С. Алексеева ~ Пишет насчет пьесы, хвалит исполнителей, в том числе и тебя. — В письме от 25 декабря 1900 г. К. С. Станиславский писал о работе Ху-

дожественного театра над пьесой «Три сестры»: «23-го декабря у нас состоится генеральная, очень черновая репетиция первых двух актов. Кажется, бог даст, пьеса пойдет недурно. Думаю, что будут хороши: Лужский, Вишневский, Артем, Грибунин, Москвин, жена, Мария Федоровна. Савицкая еще не отучилась от нытья. Ольга Леонардовна нашла прекрасный тон. Если займется им, будет играть прекрасно, если будет надеяться на вдохновение —? Мейерхольд еще не нашел настоящего тона и работает усиленно. Безусловно не подходят Громов и Судьбинин (даже как дублер). Шенберг юлит и понял, что он просмотрел клад, так как роль Соленого — это действительно клад для актера. Вероятно, он будет играть его. Дублером же, вместо Судьбинина, разрешите попробовать Качалова. Он будет приятен и благороден, Судьбинин уже не годится даже в денщики к Вершинину.

Актеры пьесой увлеклись, так как только теперь, придя на сцену, поняли ее» (Станиславский, т. 7, стр. 201).

Немирович под арестом ~ я его поэтому не вижу. — Немирович-Данченко с женой жил в

это время в Ментоне, куда был вызван к заболевшей сестре.

В пятницу водил его к Ковалевскому обедать... — Чехов с Немировичем-Данченко были у М. М. Ковалевского 29 декабря 1900 г.

Уже два раза был в Monte-Carlo, послал тебе оттуда телеграмму и письмо. — Чехов ездил в Монте-Карло 25 и 26 декабря 1900 г. (см. телеграмму от 26 декабря*). Письма из Монте-Карло нет среди известных нам писем. По-видимому, Чехов имел в виду письмо от 26 декабря, написанное им в день посещения Монте-Карло, но по возвращении в Ниццу.

Ты сказала Сулержицкому, что в Египет я не поеду? — В письме от 17 декабря 1900 г. Чехов просил Книппер передать Сулержицкому, что он передумал ехать в Африку.

Я теперь пишу... — Над чем работал Чехов в этот период, сказать трудно. М. М. Ковалевский вспоминал о своих беседах с Чеховым в это время: «Говорил <Чехов>, что хочет написать рассказ или повесть о сельском учителе, одном из несчастнейших, по его мнению, людей в России. — „Я знаю, — прибавлял он, — в мельчайших подробностях судьбу 30–40 учи-

телей моей местности, и поэтому в моем рассказе не будет ничего выдуманного» (Летопись, стр. 646).

Я тебя люблю ~ не понимаешь. — Книппер ответила: «Ты думаешь, я не чувствую, что ты меня любишь? Наоборот, дорогой мой, я убеждена, что меня никто так не любил и не будет любить, как ты. Что, скушал??»

3241. О. Л. КНИППЕР

2 (15) января 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 85–86.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 11 декабря 1900 г.; Книппер ответила 9 января 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 213–215 и 274–275).

...если не считать письма от 12 дек<аб>ря>... — Речь идет о письме Книппер от 11 декабря 1900 г., где она рассказывала о своем возвращении домой после проводов Чехова в Ниццу (см. о нем в примечаниях к письму 3206*).

Третьего дня я послал ему телеграмму... — Эта телеграмма не сохранилась. Вл. И.

Немирович-Данченко откликнулся на нее следующим письмом: «Видишь ли, что произошло. На вчерашний день я заранее заказал экипаж, чтобы ехать в Ниццу по знаменитой route de la corniche <дороге карниза>. Поэтому приехать к тебе seul avant midi <один около полудня> не мог. Но рассчитывал быть около часу у тебя — узнать в чем дело. Однако, я рассчитал неверно, выехали мы только в 10 1/2, оказалось, что в Ницце могли бы быть не раньше 3-х, а назад только к ночи. Поэтому, доехав до Тюрби, отпустили извозчика, а сами спустились по funiculaire'у в Монте-Карло, где и остались. Завтра, в среду, буду в Ницце — и у тебя до часу дня» (*Ежегодник МХТ*, 1944, стр. 132).

...поговорить насчет письма, которое я получил от Алексева. — См. примечания к письму 3239*.

Опиши мне хоть одну репетицию «Трех сестер». — Почти в каждом своем письме Книппер касалась работы Художественного театра над пьесой. 1 января 1901 г. она писала: «Вчера и сегодня была на репетиции. Сегодня размечали 3-ий акт без Конст. Серг. Завтра с ним.

Вчера вводили в пьесу Санина. Не знаю, как он будет.

Я прохворала и ни одной толковой репетиции не видала <...> Напиши, что Маша — все 4 акта в черном, или можно в сером, или в белой рубашечке?» (*Переписка с Книппер*, стр. 255–256). На следующий день она сообщала: «Завтра мы репетируем 3-й акт наизусть. Он размечен преинтересно. Опишу послезавтра. 4-й акт еще не читала, говорят, у меня сцена с Чебутыкиным, — я рада. Мне так хочется хорошо сыграть Машу! Скоро будет генеральная 3-х актов, тогда напишу больше, а теперь трудно, в черновике все» (там же, стр. 261). 4 января она писала: «Сегодня <...> на сцене ставили для осмотра декорацию 4-го акта, кот<орая> мне очень нравится. Завтра проходим все 3 акта. Мне моя Маша очень нравится, но 4-й акт в новом виде еще не получала, не знаю» (там же, стр. 266). В ответном письме от 7 января Книппер извещала: «Мы вчера после „Одиноких“ немного репетировали в пустом театре, и все почему-то были очень оживлены и дурили, Артема не оставляют в покое — передразнивают, в особенности Луж-

ский мастер на это. 14-го днем будет генеральная 3-х актов „Сестер“. Санин мне пока совсем не нравится, не знаю, что будет потом. И Мейерхольд не нравится — нет бодрости, крепости, жизни, — сухо! Только ты молчи об этом и не болтай, пусть другие говорят тебе, а то выйдет неприятность».

Не нужно ли чего прибавить или что убавить? — На этот и следующие вопросы Книппер отвечала 9 января: «Сегодня размечали 4-ый акт. Ты мне много прибавил, милый, но трудно ее играть. А роль сильно нравится. Станиславский за 3-й акт сказал, что я кармениста, надо более сонную и сдержанную. Декорация 4-го очень нравится. Завтра ждут Немировича, что-то он скажет. Думают первый раз играть 24-го».

...любви, которая продолжалась ~ так лет 15. — «Спасибо тебе за поцелуи и за благие пожелания, — писала в ответ Книппер. — Почему ты думаешь, что я не могу любить в продолжение 15-ти лет. Ах, ты мой Тото, Тото! А ты меня уже не можешь разлюбить? И не стыдно тебе этим заниматься, великий писатель земли русской? Путаться с актрисами?»

Ну все-таки получай крепкий, разгорячий поцелуй».

Изредка присылай мне какую-нибудь газетку (кроме «Русск<их> ведом<остей>»)... — «Русские ведомости» Чехов регулярно получал за границей.

Анонимный рецензент «Русских ведомостей» в отделе «Театр и музыка» писал о спектакле 1 февраля 1901 г. (№ 32): «Вчера в Художественно-Общедоступном театре состоялось первое представление пьесы „Три сестры“. Новое произведение А. П. Чехова представляет собой ряд сцен, драматическое настроение которых при полной простоте и даже будничности сюжета, постепенно сгущаясь, производит на зрителя под конец крайне безотрадное и гнетущее впечатление. Поставлена пьеса прекрасно. Большой успех имели и исполнители; их вызывали по несколько раз в каждом антракте. Второе представление назначено в субботу».

На следующий день в «Русских ведомостях» появилась развернутая рецензия на спектакль «Три сестры» за подписью «И». В ней писалось: «„Если бы можно было знать,

зачем жить, зачем страдать!“ Так или приблизительно так заканчивается пьеса А. П. Чехова, — и этими словами почти исчерпывается ее содержание. Жизнь не дает удовлетворения; надежды ведут к разочарованию, счастье оказывается мифом, светлые мечты разлетаются как дым. Для чего в таком случае жить, зачем страдать? Почти все действующие лица мучительно стремятся разрешить этот вопрос <...> Гнет жизни чувствуется почти всеми, и только временами перед умственным взором некоторых из них мелькает далекая перспектива счастливой жизни будущих поколений. „Мы живем для того, чтобы через 200–300, через 1000 лет люди жили лучше, радостнее, счастливее, чем теперь“. Настоящее поколение служит своего рода ком-постом, благодаря которому через сотни лет будут пышно произрастать красивые и яркие цветы будущего. Нынешнему поколению не предоставлено даже утешения в сознании, что оно по собственной воле и благодаря собственным усилиям подготавливает роскошные цветы будущего: все совершается само собою, и счастье грядущего, если даже оно действи-

тельно наступит, расцветает на страдании наших современников, желают последние этого или не желают. Как видите, это все тот же мотив, который звучал в прежних произведениях г. Чехова, в его рассказах и в драмах. Вся разница заключается, может быть, в том, что некоторые персонажи прежних его драм находили в сознании счастья будущих поколений предмет для больших своих страданий, а настоящие действующие лица пытаются в исторических судьбах человечества искать утешения от современных несчастий. Разница была бы, конечно, велика, если бы персонажи „Трех сестер“ выступили сознательными работниками в деле улучшения будущей участи человечества, но этого нет, — и грустный мотив звучит так же грустно, как в „Чайке“, как в „Дяде Ване“, хотя причины, по которым он слышится, изложены гораздо слабее, чем в названных пьесах <...> „Три сестры“ — не бытовая драма <...> картины провинциальной жизни в ней нет <...> не одно только провинциальное томительное существование имел в виду автор. По своим тенденциям это философско-символическая пье-

са — философская потому, что вся она написана для выражения авторского взгляда на жизнь и человеческие отношения, символическая потому, что многие сцены и фигуры обнимают нечто гораздо более широкое и общее, чем те рамки, в которые втиснул их автор. Такова, например, вся роль жены Андрея, символизирующая собою человеческую пошлость, такова последняя сцена, символизирующая одиночество страдания, тщетно вопрошающего, зачем жить; такова, очевидно, „Москва“, к которой стремятся сестры <....> Это — символ далекого и лучезарного идеала, к которому в тоске направляются думы страдающих. Самые характеры очерчены лишь настолько, насколько это необходимо для передачи общего тягостного впечатления от жизни <...> Почему тоскуют и томятся действующие лица? Почему не могут они делать активные шаги для приближения к своему светлому и радостному идеалу <...> В условиях их существования нет для этого непреодолимых препятствий <...> И тем не менее они не делают ничего <...> Почему? Может быть потому, что для активного стремления к идеа-

ду требуется нечто большее, чем простое желание: нужно общественное настроение, поддержка окружающих? Но придавать такое толкование пьесе значило бы слишком вторгаться в права автора, приписывая ему, может быть, совсем не то, что он хотел сказать.
<...>

Трудно найти достаточно похвальных слов для оценки общего исполнения. Не имея под руками текста пьесы, нельзя, конечно, сказать, какая часть полученного впечатления должна быть отнесена на счет самой драмы и какая на счет участников спектакля. Но что превосходная постановка и исполнение отдельных ролей придали жизнь многим отрывочным и недостаточно мотивированным сценам, в этом не может быть сомнения. Что касается до того, кто из исполнителей наиболее способствовал общему впечатлению безысходности страдания, составляющему суть драмы, то наше мнение по этому поводу мы можем выразить, только переписав афишу и упомянув таким образом имена г-ж Савицкой, Книппер, Андреевой, Лилиной, гг. Лужского, Вишневого, Станиславского, Ар-

тема, Мейерхольда, Громова, Москвина, Тихомирова и Грибунина».

Получил поздравительную телеграмму из Киева от Соловцова. — Телеграмма хранится в ГБЛ. Еще раньше, 10 декабря 1900 г. Н. Н. Соловцов послал Чехову телеграмму следующего содержания: «Надеюсь на любезность глубокоуважаемого Антона Павловича. Не откажите мне прислать теперь же пьесу „Три сестры“ и разрешить поставить Киев, Одесса». Чехов откликнулся на просьбу Соловцова, и пьеса «Три сестры» была поставлена в Киеве почти одновременно с постановкой в Московском Художественном театре (см. примечания к письму 3317*).

3242. Е. Я. ЧЕХОВОЙ

4(17) января 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 117.

...пришло письмо, посланное Машей 25 дек<абра>. — См. *Письма М. Чеховой*, стр. 163–164.

...в начале или середине февраля, вернусь уже в Ялту. — Чехов вернулся в Ялту из-за

границы 15 февраля.

...Мюр и Мерилиз сгорел. — См. письмо 3200

Поклон С. П. Бонье. — В письме от 28–31 декабря 1900 г. М. П. Чехова сообщала брату: «Приехала Софья Павловна, молодая и счастливая. Она тебя ждет и кланяется» (*Письма М. Чеховой*, стр. 165).

3243. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

5(18) января 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 119.

Открытка, на которой имеются почтовые штампы: Nice. 18 Janv. 01; Москва. 10 I.1901. Следовательно, она не могла быть написана позднее 5(18) января. По-видимому, Чехов ошибся при переводе нового стиля на старый, как и в письме к Ал. П. Чехову, датированному им также 6-м января.

Ответ на письмо А. Л. Вишневецкого от 29 декабря 1900 г.; Вишневецкий ответил 12 января 1901 г. (ГБЛ).

Поздравляю Вас ~ желаю побольше денег, славы и хорошей невесты. — Вишневецкий от-

ветил: «За Ваши новогодние пожелания очень благодарю, но ни денег, ни невесты у меня не будет, ибо кто служит в Художественном театре и любит его так, как я его люблю, тот ни денег, ни жены иметь не будет. Убивается не только индивидуальность, но даже какие бы то ни было посторонние желания и стремления, а уж о деньгах и жене и думать нечего! Не подумайте, что я жалуясь, напротив, мне это очень нравится. — „Я доволен, я доволен, я доволен!“»

Во фрак Вы облакаетесь только в I акте ~ нужно носить форму, какая была до 1900 г. — Ответ на вопросы Вишневого, связанные с работой над ролью Кулыгина в «Трех сестрах»: «Разрешите, ради бога, мой спор с Тихомировым, который военных совсем не знает и даже не был простым солдатом, а все спорит! Дело вот в чем: у военных, *около года*, произошло маленькое изменение в форме, даже не в форме, а только в ношении оружия. Прежде носили шашку на золотом ремне только штабные офицеры; для Вашей пьесы Вершинин должен иметь золотую португую, а все остальные офицеры — черный лакиро-

ванный ремень; но в настоящее время носят все офицеры золотую портупею. Я кричу и доказываю ему, т. к. он купил эти портупеи, что Кулыгин до 4-го акта носит старую учительскую форму, а только в 4-м акте одевает сюртук с погонами, то значит и все офицеры, за исключением Вершинина, должны носить пашки на черном лакированном ремне. Я не оспариваю, что пьеса современна, но Вы сами говорили мне, что действие происходит до введения даже новой учительской формы. А эта мелочь дает понять публике, что действие происходит несколько позже. Вы можете мне возразить, что есть у нас Ваш знакомый полковник, который наблюдает за правильностью формы; но пока Вы сами не утверждаете, что действие происходит хотя бы три года тому назад, — все будут спорить. Наконец, к чему мне было делать учительский фрак, если бы не Ваша ремарка, да и лично Вы мне говорили, что между 1-м и 4-м актами проходит около 6 лет?! Еще одно доказательство моей правоты: если действие происходит в Перми, то железная дорога проведена до самого города уже несколько лет, а у Вас есть

разговор Вершинина в 1-м акте, что вокзал от города в 20-ти верстах. Значит это было сравнительно давно! <...> Также прошу Вас убедительно написать, до которого акта мне не одевать мундира с погонами?»

Что новенького? — 12 января Вишневский сообщал о работе Художественного театра над «Тремя сестрами»: «Мы все репетируем и репетируем, т. к. третий и 4-ый акты довольно трудноваты. Владимир Иванович возвратился и принял большое участие в репетициях. Пьеса будет разыграна превосходно, за малым исключением (по секрету скажу: Мейерхольд уж очень *мрачен*, очень напоминает Треплева, а желательно было бы для пьесы и по самой его роли, чтобы он был *жизнерадостнее*). Когда окончателно у всех наладится, напишу подробнее <...> Новостей особенных нет никаких, а если что на свете происходит, то Вы лучше все знаете за границей, чем мы в Каретном ряду».

...в феврале я уже потянусь назад в Россию. — В ответ Вишневский писал: «Если это так, дорогой Антон Павлович, что Вы не передумаете и потянетесь в феврале в Россию, как

Вы мне написали, то мой совет — приезжайте к нам на последний спектакль, закрытие сезона, и Вы увидите „Трех сестер“. Если же этого нельзя будет, то приезжайте потом в Петербург. Я убежден, что Вы не успокоитесь, пока не увидите „Трех сестер“. А очень интересно! Разделаем мы пьесу, как говорят у нас в Таганроге, *под орех!*»

3244. Ал. П. ЧЕХОВУ

5 (18) января 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Неизд. письма*, стр. 184.

Открытка. «6 января», поставленное Чеховым в конце письма, дата старого стиля (ср. предыдущее письмо). Почтовые штемпели: Nice, 18 Janv. 01; С.-Петербург. 9 I.1901 и, следовательно, письмо не могло быть написано позднее 5(18) января.

Пришли мне из «Исторического вестника» свою статью об А. П. Коломнине. — Речь идет о статье Ал. П. Чехова «Памяти Алексея Петровича Коломнина», напечатанной в январской книжке «Исторического вестника» за 1901 г. Эта статья была заказана Ал. П. Чехову редак-

цией «Исторического вестника».

3245. И. П. ЧЕХОВУ

5(18) января 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 118.

3246. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

6 (19) января 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: с датой 4 января 1901 г. — *Неизд. письма*, стр. 35; в *ПССП*, т. XIX, стр. 14 — с датой: 7 января 1901 г.

Открытка (с видом Нуёres). Дата устанавливается по почтовым штемпелям: Nisa. 19 Janv. 01; Москва. 10 I. 1901.

А. Л. Вишневский ответил 12 января 1901 г. (ГБЛ).

...как только Маша приедет в Москву... — М. П. Чехова приехала в Москву из Ялты 15 января (см. ее письмо к Чехову от 17 января 1901 г. — *Письма М. Чеховой*, стр. 169), о чем Вишневский и сообщил в ответном письме.

Как идет пьеса? — См. примечания к письмам 3240*, 3247*, 3249*, 3251*. О репертуарном

положении дел в Художественном театре и в связи с этим о работе над «Тремя сестрами» писалось в газете «Русское слово» (№ 4 от 5 января 1901 г.), в отделе «Театр и музыка»: «Насколько любопытство москвичей к нашим „художественникам“ поостыло за последнее время, блестящим показателем может служить „Доктор Штокман“ — одна из лучших постановок в этом театре. Тогда как „Царь Федор Иоаннович“ пойдет вскоре в сотый раз, пьесы вроде „Штокмана“, „Мертвых“ насилу одолели два десятка представлений, а сборы стали прогрессивно падать. Поэтому здесь немало возлагают надежд на чеховскую пьесу „Три сестры“, теперь спешно „начитываемую“ артистам этого театра гг. режиссерами. С постановкой думают поспеть к 20-м числам текущего месяца, а пока думают попробовать вторично привлечь публику „Возчиком Геншелем“, недолго продержавшимся в репертуаре».

3247. О. Л. КНИППЕР

6(19) января 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые

опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 86–87.

О. Л. Книппер ответила 11 января 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 276–278).

...в Pension Russe, я изучал киевских профессоров... — Одновременно с Чеховым в Pension Russe находились два профессора из Киева: М. Ф. Владимирский-Буданов и А. А. Коротнев.

От Маши получил, наконец, письмо. — Письмо из Ялты от 25 декабря 1900 г. (*Письма М. Чеховой*, стр. 163–164).

Вчера я писал Вишневному... — Это письмо, вероятно, Чеховым было переписано, так как письма от 5 и 6 января начинаются одинаково: «Милый Александр Леонидович», а не Леонтьевич, как упоминается здесь.

...одного русского доктора... — А. Л. Эльсница (подробнее о нем см. в примечаниях к письму 3219*).

Как идут «Три сестры»? — О работе Художественного театра над «Тремя сестрами» Книппер сообщала 11 января: «Вчера засиделась поздно и ночью учила 4-ый акт еще. Встала рано <...> затем мерила у портнихи платья для „Сестер“ и прямо на репетицию. Проходили 2 раза третий акт. Немирович

смотрел и многое, кажется, изменит <...> Станислав<ский> вчера беседовал со мной больше двух часов наедине, прошелся по всей моей актерской натуре, опять упреки за неумение работать, что я слишком много переиграла ролей за эти три года, что я слишком много уже показала себя публике, что я никогда не бываю готовой к 1-му спектаклю, а только к 15-му etc...Мне с ним очень трудно говорить».

Ты мне не пишешь. — «Дорогой мой, родной мой, ты жалуешься все, что не получаешь писем, но ведь я писала все время или каждый день, или через 2 дня! За что ты на меня ворчишь?» — писала Книппер в ответном письме.

Если ты влюбилась в кого-нибудь, то напиши... — На эту реплику Книппер ответила: «Не болтай глупости, вроде того, что влюбилась, тебя забыла etc... — если бы даже хотела, то времени нет. Чудак ты, мой „старец Антоний“! Можешь продолжать меня мысленно целовать и обнимать, не думай плохо обо мне и люби меня по-прежнему. Ты думаешь о нашем свидании? Где оно произойдет? Я поня-

тия не имею».

3248. М. А. ЧЛЕНОВУ

6(19) января 1901 г.

Печатается по автографу (ГЛМ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 119–120.

М. А. Членов ответил телеграммой от 13 января 1901 г. (ГБЛ).

...припомните один из наших разговоров — насчет клиники кожных болезней... — Письмо к Членову было вызвано встречей Чехова с О. Р. Васильевой, выразившей желание употребить часть денег, которые она должна была выручить от продажи дома в Одессе, на создание медицинского учреждения. Чехов порекомендовал ей пожертвовать деньги на устройство клиники кожных болезней. О необходимости такой клиники говорил Чехову доктор М. А. Членов, с которым он встретился в Москве в ноябре 1900 г. В письме от 14 ноября 1900 г. он просил Чехова: «Мне бы очень хотелось (более того — это даже необходимо) повидаться с Вами и посоветоваться с Вами, так как я чувствую себя очень плохо и совершенно упал духом. Поэтому, если у Вас

найдется для меня немного свободного времени, будьте добры сообщите мне, когда и где я Вас могу увидеть» (ГБЛ). В письме от 16 ноября 1900 г. Членов снова обращался к Чехову с просьбой о свидании.

...если достаточно 120 тысяч, то телеграфируйте мне... В телеграмме от 13 января Членов писал: «Somme suffisante idée mérite votre nom envoyé lettre» («Сумма достаточна, идея заслуживает вашего имени. Письмо послано» — *франц.*). См. примечания к письму 3264*.

3249. О. Л. КНИППЕР

7(20) января 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 86–87.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 2 января 1901 г.; Книппер ответила 13 и 15 января (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 258–262, 278–279 и 282–284).

...твое письмо с описанием вечера у Лужского. — В письме от 2 января содержится пространное описание вечера, проведенного у Лужского: «Вчера, милый мой, я отчаянно

кутила и приехала домой — ужасайся — в 7-м часу утра! Вчера были именины Вас. Васил. Лужского и весь театр был у него. Мы играли „Одиноких“, а потом отправились туда гуртом. Пир был на славу <...> Приезжали к ним 2 партии ряженных <...> 2-я партия была очень интересна. Выдумка предводителя Общества искусства и литературы — Архипова. Он в рыжем парике и с длинейшим носом, демонстрировал свой магазин кукол всевозможных пород. Сначала все куклы — человек сорок — прошли маршем, потом показывались каждая в отдельности. Лакеи приносили, ставили, заводили, и куклы показывали свое искусство. Мы все смеялись без конца, так это было талантливо и интересно. Фурор произвела Снегурочка — „Манекен, за ненадобностью продававшийся в Худож. Общ. театре“, как заявил владелец куклы. Снегурочка от страха, что ее так затеряли в Москве, начала сразу говорить из всех 5-ти актов, и с очень ловким, метким обращением к Станиславскому. Это было очень забавно и остроумно <...> Когда разъехались посторонние, мы, „художественники“, забрались в отдельную темную, уют-

ную библиотеку и пели цыганские песни, на гитаре отличался Борис Алексеев, его жена запевала, у нее милый голос. Потом сидели, болтали и разошлись в 7-м часу. Встала я в 11 1/2. Репетицию, конечно, отменили сегодня».

Ты спрашиваешь о судьбе письма... — В письме от 2 января Книппер недоумевала: «Меня поражает, что ты не получил 2-х вложенных писем, — в синем конверте и с 3-мя марками, спроси на почте. Не может же пропасть».

В «Вестнике Европы» только что прочел повесть Боборыкина «Однокурсники». — Повесть П. Д. Боборыкина печаталась в «Вестнике Европы», № 1–2 за 1901 г.

...в ней изображается Художеств<енный> театр и восхваляется М. П. Лилина. — В повести Боборыкина Художественный театр и Лилина, игравшая в «Чайке» Машу, не названы, но по содержанию можно понять, что речь идет именно о них. Герой повести Заплатин отправляется в театр: «В студенческой братии этот театр — самый любимый, и почти каждый вечер в кассе аншлаг: „Билеты все проданы“ <...> Добыл он себе билет на пьесу, кото-

рую читал больше двух лет назад, но не видал здесь. Она в Петербурге потерпела примерное крушение, а здесь вызвала овации в первый же спектакль и с тех пор не сходит с репертуара». О впечатлении Заплатаина о самой пьесе в повести говорится: «Весь первый акт он сильно напрягал внимание. Но он не мог вполне отдаться тому, что происходило перед сценой и что говорила актриса о том ужасе, когда все живое погибнет и земля будет вращаться в небесных пространствах, как охолодевшая глыба. Когда он читал пьесу, все это его не то что раздражало, а смущало». Первый акт не волновал героя повести «и не трогал его. И вдруг один женский возглас, полный слез и едкого сердечного горя, всколыхнул его <...> Со второго акта эта заеденная жизнью девушка, некрасивая, не очень молодая, пьющая водку и нюхающая табак — выступила вперед. Актриса — он видел ее в первый раз — заставила его забыть, что ведь это она „представляет“. Ее тон, мимика, говор, отдельные звуки, взгляды — все хватало за сердце и переносило в тяжелую, нескладную русскую жизнь средних людей. Ее только и

было ему жаль, а не ту героиню с порывистой страстью полупсихопатки и к сцене, и к писателю — „эгожисту“ с его смакованьем самоанализа и скептическим безволием бабника <...> И общее впечатление беспощадной правды держалось неизменно при чередовании сцен, где так искренно и чутко было передано „настроение“. Но душа его просила все-таки чего-то иного. После бурной сцены между матерью и сыном им овладело еще большее недомогание. Хотелось вырваться из этого нестерпимо-правдивого воспроизведения жизни, где точно нет места ничему простому, светлому, никакому подъему духа, никакой неразбитой надежде <...> Погибни все они, эти нытики, поставленные автором в рамки своих картинок, — и он, Иван Заплатин, ни о ком не пожалеет, кроме вот той деревенской „девули“, пьющей водку, да и то, вероятно, оттого, что актриса так чудесно создала это — по-актерски выражаясь — „невьирышное“ лицо <...> Чем объяснить такой успех, такое увлечение? Неужели молодые души жаждут картин, от которых веет распадом сил и всеобщим банкротством? Он не мог и не хотел с

этим согласиться. Привлекали творчество, талант автора и небывалая чуткость сценического воспроизведения. Жизнь — какова бы она ни была — всегда ценна и дорога, если художник-писатель, художник-актер и художник-руководитель сцены — одинаково преданы культу неумолимой правды». Героиня повести также восторгается «Чайкой» и ее постановкой в Художественном театре («Вестник Европы», 1901, № 1, стр. 65–72, 89–92).

Идет речь о ~ «Дяде Ване». — О постановке «Дяди Вани» на сцене Художественного театра и об игре Лилиной говорилось в повести: «Давали вещь того же автора, написанную в таких же нотах. Он <Заплатин> опять восхищался актрисой, что играла тогда неудачницу, пьющую водку. И тут она неудачница, еще более жалкая, но молодая, трепетная, с несчастной страстной любовью, обреченная прозябать в глуши, работая, как крепостная, на своего фразера, бездарного отставного профессора» (там же, стр. 94).

Ты ничего не пишешь о том, как идет пьеса... — Книппер сообщила 15 января: «О пьесе не могла пока писать, т. к. сами мы пока были

в пеленках, что же я тебе верного могла написать? Вчера была генеральная 2-х актов. В общем, всем понравилось, хотя не все еще готово. Пьеса и говорить нечего, смотрится с сильным интересом, захватывает. Что уж говорить, великий мой мастер. Исполнение, говорят, концертное. Не удовлетворяет всех, кажется, Мейерхольд. Андреева и Савицкая хороши. Лужский и Вишневский тоже. Станиславский еще не вступал. У меня насчет Маши был длинный разговор сегодня с Немировичем. Станиславский говорит, что я слишком драматизирую роль. Понимаешь, роль еще не перебурлила».

...15 янв<аря> я поеду в Алжир. — Эта поездка не состоялась.

Твой Тото, потомственный почетный академик. — Книппер спрашивала в письме от 15 января 1901 г.: «... милый мой Тото. Что это за кличка, кстати? Академик Тото — прелестно! Ну-с, m-eur Тото, целуйте меня покрепче, думайте обо мне побольше, будьте жизнерадостны, здоровы, покойны за меня».

8(21) января 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 120.

Открытка.

...радуюсь, что Вы не скучаете. — См. об этом примечания к письму 3211*.

Очень радуюсь ~ гостит у нас... — 28 декабря 1900 г. М. П. Чехова сообщала брату: «Бунин приехал и остановился у нас внизу» (*Письма М. Чеховой*, стр. 165). Об этом периоде своей жизни И. А. Бунин вспоминал: «Да, в январе 1901 года я все еще жил у Чеховых. Сохранилась у меня даже запись тех времен: Крым, зима 1901 года, на даче Чехова. Чайки как картонные, как яичная скорлупа, как поплавки возле клонящейся лодки. Пена как шампанское. Провалы в облаках — там какая-то дивная неземная страна. Скалы известково-серые, как птичий помет. Бакланы. Су-ук-Су. Кучук-Кой. Шум внизу, солнечное поле в море, собака пустынно лает. Море серо-лиловое, зеркальное, очень высоко поднимающееся. Крупа, находят облака. Красавица Березина (!) 31 января было первое представление „Трех сестер“, конечно Марья Павловна

<ошибка памяти Бунина — ее в это время в Ялте не было> и „мамаша“, как мы все звали Евгению Яковлевну, очень волнуются. К Синани должна была прийти телеграмма из театра. Их слуга Арсений посылается к Синани. Марья Павловна просит из города позвонить по телефону. Минут через двадцать Арсений взволнованным голосом сообщает:

— Успех агромадный...

Собрались гости: местная начальница гимназии В. К. Харкеевич, С. П. Бонье, Средины; конечно, выпили по этому случаю. В начале февраля Марья Павловна уехала в Москву, а я остался до приезда Антона Павловича с мамашей, с которой у меня была большая дружба и которая мне много рассказывала об Антоше. В каждом ее слове чувствовалось обожание» (И. А. Бунин. Чехов. — Чехов в воспоминаниях, стр. 531–532).

Вчера получил письмо ~ о смерти нашего журавля. — В Ялте на даче Чехова жили два прирученных журавля. В августе один журавль исчез. В письме от 28–31 декабря 1900 г. Мария Павловна писала: «Второй журавль нашелся, но он заболел, лежит у Марьюшки в

кухне на рогожке и, кажется, издохнет. Говорят, он ушибся, играя с кривым журавлем» (*Письма М. Чеховой*, стр. 165–166), а через день она сообщила о смерти журавля.

А Маша уехала? — 10 января М. П. Чехова писала: «Послезавтра, 12-го, я уезжаю в Москву с Л. Н. Шаповаловым. Вчера он был и просил ехать вместе» (там же, стр. 168). 12 января Е. Я. Чехова извещала сына: «Сегодня утром в 8 час. Машу проводила в Москву, она поехала с Л. Н. Шаповаловым» (*ГБЛ*).

3251. О. Л. КНИППЕР

11(24) января 1901 г.

Печатается по автографу (*ГБЛ*). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 88–89.

О. Л. Книппер ответила 15 января 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 282–284).

...сто лет прошло, как от тебя нет писем.

— На этот упрек Книппер отвечала: «Повторяю тебе еще раз, что больше двух дней я не пропускала, даже, кажется, больше одного дня. Не понимаю, куда попадают мои письма — опять к какому-нибудь господину, верно. Адрес пишу полный».

...я уезжаю в Африку. — Чехов намеревался уехать с М. М. Ковалевским в Алжир 21 января, однако поездка не состоялась из-за начавшейся бури на море.

Хоть бы написала, что делается с «Тремя сестрами». — См. примечание к письму 3253*. Газета «Русское слово» 19 января (№ 18) 1901 г. сообщала в подборке «Театр и музыка»: «В Художественно-Общедоступном театре вчера окончательно были определены дни первого представления пьесы Чехова „Три сестры“ и сотого представления трагедии „Царь Федор Иоаннович“, новинка будет дана в первый раз 30-го января, а затем будет ставиться три раза в неделю до окончания сезона. Как мы узнали, новая пьеса Чехова „Три сестры“ пойдет в первые дни ее представлений с участием г-ж Андреевой, Книппер, Лилиной, Савицкой, Самаровой и гг. Лужского, Станиславского, Мейерхольда, Санина, Вишневого, Москвина, Артема и Тихомирова». См. об этом также «Русские ведомости», 1901, № 18, 18 января.

Приехала в Москву Маша? — Книппер писала 15 января: «Маша приехала вчера, я еле

успела ее встретить, т.к. генеральная кончилась около 6-ти, и я летела на лихаче и то опоздала, — уже публика валила из вагонов. Маша приехала с Шаповаловым. Она отдохнула, веселая, хорошая. Бунин остался с матерью».

3252. Е. Я. ЧЕХОВОЙ

13(26) января 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: «Красный архив», 1929, № 6(37), стр. 179.

Открытка.

Варвара Константиновна — Харкеевич.

Надежда Ивановна — Средина.

Софья Павловна — Бонье.

Бабушка — М. Д. Беленовская.

3253. О. Л. КНИППЕР

14(27) января 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 89–90.

Год устанавливается по содержанию: пребывание в Ницце, предполагаемая поездка в Алжир (см. письмо 3275*), репетиции «Трех се-

стер», отмена спектакля «Дядя Ваня» 10 января 1901 г. (см. ниже).

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 9 января 1901 г.; Книппер ответила 18 января (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 274–275 и 286–289).

...я читал в «Русск<их> ведом<остях>», что «Дядя Ваня» отменяется. — Речь идет о спектакле 10 января. Книппер ответила: «С чего ты взял, что я больна? „Дядю Ваню“ отменили, т. к. была жаба у Лилиной».

Ты писала только насчет Санина и Мейерхольда... — В письме от 7 января 1901 г. (см. примечания к письму 3240). Санин дублировал в пьесе «Три сестры» роль Соленого, Мейерхольд играл Тузенбаха.*

...я подозреваю, что пьеса моя уже проваливается. — Книппер ответила: «Что за нелепость думать о провале! Господь с тобой! Пьеса безумно интересно смотрится. Целиком мы ее еще не прошли. У всех идет хорошо, только у Мейерхольда нет жизнерадостности и Санин еще не вполне владеет тоном. Сегодня славно, крепко работали над 2-м актом. Пишу мало, потому самой все еще не совсем было ясно. Ведь ты не любишь говорить о том, над

чем работаешь, так вот и мне не болтается. Ты не сердись, дорогой мой, и не волнуйся. Сегодня вечером я с Немировичем хорошо занялась Машей, все себе уяснила, укрепила и люблю эту роль страшно. Она идет как-то особняком, правда? Каяться буду не громким голосом, но с сильным внутренним темпераментом, и с отблеском счастья, если так можно выразиться. Движений почти никаких, глаза... ну, это я уже болтаю как актриса, и ты можешь не так понять. Во 2-ом акте Немирович настаивает, чтобы Вершинин и Маша не были бы одинокими, а чтобы было впечатление, что они нашли друг друга, и чтобы чувствовалось счастье любви. В конце Станиславский установил, что под вальс, который играет Тузенбах, танцуют Ирина и Роде, а Маша врывается русским вальсом со словами: барон пьян; ее подхватывает Федотик, но она отталкивает его и кружится одна. Тебе это нравится? <...> Декорации очаровательные. Чудесная еловая длинная аллея в 4-м акте, дом с большой террасой, с крыльцом, где происходят проводы офицеров и прощание Маши с Вершининым. Ничего, если я в по-

следнем моем финальном монологе сделаю купюру? Если мне трудно будет говорить его? Ничего ведь? Мне очень нравится планировка роли Маши в 4-м акте. Да вообще вся роль — чудо! Если я ее провалю, махну на себя рукой! Мария Петровна — отличная Наташа. Андрей, офицерики, Ферапонт — хороши; Федотик что-то не совсем, ну да еще подделает».

...виделся с Немировичем-Данченко и говорил с ним, то мне было очень скучно... — В начале января 1901 г., когда Чехов встречался с Немировичем-Данченко в Ницце, Владимир Иванович не был хорошо знаком с пьесой «Три сестры» и не представлял еще, как будет осуществляться постановка ее на сцене Художественного театра. Позже, в письме от 22 января (4 февраля) 1901 г. Вл. И. Немирович-Данченко писал Чехову: «Теперь я наконец могу дать тебе отчет о „Сестрах“. По приезде я сначала посмотрел, по два раза акт, посмотрел и расспросил у Константина Сергеевича, чего не понимал в его замысле. С тех пор я вошел в пьесу хозяином и все это время, каждый день, работаю. Конст<антин> Серг<еевич> прорабо-

тал над пьесой очень много, дал прекрасную, а местами чудесную *mise en scène*, но к моему приезду уже устал и вполне доверился мне. Сначала пьеса казалась мне загроможденной и автором, и режиссером, загроможденной талантливо задуманными и талантливо выполняемыми, но пестрящими от излишества подробностями. Я понимал, что актеры еще не сжились с ними, и все-таки мне их казалось много. Я говорю о всевозможных переходах, звуках, восклицаниях, внешних эффектах и проч. и проч. Мне казалось почти невозможным привести в стройное, гармоническое целое все те клочья отдельных эпизодов, мыслей, настроений, характеристик и проявлений каждой личности, без ущерба для сценичности пьесы или для ясности выражения каждой из мелочей. Но мало-помалу, после исключения весьма немногих деталей, общее целое начало выясняться, и стало ясно, к чему и где надо стремиться <...> Фабула разворачивается, как в *эпическом* произведении, без тех толчков, какими должны были пользоваться драматурги старого фасона, — среди простого, верно схваченного течения жизни.

Именины, масленица, пожар, отъезд, печка, ломка, фортепьяно, чай, пирог, пьянство, су-мерки, ночь, гостиная, столовая, спальня де-вушек, зима, осень, весна и т. д. и т. д. и т. д. Разница между сценой и жизнью только в мирозерцании автора — вся *эта* жизнь, жизнь, показанная в этом спектакле, прошла через мирозерцание, чувствование, темперамент автора. Она получила особую окраску, которая называется поэзией <...> Это все, т. е. жизнь и поэзия, будет достигнуто, и фабула развернется. Подробности, казавшиеся мне сначала многочисленными, уже обратились в тот фон, который и составляет житейскую сторону пьесы и на котором развиваются страсти или, по крайней мере, их проявления» (*Избранные письма*, стр. 229–231).

Собираюсь с Ковалевским в Алжир ~ уеду туда 21 января. — См. примечания к письму 3251*.

...получил твое письмо. — Письмо от 9 января 1901 г.

Цветов Марии Федоровне я не посылал... — В письме от 9 января Книппер спрашивала: «Антон, ты прислал Марии Федоровне <Ан-

дреевой> цветы из Ниццы? Она говорит, что судя по почерку — ты. Ее, бедную, конка вывернула из саней, и она ходит с подвязанной рукой, вывихнула плечо».

Твой Тото... — Эта шутовская подпись вызвала недовольство Книппер: «Как к тебе не идет кличка Тото! Не смей! Выдумай другую».

3254. И. А. ТИХОМИРОВУ

14(27) января 1901 г.

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XIX, стр. 18.

Ответ на письмо И. А. Тихомирова от 9 января 1901 г. (ГБЛ).

Ирина не знает, что Тузенбах идет на дуэль... — Ответ на просьбу Тихомирова рассудить спор: «Знает ли твердо Ирина, что Тузенбах идет на дуэль (4-ый акт) или только смутно догадывается. Мне лично кажется, что она лишь догадывается, а других сбивает фраза Ирины: „Я знала, я знала“ (когда она слышит о том, что Тузенбах убит) <...> Теперь мы заняты именно четвертым актом, и очень важно выяснить этот вопрос, чтобы не осветить Ирину ложным светом».

Чебутыкин поет только слова... — Ответ на следующий вопрос Тихомирова: «Есть маленькая подробность. В последней редакции третьего акта у Вас стоит так: „А у Наташи романчик с Протопоповым (поет). Не угодно ль этот финик вам принять“. Я понял, что ремарка — „поет“ относится к словам — „не угодно ль этот финик вам принять“, т. е. эту последнюю фразу Чебутыкин поет (быть может, взята даже из какого-нибудь романса или куплетов). А режиссеры, а за ними и Артем решили так, что Чебутыкин, сказавши „у Наташи романчик с Протопоповым“ — что-то напевает и уже потом говорит — „не угодно ль этот финик вам принять!“... Кто из нас прав?»

...Соленый думает, что он похож на Лермонтова... — Чехов отвечает на следующий запрос: «Соленого начал репетировать Санин. Так, конечно, и должно бы быть с самого начала. Новая редакция роли Соленого его увлекла, но благодаря этому увлечению он чуть было не пошел по ложному пути — он ухватился за сходство с Лермонтовым и стал строить роль на каком-то демонизме. Выходило и тяжело и фальшиво, но на последних ре-

петициях его удалось уговорить отказаться от этого толкования. Между прочим, каково это сходство с Лермонтовым? Действительное или только кажущееся Соленому? Мне думалось, что эта черточка чуть-чуть комического характера».

...в марте буду уже дома... — Чехов приехал в Ялту 15 февраля.

Ваше письмо ~ растрясло мою меланхолию. — Тихомиров писал о работе Художественного театра над постановкой «Трех сестер»: «Вчера во время репетиции „Трех сестер“ Станиславский, объясняя настроение и конфузливость Соленого в присутствии Ирины, рассказал нам, как он сам конфузится и не находит что сказать в Вашем присутствии и не почему-либо иному, а именно потому, что Чехову он имеет очень много сказать и пересказать <...> Репетиции „Сестер“ идут ежедневно, но несмотря на это пьеса далеко еще не готова, хотя уже была одна генеральная, а вторая назначена на 14-ое января; может быть, приезд Немировича поможет делу двинуться быстрее, а пока очень многое не вытанцовывается у нас. Федотик лично мне

доставил уже немало страданий. Я за эти последние три года сидел все время почти исключительно на ролях стариков, и сразу преобразиться в молодого человека, смотрящего с доверчивой улыбкой на все окружающее, мне довольно-таки трудно. <...> А пьеса, уже теперь ясно, будет иметь большой успех. Знаете ли, что среди ваших актеров есть несколько человек таких, которые не пропускают ни одной репетиции, хотя сами они в пьесе и не заняты, но каждый день аккуратно они являются в театр и с все возрастающим интересом смотрят каждую репетицию — настолько уже теперь силен захват этой пьесы. Великолепно играет М. П. Лилина Наташу. Она идет прямо-таки впереди всех и несомненно даст яркое и вполне художественное лицо. Большой успех будут иметь О. Л. Книппер и М. Ф. Андреева. Хороша нянька М. А. Самарова. У мужчин дело подвигается ту же. Первым идет, по-моему, как бы Вы думали кто? — Феррапонт — Грибунин. Талантливый он человек. Быстро овладел ролью А. А. Вишневецкий, и она у него уже почти готова. С ролью Вершинина случилось нечто вроде кон-

курса. Первым репетировал его Судьбинин, но у него Вершинин выходил сухим резонансом, даже грубоватым армейцем. Нечего и говорить, что такой Вершинин никого удовлетворить не мог. Станиславский объяснял и показывал Судьбинину Вершинина очень интересно, хорошо, но сам его еще не пробовал репетировать. Случилось, что Судьбинин захворал, и вместо него был вызван Качалов, и с первой же репетиции стало ясно, что именно он справится с этой ролью. Его мягкая манера, красивый голос и природная мечтательность очень пригодятся ему в этой роли, которая осталась за ним <...>. Итак, как видите, теперь мы целиком живем Вашими „Тремя сестрами“...»

...поклонитесь Вашей сестре. — Александре Александровне, служившей в конторе Художественного театра.

3255. Е. Я. ЧЕХОВОЙ

14(27) января 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано «Красный архив», 1929, № 6(37), стр. 179.

.....почтовую повестку передайте Арсению; пусть он получит деньги... — Речь идет о доверенности, которую Чехов оформил на имя Арсения для получения денег (15 рублей), присланных в Ялту в Попечительство о нуждающихся больных. 3 января 1901 г. М. П. Чехова сообщала об этом брату: «Елпатьевский и т-те Бонье просят меня получить 15 р., которые пришли на твое имя...» (*Письма М. Чеховой*, стр. 167).

Поклон бабушке. — М. Д. Беленовской.

3256. М. П. ЧЕХОВОЙ

14(27) января 1901 г.

Печатается по автографу (*ГБЛ*). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 120–121.

Открытка с видом «Parc de la Tête d'Or». Датируется по почтовым штемпелям: Nice. 27 Janv. 01; Москва. 18 I.1901.

М. П. Чехова ответила 22 января 1901 г. (*Письма М. Чеховой*, стр. 169–170).

...около 15–20 января ты получишь от Маркса деньги — тысяч пятнадцать. — Деньги за издание собрания сочинений (см. примечания к письму 3286*). 17 января М. П. Чехо-

ва писала брату: «Сегодня получила от Маркса через контору Печковской пятнадцать тысяч рублей и с помощью Коновицера обратила их в 4% ренту, прибавивши к ним 34 р. 45 к. Вышло ренты на 15 500 рублей. К ним прибавила Кучук-Койские 8000 ренты, итого на хранение и управление сдала в Государственный банк на 23 500 рублей ренты» (там же, стр. 169).

...нездоровится ~ неделю назад было не ахти. — Это сообщение очень взволновало О. Л. Книппер. 19 января она писала: «Ты писал Маше, что был нездоров. Напиши мне подробнее, что с тобой было, не скрывай от меня ничего, я не кукла, и такое отношение будет меня оскорблять. Послала тебе сегодня телеграмму сгоряча. Шехтель говорил сестре Санина, что ты нехорошо там себя чувствовал. А коли тебе не работается, так не принуждай себя. Наберешься за зиму новых впечатлений, а потом и попишешь» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 290).

Что привезти тебе ~ водопровод? — М. П. Чехова ответила: «При мне в Ялте вода шла в бак один раз, он наполнился до краев. Приве-

зи мне черный зонтик поэlegantнее и маленьких носовых платков понаряднее, только не шелковых».

Была ли ты на репетиции моей пьесы... — «На репетиции „Трех сестер“ я еще не была, — писала Мария Павловна. — Настоящих репетиций полных еще не было. Начнутся дня через два. Завтра забегу посмотреть, что там делается».

Получил из Ялты от Средина длинное письмо. — Письмо от 4 января 1901 г. (ГБЛ) — см. о нем в примечаниях к письму 3231*.

Деревьев у нас в Ялте много... — Отклик на замечание Марии Павловны в письме от 25 декабря 1900 г.: «Сад в порядке, хотя надо бы еще чего-нибудь посадить» (*Письма М. Чеховой*, стр. 164).

3257. К. С. АЛЕКСЕЕВУ (СТАНИСЛАВСКОМУ)

15(28) января 1901 г.

Печатается по автографу (Музей МХАТ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XIX, стр. 20.

Ответ на письмо К. С. Станиславского от января 1901 г. (*Станиславский*, т. 7, стр.

...тело Тузенбаха не следует показывать вовсе... — 6 января 1901 г. Станиславский сделал запись на полях режиссерского экземпляра пьесы «Три сестры»: «Обратить внимание Антона Павловича, что по его редакции — необходимо вставлять народную сцену, какой-то говор толпы, проносящей Тузенбаха, без чего выйдет балет. При проносе и узкости сцены все декорации будут качаться. Толпа будет грохотать ногами — задевать. Произойдет расхолаживающая пауза. А сестры — неужели их оставить безучастными к проносу Тузенбаха? Надо и им придумать игру. Боюсь, что, погнавшись за многими затеями, упустим самое главное: заключительную бодрящую мысль автора, которая искупит многие тяжелые минуты пьесы» (Музей МХАТ). Это соображение Станиславский изложил Книппер, которую попросил написать Чехову. 13 января 1901 г. она писала: «Станиславский просил спросить тебя насчет конца 4-го акта. Можно ли обойтись без проноса тела Тузенбаха, т. е. при проносе необходима народная сцена, волнение, и это может нарушить

трио трех сестер, и кроме того расшатывают декорацию, т. к. сцена, знаешь, у нас невелика. Пока репетируем без проноса. Ответь <...> Не медли. Ведь сестры не могут оставаться равнодушными, если в дом несут покойника? Как ты думаешь?» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 278). Об этом же и Станиславский писал Чехову: «Монологи финальные сестер, после всего предыдущего, очень захватывают и умиротворяют. Если после них сделать вынос тела, получится конец совсем не умиротворяющий. У Вас написано: „вдали проносят тело“, — но у нас нет дали в нашем театре, и сестры должны увидеть мертвеца. Что им делать? Как ни нравится мне тот пронос, но при репетиции начинаю думать, что для пьесы выгоднее закончить акт монологом. Может быть, Вы боитесь, что это слишком напомнит конец „Дяди Вани“? Разрешите этот вопрос: как поступить?» (*Станиславский*, т. 7, стр. 205).

Большое Вам спасибо за то, что написали. — Станиславский подробно описал в указанном письме работу над пьесой: «Могу с уверенностью сказать, что пьеса на сцене очень

выигрывает, и если мы не добьемся для нее большого успеха, тогда нас надо сечь <...> Что сказать об исполнителях? Калужский (двигается, как всегда, медленно, но верно. Поспееет приготовить роль). Мейерхольд работает, но жесток по данным. Артем (немного туго двигается, но найдет тон, близок), Самарова (тоже), Грибунин (идеален), Родэ (весел, но играет самого себя), Тихомиров (тоже), Шенберг (рано говорить), Качалов (очень мил), Вишневский (идеален и не утрирует), Маруся (будет хорошо играть), Мария Федоровна (очень хороша), Савицкая (хороша, играет себя), Ольга Леонардовна (хворала, не видел со времени болезни).

Была генеральная репетиция 2-х первых актов и порадовала. Во всяком случае, пьеса чудесная и очень сценичная» (там же, стр. 204–205).

3258. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ

Между 3 и 17 (16 и 30) января 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: с датой «Между 1 и 24 января 1901 г.» — *Чехов, Лит. архив*, стр. 55; в ПССП, т.

XIX, стр. 26, датировалось январем 1901 г.

Записка. Датируется предположительно по письму О. Р. Васильевой от «среды» (помета Чехова: «01.I»), на которое отвечает Чехов (ГБЛ). Ответ мог быть написан Чеховым между 3 январем (среда) и 17 январем (среда). Средой 24-го января датировано следующее письмо Чехова к Васильевой (см.), а 27 января он выехал из Ниццы.

Всё занято! — Васильева обращалась к Чехову с просьбой: «Еще последний раз — мы хотим перебраться куда-нибудь — нет ли чего свободного в Вашем пансионе и в какую цену? Буду очень благодарна за ответ».

Николай Иванович — Юрасов.

3259. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

17(30) января 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 121–122.

Открытка. Датируется по почтовым штемпелям: Nice. 30 Janv. 01; Москва. 21 I.1901 и сообщением Чехова: «Сегодня я именинник».

Ответ на письмо А. Л. Вишневого от 12 января 1901 г.; Вишневы ответили 23 янва-

ря (ГБЛ).

...спасибо за письмо и поздравление. — Вишневский писал: «Когда получите это письмо, будет день Ваших именин, и поэтому поздравляю, целую и желаю всего того, что можно пожелать такому человеку, как Антон Чехов. Пишите больше на пользу нам, на радость и на длинные рубрики себе».

В III акте, конечно, Вы можете явиться в форменной тужурке... — Ответ на вопрос Вишневского: «Нельзя ли мне 3-й акт, пожар играть в *форменной тужурке*? 1-ый буду во фраке, 2-ой вхожу на минуту в шубе, 3-й хотелось бы мне в *форменной* тужурке, а 4-й буду в сюртуке *форменном*. Мне бы очень хотелось *форменный сюртук* с погонами сохранить исключительно для 4-го акта. Это придаст больше и оттенит инспектора новоиспеченного без усов. Напишите мне немедленно и тогда я закажу *тужурку форменную для 3-го акта*. „Переломаю, — как говорит Аркашка, — георгины на счет Морозова“.»

...почему во II акте Вы входите в гостиную в шубе? — В ответном письме Вишневский объяснил: «Сцена сделана так: входят Кулы-

гин, Вершинин и Ольга в конце акта, огонь уже в доме потушен, Наташа уезжает с Протопоповым перекидываться и капнуть, как говорят на юге, ряженных не приняли, и Кулыгин первый при такой обстановке с грустью говорит: „Вот тебе и раз! А говорили, что у них будет вечер“. Планировка этой сцены сделана режиссером превосходно, и я тут же у входа гостинной сажусь и говорю: „Да, и я устал на совете“. А так как у Кулыгина всего-навсего в этой сцене несколько реплик, то поэтому я не раздеваюсь и разочарованный, что нет вечера, говорю: „о, fallacem hominum sperem!.. Винительный падеж при восклицании...“ Ухожу. Повторяю, что я вхожу в шубе, не раздеваюсь. Это очень естественно, удобно и смешно. Я доволен, я доволен, я доволен!»

Не забывайте об авторе ~ сообщайте новости. — В ответном письме Вишневецкий сообщил: «Репетиции „Трех сестер“ с каждым днем все более и более налаживаются, и пьеса пойдет 30-го сего месяца. В субботу 27-го и понедельник 29-го назначены последние генеральные репетиции, на которых будут Ваши близкие, и если Вы мне не поверите, ду-

мая, что я все преувеличиваю, то Вам напишет Мар<ия> Пав<ловна> или Иван Пав<лов><ич>. Я убежден, что пьеса поставлена превосходно <...> Разыграна будет отлично и успех в публике будет громадный, а с Вашей милости будет на чаек <...> Сейчас иду наказывать Морозова — покупать форменную ту-журку для 3-го акта. Из новостей московских только то, что Васильев, по обыкновению, написал ругательную статью на Малый театр, сказал, что они завидуют Художеств<енному> театру и т. п., и теперь Ленский ответил, а также собираются ответить другие артисты Малого театра. Словом, пошла полемика!?!»

.....я доволен, я доволен, я доволен. — Слова Кулыгина из «Трех сестер».

3260. О. Л. КНИППЕР

17(30) января 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 90–91.

Год устанавливается по письму Книппер от 11 января 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 276–278), на которое отвечает Чехов, и по содержанию письма (предполагаемая поездка

в Алжир, репетиции «Трех сестер»).

...ты пишешь, я буду получать от тебя короткие письма... — В письме от 11 января Книппер извещала: «Голубчик, родной мой, не сердись, если я это время буду писать хоть и часто, но скверно, теперь ведь горячка из-за „Сестер“ пойдет. И репетиции, и портнихи, и вечерние спектакли! <...> А еще и с ролью надо сидеть. Ведь 4-й акт во какой!»

...пьеса не пойдет в этом сезоне, пойдет только в Петербурге. — Пьеса «Три сестры» была сыграна первый раз в Москве 31 января 1901 г.

Зачем ты спрашиваешь у меня про фотографию Леля? — «Хочешь мою карточку в Леле <„Снегурочка“> или неинтересно?» — спрашивала Книппер.

Да, народу у меня бывает достаточно... — Книппер писала: «Немировича толком не видала, только перекинулась несколькими фразами. Он говорил Санину, что тебя опять-таки треплют люди, что тебе нет покоя от них и что ты едешь в Африку?!?!»

...сообщи ей, что на ее имя придет от Маркса из Петербурга сумма денег... — См.

примечания к письму 3256*.

...третий акт надо вести тихо на сцене...
— В режиссерском экземпляре «Трех сестер» К. С. Станиславский подчеркивает, что в 3-м акте, «где только можно», «давать нервность и темп». «Паузами не злоупотреблять. Переходы, движения у всех — нервные и быстрые». Через весь акт гремит «учащенный набат в густой колокол», «с грохотом мимо дома, по двору проезжают пожарные», «красный свет <из окон> падает бликами по полу» (подробнее о трактовке Станиславским III акта «Трех сестер» см. в статье М. Н. Строевой «Чеховские спектакли МХТ» — К. С. Станиславский. Материалы. Письма. Исследования. М., 1955, стр. 658–660). Книппер писала Чехову 11 января 1901 г.: «Станисл<авский> делал на сцене страшную суматоху, все бегали, нервничали, Немирович, наоборот, советует сделать за сценой сильную тревогу, а на сцене пустоту и игру неторопливую, и это будет посильнее» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 277). Чехов одобрил интерпретацию III акта Вл. И. Немировича-Данченко и был чрезвычайно озабочен правильным воспроизведением звуков наба-

та, пожарных сигналов и шумов. По возвращении из-за границы он сам принимался налаживать эту часть спектакля. Станиславский вспоминал: «Он смотрел „Три сестры“ и остался очень доволен спектаклем. Но, по его мнению, звон набата в третьем акте нам не удался. Он решил сам наладить этот звук. Очевидно, ему захотелось самому повозиться с рабочими, порежиссировать, поработать за кулисами. Ему, конечно, дали рабочих.

В день репетиции он подъехал к театру с извозчиком, нагруженным разными кастрюлями, тазами и жестянками. Сам расставил рабочих с этими инструментами, волновался, рассказывал, как кому быть, и, объясняя, конфузился. Бегал несколько раз из зала на сцену и обратно, но что-то ничего не выходило.

Наступил спектакль, и Чехов с волнением стал ждать своего звона. Звон получился невероятный. Это была какая-то какофония — колотили кто по чем попало, и невозможно было слушать пьесу.

Рядом с директорской ложей, где сидел Антон Павлович, стали бранить сначала звон, а потом и пьесу и автора. Антон Павлович, слу-

шая эти разговоры, пересаживался все глубже и глубже и, наконец, совсем ушел из ложи и скромно сел у меня в уборной.

— Что же это вы, Антон Павлович, не смотрите пьесу? — спросил я.

— Да послушайте же, там же ругаются... Неприятно же.

И так весь вечер и просидел у меня в уборной» («А. П. Чехов в Художественном театре.» — Станиславский, т. 5, стр. 354).

3261. Е. Я. ЧЕХОВОЙ

17(30) января 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: «Красный архив», 1929, № 6 (37), стр. 179.

Открытка. Датируется по почтовым штемпелям: Nice. 31 Janv. 01; Ялта. 27 I.1901, и сообщением Чехова: «Сегодня, 17 января...»

...сегодня ~ я получил письмо от Маши... — Поздравительное письмо от М. П. Чеховой от 10 января 1901 г. — Письма М. Чеховой, стр. 168–169.

...поздравительную телеграмму от Варвары Константиновны... — Телеграмма В. К.

Харкеевич не сохранилась.

От С. П. Бонье получил телеграмму. — Телеграмма от 17 января 1901 г. «Felicitions zdorovie» (ГБЛ).

3262. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

18 (31) января 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XIX, стр. 22 (по копии).

Написано на обороте визитной карточки Чехова.

3263. В. А. ГОЛЬЦЕВУ

18(31) января 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: «Памяти Виктора Александровича Гольцева». М., 1910, стр. 210.

Открытка.

Ответ на письмо В. А. Гольцева от 15 января 1901 г. (ГБЛ); Гольцев ответил 28 января. («Памяти Виктора Александровича Гольцева», стр. 138).

...сообщи мне возможно подробнее, что с тобой. — Гольцев писал: «Завтра я уезжаю в Алушту: Тихомиров предложил мне свою да-

чу. У меня переутомление мозга. Что-то лопнуло, и тринадцать часов у меня шла носом кровь. К большому моему огорчению, покидаю Москву, не прочитав „Трех сестер“» (ГБЛ). В ответном письме он сообщал о своем здоровье: «Я до глубины души тронут твоим теплым письмом. Здесь я отдохнул: было ясно, тепло и тихо. Со мною была дочь Тоня. Мы много ходили пешком и моя „переутомленная“ голова и „перетерпевшее“ сердце отдохнули. Завтра возвращаюсь в Москву. Дорогой друг, я было „немножко умер“, — а ты давно уже обещал посвятить мне маленький рассказик... Хорошо бы видеть это посвящение в бытность моего „я“ (оно совсем небольшое)».

В Крыму, пишут, теперь погода скверная... — 15 января О. Л. Книппер извещала: «В Ялте, Маша говорит, было сыро, погодой не могли похвастаться...» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 284).

3264. М. А. ЧЛЕНОВУ

19 января (1 февраля) 1901 г.

Печатается по автографу (ГЛМ). Впервые опубликовано: «Русские ведомости», 1906,

№ 91, 5 апреля, в статье М. Членова «А. П. Чехов и медицина».

Деньги жертвует ~ некая г-жа Васильева.
— О желании Чехова помочь в организации московской клиники кожных болезней М. А. Членов писал: «Я разговорился с ним <Чеховым> как-то раз об опытах Мечникова на обезьянах и указывал ему, как важно было бы учредить в Москве особый институт для врачей, для строго научного изучения кожных болезней и сифилиса, и какое большое значение имел бы этот институт и сам по себе, ввиду крайне неудовлетворительной у нас постановки так называемых „повторительных“ курсов для врачей. Эта идея очень заинтересовала Чехова, и через короткое время я уже получил от него письмо из Ниццы, где он сообщает, что достал пока 130 тысяч рублей для основания института <...> Получил я вскоре после этого и официальное предложение от г-жи В<асильевой> принять от нее 130 тысяч рублей для устройства этого института, но, к сожалению, деньги эти были в домах в далекой провинции, дома надо было сначала продать, а Чехов, г-жа В<асильева> и я жили в

разных местах, и вследствие этого дело расстроилось» (М. А. Членов. А. П. Чехов и медицина. — «Русские ведомости», 1906, № 91, 5 апреля).

3265. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ

20 января (2 февраля) 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Чехов, *Лит. архив*, стр. 55.

Записка. Год устанавливается по письму Васильевой (ГБЛ) от января 1901 г. (помечено Чеховым: «суббота» и «01.I»), на которое отвечает Чехов.

Васильева ответила запиской в этот же день (ГБЛ).

Вы пишете про бумагу... — В своем письме Васильева спрашивала: «...где здесь можно найти такую бумагу, как листок, который я Вам прилагаю? Мне она серьезно очень нужна и сегодня».

3266. О. Л. КНИППЕР

20 января (2 февраля) 1901 г.

Печатается по подлиннику (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 91.

Телеграмма. Датируется по служебной помете на бланке: Принята 20/1 1901.

Ответ на телеграмму О. Л. Книппер от 19 января 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 290).

Santé merveilleuse. — В телеграмме Книппер содержалась просьба: «Télégraphie santé inquiète. Olga» («Телеграфируй здоровье. Беспокоюсь. Ольга»).

3267. О. Л. КНИППЕР

20 января (2 февраля) 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 91–92.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 13 января 1901 г. Книппер ответила 26 января (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 278–279 и 296–298).

В III акте шум... — См. об этом в письме к Книппер от 17 января*.

Тебя Алексеев в своих письмах очень хвалит и Вишневский тоже. — В письме от 29 декабря 1900 г. А. Л. Вишневский писал: «Книппер, по-моему, будет удивительно хорошо играть Машу — у нее превосходный тон» (ГБЛ). Отзыв К. С. Станиславского об игре Книппер

см. в примечаниях к письму 3240*.

Вершинин произносит «трам-трам-трам» — в виде вопроса... — Вл. И. Немирович-Данченко вспоминал, что эти реплики вызывали недоумение актеров и при первой читке «Трех сестер» в Художественном театре в присутствии Чехова. Однако, «...когда к нему обращались актеры за разъяснением таких мест в ролях, которые казались неясными, он не только не пускался в длинные объяснения, но с какой-то особенной категоричностью отвечал краткими, почти односложными замечаниями. Например, спрашивали его, что это такое:

Маша: Тра-та-та?

Вершинин: Тра-та-та...

Маша: Тра-ра-рам тим-там?

Вершинин: Та-ра-рам там-там.

Чехов отвечал, пожимая плечами:

— Да ничего особенного. Так, шутка.

И сколько потом к нему ни приставали за разъяснением этой шутки, он ничего не ответил. И актерам не легко было найти свою внутреннюю задачу для передачи этой шутки» (см. предисловие Вл. И. Немировича-Дан-

ченко к кн. Н. Эфроса «„Три сестры“ в постановке Московского Художественного театра», II, 1919, стр. 8). В письме от 13 января Книппер спрашивала: «Насчет „трам-трам“ возникают сомнения. Немирович думает выпевать их сигналами, как горнисты, конечно с мимикой. Если просто говорить, может выйти грубо или непонятно. Напиши и об этом».

...я на тебя надеюсь ~ ты хорошая актриса. — О впечатлении от исполнения Книппер роли Маши в «Трех сестрах» Т. Л. Щепкина-Куперник писала: «Окончательное признание Книппер большой актрисой пришло в пьесе „Три сестры“. В этой роли Книппер достигла вершин своего таланта; лучше, полнее, правдивее она не раскрыла ни одного образа, хотя и сыграла много ролей, и сыграла превосходно <...> Эта роль, в которой так немного слов, была самой красноречивой ее ролью <...> Глядя на ее Машу, вы как будто сразу видели все: и ее неуютную, предоставленную равнодушной прислуге квартирку, где наводит порядок педантичный, добродушный Кулыгин <...> Вы видели и ее жизнь с нелюбимым мужем <...> И ее жалость к <его>

доброте, мешающая ей порвать с ним, решиться уйти из этой беспросветной скуки, в которую превратилось ее существование. И полное отсутствие интереса к своей внешности, выражающееся в вечном черном платье. Весь рассказ о ней уже написан в одной ее фигуре, и с первой минуты эта черная фигура, молчащая над книгой, приковывала к себе внимание, и вы чувствовали, что недаром она молчит, в этом молчании таится возможность готовящейся драмы, и оторваться от нее было нельзя. Странно отозвалось в душе — „У лукоморья дуб зеленый“ — какой-то порыв Маши к сказке, к мечте, не дающей ей покоя <...> ее слезы, дрожащие под смехом, чтобы не расстроить сестру <...> И вот — встреча с Вершининым <...> Их чувство было обречено на гибель. И эту трагическую обреченность Книппер передавала в последнем акте незабываемо <...> Великая М. Н. Ермолова — когда в первый раз смотрела „Три сестры“ — пришла к О. Л. за кулисы и в слезах обняла ее, не находя слов для того, чтобы высказать, какой отклик в ее творческой душе нашла игра молодой артистки» (Т. Л. Щепки-

на-Куперник. О. Л. Книппер-Чехова в ролях пьес А. П. Чехова. — *Ежегодник МХТ*, 1945, стр. 528–530).

Я же говорил тогда... — Вероятно, перед отъездом из Москвы в Ниццу, во время первоначальных обсуждений постановки пьесы.

...труп Тузенбаха проносить неудобно по Вашей сцене. ~ Я писал ему... — См. письмо 3257* и примечания к нему*.

А 400 р. в самом деле маловато... — Книппер сообщала 13 сентября: «В театре идут переговоры Немировича с актерами о будущем сезоне. Санин говорит, что мне прибавляют 400 руб. Я не жадна, но, право, по моей работе, потому что мне больше всех приходится тратиться на туалеты — это маловато, правда? Во всяком случае я уговорюсь, чтобы все туалеты были за счет дирекции».

3268. Е. Я. ЧЕХОВОЙ

20 января (2 февраля) 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 124.

Открытка. Год устанавливается по почтовым штемпелям: Nice. 2 Fevr.01; Ялта. 26

I.1901.

Ответ на письмо Е. Я. Чеховой от 12 января 1901 г. (ГБЛ).

...пишете, что не получаете от меня писем... — Е. Я. Чехова в своем письме спрашивала: «Что это значит, что ты не пишешь нам; вот уже более двух недель не получали от тебя писем, каждое утро жду с нетерпением от тебя письма. Маша тебе много деловых писем послала, а ответа не получала». В письме от 10 января 1901 г. Мария Павловна сетовала: «Давно от тебя не имеем известий. Последнее письмо было от 24 декабря. Очень беспокоимся» (Письма М. Чеховой, стр. 168).

Газет здесь я не получаю... — Отклик на сообщение Марии Павловны в письме от 10 января: «Петербургских газет не получаем, толстых журналов тоже, вероятно ты перевел их к себе в Ниццу» (там же).

Напишите Маше, пусть подпишется на «Новости дня». — Эту просьбу Чехова передал Марии Павловне И. А. Бунин в письме от 1 февраля 1901 г. (ГБЛ).

...если И. А. Бунин еще у Вас... — 12 января Е. Я. Чехова извещала: «У нас Бунин, еще не

уехал». О своем пребывании в Ялте Бунин писал Чехову 13 января 1901 г.: «Получивши от Марьи Павловны приглашение, с величайшим удовольствием уехал в Ялту. Здесь очень тихо, погода нежная, и я чудесно отдохнул за эти дни в вашем доме. Не нарадуюсь на синий залив в конце вашей долины. Утром моя комната полна солнца. А у Вас в кабинете, куда я иногда заходил погулять по ковру, — еще лучше: весело, просторно, окно велико и красиво, и на стене и на полу — зеленые, синие и красные отцветы, очень сильные при солнце. Я люблю цветные окна, только в сумерки они кажутся грустными, и в сумерки кабинет пуст и одинок, а Вы далеко. Мы с Марией Павловной часто вспоминали Вас <...> Вчера Мария Павловна уехала и, так как я решил побыть в Ялте еще, попросила меня не переезжать в Ялту <т. е. гостиницу „Ялта“>, а побыть пока у вас. И вот я пока у вас еще» (ЛН, т. 68, стр. 408).

В следующем письме от 30 января Бунин писал: «...на днях я уезжаю в Одессу <...> Не сочтите за бесцеремонность мое пребывание у вас до сих пор — я хотел переехать в город,

но Евгения Яковлевна обижается» (там же, стр. 408–409).

3269. О. Л. КНИППЕР

21 января (3 февраля) 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: с датой 28 января — *Письма к Книппер*, стр. 95. Дата исправлена в ПССП, т. XIX, стр. 25–26.

Датируется по письму О. Л. Книппер от 15 января 1901 г., на которое отвечает Чехов, и помете «воскресенье», которое приходилось на 21 января; Книппер ответила 26 января 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 282–284 и 296–298).

...покаяние Маши в III акте вовсе не есть покаяние... — Ответ на просьбу Книппер разъяснить ей поведение Маши в III акте «Трех сестер»: «Спорный пункт с Немировичем — 3-й акт — покаяние Маши. Мне хочется вести третий акт нервно, порывисто, и, значит, покаяние идет сильно, драматично, т. е. что мрак окружающих обстоятельств взял перевес над счастьем любви. Немировичу же хочется этого счастья любви, чтобы Маша,

несмотря на все, была полна этой любви и кажется не как в преступлении. Второй акт полон этой любви. В толковании Немировича 4-й акт — кульминационный пункт, в моем — 3-й. Что ты на это ответишь?» 26 января Книппер писала о своей игре в III и IV актах «Трех сестер»: «Завтра генеральная „Сестер“. Мне 4-й акт сильно чувствуется, рыдаю от души. Говорят — искренно. В 3-м акте говорю с сестрами или, как я называю, — каюсь — на сдержанном темпераменте, отрывисто, с паузами, точно трудно ей высказаться, не громко. Только точно выкрикивает — „Эх, глупая ты Оля! Люблю — такая значит судьба моя... etc“... а потом опять не громко, нервно. Сидит все время неподвижно, обхватив колени руками, до закулисного „трам-трам“. Тут поднимает голову, лицо озаряется, вскакивает, нервно, торопливо прощается с сестрами».

Насчет «трам-там-там» делай, как знаешь. — 15 января, как и в письме от 13 января, Книппер опять возвращалась к трактовке сцены Маши и Вершинина в III акте: «Насчет трам-там тоже много горячо спорили. Немирович предлагает вести это так: Маша спра-

шивает продолжением мотива Вершинина: т. е. тихо напевая, конечно, с красноречивым лицом. Здесь вообще много значит *mise en scène*, и она, мне кажется, вышла неудачна у Станиславского и, вероятно, переменится. Еще он предлагает: Маша спрашивает его (без напевания), не глядя на него, давая все лицо публике, как бы конфузясь этого признания. Одним словом надо делать так, чтобы публика все поняла. Пробуем на все лады». 26 января Книппер писала о предстоящей генеральной репетиции: «Я решила, что „трам-там“ (у тебя она спрашивает, он отвечает) она говорит, что любит его и будет принадлежать ему, т. е. признание, которого он долго добивался. Я сижу за письменным столом у самой рампы, лицом к публике и с волнением что-то черчу карандашом. Когда он запел, она взглянула, улыбнулась, отвернулась, т. е. склонила голову и спрашивает — „трам-там“? После его ответа она еще взволнованнее говорит: „тра-та-та“, и наконец решительно, „трам-там“. Если это все сделать с улыбкой, легко, не вышло бы пошло, в виде простого *rendez-vous*. Ведь до этой ночи их отношения

были чистые, правда? По-моему, все идет теперь хорошо. Четвертый акт, начиная с прощания Маши с Вершининым, говорят, страшно силен по впечатлению. Послезавтра напишу о генеральной».

Итак — «Три сестры» не пойдут в Москве в этом сезоне? — Первоначально премьера «Трех сестер» была назначена на 30 января. 22 января Книппер писала Чехову: «„Сестры“ назначены на 30-е января. Теперь входит в пьесу Станиславский. Влад. Ив. говорит, что Тузенбаха должен был играть Качалов. Ты что думаешь?» (Переписка с Книппер, т. 1, стр. 293). Премьера пьесы Чехова «Три сестры» состоялась 31 января 1901 г.

Вы ставите их первый раз в Петербурге? — Впервые спектакль «Три сестры» на петербургской сцене был показан 28 февраля 1901 г.

3270. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ

24 января (6 февраля) 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Чехов, *Лит. архив*, стр. 56.

Ответ на письмо О. Р. Васильевой от янва-

ря 1901 г. (помеченное — «среда») — ГБЛ.

Вобла — это рыба... — Вопрос о вобле относился к словам Войницкого о Серебрякове в пьесе «Дядя Ваня», которую О. Р. Васильева переводила: «Отставной профессор <...> старый сухарь, ученая вобла... Живет эта вобла в имени своей первой жены...» В открытке, датированной Васильевой «21, четв<ерг>», посланной в Ялту (пришла туда 18 февраля 1901 г.), она опять возвращалась к этому вопросу: «Простите меня — что *вобла* — морская рыба? Очень хорошо выходит сушеная морская рыба“ в переводе — можно?» (ГБЛ).

Завтра я буду у Вас ~ дам ответ на остальные вопросы. — В своих письмах Васильева спрашивала: «Если у Вас есть какая свободная газетка „Русские ведомости“ или будет — пришлите, пожалуйста, Антон Павлович — а если сейчас — так передайте *моей няне*. Я, кажется, с ума схожу по „Даме с собачкой“, одна вот эта фразка — просто меня как-то баюкает: „Почти каждый вечер попозже они уезжали куда-нибудь за город, в Ореанду, или на водопад...“ <...> А вот главное: из газет у меня есть 2 адреса — сказано, что *очень бед-*

ные — одна „venue estropiée avec 4 enfants“, а другая — со старушкой матерью 100 л. — как им помочь, т. е. в каком размере — я никак не могу решить. Пожалуйста, будьте добры, дайте совет!»

3271. О. Л. КНИППЕР

24 января (6 февраля) 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 92–93.

Ответ на письмо Книппер от 18 января 1901 г.; Книппер ответила 29 января (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 286–289, 301–303).

...мои компаньоны отказываются ехать.

— Вместе с Чеховым в Алжир собирались поехать М. М. Ковалевский и А. А. Коротнев. Поездка не состоялась из-за бурной погоды.

...там, пишут, хорошая погода ~ мать в одиночестве. — Бунин, гостивший у Чехова в Ялте, писал ему 13 января 1901 г.: «Несколько дней была бурная зима — совсем как у нас в темные мартовские дни, когда „сын за отцом приходит“, т. е. валит мокрый снег. Теперь уже стаяло — солнечный, прохладный день. Но горы, точно в Швейцарии. У вас здесь все

благополучно. Евгения Яковлевна жива, здорова и радуется Вашим письмам. Все кажется ей, что вдруг Вы приедете с пароходом. Даже несколько раз оставляла Вам супу» (ЛН, т. 68, стр. 409).

Посылаю тебе свою фотографию. — К письму приложена небольшая фотография: Чехов сидит на скамье, со шляпой и палкой в руках. На обороте его рукой: «Ницца. 24 янв. 1901 г.» 29 января Книппер писала: «Спасибо тебе, милый, за фотографию, большое спасибо. Только вид у тебя не блестящий, как и всегда на домашних фотографиях!»

Получил письмо от М. Ф. Желябужской... — Письмо от 17 января 1901 г. (см. примечания к письму 3274*).

...в III акте вы ведете Ирину под руки... — Об этом Книппер писала в письме от 18 января 1901 г.: «В 3-м мне неудобно, что Станиславский заставляет Машу ухаживать за истерически рыдающей Ириной, и, при входе Андрея, сестры ведут ее за ширмы, т. к. она не хочет его видеть. Но это, думаю, изменят, и сестры останутся на авансцене, на тахте».

Полковник прислал мне длинное письмо...

— Письмо В. А. Петрова к Чехову неизвестно. При постановке «Трех сестер» Петров был экспертом в тех случаях, когда дело касалось вопросов военного обмундирования, военного устава и т. п. Он был приглашен к этой работе Чеховым. О. Л. Книппер писала о нем 18 января 1901 г.: «Много добродушного смеху возбуждает Петров, присутствующий на репетициях, „наш военный режиссер“, как мы его прозвали. Он, по-видимому, решил, что без него нельзя обойтись, и толкует уже не о мундирах, а о ролях. Лужский-шутник отлично его копирует, как он, сильно задумавшись, говорит: „Вот не знаю, что „нам“ теперь с Соленым бы сделать — не выходит что-то!“»

3272. Е. Я. ЧЕХОВОЙ

24 января (6 февраля) 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: «Красный архив», 1929, № 6 (37), стр. 180.

Скажите Арсению, чтобы он ничего не сажал без меня... — Ялтинские новости передавала в своем письме (без даты) С. П. Бонье: «Дорогая Ваша мама здорова, не скучает, за-

нята и не боится быть одной. Она рада, что приехала в свой дом. Просила Вам кланяться и сказать, что все Ваши распоряжения исполнены в точности. Арсений кланяется, передает, что скучно очень без Вас и что весь сад перекопал и все сделал, как Вы хотели. Он очень старается. Бабушка кланяется, желает быть здоровым. Мама просила Вас купить ей ножницы большие в 4 1/2 вершка. О. М. <Соловьева> очень кланяется. Синани оба желают здоровья. Альтшуллер просил передать много поцелуев. Иван Алексеевич Бунин тоже» (ГБЛ).

...я скоро приеду... — Чехов вернулся в Ялту 15 февраля.

3273. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

25 января (7 февраля) 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 125.

Открытка. Датируется по почтовым штемпелям: Нице. 7 Fevr. 01; Москва. 29 I.1901 и помете Чехова «четверг», который приходился на 25 января.

...прибавьте слова... — В первом действии

в монологе Кулыгина.

Все отзываются ~ с восторгом о Вашей игре. — Восторженные отзывы об игре А. Л. Вишневого в роли Кулыгина содержатся в письмах К. С. Станиславского (см. также примечания к письмам 3249*, 3254*, 3257*, 3285*, 3291* и др.). Сам Вишневский писал Чехову 29 декабря 1900 г.: «Все говорят, что Кулыгин это будет лучшая моя роль. Разговариваю просто, без подчеркиваний и какого бы то ни было шаржа, но все хохочут до упада, так, они все говорят, смешно у меня выходит» (ГБЛ).

3274. М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

26 января (8 февраля) 1901 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XIX, стр. 28.

Ответ на письмо М. Ф. Андреевой от 17 января 1901 г. («Мария Федоровна Андреева». М., 1968, стр. 52–53).

...в последний свой приезд я огорчил Вас... — Отклик на следующее место из письма Андреевой: «...Вы меня в последний свой приезд не то что обидели, а огорчили: во-первых, не пришли потолковать о роли в „Трех сестрах“,

а во-вторых, мне все казалось, что Вы боитесь откровенно поговорить со мной. Ей-богу, я не очень тупая и отлично понимаю и даже очень благодарна бываю, если мне говорят, что вот, мол, то-то и то-то у вас может выйти нехорошо — вы подумайте и поработайте. И вот именно этого-то, короче сказать, — простоты в отношениях, у Вас ко мне и не было. Правда? Ну, а пусть она будет. Хорошо?»

...поговорить с Вами насчет «Трех сестер»... — О работе Художественного театра над пьесой, в частности над ролью Ирины, Андреева писала: «Мы усердно трудимся, репетируем и волнуемся „Тремя сестрами“. Ах, хорошая пьеса, только и трудная же, господь с нею, страх! Вчера до 6 часов с 12 ч. дня сидели, уж даже глаза распухать стали. Теперь уж скоро пойдет, дай бог, чтобы хорошо. Вам наши, конечно, телеграмму пошлют о первом представлении. Сейчас уже можно сказать, что великолепны будут: Наташа — М. П. Лилина, Феррапонт — В. Ф. Грибунин, Кулыгин — Вишневецкий, Вершинин — и Алексеев и даже Качалов — очень недурен. Хороши очень обстановка и декорации, ну да уж это по боль-

шей части так у К. С. Алексеева».

3275. О. Л. КНИППЕР

26 января (8 февраля) 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 93–94.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 19 января 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 290–291).

...от моих спутников... — Спутниками Чехова в путешествии по Италии были М. М. Ковалевский и А. А. Коротнев.

Как прошли «Три сестры»? — Генеральная репетиция пьесы была назначена на 27 января. «Русские ведомости» (№ 27) 27 января 1901 г. сообщали в отделе «Театр и музыка»: «Сегодня днем в Художественно-Общедоступном театре — первая полная генеральная репетиция „Трех сестер“ А. П. Чехова. Вторая генеральная репетиция завтра, в воскресенье. Первое представление пьесы назначено на 31-е января». Книппер писала 29 января: «Генеральная прошла хорошо. После моего прощания с Вершининым, с Савицкой по окончании акта сделался прямо нервный припадок,

она все кричала, что нельзя так сильно играть и нельзя писать таких сцен, таких слов. Я, глядя на нее, принялась вторично было вопить, но меня убрали в другую уборную. Санин поцеловал меня за 4-й акт 50 раз в темя — ничего? Это поцелуи режиссера, он все приговаривал „дитя мое“. Третий акт я провела скверно, а 4-й хорошо. Ну, услышишь обо мне. Так или сяк. Теперь напишу тебе после спектакля. У меня теперь трепет в душе. Милый, дорогой, если все сойдет хорошо, как я буду тосковать, что ты не со мной! Боже, какие бы это минуты были!!! А если что будет не так, я еще сильнее буду тосковать, что тебя нет здесь!» (там же, стр. 302–303).

Моя мечта последних дней — поездка на Шницберген летом или в Соловки. — Эта мечта Чехова не осуществилась. Книппер объясняла стремление Чехова на север в последние годы его жизни желанием написать пьесу, одно из действий которой должно было происходить на корабле, затертом на севере льдами («Об А. П. Чехове» — Книппер-Чехова, ч. 1, стр. 61).

...ты замучилась с гостями и с репетиция-

ми... — 10 января к Книппер приехал брат К. Л. Книппер с женой Еленой Юльевной и с девочкой Адой. 19 января Книппер писала: «Я утомляюсь. Совсем не отдыхаю. Каждую свободную от театра минуту провожу со своими, т. к. мама тоже работает целый день. Я все время на людях, и потому нервлю. Сейчас, после „Одиноких“, отчаянно спорила с Костей о нашем театре. Обыкновенно я молчу. Сейчас у меня одно желание — лежать и не двигаться. Совсем не читаю, даже газет — просто скандал. Отчего так мало времени! Сегодня отшлифовали 2-й акт, завтра чистим 3-ий».

3276. М. П. ЧЕХОВОЙ

26 января (8 февраля) 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано (с датой 24 января 1901 г.): *Письма*, т. VI, стр. 124. Дата исправлена в ПССП, т. XIX, стр. 30.

Открытка. Датируется по почтовым штемпелям: Nice. 8 Fevr. 01; Москва. 30 I.1901 и сообщению Чехова: «сегодня, в пятницу, я уезжаю в Алжир». Пятница приходилась на 26 января.

3277. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ

26 января (8 февраля) 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: с датой 25 января 1901 г. — *Чехов, Лит. архив*, стр. 56. Дата уточнена в ПССП, т. XIX, стр. 30.

Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Nice. 9 Fevr. 01 и помете: «пятница», которая приходилась на 26 января. Письмо написано и опущено вечером, когда Чехов уже знал, что едет не в Алжир, а в Италию (см. его письмо к Книппер от 26 января*). Об этом же говорит и почтовый штемпель: письмо, в отличие от трех предыдущих писем (к М. Ф. Андреевой, О. Л. Книппер и М. П. Чеховой), опущенных утром и имеющих почтовый штамп «Nice. 8 Fevr. 01», опущено поздно и обработано на почте на следующий день — 9 февраля (как и следующее письмо к М. П. Чеховой).

О. Р. Васильева ответила запиской, помеченной: «1901, суббота, Ницца» (ГБЛ).

Я уезжаю в Италию... — В ответной записке Васильева писала: «А я-то сегодня смотрела на море, радовалась, что оно тихое и думала,

что Вы плывете, плывете, и завидовала Вам. — Но и сейчас завидую. Пожалуйста, не скройтесь *совсем!* Вот все, что я прошу».

3278. М. П. ЧЕХОВОЙ

26 января (8 февраля) 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: с датой «25 января 1901 г.» — *Письма*, т. VI, стр. 125. Дата исправлена в ПССП, т. XIX, стр. 30.

Открытка. Датируется по почтовым штемпелям: Nice 9 Fevr. 01; Москва. 31 I.1901 и помете Чехова: «пятница», которая приходилась на 26 января. Письмо написано и опущено вечером — см. примечания к письму 3277*.

Поклон Ефиму Зиновьевичу и Евдокии Исааковне — Коновицерам.

3279. Е. Я. ЧЕХОВОЙ

27 января (9 февраля) 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые (с датой «28 января 1901 г.») опубликовано: «Красный архив», 1929, № 6 (37), стр. 180. Дата уточнена в ПССП, т. XIX, стр. 31.

Открытка фирменная: «Pisa. Grand Hôtel

«Nettuno». Датируется по почтовым штемпелям: Pisa. 10.2.01; Ялта. 5 II.1901 и помете Чехова: «суббота», которая приходилась на 27 января 1901 г.

3280. М. П. ЧЕХОВОЙ

27 января (9 февраля) 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: с датой «26 января 1901 г.» — *Письма*, т. VI, стр. 126. Дата уточнена в *ПССП*, т. XIX, стр. 30–31.

Открытка («Grand Hôtel Nettuno»). Датируется по почтовым штемпелям: Pisa. 10.2.01; Москва. 2 II.1901 и помете Чехова: «суббота», которая приходилась на 27 января 1901 г.

3281. О. Л. КНИППЕР

28 января (10 февраля) 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 94–95.

Датируется по содержанию (пребывание в Пизе, куда Чехов приехал 27 января 1901 г.), по связи с письмом к Г. М. Чехову от 28 января и помете Чехова: «воскресенье», которое приходилось на 28 января 1901 г.

Шла моя пьеса или нет? — 28 января в Художественном театре состоялась вторая генеральная репетиция «Трех сестер». В «Русских ведомостях» от 28 января 1901 г. (№ 28) сообщалось: «Во вторник <30 января> днем в Художественно-Общедоступном театре назначена последняя генеральная репетиция „Трех сестер“ А. П. Чехова. Первое представление состоится в среду, второе — в субботу». О. Л. Книппер писала Чехову о генеральной репетиции «Трех сестер» 29 января 1901 г. (см. примечания к письму 3275*).

Когда поедете в Петербург, напиши. — О предстоящих гастролях 22 января 1901 г. (№ 21) в «Русском слове» сообщалось: «Как нам передают, труппа Художественно-Общедоступного театра в полном составе уезжает на предстоящий великий пост на гастроли в Петербург. На смену этой труппы в театр „Эрмитаж“ на время великого поста приглашена малороссийская труппа М. Л. Кропивницкого».

3282. Г. М. ЧЕХОВУ

28 января (10 февраля) 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: с датой «27 января 1901 г.» — *Записки ГБЛ*, вып. VIII, стр. 24. Дата уточнена в *ПССП*, т. XIX, стр. 32.

Открытка. Датируется по почтовым штемпелям: Firenze. 11.2.01; Таганрог. 3 II.1901 и помете Чехова «воскресенье», приходившееся на 28 января 1901 г.

Ответ на письмо Г. М. Чехова от 17 января 1901 г. (ГБЛ).

Спасибо тебе за письмо и за поздравление... — Г. М. Чехов писал: «Я только на сих днях узнал от Володи, который был на праздниках в Москве и в Петербурге у Александра с первым визитом, что ты все еще отдыхаешь на берегу Южной Франции. А сегодня в день пре<подобного> Антония я вспомнил, что ты именинник и будет тебе приятно, как и каждому из нас, получить обычный привет из земли родной. Итак поздравляем тебя с сороковой годовщиной, если я не ошибаюсь».

3283. О. Л. КНИППЕР

29 января (11 февраля) 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые

опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 96.

Датируется по содержанию (пребывание во Флоренции, куда Чехов приехал 28 января 1901 г. — см. его письмо Г. М. Чехову от 28 января) и помете Чехова «понедельник», который приходился на 29 января 1901 г.

Ответ на письма О. Л. Книппер от 22 и 23 января 1901 г.; Книппер ответила 5 февраля (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 293–295 и 309–312).

«Три сестры» уже шли? — В письме от 29 января 1901 г. Книппер писала о предстоящей премьере: «Сегодня днем беседовали о генеральной, вечером я прошла всю роль начисто с Немировичем, и 31-го играем!!! Страшно, страшно... Как я играю — не сумею тебе сказать, другие расскажут, а про себя не умею. Билеты все разобраны уже, были слезы, стоны, жалобы около кассы, т. к. немногим досталось счастье быть на первом спектакле» (там же, стр. 302).

5 февраля Книппер сообщала о премьере «Трех сестер»: «По всей Москве только и разговору, что „Три сестры“. Одним словом, успех Чехова и успех нашего театра. Сегодня

вышло окончание рецензии Фейгина — завтра я вышлю тебе несколько рецензий — почитай, милый мой. Про твою собаку написали в „Новом времени“, что г-жа Книппер и Громов выделялись из общего превосходного ансамбля — славно? Фейгин и Рокшанин меня похвалили. Я с любовью играю свою роль в пьесе, кот<орую> написал мой, мой Антонио-иеромонах. Сегодня отыграли в 3-й раз; жарим теперь „Сестер“ три дня сряду, играем хорошо, честное слово, ты бы пораздовался. Тото! <...> Как мне больно, что ты не видишь, как я играю Машу. С какой бы радостью я играла бы тебе ее! Мои все довольны мной. Сегодня после моих рыданий, после лукоморья, когда слышна музыка, и мы стоим у забора, — у меня текли слезы. А в прошлый раз произошел курьез: я должна была сказать „я больше не плачу“ — помнишь, когда уже начинаются у нее путаться мысли? Я вместо этого сказала: „Я уже больше не пью“ — совершенно бессознательно. Вишневский дальше молчит, а на его реплику дают выстрел, он <...> не мог догадаться, что я не то сказала, а я мучаюсь, что не слышу выстрела и иду дальше; ну, потом

устроилось. А я правда испугалась, не схожу ли с ума — хочу сказать одно, а вышло другое».

Ты не в духе? — Книппер писала 23 января: «Уже второй день нет писем от тебя, милый мой, родной мой! Мне скучно без них; когда я прихожу из театра, то шныряю по всем столам и углам — нет ли чего из Ниццы? Я хожу какая-то странная, расстроенная и часто раздражительная. Сама с собой не остаюсь ни на минуту, а это отвратительно. У меня от этого характер на время портится».

Ведь она, как ты пишешь, переменила квартиру. — В письме от 22 января Книппер сообщила: «Ночевала я у Маши, в новой квартире — там очень уютно, точно в деревне, тишина, симпатично». М. П. Чехова в письме от 22 января 1901 г. также извещала брата: «Я переехала на другую квартиру: две комнаты, светлая передняя, большая кухня, канализация и проведенная вода. За 28 руб. в месяц, без контракта. Устроилась еще уютнее, чем у Шешкова. Спиридоновка, дом Раевской. Рядом с Саввой Морозовым» (*Письма М. Чеховой*, стр. 170).

3284. В. С. МИРОЛЮБОВУ

2(15) февраля 1901 г.

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XIX, стр. 33.

Открытка. Год устанавливается по почтовому штемпелю: 15.2.01.

В. С. Миролубов ответил телеграммой от 4(17) февраля 1901 г. (ГБЛ).

...телеграфируйте по адресу: Roma, Hôtel Russie. — В ответной телеграмме, посланной Миролубивым в Рим, сообщалось: «Domani parto aspettate» <«Завтра выезжаю. Ждите.»>

Отлично бы проехали по Корфу. — Эта поездка не состоялась.

Со мной Максим Ковалевский. — М. М. Ковалевский вспоминал о пребывании с Чеховым в Риме: «В первый день великого поста <т. е. 6 февраля> мы попали с ним в собор св. Петра на процессию, смысл которой тот, чтобы, так сказать, выправить дух карнавала. Выходя из храма, я спросил Чехова: „А как бы Вы изобразили эту процессию в Вашем рассказе?“ — „Что сказать о ней, — ответил он, — самое большее: тянулась глупая процессия“» (

3285. О. Л. КНИППЕР

2(15) февраля 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 96–97.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 23 января 1901 г.; Книппер ответила 8 февраля (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 294–295 и 314–315).

...моя пьеса, которая провалилась. О ней ни слуху ни духу... — Посланная Книппер телеграмма сейчас же после премьеры «Трех сестер» 31 января 1901 г. («Большой успех. Обнимаю моего дорогого. Ольга» — там же, стр. 304) не была своевременно получена Чеховым, находившимся в дороге, точно так же как и телеграмма Вл. И. Немировича-Данченко, посланная 1 февраля. Чехов получил поздравительные телеграммы по поводу первого представления «Трех сестер» уже по возвращении в Ялту (они были адресованы в Алжир до востребования). В ответном письме Книппер сообщала: «„Сестры“ гремят. Вчера после 4-го акта овации».

...какая чудесная страна эта Италия! — 8

февраля Книппер писала: «Наслаждайся Италией — какой полной, полной жизнью можно там жить — и природа, и поэзия, и история! Там лихорадит от дум об угасших жизнях... Но больше всего обаяния, по крайней мере для меня, это во Флоренции, правда или нет?»

Я теперь совершенно здоров ~ Не беспокоюсь... — В письме от 19 января Книппер беспокоилась о здоровье Чехова. 23 января она спрашивала: «Нашел мою телеграмму от 17-го янв. или не искал? Как я рада, что ты опять здоров. Отчего ты мне не пишешь, что с тобой было, Антон? Меня это огорчает. Мне тогда кажется, что ты ко мне охладеваешь».

...и написал ему. — См. предыдущее письмо

...я в Италии уже четвертый раз. — Чехов не вполне точен: четвертый раз он был вообще за границей, собственно же в Италии — третий. Первый раз (в марте — апреле 1891 г.) он посетил Венецию, Флоренцию, Неаполь, Рим и др.; во второй раз в сентябре — октябре 1894 г. — Милан, Геную; с начала сентября 1897 г. по конец апреля 1898 г. он прожил во

Франции (в Биаррице, Париже, а более всего — в Ницце), но в Италию не заезжал.

Получил письмо от Немировича: он тебя хвалит. — В письме Вл. И. Немировича-Данченко, написанном 22 января, вскоре после приезда его из Ниццы в Москву, давалась характеристика всем участникам спектакля «Три сестры». «Актеры все овладели тоном, — писал Немирович. — Калужский, очень милый и неглупый толстяк в первых актах, нервен, жалок и трогателен в 3-м и особенно дорог моей душе в последнем. Савицкая прирожденная директриса гимназии. Все ее взгляды, морали, деликатность в отношениях, отцветшие чувства — все получило верное выражение. Иначе, чем директрисой, она кончить не может. Недостает еще чисто актерской выразительности, но это дело последнее. Оно придет. Книппер очень интересна по тону, который хорошо схватила. Еще не овладела силой темперамента, не совсем близка к этому. Будет из ее лучших ролей. Желябужская чуть повторяет „Одиноких“, но трогательна, мила и делает большое впечатление. Алексеева — выше похвал, оригинальна, про-

ста. Особенно ясно подчеркивает мысль, что несколько прекрасных людей могут оказаться в лапах самой заурядной пошлой женщины. И даже без всяких страстей. Самарова плачет настоящими слезами. Алексеева (Ольга) типична в горничной. Вершинин... Судьбинин сменен. Качалов приятен, но ординарен. Он очень хорошо играл бы Тузенбаха, если бы ты меня послушался и отдал ему. Но и Вершинин он недурной, только жидок. Алексеев читал мне роль. Интересно очень. Завтра он вступает в пьесу. Мейерхольд выжимает, бедный, все соки из себя, чтобы дать жизне-радостность и отделаться от театральной рутины. Труд все преодолевает, и в конце концов он будет хорош. Артем — выше моих ожиданий. Вишневский играет самого себя без всяких прикрас, приносит большую жертву искусству и потому хорош. Сегодня я в духе, я совсем поверил в пьесу» (*Избранные письма*, стр. 231–232).

3286. А. Ф. МАРКСУ

2(15) февраля 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые

опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 181–182.

Ответ на письмо А. Ф. Маркса от 13 января 1901 г.; Маркс ответил 14 февраля (ГБЛ).

Пятнадцать тысяч сестра моя получила... — В письме от 13 января Маркс сообщал Чехову: «Пятнадцать тысяч (15 000) рублей январского платежа по нашему договору от 26 января 1899 года, согласно Вашему желанию, будут внесены сестре Вашей Марии Павловне в Москве конторою Н. Н. Печковской, которой я одновременно с сим посылаю надлежащее уведомление. Об этом же я уведомил сегодня и Марию Павловну» (см. также письмо 3256*).

...о чем писала мне уже... — О получении денег от Маркса М. П. Чехова сообщала брату в письме от 17 января 1901 г. (см. письмо 3256* и примечания к нему*).

Два тома «Пьес» ~ я получил... — 13 января Маркс извещал: «Седьмой том Ваших сочинений — „Пьесы“ — уже вышел из печати, и я посылаю Вам под заказною бандеролью два экземпляра, если Вам требуются еще экземпляры, будьте любезны сообщить».

...прошу выслать еще 8 томов... — На эту

просьбу Чехова Маркс откликнулся в ответном письме: «Согласно Вашему желанию распорядился о высылке Вам еще 8 экземпляров тома „Пьес“. Вместе с тем высылаю Вам десять экз. только что вышедшего III тома Ваших сочинений. Книги отправлены в Ялту».

...я сообщу Вам содержание IV тома... — «Третий том, — писал Маркс, — выйдет в самом скором времени, и теперь уже набирается IV том. Очень просил бы Вас сообщить мне окончательно установленное Вами содержание этого тома и порядок, в каком должны печататься в нем статьи. У нас имеются следующие произведения, назначенные в IV том: 1) Рассказы, 2) „Пари“, 3) „Именины“, 4) „Без заглавия“ и 5) „каштанка“. Кроме того, в этот же том были назначены „Воры“, но текста этой вещи у нас нет. Вы нам его пришлете? Должно ли еще что-нибудь войти в IV том?» 21 февраля Чехов послал Марксу копию списка «рассказов, составляющих содержание каждого тома» (см. письмо 3302*).

Рассказ «Воры» послан мною Вам... — В ответном письме Маркс извещал: «Спешу также сообщить Вам, что рассказ „Воры“, к счастью,

нашелся — среди бумаг покойного Юлия Осиповича <Грюнберга>».

Пьеса «Три сестры» печатается в «Русской мысли» ~ прислана Вам. — Маркс писал: «Еще одна просьба. Когда можно будет включить в наше издание Вашу новую пьесу „Три сестры“? Не пришлете Вы нам текст этой пьесы?» Впервые «Три сестры» были напечатаны в «Русской мысли», 1901, кн. 2, февраль. В начале марта Чехов отослал Марксу журнальный, корректурный оригинал пьесы для напечатания в собрании сочинений и сборнике: А. П. Чехов. Свадьба. Юбилей. Три сестры (см. письмо 3326* и примечания к нему*).

3287. Е. Я. ЧЕХОВОЙ

2(15) февраля 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: «Красный архив», 1929, № 6 (37), стр. 180.

Открытка. Датируется по почтовым штемпелям: Рима. 15.2.01; Ялта. 10 II.1901, и помете Чехова: «пятница», которая приходилась на 2 февраля.

3288. М. П. ЧЕХОВОЙ

2(15) февраля 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XIX, стр. 35.

Открытка. Год устанавливается по почтовым штемпелям: Рона. 15 II.01; Москва. 7 II.1901.

Ответ на письмо М. П. Чеховой от 22 января 1901 г. (*Письма М. Чеховой*, стр. 169–170).

Бонье и Ольги Мих<айловны> не видел... — Е. Я. Чехова извещала Чехова: «К тебе 20 числа едет Соф. Пав. Бонье и Пав. Петр. Розонов» (ГБЛ). Ольга Михайловна — Соловьева-Березина.

...напишу им насчет Коновицера сегодня же. — В своем письме Мария Павловна обращалась к брату с просьбой: «В Ницце будет м-те Соловьева-Березина гурзуфская. Если ты ее увидишь, то порекомендуй ей Коновицера для ведения дел. Ей необходим такой человек, и для Коновицера за все его дела и добродетели нужно что-нибудь сделать. М-те Березину здорово притесняют за ее богатство, и такой человек, как Коновицер, может очень ей пригодиться». Письмо Чехова о Коновице-

ре к Соловьевой-Березиной и Бонье неизвестно.

3289. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ

4(17) февраля 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 56–57.

Открытка. Год устанавливается по почтовым штемпелям: Roma. 18.2.01; Nice. 19 Fevr. 01.

Ответ на письма О. Р. Васильевой от 27 января (9 февраля) и 1(14) февраля 1901 г. (ГБЛ).

Очень возможно, что Ваше одесское имение стоит 200 тыс. — Васильева писала Чехову 1 февраля: «Не знаю, где Вы, а то хотела послать Вам еще одно письмо из Одессы — пишут, что дом мой стоит 200 000 р. Так вот — может быть примете это к сведению. Мож<ет> б<ыть> меня обманывают — не знаю».

Деньги по продаже пошлете в Москву проф. Поспелову... — Васильева предполагала значительную часть денег от продажи своего одесского дома пожертвовать на устройство клиники кожных болезней в Москве, поэтому

Чехов и советует ей послать деньги на имя А. И. Пospelова — известного дерматолога (подробнее об этом см. в примечаниях к письму 3248*).

...московскому городскому голове... — В. М. Голицыну.

Вы ничего не пишете о Вашем здоровье. — В январе в Ницце Васильева заболела. О себе она писала 1 февраля: «Мы все в „Grimaldi“ — через 1 1/2 нед<ели> едем в Женеву — тогда адрес: Rue des Charmilles, villa Wolsta. Как Вы уехали, так я и „Grimaldi“ и Ниццу разлюбила, и как-то стало не по себе шататься попусту. Пора уезжать. Вчера прочла Ваше „После театра“ — малюсенький рассказик — с великим наслаждением — давно мне ничего так не нравилось».

А как поживает моя дочь? — Так Чехов называл воспитанницу О. Р. Васильевой девочку Машу. В письме из Канн от 6(19) марта 1901 г. Васильева писала: «Я иногда почему-то бываю уверена, что схожу с ума. А что, тогда мое дух<овное> зав<ещание> будет действительно или нет? Я в нем Марусю Вам оставила. Низко, низко Вам кланяюсь, очень, очень

благодарю за все счастье, за всю радость, которую Вы доставляли мне, навещая меня в Ницце, — без мамы никогда так счастлива я не была, да и не буду. Маруся добрый, хороший ребенок — я его не стою. Часто я ей завидую, что не могу, как она, рассчитывать на ласковое слово от Вас».

Теперь мой адрес: Naples... — Чехов предполагал из Рима поехать в Неаполь, однако возвратился в Ялту.

3290. О. Л. КНИППЕР

4(17) февраля 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 97–98.

Написано на фирменной бумаге с изображением: «Grande Hôtel de Russie et des Iles Britanniques. H. Silenzi. Rome».

Книппер ответила 10 февраля 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 315–316).

Вчера получил из Неаполя телеграмму от Немировича... — Вторая телеграмма Вл. И. Немировича-Данченко (на французском языке) о премьерe «Трех сестер», адресованная в Неаполь, от 2 февраля 1901 г.: «Первый акт

громадные вызовы, энтузиазм, 10 раз. Второй акт показался длинным. Третий большой успех. После окончания вызовы превратились в настоящую овацию. Публика потребовала телеграфировать тебе. Артисты играли исключительно хорошо, особенно дамы. Привет от всего театра. Немирович-Данченко» (*Ежегодник МХТ*, 1944, стр. 135 и 193).

Первая телеграмма была послана Немировичем-Данченко накануне в Алжир и переслана Чехову в Ялту.

...женские роли были исполнены превосходно. — В письме от 10 февраля Книппер сообщала: «О „Сестрах“ говорят, говорят, о Чехове говорят, говорят <...> Меня за Машу везде хвалят. Щепкина-Куперник прислала мне трогательное письмо, благодарила за слезы, кот<орые> якобы я вызвала у нее своей игрой, и сказала, что я играла как большая артистка и что она так не плакала в театре. Сегодня меня трижды осаждали — в кондитерской продавщица, в театре у Корша <...> одна дама выражала свои восторги, и, наконец, домой пришли две особы подписывать карточки».

Сегодня получил письмо из Лиона от Льва

Антоновича... — Л. А. Сулержицкий (см. о его знакомстве с Чеховым в примечаниях к письму 3212*) писал Чехову в конце января — начале февраля 1901 г.: «Дорогой Антон Павлович, черт знает до чего обидно: так близко, а заехать не могу, нет денег и времени тоже мало. Дела у меня тут оказалось гораздо больше, чем я ожидал. Все-таки отсюда ближе послать Вам свою любовь, а посему (с Вашего разрешения) крепко-накрепко целую Вас <...>

Когда Вы будете в России? Мне ужасно хочется Вас видеть. А сильно подозреваю, что не удастся. Есть некоторая надежда, что скрутят мне в этом году голову. Не забывайте меня тогда, Антон Павлович, я все дурачусь, но я Вам говорю, что люблю Вас серьезно и глубоко, и мне дорого Ваше хотя бы самое маленькое внимание... Почему и отчего, сейчас не в настроении писать, но сказал это Вам искренно. Ольга Леонардовна и я часто об Вас говорим, когда видимся, и обоим от этого делается хорошо; она верит, что я искренно Вас люблю, а я знаю то же самое про нее, и поэтому хорошо» (Сулержицкий, стр. 397–398).

...из *Nervi* телеграмму от Миролубова. —

Телеграмма от 4 февраля 1901 г. (см. примечания к письму 3284*). В ответном письме Книппер просила: «Кланяйся Мирову, если увидишь».

3291. О. Л. КНИППЕР

7(20) февраля 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 98–99.

Написано на той же фирменной бумаге отеля, как и предыдущее письмо к ней.

Книппер ответила 12 февраля 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 317–319).

Очень уж здесь холодно... — «Отчего все-таки ты не проехал в Неаполь? — спрашивала Книппер в ответном письме. — Положим, в Италии зимой очень неуютно из-за „продувных“ домов. Ведь печей нет, и я там зябла отчаянно — только и жизни, что на улице, на солнце».

От тебя ни одного письма насчет представления «Трех сестер»... — Подробно о премьере «Трех сестер» Книппер писала в письме от 5 февраля (см. примечания к письму 3283*). 13 февраля Книппер сообщала: «Вчера кончи-

ли сезон „Тремя сестрами“. Сыграли семь раз! Конечно, все с аншлагами, даже все запасные места были отданы. Вчера гвалт был страшный. Были подношения цветочные Лилиной и Андреевой, после 4-го акта вышла вся труппа; выкатили огромную корзинищу цветов от дирекции и раздавали всем актрисам. Публика сумасшествовала, цветы мы все рвали и бросали в публику. В ушах звенело от криков и аплодисментов. Но мне почему-то всегда в такие минуты бывает очень тоскливо. И вчера мне все плакать хотелось, и такой я себя одинокой чувствовала! <...> Я много писем отравила в Неаполь, и Немирович телеграфировал тебе туда, почему ты до сих пор ничего не имеешь? Впрочем, что же я спрашиваю — ведь ты не был в Неаполе. Значит, все еще предстоит тебе. Может, это мое письмо придет раньше, чем корреспонденция из Италии, и потому знай, что „Сестры“ прошли с большим успехом; и пьеса и исполнение произвели сенсацию. Старуху твою хвалят. Ты рад? Сегодня была Соня Герье — без ума от пьесы. Тот, кто ее понял, тот не выносит гнета в душе, а кто не понял — жалуется на безумно тя-

желое впечатление. Если бы ты мог быть на последних репетициях, конечно многое было бы еще лучше. Первый акт ошеломляет публику. Ведь он дивный! С каким наслаждением я играю Машу! Ты знаешь, она мне, кроме того, принесла пользу. Я как-то поняла, какая я актриса, уяснила себя самой себе. Спасибо тебе, Чехов! Браво!!!»

...в «Новом времени» в телеграмме сказано, что ты играла лучше всех... — В № 8957 «Нового времени» от 2(15) февраля 1901 г. опубликована телеграмма из Москвы о первом представлении «Трех сестер» в Художественном театре: «Вчера в Художественном театре шла в первый раз новая драма Чехова „Три сестры“. Драма Чехова имела успех. Большинство героев новой драмы — офицеры. В „Трех сестрах“ рисуется провинциальный быт интеллигентного общества, скучающего и пошлеющего в тине захолустья. Разыграна драма с редким ансамблем, причем выделились г-жа Книппер, играющая одну из трех сестер, и новый артист Художественного театра г. Громов, превосходно изобразивший офицера Соленого, невежественного, мрачно-

го бретёра, который воображает себя чем-то вроде Печорина».

Более обстоятельная рецензия на спектакль была дана в «Новом времени» 5 февраля 1901 г. (№ 8960). Ее автор писал: «Первый акт написан г. Чеховым блестяще: живо, стройно, великолепным языком. Внимание зрителей было огромное, впечатление также большое, публика вызывала артистов очень шумно и кричала:

— Браво, Чехов!

Второй, третий и четвертый акты значительно жиже и скучнее <...>. Разыграна драма очень хорошо, причем молодой артист Громов, если не ошибаюсь, дебютировавший в драме, играл бретёра Соленого так, что возбудил всеобщее приятное удивление. Лучшей фигуры трудно себе и представить. Прекрасно играла г-жа Книппер (Маша), да и все заслуживают большой похвалы. Только г-жа Лилина, желая подчеркнуть пошлость Наташи, придала ей отчасти карикатурный вид, и совершенно не понял роли г. Вишневский, изобразивший недалекого учителя гимназии Кульгина каким-то балаганным арлекином.

По окончании спектакля на сцену вышел Вл. И. Немирович-Данченко и сказал, что автора в театре нет. — Телеграмму, телеграмму автору! — слышались голоса, покрытые аплодисментами. В общем, „Три сестры“ имели успех, чему способствовало, и немало, тщательное и талантливое исполнение главных релей лучшими артистами Художественного театра».

3292. В. М. ЛАВРОВУ

7(20) февраля 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 127.

Открытка. Год устанавливается по почтовым штемпелям: Рома. 21.II.01; Москва. 13.II.1901.

Ответ на письмо В. М. Лаврова от 19 января 1901 г. (ГБЛ).

...корректурa «Трех сестер» догнала меня в Риме. — В письме от 19 января Лавров сообщал: «Наконец-то я изъясил из обладания Немировича твоих „Трех сестер“ и отдал их набирать. Завтра вышлю тебе корректурa первого действия, если не наберут больше». О работе

Чехова в Риме над корректурой, полученной из «Русской мысли», М. М. Ковалевский вспоминал: «Я видел его после ряда часов, проведенных за корректурой „Трех сестер“. Он был не в духе, находил пропасть недостатков в своей пьесе» (М. М. Ковалевский. Об А. П. Чехове. — «Биржевые ведомости», 1915, № 15185).

...пьеса не поспевает для февральской книжки. — Лавров намеревался напечатать «Три сестры» в февральской книжке «Русской мысли», поэтому просил о скорейшем возвращении авторской корректуры: «Душечка, не задержи, а то нам с февральскою книжкой суцая беда: проклятая масленица пришлась как раз <не> на том месте, где бы ей быть надлежало. Гольцев уехал в Крым отдыхать». Пьеса «Три сестры» была напечатана в «Русской мысли» (кн. 2, за 1901 г., стр. 124–178) без авторской корректуры. По этому поводу В. А. Гольцев писал: «Дорогой Антон Павлович, твое письмо из Рима пришло тогда, когда „Три сестры“, по последней корректуре Немировича, были уже напечатаны (Лавров был в деревне, теперь едет в Ялту). Тут уже — *vis major*, я ничего не мог сделать» (ГБЛ).

...пока вели выслать мне «действующих лиц», которых нет в корректуре и которых нет у меня. — В журнале «Русская мысль» «Три сестры» были напечатаны очень неряшливо; список действующих лиц составлен неполно, вероятно, самой редакцией журнала.

3293. М. П. ЧЕХОВОЙ

7 (20) февраля 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 126–127.

Написано на бумаге с видом и штампом отеля: «Grand Hôtel de Russie des Iles Britanniques. H. Silenzi. Rome».

Ответ на письмо М. П. Чеховой от 28 января 1901 г. (*Письма М. Чеховой*, стр. 171–172).

...в Ялту, где я буду ~ получишь это письмо.

— Чехов приехал в Ялту 15 февраля.

Твое письмо о репетиции «Трех сестер» получил... — Письмо Марии Павловны от 28 января начинается описанием первой генеральной репетиции «Трех сестер» в Художественном театре: «Я сидела в театре и плакала, особенно в третьем действии. Три сестры играют

очень хорошо, нельзя ни к чему положительно придраться. Сцены между ними бывают удивительно трогательны. Савицкая страшно симпатична. Не удовлетворяет меня только Лилина, мне кажется, она несколько утрирует... Если бы ты знал, как интересно и весело идет первый акт! Мне больших трудов стоило вчера уговорить Олю снять рыжий парик, который к ней положительно не идет и делает голову огромной. Теперь она будет играть со своими волосами. Думаю и чувствую, что пьеса будет иметь огромный успех. Полковник Петров бывает на репетициях каждый день, делает свои замечания как режиссер. Его называют очередным режиссером, смеются над ним, но вежливы и деликатны с ним».

3294. О. Л. КНИППЕР

11 февраля 1901 г.

Печатается по подлиннику (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 99.

Телеграмма. Датируется по служебной помете на бланке: Принята 11 II.1901 г.

О. Л. Книппер ответила 12 февраля 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 317–319).

...Одесса, «Лондон». — «Одесские новости», № 5211 от 13 февраля 1901 г., сообщали: «Третьего дня приехал в Одессу из Ниццы Ан. П. Чехов. Газетные сообщения о пребывании даровитого нашего писателя в Алжире неверны. Все это время он провел в Италии и теперь едет домой в Крым. В ожидании парохода Ан. П. остановился в Лондонской гостинице». В вечернем приложении к «Одесским новостям» (1901, № 5213, 14 февраля) извещалось: «Ан. П. Чехов сегодня утром выехал из Одессы в Ялту».

3295. М. П. ЧЕХОВОЙ

16 февраля 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 127–128.

Год устанавливается по ответному письму М. П. Чеховой от 24 февраля 1901 г. (*Письма М. Чеховой*, стр. 174–175) и по содержанию (приезд из-за границы в Ялту).

...я уже в Ялте ~ ничего не знаю насчет Москвы, насчет пьесы... — В письме от 15 февраля Мария Павловна сообщала брату последние новости: «Какая радость в театре, если бы

ты знал! По-видимому, ты многих моих писем не получал, где я писала о пьесе. Я послала письмо не только в Неаполь, но даже и в Алжир. Вчера мне принесли из Художественного театра 1840 рублей за пьесы. Я отвезла их в Международный банк <...> Труппа Художественного театра уже уехала в Петербург. Уехала и Ольга Книппер. Они, кажется, будут там иметь большой успех. Билеты на два абонемена все проданы уже давно. Жаль очень, что не повезли „Чайку“» (там же, стр. 174).

...завтра утром посылаю тебе посылку...
— В ответном письме Мария Павловна благодарила брата: «Милый Антоша, очень и очень благодарю тебя за подарок. Клетчатый пледик очарователен, хороши платки, но если бы было больше таких, как два кружевных, то было бы лучше — мне именно таких хотелось. Остальное все очень нравится и весьма кстати, особенно ножницы. Мой письменный стол украсился бьюваром из Ниццы».

...скажи Маше... — Кухарке Чеховых М. Т. Шакиной.

19 февраля 1901 г.

Печатается по подлиннику (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 99.

Телеграмма. Датируется по служебной помете на бланке: Принята 19/2 1901 г.

О. Л. Книппер ответила телеграммой от 20 и письмом от 21 февраля 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 321 и 323–325).

Жду подробной телеграммы... — Чехов послал свою телеграмму в Петербург, где в этот день начинались спектакли Художественного театра пьесой «Дядя Ваня». О начале гастролей Московского Художественного театра в Петербурге извещал Чехова Вл. И. Немирович-Данченко телеграммой от 18 февраля: «Завтра начинаем. Материальный успех сумасшедший. Ни одной рекламы. Газеты совершенно замалчивают. За две недели было всего два объявления. Между тем, что объявим, билеты немедленно рвут на части. Своими глазами видел толпу 200 человек 11 часов вечера накануне продажи. Три абонемена по 5 спектаклей и объявленные вне абонемена проданы. Объявленный репертуар: 19 „Дядя Ваня“, 20 „Одинокие“, 21 „Дядя Ваня“, 22

„Одинокие“, 23 „Штокман“, 24 „Дядя Ваня“, 25 утром „Дядя Ваня“, вечером „Геншель“, 26 „Штокман“, 27 „Геншель“, 28 „Три сестры“, 1 марта „Три сестры“, 2 „Дядя Ваня“» (*Ежегодник МХТ*, 1944, стр. 135). Книппер в ответной телеграмме сообщала: «Успех Чехова и театра громадный; здорова, весела, писем не получаю». Более подробно о первом спектакле она писала 21 февраля: «Твою телеграмму я получила в радостную минуту — после блестящего 1-го представления „Дяди Вани“. Это был твой тоже успех. Публика потребовала послать тебе телеграмму и тут же при открытом занавесе Немирович писал ее и прочел публике. Послышались крики — теплее писать! Тебе приятно было получить от публики? Или ты равнодушен? Несмотря на ругань в газетах, в публике — успех». Кроме упомянутой Книппер телеграммы от публики, была послана также телеграмма от артистов Художественного театра: «Вызовов очень много — четыре после первого действия, потом все сильнее, по окончании без конца, после третьего действия, по заявлению, что тебя в театре нет, публика поручила послать тебе при-

ветственную телеграмму. Все крепко тебя обнимают. Немирович-Данченко, Екатерина Немирович-Данченко, Алексеев, Алексеева, Книппер, Вишневский, Калужский, Артем, Равская, Самарова и проч. и проч.» (*Избранные письма*, стр. 233). Об этом же спектакле послал Чехову телеграмму и Вл. И. Немирович-Данченко (см. примечание к письму 3303*).

3297. П. Н. БОЯРОВУ

20 февраля 1901 г.

Печатается по автографу (собрание В. Г. Лидина). Впервые факсимиле напечатан в журнале «Книга и пролетарская революция», 1939, № 7–8, стр. 188.

Письмо вклеено адресатом в экземпляр одновременно посланного ему Чеховым сборника «В сумерках». СПб., 1898 (11-е изд.). (Дарственную надпись Чехова см. в т. 12 Писем).

Ответ на письмо П. Н. Боярова от 18 ноября 1900 г. (Федоров И. В. Новые документы о связи А. П. Чехова с Таганрогом. — «Краевые записки (Таганрогский краевой музей)». 1957, вып. 1, стр. 361).

Не отвечал так долго на Ваше письмо... — В своем письме Бояров обращался к Чехову с просьбой: «По праву Вашего товарища-одноклассника по Таганрогской гимназии позволяю себе покорно просить подарить мне на память один экземпляр Ваших произведений, которые, независимо <от> гордости, какою я буду преисполнен, имея их лично от автора-писателя, всегда будут напоминать мне о светлых днях юности, вместе проведенных в стенах родной гимназии и родного города».

3298. О. Л. КНИППЕР

20 февраля 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 99-100.

Ответ на письма О. Л. Книппер от 12 и 15 февраля 1901 г.; Книппер ответила 24 февраля (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 317-319, 319-320 и 330-331).

...и из Москвы, и из Петербурга, и из-за границы. — Письмо от 12 февраля было послано Книппер из Москвы, от 15 февраля — из Петербурга. Из-за границы в Ялту пришли письма Книппер от 5, 8 и 10 февраля, адресован-

ные ею в Неаполь.

Похоже на неуспех, потому что все, кто читал газеты, помалкивают... — Пьеса Чехова была принята критикой холодно, хотя все газеты отмечали, что самая постановка ее в Художественном театре была необычайно удачна. «В смысле актерского и режиссерского творчества этот спектакль считается одним из лучших в нашем театре», — писал впоследствии Станиславский. Он вспоминал, что на премьере дружные аплодисменты были лишь после первого акта, «но после других актов и по окончании пьесы аплодисменты были настолько жидки, что мы с натяжкой выходили по разу. Нам тогда казалось, что спектакль не имел успеха и что пьеса и исполнение не приняты». Станиславский объясняет это тем, что «потребовалось много времени, чтобы творчество Чехова и в этой пьесе дошло до зрителей». А. Б. Дерман справедливо отмечал в своих комментариях: «Кажущийся неуспех премьеры „Трех сестер“ должен быть отчасти объяснен и тем, что самый характер впечатления от пьесы — глубокий и трагический, располагая зрителей к сосредоточенно-

сти, а не к шумному внешнему проявлению восторга. Первый акт, написанный в светлых тонах, вызвал настоящую овацию уже на премьере» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 322–323).

...Маша в своих письмах очень хвалит. — См. письма М. П. Чеховой к брату от 28 января (примечания к письму 3293), от 4 и 15 февраля. 4 февраля она писала: «Я была на первом и втором представлении твоих „Трех сестер“. Очень, очень интересно. Пьеса прелесть. Поставлена хорошо, хотя местами можно было бы и лучше для Художественного театра. Соленый публике очень нравится. Играют почти все хорошо. Книппер хороша. Савицкая играет благородно в высшей степени. Желябужская славненькая, молоденькая Ирина очень трогательная. Но Лилина, по-моему, все-таки утрирует, хотя в публике имеет огромный успех. У Лужского тоже чего-то не хватает, но все остальные великолепны. На счет Лилиной и Лужского, быть может, я и не права. Успех пьесы огромный. Второе представление выделило пьесу в совершенстве. „Три сестры“ гораздо лучше „Дяди Вани“ и да-

же, пожалуй, — „Чайки“. Уже нет ни одного билета на все шесть будущих представлений <...> И для бедного Иваненки я ничего не могу сделать. Вчера я не имела места и кое-где пристраивалась. Из театра я поехала ужинать с Шехтелем и Ликой в Эрмитаж. Сидели долго, и все говорили о твоей пьесе. Шехтель восторгается без конца <...> На первом представлении был ялтинский Ярцев. О том, что тебя вызывали без конца и театр гудел, тебе, наверное, писали» (Письма М. Чеховой, стр. 172–173).

Здесь Бунин ~ бывает у меня каждый день.
— 18 февраля 1901 г. Бунин писал М. П. Чеховой: «13-го февраля, во вторник, я выбыл из Аутки на пароход, но на набережной увидел необычайное волнение моря и поэтому, дабы не докучать своей возней Евгении Яковлевне, отправился в гостиницу „Ялта“, где живу и до сего времени. Во вторник же Варвара Константиновна <Харкеевич> получила телеграмму из Одессы от Антона Павловича, что он едет. Значит, сложилось все чудесно, мы беспокоились только, что Антона Павловича будет качать. В четверг ночью он прие-

хал, а в пятницу утром позвонил мне в телефон и позвал к себе. Был я у него и в пятницу, и в субботу, и сегодня — по целым дням; конечно, по его желанию, а не вследствие начальства, присущего мне. Был он со мной очень ласков, а мне было очень приятно быть с ним. Он задержал меня здесь — этим и объясняется то, что я еще здесь. Но в Аутку не переезжаю, ибо я все-таки на отлете. В Одессу все-таки еду, а затем в Москву. Антон Павлович имел сперва немного утомленный вид, но сегодня был хорош» (М. П. Чехова. Из далекого прошлого. М., 1960, стр. 236). О своих встречах с Чеховым в этот период Бунин вспоминал: «Он настаивал, чтобы я бывал у него ежедневно с самого утра. И в эти дни мы особенно сблизились, хотя и не переходили какой-то черты, — оба были сдержанны, но уже крепко любили друг друга. У меня ни с кем из писателей не было таких отношений, как с Чеховым. За все время ни разу ни малейшей неприязни. Он был неизменно со мной сдержанно нежен, приветлив, заботился как старший — я почти на одиннадцать лет моложе его, — но в то же время никогда

не давал чувствовать свое превосходство и всегда любил мое общество — теперь я могу это сказать, так как это подтверждается его письмами к близким <...> По утрам пили чудный кофе. Потом сидели в садике, где он всегда что-нибудь делал в цветнике или около плодовых деревьев <...> Наедине со мной он часто смеялся своим заразительным смехом, любил шутить, выдумывать разные разности, нелепые прозвища; как только ему становилось лучше, он был неистощим на все это <...> Иногда я читал ему его старые рассказы. Он как раз готовил их к изданию, и я часто видел, как он перемарывал рассказ, чуть не заново его писал. <...> Я вижу Чехова чаще бодрым и улыбающимся, чем хмурым, раздраженным, несмотря на то, что я знавал его в течение четырех лет наших близких отношений в плохие периоды его болезни. Там, где находился больной Чехов, царили шутка, смех и даже шалость. Никогда не видал его в халате, всегда он был одет аккуратно и чисто. У него была педантичная любовь к порядку — наследственная, как настойчивость, такая же наследственная, как и наставительность» (И.

А. Бунин. Чехов <Дополнения>. — Чехов в воспоминаниях, стр. 532–534).

3299. Н. П. КОНДАКОВУ

20 февраля 1901 г.

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано: *Письма, собр. Бочкаревым*, стр. 24–25.

Ответ на письмо Н. П. Кондакова от 5 февраля 1901 г.; Кондаков ответил 25 февраля (ГБЛ).

В Ницце я получил от Вас одно письмо... — Письмо от 2 января 1901 г. (ГБЛ; см. о нем в примечаниях к письму 3229).*

...письма моего ~ не получили. — Это письмо Чехова неизвестно.

...был во Флоренции и в Риме... — 26 января 1901 г. Чехов с М. М. Ковалевским и А. А. Коротневым уехали из Ниццы в Италию. С 28 по 31 января они были во Флоренции, а затем поехали в Рим, где пробыли до 8 февраля.

...брань Буренина читал ~ окатывать меня помоями... — В «Критических очерках» («Новое время», 1901, № 8964, 9 февраля) В. Буренин, рецензируя повесть П. Боборыкина «Од-

нокурсники», писал: «Мне понравилась в повести только одна страница, которая, впрочем, выходит как бы мотивом „из другой оперы“: это несколько справедливых критических замечаний по поводу не в меру прославляемой и восхваляемой „Чайки“ г. Чехова; пьесы в сущности фальшивой по идее и неважной во многих отношениях». Буренин считал, что причина успеха пьесы — в рекламе: «Как в самом деле не быть успеху, коли сперва двадцать раз извещают по телеграфу о том, что пьеса „задумана“ автором, потом тридцать раз о том, что она „пишется“, потом сорок раз о том, что она „дописывается“, потом пятьдесят раз о том, что она „приготавливается“ к постановке и т. д. Не только глупых и малоразумеющих людей, но и не глупых и кое-что понимающих можно такими предупредительными рекламами заинтересовать и обморочить». В ответном письме к Чехову Кондаков писал по поводу статьи Буренина: «Никто не отнес буренинских инсинуации к Вам лично, но все же то, что он написал, гадко».

Насчет профессуры его пока еще ничего

неизвестно... — В письмах от 2 января и 5 февраля адресат передавал Чехову слух о том, что Ковалевскому, уволенному из Московского университета и уехавшему за границу, будет вновь разрешено чтение лекций в России. Так, 2 января Кондаков писал: «Прошел здесь слух, что он будет проф<ессор> в Политехнике. Правда?»

...в июне едет в Америку читать лекции... — Коротнев сообщал Чехову 8 июня 1901 г.: «Мак<сим> Ковалевский уже, вероятно, уехал в Америку (кажется, с пароходом 12-го иностран<ного> июня). Он сожалеет, что Вы ему изменили, но преклоняется пред законностью Вашей измены и от всей души также поздравляет. Представьте, он весною вторично ездил во Флоренцию ради приятелей, ассортимент которых был, конечно, другой, а именно Боборыкин, Соболевский и Чупров» (*Из архива Чехова*, стр. 227). 16 июня В. М. Соболевский писал Чехову: «М. М. Ковалевский уехал в Америку и теперь, вероятно, уже и приехал, судя по письму, полученному мною от него из Парижа и писанному в день отправления в Шербург на пароходе» (*ГБЛ*).

...изъявили согласие написать о том, что будет в Художественном. — В связи с предстоящими гастролями Московского Художественного театра в Петербурге Кондаков писал Чехову 5 февраля: «Мы абонировались на 5 великопостных спектаклей в Панаевском театре московской труппы. Прикажете написать, что будет?» 22 февраля 1901 г. Кондаков сообщал о первом впечатлении от спектаклей Художественного театра: «Пишу к Вам под напором восторженных чувств, одолевших меня на вчерашнем представлении „Дяди Вани“ труппою Станиславского. После 3-го акта я ходил за кулисы к Станиславскому на правах „Вашего знаконца“ и свидетельствовал ему много раз свою искреннюю благодарность. Публика жалела и волновалась. Я воспринимал, с наслаждением, всю художественную реальность пьесы и игры, как-будто через открытую стену, в жизни. Когда затем я обращался с вопросом к Нем<ировичу>-Данченко, тут же бывшему у Станиславского, он сказал, что считает Вас истинным или большим драматургом. О том не могу судить, но я истинно поражен разницею пьесы в чтении и

в представлении» (ГБЛ). О впечатлении Кондакова от спектаклей «Три сестры» и «Возчик Геншель» Г. Гауптмана см. примечания к письму 3310*.

3300. А. А. ТЕТЕРЕВУ (А. ЕПИФАНСКОМУ)

20 февраля 1901 г.

Печатается по автографу (ТМЧ). Впервые опубликовано: «Таганрогская правда», 1965, № 244, 10 декабря.

Ответ на письмо А. А. Тетерева от 14 февраля 1901 г. (ГБЛ).

...лестное для меня приветствие... — 8 февраля 1901 г. в Смоленске в здании городской управы состоялся «общедоступный литературно-музыкальный вечер, посвященный произведениям А. П. Чехова». На нем был прочитан ряд рассказов и сцены из пьес писателя, выступал хор смоленского общества приказчиков, продавались портреты А. П. Чехова. По инициативе присутствующих было послано приветствие писателю, под которым подписались 67 человек. В нем, между прочим, говорилось: «Из глубины провинции, с такой художественной силой изображенной в Ва-

ших произведениях, приносим Вам — гордости нашей современной литературы, искренние пожелания здоровья и сил». Среди подписавшихся стоят имена видных социал-демократов: М. Г. Дейч, А. С. Серафимович, Богданович, Ратнер, Гуревич, Малиновский. Переписать приветствие Чехову было поручено А. А. Тетереву (Епифанскому), сотрудничавшему в 1899–1902 гг. в газете «Смоленский вестник». В сопроводительном письме от 14 февраля он писал: «Собравшаяся на вечер публика просила меня послать Вам прилагаемое приветствие».

...фотографию посылаю... — Тетерев просил Чехова прислать его «фотографическую карточку на память об устроенном в Смоленске вечере». Дарственную надпись на фотографии (хранится в ТМЧ) см. в т. 12. Писем.

3301. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ

21 февраля 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Чехов, *Лит. архив*, стр. 57–58.

О. Р. Васильева ответила 6(19) марта 1901 г. (ГБЛ).

Проездом я был в Одессе... — Чехов приехал в Одессу 11 февраля, утром 14 февраля он выехал в Ялту (см. примечания к письму 3294).*

...нашел в «Одесских новостях» одного человека, который обещал навести справки... — По просьбе Васильевой Чехов хлопотал о продаже ее дома в Одессе. Кого из сотрудников «Одесских новостей» он попросил навести справки о стоимости дома Васильевой, установить не удалось.

Приехали ли Вы в Швейцарию, или же все еще в Ницце? — О своем намерении ехать после Ниццы в Женеву Васильева сообщала в письме, помеченном «Ницца, вторник» и рукой Чехова «901, II». В ответном письме она сообщала: «Я до того малодушна, что вместо Женевы попала в Канн — недели на 1 1/2. При Вас я верила, что и жить я буду осмысленно, и денег на себя тратить не буду, а теперь... Я хотела бы, чтобы дом этот скорее продан, — деньги отдались... В Женеве начну изучать словесность».

21 февраля 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 182.

Ответ на письма А. Ф. Маркса от 14 и 16 февраля 1901 г.; Маркс ответил 6 марта (ГБЛ).

...список рассказов, составляющих содержание каждого тома ~ посылаю Вам его копию. — В письме от 13 января 1901 г. Маркс просил разметить содержание следующих, после III, томов собрания сочинений Чехова: «А для следующих томов материал у Вас готов и когда Вы нам его пришлете? Скорым ответом на эти вопросы весьма меня обяжете» (ГБЛ). 14 февраля Маркс снова напоминал Чехову: «Содержание же IV тома будьте любезны прислать возможно скорее, так как этот том уже набирается. Вы очень обязали бы меня также присылкою содержания и следующих томов, так как имеющийся у нас список Ваших произведений, распределенных по томам, все еще не удалось разыскать».

В IV том ~ должен войти еще рассказ «Пассажир I класса», выпущенный мною из III тома. — Впервые рассказ «Пассажир 1-го класса» был напечатан в «Новом времени», 1886,

№ 3765, 23 августа. Напечатан в т. IV собрания сочинений.

3303. О. Л. КНИППЕР

22 февраля 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 100–101.

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 15 февраля и телеграмму от 20 февраля 1901 г.; Книппер ответила 1 марта (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 319–321 и 336–337).

...как живешь в Петербурге? — Книппер писала: «Петербург с ума сошел, беснуется по поводу нашего приезда, ждут чего-то необыкновенного, и конечно последует разочарование. Билеты расхватываются с баснословной скоростью. Что-то будет?!!! Я сильно волнуюсь».

Вчера получил от Немировича телеграмму... — Вл. И. Немирович-Данченко 20 февраля телеграфировал Чехову о первом спектакле „Дяди Вани“, состоявшемся 19 февраля на гастролях Художественного театра в Петербурге: «Успех громадный. По окончании —

овации московского характера. Потребовали послать тебе телеграмму такого текста: „Публика первого представления „Дяди Вани“ шлет любимому русскому писателю привет и сердечное спасибо“» (*Ежегодник МХТ*, 1944, стр. 136). На следующий день Немирович опять информировал Чехова телеграммой об отзывах петербургской прессы: «„Новое время“ москвичей встретили очень дружелюбно и оценили режиссерский талант Станиславского. „Петербургская газета“ — обстоятельная суховатая рецензия Кугеля. Спектакли Художественного театра событие, почти единственное достоинство — понимание автора. Герой вечера Чехов. Актер только один — Станиславский. Вообще успех большой. „Новости“: постановка довольно оригинальная, сил нет, кроме Станиславского. „Россия“: успех огромный, беспремерные овации. „Биржевые ведомости“: явление необычайное для Петербурга. Безусловный успех, лучше всех Станиславский. Шумные одобрения. Все обещают подробности завтра. Кони и другие ценители говорили мне, что театр целое откровение» (там же). 21 февраля Немирович-Данченко по-

слал еще одну телеграмму, которую Чехов имеет в виду в настоящем письме: «Подробные рецензии, несмотря на дружные похвалы, в большинстве пошлы и легковесны. „Одинокие“ прошли без всякого успеха, хотя с вызывами и даже овацией» (там же).

...«Одинокие» успеха не имели... — Петербургская пресса отрицательно отнеслась к этому спектаклю Художественного театра. Ю. Беляев в отделе «Театр и музыка» («Новое время», 1901, № 8975, 21 февраля) отмечал: «20 февраля в театре шли „Одинокие“ Г. Гауптмана и произвели неблагоприятное впечатление. Вчерашних оваций <речь идет о спектакле „Дядя Ваня“> как не бывало. Правда, режиссерские старания были замечены и здесь, но актеры, актеры... После такого спектакля, право, кажется, что актеров и актрис более в театре не существует, а есть одни только „сценические деятели...“» В помещенной на следующий день («Новое время», № 8976) развернутой рецензии на этот спектакль Ю. Беляев отмечал: «Режиссерская часть с внешней стороны по обыкновению безупречна <...> А вот в актерах окончательно приходится разоча-

роваться. Все главные действующие лица играют как-то „про себя“, вполголоса, без малейшей экспрессии и желания сколько-нибудь заинтересовать публику <...> А г-жа Книппер — Анна... Разве это героиня? Ведь здесь нужна героическая твердость убеждения, нужен подъем духа, прямой, ясный взгляд, сильный, звонкий голос, а не бесполезное метанье по сцене попеременно с совершенной безучастностью к происходящему». См. также отзывы об «Одиноких» Н. А. Россовского в № 50 «Петербургского листка», «Номо повус» (А. Р. Кутель) в № 50 «Петербургской газеты», Импрессиониста (Б. И. Бептовина) в № 52 «Новостей», Смоленского (А. А. Измайлова) в № 51 «Биржевых ведомостей», Ф. Л. в № 51 «Петербургских ведомостей».

«Русская мысль» напечатала «Трех сестер» без моей корректуры... — «Три сестры» были напечатаны в февральской книжке «Русская мысль» за 1901 г. Корректурa пьесы была послана Лавровым за границу и путешествовала вслед за Чеховым по городам Италии. К нему она попала только 7 февраля в Риме. Чехов предполагал, что пьеса будет опубликова-

на в мартовской книжке, но редакция журнала напечатала пьесу, не дождавшись исправленной автором корректуры (см. также примечания к письму 3292*).

...Лавров-редактор в свое оправдание говорит, что Немирович «исправил» пьесу... — По свидетельству В. А. Гольцева, последнюю корректуру «Трех сестер» в «Русской мысли» просматривал Вл. И. Немирович-Данченко (см. примечания к письму 3292).*

...я получил от тебя только одно письмо и одну телеграмму. — Письмо от 15 и телеграмму от 20 февраля.

Ты весела, и слава богу... — Отклик на телеграмму Книппер: «Успех Чехова и театра громадный, здорова, весела, писем не получаю».

3304. М. П. ЧЕХОВУ

22 февраля 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: «Красный архив», 1929, № 6 (37), стр. 185–186.

Ответ на письмо М. П. Чехова от 7 февраля 1901 г. (ЦГАЛИ). С пропусками опубликовано в кн.: С. М. Чехов. О семье Чеховых. Ярославль,

1970, стр. 201–202); Чехов ответил 28 февраля (там же, стр. 205–208).

Что ты будешь жить в Петербурге ~ очень хорошо... — М. П. Чехов писал брату в Ниццу: «Я ездил в Петербург, чтобы хлопотать о назначении меня в... Гродну, но это не выгорело. Вместо этого я получил от Суворина предложение поступить к нему... Мне не с кем было посоветоваться, а с другой стороны, после серого, бестротуарного Ярославля Петербург показался мне таким очаровательным, что я согласился и принял предложение. Суворин дал мне на проезд 300 р. и считает мою службу с 1-го февраля. Таким образом, я переселяюсь на жительство в Петербург. Я не знаю, хорошо ли я сделал. Вероятно, хорошо. <...> если б я послушался тебя 12 лет тому назад, то мне не пришлось бы теперь начинать сначала. А служба и тогда бы не ушла! Я боюсь, что я не буду достаточно талантлив для газетного дела. За время службы... серые заборы и покосившиеся фонари испортили мой вкус. Я глубоко убежден, что я делаю лучше, разумнее с точки зрения призвания и любви к делу, но в то же время испытываю страхи за семью. А

она у меня прибавилась: в ночь на 21 января у меня родился сын Сергей. Итак, я переезжаю на жительство в Петербург. Твое желание исполнилось. Еще в прошлом году ты мне писал: „не в управляющие тебе надо проситься, а стараться как можно скорее переселиться в столицу“. Да будет по слову твоему» (подробнее о мотивах переезда М. П. Чехова из Ярославля в Петербург см. в кн.: С. М. Чехов . О семье Чеховых. Ярославль, 1970, стр. 199–217).

...Суворин, лжив, ужасно лжив ~ поступит как раз наоборот. — Пообещав М. П. Чехову должность в «Новом времени» и вызвав его в Петербург, Суворин не предупредил об этом своих служащих, поставив тем самым Михаила Павловича в неловкое положение. В феврале 1901 г. М. П. Чехов писал Суворину: «В Петербург я приехал уже совсем; осталось только нанять квартиру и перевезти семью. Я явился к Вам. На мой вопрос, чем мне заняться, Вы сказали, что положительно не можете сообразить, на что я способен <...> Вы дали мне аванс... Аванс разошелся в Ярославле на погашение долгов и на приготовление к отъ-

езду. Я Вам его отработаю. Имея только кое-какие крохи, я пошел в контору, чтобы получить жалование. Но кассирша была удивлена моей просьбой и сказала мне, что она совершенно ничего не знает о том, что мне положено жалование и что вообще я состою у Вас на службе, и рекомендовала мне справиться у Вас. Но просить Вас... я не мог... Попавший в чужой город, без денег и совершенно одинокий, я понял, что я совсем не нужен, и счел для себя все потерянным. Чтобы спасти хоть то, что я имел, я бросился обратно в Ярославль» (ЦГАЛИ).

Сыновья его... — А. А. и М. А. Суворины, стоявшие в это время во главе издания «Нового времени».

Анна Ивановна — жена А. С. Суворина.

Настя и Боря — дети А. С. и А. И. Суворинных.

Коломнин ~ умер недавно. — См. письмо 3217* и примечания к нему*.

3305. О. Л. КНИППЕР

23 февраля 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые

опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 101–102.

Год устанавливается по ответному письму Книппер от 2 марта 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 339–341).

Из петербургских газет я получаю одно «Новое время»... — «Новое время» (1901, № 8974, 20 февраля, отдел «Театр и музыка») откликнулось на начало гастролей Московского Художественного театра в Петербурге: «Спектакли Московского Художественного театра начались „Дядей Ваней“ А. П. Чехова. Петербургская публика очень дружелюбно встретила москвичей и по заслугам оценила режиссерский талант г. Станиславского».

...ничего не знаю о ваших триумфах. — Первый спектакль Художественного театра в Петербурге — «Дядя Ваня» вызвал сдержанные отзывы петербургской прессы. «Петербургская газета» в № 49 от 20 февраля 1901 г. (рецензия А. Р. Кугеля) отмечала прекрасную постановку пьесы и игру Станиславского, однако находила, что О. Л. Книппер неубедительна в роли жены профессора (см. примечания к письму 3307). В этот же день «Петер-*

бургская газета» поместила рецензию Н. Р<оссов>ского, который находил неудачною самую пьесу, но подчеркивал совершенство ансамбля Художественного театра, а из отдельных исполнителей отличил игру одного Станиславского. В игре Книппер он выделил, как удачные, только две-три сцены. Рецензент «Нового времени» Ю. Беляев (1901, № 8975, 21 февраля) положительно отозвался о постановке «Дяди Вани», а также об игре Станиславского; о труппе же Художественного театра в целом высказался резко отрицательно, считая, что в ней очень мало талантливых артистов. Об игре О. Л. Книппер он писал: «Незначительна г-жа Книппер, хотя по внешности трудно отыскать более подходящую артистку». Примерно такую же оценку дал спектаклю Импрессионист в «Новостях» (№ 51). Он положительно отметил игру Станиславского, Лужского и Лилиной, об остальных же артистах труппы замечал: «...у остальных, по-видимому, всё выучка, выучка и только выучка». Рецензент «Санкт-Петербургских ведомостей» Ф. Л. (№ 50), дав высокую оценку ансамблю Художественного театра, режиссуре и

постановке спектакля, из отдельных исполнителей похвалил только Станиславского и Лилину, об игре остальных артистов отозвался неблагоприятно. Однако некоторые газеты поместили и положительные отзывы о первом спектакле Художественного театра. Так, в № 50 «Биржевых ведомостей» Смоленский писал о «Дяде Ване»: «Исполнение пьесы труппой Московского Художественного театра может доставить истинное художественное наслаждение». Давая положительную оценку «достигнутому труппой ансамблю», рецензент и об отдельных исполнителях отзывался с похвалой (особенно о Станиславском). В частности, об игре Книппер он писал, что она была «несколько холодна. Наиболее удалась ей сцена примирения с Соней, в которой артистка проявила редкую способность прекрасно смеяться, и объяснения с Астровым».

Вот если бы ты присылала мне газеты, например «Биржевые ведомости» и «Новости»... — 2 марта Книппер сообщала: «Вчера я послала тебе две вырезки из „России“. А всю эту мелкую дрянью газетную, право, неинтересно читать, и потому я их не покупаю и те-

бе не посылаю». Вероятно, Книппер послала Чехову №№ 658 и 660 газеты «Россия». В первом (от 24 февраля) была напечатана рецензия Old Gentleman (А. В. Амфитеатрова) на спектакль Художественного театра «Дядя Ваня». Книппер Амфитеатров называл в рецензии «очень плохой актрисой», лишь подыгрывавшей «другим исполнителям». Однако несколько дней спустя, в № 665 «России», тот же Амфитеатров дал прямо противоположный, восторженный отзыв об исполнении Книппер роли Маши в «Трех сестрах».

...как долго будешь сидеть в Питере... — 2 марта Книппер писала: «Уедем мы отсюда, верно, 24-го. 23-го последний спектакль».

Будет ли ужин (или обед) в «Жизни»? — В письме от 21 февраля 1901 г. Книппер сообщала, что артисты Художественного театра приглашены редакцией журнала «Жизнь» на ужин (*Переписка с Книппер*, стр. 324). 2 марта Книппер уведомляла об ужине 25 февраля: «„Жизнь“ нам дает обед на 4-й неделе <...> Писала я тебе как-то, что мы ужинали у Палкина с „Жизнью“? Был Горький, Поссе, Ермолаев, Муринов, много наших артистов, из дам кути-

ли только я да Раевская; был Фейгин, Ермилов, который уморил нас своими рассказами. Со мной чуть не сделалось дурно от безумного хохота. Кутили до 6-ти час. и не хотелось уходить. Ужин был без речей, а с простыми тостами, Вл. Ив. что-то прокаламбурил насчет „Жизни“ — очень было мило. Кормили на убой, по-московски, и пили крушон из купели».

...Лавров ~ видел тебя в «Трех сестрах» и очень хвалит. — О своем впечатлении от спектакля Художественного театра «Три сестры» Лавров впервые рассказал в письме от 1 февраля 1901 г.: «Успех? Не такой шумный, какой имела „Чайка“, и по мне более ценный и значительный, потому что мы, зрители, отнеслись к делу с глубокою вдумчивостью и вниманием. Вообще-то успех громадный. Пьеса? С удовольствием зарезал бы тебя за нее — такое ужасающее впечатление она производит. Если ты хотел добиться этого — то можешь быть совершенно спокоен. В чтении оно представляется превосходным литературным произведением, но при сценической интерпретации выступает то, что не было

видно, ярко, рельефно и неумолимо безжалостно. Обстановка? Ну ее к черту. Конечно, хорошая, но сему последнему обстоятельству я придаю значение малое.

Публика? Были я и Гликерия Николаевна Федотова. Остальное — малоинтересное, может быть потому, что я почти никого не видел.

Игра? Играли все отлично, за исключением Книппер, та была положительно великолепно. Настоящая трагическая актриса высшей школы» (ГБЛ). Журнал «Русская мысль» откликнулся на постановку «Трех сестер» в Художественном театре рецензией Я. А. Ф-ина «Письма о современном искусстве» (№ 2 за 1901 г., стр. 214–215), в которой говорилось: «Драма имела очень крупный успех, в особенности первое действие, после которого артисты были вызываемы нескончаемое число раз. Поставлена драма А. П. Чехова на сцене Художественного театра действительно художественно и разыгрывается прекрасно. В особенности хороша г-жа Книппер в роли Маши и г. Артем в роли доктора Чебутыкина. Превосходно исполняют роли Ольги — г-жа Са-

вицкая, Ирины — г-жа Андреева и Наташи — г-жа Лилина. Менее удачно исполнение некоторых ролей мужского персонала. Г. Мейерхольд не передает истинного характера барона Тузенбаха, г. Вишневский — слишком подчеркивает внешне комическую сторону характера мужа Маши, учителя Кулыгина. Очень интересен, хотя и несколько однотонно груб г. Громов в роли „печеринствующего“ офицера Соленого».

3306. О. Л. КНИППЕР

25 февраля 1901 г.

Печатается по подлиннику (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 102.

Телеграмма. Датируется по служебной помете на бланке: Принята 25/2 1901 г.

Ответ на телеграмму О. Л. Книппер от 25 февраля 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 332).

Послано три письма... — Ответ на запрос Книппер: «Телеграфируй писем не получаю странно». Речь идет о письмах Чехова от 20, 22 и 23 февраля, посланных Книппер в Петербург.

3307. О. Л. КНИППЕР

26 февраля 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 102–103.

Датируется по сообщению Чехова: «сегодня уже 26 февр.» и содержанию (телеграмма* от Поссе, юбилей* Суворина — см. ниже).

Книппер ответила 3 марта 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 343–345).

...Петербург со своими газетами донял тебя... — Отклики петербургской прессы на первый спектакль Московского Художественного театра см. в примечаниях к письмам 3303*, 3305*. 1 марта Книппер сообщала: «Настроение у нас хорошее, несмотря на ругань в газетах. В публике успех безусловный. Говорят, драма не производила никогда еще в Питере такого переполоха. Пока блещут „Дядя Ваня“ и „Штокман“. Вчера сыграли „Три сестры“. Принимали отлично, играли, говорят, лучше чем в Москве. Еще ничего нигде не читала <...> Мне вчера очень „игралось“ в „Сестрах“, и в 4-м акте был подъем. Повторяю — это моя

любимая роль — чувствуешь?» (Переписка с Книппер, стр. 336).

От «Нового времени» я не ждал ~ ничего, кроме гадостей... — В № 8975 от 21 февраля 1901 г., в обзоре «Художественный театр. „Дядя Ваня“», высоко оценив внешнюю сторону постановки спектакля, Ю. Беляев писал: «Люди, т. е. актеры, изображающие чеховских героев, гораздо слабее обстановки. В Художественном театре вообще часто камни говорят, а люди так просто существуют. В труппе нет ни одного талантливого актера, кроме г. Станиславского, который есть в то же время режиссер и глава всего дела. Это маг и волшебник, порою из ничего создающий нечто. К нему нельзя относиться равнодушно. Нет актеров, а все-таки чувствуется ансамбль, общий тон, настроение. Все это дело рук г. Станиславского. Сам он играет прекрасно, хотя не всегда ровно и часто разменивается на внешнюю отделку роли вопреки внутреннему смыслу. Остальные актеры только подыгрывают ему». Однако спектакль «Три сестры» был оценен Беляевым весьма положительно. Свою рецензию на этот спектакль («Новое

время», 1901, № 8984, 3 марта) он заключал так: «При всей бесформенности, при всей неожиданности построения пьесы, новшество заключается главным образом в приемах, в которых Чехов изображает жизнь. Уже в „Чайке“ и „Дяде Ване“ он старался отделаться от сценической условности и ввести новые формы в драматический диалог. В „Трех сестрах“ это стремление выразилось еще сильнее и порою утрировано. Жизнь изображается такою, какова она есть на самом деле с множеством вставных, побочных и даже вовсе не нужных подробностей, в сбивчивой, отрывочной манере выражения, в нервных перебоях или в совершенном безразличии. Тут и горе, и радость, и увлечение, и роман Маши с красивым подполковником, и смерть Тузенбаха от шальной пули, и уходящий полк, и в заключение всего надежда на лучшее будущее. Отдавая должное таланту Чехова, я не могу однако не сказать, что „Три сестры“ вещь безусловно не выдержанная и не совершенная по форме, хотя нова и захватывающе интересна по своим задачам. Мне, однако, кажется, что на подобных задачах театра не постро-

ишь, ибо из ничего не может быть ничего <...> Поставлены „Три сестры“ в Художественном театре прекрасно. В исполнении держат медлительный темп пьесы, оттеняя всевозможные настроения даже там, где их вовсе не требуется. Много помогают этому часы с кукушкой, завывание ветра в трубе и пожарная команда, работающая где-то за сценой. Чехова вообще умеют ставить в этом театре. Недаром он отдает ему все свои пьесы. Но театр этот может и погубить его прекрасный талант в погоне за внешними эффектами вопреки интересу сюжета».

...а в «Петербургской газете» пишет Кугель... — В «Петербургской газете» А. Р. Кугелем были написаны рецензии на все спектакли Московского Художественного театра. Так, в № 49 от 20 февраля 1901 г., в отделе «Театральное эхо», была помещена его рецензия за подписью Ното novus на первый спектакль Художественного театра «Дядя Ваня»: «Спектакли Московского Художественного театра <...> составят событие нашего театрального сезона, — писал рецензент. — <...> Это едва ли не лучшая пьеса талантливого автора <...>

Недоконченность, как идея пьесы, есть в то же время и форма чеховского творчества. Краски все бледноватые; недокончены ни фигуры, ни сцены, ни положения. Это та особенность чеховских пьес, которая лишает их шумного успеха. Здесь нет смены ярких и определенных положений». Детально проанализировав постановку каждого акта «Дяди Вани», рецензент заключал: «Впечатление? Я думаю, что главный герой вечера это — все-таки г. Чехов, автор интересной и талантливой пьесы. Играл действительно хорошо г. Станиславский; очень искреннее, хотя неровное дарование обнаружила г-жа Лилина. Г. Артем хорошо мимирует, но тон его суховатый и немножко декламационный. Г. Вишневской был хорош в третьем акте, но акцент и отсутствие чувства мешали полноте впечатления <...> Наконец, г. Лужский делает свою роль очень добросовестно, и „швы“ не везде заметны. И все передают автора. В этом все дело. Это маленькая особенность, которую упускают из виду в наших театрах, — что играть и обставлять на сцене следует автора, а не роли. Настроение г. Чехова, его мысли и

чувства передаются московским театром с замечательной отчетливостью, и в этом главный успех спектакля».

О втором спектакле «Три сестры» («Петербургская газета», 1901, № 59, 2 марта; отд. «Театральное эхо») Кугель писал: «Это не только интересная, по-моему, но и сильная пьеса. Представьте себе жизнь не так, как она протекает пред нами в пьесах и романах, т. е. в качестве логического круга друг друга обуславливающих действий, связанных единством интриги, но так, как она есть на самом деле <...> На деле все случайно и самостоятельно. А. П. Чехов старается отыскать внутренний смысл жизни в ее бессмыслице, в том, что один пришел, другой ушел, один влюбился, другой застрелился, один спит, другой читает книгу. Вот что такое жизнь <...> Он захватывает жизнь, если можно выразиться, неводом, и в нее попадает все: крупная рыба, наряду с плотицей, водоросли, наравне со всяким сором. Так вот что такое жизнь, думаете вы со страхом и ужасом. Да, именно это самое, а не то, что пригнано в известные рамки. И это страшно, потому что нелепо, потому

что непредвидимо и непоправимо, потому что ваша правая рука не ведает, что творит левая, и все мы живем вразброд, оцупью натыкаясь друг на друга и также точно друг друга сторонясь». В конце статьи рецензент подводил итог: «Такова эта пьеса, очень крупная по замыслу, по едкости, по беспощадности, хотя далеко не завершенная и вряд ли уясненная вполне самим автором. С половины 3 акта ноющая боль, как клещами, захватывает сердце. Этот плач брата Андрея, это „трам-тра-рам“, эти осенние деревья и уходящая под фальшивые звуки войскового оркестра бригада, это рыдание почти полупомешанной Маши, и этот муж ее, учитель, *complaisant et sôci*, — это что-то ужасное по мертвящему настроению. Справедливость требует признать, что пьеса заслуживает большего успеха, тем более, что и исполняют ее весьма нарядно. Порадовала меня на этот раз г-жа Книппер. Она весьма недурно играет Машу, немножко бесцветно вначале, но с большою правдою и достаточно выразительно в конце. Недурны и две другие сестры — Андреева и Савицкая. А вот г-жа Лилина на этот раз играла с больши-

ми подчеркиваниями и слишком явно „дела- ла тон“. Ах, уж это делание! Нельзя душу сде- лать, г. режиссеры! Среди мужчин, кроме <...> Тихомирова и Москвина, интересен г. Станиславский — Вершинин, и глухой сто- рож — Грибунин. Слаб, и даже очень, г. Луж- ский-Андрей, и не типичен г. Вершинин — учитель. Но в общем исполнение интересное, и постановка тоже хороша. Звуки за сценой, на сцене и под сценой раздаются в изобилии. Кто-то назвал это „началом музыкальной дра- мы“. Хотя позвольте вас спросить, зачем это? Жили без этих звуков в театре наши деды...»

...не простит тебе за то, что ты играешь Елену Андреевну... — 20 февраля 1901 г. в ре- цензии Кугеля (Номо novus) на спектакль «Дядя Ваня» («Петербургская газета», № 49, отд. «Театральное эхо») писалось об исполне- нии Книппер роли Елены Андреевны: «Г-жа Книппер с неподвижным, маловыразитель- ным лицом, сонным голосом и ленивыми движениями представляет не замершую ру- салку, которую хочется разбудить, но просто очень флегматичную даму. Это — беспробуд- ная летаргия, и я решительно недоумеваю,

чем она могла увлечь и расшевелить всю эту компанию унылых людей <...> Похвалы этой актрисе в некоторых журналах являются для меня совершенной загадкой».

...роль 2-жи Холмской... — В это время З. В. Холмская играла на сцене петербургского Театра литературно-художественного общества.

...получил телеграмму от Поссе... — Телеграмма была послана В. А. Поссе 25 февраля 1901 г. во время или после ужина, устроенного редакцией журнала «Жизнь» артистам Московского Художественного театра: «Петербург скрепил союз Художественного театра и „Жизни“. Настроение чеховское, грустное, но не безнадежное. Не забывайте нас. Поссе» (ГБЛ).

Наплюй на все эти рецензии и не грусти. — В письме от 24 февраля Мария Павловна сообщала о настроении Книппер в связи с гастролями в Петербурге: «А в Питере наших актеров бедных ругают здорово! Оля Книппер писала, что уже плакала от газетной руготни. Я покупаю питерские газеты и читаю каждый день, но в ужас от руготни не прихожу. „Дядя Ваня“ пока имеет самый большой успех.

„Трех сестер“ еще не давали» (*Письма М. Чеховой*, стр. 175).

Не приедешь ли с Машей в Ялту на Страстной неделе... — В письме от 3 марта Книппер, намекая на неоформленность брака ее с Чеховым и на свое ложное положение в его семье, писала: «А на пасху все-таки не приеду в Ялту; подумай и поймешь почему. Это невозможно. Ты такая чуткая душа и зовешь меня! Неужели не понимаешь?»

28 февр<аля> в «Новом времени» юбилей. — В связи с двадцатипятилетием со дня перехода газеты к А. С. Суворину. «Скандал» действительно готовился — «кошачий концерт» под окнами редакции «Нового времени». Многие в Петербурге получили даже отпечатанные на гектографе «приглашения» явиться на демонстрацию протеста против Суворина. Ничего серьезного однако не произошло: вход в переулок, где помещалась редакция, был загорожен полицией; демонстрантов загоняли в соседние дворы. В конце концов от более серьезных попыток, по словам одной современницы, «сами инициаторы отказались, находя, что в столь серьезное время не стоит зани-

маться Сувориным» (см.: В. Г. Короленко. Дневник. 1898–1903. Полтава, 1928, стр. 223).

3308. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ

27 февраля 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Чехов, *Лит. архив*, стр. 58.

Ответ на письмо О. Р. Васильевой от 17 февраля (2 марта) 1901 г. (ГБЛ).

О больнице, которую Вы желаете построить, поговорим... — В своем письме из Женевы Васильева сообщала о намерении построить сельскую больницу в Смоленской губернии, где жили ее родственники. Она писала: «Я Вас *очень* прошу, Антон Павлович, напишите мне — что делать дальше — чтобы построить больницу у нас в деревне. С тех пор, как была послана та телеграмма в земство — никто мне оттуда ничего не ответил. А план — я же сама в этом ничего не понимаю. Я Вас *очень* прошу, если это Вас не затруднит, — посоветуйте, что мне делать? А еще — мне хочется *нынче* продать одесский мой дом — как для больницы этой понадобятся деньги, так и мне самой нужны будут, — я вы-

купаю у сестры ее половину дома в Женеве. Прошу Вас — поручите кому-нибудь эту продажу — нынче я уже еще на 1000 р. меньше получила дохода с него».

Лучше ~ советчика, как д-р П. И. Куркин, Вы не найдете... — О враче-статистике Московского губернского санитарного бюро П. И. Куркине и его отношениях с Чеховым см. *Неизд. письма*, стр. 108. О больнице Куркин писал Чехову 19 сентября 1903 г.: «...я нашел у себя письмо от О. Р. Васильевой из Смоленской губернии, касающееся предполагаемой ею постройки лечебницы. В письме заключались документы по этому делу, постановление собрания, ревиз. комиссии и обращение управы к О. Р. Но главное, чего не было совсем, это то, что совсем не было видно, чем бы я мог быть полезен или помочь в этом деле. Нужен ли план для постройки или проект соглашения с земством или еще что-либо. О. Р. упустила прибавить об этом в письме. На всякий случай я послал ей руководство по устройству лечебниц М. С. Толмачева с альбомом всех лечебниц Московск. губ. Оттуда можно взять решительно все, что только по-

желалось бы по части планов».

Что касается одесского дома... — См. письма 3248*, 3264*, 3289* и примечания к ним.

3309. О. Л. КНИППЕР

1 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 103–104.

Год устанавливается по письмам О. Л. Книппер от 21 и 24 февраля 1901 г., на которые отвечает Чехов; Книппер ответила 5 марта 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 323–325, 330–331 и 345–347).

...не читай газет, не читай вовсе... — Об отзывах петербургской прессы о гастролях Московского Художественного театра Книппер писала 21 февраля: «Сейчас сыграли второй раз „Дядю Ваню“. Публика принимает, а газеты ругают до бесстыдства. О, как ругают! Меня совсем загрызли. Рецензии все безграмотные, нелепые и со змеиным шипением. Но мы носы не вешаем, играем. Первый спектакль все волновались адски, как гимназисты. „Одиноких“ сплошь выругали и пьесу и

исполнение <...> Санин показывал мне все газеты — ругань самая отчаянная — актеров нет, только превозносят Станисл<авского> и Санина. Мейерхольда и меня заели окончательно и Андрееву и Москвина тоже. Одним словом, ужасно, милый мой! И я терзалась ужасно эту ночь, признаюсь тебе откровенно. Такое отвратительное, оскорбительное отношение к нашему театру — ты себе представить не можешь. У меня нехорошо на душе. Может, и за дело ругают; за Елену тоже выругали, теперь, конечно, и в „Трех сестрах“ будут ругать. Ну, переживу, ничего! Может, это мне на пользу». В письме от 24 февраля Книппер жаловалась: «Мне вчера было очень тяжело. Скорее бы кончался пост, эти гастроли! Сейчас иду играть Елену на утреннике, а хочется написать тебе хоть несколько строк. В „России“ меня так выругали за Елену! За что такая злоба? Точно я одна гастролерша и куда-то лезу. По его выражению, я должна быть, „похотливая хищница“ (какое мерзкое выражение!), и потому нашел, что я никакая актриса и Елены никакой не было. По-моему, Елена скорее „нудная, эпизодическая“, но

хищницей является в глазах только Астрова — видящего в ней праздную барыньку. Ну их!»

В ответном письме от 5 марта Книппер успокаивала Чехова: «Не волнуйся, милый мой, за свою обруганную актриску. Нас только газеты ругают, а публика любит, и все эти шипелки пристыжены. В „Сестрах“ меня похвалили зато, и даже вчера за обедом у писателей кто-то долго говорил и упомянул о прощании Маши с Вершининым, и вся зала — человек 150 — заплодировали мне. Я много наслушалась по поводу 4-го акта, плачут многие, когда говорят мне о нем. Отчего ты так рассердился на театр? Неужели из-за шипелок? Ведь это же ограниченные люди, разве это критики образованные? Перестань, не порть себе настроения! Плюнь на них».

Я ведь говорил, уверял, что в Петербурге будет неладно.... — В письмах к Книппер от 21 января и 22 февраля и в письме к М. Ф. Андреевой от 26 января 1901 г.

...ваш театр никогда больше в Питер не поедет... — У руководителей Художественного театра сложилось более благоприятное

впечатление от гастролей в Петербурге. 1 марта Вл. И. Немирович-Данченко телеграфировал Чехову: «Сыграли „Трех сестер“, успех такой же, как в Москве. Публика интеллигентнее и отзывчивее московской. Играли чудесно, ни одна мелкая подробность не пропала. Первый акт — вызовы горячие. Второй и третий — подавленные. Последний — овационные. Особенно восторженные отзывы Кони и Вейнберга. Даже Михайловский говорит о множестве талантливых перлов. Конечно, кричали — телеграмму Чехову» (*Избранные письма*, ср. 234). В этот же день К. С. Станиславский писал С. В. Флерову о гастролях в Петербурге: «Театр оказался ужасным, со сквозняками, с сыростью. Ничего не прилажено, декорации не устанавливаются, актеры расхворались, и потому все это время я ежедневно репетирую и по вечерам играю — волнуясь, так как петербургская мелкая пресса — ужасна <...> Припев нашего пребывания здесь: „в Москву, в Москву, в Москву“, как ноют у Чехова три сестры. И публика здесь интеллигентная, и молодежь горячая, и прием великолепный, и успех небывалый и неожи-

данный, но почему-то после каждого спектакля у меня чувство, что я совершил преступление и что меня посадят в Петропавловку. Суворинская клика приготовила нам прием настоящий — нововременский. В „Новом времени“ пишет Беляев, правая рука Суворина (влюблен в артистку Домашеву из Суворинского театра). В „С.-Петербургской газете“ и в „Театре и искусстве“ не пишет, а площадно ругается Кугель, супруг артистки Холмской (Суворинский театр) и пайщик одного театра, в других газетах пишет Смоленский, влюбленный тоже в одну из артисток театра Суворина. Амфитеатров („Россия“) пьянствует и тоже женат на артистке и т. д. и т. д. Ввиду всего сказанного с прессой дело обстоит неблагоприятно. Но, к счастью для нас, все эти господа очень бестактны или просто глупы. Они не стараются замаскировать подкладки, и их поведение возмущает интеллигентную часть публики, иногда даже рецензенты некоторых газет и артисты Суворинского театра приходят выражать нам негодование на поведение прессы. Особенно критикуют и возмущаются поведением Кугеля и Бе-

ляева, которые во время вызовов демонстративно становятся в первый ряд и при выходе артистов поворачиваются спиной к сцене, делают гримасы и громко бранят нас неприличными словами <...> Больше всех нападают на женщин, которые могут оказать конкуренцию для жен репортеров, стремящихся на Александринку. Всего ругать нельзя, поэтому выбрали меня, как артиста, для мишени своих похвал, а остальных стараются смешать с грязью. „Одинокие“ имели среди интеллигенции очень большой успех. Кони, Михайловский, Сазонов, артисты Суворина в безумном восторге, но газеты устроили так, что получилось впечатление неуспеха. „Дядя Ваня“ и „Штокман“ принимались так, как в Москве ни разу не принимались. Конец каждого акта — это были нескончаемые овации, и, несмотря на то, что „Штокман“ кончился во втором часу ночи, до 2-х часов мы должны были выходить на вызовы. Афиш нет никаких — и все билеты на все спектакли распроданы. <...> Спектакли покрыли в 3 часа, и у кассы разбиты все стекла, были свалки. И все-таки „в Москву, в Москву“!! <...> „Три сестры“

вчера имели успех. Пьесу критикуют, исполнение хвалят» (Станиславский, т. 7, стр. 205–206).

...воображаю, как дивно, как чудесно чувствует себя Санин! — Петербургские газеты, хвалили игру А. А. Санина в «Одиноких» Гауптмана. Так Ю. Беляев («Новое время», 1901, № 8976, 22 февраля) писал: «Из второстепенных ролей бесспорно удалась роль старика Фокерата г. Санину. Какой это прекрасный актер! На моем языке театрального старовера не найти лучшей похвалы. Да, это прекрасный актер, который одним словом, одним жестом поднимается на несколько голов выше всего, что вокруг него. Он да еще г. Станиславский тем и хороши, что творят помимо своих теорий, отдаваясь вдохновению, как истинные артисты».

Я послал тебе в феврале с 20 по 28-е пять писем и три телеграммы... — За этот промежуток времени сохранилось только четыре письма и одна телеграмма.

От Яворской я получил телеграмму по поводу «Дяди Вани». — Приветственная телеграмма от 22 февраля 1901 г. подписана Л. Б.

Яворской и В. В. Барятинским (ГБЛ). В письме от 21 февраля Книппер сообщала: «Вчера после 1-го акта влезла ко мне в уборную Яворская знакомиться. К чему? Так грубо, гадко льстила. После 4-го из партера бросила Станиславскому красную гвоздику с своей груди — трогательно! Князь ее тоже был — бледный, согбенный». 24 февраля Книппер писала: «Яворская вчера опять прилезла в уборную, лезет, льстит и все к себе приглашает».

3310. Н. П. КОНДАКОВУ

2 марта 1901 г.

Печатается по автографу (Арх. АН СССР. Ленинград). Впервые опубликовано: «Искусство и жизнь», 1940, № 3, стр. 12.

Ответ на письмо Н. П. Кондакова от 25 февраля 1901 г. (ГБЛ).

...сердечное Вам спасибо за книгу. — Речь идет о брошюре Н. П. Кондакова «Современное положение русской народной иконописи». СПб., 1901. В сопроводительном письме от 25 февраля Кондаков просил: «Прочтите несколько страниц посылаемой брошюры и скажите мне, что Вы думаете. Мне предстоит

выступить против Синода, и я готов на поражение». О бедственном положении народной иконописи в России, которая из явления искусства постепенно превращалась в простое ремесло, и о желании во что бы то ни стало помочь сохранить ее мастеров от разорения писал Кондаков Чехову еще 2 января 1901 г.: «В феврале буду в аудиенции у г<осударя> просить об иконописных селах, в защиту от Синода, который сдал всю иконопись фирме Жако и Бонакер, изготавливающей теперь для обителей иконы на жести и коробки для ваксы и консервов».

Я «Геншеля» не видел и не читал... — В своем письме Кондаков делился с Чеховым впечатлением о спектакле Художественного театра «Извозчик Геншель» Г. Гауптмана: «...я, выдержав первый акт, несмотря на то, что часто зажимал себе уши, чтобы не слышать исторических воплей, ушел с начала 2-го акта домой. Подобную бездарную игру, какую мне привелось видеть, я видал, но столь наглой и бездарной пьесы, признаюсь, еще не видел. А так как не в моих привычках терпеть и слушать, как делает публика, то я просто ушел».

Петербургская пресса отрицательно отнеслась также и к этой постановке Художественного театра. (См. рецензию А. Р. Кугеля в «Петербургской газете», 1901, № 55, 26 февраля, в отд. «Театральное эхо»; рецензию Ю. Беляева «Геншель» в «Новом времени», 1901, № 8981, 27 февраля). В последней отмечалось: «Опять неудача! Это уже вторая. „Геншель“, как и „Одинокие“, был поставлен с большими затеями, но разыгран так слабо, что вряд ли у самых ярых поклонников Художественного театра найдется что-нибудь сказать в оправдание актеров. О всех их можно отозваться очень немногословно. Актеры были плохи. Вот и все. И как бы ни пытались объяснить их бледную, неровную и часто вовсе бессмысленную игру, неуспех остается неуспехом. Появляется такой талант в главной роли, как г. Станиславский, и пьеса смотрится с удовольствием. Нет талантов, нет и пьесы, как там ни мудри с обстановкой».

...иконопись (Палех и Хóлуй) уже умирают... — В подборке «Новости науки, искусства и литературы» («Русские ведомости», 1901, № 3, 3 января) писалось: «По словам проф. Н.

П. Кондакова, сделавшего недавно доклад в Обществе любителей древней письменности о своей поездке в иконописные села Мстеру, Холуй и Палех, иконописное производство у них сильно падает, особенно в последнее время, когда явилась конкуренция со стороны московской фирмы Жако и Бонакер, печатающей иконы на жести и сбывающей их в огромном количестве. Даже русские иконописцы стали принимать теперь заказы „под Жако“. Докладчик доказывал необходимость прийти на помощь русским иконописным селам и поддержать русскую церковную живопись».

К отлучению Толстого публика отнеслась со смехом. — 24 февраля 1901 г. в «Церковных ведомостях» было опубликовано определение Синода от 20–22 февраля «с посланием верным чадам православные греко-российские церкви о графе Льве Толстом»: «Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается». Постановление Синода было перепечатано всеми газетами и многими журналами. 24 февраля вышло распоряжение Главного управления по делам пе-

чати за № 1576 «о непоявлении в печати сведений и статей», относящихся к постановлению Синода (*Дневник Суворина*, стр. 280). В письме от 25 февраля Кондаков спрашивал Чехова: «Как Вам кажется отлучение Льва Толстого от церкви? Победоносцев отплатил ему за письмо к г<осударю>». О том же писала Чехову и Книппер 2 марта 1901 г.: «А как тебе понравится это отлучение Толстого? Я читала одна у себя и покраснела — так мне стыдно стало за Россию. Я читала письмо графини к св. синоду, присылали Марии Федоровне, и она давала читать — очень умно и сдержанно» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 341).

3311. М. П. ЧЕХОВОЙ

2 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 131.

Год устанавливается по ответному письму Чеховой от 8 марта 1901 г. (*Письма М. Чеховой*, стр. 175–176) и упоминанию о письме Кондакова (от 25 февраля 1901 г.).

...купи мне чашку ~ и привези. — В ответном письме Мария Павловна сообщала: «Ду-

маю выехать из Москвы 23 марта в пятницу и в воскресенье с пароходом в Ялту. Закусок, окорок и чашку привезу».

Сегодня получил от Кондакова из Петербурга письмо... — См. предыдущее письмо* и примечания к нему*.

Напиши, что тебе известно про Мишу ~ переход в «Новое время». — М. П. Чехова отвечала: «Миша давно мне не писал. Последнее письмо я получила 16 февраля. Он пишет, что Суворин предложил ему место в редакции по 200 руб. в месяц жалованья, и с 1 марта он перевозит свою семью в Петербург. Привожу выдержку из его письма: „Я буду служить у Суворина, работать по любимому мною ремеслу, писать и переводить, и тем временем припишусь в помощники присяжного поверенного и буду адвокатом. Ты не поверишь, я поэтизирую, как институтка, хотя, конечно, ввиду случайностей у меня сжимается сердце по поводу счастья моей семьи“ и т. д. Я, конечно, его ободрила, сослалась на его молодость, что в случае неудачи он успеет выбраться из трудного положения, жена его тоже молода еще. Правда, ведь трудно быть чи-

новником?! А вот то, что он поступил в редакцию «Нового времени», для теперешнего положения дел, кажется, не совсем хорошо. „Новое время“ не пользуется хорошей репутацией. Впрочем, не знаю этого. Знаю только то, что, верно, судьба мальчикам из нашей семьи заниматься литературой, но не быть чиновниками» (см. также примечания к письму 3304*).

3312. Л. Ю. АРБУШЕВСКОЙ

3 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ТМЧ). Впервые опубликовано: «Рампа и жизнь», 1910, № 27, 4 июля, стр. 441.

...первую и вторую части первого тома «Происхождение современной демократии»...
— В начале 1901 г. вышло второе издание первой и второй части первого тома «Происхождения современной демократии» М. М. Ковалевского (второе издание 3 и 4 части первого тома этого сочинения вышло в 1899 г. и было в Таганрогской библиотеке, так как в письме от 13 августа 1899 г. Чехов просил И. И. Барышева прислать это издание — см. т. 8

Писем). Рецензию на выход второго издания первой и второй части первого тома «Происхождения современной демократии» см. в «Русских ведомостях», 1901, № 29, 29 января, в отделе «Библиографические заметки». В библиотеке Чехова на втором томе этой книги (Изд. К. Т. Солдатенкова, М., 1895) есть дарственная надпись автора: «Антону Павловичу от искреннего его почитателя М. Ковалевского» (*Чехов и его среда*, стр. 349).

3313. В. А. ПОССЕ

3 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ). Впервые опубликовано: «Новый журнал для всех», 1908, № 2, декабрь, стлб. 79.

Ответ на телеграмму В. А. Поссе от 25 февраля 1901 г.; Поссе ответил 8 марта (ГБЛ).

...большое Вам спасибо за телеграмму... —
См. примечания к письму 3307*.

...что нового в цивилизованном мире... —
На этот вопрос Поссе отвечал: «На душе так тревожно, мысли несутся в голове с такой лихорадочной быстротой, что трудно написать связное письмо. Серьезное теперь время,

очень серьезное! Масса сосредоточенного страдания <...> Театр отступил на задний план, но все же Ваши „Три сестры“ смотрятся с захватывающим интересом. Сквозь все волнения, надежды и опасения нередко прорывается нетерпение поскорее прочитать Ваш рассказ, предназначенный для „Жизни“. Да, но о литературе говорить теперь трудно. Правительственному сообщению <о студенческих „беспорядках“> не верьте. Все было совсем иначе и несравненно ужаснее. Несколько студентов убито. Избиты И. Ф. Анненский, И. Б. Струве и А. В. Пешехонов. Часть писателей держит себя очень мужественно».

...где теперь Горький... — Поссе сообщал: «Горький здесь и страшно волнуется. Сегодня уезжает в Нижний».

Рассказ пришлю непременно. — 1 сентября 1900 г. издатели журнала «Жизнь» В. А. Поссе, Д. Н. Овсяннико-Куликовский и Е. А. Соловьев обратились к Чехову с просьбой написать для них рассказ. Чехов ответил согласием, однако после повести «В овраге» в журнале «Жизнь» других произведений Чехова опубликовано не было (см. письмо к Поссе от 28 сентября

1900 г.* и примечания к нему*). После выхода апрельской книжки «Жизни», в которой была напечатана «Песня о буреизвестнике» Горького, издание журнала было приостановлено, а в июне правительственным постановлением окончательно прекращено.

3314. Е. З. КОНОВИЦЕРУ

5 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XIX, стр. 50–51.

Ответ на письмо Е. З. Коновицера от 28 февраля 1901 г.; Коновицер ответил 9 марта (ГБЛ).

...вероятно, можно сделать что-нибудь, чтобы газетный пай остался при Вас. — Коновицер в письме от 28 февраля сообщал о своем материальном положении: «Вы, конечно, знаете, что я состою пайщиком „курьера“, знаете также и то, что я в это предприятие вложил гораздо больше души, труда и энергии, чем денег, хотя, сообразно с моими средствами, и денег немало: у меня три пая по 3500 руб. каждый. Я возлагал на „курьер“ большие надежды и страшно дорожил этими

паями, поэтому, как круто мне ни приходилось в последние два года, я крепился изо всех сил, как вьюн выворачивался, но курьеровского пая не трогал. Но теперь, к несчастью, очередь дошла и до них! Кредиторы мои устроили вокруг меня правильную и жестокую осаду, мучают они меня самым немилосердным образом, и я волей-неволей должен расстаться с этими паями, если не совсем, то хотя бы с одним из них. Кредит мой достаточно испорчен, притом я не могу себе позволить брать деньги взаймы, когда с уверенностью не могу сказать, когда и при каких условиях я эти деньги смогу вернуть.

Продать пай в Москве я не могу, это значило бы вынести самый „курьер“ на улицу, чего я и делать не вправе, а потому я решился предложить Вам, Антон Павлович, не пожелаете ли Вы приобрести у меня один пай „курьера“ <...> Притом, если мои дела поправятся, а Вы пожелаете от этого пая избавиться, то всегда и во всякое время я с радостью выкуплю у Вас его обратно. „курьер“ в настоящее время находится в таком положении, что будущность его не вызывает никаких опасе-

ний».

...сколько нужно Вам для того, чтобы окончательно разделаться с долгами? — Коновицер отвечал: «Для того, чтобы мне совершенно избавиться от долгов, мне нужно тысяч 10–12, хотя долгов у меня на значительно большую сумму <...> Такой суммы, как 10–12 тысяч, я, понятно, достать не могу, но продажей пая я могу купить себе спокойствие на один год. По крайней мере перестанут меня терзать, предъявлять ко мне иск, описывать у меня имущество.

Купив себе спокойствие на один год, я сокращу свои расходы до minimum'a, буду работать и, надеюсь, через год, через два — сумею окончательно распутаться и снова стать на ноги».

3315. М. П. ЧЕХОВУ

5 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: отрывок — «Ежемесячный журнал для всех», 1906, № 7, стр. 412; полностью — «Красный архив», 1929, № 6 (37), стр. 186–187.

Год устанавливается по почтовым штемпелям на конверте: Ялта. 6 III.1901; Ярославль. 9 мар. 1901.

Ответ на письмо М. П. Чехова от 28 февраля 1901 г. (ЦГАЛИ; опубликовано с пропусками в кн.: С. М. Чехов. О семье Чеховых, стр. 205–208).

...говорит мой Иванов доктору Львову... — Отклик на следующее место письма М. П. Чехова: «Просто голова идет кругом! Да, брат Антуанчик. У каждого человека бывают свои испытания. Конечно, все образуется, все устроится, но не скоро, с младенцами ужасно страшно за будущее. И хоть не хотел, а понял я то, что твой Иванов говорит твоему же доктору Львову: запритесь в свою раковину и работайте богом данное вам дело, не мудрствуя лукаво. Я вот захотел вылезти из моей раковины, и вышла ерунда. Ты — писатель, я — чиновник, третий — г...чист, таково, вероятно, предопределение судьбы».

Против жизни в Петербурге я ничего не имею... — М. П. Чехов, описав свою неудачную поездку в Петербург (см. примечания к письму 3304*), сообщал: «Ты легко поймешь,

дорогой Антуан, мое настроение, с каким я возвращался в Ярославль. Петербург мне опротивел... Впереди тоже ничего не оставалось... а что касается службы, то заварилась такая путаница, что один ужас <...> Эти нелады, собственно говоря, и двинули меня в Питер хлопотать о месте в управляющие. Тогда была свободна Гродна. Я явился, конечно, к Суворину... <он> предложил мне 200 р. в месяц и аванс... я согласился даже бросить службу. Красивый Петербург, электрический свет и прочее помогли этому. Я вернулся в Ярославль, полный радостных надежд начать новую жизнь, но здесь ожидал меня сюрприз. Генерал <Кропотов> подумал, что я поехал в Питер жаловаться на него и, ничего не зная о моем соглашении с Сувориным, сообщил мне, что по его представлению директор департамента предлагает мне или немедленно выйти в отставку, или же переселиться на ту же должность в Чернигов. Как на причину этого он указал на то, что я не веду компании с чиновниками и выказываю им мое явное недоброжелательство тем, что не бываю там, где бываю они. Это показалось мне настолько

мелким, что не хотелось вступать в пререкания. Я плюнул на все и решил немедленно переезжать в Петербург <...> Скоро распродал свою мебель, сдал квартиру и, уезжая в Питер, объявил в Палате, что не возвращусь. Что случилось со мной в Петербурге, ты знаешь уже по началу этого письма. Видя, что деваться некуда, я отправился в департамент, чтобы реабилитировать себя в глазах директора. Каково же было мое удивление, когда директор мне сказал, что об отставке и о Чернигове Кропотов все мне наврал... Директору известны отношения моего принцепала ко мне, он находит, что оставаться мне в Ярославле неудобно, так как министерство всегда предпочтет старшего младшему, но что <...> он, директор, предоставляет мне право перевестись, куда я пожелаю, для чего я должен списаться с коллегами. Таким образом я возвратился в Ярославль еще в худшем положении, чем уехал из него. Объяснившись с генералом, я тотчас же написал начальнику отделения одной из соседних губерний письмо, в котором прошу его поменяться со мной местами. Ответа от него еще не получал и, если он

откажется, обращусь в Новочеркасск и Симферополь — все-таки это лучше Чернигова. Не правда ли, какая все это скучная чепуха? Затем пришло письмо от тебя, которое произвело на меня глубокое впечатление, и я поблагодарил судьбу, что не остался у Суворина. Как вдруг сегодня ночью получаю от Суворина телеграмму в ответ на мое, приведенное выше, письмо. Ну, что тут делать? После твоего письма я, конечно, ни за какие коврижки на службу <...> <к Суворину> не пойду. Но не ехать — будто бы неловко, а ехать — значит, соглашаться. Я совершенно не сомневаюсь в искреннем расположении ко мне Суворина <...> и думаю, что то, что случилось, случилось как-то стихийно, само собою. Поэтому мне жаль было обидеть старика резким отказом. Сегодня к тому же его 25-летний юбилей. Я подумал и послал ему такую телеграмму: „к сожалению, сейчас приехать не могу. Приеду первой возможности. От души поздравляю, желаю счастья“. Думаю, что этот ответ, не сжигая кораблей, даст и мне, и старику некоторое время, а там видно будет. Но, повторяю, служить у него я не буду, в особенности после

твоего письма. А если бы и согласился, то в какое же дурацкое положение я поставлю своего коллегу и сам себя, если вдруг он пожелает переселиться в Ярославль!»

Кропотов груб... — О своем начальнике М. П. Чехов писал: «С генералом пошли серьезные нелады, очевидно, ему понадобилось мое место для любимца из податных инспекторов, с которым он ведет компанию, пьет водку и играет на бильярде».

3316. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ

6 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 59.

Ответ на письмо О. Р. Васильевой, помеченное «Февр. Понед.» (ГБЛ).

...я давно уже послал Вам письмо в Женеву... — Вероятно, письмо от 21 февраля 1901 г.

Когда я проезжал через Одессу.... — Чехов находился в Одессе с 11 по 13 февраля 1901 г.

В Одессе я поговорил с редактором «Одесских новостей»... — Вероятно, речь идет об А. М. Федорове. О пребывании Чехова в Одессе см. воспоминания Л. К. Федоровой «А. П. Че-

хов» — ЛН, т. 68, стр. 629–634.

...он не беспокоил Вашего старика... — В. Я. Лукашова, управляющего домами Васильевой в Одессе. О нем она писала Чехову: «Я узнала <...> что кто-то приходил в мой дом в Одессе насчет продажи его. Я Вам очень благодарна за это. Я только боюсь, как бы не помешал управляющий — он мне пишет, что с продажей дома лишится куска хлеба. Он не молодой. Я ему ответила, что всегда буду ему платить что-нибудь — сама не знаю сколько».

Я был нездоров немножко в Ялте. — В своем письме Васильева передавала слухи о здоровье Чехова, ходившие в Ницце: «На днях я узнала из Pension Russe, будто Вы немножко пострадали от холода и даже будто немножко простудились. Мне было очень неприятно это слышать, и я от души желаю Вам здоровья».

Две английские книжки ~ отправлены в Таганрог. — О своем желании посылать книги в Таганрогскую библиотеку Васильева писала в феврале (письмо с пометой — Ницца, вторник, и рукой Чехова — «901, II»). В следующем письме она спрашивала: «Получили ли Вы 2 англ. книги для библиотеки? Можно мне Вам

их посылать?» А в письме от 6(19) марта она опять спрашивала: «Получили Вы 2 англ. книжечки? Можно Вам их посылать для библиотеки, хотя пока я узнаю, как посылать их в Таганрог?» (ГБЛ).

...в том самом платьишке, в каком она была тогда при мне... — К Васильевой и ее воспитаннице Марусе относятся следующие строки воспоминания А. И. Куприна «Памяти Чехова»: «Иногда приходила к А. П. одна больная барышня, приводившая с собой девочку 3-4-х лет, сиротку, которую она взяла на воспитание. Между крошечным ребенком и пожилым, грустным и больным человеком, знаменитым писателем, установилась какая-то особенная, серьезная и доверчивая дружба. Подолгу сидели они рядом на скамейке на веранде, А. П. внимательно и сосредоточенно слушал, а она без умолку лепетала ему свои детские смешные слова и путалась ручонками в его бороде» («О Чехове». М., 1910, стр. 99).

3317. О. Л. КНИППЕР

7 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые

опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 104–106.

О. Л. Книппер ответила 11 марта 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 359–361).

Я получил анонимное письмо, что ты в Питере кем-то увлеклась... — Книппер на это отвечала: «Твое письмо меня обрадовало, я улыбалась, когда читала его. Анонимные письма всегда правду пишут. Я увлекаюсь и изменяю тебе на каждом шагу — это верно. На то я человек и женщина. И все-таки приеду к тебе и буду только твоей. И нам будет хорошо. Понял? Только где мы увидимся? Я хотела бы быть только с тобой».

...просил тебя разориться на одну-две телеграммы... — В письме от 23 февраля 1901 г.

...на какой бумажке пишу тебе. — После даты перед текстом неизвестно кем сделанный рисунок пером: чертополох.

...на 4-й неделе остаешься в Петер<бурге>... — Об этом сообщил Чехову Вл. И. Немирович-Данченко в телеграмме из Петербурга от 3 марта 1901 г.: «„Новое время“ говорит о новых реформах несколько равнодушнее, чем если бы говорило о новом салате у Кюба. „Рос-

сия“ очень восхищается и пьесой, и исполнением, но я не уловил, чем именно. Четвертая неделя — перерыв. 11 марта „Три сестры“, 12 — „Три сестры“, 13 — „Штокман“, 14 — „Три сестры“, 15 — „Дядя Ваня“, 16 — „Эдда Габлер“, 17 — „Дядя Ваня“, 18 утром — „Три сестры“, вечером — „Штокман“, 19 — „Три сестры“, 20 — „Дядя Ваня“, 21 — „Эдда Габлер“, 22 — „Дядя Ваня“, 23 — „Три сестры“. Все давно продано, полный сбор 1900. 11, 14, 15 и 20 благотворительные со сбором 3500» (*Ежегодник МХТ*, 1944, стр. 137).

...твои письма, которые приходят теперь из-за границы. — Письма Книппер, посланные Чехову за границу (см. примечания к письму 3298*). Ольга Леонардовна ответила: «Какие ты письма от меня из-за границы получаешь? Что за глупости! Я тебе отсюда пишу, пишу, и ты не жалуйся, пожалуйста».

...читаю корректуру... — В это время шла корректура IV тома собрания сочинений в издании А. Ф. Маркса (см. следующее письмо*).

Вот получу развод из Екатеринославской губ<ернии>... — В письме от 21 февраля 1901 г. Книппер недоумевает: «Антон, почему мне за

последнее время с нескольких сторон говорят, что ты женат? Правда это? Отчего ты мне тогда не рассказал об этом случае? Или неправда? Будто в Екатеринослав. губ. на девице, кот. ты знал четыре дня? Ведь это глупости? Или это был твой брат?» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 325).

Если же у вас в театре затеются на Пасхе репетиции... — 9 марта Книппер писала: «Кажется, я буду свободна и апрель и май — тебе это улыбается? Если будут репетировать „Крамера“ и „Дикую утку“ Ибсена — мне там делать нечего. Может, еще буду играть дочь Крамера, но вряд ли. Получается 4 месяца свободы — надо подумать, как их прожить получше, поумнее, потеплее. Согласен?» (там же, стр. 353).

Получил я письмо ~ от академика Кондакова. — От 1 марта 1901 г. (ГБЛ).

Ты мне ничего не написала об обедах, которые задавали вам... — Об этом сообщил Чехову Вл. И. Немирович-Данченко в телеграмме из Петербурга от 6 марта: «Союз писателей путем объявлений газетных дал театру обед. Было человек 150, говорили Вейнберг, Сазонов,

Карабчевский, г. Колмыкова, Михайловский, Витмер, Богданович, Поссе. Стихи Чюмира, Галина, Жданов, Чириков и другие. В конце был тост за твое здоровье и поручено послать тебе телеграмму» (*Ежегодник МХТ*, 1944, стр. 138). 3 марта Книппер писала: «Сейчас вернулась с вечеринки в „союзе писателей“. Было очень просто, симпатично, масса народу, столько выражений симпатий к нашему театру, столько понимания, чуткости к нам, актерам! Я себя отлично чувствовала. Вейнберг сказал нам краткое приветствие, что впервые чувствуется связь литературы с театром etc... — аплодисменты. С нас, конечно, сейчас взятку — просили читать. Мейерхольд прочел „Песнь о соколе“, кот. ты так не любишь. Москвин читал „канитель“ и „Хирургию“ <...> я с Вишневским наизусть, без суфлера, с шиком откололи сцену Годунова и Ирины и закончили вечер. Весь вечер осаждал меня Острогорский Виктор, пел дифирамбы театру и мне. „Откуда это вы такая зародились?“ Очень хвалил за Анну Маар и страшно за Машу. Говорил много и восторженно. Был Горький, Скиталец, познакомились с целой плея-

дой литерат. дам, с Чюминой — звала к себе. Какие-то люди все представлялись, жали руку, что-то говорили, но кто и что — не знаю. Очень уж много! Я выезжаю с моим мужем Федором, т. е. с Вишневым, и завтра с ним еду на обед. Он мил, мягок, хороший товарищ. Я часто вспоминала о тебе весь вечер. Если бы ты был здесь со мной! Вот и было бы соединение литературы с театром!!!» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 343–344). В письме от 5 марта Книппер описывает обед, данный писателями 4 марта в ресторане Контана (там же, стр. 346–347).

Получил сегодня из Киева от Соловцова длинную телеграмму... — Н. Н. Соловцов телеграфировал об успехе спектакля «Три сестры» в Киеве: «Глубокоуважаемый Антон Павлович, давно я и мои товарищи артисты моей труппы не испытывали того высокохудожественного наслаждения, какое доставила нам постановка Вашей пьесы. Репетирование ее вызвало среди нас тот нравственный подъем, то редкое настроение вдохновения и то сценическое единение, какое способны вызывать только произведения глубокого яркого

таланта, и если Белинский некогда говорил, ходите чаще в театр, мы, со своей стороны, можем воскликнуть: „Дорогой Антон Павлович, пишите чаще, пишите больше для театра, и Вы поддержите русский театр“. Дай бог Вам сил, здоровья на многие лета. Счастлив довести до Вашего сведения, что пьеса, постановка и исполнение имели выдающийся успех. Глубоко преданный и любящий Вас Н. Соловцов» (ГБЛ). О постановке пьесы «Три сестры» на киевской сцене писал Е — в в «Киевских письмах» («Театральные известия», 1901, № 1207, 22 марта) следующее: «Новая пьеса А. П. Чехова „Три сестры“, поставленная в первый раз на сцене „нового“ театра Соловцова, имела шумный успех <...> Этому, разумеется, в значительной степени способствовало образцовое исполнение пьесы А. П. Чехова артистами труппы Соловцова. „Три сестры“ дали возможность блеснуть своими дарованиями всем положительно исполнителям, ибо в пьесе много выигрышных, „благодарных“ ролей. Артисты отнеслись к произведению Чехова с редким благоговением и старательностью. Давно уже нам не приходилось

видеть такого чудного ансамбля, как при исполнении „Трех сестер“. Вот что значит талантливая рука режиссера г. Соловцова! Все места, mise en scène, положения, переходы, интонации действующих лиц — все положительно носило явные следы громадного труда, вдумчивости и опытности режиссера. Трех сестер прекрасно изобразили г-жи Пасхалова (Маша), Инсарова (Ольга), Велизарий (Ирина). Верный образ учителя Кулыгина дал г. Неделин. Очень понравился нам г. Леонидов, тонко и выдержанно проведший роль Соленого. Военного врача Чебутыкина прекрасно олицетворил г. Степанов. Нечего и говорить, что на высоте задачи своей оказался и г. Шувалов (Вершинин). Много искренности и сердечности вложила в роль Наташи молодая артистка г-жа Болотина. Нельзя не поблагодарить г. Соловцова за столь тщательную постановку „Трех сестер“.

Следующая пьеса ~ будет непременно смешная... — С замыслом «комедии» была связана последующая переделка Чеховым сцены-монолог «О вреде табака» и работа над «Вишневым садом».

От Яворской и я удостоился: получил телеграмму насчет «Дяди Вани»! — См. письмо 3309 и примечания к нему*.*

3318. А. Ф. МАРКСУ

7 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 182–183.

Ответ на письмо А. Ф. Маркса от 22 февраля 1901 г.; Маркс ответил 15 марта (ГБЛ).

...я уже послал Вам копию со списка рассказов моих, разделенных на томы... — См. письма к А. Ф. Марксу и Ю. О. Грюнбергу от 28 сентября 1899 г. и примечания к нему в т. 8 Писем.

...рассказ «Белолобый», который вошел в III том. — Впервые напечатан в журнале «Детское чтение», 1895, ноябрь; в III том собрания сочинений вошел без изменений.

Возвращая Вам последнюю часть корректуры IV тома... — Вместе с письмом от 22 февраля Маркс прислал Чехову часть корректурных листов IV тома собрания сочинений. В письме он извещал Чехова: «Препровождаю к Вам под заказною бандеролью первые кор-

ректурные листы IV тома Ваших сочинений. Остальная часть набирается, и для проверки очень прошу Вас по возможности ускорить присылку содержания IV тома, а также других, следующих, томов».

...прошу Вас сделать распоряжение ~ «Тайный советник»... — На эту просьбу Маркс ответил 15 марта: «Из присланной Вам корректуры IV тома, по-видимому, где-то затерялись 10, 11 и 12 формы с рассказами: „Степь“, „Тина“ и „Тайный советник“. Эти формы высланы Вам вновь на просмотр 13-го числа». Повесть «Степь», напечатанная впервые в мартовской книжке «Северного вестника» за 1888 г., была исправлена для собрания сочинений; рассказы «Тайный советник» и «Тина» («Новое время», 1886 г., № 3657, 6 мая и № 3832, 29 октября) были включены в него без изменений.

В IV том должен войти еще рассказ «Пассажир I класса». — Об этом же писал Чехов Марксу 21 февраля. Маркс ответил 15 марта: «Назначенный Вами в IV том дополнительно рассказ „Пассажир 1 класса“ сдан в набор, и корректура будет Вам выслана. А рассказ „Во-

ры“ следует оставить в составе IV тома?»

3319. Е. А. НИКОЛЬСКОЙ

7 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Неизд. письма*, стр. 126.

Ответ на письмо Е. А. Никольской от 3 марта 1901 г. (ГБЛ).

В прошлом году, в апреле и в мае ~ я не мог прочесть Вашей рукописи... — В начале апреля 1900 г. Никольская послала Чехову рукопись своей повести «Жажда счастья» с просьбой прочитать ее и высказать свое мнение (см. письмо Чехова от 4 апреля 1900 г. — т. 8 Писем). В письмах от 28 апреля, 11 ноября 1900 г. и 3 марта 1901 г. Никольская просила вернуть ее рукопись. 3 января 1901 г. М. П. Чехова сообщала брату в Ниццу: «Получила письмо от какой-то Никольской Елизаветы Алексеевны. Она просит меня, чтобы я нашла у тебя ее рукопись „Жажда счастья“, которую ты взял для прочтения. Она живет в Ялте. Я ответила, что нужно ждать твоего приезда». (*Письма М. Чеховой*, стр. 167).

3320. М. П. ЧЕХОВОЙ

7 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XIX, стр. 55.

Открытка. Год устанавливается по почтовым штемпелям: Ялта. 7 III.1901; Москва. 11 III. 1901.

М. П. Чехова ответила 11 марта 1901 г. (*Письма М. Чеховой*, стр. 178).

3321. А. Б. ТАРАХОВСКОМУ

8 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано (с пропуском): «Приазовский край», 1904, № 184, 13 июля, стр. 2; с ошибками и датой «Начало марта 1901 г.»: *Несобр. письма*, стр. 112; полностью — «Приазовская речь», 1910, № 44, 19 января, стр. 2.

А. Б. Тараховский ответил 24 марта 1901 г. (*ГБЛ*).

Позвольте же мне поблагодарить Вас ~ за память обо мне... — В ответном письме Тараховский делился с Чеховым своим впечатлением от «Трех сестер»: «Три раза перечитал Вашу чудесную пьесу „Три сестры“. Она вы-

звала массу споров во всех слоях общества, и оказалось вдруг, что все почувствовали себя обиженными. Педагоги, общественные деятели, врачи и даже военные — все находят, что картина, нарисованная Вами, великолепна, но не соответствует действительности. Я не критик, но если бы мне пришлось разбирать Вашу пьесу с точки зрения бытовой, мне кажется, я бы отлично доказал, что пьеса рисует живых людей и что жизнь провинции находит в ней самое правдивое изображение. А ведь и я немного знаю провинцию. Все-таки 15 лет наблюдаю ее жизнь. Все удивляются (даже столичные критики), почему три сестры, интеллигентные, умные, окружили себя такими неинтересными знакомыми, как военные. Оболенский в „России“ говорит: разве в большом городе нет врачей, юристов, судей, вообще людей более умных и образованных, чем Соленый, Роде, Федотик и Тузенбах? Есть, конечно, но они выпускают из вида, что три сестры — дети генерала, военного, они выросли только в военной среде и привыкли и знают только военных. Наконец, мы знаем этих якобы интеллигентных врачей, юристов, су-

дей. Громадное большинство из них почти ничего не читают, играют в карты, пьют и посещают театр ради уборных. Удивляются, почему же сестры не уехали в Москву? Ведь у них и средства есть, дом, пенсия. Но в этом-то и вся особенность современного человека. Все, кажется, есть, чтобы сделать то, о чем много лет мечтаешь, а между тем не делаешь. Вот и я уже 4 года собираюсь написать драму, все о ней мечтаю, все откладываю работу и убежден, что никогда не напишу. А ведь дело не такое уж невозможное. Пишут же другие, и среди сотен плохих драм было бы одной больше. Вот и все. И члены управы, и учителя гимназии, и врачи — да все это живые люди, но здесь их наблюдают только при исполнении обязанностей, домашней же интимной жизни никто не знает или не хочет знать. Я же знаю опустившихся членов управы, которые обленились, оболванились и притворяются, будто не замечают измены жены. Знаю учителей, тупых и смешных... И в каждом провинциальном городе таких большинство. Если бы я жил в столице, может быть, и драма была бы написана, да не одна, а несколько,

и вообще вся моя деятельность приобрела бы, вероятно, иной характер <...> Ваша пьеса с громадным успехом прошла в Киеве, Одессе, ее читали в Артистическом обществе в Астрахани, и всюду она вызывала громадный интерес. Ее хотели поставить и у нас (приехала новочер. труппа на несколько спектаклей), но никак не могли добыть цензурованного экземпляра».

3322. Г. М. ЧЕХОВУ

8 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 133.

Написано на обороте бланка денежного перевода: «100 руб. От А. П. Чехова. Ялта».

Ответ на письмо Г. М. Чехова от 6 марта 1901 г. (ГБЛ).

Писана пьеса не для провинции. — В своем письме Г. М. Чехов извещал: «19-го марта товарищество из лучших артистов провинциальных ставит в Таганроге „Три сестры“. Я очень рад, что увижу хотя не такое исполнение, как в Художественном театре, но зато буду иметь лучшее представление о пьесе, чем

имею из прочитанных только выдержек в газетах. Один из таганрогских видел в Москве „Три сестры“ и в восторге от них и рассказывал об овациях, устроенных в театре по случаю постановки и исполнения этой пьесы».

3323. Б. К. ЗАЙЦЕВУ

9 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: дважды в ПССП, т. XII; стр. 322, с датой 9 марта 1904 г., и с исправленной датой — в т. XIX, стр. 56, а также в «Описании писем к А. П. Чехову», стр. 80.

Черновик телеграммы. Датируется телеграммой Зайцева от 9 марта 1901 г., на которую отвечает Чехов и на обороте которой написан черновик.

Ответ на письмо Б. К. Зайцева от 19 февраля и телеграмму от 9 марта 1901 г. (ГБЛ).

Холодно, сухо, длинно... — В письме от 19 февраля Зайцев обращался к Чехову с просьбой: «Пользуясь Вашим любезным разрешением, данным мне в Ялте осенью 900-го года, я вместе с этим письмом отсылаю на Ваш суд свою последнюю работу — „Неинтересную ис-

торию“. Когда я был тогда в Ялте, так думал, что кончу ее в октябре, а вышло совсем не так. Как бы то ни было, я с нетерпением буду ждать Вашего хотя бы и очень коротенького ответа. Впрочем, об этом распространяться незачем, потому что человек, написавший Константина Треплева, многое понимает. Одно только условие, Антон Павлович: ради Бога, пишите правду. Вчера я слушал одну безголосую молодую певицу, которую „похвалил“ знаменитый тенор; известно, как хвалят знаменитости — жалеют просто, а не хвалят. Чувство-то это и хорошее, и гуманное, и то, и се, а только иногда тяжело, когда жалеют. Да и вредно. Я помню, Вы тогда сказали мне: „если я скажу, что плохо, Вы два месяца писать не будете“ — так и не нужно же писать, коли бездарно. Итак, жду хоть и сурового, но совсем искреннего ответа <...> Рукопись не возвращайте — это копия». В телеграмме от 9 марта Зайцев запрашивал: «Беспокоюсь получили ли рукопись».

3324. М. П. ЧЕХОВОЙ

10 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XIX, стр. 56–57.

Открытка. Год устанавливается по почтовым штемпелям: Ялта. 11 III.1901; Москва. 15 III.1901.

Сегодня я послал тебе одно письмо... — Письмо это неизвестно.

...начальница с двумя барышнями. — В. К. Харкеевич.

3325. О. Л. КНИППЕР

11 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 106–107.

Написано на почтовой бумаге с оттиснутым сверху в виде обрывка газеты текстом: «En découplant ce morceau d'une vieille gazette je pensais à vous; (ce n'est pas une allusion croyez le bien), mais je me rappelais a lors...» («Вырезая этот отрывок из старой газеты, я думал о вас (поверьте, это не намек), но я вспоминал при этом»).

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 5 марта 1901 г.; Книппер ответила 16 марта (*Перепис-*

ка с Книппер, т. 1, стр. 345–347 и 365–367).

Не хочешь, милюся, в Ялту... — В письме от 5 марта Книппер писала: «...ведь скоро увидимся, только в Ялту не поеду». В письме от 9 марта она поясняла причину, по которой отказывалась ехать в Ялту: «Только пойми, милый, что в Ялту я теперь не могу приехать. Чем я приеду? Опять скрываться, опять страдания матери, прятки, мне это, право, тяжело, поверь мне <...> До каких же пор мы будем скрываться? И к чему это? Из-за людей? Люди скорее замолчат и оставят нас в покое, раз увидят, что это совершившийся факт. Да и нам с тобой легче будет. Я не выношу этих неясностей, зачем так отягчать жизнь?» В письме от 21 марта Книппер опять возвращалась к этому вопросу (см. примечания к письму 3343*).

Ты пишешь, что я не люблю Петербурга. — В письме от 1 марта 1901 г. Книппер писала: «Хочется куда-то пойти, хочется горизонта, простора, вздохнуть полной грудью, свободно, легко после удушливой нервной зимы. Кончу тебе письмо и пойду бродить. Мне Питер нравится с внешней стороны. Люблю хо-

дить по набережной, люблю толпу, широкие тротуары, какой-то европейский лоск во всем. А ты его, кажется, не любишь?» (там же, стр. 337).

Петербуржского же театра, кроме Савиной и немножко Давыдова, — я не признаю... — М. Г. Савина в 1889 г. играла Сашу в чеховском «Иванове». Узнав о желании артистки взять эту роль, Чехов коренным образом переработал ее применительно к дарованию Савиной (см. письма к А. С. Суворину от 7 января и к Ф. А. Федорову-Юрковскому от 8 января 1889 г. в т. 3 Писем). Об отношении Савиной к Чехову см. ее воспоминания «Почему я отказалась играть в „Чайке“» («Чеховский юбилейный сборник». М., 1910, стр. 430). В. Н. Давыдов в 1887 г. в театре Корша был первым исполнителем роли Иванова в одноименной пьесе Чехова. Когда же в 1899 г. намеревались поставить в Петербурге «Дядю Ваню», Чехов писал Книппер, что Давыдов сыграет главную роль хорошо (см. письмо к Книппер от 4 октября 1899 г. в т. 8 Писем).

...твой дядя Карл... — К. И. Зальца.

Сегодня получил письмо от больного Фле-

рова... — См. письмо 3327*.

Сегодня читал о покушении на Победоносцева... — Покушение на обер-прокурора синода К. П. Победоносцева было произведено в Петербурге в ночь с 8-го на 9 марта 1901 г. Н. К. Лиговским.

Только почему ты не хочешь, чтобы я подписывался иеромонахом? — В письме от 5 марта Книппер просила: «Не смей подписываться иеромонахом, я их не люблю».

3326. А. Ф. МАРКСУ

11 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 183.

Ответ на письмо А. Ф. Маркса от 6 марта 1901 г.; Маркс ответил 15 марта (ГБЛ).

Деньги 812 р. 50 к. за пьесу мою «Три сестры» получил... — Маркс писал: «Любезно Вами высланный корректурный оригинал Вашей повой пьесы „Три сестры“ я получил и при сем препровождаю к Вам причитающуюся плату за право литературной на нее собственности в количестве восьмисот двенадцати (812) руб. 50 коп., по расчету — за 3 1/4 печат-

ных листа по 250 руб. с листа. Прилагаемое условие на гербовой бумаге будьте добры подписать и, засвидетельствовав его в Ялте у нотариуса, возвратить мне». Получив текст пьесы, Маркс сразу же приступил к ее печатанию. К началу апреля уже была получена от Чехова вычитанная корректура пьесы, о чем свидетельствует телеграмма Маркса от 4 апреля, в которой он запрашивал: «Корректурa „Три сестры“ получена. Телеграфируйте можно ли окончательно печатать» (ГБЛ). А в письме от 17 апреля он сообщал: «Благодарю Вас за скорую присылку корректуры „Три сестры“, пьеса уже сдана в печать. Четвертый же том Ваших Сочинений скоро выйдет в свет» (там же).

Корректуру последних листов IV тома я на днях послал Вам... — 6 марта Маркс извещал Чехова: «Корректурa первых листов IV тома от Вас получена. На этих днях Вам выслана и остальная часть набора IV тома». Корректурa следующей части IV тома собрания сочинений была послана Чеховым вместе с письмом от 7 марта (см. письмо 3318* и примечания к нему*).

...средние листы ~ их я не получал. — Корректурa повести «Степь» и рассказов «Тина» и «Тайный советник» затерялась, поэтому 13 марта Маркс послал Чехову дубликат этой корректуры (см. примечания к письму 3318*).

«Пассажир I класса» должен войти в IV том независимо от рассказа «Воры»... — Ответ на вопрос, содержащийся в письме Маркса от 6 марта: «Я Вам уже сообщил, что „Воры“ нашлись и включены в четвертый том. Теперь в полученном от Вас содержании этого тома значится «Пассажир 1 класса». Поместили ли Вы эту вещь взамен рассказа „Воры“, который Вы считали утраченным, или „Пассажир 1 класса“ и теперь следует оставить в составе IV тома и в утвердительном случае — где находится оригинал для набора?»

...необходимо значительно исправить его в корректуре... — Рассказ «Пассажир 1-го класса» вошел в IV том собрания сочинений с значительными стилистическими исправлениями. О характере этой правки см. в текстологическом комментарии к рассказу — т. 5 Сочинений.

3327. С. В. ФЛЕРОВУ

11 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: Чехов, Лит. архив, стр. 247.

Ответ на письмо С. В. Флерова от 7 марта 1901 г. (ГБЛ).

...я посоветовал бы Вам поселиться не в Гурзуфе, а в Ялте. — Флеров обращался к Чехову с просьбой: «Диктую это письмо к Вам моей дочери, потому что сам с конца декабря лежу в постели. Это глупое занятие так мне надоело, что я в конце марта, будь что будь, еду в Крым за теплом и солнцем. Вчера только узнал, что Вы в Ялте, и теперь обращаюсь к Вам. Помогите товарищу. Приезжаю до конца октября. Прожить эти семь месяцев нужно на экономических началах, тем более, что впредь до устройства везу с собой фельдшера. Вследствие слабости сердца необходима комната в нижнем этаже. Нельзя ли устроиться поудобнее в Ялте? Или же поселиться в Гурзуфе?»

Вы называете меня ялтинским волшебником. — Флеров писал: «Вы ялтинский волшебник. Поворожите мне, милый товарищ, и от-

пишите скорее».

3328. М. П. ЧЕХОВОЙ

11 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XIX, стр. 59.

Год устанавливается по ответному письму М. П. Чеховой от 17 марта 1901 г. (*Письма М. Чеховой*, стр. 179) и по связи с письмом Чехова к А. Ф. Марксу от 11 марта 1901 г.

...положи в государственном банке на хранение. — На эту просьбу Мария Павловна отвечала: «Если я успею, то куплю 4% ренту на 800 рублей. У меня остались для поручений и своих дел только понедельник и среда на будущей неделе. Во всяком случае, я это сделаю непременно после пасхи».

Купи девять сторублевых, что будет стоить, вероятно, 810 р... — 27 апреля М. П. Чехова сообщала: «...я пошла в Государственный банк и там купила 4% ренту на 900 руб., за кои заплатила 871 р. 47 к. Оставила в банке ренту на хранение и управление на твое имя» (*Письма М. Чеховой*, стр. 179).

Это я получил сегодня от Маркса. — День-

ги за пьесу «Три сестры».

3329. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ

12 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 60.

Ответ на телеграмму О. Р. Васильевой от 11 марта 1901 г.; Васильева ответила 4 апреля (ГБЛ).

...ответить на Вашу телеграмму. — В телеграмме Васильева обращалась к Чехову с просьбой: «Voudrais venir Gourzouff être plus près <des> vous, puis je, ne vous fâchez pas répondez Nice, Grimaldi, Wassilieff» («Хотела бы приехать Гурзуф, быть ближе к вам, можно ли, не сердитесь, ответьте Ницца, Гримальди, Васильевой»).

Напишите мне поподробнее, что Вам собственно угодно в Гурзуфе... — Васильева ответила: «Я боюсь, что Вы смеетесь надо мной — особенно, когда Вы в Вашем письме говорите: „потом переехать в другое место, потом в третьем — этак и лето пройдет“. И правда — в Гурзуфе я пробуду месяца 1 1/2-2; на лето поеду к брату в Смоленск <...> Что касается подробно-

стей, чего мне собственно нужно, — *Вам* об этом писать не стану — я ведь только спросила, не будете ли Вы меня очень ругать за мое желание еще хоть раз посмотреть Вас».

Нижайший поклон милой дочке Маше. — О своей воспитаннице Васильева писала в ответном письме: «Ваша Маша чудный ребенок, но я бываю очень зла с ней».

3330. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

12 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Неизд. письма*, стр. 35.

Открытка.

А. Л. Вишневский ответил 18 марта 1901 г. (ГБЛ).

Вы обязаны писать мне длинные письма... — В ответном письме Вишневский писал: «В Вашем <...> кратком послании Вы еще слукавили, написавши мне, что я должен Вам писать длинные письма и обо всем подробно. Я написал Вам довольно пространное письмо и ждал все время от Вас весточки, а между тем выходит так, что я ничего Вам не написал, карточек не присылал и вообще Вы правы, а я

виноват?! „Ничего не поймешь на этом свете“ — говорит Кулыгин. Любя Вас и тем более, что Вы мой земляк, ученик Таганрогской гимназии и т. п. и т. п., я на Вас не сержусь и готов написать Вам еще несколько строк. Дела наши очень хороши. Успех с каждым спектаклем все растет и растет, и вся публика кричит и ругает всех враждебных нам газетчиков, которые лгут как сивые мерины, что у нас нет актеров, а, напротив, вся публика признает всю нашу труппу талантливыми артистами, даже третьего дня Ваш покорный слуга играл в присутствии великих княгинь и князей „Дядю Ваню“, и после 3-го акта поднесли чудный венок. Прием был колоссальный!!! Вчера большой фельетон поместил Потапенко в „России“ о Ваших пьесах и об изумительном положении на сцене Московского Художественного театра. С первым я не согласен, но со вторым да. Словом, такого шума, такого небывалого успеха, как материального, театрального и внешнего, столько разговоров, толков во всех сферах Петербурга не возбуждал никакой театр в мире и никакая труппа. Приезд ваш в Петербург, *все говорят*, не прой-

дет бесследно в истории театра! Кстати, о старичке Сальвини не говорят и не кричат так, как о нашем театре, и как не раздувай и не пиши Суворины, Кугели и вся эта фальшивая банда, не поколебать им нашего прочного триумфа и восторгов петербургской публики. Савина, Сазонов и все императорские артисты, смотревшие наши спектакли, в безумном восторге и громко заявляют в фойе Паневского театра, что после нас им стыдно играть и что у нас настоящее искусство, а у них профанация. Одним словом, мы так довольны во всех отношениях Петербургом, что даже на будущий пост решили опять приехать, ибо тысячная доля петербуржцев не имела возможности видеть нас, т. к. попасть к нам не было никаких сил в силу малого количества спектаклей. Дай бог, чтобы нам в Москве было бы так хорошо, как в Петербурге!! „Три сестры“ с каждым спектаклем все больше и больше нравятся публике».

3331. М. П. ЧЕХОВОЙ

13 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые

опубликовано: ПССП, т. XIX, стр. 60–61.

Открытка. Год устанавливается по почтовым штемпелям: Ялта. 14 III. 1901; Москва. 18 III. 1901.

Ответ на письмо М. П. Чеховой от 8 марта 1901 г. (*Письма М. Чеховой*, стр. 175–176).

...насчет сборника на постройку народного дома. — Еще в письме от 22 января 1901 г. Мария Павловна обратилась к брату с просьбой: «Думает выйти сборник для доставления средств на постройку собственного народного дома при обществе народных развлечений. Очень просят тебя дать рассказ, хотя бы коротенький из прежних. Пообещай им, пожалуйста. Сборник выйдет еще осенью. Толстой даст рассказ. Напиши мне ответ, не забудь, пожалуйста. Дом будет строить Шехтель. Я состою членом этого общества» (там же, стр. 170). В письме от 15 февраля Мария Павловна просила ответить «насчет рассказа для сборника на постройку дома для народных развлечений, пристают» (там же, стр. 174). 24 февраля она опять напомнила: «Сделай милость, ответь мне, дашь ли ты рассказ для сборника на постройку народного дома в

Москве? Пристают ко мне. Толстой и Горький обещали дать, остановка только за тобой и Короленко, больше там никаких писателей, кроме вас четырех корифеев, не будет» (там же, стр. 175). В письме от 8 марта Мария Павловна сетовала: «Отчего ты в последнее время стал неаккуратен по части ответов на мои письма? Упорно не отвечаешь на некоторые вопросы, да почти на все вопросы, заданные в моих письмах тебе, я ответа не получила. Хотя бы насчет рассказа для сборника на постройку народного дома — и отрицательного ответа не получила!»

Миша ~ остается, только хочет перейти в другой город. — См. примечания к письмам 3311* и 3315*.

Я написал ему откровенно... — См. письмо 3315*.

Если Бунин уже в Москве, то кланяйся. — О Бунине Мария Павловна сообщала 8 марта: «Получила от Бунина из Одессы письмо, пишет, что в семье у него совсем неблагополучно, собирается в Москву».

3332. И. А. БУНИНУ

14 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: отрывок — «Сборник товарищества „Знание“ за 1904 г.», кн. 3. СПб., 1905, стр. 265; полностью — *Письма*, т. VI, стр. 133–134.

Открытка. Год устанавливается по почтовым штемпелям: Ялта. 15 III.1901; Одесса. 18 III.1901.

Ответ на письмо И. А. Бунина от 11 марта 1901 г.; Бунин ответил 20 марта (ЛН, т. 68, стр. 410).

...это адрес С. П. Бонье... — В письме от 11 марта Бунин спрашивал: «Где С. П. Бонье? Мне нужен ее адрес. Чрезвычайно буду благодарен, если исполните мою просьбу, а кроме того, сообщите, Как поживаете? Я пробуду в Одессе еще с полмесяца <...> Покорно благодарю за пересылку писем».

От «Скорпиона» получил корректуру... — Издательство «Скорпион» выпускало альманахи «Северные цветы», в котором печатался рассказ Чехова «Ночью», переделанный им из рассказа «В море», впервые опубликованного в журнале «Мирской толк», 1883, № 40. О под-

готовке альманаха к изданию см. запись в дневнике В. Брюсова за февраль — март 1901 г. Он писал: «По делам альманаха переписывался с Перцовым, Розановым, Ореусом, Д. Фридбергом... Все „видные“ литераторы давали вещи отвергнутые или запрещенные. Зиночка Гипшиус — „Святая кровь“, отвергнутую „Жизнью“ и „Миром искусства“, Розанов — „Заметки“, которые отказался печатать Перцов, Чехов — рассказ, в котором сомневался, пропустит ли его цензура, наконец, Н. Минский — сонет, цензурою вычеркнутый из его „Новых песен“. Последний, впрочем, мы не напечатали.хлопот по печатанию было много. Последние дни читали по две по три корректуры в день. Сергей Александрович <Поляков — основатель книгоиздательства „Скорпион“> бывал в типографии раза по три в день, я уже непременно каждый день» (В. Брюсов. Дневники. М., 1927, стр. 101–102). В ответ на замечание Чехова Бунин писал 20 марта: «Что касается „Скорпиона“, то, ей богу, я никак не ожидал от него неряшливости, иначе не позволил бы себе приглашать Вас. Серьезно, я вчера испытал весьма неприятные

минуты. Но все-таки я убежден, что это вышло как-то нечаянно. Ведь они были страшно рады Вашему рассказу, вообще же относятся к Вам с необыкновенным уважением. Этим и объясняется то, что они поставили Вас на первом месте в объявлении и уж, конечно, не желанием рекламировать „Северные цветы“, — в этом могу поручиться».

...объявление в «Русск<их> ведом<остях>»...
— Первое объявление о подготовке к изданию альманаха «Северные цветы» появилось в «Русских ведомостях» 8 марта 1901 г. (№ 66), затем оно было перепечатано в №№ 69, 74 и 77 газеты от 11, 16 и 19 марта. Объявление следующего содержания: «Новые книги книгоиздательства „Скорпион“, „Северные цветы“. Альманах на 1901 г. Рассказы, стихи и статьи: А. П. Чехова, З. Гиппиус, Бальмонта, Лохвицкого, Бунина, Фофанова, Случевского, В. Розанова, В. Брюсова и др. Неизданные стихи, письма и мемуары: А. С. Пушкина, А. Фета, Владимира Соловьева, кн. А. И. Урусова. Обложка К. Сомова (выйдет в скором времени)».

16 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 107–108.

Год устанавливается по письму О. Л. Книппер от 11 марта 1901 г., на которое отвечает Чехов; Книппер ответила 21 марта (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 359–361, 370–372).

В Москву я приеду непременно ~ в Швецию, — не знаю. — О желании поехать с Книппер в Швецию и Норвегию Чехов писал ей 2 февраля 1901 г. Книппер 11 марта писала о планах на будущее: «Страстную мне придется, верно, быть в Москве, т. к. у нас поднимается квартирный вопрос. Наш дом продали и просят очистить квартиру к 1-му мая. Мама растерялась, в отчаянии, и надо ей помогать, а то она занята ведь весь день. Понимаешь, милый мой? Если погода будет хорошая, ты ведь можешь приехать в Москву? Да? А летом поедем в Швецию и Норвегию? Мне эта мысль очень нравится. И ты не бросай ее. Я буду за тобой ухаживать, чтобы ты не был в перьях и в пуху». В Москву Чехов приехал 11 мая.

...получаю «Русского инвалида» ~ там рецензия «Трех сестер» ~ ошибок с военной стороны не находит. — При постановке пьесы в Художественном театре Чехов пригласил знакомого полковника (впоследствии генерала) В. А. Петрова в качестве консультанта по части военной выправки и обмундирования (см. письмо 3271* и примечания к нему*). Рецензент «Русского инвалида» В. С. Кривенко в статье «Военные на театральной сцене» (за подписью В. С. К-о) в № 56 газеты с большой похвалой отозвался не только о пьесе «Три сестры» в целом, но, в частности, и о специально военной обстановке ее, не указав ни одной ошибки автора в этой чужой для него сфере. Кривенко писал: «На днях я увидел на сцене истинно военное общество, такое, какое оно на самом деле есть. Дело было в Паневском театре, на спектаклях Московского Художественного театра. Давали „Три сестры“...»

Ты изменяешь мне... — См. примечания к письму 3317*.

Видаешь Авилову? — 2 марта Книппер писала: «На днях получила письмо от Л. Авило-

вой, ты ведь ее, кажется, знаешь. Желает возобновить знакомство, но глав<ным> образом, по-видимому, для того, чтобы получить билет на „Сестер“. Я вежливо ответила: „Билета не могу достать“» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 340). На вопрос Чехова Книппер отвечала 21 марта: «С Авиловой не виделась».

Подружилась с Чюминой? — О своем знакомстве с О. Н. Чюминой Книппер сообщала в письме от 3 марта 1901 г. (там же, стр. 344). В письме от 9 марта она писала: «Чюмина прислала мне том стихотворений с след. надписью: „Многоуваж<аемой> О<льге> Л<еонардовне> московской чаровнице, с искренним восхищением и симпатией от автора» и ее экспромт на обеде:

*Кто скажет нам: искусство ль
это,
Плод вдохновенья иль ума,
Но все любовью здесь согрето,
Тут не игра, но жизнь сама.
Все впечатления так новы
И так правдиво все вокруг,
Что мы, почувствовав недуг,
Послать за Штокманом готовы.
Мы знаем их с недавних пор,*

*Но мы слились душою с ними,
И стали нам они родными —
От „Дяди Вани“ до „Сестер“.*

Тебе нравится? Завтра пойду к ней благодарить» (там же, стр. 354–355). В письме от 21 марта Книппер сообщала, что на приеме в женском петербургском клубе «Чюмина читала короткие стихи. Сегодня я была у нее, и славно беседовали».

Про назначение Пчельникова читал в газетах... — Про назначение П. М. Пчельникова, бывшего управляющего конторой московских императорских театров, Книппер 11 марта 1901 г. писала: «На днях читаем, что назначен Пчельников „надзирателем“ над частными театрами, над их репертуаром, и должен следить за тем, какое влияние имеют эти театры на публику и молодежь. Нравится тебе эта мерзость? Так что, верно, „Штокмана“ прикроют на будущий сезон. Отвратительно все это и неутешительно».

Но «Доктора Штокмана» едва ли снимут с вашего репертуара, ведь это консервативная пьеса. — Станиславский в книге «Моя жизнь в искусстве» рассказывает, что спектакли «Док-

тора Штокмана» в Петербурге превращались нередко в сплошные политические демонстрации. Книппер 21 марта писала: «На „Штокмане“ у нас происходило ужас что благодаря смутному времени. Не давали говорить Штокману — зала была наэлектризована, — беснование было полное». Петербургская пресса также отмечала огромный успех у публики «Доктора Штокмана» Ибсена в постановке Художественного театра. Так, «Петербургская газета» (1901, № 53, 24 февраля) в отд. «Театральное эхо» напечатала рецензию Кугеля (Ното novus) на этот спектакль. В ней отмечалось: «Постановка этой пьесы — одна из самых крупных заслуг московского театра <...> Таких единодушных, жарких и восторженных рукоплесканий не выдумаешь и не сочинишь. Это — от сердца, от „нутра“, которое и есть величайшее начало в искусстве». Не менее восторженный отзыв о спектакле содержался в рецензии Ю. Беляева («Новое время», 1901, № 8979, 25 февраля). Он писал: «Было далеко за полночь, когда кончился „Доктор Штокман“. Эта трагедия общественного долга безусловно интереснее как по со-

держанию, так и в отношении постановки всего, что привез нам г. Станиславский. Вот почему вчерашний спектакль прошел еще с большим успехом, чем „Дядя Ваня“, и вчерашний вечер, вероятно, будет лучшим вечером за все время пребывания Художественного театра в Петербурге. Доктора Штокмана играл г. Станиславский. Он создал фигуру ибсеновского героя, отличную от той, которую создал автор, но выдержанную в мелочах и замечательно типичную <...> Постановка „Доктора Штокмана“ прекрасная, выдержанная во всех деталях и такая же оригинальная, как исполнение».

Пишу теперь рассказ под названием «Архиерей»... — «Архиерей» был напечатан только год спустя в «Журнале для всех» (1902, № 4), хотя Чехов обещал дать его в журнал еще в 1899 г.

3334. М. П. ЧЕХОВОЙ

16 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано (с датой 16 марта 1900 г.): *Письма*, т. VI, стр. 69–70. Дата исправлена в ПССП,

т. XIX, стр. 62–63.

Год устанавливается по сообщению «Курьера» (см. ниже*).

...читал сейчас твое письмо... — Письмо М. П. Чеховой не сохранилось.

...в декабре он привез мне 500 руб... — Аванс за обещанный Чеховым рассказ для «Курьера».

...пусть не печатает про меня вздора, вроде прилагаемого... — В письмо вклеена вырезка из неустановленной газеты. Сообщение, о котором в ней говорится, было опубликовано в газете «Курьер», 1901, № 69, 11 марта, в отделе «Внутренние известия».

В прошлом году умолял Фейгина не печатать ничего... — Письма Чехова к А. Я. Фейгину неизвестны. Однако в переписке Чехова неоднократно повторялись упреки в адрес «Курьера», который печатал о нем всякие небылицы. См., например, письма от 2 марта и 14 ноября 1899 г. в т. 8 Писем.

Мать просит тебя купить... — 15 марта М. П. Чехова писала О. Л. Книппер в Петербург: «В пятницу я непременно должна выехать, об этом я уже написала домой, и Антон пишет,

что ждет. Поручений написал массу, надо все успеть исполнить <...> Получаю от Антоши письма часто и все с поручениями» (ГБЛ).

3335. О. Л. КНИППЕР

18 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 108–109.

Год устанавливается по ответному письму О. Л. Книппер от 22 марта 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 373–375).

...Ты на днях возвращаешься в Москву... — Гастроли Художественного театра закончились в Петербурге 23 марта 1901 г. пьесой Чехова «Три сестры». В корреспонденции «Прощальный спектакль Московской труппы», напечатанной в «Петербургской газете» (1901, № 81, 24 марта, отд. «Театральное эхо»), говорилось: «Вчера труппа Московского Художественного театра прощалась с петербуржцами. Желающих попасть на прощальный спектакль (давалась драма А. П. Чехова „Три сестры“) было так много, что не только все билеты были распроданы, но даже за два часа до

начала спектакля по коридорам театра бродили толпы жаждавших проникнуть в зрительный зал <...> Спектакль окончился в половине первого. Снова раздался гром аплодисментов, и на вызов публики вышли все актеры и актрисы труппы во главе с гг. Немировичем-Данченко и Станиславским; последним, при несмолкаемых аплодисментах, поднесли два лавровых венка с надписью „Борцам за искусство“. Один из венков был подан от Высших женских курсов. Затем из партера на сцену вышел один из зрителей и прочел труппе адрес, сделанный в виде петровской грамоты, со шнурами и печатями. Адрес был выставлен в фойе театра и в несколько минут покрыт свыше 500 подписями. Овации продолжались более 20 минут, цветочный дождь сыпался на сцену со всех мест, начиная с галереи и кончая партером». О. Л. Книппер выехала из Петербурга 24 марта.

...я один, совершенно один! — Книппер ответила 22 марта: «Перед театром я получила твое письмо, милый мой! Не смей ездить в Москву ни под каким видом. Я приеду к тебе и буду за тобой ухаживать, тебя любить и

устрою так, чтобы всем было хорошо и тепло и ловко, — хочешь? Теперь чудно на юге! Побуду немного в Москве, повидаюсь со своими, увижу, в каком положении квартирный вопрос, и укачу к тебе. Хочешь меня встретить в Севастополе? Или нет — не тревожься, не езд. Телеграфируй в Москву — согласен так?»

Отчего отменили «Эдду Габлер»? — Об отмене пьесы Г. Ибсена «Эдда Габлер» О. Л. Книппер сообщала в письме от 9 марта 1901 г. (*Переписка с Книппер*, стр. 356).

Какие пьесы наметили для будущего сезона? — О репертуаре Художественного театра на сезон 1901–1902 гг. сообщалось в «Русских ведомостях» (1901, № 78, 20 марта): «Репетиции труппы Художественно-Общедоступного театра возобновляются с Фоминой недели — в концертной зале Романова или же в новом помещении Общества искусства и литературы. Для постановки в будущем сезоне пока намечены: последнее произведение Гауптмана „Микаэль Крамер“, символическая пьеса Ибсена „Дикая утка“ и пьеса М. Горького, название которой еще неизвестно. По слухам, эта последняя вещь ничего общего не имеет

с пьесой, обещанной автором Художественно-Общедоступному театру в прошлом году и не оконченной». Кроме названных выше пьес, в сезон 1901–1902 гг. в Художественном театре была также поставлена пьеса Вл. И. Немировича-Данченко «В мечтах».

Решили ли, наконец, строить новый театр? — С 1898 по 1902 г. Художественный театр помещался в Каретном ряду в театре «Эрмитаж». Но так как последний сдавался в аренду лишь на сезон, то весной и осенью труппа театра репетировала в Суцее на Божедомке, где у Художественного театра было снято помещение для декораций и мастерских, и в зале Романова на Мал. Бронной. С развитием театра все острее ставился вопрос о необходимости приобретения соответствующего задачам труппы помещения, и в 1902 г. для Художественного театра было снято нынешнее его здание в Камергерском переулке (до 1902 г. там помещался театр-варьете Омона), которое подверглось при этом коренной перестройке под руководством Ф. О. Шехтеля.

...неожиданно получил тысячу рублей долгу. — От П. В. Ундольского (см. письмо 3337*).

...письма из Питера и из Москвы, довольно злоеущие... — Сообщения о происходящих студенческих волнениях, вызванных применением к студентам «временных правил», по которым за «учинение скопом беспорядков» студенты карались исключением из университета и отдачей в солдаты. Особенно резкие протесты студенчества, требовавшего отмены «временных правил», начались после того, как в январе 1901 г. 183 студента Киевского университета за организованную сходку были отданы в солдаты (см. статью В. И. Ленина «Отдача в солдаты 183-х студентов» — Полн. собр. соч., т. 4, стр. 391–396). 4 марта 1901 г. в Петербурге на площади Казанского собора произошла грандиозная студенческая демонстрация, закончившаяся жестоким побоищем; полиция и казаки под руководством петербургского градоначальника Клейгельса избивали не только студентов и курсисток, но и тех из граждан, кто осмелился хотя бы словом вступить за избиваемых. После побоища были произведены массовые аресты; среди арестованных было много писателей и общественных деятелей. Побоище на Казанской

площади вызвало взрыв возмущения по всей России. О студенческих волнениях Книппер писала Чехову из Петербурга 5 марта 1901 г.: «Здесь страшные студенческие беспорядки, опять казаки, нагайки, убитые, раненые, озверелые, все, как быть должно <...> Настроение в обществе ужасное. В Москве тоже кровопролитие почище здешнего, говорят...» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 347).

...читаю с отвращением газеты. — В течение одной только недели — с 6 по 13 марта 1901 г. — в газетах было опубликовано правительственное сообщение о студенческих волнениях в Петербурге, Харькове, Москве и о демонстрации 4 марта у Казанского собора в Петербурге; объявлено о закрытии 12 марта Союза взаимопомощи русских писателей; напечатан «циркуляр министра внутренних дел по департаменту полиции губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам», в котором предписывалось наводить порядок, «не останавливаясь перед необходимостью действовать строгостью и силой», и в случае надобности «прибегать <...> к содействию войск...» Коррективом к этим публикациям

служили Чехову упоминаемые им письма, которые он характеризует как «довольно злоеющие». Так, по поводу правительственного сообщения, ни словом не обмолвившегося о жертвах среди участников демонстрации на Казанской площади, В. А. Поссе писал 8 марта 1901 г.: «„Правительственному сообщению“ не верьте. Все было совсем иначе и несравненно ужаснее. Несколько студентов убито...» (ГБЛ).

...не играй в «Михаиле Крамере»... — Работу над пьесой Г. Гауптмана «Микаэль Крамер» Художественный театр начал в конце 1900 г. В «Театральных известиях» (1901, № 1173, 11 января) сообщалось: «Ввиду того, что до великого поста остается уже немного времени, а на великий пост труппа Художественно-Общедоступного театра уезжает на гастроли в Петербург, постановка новой пьесы Гауптмана „Михаил Крамер“, как окончательно выяснилось вчера, откладывается до следующего сезона. „Три сестры“ Чехова будут последнею новинкою этого театра». Репетиции этой пьесы возобновились в апреле — мае 1901 г. О возможном участии в спектакле «Микаэль

Крамер» Книппер писала Чехову 9 марта: «Если будут репетировать „крамера“ и „Дикую утку“ Ибсена — мне там делать нечего. Может, еще буду играть дочь Крамера, но вряд ли» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 353). В этой пьесе Гауптмана Книппер не играла.

3336. А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

18 марта 1901 г.

Печатается по автографу (*Архив Горького*). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 134–135.

М. Горький ответил в конце марта 1901 г. (*Горький*, т. 28, стр. 157–159).

Ваши «Трое» читаю с большим удовольствием... — Чехов читал повесть «Трое» в журнале «Жизнь», где она печаталась в 1900 г. (№№ 11, 12) и в 1901 г. (№№ 1–4). Высказывания Чехова об этой повести см. также в письмах 3313* и к О. Л. Книппер от 7 декабря 1901 г. в т. 10 Писем.

Я слышал, что в Петербурге и потом в Москве Вы были невеселы. — М. Горький, приехав в Петербург, остановился у В. А. Поссе и пробыл у него все время до отъезда. Поссе пи-

сал Чехову о Горьком 8 марта 1901 г.: «Серьезное теперь время, очень серьезное! Масса сосредоточенного страдания. Горький здесь и страшно волнуется». О своих встречах с Горьким сообщала из Петербурга Чехову также Книппер 21 февраля: «Сегодня сыграли опять „Одиноких“, и отлично принимали. Был Горький, Поссе <...> Горький спрашивал про тебя. Он скверно, т. е. нехорошо выглядит, все, черт побери, ругается на Питер. „Половина людей здесь, говорит, жулики, а половина просто (pardon) — сволочь, есть хорошие, да и те шпионы“» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 324).

Напишите же, в чем дело... — В ответном письме Горький объяснял свое настроение событиями в Москве и Петербурге (см. примечания* к предыдущему письму). Письмо Чехову написано Горьким по возвращении его из Петербурга в конце марта 1901 г., где он был свидетелем студенческой демонстрации, состоявшейся 4 марта на площади у Казанского собора. Горький писал: «Несмотря на репрессии и благодаря им — оппозиционное настроение сильно растет <...> Жизнь приняла характер напряженный, жуткий. Кажется, что где-то

около тебя, в сумраке событий, притаился огромный, черный зверь и ждет, и соображает — кого пожрать. А студентики — милые люди, славные люди. Лучшие люди в эти дни, ибо бесстрашно идут, дабы победить или погибнуть. Погибнут или победят — не важно, важна драка, ибо драка — жизнь. Хорошо живется!» Вскоре после этого (17 апреля 1901 г.) Горький был арестован и заключен в нижегородскую тюрьму. Одно из обвинений заключалось в составлении опровержения правительственного сообщения о студенческой демонстрации 4 марта и участии в нижегородском студенческом революционном кружке (см. примечания к письму к Книппер от 24 апреля 1901 г. в т. 10 Писем).

3337. В. П. УНДОЛЬСКОМУ

18 марта 1901 г.

Печатается по тексту: *Письма*, т. VI, стр. 135, где опубликовано впервые, по автографу. Нынешнее местонахождение автографа неизвестно.

Ответ на письмо П. В. Ундольского от 16 марта 1901 г. (ГБЛ).

Деньги, высланные Вами, я получил... — Ундольский выслал переводом Чехову долг — 1000 рублей, которые он брал для постройки Мухалатской школы. В сопроводительном письме он писал: «Позвольте уверить Вас, что население Мухалатки навсегда сохранит о Вас добрую, благодарную память за оказанную мне Вами нравственную и материальную помощь в деле устройства школы».

3338. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ

20 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 60–61.

Ответ на телеграмму О. Р. Васильевой от 19 марта 1901 г. (ГБЛ).

...послал Вам ответ на Вашу телеграмму... — Письмо Чехова к Васильевой от 12 марта 1901 г. было ответом на ее телеграмму от 11 марта.

3339. В. С. МИРОЛЮБОВУ

22 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ИРЛИ). Впервые опубликовано: *ПССП*, т. XIX; стр. 66.

Датируется по почтовому штемпелю: Ялта. 23 III.1901 и помете Чехова: «четверг», который приходился на 22 марта.

Ответ на письмо В. С. Миролубова от 21 марта 1901 г. (ГБЛ).

Мне не хочется писать Меньшикову на счет Данилина... — В своем письме Миролубов просил сообщить адрес писательницы О. А. Фрибес, печатавшейся под псевдонимом И. А. Данилов: «Спросите же адрес Данилина и его имя, не забудьте. Пришлите мне открыткой на дачу Терещенко: непременно ему нужно написать. По написанию рассказа сейчас же дайте знать».

...я виноват перед ним немножко. — Чехов обещал М. О. Меньшикову прислать в ноябре для «Книжек Недели» свою повесть «Калека». Это намерение Чехов не осуществил (см. письмо 3147*).

3340. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

23 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма*, т. VI, стр. 135–136.

Ответ на письмо А. Л. Вишневого от 18

марта 1901 г.; Вишневский ответил 28 марта (ГБЛ).

...насчет фотографий я писал Вам... — Это письмо Чехова неизвестно. Свои фотографии (около двадцати штук) Вишневский послал Чехову 28 февраля 1901 г. В сопроводительном письме он писал: «Уезжая из Москвы, я снялся в некоторых ролях, и сегодня мне переслали карточки, и я посылаю Вам. Надеюсь, что Вы должны остаться очень довольны, а Кулыгиным в особенности. (Я его сам страшно любил). <...> Петербургом мы должны быть очень и очень довольны во всех отношениях, а если вас ругают Кугель и Суворины, то это мы знали заранее, ибо они были, есть и будут подлецы и мерзавцы!!! Публика им не верит. Публика их самих ругает, и доказательством служит то, что на объявленные спектакли, до конца нашего пребывания в Петербурге, уже давным давно все продано. Играем без афиш и даже без объявлений в некоторых газетах. Ну, как же Суворину (Вашему другу и приятелю) и всей этой шайке не злиться и не ругаться, когда подобного ничего Петербург не запомнит. Кончаем в Петер-

бурге 23 марта, а касса *театра закрыта уже неделю, ибо нечего продавать?!!* Успех же в публике наш театр и труппа имеет громадный. Правда, „Одинокие“ и „Геншель“ не очень понравились, но зато „Дядя Ваня“ и „Штокман“ имеют колоссальный, небывалый успех. *Сегодня играем „Три сестры“.* Надо думать, что и эта пьеса будет принята очень и очень петербургцами. Вчера говорил мне Немирович, что Вы должны будете получить с нас *авторских за Петербург* около 3000 руб. Вот за это я очень доволен! Дирекция должна получить чистых за Петербург 20 тысяч. Очень жаль, что театр мал и что не разрешили играть <на> 4-ой неделе поста, а то бы дирекция могла бы получить около 50 т. чистых!!!» (ГБЛ).

...если Вы не получили моего письма, то виноват не я. — Как видно из ответного письма Вишневого, письмо Чехова до него не дошло.

...писали мне, что приедете в Ялту. — В письме от 28 февраля 1901 г. В письме от 28 марта Вишневецкий отвечал на приглашение Чехова приехать в Ялту: «Очень сожалею, так

сложилось обстоятельства, что никак не могу теперь приехать в Ялту. А как мне хотелось побыть с Вами, дорогой Антон Павлович, все порассказать, подышать чудным воздухом и погреться на южном солнышке! Самое лучшее воспоминание в моей жизни, это прошлый год, когда мы все были у Вас и Вы с нами!»

Мне ужасно бы хотелось посмотреть «Трех сестер». — Вишневский отвечал: «Из письма Вашего, которое я сегодня получил, усматриваю: Вы хандрите, скучаете, и чтобы этого не было, приезжайте, дорогой Антон Павлович, в Москву, постараемся хотя как-нибудь показать Вам „Трех сестер“, и надеюсь, что среди нас Вам будет легко, приятно и не скучно. Кстати, мы 7-го апреля все должны собраться...»

Негде теперь играть... — См. примечания к письму 3335*.

3341. И. А. БУНИНУ

25 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано (с пропусками): «Сборник това-

рищества „Знание“ за 1904 г.» СПб., 1905, стр. 258; полностью — *Письма*, т. VI, стр. 136–137.

Ответ на письмо И. А. Бунина от 20 марта 1901 г.; Бунин ответил телеграммой от 28 марта (*ЛН*, т. 68, стр. 410–411).

...передайте г. Эдвардсу, что я к его услугам... — В письме от 20 марта Бунин излагал просьбу скульптора Б. В. Эдвардса: «Передаю Вам то, что меня просили передать Вам: не разрешите ли Вы скульптору Эдвардсу слепить Ваш бюст? Если позволите, он приедет в Ялту и поработает. Говорят, что с год тому назад Вы разрешили ему это через Ярцева. Что скажете Вы теперь? Будьте добры написать мне об этом два слова».

...в апреле я уезжаю с Машей в Москву... — Чехов выехал в Москву 9 мая.

Неприменно, обязательно приезжайте... — В своем письме Бунин сообщал: «От милой Марии Павловны получил письмо — сообщает, что 23-го выезжает в Ялту, и зовет меня в Крым. Все это — и переезды по морю, и свидание с ней и с Вами — очень заманчиво, так что, может быть, я приеду. А затем вместе на север — может быть, и Вы с нами? Это было

бы очень хорошо. Но, с другой стороны, совестно мне лодырничать, и я подумываю удрать в деревню».

Итак, стало быть, ждем. — М. П. Чехова в свою очередь послала Бунину приглашение приехать в Ялту. На это он ей ответил: «Очень крепко целую Ваши ручки за ласку и приглашение, но не знаю, приеду ли я в Ялту. Пора на покой, домой, а то что же это — опять „вагоны, буфеты, отбивные котлеты“, коридорные... Работать, конечно, в Ялте нельзя будет... т. е. очень мало шансов на это. И, главное, долго ли Вы пробудете в Ялте? Не скрою, ей богу, страшно хочется Вас видеть, видеть Ялту, Антона Павловича... Потом плыть с Вами по морю и держать путь в Россию уже по нежной весне. Очень хорошо! Но, ей богу, не знаю... Одним словом, подумаю» (ГБЛ). Бунин приехал в Ялту в начале апреля.

3342. А. М. ФЕДОРОВУ

25 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Записки ГБЛ*, вып. 16, стр. 183.

Ответ на письмо А. М. Федорова от 21 мар-

та 1901 г. (ГБЛ).

...книгу я сам получил недавно... — Федоров просил прислать III том собрания сочинений Чехова, изд. А. Ф. Маркса.

...пьесу же давно прочел... — Пьесу «Старый дом».

...в лености житие мое иждих... — Слова из покаянной стихиры «Покаяния отвержи ми двери», которая поется великим постом на всенощной.

...будет иметь солидный успех... — Пьеса Федорова была принята к постановке петербургским Александринским театром в январе 1901 г. 27 января 1901 г. «Одесские новости» (№ 5196) напечатали телеграмму из Петербурга и комментарии к ней следующего содержания: «„Старый дом“, пьеса Федорова, на Александринской сцене не пойдет. Она не понравилась директору». Как ни маловероятным показалось это известие Федорову, получившему под принятую на императорскую сцену пьесу солидный аванс, тем не менее он сделал телеграфный запрос близко стоящему к казенному театру в Петербурге лицу. Ответ получился достаточно внушительный: «Удив-

ляюсь, что вы поверили такой глупости». Однако, по свидетельству Л. К. Федоровой, жены Александра Митрофановича, пьеса «Старый дом» успеха не имела. В своих воспоминаниях она пишет по этому поводу: «Совершенно потрясенный провалом, Федоров был у Чехова, о чем писал мне: „А. П. с тонкой деликатностью, сидя со мной бок о бок на диване, стал рассказывать о провалах своих пьес и этим отождествлением своих былых авторских переживаний с моим облегчил мне горе больше, чем каким бы то ни было утешением. — Ведь Немирович вел с вами по поводу этой пьесы серьезные переговоры и даже писал вам о том, что берет ее для Московского Художественного театра, — закончил Чехов. Напрасно вы поспешили отдать пьесу Савиной. В Художественном театре пьеса ваша имела бы успех, как я вам предсказывал“. И А. М. говорил о той растрогавшей его задушевности тона, с которым вел по этому поводу А. П. разговор с ним, и добавил:

— Не знаю не только я, но и близкие ему люди вряд ли знают что-нибудь больше такой задушевности» (Л. К. Федорова. А. П. Чехов. —

ЛН, т. 68, стр. 636).

Давайте повидаемся хоть осенью в Москве или в Петербурге... — Эта встреча произошла в Москве, вероятно, в сентябре — октябре 1901 г. Ср. письмо к О. Л. Книппер от 30 октября 1901 г. (т. 10 Писем).

...вашей жене и мальчику. — Лидии Карловне и Виктору Александровичу Федоровым. О знакомстве с ними в Одессе в феврале 1901 г. см. подробно в воспоминаниях Л. К. Федоровой (ЛН, т. 68, стр. 629–634).

Обещанных книжек жду. — В библиотеке Чехова была книга Федорова «Стихотворения» (СПб., 1898, тип. А. С. Суворина), подаренная автором в 1901 г. с надписью: «Антону Павловичу Чехову от неистового поклонника его таланта А. Федорова. Одесса. 13 февраля 1901 г.»

3343. О. Л. КНИППЕР

26 марта 1901 г.

Печатается по подлиннику (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 109.

Телеграмма. Датируется по служебным пометам на бланке: «Подана 26/III 4 ч. 6 м. попо-

лудни»; «Принята 26/III 1901 г.»

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 21 марта 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 370–372).

...приеду после Пасхи... — О. Л. Книппер тяготилась двусмысленным положением в семье Чеховых из-за неоформленности их брака и потому не хотела ехать в Ялту. Однако боясь, чтобы поездка в Москву не повредила здоровью Чехова, она решила приехать к нему и писала об этом 21 марта: «Что ты мне о здоровье пишешь? Разве ты себя нехорошо чувствуешь, меня это беспокоит, Антон. Меня мучает, что ты хочешь приехать в Москву, кто знает, какая там погода будет. А видеть тебя хочу. Я бы приехала к тебе, но ведь мы не можем жить теперь просто хорошими знакомыми, ты это понимаешь. Я устала от этого скрыванья, мне тяжело это очень, поверь мне. Опять видеть страдания твоей матери, недоумевающее лицо Маши — это ужасно! Я ведь у вас между двух огней. Выскажись ты по этому поводу. Ты все молчишь. А мне нужно пожить спокойно теперь. Я устала сильно. Эти дни слегла от переутомления. Целый день лежала как пласт, ни одним пальцем

шевельнуть не могла <...> Милый, пиши мне моментально, как получишь мое письмо, — где мы увидимся, и сейчас же пришли мне телеграмму в Москву, как здоровье, непременно, слышишь? Не смей ездить в Москву, если не по себе. Если не в Ялте, то увидимся где-нибудь на юге — я приеду. Уеду отсюда 24-го».

3344. О. Л. КНИППЕР

27 марта 1901 г.

Печатается по подлиннику (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Письма к Книппер*, стр. 110.

Телеграмма. Датируется по почтовым пометам на бланке: «Подана 27/III. 10 ч. 10 м. пополудни»; «Принята 27/III 1901 г.»

Ответ на письмо О. Л. Книппер от 22 марта и ее телеграмму от 27 марта 1901 г. (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 373–375).

Жду приезда ~ Пароход пятницу... — В письме от 22 марта Книппер сообщала: «Я вчера много думала о тебе, потянуло меня к тебе, захотелось с тобой в саду копать, на солнышке греться!.. Завтра ровно год, что я выехала из Москвы, т. е. не по числам, а знаю, что выехала в пятницу на шестой. Помнишь,

Антон? Ты собирался идти к Горькому, когда мы с Машей приехали. Как мне тогда было хорошо и странно на душе. Ты мне обрадовался? А теперь тоже был бы рад, если бы я приехала? <...> Я тебе потом телеграфирую, когда выезжаю. Это письмо получишь 26-го и сейчас же телеграфируй — понимаешь? Мне ужасно хотелось к тебе, мой старичок <...> Будь веселый, милый, мягкий, не чувствуй себя одиноким. Мне больно, когда ты так говоришь. Итак приеду, приеду!!! Ты рад? Ты улыбаешься?»

3345. О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ

28 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: *Чехов, Лит. архив*, стр. 61.

Ответ на письмо О. Р. Васильевой от 4 апреля 1901 г. (ГБЛ).

...дачу мою в Гурзуфе ~ будет жить сестра.
— Ответ на следующее место письма Васильевой: «Я не поняла — Вашу дачу в Гурзуфе — Вы сдаете за 3 тыс. или она стоит столько? Если будете уж настолько добры — ответьте лишь на это».

Еврей из «Одесских новостей» оказался ~ бестактным человеком. — Ср. письмо 3316. Кого из сотрудников «Одесских новостей» имеет в виду Чехов, установить не удалось. О нем Васильева писала 4 апреля (22 марта): «Знаете, какой странный Ваш посланный из „Од<есских> нов<остей>“. Он ведь прямо отправился к моему старичку, и так как тот не хотел верить — он и план ему показал, и тот, со страху, дал мне телеграмму. О доме мне еще не писали».

Адрес библиотеки... — Васильева спрашивала: «Будьте настолько добры — как написать адрес в Таганрог и как послать, если много книг?» Васильева намеревалась посылать книги непосредственно в Таганрог, а не через Чехова, как она это делала раньше.

3346. Е. З. КОНОВИЦЕРУ

28 марта 1901 г.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Впервые опубликовано: ПССП, т. XIX, стр. 69.

Ответ на письмо Е. З. Коновицера от 22 марта 1901 г.; Коновицер ответил 4 апреля (ГБЛ).

...письмо Ваше, о котором Вы пишете, я получил... — Ответ на запрос Коновицера: «Получили ли Вы мое письмо от 9-го, если не ошибаюсь, марта? Я уже давно мог бы иметь на него ответ, и не получил его до сих пор, думаю, что оно к Вам не дошло». См. примечания к письму 3314*.

...поджидаю приезда одной дамы ~ которой Вы, как мне кажется, нужны. — Речь идет об О. М. Соловьевой-Березиной (см. примечания к письму 3288*). В ответном письме Коновицер писал: «Если той даме, о которой Вы мне пишете, понадобятся мои услуги для устройства ее дел, я, разумеется, явлюсь по первому Вашему призыву».

3100а. Ал. П. ЧЕХОВУ

20 мая 1900 г.

Печатается по автографу (ГБЛ). Впервые опубликовано: *Неизд. письма*, стр. 185.

На письме шуточный ответ Ал. П. Чехова: «А все-таки ты — крымский плантатор и сволочь проклятая. А сестра твоя — дрянь. Уезжаю в Питер 24/V в 8 ч. утра. А еще академик, гурзуфская твоя морда.»

Датируется предположительно по карандашной помете Чехова на письме: «1900, V», записи «суббота», которая в мае 1900 г. приходилась на 20-е, и сообщению Ал. П. Чехова об отъезде 24 мая в Петербург.

Несохранившиеся и ненайденные письма (1900 — март 1901)

1215. И. Н. ПОТАПЕНКО
13 или 14 января 1900 г. Ялта.

Ответ на телеграмму И. Н. Потапенко из Петербурга от 13 января 1900 г.: «Телеграфируй решение относительно повторения пьесы. Потапенко» (ГБЛ).

В письме от 10 января 1900 г. Потапенко просил дать разрешение кружку художественного чтения повторить постановку пьесы, «Дядя Ваня» в пользу «Отдела защиты детей от жестокого обращения», а 13 января телеграммой с оплаченным ответом повторил просьбу.

1216. И. Н. ПОТАПЕНКО

15 января 1900 г. Ялта.

Б. А. Лазаревский писал Чехову 27 января 1900 г.: «Письмо И. Н. Потапенко я бросил в ящик в день приезда, а не написал об этом потому, что сильно заболел» (ГБЛ).

В дневнике Лазаревского имеется запись от 21 января 1900 г. о встрече с Чеховым 15 января: «Я рассказал Антону Павловичу о <...> заметке по поводу Буренина и Потапенко <газетная заметка о статье Буренина, в которой он нападал на роман Потапенко „Встреча“>. Он очень заинтересовался. Буренина он, видимо, не любит <...> Антон Павлович встал и пошел в кабинет написать письмо И. Н. Потапенко по поводу этой статьи.

— Вы бросите в Севастополе?

— Брошу.

— Когда?

— Сегодня же и непременно.

Антон Павлович сел писать» (ГБЛ; ЛН, т. 87, стр. 326).

1217. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

Середина января (?) 1900 г. Ялта.

В. Э. Мейерхольд ответил 21 января 1900 г.: «...благодарю за оригинальную визитную карточку» (ГБЛ; ЛН, т. 68, стр. 436).

1218. М. Ф. ТЕРЕНТЬЕВОЙ

Середина января 1900 г. Ялта.

М. Ф. Терентьева ответила 21 января 1900 г.: «Деньги Ваши я передала Пелагее и бабушке Анне, за что они приносят Вам великую благодарность <...> Спасибо Вам за французские журналы, я достала словарь и теперь вечерами перевожу» (ГБЛ).

1219. Г. К. ЕГЕРУ

20-е числа (до 25-го) января 1900 г. Ялта.

Г. К. Егер ответил 28 января 1900 г.: «Благодарю Вас за любезный ответ на мое письмо к Вам. <Это письмо Егера не сохранилось.> Я должен сказать Вам, что Вы слишком преувеличиваете значение моих скромных услуг, которые я от чистого сердца предлагаю Вам. Я бы просил ничего не докладывать собранию Благотворительного общества относительно моего письма. За обещание выслать отчеты и т. д. очень Вам признателен» (ГБЛ).

1220. Ал. П. ЧЕХОВУ

24 января 1900 г. Ялта.

Телеграмма. Упомянута в письме Ал. П. Чехову от 25 января 1900 г.: «На телеграмму я ответил вчера поздно вечером, тотчас по полу-

чении».

1221. В ОДЕССКОЕ САДОВОДСТВО <?>

28 или 29 января 1900 г. Ялта.

Упомянуто в письме П. Ф. Иорданову от 29 января 1900 г.: «Я написал в Одессу, чтобы Вам выслали каталоги».

1222. М. В. и А. С. КИСЕЛЕВЫМ

Конец января 1900 г. Ялта.

Ответ на письмо Киселевых из Калуги от 19 января 1900 г., в котором они поздравляли Чехова с избранием в почетные академики. А. С. Киселев ответил Чехову 4 февраля 1900 г.: «Ваше теплое письмо, дорогой Антон Павлович, нас сердечно порадовало. Мы также часто вспоминаем Вас и по-прежнему любим и преданы Вам. Большое спасибо за то, что не забыли нас стариков. Живем мы не шатко не валко, здоровьем плохи, а в материальном положении довольны. Жаль только, что мы решились окончательно проститься с Бабкиным, должны продать и как можно скорее, чтобы развязаться с долгами, которые измучили нас вконец». Дальше Киселев писал о

всех членах семьи, о рассказах Марии Владимировны, о священнике Федоре Фивейском: «Батюшка без просыпу пьет мертвую, извелся вконец, матушка в полном смысле страдалница. Школа, благодаря учителю, на той же высоте. Вот Вам ответы на все Ваши вопросы» (ГБЛ).

Тогда же писала и М. В. Киселева: «...хочу поблагодарить Вас, что Вы отозвались на мой искренний привет <...> Я очень рада, что она <Е. Я. Чехова> с Вами» (ГБЛ).

1223. И. И. ЛЕВИТАНУ

Конец января (?) 1900 г. Ялта.

И. И. Левитан спрашивал в письме от 7 февраля 1900 г.: «Длится ли лихорадка, о которой писал мне?» (ГБЛ; И. И. Левитан. Письма. Документы. Воспоминания. М., 1956, стр. 101).

1224. Д. М. ГОРДОНУ

Начало февраля 1900 г. Ялта.

15 февраля 1900 г. Чехов писал А. Б. Тарарховскому: «Я послал д-ру Гордону небольшую картинку для его приемной» (см. письмо 3048*).

19 февраля 1900 г. Д. М. Гордон писал Чехову: «Вернувшись на днях, я нашел здесь Ваш любезный сюрприз, который отныне украшает мой кабинет, как воспоминание о посещении великого писателя и доброго товарища. Устройство пансиона подвигается вперед, но приняло несколько большие размеры, так что открытие состоится только к пасхе» (ГБЛ). Возможно, посылка сопровождалась письмом.

1225. С. А. ПЕТРОВУ (о. СЕРГИЮ)

Начало февраля (?) 1900 г. Ялта.

С. А. Петров ответил 13–14 февраля 1900 г.: «Принесли мне с почты Ваше дорогое письмо <...> Большое спасибо Вам <...> Очень благодарен матушке Вашей за память обо мне <...> Сегодня (14 февраля) получил Ваш превосходный портрет» (ГБЛ).

1226. В. А. СИРОТИНУ

Начало февраля 1900 г. Ялта.

В. А. Сиротин ответил Чехову 11 февраля 1900 г.: «Спасибо тебе за ответ, — очень я рад, что моя харя и письмо попали к тебе, — я по-

лагал, что пишу на „авось“. Очень рад, что ты, так же как и я, находишься в добром здравии, хотя и пишешь, что тебе чувствуется не так, как бы хотелось <...> Павлу Ивановичу <Вукову> передам твой ему привет» (ГБЛ).

1227. А. И. АНИСИМОВОЙ

8–9 февраля (?) 1900 г. Ялта.

А. И. Анисимова ответила 12 февраля 1900 г.: «Простите, что я не могла Вам сообщить своевременно о том, достаточно ли было присланных Вами денег на покупку дров в Талежское училище. В нынешнем году по случаю холодной зимы отопления потребовалось больше сравнительно с прошедшим годом» (ГБЛ).

По-видимому, Чехов написал Анисимовой после того, как получил письмо А. Смирновой о том, что классная комната, в которой она занималась с учениками младшего класса, не отапливается (ГБЛ).

1228. И. И. ЛЕВИТАНУ

Около 10-го (?) февраля 1900 г. Ялта.

И. И. Левитан ответил 16 февраля 1900 г.:

«Вчера, дорогой Антон Павлович, справлялся в школе живописи относительно просьбы Шаповалова. Не оказалось ни Венеры, ни бойца в просимом размере, а есть большие <...> Про картины Васильева скажу любителям <...> Голубчик, ты тоскуешь в Ялте, но смертельная тоска и здесь. Только издалека все розово <...> Относительно благодарности за знакомство с тобою, о чем ты пишешь, то если цари купят теперь на Передвижной картину мою, то 10 фунтов икры считай за мною» (ГБЛ; И. И. Левитан. Письма. Документы. Воспоминания. М., 1956, стр. 102).

1229. В. В. БАРЯТИНСКОМУ

Февраль (после 9-го?) 1900 г. Ялта.

В письме от 4 февраля 1900 г. В. В. Барятинский просил Чехова дать что-либо из его ненапечатанных произведений в газету «Северный курьер», которая находилась тогда в остром периоде «цензурного кризиса». «Мне приходится, — писал он, — „потускнеть“ некоторое время в отделе публицистики. Противовесом необходимо поставить по мере возможности блестящую беллетристику». В

письме от 16 октября 1900 г. он напоминал: «Вы были так добры, что обещали мне еще зимой посодействовать успеху нашей газеты, приняв в ней личное участие» (ГБЛ).

1230. М. Б. ПОЛИНОВСКОМУ

9 или 10 февраля 1900 г. Ялта.

Ответ на письмо М. Б. Полиновского от 6 февраля 1900 г. (ГБЛ), в котором он просил Чехова дать отзыв о посланной ему книге «Еврейские типы» (Одесса, 1900). Ответ Чехова, полученный 11 февраля, приведен (в отрывках) в воспоминаниях Полиновского «Памяти Чехова»: «Ваши рассказы хороши, особенно первый, и их можно было бы напечатать где угодно, если бы не язык, над которым Вам, очевидно, придется еще много поработать <...>

„Вывески, красующейся над дверью“. Почему не просто „вывески над дверью“?

„Набрать на платье“ — это провинциализм, не русское выражение. <...>

И зачем писать об евреях так, что это выходит „из еврейского быта“, а не просто „из жизни“?

Читали ли Вы рассказ „В глухом местечке“ Наумова (Когана)? Там тоже об евреях, но вы чувствуете, что это не „из еврейского быта“, а из жизни вообще <...>

Чтобы выработать себе язык, надо побольше писать и почаще печататься. Где печататься? Это уже Ваше дело. Вы сами должны пробить себе дорогу; положение в литературе, хотя бы очень скромное, *не дается, не берется, а завоевывается...* Желаю Вам всего хорошего, желаю успеха. А. Чехов» («Одесский листок», 1904, № 175, 7 июля).

1231. С. Ф. РАССОХИНУ

Февраль (не ранее 10-го) 1900 г. Ялта.

Телеграмма (?). Ответ на телеграмму С. Ф. Рассохина из Москвы в Ялту от 10 февраля 1900 г.: «Завален требованиями на „Дядю Ваню“ и „Чайку“. Разрешите налитографировать хотя сто экземпляров, дабы удовлетворить провинциальных антрепренеров, или укажите источник, откуда их взять. Мой привет. Сергей Рассохин» (ГБЛ).

1232. В СЕРПУХОВСКУЮ УЕЗДНУЮ ЗЕМ-

СКУЮ УПРАВУ

11 февраля 1900 г. Ялта.

Заявление, что «по расстроенному здоровью и дальности расстояния» не может продолжать попечительство в Чирковском и Талежском училищах. Упомянуто в письме Н. Н. Хмелеву от 11 февраля 1900 г.

1233. И. В. ЦИНГЕРУ

15 февраля 1900 г. Ялта.

Ответ на письмо И. В. Цингера (рабочего сцены Московского Художественного театра); Цингер просил Чехова прислать его карточку с автографом «как лучший подарок одной моей родственнице, которая очень любит Вас как писателя» (ГБЛ).

15 февраля 1900 г. Чехов послал Цингеру карточку и письмо. О письме Чехова, которое оказалось вклеенным в альбом родственницы Цингера, Надежды Алексеевны Летниковой, сообщено в заметке, напечатанной в газете «Вечерний Ростов» (16 марта 1960 г.). Альбом долгие годы хранился у дочери Летниковой, Е. В. Васильевой, в г. Лиепая. После ее смерти альбом увезен сыном покойной, А. К.

Араратовым, в г. Чебоксары.

1234. А. В. ГУРВИЧУ

Середина февраля (?) 1900 г. Ялта.

А. В. Гурвич писал Чехову 24 августа 1903 г.: «Года четыре тому назад я обратился к Вам из Николаева и просил Вас дать работу <рассказ> для сборника, который собирался издать в память маститого еврейского поэта Мих. Гордона. Вы так отзывчиво отнеслись к этому, что теперь, после целого ряда лет, когда мне и моим доверителям, еврейским юношам, понадобилось, мы опять обращаемся к Вам» (ГБЛ).

Первое письмо Гурвича Чехову послано было 4 февраля 1900 г.

1235. И. Н. МОШИНСКОМУ

Середина февраля (?) 1900 г. Ялта.

Телеграмма. Ответ на письмо И. Н. Мошинского от 1 февраля 1900 г., в котором он просил, от имени кружка ссыльных в Яранске, устроить в ялтинский санаторий больного туберкулезом Л. П. Радина, отбывшего ссылку в Яранске. «Прошу Вас убедительно, отвечайте

немедленно телеграммой». На обороте письма Мошинского написано неизвестной рукой: «Отвечали телеграммой. В случае тяжелого состояния больного — не приезжать» (ГБЛ; Из архива Чехова, стр. 233–234).

1236. Е. Д. ИЛЬИНСКОЙ

Середина (?) февраля 1900 г. Ялта.

В письме Е. Д. Ильинской Чехов послал письмо М. Горькому. См. следующий номер*.

1237. А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

Середина (?) февраля 1900 г. Ялта.

Е. Д. Ильинская в письме от 25 января 1900 г. просила Чехова прислать свою карточку, с которой можно было бы «отправиться к г. Горькому попросить его прочесть на нашем учительском вечере. <...> Может быть, Вы сами бы ему написали? Очень уж хочется, чтобы он прочел своего „Сокола“ — такая славная вещь» (ГБЛ).

В письме от 21 февраля 1900 г. Ильинская благодарила Чехова за полученное письмо к Горькому и сообщала, что оно «пришло поздно — программа была уже послана на утвер-

ждение. Мы хотим изменить характер этих вечеров, лишь бы они существовали» (ГБЛ.)

1238. Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

Февраль, середина (?), 1900 г. Ялта.

Упомянуто в письме к М. П. Чеховой от 22 февраля 1900 г.: «Насчет пьесы я писал Немировичу». Ответ на письмо Вл. И. Немировича-Данченко от первой половины февраля 1900 г.

1239. Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

18 или 19 февраля 1900 г. Ялта.

Телеграмма. Ответ на телеграммы Вл. И. Немировича-Данченко от 17 и 18 февраля 1900 г.: «Без своей обстановки не то впечатление. Есть возможность играть Пасху в театре Корша. Можешь ли приехать. Покажем тебе весь репертуар. Немирович-Данченко»; и 18 февраля: «Жду ответа, можешь ли приехать Пасху или Фоминую. Немирович-Данченко» (ГБЛ). Об ответной телеграмме Чехова упоминает О. Л. Книппер в письме к нему от 20 февраля 1900 г.: «Сознайтесь, что Вы обозленный телеграфировали ответ нашему директору. Я

так подумала, когда он мне сообщил содержание телеграммы» (ГБЛ; Переписка с Книппер, т. 1, стр. 137).

1240. М. В. КАРТАВЦЕВОЙ (КРЕСТОВСКОЙ)

Февраль 1900 г. Ялта.

М. В. Картавцева писала Чехову в феврале 1900 г.: «...спасибо Вам за приветливое слово о моем „Воле“. (Кстати, по поводу его названия — когда Вы прочтете его до конца, Вы примиритесь, верно, и с его заглавием)» (ГБЛ).

1241. В ТИПОГРАФИЮ А. Ф. МАРКСА

Февраль (?) 1900 г. Ялта.

Упомянуто в письме А. Ф. Марксу от 9 августа 1900 г.: «... в начале этого года я получил корректуру рассказов из 8 и 9 томов, неизвестно для чего набранных. Я написал в типографию, просил держаться в наборе порядка, известного ей из составленного нами списка».

1242. А. И. АНИСИМОВОЙ

Конец февраля — начало марта 1900 г.

Ялта.

Посылает деньги на дрова для отопления Талежского училища.

В письме от 12 марта 1900 г. А. И. Анисимова писала Чехову: «Честь имею уведомить Вас, что посланные Вами 15 руб. получены мною, за что приношу благодарность» (ГБЛ).

1243. АННЕ ФЕДОРОВОЙ

Конец февраля или первые числа марта 1900 г.

Ялта.

Чехов ответил Анне Федоровой на ее письмо от 24/II (?) 1900 г., в котором она просила уделить ей немного времени, чтобы «переговорить» и «посоветоваться по поводу одного дела», касающегося ее сестры. В письме от 4 марта 1900 г. Федорова писала, что полученным разрешением она не воспользуется, так как ей стыдно отнимать время у Чехова. Благодарила Чехова за его участие в устройстве ее в Ялте (ГБЛ).

1244. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ПЕРЕВОДЧИК»

Начало марта (?) 1900 г. Ялта.

Просьба выслать учебники для татарской школы в Мухалатке. (Была приложена открытка для ответа с адресом, написанным рукою Чехова.)

17 марта 1900 г. редакция бахчисарайской газеты «Переводчик» выслала Чехову счет на 60 р. 50 к. за посланные пять учебников (всего 265 экз.) (ГБЛ).

1245. Д. ПОДЗЕМСКОМУ (В ПОЛТАВУ)

Начало марта (?) 1900 г. Ялта.

Вероятно, Чехов просил выслать ему кожаную сумку для доставки корреспонденции, получаемой на почте. Присланное Д. Подземским сообщение 10 марта 1900 г. о посылке сумки написано на открытке (оплаченного ответа), с адресом, написанным рукою Чехова (ГБЛ).

1246. В. ШАКАЛОВУ

9 марта (?) 1900 г. Ялта.

Ответ на хозяйственные вопросы сторожа в Кучук-Кое от 8 марта 1900 г. (ГБЛ).

1247. Ф. П. ГОРЕВУ

Около 10 марта 1900 г. Ялта.

Ответ на письмо Ф. П. Горева от 3 марта 1900 г. Упомянуто в письме к Вл. И. Немировичу-Данченко от 10 марта 1900 г.: «...я получил от Горева письмо: хочет ставить „Дядю Ваню“ в свой прощальный бенефис. Я написал ему, что я очень рад, но что пьеса принадлежит Художественному театру и что если этот театр не отказался от намерения играть ее в Петербурге теперь или в будущем сезоне, то идти на казенной сцене она не может».

1248. И. Н. МОШИНСКОМУ

16 марта 1900 г. Ялта.

Телеграмма о смерти Л. П. Радина. Мошинский писал Чехову 1 апреля 1900 г.: «Телеграмма о кончине Леонида Петровича была для нас страшной неожиданностью» (ГБЛ; Из архива Чехова, стр. 234).

1249. Е. И. КРИСТИ

Вторая половина марта 1900 г. Ялта.

Чехов ответил на письмо Е. И. Кристи из Кишинева от 16 марта 1900 г. 6 апреля 1900 г.

она писала Чехову: «Спасибо за Ваш ответ и за добрые слова; они, несомненно, доставили мне большое удовольствие, но, право, я писала к Вам не для того, чтобы их получить! Еще менее было у меня нескромное желание заставить Вас говорить „о самом себе“, т. е. претендовать, чтобы Вы открыли душу Вашу какой-то незнакомке. Это было бы непростительно и этого не было. Просто у меня было непреодолимое желание узнать, поняла ли я Ваше произведение» (ГБЛ).

16 марта Кристи послала Чехову свою статью о его повести «В овраге».

1250. М. И. СОКОЛОВУ

Конец марта (?) 1900 г. Ялта.

Ответ на письмо от 27 марта по поводу насаждений в саду ялтинской дачи Чехова. Об ответе Чехова свидетельствуют дальнейшие письма М. И. Соколова (ГБЛ).

1251. МОСКОВСКОМУ ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТЕАТРУ

*Конец марта или начало апреля 1900 г.
Ялта.*

Телеграмма. О получении телеграммы сообщил К. С. Станиславский С. В. Флерову (Васильеву) в апреле 1900 г.: «Чехов телеграфировал нам, что в Ялте все билеты проданы» (билеты на спектакли Художественного театра, выезжавшего на гастроли в Севастополь и Ялту, — *Станиславский*, т. 7, стр. 171).

1252. Х. Д. АЛЧЕВСКОЙ

4 апреля 1900 г. Ялта.

В письме посланы билеты на четыре спектакля Художественного театра (ялтинские гастроли). В письме от 5 апреля Х. Д. Алчевская благодарила за них Чехова (*ГБЛ*).

1253. Л. Ю. АРБУШЕВСКОЙ

Около 10 апреля 1900 г. Ялта.

Поздравление с праздником пасхи. Л. Ю. Арбушевская ответила (на ее письме дата рукой Чехова: «900, IV»): «Приношу сердечную благодарность за поздравление» (*ГБЛ*).

1254. ШИШКОВЫМ

8 или 9 апреля 1900 г. Ялта.

Шишковы ответили телеграммой из Бату-

ма 9 апреля 1900 г. «Очень приятно, что вспомнили. Хр. воскрес. Шишковы» (ГБЛ).

1255. И. Н. МОШИНСКОМУ

Середина апреля (?) 1900 г. Ялта.

Ответ на письмо И. Н. Мошинского от 1 апреля 1900 г., в котором он просил написать о последних днях жизни Л. П. Радина (умер 16 марта), а все оставшиеся рукописи, письма и книги Радина прислать на его имя: «Друзья Л. П. надеются привести эти рукописи (или по крайней мере часть их) в порядок и передать их одному из петербургских профессоров для обработки, чтобы их можно было опубликовать». В этом же письме: «Друзья Л<еонида> П<етровича> просят выразить Вам горячую благодарность за все сделанное Вами для нашего дорогого товарища» (ГБЛ; *Из архива Чехова*, стр. 235).

Вероятно, Чехов сообщил Мошинскому, что ко времени получения его письма все рукописи Л. П. Радина (о которых Чехову ранее, видимо, ничего не было известно) уже погибли (см. брошюру И. Н. Мошинского «Наши ученые подпольщики». М., 1925).

1256. В. А. ЧУМИКОВУ

Около 20 апреля (?) 1900 г. Ялта.

В. А. Чумиков ответил 26 апреля (9 мая) 1900 г. из Лейпцига: «Благодарю за Ваше письмо и за том „Рассказов“, которые я почти уже перевел» (ГБЛ).

1257. Е. П. КАРПОВУ

20 апреля 1900 г. Ялта.

Вероятно, кроме известного письма от 20 апреля 1900 г., Чехов ответил телеграммой на телеграфный запрос Е. П. Карпова от 20 апреля 1900 г. из Петербурга: «Директор просит категорического ответа относительно постановки „Дяди Вани“ в бенефис Горева. Ответ оплачен. Карпов» (ГБЛ).

1258. Е. А. НИКОЛЬСКОЙ

29 или 30 апреля 1900 г. Ялта.

Ответ на письмо Е. А. Никольской, просившей разрешения прислать за рукописью своего рассказа «Жажда счастья», находившейся у Чехова, или оставить рукопись у него и прочесть ее «впоследствии». Из письма Николь-

ской Чехову от 11 ноября 1900 г. видно, что Чехов предложил ей оставить рукопись у него до осени: «Вы мне написали, что не можете прочесть ее скоро, и позволили оставить ее у Вас до осени» (ГБЛ).

1259. Н. Г. ШЕБУЕВУ

Апрель 1900 г. Ялта.

Чехов ответил на письмо Н. Г. Шебуева (апрель 1900 г.), сообщившего о бедственном положении больного композитора В. С. Калинникова, который приехал в Ялту лечиться от туберкулеза горла. Шебуев просил Чехова оказать Калинникову возможную материальную помощь: «Помогите ему, Антон Павлович, Вы сумеете это сделать в деликатной, неоскорбительной для молодого композитора форме <...> Товарищи Калинникова с нетерпением будут ждать Вашего ответа словом и делом на мое письмо» (ГБЛ).

О полученном, но не сохранившемся ответе Чехова сообщил Н. Г. Шебуев сотрудникам московского Музея А. П. Чехова примерно в 1925 г.

Из письма Калинникова Чехову от 3 мая

1900 г. (ГБЛ) и из писем Калининкова его друзьям видно, что Чехов принял в нем большое участие, навещал его.

1260. ЯЛТИНСКОЙ ГОРОДСКОЙ УПРАВЕ

Апрель 1900 г. Ялта.

Ялтинская городская управа ответила Чехову 1 мая 1900 г.: «На заявление Ваше о разрешении Вам присоединить Ваше владение к городской канализации Городская управа имеет честь сообщить Вам, что она не находит возможным предоставлять пользование городскими водопроводом и канализацией, как имуществом, сооруженным на средства города, внегородским жителям» (подписи городского головы и члена управы — ГБЛ).

1261. А. С. СУВОРИНУ

Между 8 и 12 мая 1900 г. Москва.

Телеграмма. В дневнике А. С. Суворина запись от 15 мая 1900 г.: «Он <Чехов> мне телеграфировал в Петербург, что приехал в Москву» (*Дневник Суворина*, стр. 240).

1262. Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

Начало июня 1900 г. Ялта.

Вл. И. Немирович-Данченко ответил в июне 1900 г.: «За день до отъезда из Москвы получил твою записочку. Попроси Мамина выслать пьесу мне <...> Это ужасно, что ты будешь писать пьесу только в августе. Лучше вместо четырех Маминых — одну твою. Спасибо тебе за милые строки с вопросом, когда я приеду в Ялту» (ГБЛ; Ежегодник МХТ, 1944, стр. 131).

1263. Л. А. СУЛЕРЖИЦКОМУ

*Конец июня или первые числа июля 1900 г.
Ялта.*

Ответ на письмо Л. А. Сулержицкого от 27 июня 1900 г. о желании повидаться и посоветоваться «насчет одного дела». Сулержицкий просил назначить время: «...я приеду к Вам в назначенное время <...> пожалуйста ответьте» (ГБЛ).

1264. И. Г. ВИТТЕ

Около 10 июля 1900 г. Ялта.

И. Г. Витте ответил 15 июля 1900 г.: «Спасибо за письмо! <...> Буду ждать Вашего приезда»

в Россию. Очень радуюсь, что Вы поправились. Не знаю, удастся ли мне в августе приехать в Ялту» (ГБЛ).

1265. И. Г. ВИТТЕ

Июль (середина?) 1900 г. Ялта.

И. Г. Витте ответил (на его открытке почтовый штемпель: Серпухов. 20 (?) июля 1900 г.): «Очень хотелось бы воспользоваться Вашей любезностью, но мое положение еще так беспомощно, что даже приблизительно я не знаю, когда наконец я отсюда выберусь <...>. Отчего Вы не баллотировались в гласные?» (ГБЛ).

1266. В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ

7–8 августа 1900 г. Ялта.

Ответ на телеграмму В. Ф. Комиссаржевской от 7 августа 1900 г. из Севастополя: «Ждала два дня. Едем завтра пароходом в Ялту. Огорчена Вашей недогадливостью. Найду ли Вас. Ответьте Гранд-отель» (ГБЛ).

1267. П. БОГОСЛОВСКОМУ

9-10 августа 1900 г. Ялта.

Ответ на письмо П. Богословского из Алупки от 8 августа 1900 г., в котором он просил разрешения повидаться с Чеховым, чтобы поговорить о переданной ему рукописи своего рассказа: «Если Вы найдете возможным выслушать меня, черкните на прилагаемом бланке о дне и часе, и я Вас потревожу <...> упомяну и о сроке, в какой могу воспользоваться Вашим вниманием, именно до 13 августа» (ГБЛ).

Из другого письма Богословского от 23 сентября из Кобурга видно, что встреча с Чеховым состоялась и он послал Чехову рукопись (ГБЛ).

1268. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

Конец августа 1900 г. Ялта.

В. Э. Мейерхольд ответил 4 сентября 1900 г.: «Большое спасибо, дорогой Антон Павлович, за то участие, какое Вы приняли в планах моих относительно напечатания переведенной пьесы! Сегодня отослал Вам ее для прочтения <...> Если в этом месяце действительно приедете сюда, обратно пьесы не пересылайте почтой, а привезите с собой <...>

Неужели может случиться, что Вы не дадите нам Вашей пьесы в этом году?!» (ГБЛ; ЛН, т. 68, стр. 439).

1269. И. Г. ВИТТЕ

Август (?) 1900 г. Ялта.

Упомянуто в письме П. И. Куркина Чехову от 12 сентября 1900 г.: «...видел Ваши письма Ивану Германовичу. Судя по последнему письму, ожидания друзей Ваших — видеть Вас в скором времени в Москве, кажется, не оправдываются» (ГБЛ).

1270. ДОРЕ В. ЖУК

Август — сентябрь 1900 г. Ялта.

В письме от 9(22) октября 1900 г. из Англии (Essex) переводчица Д. Жук писала, что посылает Чехову номер журнала, в котором помещен перевод рассказа «Враги», и благодарила «за любезное разрешение» переводить его произведения. Она просила прислать некоторые данные чеховской биографии для ее критико-биографической статьи о Чехове и его карточку: «Надеюсь, Вы не рассердитесь на меня за просьбу о высылке Вашей карточки,

тем более что Вы сами любезно обещали в Вашем письме выслать ее мне» (ГБЛ).

1271. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

5 или 6 сентября 1900 г. Ялта.

Сохранился конверт неизвестного письма Чехова: «Москва. его Высокоблагородию Александру Леонидовичу Вишневскому: Неглинный проезд, „Тюрби“». Почт. штемпель: Ялта. 6 сентября 1900 г. (ГБЛ).

1272. Б. А. ЛАЗАРЕВСКОМУ

5 или 6 сентября 1900 г. Ялта.

Сохранился конверт неизвестного письма Чехова (вклеен в дневник Лазаревского): «Севастополь. Его Высокоблагородию Борису Александровичу Лазаревскому». Почт. шт.: Ялта. 6 сентября 1900 г. (ГБЛ).

1273. Б. А. ЛАЗАРЕВСКОМУ

Середина сентября 1900 г. Ялта.

Ответ на письмо Лазаревского от 6 сентября 1900 г.

16 сентября 1900 г. Лазаревский записал в дневнике: «Ответ от А. П. Чехова я уже полу-

чил, как всегда краткий, ясный, теплый, простой...» (ГБЛ).

1274. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

Середина сентября 1900 г. Ялта.

1 октября 1900 г. В. Э. Мейерхольд писал Чехову: «Простите, что так долго не отвечал на Ваше письмо <...> Рукопись свою получил. Большое спасибо, что Вы так или иначе разрешили мучивший меня вопрос о судьбе ее. Жаль, конечно, что никуда нельзя ее пристроить» (ГБЛ; ЛН, т. 68, стр. 440).

Мейерхольд послал Чехову свой перевод пьесы Г. Гауптмана — «До восхода солнца».

1275. А. К. ШАПОШНИКОВУ

Середина сентября 1900 г. Ялта.

А. К. Шапошников ответил 17 сентября телеграммой из Севастополя: «Удовольствием исполняю Ваше поручение. Обеспечил удобный проезд пятницу» (ГБЛ).

1276. Н. С. СВЕНЦИЦКОЙ

Середина сентября (?) 1900 г. Ялта.

В письме из Алупки от 17 сентября 1900 г.

Н. С. Свенцицкая благодарила Чехова за полученную карточку (ГБЛ).

1277. А. К. ШАПОШНИКОВУ

19–20 сентября 1900 г. Ялта.

Чехов просил А. К. Шапошникова заказать билет на 23 сентября из Севастополя в Москву для Е. Я. Чеховой. Шапошников ответил телеграммой 21 сентября: «Билет записан. Встречу каюте. Удовольствием провожу. Шапошников» (ГБЛ).

1278. В. А. ПОССЕ

Около 28 сентября (?) 1900 г. Яхта.

Телеграмма. Ответ на телеграмму: «Может ли „Жизнь“ рассчитывать Вашу повесть или драму этой осенью. Убедительно просим. Поссе. Овсянико-Куликовский. Соловьев» (ГБЛ).

23 сентября 1900 г. Поссе писал Чехову: «После Вашей телеграммы вся наша редакция воспрянула духом, и мы теперь с нетерпением ждем конца октября» (ГБЛ).

Об этой телеграмме писал Чехову и М. Горький: «Поссе показывал мне Вашу телеграмму, в которой Вы извещаете его, что в ок-

тябре пришлете ему что-то» (Горький, т. 28, стр. 136).

1279. С. П. ДЯГИЛЕВУ

Конец сентября 1900 г. Ялта.

С. П. Дягилев ответил 2 октября 1900 г.: «Письмо Ваше меня несказанно обрадовало, ибо я, признаться, думал, что мои писанья почему-либо к Вам не дошли. Сердечно благодарю Вас за обещание статьи о бедном и милом Левитане, воспоминания о котором до сих пор так болезненны и так дороги.

Номер журнала, посвященный его вещам, а также и издание его я решил выпустить 1-го января ввиду Вашей просьбы повременить немного со статьей» (ГБЛ; Из архива Чехова, стр. 208–209).

1280. В. П. ПОТЕМКИНУ

Конец сентября (?) 1900 г. Ялта.

Ответ на письмо В. П. Потемкина от 20 сентября 1900 г., в котором он просил Чехова принять участие в проектируемом сборнике в пользу голодающих евреев (ГБЛ).

О том, что ответ был получен, Потемкин

сообщил в 1945 или 1946 г. редакции ПССП. Чехов обещал принять участие, сообщив, что в скором времени он приедет в Москву.

1281. М. А. ЧЛЕНОВУ

Конец сентября (?) 1900 г. Ялта.

Ответ на письмо М. А. Членова из Алушты от 27 сентября 1900 г., в котором он писал, что не сможет приехать в Ялту, и напоминал Чехову о его обещании приехать в Алушту (ГБЛ).

1282. Ал. И. ВОРОБЬЕВУ

Сентябрь — октябрь (?) 1900 г. Ялта.

Ответ на письмо д-ра Ал. Воробьева (с. Британы Киевско-Воронежской ж. д.), в котором он просил уведомить, где на Южном берегу Крыма можно поселиться неимущей больно́й — земской акушерке. На письме рукой Чехова: «900» (ГБЛ). Возможно, что о ней идет речь в письме Л. В. Средину от 1 ноября 1900 г.

1283. А. М. АПТЕКМАНУ

Конец сентября или первые числа октября 1900 г.

Ялта.

А. М. Аптекман ответил 7 октября 1900 г.: «Весьма признателен за Ваше внимание к моей просьбе. Терплю, жду и надеюсь. Устроиться в Ялте я не имею возможности, а поступить в одну из ялтинских аптек — не есть устроиться, так как ялтинские аптекари исключительного характера. Шлю к Вашему отъезду самые лучшие пожелания благополучного пути» (ГБЛ).

Аптекман в письме к Чехову от 24 сентября 1900 г. просил оказать протекцию «на получение привилегии на открытие аптеки».

1284. К. И. ДЕСТОМБ

7 или 8 октября 1900 г. Ялта.

Ответ на телеграмму К. И. Дестомб из Петербурга от 7 октября 1900 г.: «Учащиеся Введенской гимназии ставят „Дядю Ваню“ свою пользу. Режиссирует, играет Далматов. Боятся, не рассердились бы Вы, что поздно просят разрешения, не зная где Вы. Отступать поздно. Билеты почти все проданы. Афиши напечатаны. Успокойте. Потеряли голову за обстановкой. Еду Москву. Дестомб. Надеждинская 34» (ГБЛ).

На телеграмме рукой Чехова: «Клавдия Ив». (имя и отчество Дестомб).

1285. С. П. БОНЬЕ

23 октября 1900 г. Москва.

С. П. Бонье ответила телеграммой из Курска: «Кроненберг комнат нет. Поклон. Бонье» (ГБЛ) и дополнительно письмом: «Мое полное отчаяние — у Кроненберг нет и якобы *не было* никогда пансиона. Как Вы устроитесь? Кроненберг мне говорила сегодня, что она еще нескоро будет в Ницце. Рекомендовала пансион „Montbaron“ 10–12 фр. в день. Еще хороший „Виндзор“» (ГБЛ).

1286. Е. К. ЛЕШКОВСКОЙ

Октябрь (после 23-го) 1900 г. Москва.

Телеграмма. Ответ на телеграмму Е. К. Лешковской с оплаченным ответом от 23 октября 1900 г.: «Многоуважаемый Антон Павлович, газетные слухи оживили мои надежды на большое счастье получить Вашу пьесу на бенефис, который будет в декабре. Скажите, ждать ли мне этого блага или нет? Лешковская» (ГБЛ).

1287. А. С. ЯКОВЛЕВУ

Октябрь (не ранее 23-го) 1900 г. Москва.

Ответ на письмо А. С. Яковлева (рукой Чехова: «1900, X»), в котором он просил назначить день и час встречи. На письме Яковлева рукой Чехова написан адрес Яковлева: «Спасогленищевский пер., д. Человеколюбивого о-ва».

1288. А. И. ЩЕРБАКОВУ

24 сентября 1900 г. Москва.

Телеграмма. Щербаков ответил в конце октября 1900 г. (на его письме рукою Чехова: «1900, X») из Ялты: «Телеграмму получили 24 октября и посланные деньги» (ГБЛ).

1289. С. С. ГОЛОУШЕВУ

26–27 октября 1900 г. Москва.

Телеграмма. С. С. Голоушев (С. Глаголь) писал в воспоминаниях о Чехове: «В Москве покончил самоубийством студент — сын кого-то из друзей Чехова, и он телеграфировал мне, прося собрать сведения, устроить, что можно, и заехать на утро за ним» («Заря», 1914, № 26,

стр. 8).

А. А. Синани был похоронен в Москве 30 октября 1900 г.

1290. Н. И. ДОЛГОПОЛОВУ

27 или 28 октября 1900 г. Москва.

Ответ на открытку Н. И. Долгополова, приехавшего в Москву: «Назначьте час для свидания — коли имеете еще в памяти образ любящего colleg'у» (ГБЛ).

1291. В. А. ЧУМИКОВУ

Конец октября 1900 г. Москва.

В. А. Чумиков ответил 4(17) ноября 1900 г. из Гренобля: «Вы так мило пишете, что сердиться на Вас нельзя. <...> Вы обещали мне в свое время выслать 2-й том в корректуре <...> Теперь же Вы сообщаете лаконически, что 2-й том уже вышел, выйдет скоро и 3-й. Я должен сообщить это моему издателю, но не знаю как и боюсь...» (ГБЛ).

1292. А. П. НЕГЕЕВИЧУ

Конец октября или начало ноября 1900 г. Москва.

Чехов ответил на письмо А. П. Негеевича со ст. Ярьски Полтавской губ. от 24 октября 1900 г. с просьбой устроить его в Ялте — см. письмо 3186* и примечания* к нему.

1293. КОМИССИИ ПО УСТРОЙСТВУ НАРОДНЫХ ЧТЕНИЙ В г. ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ

Начало ноября (?) 1900 г. Москва.

Чехову ответил Ал. Караваев по поручению комитета публичной библиотеки Екатеринославской комиссии по устройству народных чтений: «Имею честь выразить Вам искреннюю его благодарность за сделанное Вами пожертвование» (ГБЛ).

1294. В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ

2 ноября 1900 г. Москва.

Ответ на телеграмму В. Ф. Комиссаржевской от 2 ноября 1900 г.: «Сообщите, когда, куда уезжаете. Есть к Вам дело. Комиссаржевская» (ГБЛ).

1295. ТРУППЕ ЯРОСЛАВСКОГО ТЕАТРА

6 ноября 1900 г. Москва.

Телеграфный ответ: «Труппа Ярославского

театра и я с восторгом и гордостью прочли телеграмму автора „Чайки“, создателя новых путей сценического творчества. Тронуты вниманием. Шлем сердечную благодарность и лучшие пожелания. Дарский» (ГБЛ).

1296. И. К. ОППОКОВУ

8 (?) ноября 1900 г. Москва.

В записке от 8 ноября 1900 г. И. К. Оппоков просил разрешить посетить Чехова на 5-10 минут для переговоров по делу: «...но не подумайте, что по судебному... В случае Вашего на то любезного согласия, будьте добры на прилагаемом бланке назначить время, когда можно Вас видеть» (ГБЛ). По-видимому, письмо было передано Чехову с посыльным.

1297. П. И. КУРКИНУ

Ноябрь, до 15-го, 1900 г. Москва.

В 3-й записной книжке Чехова текст телеграммы: «Тверская. Гельсингфорс. Куркину. Поздравьте Витте 15 ноября» (по-видимому, в связи с присуждением И. Г. Витте ежегодной пенсии в 1000 рублей с 15 ноября 1900 г. — см. Сочинения, т. 17, стр. 141).

1298. А. М. ГУТМАХЕРУ

Середина ноября 1900 г. Москва.

А. М. Гутмахер ответил Чехову 21 ноября 1900 г.: «...позвольте хоть письменно поблагодарить Вас за Ваше любезное содействие. То обстоятельство, что первым серьезным шагом на моем литературном поприще я обязан именно Вам, я всегда буду вспоминать с живейшим удовольствием» (ГБЛ; Из архива Чехова, стр. 189).

1299. Е. Г. КОРСУНСКОЙ

Середина ноября (?) 1900 г. Москва.

В письме от 29 октября 1900 г. из Житомира Е. Г. Корсунская просила Чехова прислать его карточку: «... самую маленькую, самую Вам ненужную — лишь бы это было Ваше лицо и похоже! Как я буду счастлива и горда — когда у меня на письменном столе будет Ваш портрет с Вашей собственноручной надписью.

Я буду все смотреть на Вас — мне тогда будет легче жить и работать» (ГБЛ).

В письме от 20 ноября 1900 г. Корсунская

благодарила Чехова за полученную карточку (ГБЛ).

1300. В. А. СЕРОВУ

Вторая половина ноября 1900 г. Москва.

Ответ на записки В. А. Серова (на них пометы Чехова: «1900, XI») относительно времени встреч для позирования (ГБЛ).

1301. М. А. ЧЛЕНОВУ

Ноябрь (после 16-го) 1900 г. Москва.

Ответ на письма М. А. Членова от 14 и 16 ноября 1900 г., в которых он жаловался на свое тяжелое душевное состояние и просил сообщить, когда и где он может увидаться с Чеховым (ГБЛ).

1302. В. А. СЕРОВУ

Ноябрь (после 18-го) 1900 г. Москва.

Упомянуто в письме В. А. Серова («вторник, 1900») к А. Н. Бенуа: «Между прочим, от Чехова: он мне сообщил, что Суворин с Бурениным сейчас здесь, в Москве» (В. А. Серов. Переписка 1884–1911. Л. — М., 1937, стр. 276). Суворин приехал в Москву 18 ноября и, по

просьбе Чехова, виделся с ним (см. *Дневник Суворина*, стр. 246).

1303. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

25 ноября 1900 г. Москва.

Поздравительная телеграмма в связи с исполнившимся сорокалетием литературной деятельности.

В 3-й записной книжке Чехова запись: «25 ноября юбилей Михайловского. Послать телеграмму. Москва. Литературно-художественный кружок» (см. *Сочинения*, т. 17, стр. 141).

1304. Д. В. ГАРИНУ-ВИНДИНГУ

Ноябрь 1900 г. Москва.

Ответ на письмо Д. В. Гарина-Виндинга (на нем рукою Чехова: «1900, XI»): «...я был болен и не мог быть у Вас. Убедительно прошу Вас написать мне Ваши замечания и советы о „Театральных ошибках“. Ваша похвала мне слишком дорога и дает толчок для продолжения моей скромной работы» (ГБЛ).

1305. С. С. ГОЛОУШЕВУ

Ноябрь 1900 г. Москва.

С. С. Голоушев (С. Глаголь) ответил Чехову (на его письме помета Чехова: «1900, XI»): «Не сердился и не сержусь. Я знаю, что иногда и самых искренних желаний не удастся привести в исполнение. Не заходил же просто потому, что — черт же Вас знал — интересно Вам меня видеть или неинтересно. Думаю, что к Блументалю все-таки надо бы зайти не из-за исполнения обещания, а просто в интересах дела. Дело задумано им хорошее, и Вы можете ему сильно пособить.

Еще думаю, что совсем Вам незачем уезжать теперь из Москвы. Какой смысл уехать в то время, когда со дня на день надо ждать морозов и хорошей здоровой зимы. Даже совсем слабые больные съезжаются на это время в Москву. Не разумнее ли уехать в конце января или даже в половине <февраля>, когда начнутся оттепели и мокроты? А если Вы чувствуете себя здесь хорошо духом, то и еще больше резона не уезжать. Ведь хороший дух, право, стоит хорошего климата. Ваш С. Голоушев». Далее следует чертеж адреса доктора Блументалья (ГБЛ).

1306. И. И. ГОРБУНОВУ-ПОСАДОВУ

Ноябрь 1900 г. Москва.

Ответ на записку И. И. Горбунова-Посадова: «Пожалуйста, уведомьте меня, когда бы я мог увидеть Вас. Мне очень хочется и нужно Вас видеть» (ГБЛ).

1307. В. М. САБЛИНУ

Ноябрь 1900 г. Москва.

Ответ на записку В. М. Саблина (помета Чехова: «1900, XI»), в которой он сообщал об отъезде «завтра» за границу и просил о встрече «хоть одну минутку» для делового разговора: «Это страшно важно. Завтра уезжаю в Берлин, и повидать Вас мне необходимо до отъезда» (ГБЛ).

1308. В. А. ЧУМИКОВУ

Ноябрь 1900 г. Москва.

В. А. Чумиков писал Чехову 10 декабря 1901 г.: «... я писал Вам около года назад, в ответ же получил корректуру 3-го марксовского тома, а также извещение, что Вы приедете в Париж, Вы спрашивали мой адрес, но не приехали» (ГБЛ).

Корректурa 3-го тома была получена Чумиковым в ноябре 1900 г.

1309. И. И. ГЕДИКЕ

Начало декабря 1900 г. Москва.

Ответ на письмо артиста Николаевского театра в Нижнем Новгороде, в котором он просил разрешения поставить в свой бенефис (18 января 1901 г.) «Трех сестер».

Очевидно, Чехов отказал (пьеса принадлежала Художественному театру). В бенефис Гедике была поставлена пьеса М. Нордау «Два мира».

1310. А. В. ИВАНОВСКОМУ

7–8 декабря 1900 г. Москва.

Чехов ответил на письмо редактора «Архангельских губернских ведомостей» А. В. Ивановского по поводу разрешения напечатать в газете «Палату № 6» — после того, как получил ответ А. Ф. Маркса (ИРЛИ).

См. письмо 3198* и примечание* к нему.

1311. В ЯЛТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЗАИМНОГО КРЕДИТА

18(31) декабря 1900 г. Ницца.

Телеграмма. Чехову был послан ответ 19 декабря 1900 г.: «Согласно телеграфного распоряжения Вашего от 18/31 с. м. сегодня мы по телеграфу перевели Вам руб. 2000» (ГБЛ).

1312. Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

31 декабря (13 января) 1900 г. Ницца.

Телеграмма. В письме к О. Л. Книппер от 2 (15) января 1901 г. Чехов писал: «Немирович не бывает у меня. Третьего дня я послал ему телеграмму с просьбой, чтобы он приехал ко мне „seul“ <один>, вот и причина».

1313. В. А. СЕРОВУ

Декабрь 1900 г. Ницца <?>.

В. А. Серов писал Чехову в декабре 1900 г. в связи с намечавшимся к изданию сборником «В память о И. И. Левитане»: «Умоляем не отказать нам в нашей справедливой просьбе: несколько слов воспоминания об Исааке Ильиче необходимы для издания его труда» (ГБЛ; на письме помета рукой Чехова: «XII, 900»). Ответ Чехова упомянут в письме Серова С. П. Дягилеву без даты (помета: «среда,

1901»): «Чехов обещал-подтвердил свое обещание написать о Левитане» (В. А. Серов. Переписка 1884–1911. Л. — М., 1937, стр. 305).

1314. С. П. БОНЬЕ

Начало (середина) февраля 1901 г. Рим.

Упомянуто в письме Чехова к М. П. Чеховой от 2 февраля 1901 г.: «Бонье и Ольги Михайловны <Соловьевой> не видел, но напишу им насчет Коновицера сегодня же».

Вероятно, на это письмо С. П. Бонье ответила 17 февраля 1901 г.: «...большая благодарность Вам за открытку. Так была рада ее получить. Отчаиваюсь, что долго Вас не увижу» (ГБЛ).

1315. О. М. СОЛОВЬЕВОЙ

Начало (середина) февраля 1901 г. Рим.

Упомянуто в письме Чехова к М. П. Чеховой от 2 февраля 1901 г. См. предыдущий номер*.

1316. И. М. РАДЕЦКОМУ

Начало (середина) февраля 1901 г. (?) Рим.

И. М. Радецкий ответил 14 февраля 1901 г.:

«Вы не ошиблись, говоря, что я один: я действительно одинок, хотя и имею дело с людьми» (ГБЛ).

1317. В. К. ХАРКЕЕВИЧ

13 февраля 1901 г. Одесса.

Телеграмма. Упомянута в письме И. А. Бунина к М. П. Чеховой: «Во вторник (13 февраля) Варвара Константиновна получила телеграмму из Одессы от Антона Павловича, что он едет» (ГБЛ).

1318. Е. Я. ЧЕХОВОЙ

14 февраля 1901 г. (Одесса?)

Телеграмма. Е. Я. Чехова писала М. П. Чехову 15 февраля 1901 г.: «Получили телеграмму, сегодня 15-го вечером приедет» (ГБЛ).

1319. К. Т. СОЛДАТЕНКОВУ

21 февраля 1901 г. Ялта.

К. Т. Солдатенков ответил 26 февраля 1901 г.: «В ответ на Ваше письмо от 21 с. м. имею удовольствие уведомить Вас, что желаемая Вами книга сочинений М. М. Ковалевского сегодня выслана Вам в Ялту» (ГБЛ).

1320. И. Г. ВИТТЕ

Вторая половина февраля 1901 г. Ялта.

И. Г. Витте ответил 2 марта 1901 г.: «Я очень был рад, получив письмо от Вас, хотя я несколько раньше знал уже из газет, что Вы возвращаетесь; но получив письмо Ваше, я все же очень обрадовался, что Вы, наконец, нашлись. Я очень скучал, потеряв Вас из вида, хотя Вы и пишете, что адресованное в Ялту письмо найдет Вас всюду <...> В Харькове я уже 3 месяца лечусь; но не могу сказать, что бы результат был особенно утешительный» (ГБЛ).

1321. Н. Н. РЕФОРМАТСКОМУ

9 марта 1901 г. Ялта.

Н. Н. Реформатский ответил Чехову 31 марта 1901 г.: «Ваше письмо от 9 марта я получил. Благодарю Вас за память и добрые пожелания. Нехорошо то, что Вы начали кашлять <...> Недавние события в СПб, о которых Вы читали в газетах, тоже не давали места спокойному течению жизни» (ГБЛ).

1322. М. П. ЧЕХОВОЙ

10 марта 1901 г. Ялта.

В письме от того же числа (10 марта 1901 г.) Чехов писал М. П. Чеховой: «Сегодня я послал тебе одно письмо, это — другое».

1323. А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

Первая половина марта 1901 г. Ялта.

Упомянуто в письме А. Л. Вишневному от 23 марта 1901 г.: «...насчет фотографий я писал Вам и сердечно благодарил, а если Вы не получили моего письма, то виноват не я». См. примечание к письму 3340*.

1324. Н. И. ЮРАСОВУ

Первая половина марта 1901 г. Ялта.

Н. И. Юрасов ответил 16 (29) марта 1901 г.: «Благодарю Вас за Ваше милое письмецо и добрую память» (ГБЛ).

1325. БИБЛИОТЕКЕ ПРИ ОБЩЕСТВЕ РУССКИХ СТУДЕНТОВ В АНТВЕРПЕНЕ

Середина марта 1901 г. Ялта.

В письме от 1 (14) декабря 1900 г. комитет студенческой библиотеки в Антверпене про-

сил Чехова пожертвовать его книги в библиотеку, а 13 (26) марта 1901 г. благодарил Чехова за полученное письмо и книги: «Ваше любезное письмо, а также и Ваши произведения мы с удовольствием получили» (ГБЛ).

1326. Д. ЗЕЛЕНКЕВИЧ

Около 20 марта 1901 г. Ялта.

Д. Зеленкевич ответила 22 марта 1901 г.: «Я сегодня получила Ваше письмо, и сейчас же написала в Керчь, где живет мой больной.

Думаю, что он охотно воспользуется свободным местом в „Приюте для хронических больных“, если у отца его будет хоть малейшая возможность достать необходимую сумму денег. Во всяком случае, он немедленно по получении моего письма даст знать г-же Ярцевой о своем решении, пока же, если возможно, будьте добры удержать вакантное место за ним. Очень благодарная Вам Д. Зеленкевич» (ГБЛ).

В предыдущем письме от 13 марта 1901 г. из Одессы Зеленкевич писала о смерти от туберкулеза ее мужа 25-ти лет и о том, что у родителей мужа, бедного керченского псалом-

щика с женой, заболел и младший сын. Она просила Чехова посодействовать его бесплатному помещению в ялтинский санаторий (ГБЛ).

1327. Е. ЭФРОНУ

Около 20 марта 1901 г. Ялта.

Е. Эфрон ответил Чехову 26 марта (8 апреля) 1901 г. из Вены: «Прежде всего глубокое и сердечное Вам спасибо за Ваш ответ». В предыдущем письме от 12 (25) марта 1901 г. Эфрон просил дать ему разрешение на переводы произведений Чехова (ГБЛ).

1328. И. А. БУНИНУ

28 марта 1901 г. Ялта.

Телеграмма. И. А. Бунин писал Ю. А. Бунину 28 марта 1901 г.: «Получил от Чехова страшно ласковое письмо — прямо горячо просит приехать. Получил нынче, кроме, телеграмму о том же» (ЦГАЛИ).

1329. Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

28 марта 1901 г. Ялта.

Вл. И. Немирович-Данченко ответил в на-

чале апреля 1901 г.: «Я получил твою записку от 28-го. Конечно, писать Крюковскому, минуя Кондратьева, не следует. Я этого не предусмотрел. Лучше — прямо Кондратьеву. Но надо сделать это скорее, а то в Петербурге заиграют твои пьесы. Ты пишешь, что охотно заарестовал бы меня на два месяца. Я и сам охотно заарестовался бы. Да ничего не поделаешь!» (ГБЛ).

1330. А. В. СРЕДИНУ

Март 1901 г. Ялта.

А. В. Средин ответил 16 апреля 1901 г.: «Позвольте Вас искренно поблагодарить за данные мне справки и за то, что указали мне на г. Вальтера <...> Я виноват перед Вами, Антон Павлович, что так долго не отвечал на Ваше милое письмо» (ГБЛ).

А. В. Средин в письме от февраля 1901 г. просил Чехова узнать «условия брака православных с евреями», существующие за границей (ГБЛ).

1331. Я. А. ФЕЙГИНУ

Март 1901 г. Ялта.

Я. А. Фейгин ответил 3 апреля 1901 г.: «Мне было крайне неприятно узнать, что Вы в претензии на меня за заметку, помещенную в „Курьере“. Считаю долгом объяснить, почему я ее поместил» (ГБЛ).

Указатель имен и названий [20]

А -т — см. *Петерсен В. К.*

Абарина (наст. фам. — Рейхельт) Антонина Ивановна (1842–1901), с 1872 г. актриса Александринского театра в Петербурге. См. т. 3 Писем — 84

Авилова (урожд. Страхова) Лидия Алексеевна (1864–1943), писательница. См. т. 4 Писем — 136, 229, 413, 533

Адольф Федорович — см. *Маркс А. Ф.*

Александр I (1777–1825) — 145, 427

Александр Леонтьевич — см. *Эльсниц А. Л.*

Александр Семенович — см. *Лазарев А. С.*

Александринский театр (Александринка), основан в Петербурге в 1756 г. См. т. 3 Писем — 70, 139, 248, 322, 323, 336, 418, 419, 514, 541

Алексин Александр Николаевич (1863–1925), земский врач, ялтинский знакомый Чехова — 136, 348

Алчевская Христина Даниловна (1841–1920), педагог, заведующая воскресной

школой в Харькове, автор ряда книг по народному образованию. Письма Чехова к Алчевской неизвестны. В ГБЛ хранятся 4 письма Алчевской к Чехову 1900 г. — 551

* *Альтшуллер* (Altschuller) Исаак Наумович (1870–1943), ялтинский врач, лечил Чехова. См. т. 7 Писем — 20, 28, 34, 44, 96, 116, 136, 160, 161, 174, 204, 251, 306, 355, 368, 376, 377, 398, 399, 418, 446, 484

Альтшуллер Мария Абрамовна, жена И. Н. Альтшуллера — 43, 44, 59, 161, 303

Альфа, псевдоним корреспондента «Таганрогского вестника» — 354 «Из обыденной жизни» — 91, 354

* *Амфитеатров* Александр Валентинович (1862–1938), беллетрист и фельетонист. См. т. 6 Писем — 93, 146, 249, 250, 271, 272, 358, 428, 429, 507, 514

Андерсен Ханс Кристиан (1805–1875), датский писатель — 19

Андреева Александра Алексеевна (1858–1926), литератор, знакомая Чехова. См. т. 6 Писем — 146, 428

Андреева (урожд. Юрковская, в первом браке Желябужская) Мария Федоровна

(1872–1953), с 1898 по 1906 г. актриса Московского Художественного театра; в пьесах Чехова исполняла роли: Нины Заречной («Чайка»), Ирины («Три сестры») и Вари («Вишневый сад») — 64, 180, 190–192, 253, 313, 327, 365, 399, 411, 457, 461, 467, 468, 470, 472, 474, 483–486, 490, 494, 499, 508, 510, 513, 516

Андрезен Александр Александрович (1856–1900), ялтинский врач — 63, 310

Андрей Алексеевич — см. *Желябужский А. А.*

Андрианов — см. *Семанов П. А.*

Анисимова Александра Максимовна (в письмах Чехова — Александра Ивановна), в 1899–1900 гг. — учительница Талежской и Чирковской школ Серпуховского уезда, попечителем которых был Чехов. Письма Чехова к Анисимовой неизвестны. В ГБЛ хранятся 26 писем Анисимовой к Чехову 1897–1900 гг. — 48, 293, 294, 546, 549

Анна, мелиховская крестьянка — 31, 275, 544

Антокольский Марк Матвеевич (1843–1902), русский скульптор, с 1871 г. — академик — 94, 145, 250, 354, 359, 427

Памятник Петру I в Таганроге — 145, 250, 293, 354, 359, 427

Антоний (в миру Вадковский Александр Васильевич) (1846 —?), с 1898 г. митрополит С.-Петербургский и Ладожский, с 1900 г. — первенствующий член Св. Синода — 56

Аптекман Александр Маркович, провизор в Екатеринославе и Москве. Письма Чехова к Аптекману неизвестны. В ГБЛ хранятся 4 письма Аптекмана к Чехову 1900–1904 гг. — 556

* *Арбушевская* Любовь Юлиановна, библиотекарь Таганрогской городской библиотеки. Известны 3 письма Чехова к Арбушевской. В ГБЛ хранится одно письмо Арбушевской к Чехову 1900 г. — 33, 65, 74, 90, 214, 251, 276, 314, 328, 353, 517, 551

Арсений — см. Щербаков А. Е.

Артем (наст. фам. — Артемьев) Александр Родионович (1842–1914), драматический актер; в труппе Московского Художественного театра с 1898 г.; в пьесах Чехова исполнял роли: Шамраева («Чайка»), Телегина («Дядя Ваня»), Чебутыкина («Три сестры»), Фирса («Вишневый сад»). Известно 4 письма Чехо-

ва к Артему. В архиве Чехова писем Артема нет — 161, 380, 444, 446, 447, 457, 459, 461, 468, 471, 474, 490, 498, 508, 510

«Архангельские губернские ведомости», газета, выходила в Архангельске с 1838 по 1918 г., до 1867 г. еженедельно, в 1867–1898 гг. — два раза в неделю, с 1899 г. — шесть раз в неделю, с 1914 г. — два раза в неделю; издатель-редактор А. В. Ивановский — 145, 427, 428, 561

Бабакай — см. *Кальфа* Б. О.

Бабушка — см. *Беленовская* М. Д.

Балуев Петр Семенович, полковник, в 1900 г. управляющий атаманской канцелярией Донского казачьего войска — 65

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942), поэт, переводчик — 33, 275

* *Бандаков* Василий Анастасиевич (о. Василий) (1807–1890), протоиерей, настоятель Архангело-Михайловской церкви в Таганроге, духовный писатель — 95

Баранцевич Казимир Станиславович (1851–1927), писатель-беллетрист. См. т. 2 Писем — 11, 260, 351

Барышев (псевдоним — Мясницкий) Иван

Ильич (1854–1911), драматург и беллетрист. См. т. 8 Писем — 32, 517

Барятинская Мария Владимировна, княгиня, председательница ялтинского комитета Российского общества Красного Креста — 72, 73, 91, 326, 355

Барятинский Владимир Владимирович, князь (1874—?), публицист, драматург, в 1899–1900 гг. редактор-издатель газеты «Северный курьер», муж актрисы Л. Б. Яворской. Письма Чехова к Барятинскому неизвестны. В ГБЛ хранятся 7 писем Барятинского к Чехову 1900–1902 гг. — 10, 259, 514, 547

* *Батура* Михаил Петрович, заведующий Таганрогской городской библиотекой. В ноябре 1900 г. познакомился с Чеховым. Публикуемое письмо Чехова к Батуре — единственное. В ГБЛ хранится одно письмо Батуры к Чехову 1900 г. — 14, 425

* *Батюшков* Федор Дмитриевич (1857–1920), филолог, историк литературы и критик. См. т. 6 Писем — 24, 26, 269, 270

Бахрушины, московские домовладельцы — 43

Бегун, владелец гостиницы «Ялта» — 94,

* *Безобразов Павел Владимирович* (1859–1919), историк, византист, автор «Воспоминаний о Чехове» (1897–1904 гг.). Известны 2 письма Чехова к Безобразову. В ГБЛ хранятся 4 письма Безобразова к Чехову 1900 и 1901 гг. — 148, 431

«О современном разврате». М., 1900 — 149, 431

Беленовская Мария Дормидонтовна (бабушка, Марьюшка, Маша) (1826–1906), бывшая кухарка, оставленная жить в доме Чехова — 31, 32, 62, 123, 128–130, 153, 155, 156, 160, 174, 178, 179, 182, 185, 188, 190, 191, 234, 250, 275, 370, 437, 468, 469, 472, 484

Белов Алексей Дмитриевич, владелец гастрономического магазина в Москве — 43

Бернар Сара (1844–1923), французская актриса — 220

Бессонов Вячеслав Иванович (1841—?), врач, ординатор Первой Городской больницы в Москве — 34, 278

Библиотека при Обществе русских студентов в Антверпене (Société des étudiants russes. Anvers). Письма Чехова в Библиотеку неиз-

вестны. В ГБЛ хранятся 2 письма комитета Библиотеки 1900 и 1901 г. — 563

Библия — 30

Билибин Виктор Викторович (1859–1908), писатель-юморист, фельетонист и драматург, в 1900 г. — секретарь редакции журнала «Осколки». См. т. 1 Писем — 64

«Биржевые ведомости», политическая, экономическая и литературная газета, издавалась в Петербурге с 1880 по 1917 г.; издатель-редактор С. М. Поппер — 92, 504, 507

Благотворительное общество — см. *Ялтинское благотворительное общество*

Боборыкин Петр Дмитриевич (1836–1921), писатель. См. т. 3 Писем — 54, 60, 85, 105, 130, 177, 251, 277, 345, 375, 408, 442, 443, 448, 501

«Вечный город. Итоги пережитого». Гл. 5. «Ватикан в конце века» — 105, 375

«Однокурсники» — 177, 466, 501

Богословский П., псаломщик Кобургской школы в Германии. Письма Чехова к Богословскому неизвестны. В ГБЛ хранятся 3 письма Богословского Чехову 1900 г. — 553

* *Бонье* Софья Павловна, m-me (?—1921), знакомая Чехова, член ялтинского Попечи-

тельства о нуждах приезжих больных. См. т. 8
Писем — 15, 20, 117, 120, 137, 139, 174, 179, 185,
199, 228, 251, 396, 415, 417, 418, 461, 467, 469,
472, 477, 484, 492, 531, 557, 562

* *Бояров* Пантелеймон Николаевич, бухгалтер-секретарь Керченской таможни, соученик Чехова по гимназии. Публикуемое письмо Чехова к Боярову — единственное. В ГБЛ хранится одно письмо Боярова к Чехову — 204, 251, 498

Брем (Брэм) Альфред-Эдмунд (1829–1884), немецкий зоолог — 65, 314

«Жизнь животных». Популяр. изд. Пер. с нем. под ред. С. М. Переяславцевой. Т. 1–8. Одесса, 1896–1900 — 65, 314

«Жизнь животных Брема». Полный пер. со второго сокр. нем. изд., обработ. Р. Шмидтлейном для школы и домашнему чтению. Т. 1–3. СПб., 1900–1902 — 65, 314

Извлечения из «Жизни животных» А. Брема. Под ред. К. Сент-Илера. Т. 1–2. СПб., 1897–1899 — 65, 314

* *Бунин* Иван Алексеевич (1870–1953), писатель. См. т. 4 Писем — 178, 188, 204, 209, 228, 229, 234, 235, 321, 339, 340, 357, 385, 399, 421,

449, 452, 467, 468, 481, 483, 484, 500, 531, 532,
540, 562, 564

Буренин Виктор Петрович (1841–1926), беллетрист, драматург, литературный критик, сотрудник газеты «Новое время». См. т. 1 Писем — 205, 271, 277, 324, 501, 544, 559

«Критические очерки» — 205, 277, 324, 501

Бухштаб Абрам Григорьевич (1848–1914), адвокат, гласный Одесской городской думы — 61, 309

Вальтер (псевдонимы — Вл. Вольный, Вл. Томатов) Владимир Григорьевич, врач-бактериолог и литератор. См. т. 8 Писем — 32

Варя — см. *Соболевская* В. В.

Варя — см. *Эберле* В. А.

Василий, лакей в доме А. С. Суворина — 35

* *Васильева* (в замуж. — Милеант) Ольга Родионовна (1882—?), приемная дочь и наследница помещицы Жеребцовой, переводила произведения Чехова на английский язык. См. т. 7 Писем — 97, 157, 183, 186, 187, 189, 193, 200, 206, 210, 217, 227, 232, 236, 252, 363, 364, 442, 443, 464, 474, 478, 482, 483, 486, 492, 493, 502, 503, 512, 520, 521, 529, 530, 538, 543

Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926),

художник — 136, 212, 348, 362, 385, 399, 411, 412, 414

Вашкевич, московская домовладелица — 181

Вейнберг Петр Исаевич (1831–1908), поэт, историк литературы, переводчик, театральный деятель, председатель Театрально-литературного комитета. См. т. 5 Писем — 39, 65, 285, 286, 314, 513, 522

* *Векслер* Семен Харитонович, композитор, жил в Ялте. Публикуемое письмо Чехова к Векслеру единственное. В ГБЛ хранятся 2 письма Векслера к Чехову 1902 и 1903 гг. — 87, 348

«Чайка» (вальс) — 87, 348

Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920), историк литературы, библиограф — 76, 331, 349, 351

Венгеров, брат З. А. и С. А. Венгеровых, студент, душевнобольной — 76, 87, 88, 331, 349

Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867–1941), литературный критик, историк литературы, переводчица, сестра С. А. Венгерова — 76, 331, 349

Вениаминов Иван Николаевич, ялтинский

житель, врач — 79, 334

Вениаминова Елена Петровна, жена И. Н. Вениаминова, врач — 79, 334

Вера Александровна — см. *Кондакова В. А.*

Верне Ю. И., владелец кондитерской в Ялте — 188

* *Веселитская* (псевдоним — *Микулич*) *Лидия Ивановна* (1857–1936), писательница. См. т. 6 Писем — 31, 52, 58, 88, 297, 306, 348, 349, 363

«Вестник Европы», ежемесячный исторический, политический и литературный журнал, издавался в Петербурге в 1866–1918 гг.; издатель-редактор в 1866–1903 гг. — *М. М. Стасюлевич* — 54, 177, 466

«Весь Петербург, адресная и справочная книга г. С.-Петербурга». СПб., Суворин, 1894–1917 — 24, 428

Виктор Александрович — см. *Гольцев В. А.*

Виноградов Алексей Николаевич, бывший офицер, комиссионер по продаже и покупке домов и имений — 42, 71, 332, 386, 387

Витте Иван Германович (1854–1905), земский врач, хирург. См. т. 5 Писем — 264, 293, 553, 554, 559, 562

* *Вишневский* (*Вишневецкий*, *Полкатыц-*

кий) Александр Леонидович (1861–1943), артист Московского Художественного театра, товарищ Чехова по гимназии. См. т. 7 Писем — 44, 46, 47, 51, 52, 67–69, 72, 75, 102, 104, 107, 113, 154, 160, 168, 174, 176, 183–185, 187, 191, 204, 227, 233, 246, 247, 251, 254, 268, 287, 291, 292, 314, 318, 319, 321, 325, 365, 371, 373, 374, 379, 380, 444–446, 453, 454, 457, 461–464, 467, 468, 472, 474, 475, 477, 479, 484, 485, 489, 491, 495, 498, 508, 510, 522, 530, 539, 540, 554, 563

Владимирский-Буданов Михаил Флегонтович (1838–1916), профессор Киевского университета по истории права с 1875 г. — 176, 464

Володя — см. Чехов В. И.

Воробьев Александр Иванович (1855—?), земский врач в Черниговской губернии. Письма Чехова к Воробьеву неизвестны; в архиве Чехова хранится одно письмо Воробьева к Чехову 1900 г. — 556

«Врачи, окончившие курс в Московском университете в 1884–1899 гг.» М., 1900 — 127, 266, 404

Гарин-Виндинг (псевдоним — Д. Гарин) Дмитрий Викторович (1863–1922), драматический актер и писатель, преподаватель искус-

ства грима в Московском театральном училище. См. т. 4 Писем — 560

Гауптман Герхарт (1862–1946), немецкий писатель, драматург — 56, 67, 70, 213, 253, 254, 298, 316, 319, 321, 323, 326, 336, 340, 376, 381, 396, 402, 502, 504, 514, 515, 536, 537

«Извозчик Геншель» («Геншель») — 213, 463, 498, 502, 515, 539

«Михаэль Крамер» — 231, 522, 537

«Одинокие» — 7, 44, 55, 56, 67–70, 120, 125, 132, 207, 253, 316, 319–323, 336, 338, 365, 381, 399, 402, 411, 444, 447, 459, 465, 486, 490, 498, 504, 513–515, 537, 539; Анна Мар — 7, 120, 253, 254, 302, 381, 396, 504, 522; Йоганнес — 7, 253, 254

Гедике Иван Иванович, артист Николаевского театра в Нижнем Новгороде. Письма Чехова к Гедике неизвестны. В ГБЛ хранится одно письмо Гедике к Чехову 1900 г. — 561

Гейне Генрих (1797–1856) — 65, 314

Собрание сочинений. Пер. под ред. П. Вейнберга. Т. 1–8. СПб., 1898–1902 — 65, 314

«Гелиос» — 82, 340, 341

Гинцбург Илья Яковлевич (1859–1939), скульптор — 78, 332, 333

Гиршель, барон — 94

Гиришман Леонард Леопольдович (1839–1921), врач-окулист, профессор Харьковского университета — 154

Глеб — см. *Соболевский* Г. В.

Гнедич Петр Петрович (1855–1925), беллетрист, драматург и театральный критик. См. т. 3 Писем — 73, 327, 418

«Купальние огни». СПб., 1901 — 73, 327

«Туманы». СПб., 1900 — 73, 327

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) — 19, 32, 345, 424, 430

Сочинения. В 12-ти томах. СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1900. (Бесплат. прилож. к ж. «Нива» на 1900 г.) — 33

Голицын Владимир Михайлович, князь (1849–1932), московский городской голова в 1897 — окт. 1905 гг. — 200, 493

Голоушев Сергей Сергеевич (псевдоним — Сергей Глаголь) (1855–1920), журналист и театральный критик — 557, 560

Гольцев Виктор Александрович (1850–1906), журналист, с 1885 г. — редактор журнала «Русская мысль». См. т. 3 Писем — 14, 28, 35, 43, 83, 103, 104, 138, 151, 163, 185, 186, 263, 267, 272, 273, 289, 342, 408, 416, 420, 477, 496, 505

Гончаров Иван Александрович
(1812–1891) — 19

«Фрегат Паллада» — 19

Горбунов-Посадов (наст. фам. — Горбунов)
Иван Иванович (1864–1940), педагог, издатель,
публицист. См. т. 2 Писем — 560

Гордон Давид Моисеевич (1862—?), врач,
владелец водолечебницы в Таганроге. Письма
Чехова к Гордону неизвестны. В ГБЛ хранятся
2 письма Гордона к Чехову 1900 и 1903 гг. —
33, 55, 276, 301, 546

Горев (наст. фам. — Васильев) Федор Петро-
вич (1850–1910), драматический актер, высту-
пал в провинции, затем в Александринском
театре в Петербурге (1880–1882 гг.), с 1882 г. в
Малом театре в Москве, в 1897–1900 гг. попере-
менно в Малом и Александринском теат-
рах. Письма Чехова к Гореву неизвестны. В
ГБЛ хранится одно письмо Горева к Чехову
1900 г. — 69, 70, 322, 336, 550, 552

* *Горький* Максим (наст. имя и фам. — Пеш-
ков Алексей Максимович) (1868–1936). См. т. 7
Писем — 8, 12, 26, 40, 52, 54, 55, 58, 62, 63, 67, 73,
75, 79, 83, 86, 92, 93, 111–113, 117, 126, 133, 136,
143, 214, 215, 231, 232, 249, 250, 256, 257, 261,

270, 274, 286, 287, 298–301, 306, 309, 312, 315–318, 320, 321, 323, 327, 330, 334, 335, 340, 341, 346, 348, 355–358, 362, 365, 383–386, 391, 393, 394, 399, 403, 404, 411–414, 422–425, 439, 450, 452, 453, 507, 517, 522, 531, 536–538, 542, 548, 555

«В степи» — 8, 58

«Двадцать шесть и одна» — 53, 296

«Мещане» — 111, 112, 117, 383–385, 391

«Мой спутник» — 8, 40, 58, 257

«Мужики» — 67, 317, 318

Очерки и рассказы, т. 3. СПб., изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова — 8, 257

По поводу нового рассказа А. П. Чехова «В овраге» — 53, 298, 301

«Сирота» — 8, 257

«Трое» — 92, 215, 231, 450, 452, 453, 537

«Фома Гордеев» — 41, 53, 54, 58, 63, 287, 298, 300

* *Гославский* Евгений Петрович (1861–1917), беллетрист, драматург. См. т. 5 Писем — 86, 346

* *Грюнберг* Юлий Осипович (1853–1900) управляющий конторой издательства А. Ф. Маркса и журнала «Нива». См. т. 7 Писем — 41, 99, 114, 121, 122, 139, 288, 341, 365, 366, 387,

397, 398, 417, 491, 523

Гурвич А. В., переводчик на еврейский язык, жил в Вильно. Письма Чехова к Гурвичу неизвестны. В *ГБЛ* хранятся 2 письма Гурвича к Чехову 1900 и 1903 гг. — 548

Гуревич Любовь Яковлевна (1866–1940), писательница, историк театра, критик, издательница журнала «Северный вестник». См. т. 4 Писем — 53, 298

«Седок» — 53, 298

Гутмахер (псевдоним — Александр Гущин) Исай Маркович (1864–1921), литератор, житель Таганрога. См. т. 6 Писем — 559

Давыдов Владимир Николаевич (наст. имя и фам. — Иван Горелов) (1849–1925), актер Русского драматического театра Ф. А. Корша в Москве и Александринского в Петербурге. См. т. 2 Писем — 223, 255, 336, 527

Дайбер А., садовник, работавший в крымских садоводствах — 33

Данилов И. А. (у Чехова — Данилин; наст. имя и фамилия — Фрибес Ольга Александровна) (1881–1922), беллетристка — 126, 133, 233, 403, 411, 539

«В тихой пристани» — 126, 133, 403, 411

Даша, прислуга в доме Чехова — 15

Денисова Лукерья, мелиховская крестьянка, проживавшая в Москве — 31

Дестомб Клавдия Ивановна, артистка Театра Литературно-артистического кружка в Петербурге. Письма Чехова к Дестомб неизвестны. В *ГБЛ* хранится одна телеграмма Дестомб к Чехову 1900 г. — 556, 557

Дзюба Сергей Владимирович, владелец фотографии «Юг» в Ялте — 147, 349

«*Доктор Штокман*» — см. *Ибсен* Г. «Доктор Штокман»

Долгополов Нифонт Иванович (1857–1922), с 1899 г. врач городской больницы в Нижнем Новгороде, знакомый Чехова и Горького; в 1901 г. участвовал в освобождении Горького из нижегородской тюрьмы. Письма Чехова к Долгополову неизвестны. В *ГБЛ* хранятся 8 писем Долгополова к Чехову 1900 и 1901 гг. — 558

Дон Жуан, созданный испанской средневековой легендой образ дерзкого нарушителя моральных и религиозных норм, искателя чувственных наслаждений — 104

«*Донская речь*», газета политико-общественно-политическая

ственная и литературная, выходила в Новочеркасске в 1887–1908 гг., до 1895 г. — четыре раза в неделю, затем ежедневно — 61, 308

«Дополнительные статьи к ныне действующему положению об Отделении русского языка и словесности Академии наук» — 11

* *Дорошевич* Влас Михайлович (1864–1922), публицист, театральный критик; в 1889–1902 гг. — сотрудник петербургской газеты «Россия»; в 1901 г. посетил Ялту. В газете «Русское слово» (январь 1914 г.) опубликовал воспоминания о Чехове. Известны одно письмо и одна телеграмма Чехова к Дорошевичу. В ГБЛ хранятся 2 письма Дорошевича к Чехову 1900 и 1901 гг. — 84, 146, 251, 309, 344

Дроздова Мария Тимофеевна (Гургуля) (1871–1960), художница, знакомая Чеховых, подруга М. П. Чеховой. См. т. 6 Писем — 15, 52, 263, 297, 298

Духовский Михаил Владимирович (1849–1903), профессор-криминалист — 175

Дягилев Сергей Павлович (1872–1929), искусствовед, театральный деятель, редактор журнала «Мир искусства» и «Ежегодника императорских театров». Известны 3 письма Че-

хова к Дягилеву. В ГБЛ хранятся 17 писем Дягилева к Чехову 1899–1904 гг. — 556, 561

Евангелие — см. Библия

«Европейская», гостиница в Таганроге — 95

Егер Геральд Карлович, жил в Петербурге.

Письма Чехова к Егеру неизвестны. В ГБЛ хранится одно письмо Егера к Чехову 1900 г. — 545

«Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к „Ниве“». СПб. — Пг., 1894–1916 — 70, 323, 331, 345

«Ежемесячные сочинения» («Сочинения»), литературный журнал, выходил в Петербурге в 1900–1903 гг.; издатель-редактор И. И. Ясинский — 92, 355

* *Ежов* Николай Михайлович (1862–1942), писатель и журналист. См. т. 2 Писем — 64, 95, 96, 312, 313, 360, 361

Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854–1933), писатель и врач, жил в Ялте. См. т. 8 Писем — 17, 18, 79, 154, 182, 251, 263, 321, 351, 355, 357, 363, 418, 440, 472

Жако и Бонакер, московская фирма, изготавливавшая иконы из жести — 212, 515

Желябужская Екатерина Андреевна

(1894–1966), дочь М. Ф. Андреевой и А. А. Желябужского — 192

Желябужская М. Ф. — см. *Андреева М. Ф.*

Желябужский Андрей Алексеевич (1850–1932), муж М. Ф. Андреевой, главный контролер Курской и Нижегородской жел. до-
рог, член правления Российского театрально-
го общества. См. т. 8 Писем — 64, 192, 313

Желябужский Юрий Андреевич (1888–1955), сын М. Ф. Андреевой и А. А. Желябужского — 192

«Жизнь», ежемесячный литературный, на-
учный и политический журнал, выходил в
Петербурге в 1897–1901 гг. под редакцией В. А.
Поссе. См. т. 8 Писем — 7, 8, 10, 13, 20, 37, 42, 53,
54, 56, 60, 118, 209, 215, 255, 257, 258, 261, 266,
283, 287, 288, 298, 307, 318, 319, 346, 393, 395,
404, 507, 511, 517, 532, 537, 555

Жук Дора В. (Zhook D.), переводчица. Пись-
ма Чехова к Жук неизвестны. В ГБЛ хранится
одно письмо Жук к Чехову 1900 г. — 554

Жуковский Дмитрий Николаевич (псевд. —
«Декадент»), сотрудник газеты «Санкт-Петер-
бургские ведомости» — 54, 299

«Певец декаданса» — 54, 299

«Журнал для всех», ежемесячный иллюстрированный литературный, научно-практический журнал, выходил в Петербурге в 1896–1906 гг., редакторы попеременно — П. В. Голяховский, В. С. Миролубов и др. — 118, 198, 246, 393, 534

Зайцев Борис Константинович (1881–1972), писатель. См. т. 8 Писем — 226, 526

Зальца Александр Иванович (дядя, дядя Саша) (?—1905), капитан, дядя О. Л. Книппер, брат ее матери — 21, 45, 103, 162, 170, 267, 371, 372, 390, 455

Зальца Карл Иванович (?—1907), земский врач, дядя О. Л. Книппер, брат ее матери — 223, 527

Зеленкевич Д., жительница Одессы. Письма Чехова к Зеленкевич неизвестны. В ГБЛ хранятся 2 письма Зеленкевич к Чехову 1901 г. — 563

Зилоти Мария Ильинична, сестра пианиста и дирижера А. И. Зилоти — 115, 140, 388, 389, 419

«Знание», книгоиздательское товарищество в Петербурге (1898–1913), организованное прогрессивными деятелями Комитета

грамотности (К. П. Пятницким и др.) с культурно-просветительскими целями; издавало популярные книги по естествознанию, педагогике, искусству. После вступления в 1900 г. в «Знание» М. Горького, ставшего идейным руководителем книгоиздательства и одним из основных его авторов, «Знание» было реорганизовано в издательство художественной литературы, рассчитанное на широкие демократические круги — 74, 328, 540

Зуев Дмитрий Павлович, инженер-путеец; опубликовал в журн. «Русский Архив» (1897 г.) «окончание» «Русалки» Пушкина — 70, 295, 324

О «Русалке» А. С. Пушкина — 70, 295, 324

Иаков (библ.) — 18, 265

Ибсен Генрих (1828–1906), норвежский писатель, драматург — 67, 316, 319, 336, 368, 372, 381, 411, 413, 454, 522, 534–537

«Гедда Габлер» (Эдда) — 67, 231, 316, 319, 322, 323, 336, 521, 535

«Доктор Штокман» — 143, 196, 230, 365, 406, 411, 413, 416, 424–426, 463, 498, 509, 514, 521, 533, 539

Иванов Александр Андреевич (1806–1858),

Ивановский Александр Васильевич, редактор неофициальной части газеты «Архангельские губернские ведомости» — 145, 146, 427, 428, 561

Издательство А. Ф. Маркса, типография. Упоминаемое письмо Чехова в типографию издательства Маркса единственное. В архиве Чехова нет писем, адресованных в типографию издательства А. Ф. Маркса — 549

Ильинская Елизавета Дмитриевна, учительница деревни Ермолово Серпуховского уезда Московской губернии. См. т. 8 Писем — 294, 548

«*Иммер Э. и сын*», торговый дом по продаже семян, цветов и плодовых деревьев в Москве — 62, 223

Иноземцева (урожд. Золотилова) Анна Андреевна (1864—?), писательница, жила в Нижнем Новгороде — 92, 356

Собрание сочинений. Н. Новгород, 1899, т. 1 — 92, 356

Иордан, московский домовладелец — 47

* *Иорданов* (Jordanoff) Павел Федорович (1858–1920), санитарный врач и член Таган-

рогской управы. См. т. 6 Писем — 32, 33, 65, 82, 90, 91, 94, 95, 134, 135, 144, 145, 237, 275, 276, 296, 313, 339, 341, 353–355, 359, 412, 425–427, 545

Иорданова, жена Иорданова — 33

Иордановы, дети П. В. Иорданова — 33

Ирина (Иринушка), няня в семье М. Е. Чехова — 134, 196, 222

Исав (библ.) — 18, 265

Исаков, курский домовладелец — 228

«Исторический вестник», ежемесячный историко-литературный журнал, выходил в Петербурге в 1880–1917 гг., редактор С. Н. Шубинский, издатель А. С. Суворин — 10, 174, 463

Календарь — см. Суворин А. С. «Русский календарь»

Кальфа Бабакай Осипович, подрядчик — 15

Карл Иванович — см. Зальца К. И.

Карпов Евтихий Павлович (1857–1926), драматург и режиссер. См. т. 6 Писем — 70, 81, 248, 336, 552

Катишь — см. Немирович-Данченко Е. Н.

Качалов (наст. фам. — Шверубович) Василий Иванович (1875–1948), драматический актер, с 1900 г. в труппе Московского Художественного театра

ственного театра; в пьесах Чехова исполнял роли: Вершинина и Тузенбаха («Три сестры»), Трофимова («Вишневый сад») — 169, 399, 454, 457, 472, 474, 482, 485

Киров — 14

Киселев Алексей Сергеевич (?—1910), владелец имения Бабкино, знакомый Чехова. См. т. 1 Писем — 545

Киселева (урожд. Бегичева) Мария Владимировна (1850—1921), жена А. С. Киселева, детская писательница. См. т. 1 Писем — 545

Кист М. О., владелец гостиницы в Севастополе — 98, 364

Клейн, владелец магазина в Вене — 167

Клюкин Максим Васильевич, московский книгоиздатель и книготорговец. См. т. 7 Писем — 50, 296

Книппер Ада Константиновна (1896—?), дочь К. Л. Книппера — 192, 486

Книппер (урожд. Зальца) Анна Ивановна (1850—1919), преподаватель, а с 1900 г. — профессор Московской консерватории по классу пения, мать О. Л. Книппер — 21, 170, 267, 381, 455, 486, 533

Книппер Елена Юльевна, жена К. Л. Книппера

пера — 192, 486

Книппер Константин Леонардович (1866–1924), инженер-путеец, старший брат О. Л. Книппер-Чеховой — 21, 192, 267, 486

* *Книппер* (в замуж. Чехова) Ольга Леонардовна (1868–1959), актриса Московского Художественного театра, с 1901 г. жена Чехова. См. т. 8 Писем — 7, 8, 12, 15, 21, 45, 46, 51, 52, 57, 68, 75, 76, 86, 98–100, 102–104, 106, 108, 109, 111, 113, 116, 117, 119, 120, 124–126, 128, 132–135, 137, 150–153, 158, 162, 164, 165, 167, 168, 170–172, 176–180, 182, 184, 187–190, 192, 193, 197, 200, 201, 203, 204, 207, 209–211, 218–220, 223, 225, 229, 236, 244, 245, 247, 253, 254, 261, 263, 267, 268, 284, 287, 290, 291, 297, 298, 303, 307, 320, 329, 330, 338–340, 346–348, 364–371, 373, 376, 379–383, 389–391, 395, 396, 398–401, 405–407, 410–414, 419, 433–439, 443–447, 450–455, 457, 458, 461, 464, 465, 467–469, 472–476, 478, 479, 481–483, 485–490, 493–499, 503, 505–513, 521, 522, 527, 532–536, 538, 541, 542, 549, 561

* *Ковалевский* Максим Максимович (1851–1916), юрист, историк и социолог. См. т. 7 Писем — 153, 159, 163, 168, 171, 180, 192, 197, 198, 205, 251, 440, 442, 444, 457, 458, 468, 470,

483, 489, 496, 501, 517, 562

«Происхождение современной демократии», т. 1–4. М., 1895–1897 — 214

«Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства», т. 1–2. М., 1898–1900 — 214

Коломнин Алексей Петрович (1848–1900), юрист, один из основателей Литературно-артистического кружка (Литературно-художественного общества) в Петербурге, сотрудник редакции газеты «Новое время». См. т. 3 Писем — 156, 175, 208, 441, 463, 506

* *Комиссаржевская* Вера Федоровна (1864–1910), драматическая актриса. См. т. 7 Писем — 105, 113, 115, 139, 246, 248, 249, 255, 336, 374, 375, 386, 388, 389, 418, 419, 553, 558

Комиссия по устройству народных чтений в Екатеринославе. Письма Чехова, адресованные комиссии, неизвестны. В ГБЛ хранится одно письмо к Чехову от имени Комиссии 1900 г. — 558

* *Кондаков* Никодим Павлович (1844–1925), академик, археолог и историк византийского искусства; познакомился с Чеховым в Ялте, где жил постоянно с конца 1890-х гг. Известно

9 писем Чехова к Кондакову. В ГБЛ хранятся 20 писем Кондакова к Чехову 1899–1902 и 1904 гг. — 10, 17, 18, 34, 63, 64, 70, 71, 147, 148, 154, 162, 163, 205, 212, 213, 218, 310, 312, 323, 324, 429, 430, 447, 448, 501, 502, 515, 516, 522

«Современное положение народной иконописи». СПб., 1901 — 212, 213, 515

Кондаков Петр Никодимович (Петя), сын Н. П. Кондакова — 64, 148, 163, 205

Кондаков Сергей Никодимович, сын Н. П. Кондакова — 64, 148, 163, 205

Кондакова Вера Александровна, жена Н. П. Кондакова — 64, 148, 163, 205

* *Кондратьев* Иван Максимович (1841–1924), с 1883 г. секретарь Общества русских драматических писателей и оперных композиторов. См. т. 3 Писем — 66, 137, 315, 415, 564

* *Кони* Анатолий Федорович (1844–1927), юрист, писатель, общественный деятель. См. т. 4 Писем — 144, 145, 264, 277, 426, 441, 448, 504, 513, 514

Коновалова — см. *Татарина*

Ковицкер (урожд. Эфрос) Евдокия Исааковна (1861–1943), жена Е. З. Ковицкера, подруга

М. П. Чеховой. См. т. 1 Писем (Эфрос Е. И.) — 157, 194, 487

* *Коновицер* Ефим Зиновьевич («Израиль») (?—1916), московский адвокат, соиздатель газеты «Курьер», знакомый семьи Чеховых. См. т. 6 Писем — 12, 22, 35, 57, 73, 157, 192, 194, 195, 215, 237, 261, 263, 268, 303, 307, 328, 437, 439, 442, 472, 487, 492, 518, 543

Коновицеры, сын и дочь Е. И. и Е. З. Коновицеров — 157

Константин Константинович (Романов), великий князь (1858–1915), поэт, президент Академии наук в 1889–1915 гг. — 70, 264, 312

* *Константиниди* А. Г., драгоман (переводчик) Российского посольства в Афинах. Публикуемое письмо Чехова к Константиниди — единственное. В ГБЛ хранится одно письмо Константиниди к Чехову 1900 г. — 131, 248, 409

Коран — 30

* *Коробов* Николай Иванович (1860–1919), врач, товарищ Чехова по Московскому университету. См. т. 5 Писем — 33, 34, 140, 276–278, 419

Коробова (урожд. Горожанкина) Екатерина

Ивановна, жена Н. И. Коробова — 33, 34, 140, 277, 278

Коровин Александр Михайлович, московский домовладелец — 157, 192, 194, 195, 215, 237

Королев, московский домовладелец — 31

Коротнев Алексей Алексеевич (1854–1915), зоолог, профессор Киевского университета, основатель русской биологической станции в Виллафранке — 176, 192, 198, 442, 464, 483, 501

Корсунская Елена Георгиевна, жительница Житомира. Письма Чехова к Корсунской неизвестны. В ГБЛ хранятся 2 письма Корсунской к Чехову 1900 г. — 559

Корш Федор Адамович (1852–1923), драматург и переводчик, владелец драматического театра в Москве. См. т. 1 Писем — 108, 306, 322, 380, 384, 493, 527, 549

Корш Федор Евгеньевич (1843–1915), филолог, с 1900 г. академик — 49, 70, 295, 296, 324, 429

«Разбор вопроса о подлинности окончания «Русалки» Пушкина по записи Д. П. Зуева». СПб., 1898–1899 — 49, 70, 295, 324

Крестовоздвиженский Николай Алексан-

ДРОВИЧ, МОСКОВСКИЙ ДОМОВЛАДЕЛЕЦ — 44, 72

Крестовская (в замуж. Картавцева) Мария Всеволодовна (1862–1910), писательница, в юности — артистка. См. т. 6 Писем — 29, 273, 549

«Вопль» — 29, 273, 549

Кривенко Василий Силыч (1854–1931), журналист и театральный критик. См. т. 3 Писем — 533

«Военные на театральной сцене» — 229, 533

Кристи Екатерина Ивановна, жительница Кишинева, домовладелица. Письма Чехова к Кристи неизвестны. В ГБЛ хранятся 2 письма Кристи к Чехову 1900 г. — 550

Кропотов, управляющий Ярославской казенной палаты, где служил М. П. Чехов — 216, 519, 520

«*Крымский курьер*» («Крымский Таймс»), газета, издавалась в Ялте с 1893 по 1907 г.; в 1893–1898 гг. еженедельно под названием «Ялта», с 1898 г. — ежедневно; издатель-редактор Н. Р. Лупандина — 63, 128, 310–312, 318, 319, 323–327, 338, 342, 346, 348, 389, 405, 443

Крюгер Стефанус Йоханнес Паулус

(1825–1904), государственный деятель бурской республики; в 1883–1902 гг. — президент Трансвааля — 151, 436

Кугель (псевдоним — Ното повус) Александр Рафаилович (1863–1928), театральный критик; в 1896 г. основал журнал «Театр и искусство», был его редактором до 1918 г.; знаком с Чеховым с 1896 г. — 210, 504, 506–511, 514, 515, 530, 534, 539

Кундасова Ольга Петровна (ок. 1865–1943), близкая знакомая семьи Чеховых. См. т. 5 Писем — 35

* *Куркин* Петр Иванович (1858–1934), врач-статистик московского губернского санитарного бюро, друг Чехова со студенческих лет. См. т. 7 Писем — 15, 210, 263, 264, 512, 554, 559

«*Курьер*» («синагога»), газета политики, литературы и общественной жизни, выходила в Москве ежедневно с ноября 1897 г. по 1904 г., редактор Я. И. Фейгин — 14, 35, 57, 59, 73, 125, 215, 230, 253, 263, 307, 328, 384, 385, 401, 402, 405, 408, 412–414, 423, 436, 518, 534, 535, 564

* *Лавров* Вукол Михайлович (1852–1912), издатель, переводчик, с 1880 г. редактор-издатель журнала «Русская мысль». См. т. 4 Пи-

сем — 29, 43, 103, 113, 141, 151, 163, 201, 202, 207, 209, 223, 246, 252, 263, 267, 272, 273, 284, 289, 290, 372, 373, 386, 388, 393, 420, 434, 436, 448, 449, 495, 496, 504, 505, 507

Лаврова (урожд. Артамонова) Софья Федоровна (1869–1944), жена В. М. Лаврова — 43, 104, 151, 223, 267

* *Ладыженский* Владимир Николаевич (1859–1932), писатель, журналист, земский деятель. См. т. 8 Писем — 56, 105, 107, 284, 302, 306, 376, 378

«О книгах и сочинителях. Чтение для школ и народа. Вып. 1. С древнейших времен до Петра Великого». М., 1899 — 56, 302

Лазарев (псевдоним — Грузинский) Александр Семенович (1861–1927), литератор, знакомый Чехова. См. т. 2 Писем — 64

* *Лазаревский* Борис Александрович (1871–1936), по образованию юрист, писатель. См. т. 8 Писем — 37, 42, 60, 78, 251, 283, 288, 307, 333, 334, 544, 554, 555

«Машинист» («Смерть машиниста») — 37, 60, 79, 283, 333;

Силенко — 60; Федот (Ф.) — 60

«На уроке» — 42, 283, 288, 307

Ламанский Владимир Иванович (1833–1914), академик, профессор славянской филологии в Петербургском университете — 70, 324

Лаур Александр Алексеевич (1854–1901), врач-гомеопат, журналист, драматург — 17, 39, 265, 286

«Хохотушка». М., 1896 — 17, 265

Лаур, жена А. А. Лаура — 17

Лев XIII (в миру Винченцо Джоаккино Печчи) (1810–1903), папа римский в 1878–1903 гг. — 105

Левинский Владимир Дмитриевич (1849–1917), писатель, фактический, а затем официальный редактор журнала «Будильник». См. т. 1 Писем — 64

Левитан Исаак Ильич (1860–1900), художник. См. т. 1 Писем — 8, 10, 86, 255, 259, 267, 330, 347, 349, 545, 546, 556, 561

«Стоги сена в лунную ночь» — 8, 255

Леди Макбет — см. *Шекспир У.* «Макбет»

* *Лейкин* Николай Александрович (1841–1906), писатель-юморист, редактор-издатель журнала «Осколки». См. т. 1 Писем — 73, 74, 81, 327, 328, 336

Лейкина Прасковья Никифоровна (?—1918), жена Н. А. Лейкина — 81

Лель — см. *Островский* А. Н. «Снегурочка»

* *Леонтьев* (псевдоним — Щеглов) Иван Леонтьевич (Жан, «хворый щегол») (1856—1911), беллетрист и драматург. См. т. 2 Писем — 16, 17, 38—40, 264, 265, 285, 286, 356

«Гордиев узел». СПб., 1887 — 39, 285

«Еще одно последнее сказанье» — 39, 285

Леонтьева Анисья Тимофеевна, жена И. Л. Леонтьева — 40, 285

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — 181, 471

Лешковская (наст. фам. — Ляшковская) Елена Константиновна (1864—1925), драматическая актриса, с 1888 г. актриса Малого театра — 557

Лидия Ивановна — см. *Веселитская* Л. И.

Лилина (урожд. Перевозчикова, в замуж. — Алексеева) Мария Петровна (1866—1943), актриса Московского Художественного театра, жена К. С. Станиславского; в пьесах Чехова исполняла роли: Маши («Чайка»), Сони («Дядя Ваня»), Наташи («Три сестры»), Ани («Вишневый сад») — 102, 171, 177, 183, 254, 371, 399, 401,

435, 457, 461, 466, 468–470, 472, 474, 485, 490, 494, 498, 499, 506–508, 510

Линтварева (Бурлей) Антонида Федоровна, знакомая семьи Чеховых — 52, 297

Литературно-театральный комитет — см. *Театрально-литературный комитет при Дирекции императорских театров*

Ллойд, общество страхования и классификации судов, получившее название по имени содержателя кофейни в лондонском Сити и основателя страхового пароходного общества в конце XVII в. Эдуарда Ллойда. Его имя носили пароходные общества в разных странах. Австрийский Ллойд был основан в Триесте в 1832 г. как страховое общество, а в 1836 г. оно стало обществом пароходным — 197

Локуцевский С. Т., инженер-электрик, был направлен Министерством путей сообщения для организации в Ялте электрического освещения — 72, 235

Лужский (наст. фам. — Калужский) Василий Васильевич (1869–1932), актер Московского Художественного театра; в пьесах Чехова исполнял роли: Сорина («Чайка»), Серебрякова («Дядя Ваня»), Андрея («Три сестры») — 177,

365, 413, 447, 457, 459, 461, 465, 467, 468, 474, 484, 490, 498, 499, 506, 510, 511

Лукашев В. Я. («старик»), управляющий имением О. Р. Васильевой — 217, 520, 543

Любовь Юлиановна — см. *Арбушевская Л. Ю.*

Маклаков Василий Алексеевич (1870–1957), адвокат, член Государственной думы — 173

Максимка — см. *Пешков М. А.*

Максимов Сергей Васильевич (1831–1901), писатель, этнограф, почетный академик — 85, 345, 448

Максимович Георгий Андреевич, студент — 29

Максимович Константин Клавдиевич, генерал-лейтенант, в 1900 г. наказной атаман донского казачьего войска — 65

Малкиель Софья Самойловна (Соня), московская знакомая семьи Чеховых — 114, 378, 387

Мамин-Сибиряк (наст. фам. — Мамин) *Дмитрий Наркисович* (1852–1912), писатель — 29, 56, 271, 273, 289, 303, 321, 340, 351, 357, 553
«Около господ». М., 1901 — 29, 273

Манасевич Альберт Федорович (1869—?),

секретарь дирекции Московского Художественного театра в 1898–1901 гг. — 51

Манефа Николаевна — см. *Харкеевич* М. Н.

Мария Петровна — см. *Лилина* М. П.

Маркс Адольф Федорович (1838–1904), петербургский книгоиздатель. См. т. 8 Писем — 10, 18, 19, 33, 35, 36, 41, 54, 83, 85, 96, 98, 111, 121, 135, 138, 142, 145, 147–149, 158–160, 182, 184, 198, 207, 220, 224, 226, 245, 246, 249, 250, 265, 266, 276, 279–281, 288, 341, 342, 345, 346, 365, 383, 387, 388, 413, 417, 421, 427–432, 443–445, 472, 476, 491, 503, 521, 523, 524, 528, 529, 541, 549, 561

«*Мартиролог русских городов, обойденных железными дорогами*», статьи-списки в газете «Новое время» (1899–1900 гг.) — 11, 260

Маруся, *Маша*, приемная дочь О. Р. Васильевой — 200, 206, 217, 227, 233, 237, 493, 521, 530

Марфочка — см. *Морозова* М. И.

Марфуша — см. *Моцная* М. Ф.

Марьюшка — см. *Беленовская* М. Д.

Матвеева — 185

Маша — см. *Беленовская* М. Д.

Маша — см. *Шакина* М. Т.

Медведкова, фельдшерица — 136

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940), актер и режиссер. См. т. 8 Писем — 7, 13, 45, 52, 180, 253, 254, 261, 291, 326, 365, 379, 384, 391, 402, 411, 444, 457, 459, 461, 462, 467–469, 474, 490, 508, 513, 522, 544, 554, 555

Мельшин — см. *Якубович* П. Ф.

* *Меньшиков* Михаил Осипович (1859–1918), публицист и критик. См. т. 5 Писем — 29, 58, 76, 77, 87, 90, 94, 97, 106, 119, 126, 233, 246, 248, 251, 273, 274, 297, 303, 305, 306, 331, 343, 348, 349, 353, 359, 363, 377, 394, 395, 403, 539

«В чем братство» — 58, 304, 305

«Отклики» — 305

Меньшиков Яков Михайлович (Яша) (1888–1953), сын М. О. Меньшикова от первого брака — 31

Мещеринова (Mechtcherinoff), московская домовладелица — 8, 21, 46, 51, 57, 76, 86, 98–100, 102–104, 106, 109, 111, 116, 117, 119, 120, 124–126, 128, 133–135, 150, 165, 203, 236, 297

Мизинова (урожд. Юргенева) Лидия Александровна (1844—?), мать Л. С. Мизиновой; пианистка, преподавательница музыки — 34

* *Мизинова* (в замуж. Шенберг) Лидия Стахиевна (Ли́ка) (1870–1937), близкая знакомая семьи Чеховых. См. т. 4 Писем — 34, 267, 278, 279, 500

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912), граф, государственный и военный деятель, в 1860–1881 гг. — военный министр, с 1881 г. в отставке, жил в своем имении в Симеизе — 78

* *Миролубов* (сценич. фам — Мирон) Виктор Сергеевич (1860–1939), бывший певец, литератор, редактор «Журнала для всех». См. т. 5 Писем — 82, 118, 197, 198, 201, 204, 223, 233, 318, 327, 338, 393, 394, 489, 494, 537, 539

Михайловский Николай Константинович (1842–1904), публицист и литературный критик. См. т. 1 Писем — 11, 85, 88, 89, 271, 350, 351, 355, 513, 514, 522, 560

Модестов Василий Иванович (1839–1907), историк античности и филолог — 201

Морозов Савва Тимофеевич (1862–1905), текстильный фабрикант-миллионер, меценат, один из директоров Московского Художественного театра — 46, 292, 313, 475, 489

Морозова (урожд. Хлудова) Варвара Алексе-

евна (?—1917), гражданская жена В. М. Соболевского, владелица тверской мануфактуры. См. т. 7 Писем — 18, 64, 80, 265, 334, 335

Морозова (урожд. Лобода) Марфа Ивановна (ок. 1840—1923), жена И. Я. Морозова, дяди Чехова. См. т. 1 Писем — 196

Морозовы, сыновья В. А. Морозовой — 64

«*Московские ведомости*», газета, носившая официальный характер; основана Московским университетом, выходила в Москве в 1756—1917 гг., с 1859 г. — ежедневно — 125, 319, 320, 388, 396, 401

Московский Художественный академический театр СССР им. М. Горького (Московский Художественный театр, Художественно-Общедоступный театр, Художественный театр), основан К. С. Станиславским и Вл. И. Немировичем-Данченко; открыт 14(26) октября 1898 г. В ГБЛ хранится 21 корреспонденция к Чехову от имени Московского Художественного театра 1899—1904 гг. — 7, 14, 21, 46, 53, 55, 59, 61—65, 67—70, 75, 81—84, 108, 122, 125, 136, 140, 142, 143, 148, 163, 170, 171, 177, 180, 205, 211, 218, 231, 244—249, 253—255, 262, 267, 268, 292, 297, 298, 301, 302, 306, 307, 309—311, 313, 314,

316–323, 325, 326, 329, 330, 334, 336–340, 342, 343, 356, 357, 365, 370, 372, 376, 379–381, 383–386, 388, 391, 393, 396, 398, 400–403, 405, 406, 410, 411, 413, 416, 418, 422–426, 430, 436–440, 443, 444, 446, 447, 453–455, 457, 461–463, 466, 468, 470–472, 475, 479, 485, 487, 488, 493, 495–499, 501, 502, 504–509, 511–513, 515, 522, 526, 530, 533–537, 541, 548, 550, 551, 561

Мощная Марфа (Марфуша), кухарка в доме Чехова в Ялте — 62, 113, 114

Мошинский (псевдоним — Канарский Юзеф) Иосиф Николаевич (1857–1954), бывший студент Киевского университета, участник социал-демократического движения, за что был подвергнут высылке; в 1901 г. возвратился из ссылки в Киев и принял участие в подпольной революционной работе. Письма Чехова к Мошинскому неизвестны. В ГБЛ хранятся 3 письма Мошинского к Чехову 1900 г. — 548, 550, 551

Мухалатская школа, в селе Мухалатка (Крым), в сборе средств на постройку которой принимал участие Чехов — 250, 284, 288, 347, 348, 538

Мюр и Мерилиз, владельцы крупного уни-

версального магазина в Москве — 147, 174, 429, 461

Мясницкий — см. *Барышев И. И.*

«На славном посту (1860–1900)». СПб., 1900. Юбилейный сборник, посвященный 40-летию литературной и публицистической деятельности Н. К. Михайловского — 88, 351, 355

Надежда Алексеевна — см. *Худекова Н. А.*

Назарьева (урожд. Манкашева, псевдоним — Н. Левин, К. Никулина) Капитолина Валериановна (1847–1900), писательница — 92, 93, 355, 358

Наталья Александровна — см. *Чехова Н. А.*

Наташа — см. *Соболевская Н. В.*

Наумов Николай Иванович (1838–1901), писатель-народник — 547

«В глухом местечке». СПб., 1893 — 547

Негеевич Александр Павлович, бывший учитель, затем артист, зубной врач, жил в Полтавской губернии; туберкулезный больной. Письма Чехова к Негеевичу неизвестны. В ГБЛ хранится одно письмо Негеевича к Чехову 1900 г. — 139, 417, 418, 558

«Неделя», еженедельная литературно-политическая газета, выходила в Петербурге в

1866–1901 гг.; в 1874–1893 гг. редактор П. А. Гайдебуров, а затем его сын В. П. Гайдебуров — 31, 58, 73, 87, 88, 106, 119, 126, 246, 273, 304, 305, 327, 349, 350, 353, 377, 378, 393, 395, 403

Неизвестный — см. *Сергей Феоктисович*

Немиров Григорий Александрович («Фома неверный») (1847–1905), историк, экономист, поэт — 50, 296

«Широкая масленица» — 50, 296

Немирович-Данченко Варвара Ивановна (?—1901), сестра Вл. И. Немировича-Данченко — 162, 372

* *Немирович-Данченко Владимир Иванович* (1858–1943), режиссер, драматург, театральный деятель. См. т. 6 Писем — 21, 38, 45, 47, 52, 59, 67, 69, 72, 81, 100, 103, 108, 125, 143, 148, 152, 155, 158, 162, 164, 165, 167, 168, 171, 172, 177, 180, 181, 198, 200–202, 207, 218, 244–248, 267, 268, 277, 284, 285, 291, 292, 297, 298, 306, 307, 311, 316–320, 322, 323, 326, 335–338, 340, 356, 364, 365, 367–370, 372, 379–381, 391, 402, 414, 418, 419, 423, 430, 434–440, 444, 447, 451, 453, 456–459, 462, 467, 469, 470, 476, 479–482, 488, 490, 493–496, 498, 502, 504, 505, 507, 513, 521, 522, 535, 536, 539,

541, 549, 550, 553, 561, 564

Немирович-Данченко (урожд. баронесса Корф, по первому браку Бантыш) Екатерина Николаевна (Катишь, «кикимора») (1858–1938), жена Вл. И. Немировича-Данченко — 70, 100, 102, 103, 108, 162, 168, 171, 177, 284, 368, 371, 381, 453, 457, 498

Неплюев Н. Н., богатый помещик Черниговской губернии, в 1881 г. основал в своем имении «Крестовоздвиженское православное трудовое братство» — 58, 304, 305

«*Нива*», популярный иллюстрированный еженедельный журнал литературы, политики и современной жизни для семейного чтения; издавался в Петербурге в 1870–1917 гг. А. Ф. Марксом — 59, 70, 83, 148, 258, 273, 323, 331, 341, 346, 397, 432

«*Нижегородский листок*», ежедневная общественно-литературная, политическая и биржевая газета, выходила в Нижнем Новгороде в 1895–1916 гг., с 1899 г. издатель С. Д. Протопопов, затем И. Г. Короленко, редактор Г. Н. Казачков — 52, 112, 256, 257, 298, 301

Николай II (1868–1918), российский император (1894 — март 1917) — 110, 515, 516

* *Никольская* Елизавета Александровна, писательница, член Общества русских драматических писателей и оперных композиторов. Известно 2 письма Чехова к Никольской. В ГБЛ хранятся 4 письма Никольской к Чехову 1900 и 1901 гг. — 80, 221, 335, 336, 524, 552

«Жажда счастья» — 80, 221, 335, 336, 524, 552

Никольский, домовладелец в Ярославле — 216

Новиков М. Н., антрепренер ялтинского театра — 21, 72, 312, 325, 389

«*Новое время*», политическая и литературная газета, выходила в Петербурге в 1868–1917 гг. См. т. 1 Писем — 7, 28, 36, 125, 142, 143, 157, 201, 208–210, 214, 216, 228, 254, 260, 272, 277, 279, 282, 295, 296, 336, 360, 385, 401, 417, 422, 424, 441, 448, 488, 495, 501, 503–506, 509, 511, 514–516, 521, 524, 534

«*Новости*» — см. «*Новости и Биржевая газета*»

«*Новости дня*», ежедневная политическая, общественная и литературная газета, выходила в Москве в 1883–1906 гг., редактор-издатель А. Я. Липскеров — 12, 30, 111, 112, 117, 125, 143,

188, 209, 261, 321, 323, 347, 372, 379, 383, 384, 386, 391, 396, 401, 408, 413–416, 422, 424, 432, 441, 481

«*Новости и Биржевая газета*», ежедневная политическая, литературная и экономическая газета, выходила в Петербурге в 1880–1906 гг., с 1883 г. в двух изданиях; редактор-издатель О. К. Нотович — 10, 125, 209, 401, 504, 507

«*Общество вспомоществования учителям*» в Москва — 16

Общество помощи нуждам больных — см. *Попечительство о нуждах приезжих больных в Ялте*

«*Одесские новости*», ежедневная политическая, литературная, научная и коммерческая газета, выходила в Одессе в 1884–1916 гг.; редактор-издатель М. Тульчинский и др. — 27, 206, 217, 237, 271, 355, 497, 503, 520, 541, 543

Одесское садоводство. Письма Чехова в Одесское садоводство неизвестны. В архиве Чехова писем из Одесского садоводства нет — 545

«*Одинокие*» — см. Гауптман Г. «*Одинокие*»
Ольга — 175

Ольга Петровна — см. *Кундасова О. П.*

«*Омон*», московский театр фарсов и каба-
ре, директор — Шарль Омон, владелец — Ми-
хаил Григорьевич Омон — 158, 444, 455, 536

Оппоков Иван Константинович, помощник
присяжного поверенного, жил в Москве.
Письма Чехова к Оппокову неизвестны. В ГБЛ
хранятся 2 письма Оппокова к Чехову 1894 и
1900 гг. — 558

Орлова — 196

Островский Александр Николаевич
(1823–1886) — 381, 385, 391, 401, 430

«*Снегурочка*» — 117, 124, 125, 365, 381, 385,
391, 396, 399, 401–403, 407, 410, 411, 414, 476;
Лель — 184, 381, 399, 407, 411, 476

Островский Илья Давыдович, зубной врач
в Ялте — 38, 85

Павловский (псевдоним — Иван Яковлев)
Иван Яковлевич (1852–1924), литератор, па-
рижский корреспондент газеты «Новое вре-
мя», соученик Чехова по гимназии. См. т. 5
Писем — 145, 361, 427

Панаевский театр в Петербурге, был от-
крыт в 1887 г., здание театра сгорело от пожа-
ра в сентябре 1917 г.; театр постоянной труппы

пы не имел, в его помещении проходили гастролы итальянских певцов, спектакли частной оперной антрепризы, Суворинского театра, гастролы Московского Художественного театра в 1901–1902 гг. — 203, 205, 213, 227, 322, 502, 530, 533

«Панафиней» («Τά Παναθήναια»), греческий журнал, выходил в Афинах в 1900–1915 гг. — 131, 409

Параскева, ялтинский житель — 32

Пелагея, кухарка Чеховых в Мелихове — 31, 275, 544

* *Первухин* Михаил Константинович (1870–1928), журналист, в конце 1899 г. поселился в Ялте, с 1900 г. фактический редактор «Крымского курьера». Им написаны воспоминания о Чехове, опубликованные в «Одесском листке», «Приазовском крае», «Русском слове» и т. д. Публикуемое письмо Чехова к Первухину единственное. В ГБЛ хранятся 2 письма Первухиной к Чехову 1903 г. — 127, 250, 252, 349, 389, 405, 449

Первушин, владелец имения в Кастрополе — 130

«Переводчик», газета, с апреля 1883 г. выхо-

дила еженедельно в Бахчисарае на татарском языке; редактор Исмаил Мурза Гаспринский. В ГБЛ хранятся 2 письма от редакции газеты к Чехову 1900 г. — 550

Перцов Петр Петрович (1868—?), литератор — 7, 254, 532

«Письмо из Москвы» — 7, 254

«*Петербургская газета*», политическая и литературная газета, выходила в 1867–1917 гг.; с 1884 г. — ежедневно; издатель С. Н. Худеков, редактор П. А. Монтеверде. Чехов сотрудничал в газете с ноября 1884 г. по 1892 г. с перерывами — 9, 17–19, 210, 257, 265, 432, 504, 506, 509–511, 514, 515, 534, 535

Петерсен (псевдоним — А-т) Владимир Карлович (1842–1906), журналист, сотрудник газеты «Новое время», публиковал литературно-критические фельетоны в «Петербургских ведомостях» — 49, 50, 296

«За человека страшно» — 49, 50, 296

Петр I (1672–1725) — 56, 145, 250, 293, 302, 354, 359, 427

Петр Алексеевич — см. *Сергеенко П. А.*

Петров Виктор Александрович, полковник, консультировал постановку «Трех се-

стер» в Московском Художественном театре — 190, 462, 483, 496, 533

Петров Степан Алексеевич (отец Сергей) (1864—?), архимандрит, затем епископ, знакомый семьи Чеховых. См. т. 6 Писем — 546

Петрова, домовладелица в Царском Селе — 31, 58, 77, 88, 90, 94, 97, 233

* *Петровский* Андрей Иванович, журналист, адвокат, жил в Новочеркасске; знакомый Чехова, опубликовал воспоминания о нем в газете «Приазовская речь» (январь 1910 г.). Публикуемое письмо Чехова к Петровскому единственное. В ГБЛ хранятся 2 письма Петровского к Чехову 1900 г. — 89, 352, 353

Петя — см. *Кондаков* П. Н.

Пешков А. М. — см. *Горький* Максим

Пешков Максим Алексеевич (Максимка) (1897–1934), сын А. М. Горького и Е. П. Пешковой — 93, 126, 133, 232, 256

Пешкова (урожд. Волжина) Екатерина Павловна (1878–1965), жена А. М. Горького — 93, 112, 126, 133, 232, 256, 309, 321, 334, 348, 357, 399, 439, 450

Пирогов Николай Иванович (1810–1881),

ученый, врач-хирург, педагог и общественный деятель — 15, 264

Пироговский съезд, съезд членов Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова; наиболее представительное собрание врачей дореволюционной России; в 1899 г. в Казани состоялся VII Пироговский съезд — 15, 264

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), государственный деятель и обер-прокурор Синода с 1880 по 1905 г. — 223, 516, 527

* *Подгородникова* (урожд. Роггенбау) Елена Эдуардовна (1865—?), жительница Ялты. Публикуемое письмо Чехова к Подгородниковой единственное. В *ГБЛ* хранятся 3 письма Подгородниковой к Чехову 1900 и 1901 гг. — 66, 314, 315

Подземский Д., житель Полтавы. Письма Чехова к Подземскому неизвестны. В *ГБЛ* хранится одно письмо Подземского к Чехову 1900 г. — 550

* *Полевой* Петр Николаевич (1839–1902), историк литературы, беллетрист, переводчик, сотрудничал в журнале «Нива». Публикуемое письмо Чехова к Полевому единственное. В

ГБЛ хранятся 5 писем Полевого к Чехову 1900 г. — 121, 397

Полиновский Михаил Борисович, начинающий писатель, сотрудник одесской газеты «Театр», автор рассказов из еврейского быта, ему принадлежат воспоминания «Памяти Чехова» («Одесский листок», 1904). Публикуемое письмо Чехова к Полиновскому единственное. В *ГБЛ* имеются 2 письма Полиновского к Чехову 1900 г. — 547

«Еврейские типы. I. Ицек. II. Элюким-тамес» — 547

Полкатыцкий — см. *Вишневский* А. Л.

Полюбимов, московский домовладелец — 37

Попечительство о нуждах приезжих больных в Ялте (Общество помощи нуждам больных) — 8, 16, 46, 55, 72, 73, 256, 326, 354, 472

Попов, владелец московской фотографии — 24, 259

Поспелов Алексей Иванович (1846–1916), дерматолог-венеролог, профессор Московского университета — 200, 492

* *Поссе* Владимир Александрович (1864–1940), журналист, с 1898 г. фактический

редактор журнала «Жизнь». См. т. 8 Писем — 12, 13, 42, 54, 62, 73, 79, 126, 210, 214, 249, 261, 288, 300, 309, 317, 321, 327, 328, 333, 335, 341, 385, 393, 403, 404, 507, 508, 511, 517, 522, 537, 555

Потапенко Игнатий Николаевич (1856–1929), беллетрист, драматург, фельетонист; знакомый Чехова. См. т. 5 Писем — 27, 35, 272, 282, 324, 335, 442, 530, 544

Потемкин Владимир Петрович (1874–1946), педагог и литератор, в 1900–1917 гг. преподавал в учебных заведениях Москвы и Екатеринослава; после 1917 г. государственный и партийный деятель, историк и дипломат. Письма Чехова к Потемкину неизвестны. В ГБЛ хранятся 3 письма Потемкина к Чехову 1900–1902 гг. — 556

Прасковья Никифоровна — см. *Лейкина* П. Н.

«*Приазовский край*», газета политическая, экономическая и литературная, выходила ежедневно в Ростове н/Д в 1891–1918 гг.; издатель-редактор С. Х. Арутюнов — 47, 55, 56, 221, 276, 292, 300, 301, 308, 313, 352, 524

Прибылов, московский домовладелец — 143

Прокофий — см. *Семанов П. А.*

* *Пругавин Александр Степанович* (1850–1920), народник, публицист, исследователь старообрядчества и сектантства. См. т. 7 Писем — 42, 289

Прусик (Prusik, псевдоним — Щербинский) Борживой (Борис Федорович, Borivoj) (1872–1928), чешский литератор, критик и переводчик. См. т. 7 Писем — 9, 122, 251, 258, 397

Псалти Михаил Николаевич (псевдоним — Невидимка) (1867–1905), журналист, юрист, соученик Чехова по гимназии и университету. См. т. 5 Писем — 61, 308

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) — 70, 259, 271, 295, 324, 430, 532

«Русалка» — 49, 70, 295, 296, 324

Пушкинское отделение изящной словесности — см. *Разряд изящной словесности*

Пчельников Павел Михайлович (1851–1919), с 1882 по 1898 г. управляющий Московской конторой императорских театров, в 1901 г. назначен «надзирателем» над репертуаром частных театров — 229, 533, 534

Радецкий Иван Маркович (ок. 1855—?), участник революционного движения, в

1884 г., вернувшись из ссылки, поселился в Одессе, занимался вопросами физического воспитания, устройством ясель и детских садов, читал лекции по этим вопросам; знакомый Чехова. Письма Чехова к Радецкому неизвестны. В ГБЛ хранятся 3 письма Радецкого к Чехову 1895, 1896, 1901 гг. — 562

Радин Леонид Петрович (1860–1900), профессиональный революционер, поэт, изобретатель, автор музыки и стихов революционного марша «Смело, товарищи, в ногу...» В 1896 г. был выслан в Вятку, затем переведен в Яранск Вятской губернии, по окончании ссылки тяжело больным был перевезен в Ялту, где умер — 548, 550, 551

Раевская, московская домовладелица — 199, 202, 221, 223, 489

Разряд изящной словесности (Пушкинское отделение изящной словесности), в ознаменование 100-летней годовщины со дня рождения Пушкина при Отделении русского языка и словесности Академии наук был учрежден Разряд изящной словесности, в состав которого помимо ординарных академиков могли быть избраны почетные академики из числа

выдающихся писателей — 10, 26, 63, 64, 70, 248, 258–260, 271, 312, 324, 448

Рассохин Сергей Федорович (1851–1929), театральный деятель. См. т. 4 Писем — 432, 547

Репин Илья Ефимович (1844–1930). См. т. 5 Писем — 26, 269, 270

Реформатский Николай Николаевич (1855–1921), врач-психиатр, в 1900 г. старший врач городской психиатрической больницы в Петербурге. Письма Чехова к Реформатскому неизвестны. В ГБЛ хранятся 8 писем Реформатского к Чехову 1900–1902 гг. — 563

Розанов Павел Петрович (1858–1910), санитарный врач, служил в ялтинском земстве — 15, 20, 21, 52, 264, 268, 309, 492

Роксанова (наст. фам. — Петровская) (1874–1958) Мария Людомировна (1874–1958), актриса, в 1898–1902 гг. в труппе Московского Художественного театра, первая исполнительница роли Нины Заречной в «Чайке» (1898 г.) — 107, 213, 278, 380, 406

«Россия», газета политическая и литературная, ежедневно выходила в Петербурге в 1899–1902 гг., издатель П. Сазонов — 28, 80, 146, 271, 272, 322, 362, 396, 428, 429, 504, 507,

513, 514, 521, 525, 530

«Россия», гостиница в Ялте — 95, 100, 360, 368

* *Россолимо* Григорий Иванович (1860–1928), врач-невропатолог, профессор Московского университета. См. т. 7 Писем — 19, 75, 127, 249, 257, 266, 401

Ротшильд, банкирский дом — 131, 409

Рош Морис Дени (1868–1951), французский литератор, переводил произведения Чехова на французский язык («Мужики», 1901 г.), автор статьи о творчестве Чехова в журнале «Revue des Etudes franco-russes» (1904). См. т. 7 Писем — 24, 269, 270

Роше — 33

«Русская мысль», ежемесячный научный, литературный, политический журнал, издавался в Москве в 1880–1918 гг., издатель-редактор В. М. Лавров, с 1885 г. соредактор В. А. Гольцев. Чехов начал сотрудничать в журнале с 1892 г. — 24, 28, 32, 38, 56, 83, 105, 114, 118, 138, 141, 151, 163, 198, 201, 202, 207, 209, 246, 247, 251, 263, 272, 273, 275, 289, 302, 346, 364, 372, 375, 386, 388, 393, 395, 416, 443, 491, 495, 496, 505, 508

«Русские ведомости», ежедневная газета, выходила в Москве в 1863–1918 гг.; в 1882–1912 гг. издатель-редактор В. М. Соболевский. См. т. 1 Писем — 17, 60, 80, 125, 173, 180, 228, 289, 307, 335, 383, 401, 439, 456, 459, 468, 469, 483, 487, 504, 515, 517, 532, 536

Русский драматический театр (театр Корша), частный драматический театр в Москве, основан в 1882 г. Ф. А. Коршем. См. т. 1 Писем — 108, 306, 322, 380, 384, 493, 527, 549

«Русский инвалид», военная газета, выходила в Петербурге в 1813–1916 гг., издатель — Военное министерство — 229, 533

«С Новым годом», картина, репродукция с которой помещена в журнале «Жизнь» (1900, № 1); художник неизвестен — 53, 298

Саблин Владимир Михайлович (1879–1916), книгоиздатель, журналист, переводчик. См. Письма, т. 7 — 560

Савина (урожд. Подраменцова) Мария Гавриловна (1854–1915), актриса, с 1874 г. в Александринском театре. См. т. 3 Писем — 223, 255, 527, 530, 541

Сазонов Николай Федорович (1843–1902), артист Александринского театра с 1863 г., в

пьесах Чехова исполнял роли: Смирнова («Медведь») и Тригорина («Чайка») — 73, 255, 514, 522, 530

* *Санин* (наст. фам. — Шенберг) Александр Акимович (1869–1956), актер и режиссер, в 1898–1902 гг. работал в Московском Художественном театре. Упоминаемое письмо Чехова к нему единственное. В *ГБЛ* хранятся 4 письма Санина к Чехову 1900 г. и одна телеграмма, совместно с Л. Мизиновой, 1904 г. — 14, 169, 180, 211, 251, 253, 262, 401, 444, 454, 457–459, 468, 469, 471, 473, 474, 476, 485, 513, 514

Свенцицкая Наталья Сергеевна, гимназистка, жила в Алушке. Письма Чехова к Свенцицкой неизвестны. В *ГБЛ* хранится одно письмо Свенцицкой к Чехову 1900 г. — 555

Свербеева С. Д., помещица, жившая в Серпухове — 48, 293, 294

«*Свет*», газета политическая, экономическая, выходила в Петербурге ежедневно в 1882–1917 гг., редактор В. В. Комаров — 10

«*Северные цветы*», альманах, выходил в Москве в 1901–1905 гг. в издательстве «Скорпион» под фактическим редакторством В. Брюсова; в нем печатался рассказ Чехова «Но-

чью» — 228, 249, 532

«Северный край», газета политическая, общественная и литературная, выходила ежедневно в Ярославле в 1898–1905 гг., издатель-редактор Э. Г. Фальк — 36, 283

«Северный курьер», газета общественная, политическая и литературная, выходила ежедневно в Петербурге в 1899 (ноябрь) — 1900 гг., издатель-редактор В. В. Барятинский, соредактор К. И. Арабажин — 10, 80, 259, 424, 547

Семанов Прокофий Андрианович (Андрианов), староста с. Мелихова — 31, 275

Семенович Владимир Николаевич (1861—?), инженер, владелец имения Васькино, близ Мелихова. См. т. 6 Писем — 31, 275

Семенович Евгения Михайловна, жена В. Н. Семеновича. См. т. 6 Писем — 31, 275

Сенкевич Генрик (1846–1916), польский писатель — 386

«Крестоносцы» — 113, 386

* Сергеев Алексей Петрович (Алеша) (1886—?), сын П. А. Сергеев, впоследствии литератор, толстовец. Публикуемое письмо Чехова к Сергееву единственное. В ГБЛ хра-

няются 2 письма Сергеенко к Чехову 1900 г. — 130, 408

Сергеенко Марина Петровна, дочь П. А. Сергеенко — 130, 332, 408

* *Сергеенко* (псевдоним — Бедный Йорик) Петр Алексеевич (1854–1930), литератор, публицист, соученик Чехова по гимназии. См. т. 1 Писем — 70, 78, 114, 119, 130, 251, 280–283, 323, 327, 331–333, 387, 395, 408

«Сократ» — 70, 77, 323, 331

Сергей Никодимович — см. *Кондаков* С. Н.

* *Сергей Феоктистович* (фамилия не установлена). Публикуемое письмо Чехова к нему единственное; в архиве Чехова писем этого лица нет — 16, 251, 264

* *Серов* Валентин Александрович (1855–1911), художник; познакомился с Чеховым в ноябре 1900 г., написал его акварельный портрет. Публикуемое письмо Чехова к Серову единственное. В ГБЛ хранятся 5 писем Серова к Чехову 1900 г. — 141, 249, 420, 421, 559, 561

Серпуховская уездная земская управа — 47, 48, 250, 253, 293, 294

* *Симиренко* Лев Платонович, владелец са-

дового заведения близ Киева. Публикуемое письмо Чехова к Симиренко единственное. Писем Симиренко в архиве Чехова нет — 59, 250, 306

Синани Абрам Исаакович (?—1900), студент, сын И. А. Синани. Упоминаемое письмо Чехова к Синани единственное. В ГБЛ хранится одно письмо Синани к Чехову 1899 г. — 137, 148, 155, 415, 430, 557

Синани Анастасия Борисовна, жена И. А. Синани — 155

Синани Исаак Абрамович (?—1917), ялтинский книготорговец, близкий знакомый Чехова. См. т. 8 Писем — 67, 69, 90, 94, 136, 137, 148, 155, 156, 160, 174, 179, 310, 319, 332, 338, 353, 467

Сиротин Владимир Александрович (?—1903), таганрогский домовладелец, бывший военный, гимназический товарищ Чехова. См. т. 7 Писем — 55, 301, 546

«Скорпион», издательство, существовало в Москве в 1900–1916 гг., принадлежало С. А. Полякову, в 1901–1905 гг. издавало альманах «Северные цветы» — 228, 249, 532

Слепцов Василий Алексеевич (1836–1878), писатель — 8, 257

Словарь русского языка, составленный Вторым Отделением имп. Академии наук, тт. 1–6, 8, 9; начал выходить в 1891 г. — 33, 278

Смирнова Анфиса, с октября 1899 г. вторая учительница Талежского училища — 48, 294, 546

«*Снегурочка*» — см. *Островский А. Н.* «Снегурочка»

Соболевская Варвара Васильевна (Варя), дочь В. М. Соболевского — 18

Соболевская Наталья Васильевна (Наташа), дочь В. М. Соболевского — 18, 79, 80, 334

* *Соболевский Василий Михайлович* (1846–1913), юрист, публицист, издатель-редактор газеты «Русские ведомости». См. т. 4 Писем — 17, 79, 265, 334, 335, 501

Соболевский Глеб Васильевич, сын В. М. Соболевского — 18

Соколов Михаил Иванович, садовник в Ялте. Письма Чехова к Соколову неизвестны. В ГБЛ хранятся 5 писем Соколова к Чехову 1900 г. — 551

Соколовский Николай Николаевич (Николаша) (1864–1920), друг семьи Книппер, профессор Московской консерватории по классу

гармонии — 21, 162, 170, 267, 447, 455

Сократ (470/469-399 до н. э.), древнегреческий философ — 70

«*Сократ*» — см. *Сергеенко В. А.* «Сократ»

Солдатенков Кузьма Терентьевич (1818–1901), московский книгоиздатель и коллекционер. См. т. 6 Писем — 32, 517, 562

Соловцов (наст. фам. — Федоров) *Николай Николаевич* (1857–1902), актер, режиссер, антрепренер. См. т. 3 Писем — 173, 220, 248, 461, 522, 523

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), философ-идеалист, поэт, литературный критик — 58, 264, 305, 363, 448, 532, 555

«Под пальмами. Три разговора о мирных и военных делах»

(«Три пальмы») — 58, 305

Соловьева (в замуж. Березина) *Ольга Михайловна*, владелица крымского поместья Суук-Су. Упоминаемое письмо Чехова к Соловьевой единственное. В ГБЛ хранятся 5 писем и одна телеграмма Соловьевой к Чехову 1902 и 1903 гг. — 14, 20, 199, 237, 263, 267, 370, 467, 484, 492, 543, 562

Соня — см. *Чехова С. В.*

Софья Федоровна — см. *Лаврова С. Ф.*

Спасович Владимир Данилович (1829–1906), юрист, публицист, общественный деятель — 85

Средин Александр Валентинович, художник, брат Л. В. Средина — 564

Средин Анатолий Леонидович, сын Л. В. Средина. Письма Чехова к А. Л. Средину неизвестны. Писем А. Л. Средина в архиве Чехова нет — 92, 164, 357

* *Средин Леонид Валентинович* (1860–1909), ялтинский врач, близкий знакомый Чехова. См. т. 5 Писем — 9, 53, 67, 68, 92, 124, 136, 155, 162, 163, 169, 182, 204, 320, 348, 357, 413, 415, 439, 440, 447, 449, 454, 473, 556

Средина Зинаида Леонидовна, дочь Л. В. Средина — 124, 164

Средина Надежда Ивановна, мать Л. В. Средина — 45, 137, 155, 164, 179, 204, 414, 440, 449, 450

Средина Софья Павловна (1858—?), жена Л. В. Средина — 155, 164, 449, 469

Средины, семья Л. В. Средина — 21, 53, 137, 439, 467

Станиславский (наст. фам. — Алексеев)

Константин Сергеевич (1863–1938), создатель и руководитель Московского Художественного театра (совм. с Вл. И. Немировичем-Данченко), режиссер и артист. См. т. 8 Писем — 38, 47, 72, 98, 102, 104, 117, 148, 170–172, 183, 187, 188, 244–247, 254, 268, 278, 285, 287, 311, 317–323, 338–340, 344, 356, 364, 365, 368, 371, 376, 379–381, 391, 393, 399, 401, 410, 411, 413, 426, 430, 434, 435, 438, 444, 447, 453–459, 461, 464, 467–471, 473–477, 479, 482–485, 490, 498, 499, 502, 504, 506, 507, 509, 510, 513–515, 534, 535, 551

Станюкович Константин Михайлович (1843–1903), писатель, беллетрист и публицист — 60, 357

* *Стефановский* Павел Иванович, массажист, жил в Москве. Публикуемое письмо Чехова к Стефановскому единственное. В ГБЛ хранятся 8 писем Стефановского к Чехову 1899–1901 гг. — 143, 425

Страхов, брат Л. А. Авиловой — 136

«*Стрельна*», петербургский загородный ресторан — 17, 265

Суворин Алексей Алексеевич (1862–1937), сын А. С. Суворина от первого брака, журналист, с 1888 г. фактический редактор «Нового

времени». См. т. 3 Писем — 35, 208, 360, 506

* *Суворин* Алексей Сергеевич (1834–1912), драматург, беллетрист, публицист; с 1876 г. издатель газеты «Новое время» (см.). См. т. 1 Писем — 10, 32, 35, 36, 42, 50, 64, 70, 142, 149, 156, 208, 212, 216, 251, 258, 259, 268, 272, 277, 279–283, 286, 292, 295, 296, 313, 323, 324, 345, 360, 422, 424, 431, 441, 505, 506, 508, 511, 514, 516, 519, 520, 527, 530, 539, 541, 553, 559

«Вопрос» («Героиня») — 22, 23, 48, 49, 269, 295; Болотов — 22–24, 49; Варя — 22–24, 49; сеньора Венони — 22; Муратов — 23; Наташа — 23, 24; Ратищев — 22, 23; Юрьев — 24

«Маленькие письма» — 49, 277, 295, 296, 324

«Русский календарь А. С. Суворина» (1872–1916) — 10, 24, 259, 269

«Странное происшествие» — 10, 259

«Татьяна Репина» — 22, 269

Суворин Борис Алексеевич (Боря) (1879–1940), сын А. С. Суворина от второго брака. См. т. 3 Писем — 10, 24, 50, 71, 157, 208, 506

Суворин Михаил Алексеевич (1860–1936), сын А. С. Суворина от первого брака, журналист, ведал книжными киосками контрагент-

ства А. С. Суворина на железнодорожных станциях. См. т. 3 Писем — 35, 208, 506

Суворина (в замуж. Мясоедова-Иванова) Анастасия Алексеевна (Настя) (1877? — после 1922), дочь А. С. Суворина от второго брака. См. т. 3 Писем — 10, 24, 50, 71, 142, 157, 208, 259, 269, 281, 422, 506

Суворина (урожд. Орфанова) Анна Ивановна (1858–1936), вторая жена А. С. Суворина. См. т. 3 Писем — 10, 24, 36, 50, 71, 142, 157, 208, 279–282, 506

Сулержицкий Леопольд (Лев) Антонович (1872–1916), театральный деятель, режиссер, художник; с 1905 г. режиссер Московского Художественного театра, знаком с Чеховым с 1900 г. Автор воспоминаний о Чехове: «Чехов и Станиславский» («Театральная газета», 1914), «Из воспоминаний об А. П. Чехове в Художественном театре» («Альманах», 1914, кн. 23). Известно 3 письма Чехова к Сулержицкому. В ГБЛ хранятся 12 писем Сулержицкого к Чехову 1900–1904 гг. — 172, 201, 357, 384–386, 406, 433, 439, 446, 452, 453, 458, 493, 553

Сумбатов — см. Южин А. И.

* *Сухомлинов* Михаил Иванович

(1828–1901), историк литературы, академик. С 1899 г. — председатель Второго Отделения Академии наук и учрежденного при ней Разряда изящной словесности. Публикуемое письмо Чехова к Сухомлинову единственное. В архиве Чехова имеется 4 письма Отделения Академии наук, подписанные Сухомлиновым как председателем — 26, 27, 84, 271, 312

Сыромятников (Сигма) Сергей Николаевич (1864–1934), журналист, сотрудник газеты «Новое время», с конца 1896 г. редактор газеты «Русь» в Петербурге — 11, 30, 260, 277

«Инженерные капризы» — 11, 260

Таганрогская городская библиотека, была открыта в 1876 г. — 134, 144, 237, 270, 276, 296, 313, 314, 329, 331, 341, 354, 359, 412, 425, 520, 521, 543

«*Таганрогский вестник*», политическая и общественно-литературная газета Приазовского края, выходила в 1882–1916 гг.; в 1901–1910 гг. — издатель К. Л. Чумаченко — 91, 313, 354

Талежское училище, выстроено в 1896 г. на средства Чехова в селе Талеже Серпуховского уезда — 47, 48, 294, 295, 546, 547

Тараховская (урожд. Пригожева) Ф. С., врач, жена А. Б. Тараховского — 55, 56, 110, 145, 301, 382, 427

Тараховские, дети А. Б. Тараховского — 56, 382

* *Тараховский* Абрам Борисович, журналист, сотрудник газет «Таганрогский вестник» и «Приазовский край». См. т. 7 Писем — 55, 56, 61, 65, 110, 145, 221, 222, 276, 300, 301, 308, 309, 313, 340, 382, 427, 524, 525, 546

Тарнавский Нестор Тимофеевич, знакомый Н. М. Ежова, бывший нотариус, затем учитель русского языка — 64, 312, 313

Татаринова, была привлечена к суду по обвинению в убийстве своего ребенка — 49, 296

Театр Корша — см. *Русский драматический театр*

Театрально-литературный комитет при Дирекции императорских театров, существовал с 1855 г. См. т. 3 Писем — 39, 286

Телешов Николай Дмитриевич (1867–1957), писатель. См. т. 8 Писем — 32, 423

* *Терентьева* Мария Федоровна, учительница Мелиховской школы. См. т. 8 Писем — 31, 251, 274, 406, 544

Терентьева, мать М. Ф. Терентьевой — 31
Терещенко, ялтинский домовладелец —
233, 539

* *Тетерев* (псевдоним — А. Епифанский)
Александр Артамонович, в 1899–1902 гг. со-
трудник газеты «Смоленский вестник». Пуб-
ликуемое письмо Чехова к Тетереву един-
ственное, в архиве Чехова писем Тетерева
нет — 206, 251

Тихомиров Дмитрий Иванович (1844–1915),
деятель народного образования, редактор
журнала «Детское чтение», знакомый Чехо-
ва — 56

Тихомиров Иосафат Александрович
(1872–1908), в 1898–1904 гг. — актер и режис-
сер Московского Художественного театра; в
пьесах Чехова исполнял роли Медведенко
(«Чайка»), Федотика («Три сестры») — 181, 247,
461, 462, 468, 471, 474, 477, 510

Тихомиров, ялтинский домовладелец —
186

Тихомирова Александра Александровна,
сестра И. А. Тихомирова — 181

Тихонов (псевдоним — Мордвин) Влади-
мир Алексеевич (1857–1914), писатель. См. т. 2

Писем — 96, 361, 362

* *Тихонова* Екатерина Владимировна, жена В. А. Тихонова. Публикуемое письмо Чехова к ней единственное. В *ГБЛ* хранятся два письма Тихоновой к Чехову 1900 г. — 96, 361, 362

Тойман (Шитохина) Маргарита («венгерка»), арфистка и сочинительница музыкальных произведений для арфы — 104, 373

Толстая (урожд. Берс) Софья Андреевна (1844–1919), жена Л. Н. Толстого — 171, 363, 455, 456, 516

Толстой Лев Николаевич (1828–1910) — 11, 29, 30, 40, 50, 58, 64, 167, 213, 250, 256, 264, 273, 274, 277, 279, 286, 296, 297, 305, 312, 315, 332, 333, 351, 352, 363, 370, 397, 403, 439, 448, 452, 453, 455, 456, 516, 531

«Воскресенье» — 30, 33, 50, 53, 250, 273–275, 296, 450; Катюша — 30, 53; Корчагина — 30; Нехлюдов — 30, 53; Федосья — 30; муж Федосьи — 30

«Крейцера соната». Послесловие — 11

«Семейное счастье» — 29

Сочинения, т. XVI, изд. 2-е, доп. М., 1900 — 50, 296

Тычинкин Константин Семенович, педагог,

сотрудник редакции газеты «Новое время», заведующий типографией издательства А. С. Суворина. См. т. 6 Писем — 208, 216

* *Тюфяева* (в замуж. — Пассек, затем Чоглокова) Вера Сергеевна (Верочка) (1882—?), постоянно жила в Петербурге, в 1900 г. была в Ялте и познакомилась с Чеховым. Известны 2 письма Чехова к Тюфяевой. В ГБЛ хранятся 2 письма Тюфяевой к Чехову 1900 и 1901 гг. — 84, 87, 104, 251, 331, 343, 349, 373

Улановы, братья, московские домовладельцы — 141

«Уложение о наказаниях» — 50

* *Ундольский* Павел Васильевич (отец Павел), священник в селе Мухалатка в Крыму. См. т. 8 Писем — 38, 41, 87, 232, 250, 284, 288, 347, 536, 538

Уоллес (Wallace) Альфред Рессель (1823–1913), английский натуралист — 65

«Чудесный век. Положительные и отрицательные итоги 19 столетия». СПб., 1900 — 65

Урусов Александр Иванович, князь (1848–1900), юрист и литератор. См. т. 4 Писем — 45, 359, 360, 532

Ушков Константин Капитонович, москов-

ский виноторговец, меценат, член Товарищества по учреждению Московского Художественного театра, пайщик театра, владелец имения «Форос» в Крыму — 141

* *Федоров* Александр Митрофанович (1868–1949), писатель, драматург; автор воспоминаний о Чехове в кн.: «Памяти Чехова» (1906 г.); «О Чехове» (1910 г.). Известно 5 писем Чехова к Федорову. В ГБЛ хранятся 10 писем Федорова к Чехову 1901–1903 гг. — 217, 235, 236, 251, 520, 541

«Старый дом». М., 1901 — 235, 236, 541

Стихотворения. СПб., 1898 — 236, 541

Федоров Виктор Александрович, сын А. М. и Л. К. Федоровых — 236, 541

Федорова Анна, жительница Ялты. Письма Чехова к Федоровой неизвестны. В ГБЛ хранятся 2 письма Федоровой к Чехову 1900 г. — 549

Федорова Лидия Карловна, жена А. М. Федорова — 236, 520, 541

Федотова (урожд. Позднякова) Гликерия Николаевна (1846–1925), с 1862 по 1905 г. актриса Малого театра — 47, 248, 293, 371, 378, 508

Фейгин Яков Александрович (?—1915), журналист, театральный рецензент, сотрудник газеты «Курьер». Письма Чехова к Фейгину неизвестны. В ГБЛ хранятся 5 писем Фейгина к Чехову 1900–1902 гг. — 57, 230, 328, 488, 507, 535, 564

Филиппов Дмитрий Иванович (1855—?), владелец булочной в Москве — 57

Флеров (псевдоним — Васильев С.) Сергей Васильевич (1841–1901), театральный критик, опубликовал в «Московских ведомостях» в 1887–1900 гг. ряд статей о Чехове. Публикуемое письмо Чехова к Флерову единственное. В ГБЛ хранится одно письмо Флерова к Чехову 1901 г. — 223, 226, 321, 322, 356, 410, 513, 527–529, 551

Фохт Александр Богданович (1848–1930), профессор патологической анатомии Московского университета — 8, 257

«*Фрегат Паллада*» — см. *Гончаров* И. А.

* *Харкеевич* (урожд. Сытенко) Варвара Константиновна (?—1932), начальница ялтинской женской гимназии. См. т. 8 Писем — 15, 20, 100, 104, 108, 109, 116, 117, 128, 155, 156, 160, 174, 179, 185, 188, 190, 223, 263, 267, 368, 373,

380, 467, 469, 477, 500, 526, 562

Харкеевич Манефа Николаевна, сестра мужа В. К. Харкеевич — 15, 20, 160, 267

Харченко Александра Гаврииловна, дочь Г. А. Харченко — 129, 408

* *Харченко* Гавриил Алексеевич (1857—?), знакомый семьи Чеховых, в Таганроге служил мальчиком в лавке П. Е. Чехова. См. т. 8 Писем — 129, 407, 408

Хлебников И. П., владелец предприятия по изготовлению серебряных, золотых и ювелирных изделий. Письма Чехова к Хлебникову неизвестны. В ГБЛ хранится одно письмо Хлебникова к Чехову — 156

* *Хмелев* Николай Николаевич, знакомый Чехова по земской деятельности в Серпуховском уезде. См. т. 6 Писем — 47, 251, 293, 295, 547

Хмелева Надежда Наумовна, жена Н. Н. Хмелева — 48, 295

Ходский Леонид Владимирович (1854–1918), экономист, статистик, с 1895 г. профессор финансового права Петербургского университета — 32

Холмская (наст. фам. — Тимофеева) Зинаи-

да Васильевна (1866–1936), актриса, антрепренерша, издательница, жена А. Р. Кутеля, в 1895–1903 гг. актриса петербургского театра Литературно-художественного общества — 210, 511, 514

* Худеков Сергей Николаевич (1837–1928), журналист, литератор, с 1871 г. редактировал и издавал «Петербургскую газету», в которой в 80-е гг. сотрудничал Чехов. См. т. 8 Писем — 9, 18, 251, 257, 265

Худекова (урожд. Страхова) Надежда Алексеевна, жена С. Н. Худекова, сестра Л. А. Авиловой — 9

Художественно-Общедоступный театр, Художественный театр — см. *Московский Художественный академический театр СССР им. М. Горького*

Цингер Иван Васильевич, сын профессора математика В. Я. Цингера; толстовец, рабочий сцены Московского Художественного театра. Письма Чехова к Цингеру неизвестны. В ГБЛ хранится одно письмо Цингера к Чехову — 51, 297, 548

«Ченчи» — см. Шелли П. Б.

Черинов Михаил Петрович (1838–1905),

врач-терапевт, профессор Московского университета — 29, 273

Чертков — 167, 176

* *Чехов Александр Павлович* («отче», «Седой», Сашечка, «таганрогский мещанин») (1855–1913), старший брат Чехова, писатель, сотрудник газеты «Новое время». См. т. 1 Писем — 27, 57, 73, 174, 175, 208, 238, 271, 272, 282, 303, 327, 328, 428, 461, 463, 543, 545

«Памяти Алексея Петровича Коломнина» — 174, 463

«Письмо в редакцию газеты „Одесские новости“» — 27, 272

«Профессор черной и белой магии» — 73, 328

Чехов Антон Александрович (1886–1921?), сын Ал. П. Чехова и А. И. Хрущовой-Сокольниковой — 74, 175

Чехов Владимир Иванович (Володя) (1894–1917), сын И. П. и С. В. Чеховых — 44, 72, 75, 100, 123, 128, 131, 161, 175, 202, 348, 368

Чехов Владимир Митрофанович (Володя) (1874–1949), сын М. Е. Чехова, двоюродный брат Чехова. См. т. 6 Писем — 134, 135, 222, 488

* *Чехов Георгий Митрофанович* (Жорж,

Жоржик) (1870–1943), сын М. Е. Чехова, двоюродный брат Чехова. См. т. 2 Писем — 66, 71, 74, 134, 195, 196, 222, 267, 315, 325, 412, 487, 488, 525, 526

* Чехов Иван Павлович (Ваня) (1861–1922), брат Чехова, педагог. См. т. 1 Писем — 19, 44, 72, 75, 123–125, 128, 131, 132, 161, 175, 202, 203, 228, 266, 290, 325, 329, 333, 348, 368, 370, 446, 463, 475

Чехов Михаил Александрович (1891–1955), сын Ал. П. Чехова и Н. А. Чеховой, впоследствии драматический актер — 74, 175

* Чехов Михаил Павлович (Миша, Мишель) (1865–1936), брат Чехова, литератор. См. т. 1 Писем — 35, 129, 208, 214, 216, 228, 249, 279–281, 283, 333, 348, 406, 407, 505, 516, 518, 520, 531

Чехов Николай Александрович (1884–1921?), сын Ал. П. Чехова и А. И. Хрущовой-Сокольниковой — 74, 175

Чехов Павел Егорович (Георгиевич) (1825–1898), отец Чехова. См. т. 1 Писем — 52, 62, 345

Чехов Сергей Михайлович (1901–1973), сын М. П. и О. Г. Чеховых, впоследствии художник — 208, 216, 505, 519

Чехова (в замуж. — Бренева) Александра Митрофановна (1877–1954), дочь М. Е. Чехова, двоюродная сестра Чехова — 134, 195, 222

Чехова Евгения Михайловна (Женя) (род. в 1898 г.), дочь М. П. и О. Г. Чеховых — 36, 208, 216, 283, 348

Чехова (урожд. Морозова) Евгения Яковлевна (1835–1919), мать Чехова. См. т. 1 Писем — 12, 14, 17, 19–22, 24, 27, 31, 32, 34, 36, 38, 40, 44, 57, 59, 60, 62, 66, 68, 74, 75, 77, 85, 104, 105, 107, 109, 112, 114, 116, 119, 120, 123, 128–133, 153, 155, 156, 158, 160, 162, 164, 167, 168, 171, 173, 175, 178, 179, 182, 185, 188, 190, 191, 194, 199, 208, 210, 212, 216, 222, 223, 226, 230, 235, 250, 251, 345, 357, 378, 387, 390, 396, 398, 406, 407, 409, 411, 416, 437, 439, 441, 449, 452, 457, 461, 467–469, 472, 477, 480, 481, 483, 484, 487, 492, 500, 527, 535, 542, 545, 546, 555, 562

Чехова (в замуж. — Касьянова) Елена Митрофановна (1880–1922), дочь М. Е. Чехова, двоюродная сестра Чехова — 134, 195, 222

Чехова (урожд. Маркевич-Евтушевская) Людмила Павловна (1841–1917), жена М. Е. Чехова — 134, 195, 222

* *Чехова* Мария Павловна (Маша, сестра)

(1863–1957), сестра Чехова. См. т. 1 Писем — 7, 10, 12–15, 20, 22, 24, 32, 36, 38, 43, 44, 52, 57–60, 62, 67, 71–75, 77, 78, 85, 86, 102, 105, 106, 108, 112–114, 119, 120, 123–125, 128, 129, 131, 132, 143, 146, 148, 149, 153, 154, 156, 158, 159, 162, 164, 168, 171, 173, 176, 178, 179, 182, 184, 185, 188, 193–196, 198, 199, 201–204, 210, 213, 221, 223, 226, 228, 230, 234, 236, 238—250, 251, 254, 255, 259, 263, 267–269, 273, 275, 280, 284, 289–291, 297, 302, 303, 306–309, 318, 319, 321, 325, 328, 330–333, 335, 336, 339, 340, 347, 348, 364, 366, 370, 371, 373, 375, 376, 378, 380, 381, 384–387, 389–391, 396, 406, 407, 410, 414, 416, 420, 421, 428, 429, 431, 433, 436, 437, 439–441, 443–445, 449, 450, 452, 457, 461, 463, 464, 467, 468, 472, 473, 475, 477, 478, 480, 481, 486, 487, 489, 491, 492, 496, 497, 499, 500, 511, 516, 524, 526, 529, 531, 534, 535, 540, 542, 543, 549, 562, 563

Чехова (урожд. Гольден) Наталья Александровна (?—1918), вторая жена Ал. П. Чехова. См. т. 5 Писем — 74, 175

Чехова (урожд. Владыкина) Ольга Германовна (1871–1950), жена М. П. Чехова. См. т. 6 Писем — 36, 208, 216, 283, 348

Чехова (урожд. Андреева) Софья Владими-

ровна (Соля) (1872–1949), жена И. П. Чехова, учительница — 44, 72, 75, 100, 123, 128, 131, 161, 175, 202, 348, 368

Чириков Евгений Николаевич (1864–1932), писатель; весной 1900 г. был в Ялте, встречался с Чеховым, автор воспоминаний о Чехове («Биржевые ведомости», 1914, июль; «Спологи», Берлин, 1922, № 12; «Сегодня», Рига, 1927, январь). Известно 52 письма Чехова к Чирикову. В ГБЛ хранятся 7 писем Чирикова к Чехову 1900, 1903 и 1904 гг. — 53, 298, 357, 522

«Провинциальные картинки» — 53, 298

Чирковское училище, в Серпуховском уезде — 47, 48, 547

* *Членов* Михаил Александрович (1871–1941), московский врач, дерматолог, впоследствии профессор Московского университета. См. т. 8 Писем — 177, 186, 251, 464, 465, 478, 556, 559

Чумиков Владимир Александрович, переводчик, жил в Германии. Письма Чехова к Чумикову неизвестны. В ГБЛ хранится 18 писем Чумикова к Чехову 1896–1902 гг. — 552, 558

Чюмина (в замуж. — Михайлова) Ольга Николаевна (1864–1909), писательница, по-

этесса, переводчица — 229, 522, 533

Шаврова (в замуж. — Юст; псевдоним — Е. Шастунов) Елена Михайловна (1874–1937), писательница. См. т. 4 Писем — 35, 278

Шакалов Василий, служащий на даче Чехова в Кучук-Кое. Письма Чехова к Шакалову неизвестны. В ГБЛ хранятся 3 письма Шакалова к Чехову 1899 и 1900 гг. — 550

Шакина (урожд. Цыплакова) Мария Тимофеевна (Маша), прислуга в доме Чехова — 85, 119, 203, 345, 396, 406, 497

Шанкс Джемс Стюарт (1829—?), владелец мануфактурного магазина в Москве — 77

Шапвалов Лев Николаевич (1871–1954), архитектор, строил дачу Чехова в Ялте, составлял архитектурный план строительства школы в с. Мухалатка — 38, 284, 288, 353, 441, 468, 546

Шапошников Александр Константинович, банковский служащий в Севастополе или Ялте. Известно одно письмо Чехова к Шапошникову. В ГБЛ хранится 21 письмо Шапошникова к Чехову 1900–1904 гг. — 387, 555

Шарпантье (Charpentier) Луи Артюр Альфонс (1836–1899), французский врач-гинеко-

«Беременность и туберкулез» (?) — 96

Шаховской Николай Владимирович, князь (1857–1906), в 1900–1902 гг. — начальник Главного управления по делам печати — 65

Шебуев Николай Георгиевич (1874–1937), литератор. Письма Чехова к Шебуеву неизвестны. В *ГБЛ* хранится одно письмо Шебуева к Чехову 1900 г. — 552

Шекспир Уильям (1564–1616) — 284

«Гамлет» — 284; Гамлет — 37, 284, 343

«Макбет»; леди Макбет — 171

Шелли Перси Биши (1792–1822)

Сочинения. Вып. 7. Ченчи. Пер. К. Бальмонта. М., 1899 — 33, 275

Шерон (Chéron) Жюль (1837–1900), французский врач-гинеколог — 96

«Введение к изучению общих законов подкожных впрыскиваний» (Introduction de l'étude des lois générale de l'hypodermie physiologique, thérapeutique. Paris, 1893) — 96

Шехтель Федор (Франц) Осипович (1859–1926), художник, академик архитектуры. См. т. 1 Писем — 165, 167, 181, 183, 451, 455, 500, 531, 536

Шешков Акиндин Алексеевич, московский домовладелец — 12, 22, 24, 32, 38, 59, 60, 62, 139, 140, 142–144, 147, 149, 182, 489

Шигалева Агафья Никитична, ярославская домовладелица — 36

Шишков Александр Семенович (1846—?), главный врач военного госпиталя в Батуми и Кутаиси. Письма Чехова к Шишкову неизвестны. В *ГБЛ* хранится одно письмо Шишкова Чехову 1900 г. — 551

Шишкова Наталья; письма Чехова к Шишковой неизвестны. В *ГБЛ* хранится одно письмо Шишковой к Чехову 1898 г. — 551

Шпет (Späth) Людвиг, немецкий садовод, занимался выведением сортов сирени — 74

Штангеева Ефросиния Федоровна (?—1900), вдова доктора Ф. Т. Штангеева, жительница Ялты, попечительница детского ночлежного и родительского приютов в Ялте — 63, 310

Щеглов И. Л. — см. *Леонтьев* И. Л.

* *Щепкина-Куперник* Татьяна Львовна (1874–1952), писательница, поэтесса, переводчица. См. т. 5 Писем — 37, 283, 479, 480, 493

Щербаков Арсений Ефимович, работник в

доме Чехова в Ялте. Письма Чехова к Щербакову неизвестны. В *ГБЛ* хранятся 18 писем Щербакова к Чехову 1900–1904 гг. — 32, 114, 123, 128, 130, 153, 155, 156, 160, 174, 178, 179, 182, 185, 188, 190, 191, 199, 234, 373, 437, 440, 445, 467, 472, 484, 557

Щукин (псевдоним — Воскресенский) Сергей Николаевич (1873–1931), священник и литератор, преподавал в ялтинской церковно-приходской школе — 31, 58, 77, 274, 331

«Глупости Ивана Ивановича» — 31, 58, 77, 274, 303, 331

Щукин Яков Васильевич (ок. 1856–1926), владелец театра и антрепренер; в апреле 1878 г. основатели Московского Художественного театра заключили с ним контракт о найме помещения для театра — 46, 292

Эберле (по первому мужу Мельникова, по второму — Мамонтова) Варвара Аполлоновна (Варя) (1870–1930-е гг.), подруга М. П. Чеховой и Л. С. Мизиновой, певица, режиссер Московской частной русской оперы Мамонтова в Москве — 35

Эдвардс Борис Васильевич (1861—?), скульптор — 234, 540

Эльсниц (Oelsnitz) Александр Леонтьевич (1849–1907), врач по образованию, был привлечен к суду по делу Нечаева, в 1871 г. эмигрировал в Ниццу, где занимался врачебной деятельностью; сотрудничал в «Русских ведомостях» и «Вестнике Европы» — 157, 158, 176, 442, 464

«*Эрмитаж*», ресторан и зрительный зал в Москве — 181, 302, 373, 408, 423, 487, 500, 536

Эртель Александр Иванович (1855–1908), писатель. См. т. 5 Писем — 85, 284

Эфрон Ефим, журналист и переводчик, жил в Вене. Письма Чехова к Эфрону неизвестны. В ГБЛ хранятся 2 письма Эфрона к Чехову 1901 г. — 564

* *Эфрос* Николай Ефимович (1867–1923), журналист, театральный критик, историк театра. См. т. 7 Писем — 143, 367, 370, 424, 439, 454, 479

«*Юг*», фотография в Ялте, владелец С. В. Дзюба (см.) — 147, 349

Южин (наст. фам. — Сумбатов) Александр Иванович, князь (1857–1927), актер, драматург, театральный деятель. См. т. 3 Писем — 22, 69, 138, 249, 269, 284, 416, 432

Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1900 — 138, 416

«Цепи». М., 1888 — 22, 269

Юлий Осипович — см. *Грюнберг Ю. О.*

Юрасов Николай Иванович, русский вице-консул в Ментоне, художник и литератор-дилетант, постоянно жил в Ницце. Письма Чехова к Юрасову неизвестны. В ГБЛ хранятся 7 писем Юрасова к Чехову 1898–1904 гг. — 154, 171, 183, 443, 474, 563

Яворская (урожд. Гюббенет, по мужу княгиня Бяратинская) *Лидия Борисовна* (1871–1921), драматическая актриса. См. т. 5 Писем — 212, 220, 514, 523

Якоби Валериан Иванович (1834–1902), художник — 153, 154, 438, 439

Яковлев (псевдоним — Язон) *Анатолий Сергеевич*, журналист, корреспондент газеты «Россия». См. т. 6 Писем — 93, 94, 146, 147, 358, 428, 429

«Большой московский пожар» — 147, 429

«В вагоне» — 93, 358, 429

Яковлев Сергей Павлович, сенатор и камергер, владелец типографии в Москве, отец А. С. Яковлева — 146, 147, 429, 557

* *Якубович* (псевдоним — Л. Мельшин) Петр Филиппович (1860–1911), писатель, литературный критик, революционер-народоволец. В 1887 г. судился по процессу «двадцати одного», был присужден к смертной казни, замененной каторгой. В 1895–1898 гг. в журн. «Русское богатство» печаталась его автобиографическая повесть «В мире отверженных». С Чеховым знаком с 1896 г. Публикуемое письмо Чехова Якубовичу единственное. В ГБЛ хранятся 3 письма Якубовича к Чехову 1896, 1900 гг. — 88, 92, 350, 351, 355

«Ялта», гостиница в Ялте — 95, 136, 226, 357, 359, 500

Ялтинская городская управа. Письма Чехова, адресованные Ялтинской городской управе, неизвестны. В ГБЛ хранится одно письмо управы к Чехову 1900 г. — 552

Ялтинское благотворительное общество — 8, 55, 91, 324, 354, 545

Ялтинское общество взаимного кредита. Письма Чехова в адрес общества неизвестны. В ГБЛ хранятся 3 письма Чехову от имени общества 1899, 1900 и 1903 гг. — 13, 561

Ярославский театр, старейший русский

театр, открытие его относится к 1750 г.; в 1911 г. ему присвоено имя Ф. Г. Волкова. Письма Чехова, адресованные Ярославскому театру, неизвестны. В архиве Чехова нет писем Чехову от администрации или труппы Ярославского театра — 558

Ярцев Григорий Федорович (1858–1918), врач и художник, ялтинский знакомый Чехова — 53, 500, 540

Ярцева А. В., жена Г. Ф. Ярцева — 563

Ясинский (псевдоним — Максим Белинский) Иероним Иеронимович (1850–1931), писатель, журналист, издатель журнала «Ежемесячные сочинения». См. т. 5 Писем — 92, 355

Яхненко Мария Яковлевна, ялтинская жительница, содержательница пансиона — 33, 43, 290

Яша — см. *Меньшиков Я. М.*

Charpentier L. A. A. — см. *Шарпантье Л. А. А.*

Chéron J. — см. *Шерон Ж.*

«*Crédit Lyonnais*» («Лионский кредит»), один из трех крупнейших коммерческих банков Франции, основан в Лионе в 1863 г., имел отделения во многих странах, в том числе в

России — 175

«*Hôtel Beau-Rivage*», гостиница в Ницце — 157, 441

«*Hôtel Bristol*», гостиница в Вене — 151

«*Hôtel Grimaldi*», гостиница в Ницце — 189, 193, 200, 437

«*Hôtel Prince de Galles*», гостиница в Ментоне — 177

«*Hôtel Russie*», гостиница в Риме — 197

«*Hôtel Vesuvio*», гостиница в Неаполе — 200

Masson et C-ie Editeurs, книжный магазин в Париже — 96

Иллюстрации

А. П. Чехов. Фото Опитца. Май 1901 г.
Диплом почетного академика, выданный А. П. Чехову Отделением русского языка и словесности императорской Академии наук 8 января 1900 г.

Отделение русского языка и словесности Императорской Академии Наук в собрании 8 января 1900 года
избрало

АНТОНА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА

в Почетные Академики по Службу изливной словесности
чирефденному в ознаменованне столетия со дня рождения
Пушкина

Президентъ

Императорской Академии Наук

Председательствующий в Отделении

русского языка и словесности, Академикъ И. Сухомлиновъ

**«Три сестры». Автограф. Действие III,
лист 1**

№14503

№163

Копия в редакцию...
18/10/18
1/8

К. Г. Давыдов
И. П. Давыдов

27. АЕК. 1900

Т Р И С Е С Т Р Ы

←-9990999-→

«Три сестры». Цензурный экземпляр первоначальной редакции с резолюциями цен-

III

Космиче Овсена и Кристина - Казанско и мантило поже
на, разгледана и писана. Третичи рад и м. За сре
ни' биш' и мантило по срези поже, предозаграна
и м зра даваме Казан, зра и даваме зра не мантило
смет. На даваме зра - Мама, и зра, мантило
на в зра мантило

(Космиче) Овсена - Кристина

Кристина Сигурно зрач' биш' мантило и зрач' мантило. А зрач'
фра - „мантило мантило, мантило, мантило, мантило зрач'
мантило...“ Мантило, мантило, мантило, зрач' мантило мантило, мантило,
мантило, мантило“ Мантило. И на зрач' мантило - зрач' мантило
мантило

Овсена (мантило мантило мантило) Мантило зрач' мантило
на мантило. И мантило мантило. Мантило мантило мантило - мантило мантило
мантило, мантило. Мантило зрач' мантило, мантило мантило мантило
мантило мантило мантило, мантило зрач' мантило... зрач' мантило.

(Кристина мантило мантило мантило) Мантило мантило мантило мантило
мантило. Мантило мантило мантило мантило мантило мантило мантило
мантило мантило - мантило мантило мантило мантило мантило мантило
мантило мантило, мантило мантило.

зоров

Письмо к О. Л. Книппер от 7 марта 1901 г.

1

манера говорить (*франц.*).

[^^^]

2

Далее зачеркнуто: о том, что по рассуждению

[^^^]

я все еще состою попечителем названного

[^^^]

4

покорнейше просить, ввиду расс<троенног>

[^^^]

5

больше

[^^^]

НИ

[^^^]

НИ

[^^^]

8

замене меня другим лицом.

[^^^]

мировой скорби (нем.).

[^^^]

Автограф поврежден.

[^^^]

Да здравствует Пенза! Да здравствует член
земской управы! Да здравствуют телесные на-
казания для мужиков! (*франц.*)

[^^^]

Далее оторвано до конца страницы.

[^^^]

Далее густо зачеркнута чернилами одна строка и затем следует вырванный оборот первой страницы.

[^^^]

Мещеринова — это длинно и неудобно. (
франц.)

[^^^]

Приветствую мою прекрасную. (*франц.*)

[^^^]

Поздравляю маму*, дядю*, Николашу*, актрису. Желаю счастья, денег, славы. (*франц.*)

[^^^]

Ваш преданный друг посылает искренние пожелания. Будьте счастливы. (*франц.*)

[^^^]

один (франц.).

[^^^]

Здоровье превосходно. (*франц.*)

[^^^]

В указатель входят личные имена и названия, упомянутые в письмах Чехова, а также в тексте «Несохранившихся и найденных писем». Имена, упомянутые только в примечаниях, в указатель не включены.

[^^^]